

УВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

# НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА XX век



1

ВЛАДОС





# НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА XX век

*В двух томах*

**Под редакцией**

**доктора исторических наук, профессора**  
***А.Ф. Киселева;***

**доктора исторических наук, профессора**  
***Э.М. Щагина***

*Издание второе, исправленное и дополненное*

## Том 1

---

*Рекомендовано Министерством образования  
Российской Федерации в качестве учебника  
для студентов высших учебных заведений  
обучающихся по специальности «История»*

---

Москва



2002

*Межвузовская научная программа  
«Русский язык, культура, история»*

**Рецензенты:**

кафедра истории России XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова  
(зав. кафедрой акад. Ю.С. Кукушкин);  
д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАО Ю.В. Журов

**Авторский коллектив:**

Предисловие – *А.Ф. Киселев, Э.М. Щагин*;  
Гл. 1, 2, 3, 4 – *В.Г. Тюкавкин*; Гл. 5 – *А.В. Лубков*;  
Гл. 6, § 1, 2, 3 – *А.В. Лубков*,  
§ 4, 5, 6 – *Э.М. Щагин*; Гл. 7, § 1, 2 – *А.Ф. Киселев*,  
*Ю.И. Кораблев*, § 3 – *А.Ф. Киселев*, § 4 – *А.В. Лубков*,  
§ 5 – *С.В. Константинов*; Гл. 8, § 1 – *С.И. Дёгтев*,  
§ 2 – *А.Ф. Киселев, С.В. Константинов*; Гл. 9 – *В.П. Попов*

Н72 **Новейшая история Отечества: XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – Т. 1. – 496 с.**

ISBN 5-691-00902-8.

ISBN 5-691-00903-6(I).

Учебник составлен с привлечением новых, ранее не использовавшихся источников. Авторский коллектив переосмысливает исторический опыт российского народа за последнее столетие, насыщенное драматическими, трагическими и великими событиями. Материал изложен в проблемном ключе, ориентирующем на объективность оценки явлений прошлого и настоящего России.

Предназначен студентам исторических факультетов гуманитарных высших учебных заведений.

**ББК 63.3(2)6я73**

- © Коллектив авторов, 2002
- © «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2002
- © Серийное оформление обложки. «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2002

ISBN 5-691-00902-8

ISBN 5-691-00903-6(I)

Предлагаемая книга подготовлена авторским коллективом профессоров и преподавателей Московского педагогического государственного университета в качестве заключительного компонента вузовского учебно-методического комплекса по курсу новейшей отечественной истории, хронологические рамки которой и XX столетия почти совпадают\*.

XX век по масштабности и драматизму всего произошедшего с Россией не имеет себе равных в многовековой истории народов нашей страны, да и, пожалуй, всего человечества. Первая половина его временного пространства вместила две мировые войны и трехкратные революционные потрясения основ жизни российского общества с их непредсказуемыми и весьма противоречивыми последствиями, а вторая, заканчивающая часть этого века, оказалась сопряженной с более длительной и весьма изнурительной новой войной – «холодной», с великим противостоянием сверхдержав – США и СССР, которое завершилось упразднением последней и коренным изменением вектора социально-экономической, политической и духовной эволюции новой России.

Полная, достоверная, а главное беспристрастная летопись этих и других событий у нас еще не написана. Причин тому много.

Во-первых исследователям, изучающим историю России XX века, приходится анализировать не давно минувшую эпоху, где каждое последующее столетие было действенной проверкой жизненности свершений последующего, а век, чьи достижения и потери не прошли еще должного испытания временем, – век, основным коллизиям которого суждено разрешиться в будущем.

Во-вторых, сама обстановка непрекращающейся ломки одних устоев общества и замены их другими чревата тем, что в научном и особенно в массовом историческом сознании старые, тиражируемые мифы механически вытесняются новыми, чаще всего прямо противоположного свойства.

---

\* Начальным звеном этого комплекса стала учебная программа курса «Новейшей истории Отечества», разработанная тем же авторским коллективом и опубликованная издательством «Магистр» в 1994 г. Следующая его составная часть – «Хрестоматия по Отечественной истории», охватывающая период 1914–1995 гг., выпущена в свет «Гуманитарным издательским центром ВЛАДОС» в 1996 г. в 2-х томах. Составителями и редакторами данного пособия являлись разработчики учебной программы. Они же стали и основными авторами настоящей книги.

Нечто подобное наблюдается в наши дни, когда под предлогом уяснения того, как России заново обрести свою историю, некоторые историки и публицисты, вроде геростратовски известного автора «Ледокола» и его российских единомышленников, пытаются деформировать, перелицевать историческую память народа.

В этих условиях главную свою задачу редакторы и авторы настоящего учебника видели в том, чтобы помочь студенту, изучающему историю России XX века, систематизировать полученные на занятиях и в процессе самостоятельной работы над историческими источниками, научной и научно-методической литературой знания, касающиеся недавнего прошлого нашей страны, составить достоверную картину наиболее важных событий и на данной основе уяснить закономерности исторического процесса.

Не подменяя конкретных ситуаций надуманными схемами и не ранжируя событий прошлого в угоду былой и нынешней политической конъюнктуре, как это нередко еще встречается в вузовской и школьной учебной литературе по новейшей отечественной истории, они стремились к тому, чтобы за всем многоцветием исторических фактов читатель увидел драму человеческих стремлений и поступков, идей и свершений.

Именно такое прочтение и видение прошлого способно убедить читателя в том, что нам не дано ни изменить этого прошлого и с вершин современного опыта – выносить ему тот или иной приговор. Важно прежде всего постараться понять его. Ведь еще беспокойный издатель «Колокола» рекомендовал перестать отдавать своих предшественников на копы за допущенные ими ошибки и просчеты.

В нашей современной литературе широкое распространение получила трактовка отечественной истории сквозь призму концепции так называемого догоняющего характера развития России в новое и новейшее время. Редакторы и авторский коллектив этой книги не разделяют такого подхода, полагая, что формула российского движения по пути общественного прогресса может быть понята и описана не столько через простое сопоставление с другими странами (как передовыми, так и отсталыми), сколько через выявление самобытности сил, его обуславливающих.

При этом весомым теоретическим подспорьем для них служили исторические наблюдения таких выдающихся мыслителей русского зарубежья 20–50-х гг. нашего века, как Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, Ф.А.Степун, Н.В.Устрялов и др.

В настоящем, втором издании учебника учтены в той или иной степени замечания и предложения, высказанные в отечественной печати и при экспертизе его наряду с другими пособиями Минобразованием РФ в июне 2001 г.



РАЗДЕЛ I

---

# Российская империя в начале XX века



## § 1. Демографический очерк

Рост  
населения

В 1897 г. была проведена Первая Всероссийская перепись населения, которая содержала много важных сведений о народах страны. Выяснилось, что население России увеличивалось значительно быстрее, чем в других государствах: с 1858 г. по 1897 г. оно выросло с 68 до 116 млн. чел., и к 1914 г. — до 163 млн. *(все сведения о населении приводятся без Польши и Финляндии)*. В первой половине XIX в. рост населения в России шел за счет высокой рождаемости, а в 1850—1910 гг. положение изменилось: впервые увеличение естественного прироста стало обеспечиваться снижением смертности. За этот период среднегодовая рождаемость уменьшилась с 52 человек на 1 тыс. жителей (52 промилле) до 50, зато более быстрыми темпами стала снижаться смертность: с 39 до 34 промилле. В итоге прирост увеличился с 11,5 промилле в 1850—1860 гг. до 16 — в 1900—1910 гг. или в 1,4 раза. Снижение смертности было вызвано улучшением условий жизни крестьян, развитием торговых связей, что уменьшало влияние местных недородов, успехами земской медицины, ростом сборов хлебов.

Важнейшим демографическим изменением на грани веков стал все ускоряющийся процесс опережающего роста городского населения, что привело к увеличению его доли с 9,2 % в 1858 г. до 12,5 в 1897 г. и до 14,3 % в 1914 г. В действительности доля горожан была значительно выше, поскольку многие городские поселения не имели статуса города, даже такие крупные, как Азов (27,5 тыс. жителей), Сергиев Посад (25), Юзовка (29), Кривой Рог (18 тыс.) и др. По переписи 1897 г. в империи было зарегистрировано 865 городов, а по данным МВД — 947. Кроме того, насчитывалось 1600 поселков городского типа. Наиболее быстро росло население крупных городов. В 1863 г. всего 3 города насчитывали свыше 100 тыс. жителей, в 1897 г. их стало 17, в 1914 г. — 29, в них проживало более 40 % горожан (9,4 млн.). В том числе два города имели более миллиона

жителей: Петербург (в 1914 г. – 2,3 млн.) и Москва (1,6 млн.). Однако большинство населения, свыше 80 %, проживало в сельской местности.

**Переселения и эмиграция** Неравномерно распределялось население и по регионам. Северная часть страны оставалась слабо заселенной, а в Азиатской России даже почти пустынной, и это соотношение почти не менялось. Зато значительные изменения происходили в распределении народов в южной части России. Если в 60-х – начале 90-х годов шла быстрая колонизация Новороссии, Предкавказья и Нижнего Поволжья, то с конца 90-х главным районом переселений стала азиатская часть – Сибирь и Степной край (сев. Казахстан) и частично Туркестан. С 1860 г. по 1914 г. население центральных и западных губерний России выросло на 90 %, а окраины с преимущественно русским населением дали более высокий прирост: Предкавказье 700 %, Новороссия 340, Сибирь свыше 300, Нижнее Поволжье 250 %. Быстро росло за счет миграций и население национальных окраин – Бесарабии на 300, в Средней Азии и Степном крае – на 420 %.

Общее количество переселенцев из центра на окраины в 1897–1914 гг. составило более 6 млн. чел. Только в азиатской части страны население выросло с 10 до 21 млн. чел., в значительной степени за счет переселения. Намного возросла и сезонная межрайонная миграция населения. Отход крестьян на заработки составлял 6 млн. работников в год. Наряду с внутренней миграцией стало возрастать переселение в Россию из-за рубежа. В 1890–1914 гг. в Сибирь самовольно переселилось более 200 тыс. китайцев и корейцев, а в Среднюю Азию мигрировало много уйгур, дунган, китайцев и др. Пресса стала писать о «желтой опасности», особенно для Дальнего Востока.

Миграции увеличили долю Сибири в народонаселении страны с 5 до 7 %, Новороссии – с 5,3 до 8,1, Средней Азии – с 4,2 до 6 %, а доля Европейской России сократилась с 84 до 74 %. Но самыми многолюдными оставались центрально-промышленный район – Черноземный центр – Украина – и Белоруссия. Плотность населения в губерниях этих регионов колебалась от 55 чел. на 1 км<sup>2</sup> до 83.

Вторым важным направлением переселений было перемещение населения в район быстрого развития промышленного производства – в Петербургский, Бакинский и район Донбасса. Анализ этого явления показывает, что сохранялась ведущая



роль центра в экономической и социально-политической жизни страны, но быстро возрастало значение окраин. Основными причинами переселений было малоземелье крестьян и относительное перенаселение деревень центрального региона, рост промышленности, а также наличие свободных плодородных земель на окраинах. Способствовала им прокладка железных дорог, которые удешевляли и облегчали переезд. Особенно большую роль сыграло строительство в конце XIX – начале XX вв. Великой Сибирской железной дороги и двух Туркестанских: Красноводск – Ташкент и Оренбург – Ташкент. В это были вложены огромные государственные средства.

С 90-х годов быстро росла и эмиграция, в организации которой (вербовке и перевозке) главная роль принадлежала тысячам тайных агентов и контор крупнейших мореходных компаний, главным образом германских и английских, получавших за это значительные прибыли. В 1900–1913 гг. было зарегистрировано около 3 млн. эмигрантов из России, в том числе 2,7 млн. переселились в США, остальные в Канаду, Швецию, Германию и другие страны. В потоке эмигрантов преобладали евреи (41 %), затем шли поляки (29 %), литовцы и латыши (9 %), финны и эстонцы (7 %), немцы (6 %), украинцы, русские и белорусы (7 %). Исследователи объясняли эмиграцию прежде всего экономическими причинами. Об этом же свидетельствует и социальный состав переселявшихся за океан: среди евреев-эмигрантов было более 60 % мелких ремесленников, которые могли жить во всех местностях. В России в черте оседлости 38,6 % евреев занимались торговлей, а среди эмигрантов их было всего 0,9 %. В то же время среди российских евреев, осевших в США, доля торговцев достигла 29 % (*по данным Еврейской энциклопедии, изданной в США*). Эмиграция не вела к уменьшению перечисленных национальностей в России, так как их естественный прирост был выше.

Анализ демографических показателей выявляет следующую особенность населения России: высокая рождаемость и большая смертность среди старших возрастов определили абсолютное преобладание молодого поколения. Дети до 14 лет составляли 33 %, лица от 14 до 30 лет – 32 %, а старше 60-ти – всего 7 %. Преобладало работоспособное население (60 % от 14 до 60 лет), что было очень важно для развития всего народного хозяйства. Быстрый рост населения создавал большие резервы рабочей силы, без чего было невозможно и быстрое развитие капитализма.

По мнению известного русского экономиста П. Струве, молодежь сыграла также большую роль в развитии революционного движения, ибо молодые были более податливы агитации, более решительны, не обременены семьями. В. Ленин в 1905 г. призывал смелее и шире «вербовать молодежь», указывая, что в военное время молодежь «решит исход всей борьбы». Это доказывают и данные судебной статистики. Среди осужденных за государственные преступления в 1901–1904 гг. несовершеннолетние (до 21 года) составляли 32 % и столько же лиц от 21 до 25 лет.

## § 2. Национальный состав

<b>Численность народов и религиозный состав</b>	В начале XX в. в России проживало более 200 народов. В бланках переписи 1897 г. введен только пункт о родном языке, что не совпадает с народностью. Всего выделено 146 языков и наречий. Самыми многочисленными были славяне, говорившие на 16 языках и наречиях. До 1917 г. термин «русские» употреблялся как общее название трех восточнославянских народов: великорусов (великороссов), малорусов (малороссов) и белорусов. Великороссов было 55,4 млн. (47,8 %), малороссов – 22 млн. (19 %) и белорусов – 5,9 млн. (6,1 %). Вместе они составляли абсолютное большинство населения – 83,3 млн. или 71,9 %. Из славян в России жили также поляки, сербы, болгары, чехи и др. На втором месте стояли тюркские народы: 4 млн. казахов и 3,7 – татар. В России была самая многочисленная еврейская диаспора – 3,8 млн. чел. (3,3 % и еще 2 млн. жили в Польше). Шесть народов имели численность 1,4 – 1 млн. чел: латыши (1,4), немцы (1,4), молдаване (1,2), армяне (1,2), мордва (1,0) и эстонцы (около 1 млн.). Таким образом, только 12 народов насчитывали более 1 млн. чел. каждый, и они составляли 90 % населения.
---	---

Главную роль в развитии российской государственности играли русские (великороссы), которые все более расселялись по всей стране, осваивая новые незаселенные земли. Благодаря присущим им чертам национального характера, прежде всего человеколюбию и уживчивости, они дружно жили с местными народами, поддерживая с ними добрососедские отношения. Русский народ нес основную нагрузку создания единого экономического и культурного пространства и государственного

строительства на территории огромной страны. В экономической колонизации окраин принимали активное участие также украинцы, белорусы и другие народы.

Статистические данные показывают, что в России не было вымирания инородцев. За 300 лет освоения Сибири русским население ее национальных районов неуклонно возрастало. В 1622 г. оно составляло 173 тыс. чел., в 1858 г. – 648, по переписи 1897 г. – 871 и в 1911 г. – 973 тыс. чел. Основной прирост дали крупные по численности народы: число бурят с 1897 г. по 1911 г. увеличилось с 289 до 333 тыс., якутов – с 226 до 245, сибирских татар – с 176 до 208 тыс.

Россия сохранила большое число малых народностей, насчитывающих всего несколько тысяч или даже несколько сот человек. Малочисленность этих народов и расселенность в отдаленных замкнутых районах, родственные браки, отсутствие врачебной помощи не способствовали их быстрому увеличению, но не наблюдалось и их уменьшения. После переписи 1897 г. до 1911 г. несколько сократилась численность только четырех народностей: вогулов (манси) с 7476 до 6814 чел., камчадалов с 2805 до 2182, гиляков с 4649 до 4298 и юкагиров с 754 до 723 чел. У остальных отмечалось небольшое увеличение.

Российское законодательство было одинаковым для всех народов в том отношении, что все считались подданными царя, но было различие в религиозном плане. В России жили 87,1 млн. православных (76 % населения); 13,9 млн. мусульман (11,9); 3,6 млн. иудаистов (3,1); 1,5 млн. католиков (1,2); 2,4 млн. протестантов (2 %). Остальные исповедовали буддизм (преимущественно – ламаизм), шаманизм, конфуцианство, старообрядчество и др. Лица нехристианских религий официально именовались инородцами. В более точном юридическом толковании к ним причисляли «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые и по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение». Таких насчитывалось 6,6 %, но они управлялись до конца империи Уставом 1822 г. об инородцах, разработанным М. Сперанским. Для них государственные налоги заменялись особым сбором (ясаком, подать со скота, кибиточная подать и др.). Они пользовались правом управления и суда по своим обычаям, своими выборными родовыми старшинами и родоначальниками, а общим судам были подсудны только за тяжкие преступления.

К началу XX в. закончилось образование единой Российской империи, было достигнуто геополитическое равновесие ее границ. Сформировалось уникальное государство, многонациональное население которого объединялось общностью исторически сложившихся судеб, этнических и экономических связей, государственных границ. Постоянные перемещения населения, усилившиеся в последние десятилетия, привели к широкому территориальному смешению этносов, к размыванию этнических границ, многочисленным межэтническим бракам. Этот сложный организм трудно было разделить без ущемления прав отдельных народов.

Тем не менее, экономическое и культурное развитие национальных окраин, рост национального самосознания требовал от правительства более гибкой национальной политики, расширения прав национальностей прежде всего в области культуры. За отделение выступали лишь польские, частично финские и западно-украинские сепаратисты.

Некоторые движения проходили под религиозными лозунгами и поддерживались церковными организациями. Поэтому в России с 1903 г. готовились законопроекты о веротерпимости — закон был принят в начале 1905 г. Манифестом 17 октября 1905 г. была провозглашена свобода вероисповедания.

Покровительством царизма пользовалась православная церковь, что признавалось официально, но существовала веротерпимость по отношению к другим религиям. Гонениям подвергались некоторые секты, до 1905 г. ограничивались права староверов, особые законы существовали о лицах иудейского вероисповедания. Многие представители правых партий считали, что полное подчинение православной церкви государству привело к бюрократизации ее, к потере былого авторитета среди широких масс населения. Церковные круги настойчиво ставили вопрос о восстановлении патриаршества, но этому противился обер-прокурор Синода К. Победоносцев.

В России не было никаких ограничений для мусульман. Они сохраняли традиционные формы правления, избирали старост (аксакалов), сборщиков налогов, судей, руководствовались в своем быту шариатом. Существовали специальные управления (духовные собрания) и муфтии, ведавшие делами мусульман и финансировавшиеся МВД.

Почти во всех населенных пунктах мусульман были мечети и молитвенные дома, при мечетях действовали начальные шко-



лы, открывалось много новых средних и высших школ — медресе. Русское правительство оставило в неприкосновенности вакфы — движимое и недвижимое имущество, завещанное мечетям. Мусульмане были освобождены от воинской повинности. Прирост населения в Средней Азии, Казахстане, Азербайджане шел более быстрыми темпами (свыше 2 % в год), чем в среднем по стране. Никаких столкновений между мусульманами и русскими на религиозной почве не было. В начале XX в. в Баку, Казани, Крыму возникают националистические организации, проповедующие объединение народов на основе ислама. Они пользовались поддержкой части мусульманского духовенства, интеллигенции и буржуазии. В конце 1905 г. был создан первый всероссийский съезд мусульманских народов.

В начале XX в. обострился «еврейский вопрос», сущность которого заключалась в существовании «черты оседлости» в пределах 10 польских и 15 российских губерний, а также «процентных норм» поступления евреев в средние и высшие учебные заведения. Ограничения имели религиозный характер: они касались только лиц иудейской религии. Среди крещенных евреев встречались крупные чиновники, военные чины, придворные. Генерал М. Грулев исполнял обязанности военного министра, С. Гершельман был московским генерал-губернатором, К. Кауфман — Туркестанским, его сын Кауфман-Туркестанский — министром, П. Гессе — дворцовым комендантом и т. д. К началу XX в. увеличилась прослойка богатых евреев-иудеев, изменилось ее положение в черте оседлости и вне ее, особенно в столицах. Вне «черты» имели право жить лица иудаистского вероисповедания с высшим образованием, купцы I гильдии и их приказчики, медицинские работники (фельдшеры, дантисты, провизоры и пр.), мастера и ремесленники (механики, портные, ювелиры, парикмахеры и пр.). Эта категория евреев все более увеличивалась, распространяясь по всей империи. Во многих городах существовали еврейские общины, были построены синагоги. Возросло экономическое и финансовое могущество многих представителей этой религии. Большим влиянием пользовались миллионеры Гинцбурги, Поляковы, Бродские, Высоцкие, Златопольские, Марголины, Рубинштейны и др. Многие получали дворянство (за благотворительность, за заслуги в развитии промышленности, торговли и т. п.), жили роскошно в столицах и крупных городах. Для богатых евреев

не составляло особого труда переехать во внутренние губернии, купив свидетельство I гильдии, или другим способом. Например, не ограничивалось число приказчиков, и можно было за деньги записаться к кому-либо из крупных дельцов. В Москве шутили, что у миллионера Лазаря Полякова было 50 тыс. приказчиков.

Одним из законных способов переезда в столицы или крупные города было получение высшего образования. Поэтому очень сильным было стремление евреев поступить в вузы. Русская интеллигенция сочувствовала этому стремлению, была крайне недовольна этими ограничениями, и поэтому введенные в 80-е годы XIX в. процентные «нормы» приема евреев в гимназии и вузы не соблюдались. При норме для студентов 3 % в столицах и 5 % – в городах вне черты оседлости евреи составляли по данным отчетов министерства народного просвещения в 1913 г.: в университетах – 9,2 %, в технических и технологических вузах – 8,9, в общественных коммерческих училищах – 24,6, в частных – 31,4 %. Евреи составляли большинство лиц свободных профессий, играли большую роль в банковском и биржевом деле, торговле, промышленности, прессе.

В этих условиях обострение еврейского вопроса шло в двух направлениях: евреи выражали открытое недовольство всеми ограничениями и стали бороться за их отмену, а сильные позиции евреев, их сплоченность и умение действовать в сфере коммерции и торговли вызывали ожесточенное сопротивление конкурентов. Евреи приняли широкое участие в революционном и оппозиционном движении. В 1903 г. Россию посетил лидер сионизма Т. Герцль и просил у министров поддержки сионистскому движению. Витте отвечал, что правительство не может не считаться с тем фактом, что евреи дают 50 % всех революционеров, составляя менее 5 % населения (это были официальные данные по западным и южным судебным округам, в других округах этот процент был ниже). Плеве, выслушав Герцля, дал письменный ответ, где указал, что сионисты могут рассчитывать на материальную или иную поддержку, если они будут заниматься переселением евреев в Палестину, но поскольку сионизм пытается создать из евреев государство в государстве, правительство будет этому препятствовать.

На Украине в конце XIX – начале XX вв. так- же росло националистическое движение, глав- ным образом, на религиозной почве. Западные украинцы в течение двух веков привыкли к униатской религии, которая постепенно и умело сближалась ксендзами и иезуитами с католичеством (остававшиеся пра- вославные церковные обряды были заменены католически- ми, священники готовились в католических учебных заведе- ниях и подчинялись Риму). В 1875 г. православная церковь провела «обратную унию»: было заключено соглашение двух церквей о переводе всех униатов (кроме тех украинцев, чьи земли входили в состав Польши и Австро-Венгрии) в право- славие, что вызвало недовольство отдельных прихожан и осо- бенно части униатских священников, не участвовавших в со- глашении. Католическая церковь даже провела «мирный крестовый поход» бродячих священников. В результате после введения свободы вероисповедания в 1905 г. от правосла- вия в западной Украине отошло 160 тыс. чел. из 470 тыс. быв- ших униатов. Униаты ориентировались на свое руководство в г. Львове, входившем в состав Австро-Венгрии. Этот город стал центром украинского национализма.

Идеологом отделения Украины выступал историк, проф. Львовского университета М. Грушевский, но его поддер- живали далеко не все. Ему возражал известный экономист С. Прокопович. Он писал, что признание права на отделение одной нации автоматически ведет к его признанию и за всеми другими народами, ибо нельзя принижать ни одну из народ- ностей. Это потребует создания на территории России более 150 государств. Сторонникам таких идей, отмечал Прокопо- вич «не приходит в голову простое соображение, что при та- ком вавилонском столпотворении Россия станет непроез- жей..., а это резко снизит возможность экономического роста».

М. Грушевский выдвинул версию, что Киевская Русь была колыбелью только украинского народа. Выдающийся украин- ский писатель и ученый Иван Франко писал в 1915 г.: «...не нужно на разных языках толочь и перемалывать фальшивые исторические конструкции проф. М. Грушевского, которых слабость и шаткость уже теперь чувствует каждый историк».

**О тезисе: Россия — тюрьма народов**

Таким образом, в России не существовало особых законов для великороссов и других ее народов. Отдельное законодательство об «инородцах» объяснялось особенностями их экономи-

ческого развития и кочевого быта: например, нормы наделения земель для них были больше, чем для русских переселенцев, не было денежного налога и т.д. В начале XX в. значительная часть этих народов уже перешла от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни и занятиям земледелием, что стало поводом к стремлению передать там участки для новоселов. В результате этого возникли земельные споры. В Польше и Литве сохранялось действие некоторых положений кодекса Наполеона, Финляндия получила Конституцию, свои органы исполнительной и законодательной власти, свою монету, армию, таможенную и многое другое, чего она не имела в составе Швеции. В Прибалтике преподавание в школах стали вести на местных языках вместо немецкого. Допускалось преподавание на национальных языках, наряду с русским языком, и на других окраинах.

Объективные факты истории доказывают, что несмотря на недостатки в национальной и религиозной политике, отмеченные выше, нельзя признать правильным утверждение В. Ленина (статья «Социализм и война», 1915), что Россия была «тюрьмой народов». Эта фраза позже приводилась в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и затем вошла во все учебники. Такое определение России было вызвано фанатичной политической борьбой Ленина с царизмом, стремлением использовать в борьбе за власть националистические элементы. Все народы развивались, сохранили свой язык и культуру, имели свою богатую элиту, свое духовенство и церкви, многие создали свою интеллигенцию.

В действительности русский народ нес основные тяготы и трудности. В центральной России крестьяне получили при освобождении меньшие наделы по сравнению с многими окраинами. Никакими привилегиями они не пользовались. Нужно добавить, что в России не было великорусской элиты. Все родственники царской семьи, как и сами цари, должны были по указанию Павла I заключать браки с лицами «королевской крови», т.е. с иностранцами, и все они были нерусскими. Точно также многие крупные сановники империи породнились с выходцами из других стран — Витте, Плеве, Штюрмерами, Фре-



дериксами, Меллер-Закомельскими, Бунге, Бенкендорфами, а также с поляками, татарами, украинцами, грузинами и дворянами других национальностей. Русское правительство сохранило привилегии и права всех ханов, беков, князей, шляхтичей, нойонов, баронов, тайшей и т.д. Они были приравнены к дворянам, имели власть над своими сородичами, назначались на высокие посты в центре и на местах. Многонациональной была также элита в области финансов, экономики, торговли, науки, культуры.

В России существовал имперский принцип равенства, который напомнил в Государственном Совете близкий ко двору и очень влиятельный сановник, бывший обер-прокурор Священного Синода, князь А. Оболенский при рассмотрении законопроекта киевского проф. Д. Пихно. Дело в том, что в 9 западных губерниях население на 97–98 % состояло из украинцев, а все крупнейшие помещики были поляки. По существовавшему же закону в Госсовет выбирали депутатов только крупные помещики, и все 9 депутатов оказались поляками. Пихно не без оснований считал это нарушением прав украинцев и предложил выделить поляков в отдельную курию, а большинство мест отдать малороссам. Но Госсовет не поддержал новый законопроект, чтобы не вносить избрания по национальному принципу. Выступая на заседании, А. Оболенский так сформулировал официальную точку зрения: «Основное начало нашей государственности заключается в том, что в Российской монархии есть Русский Царь, перед которым все народы и все племена равны... Он может спокойно сказать: «Мои поляки, Мои армяне, Мои евреи, Мои финляндцы. Все они – Его.» На этом основании Госсовет отклонил и законопроект Пихно, и законопроект П. Столыпина о введении земств в западных губерниях на основе выборов по национальным куриям.

### **§ 3. Социальная структура**

Рассматривая различные социальные группы, их материальное положение и духовную жизнь, нельзя отрешиться от вопросов и проблем, которые поставила история в первые 17 лет XX века: какие причины сделали возможным участие значительных социальных групп в трех революционных смутах? Была ли у царизма широкая социальная опора и почему она не выдержала натиска в 1917 г.? Какие факторы вызывали соци-

альные противоречия? Конечно, кроме этих проблем большое значение имели политические, экономические, военные, организационные и иные причины, но человеческий фактор, несомненно, сыграл большую роль в дальнейшей судьбе народа.

К концу XIX века в России еще сохранялось деление на сословия. К высшим сословиям относились дворяне, которых вместе с семьями было 1800 тыс. чел. (1,5 %), духовные лица – 600 тыс. (0,5), почетные граждане и купцы 1 и 2 гильдий – 620 тыс. (0,5). Самыми многочисленными были сословия крестьян – 97 млн. (77) и мещан – 13,4 (10,6), за ними шли инородцы – 8,3 (6,6), казаки – 2,9 (2,3), иностранные подданные – 600 тыс. чел. (0,5 %). Положение многих лиц уже не соответствовало их сословной принадлежности. Так, в городах перепись зафиксировала 7 млн. крестьян, которые не занимались сельским хозяйством или были связаны с ним сезонно. Появился рабочий класс, состоявший в основном из крестьян и мещан. Внутри мещан и крестьян возникли социальные группы бедных, богатых и средних по имущественному положению людей.

Поэтому, признавая существенные различия между сословиями по юридическим льготам и ограничениям, следует учитывать классификацию социальных групп по классовому положению. По подсчетам академика В. Немчинова, накануне 1917 г. социальная структура российского населения включала следующие группы (в процентах): рабочий класс – 14,8; крестьянство и ремесленники – 66,7; буржуазия и помещики – 16,3 (в том числе кулаки 11,4); интеллигенция – 2,2. В число рабочих Немчинов включил 3,5 % батраков, что почти совпадает с долей наемных сельскохозяйственных работников по переписи 1897 г.

**Дворянство** Ведущим сословием и опорой самодержавия по-прежнему считалось дворянство, о чем провозглашалось в официальных документах. Дворянство, действительно, было наиболее образованным и культурным слоем, из которого формировалась политическая элита государства. Но положение его в конце XIX в. настолько резко ухудшалось, и так заметно падало его значение, что по этому поводу было много публикаций и создавалось несколько комиссий и особых совещаний. Никаких серьезных мер не было принято, так как государство не имело достаточно средств для оказания действительной помощи дворянам. Из 1800 тыс. дворян две трети состав-

ляли потомственные и 600 тыс. – личные. Из потомственных дворян только половину составляли русские (вместе с малороссийскими и белорусскими), около трети – поляки, затем шли грузинские и татарско-тюркские (по 6 %), литовско-латышские, немецкие (по 2 %).

Экономической основой влияния дворянства с древних времен было землевладение. В России за небольшим исключением отсутствовала майоратная система, и земля наследовалась чаще всего всеми сыновьями. Богатейшие помещики спасались тем, что рождались браками с такими же крупными землевладельцами. Однако у большинства дворян происходило дробление имений между наследниками, за этим следовало разорение и потеря земли. Статистические данные свидетельствуют: в 1860-х годах у дворян было 87 млн. дес. земли, в 1877 г. – 73, в 1905 г. – 53, в 1914 г. – 40 млн. Уменьшилось и число помещиков: в 1877 г. по земельной переписи было зафиксировано 118 тыс. чел., а по такой же переписи 1905 г. – 107 тыс., что составляло менее трети всех дворян, остальные земли не имели. В чем же были причины разорения помещиков?

Первая причина заключалась в неприспособленности представителей этого класса руководить крупным капиталистическим хозяйством, а толковых управляющих было мало, многие из них воровали и тоже разоряли хозяев. Это ярко показано в пьесе А. Чехова «Вишневый сад».

Вторая причина была в том, что покровительственная политика правительства по отношению к промышленности больно била по земледелию. Государственные займы также шли на строительство железных дорог, в промышленность. Столбовой дворянин Б. Чичерин в статье, посвященной причинам падения роли дворянства, назвал таможенную политику податью, «налагаемой на земледельческий класс в пользу промышленного и притом в такое время, когда первый класс находится в критическом положении, а второй богатеет». Правительство пыталось что-то сделать для помещиков. Так, Дворянский банк выдавал ссуды под залог земли под 4,5 %, тогда как Крестьянский банк кредитовал крестьян под 6,5 %. Из-за подъема таможенных русских пошлин на промышленные товары Германия резко повысила пошлины на русский хлеб, и эта мера ударила в основном по помещикам и богатым крестьянам. Поднялись цены на удобрения, сельскохозяйственные машины и орудия, ввозимые из-за границы. Индустриализация страны в

начале века проводилась за счет крестьян и частично за счет помещиков.

К этим причинам прибавился массовый разгром помещичьих усадеб крестьянами в 1905–1907 гг. По официальным сведениям было сожжено и разграблено более 2 тыс. поместий, а по данным местных архивов исследователи насчитали более 4 тыс. уничтоженных имений.

Сгорели тысячи прекрасных зданий, часто настоящих архитектурных шедевров, погибли бесценные собрания рукописей, картин, книг, антикварной мебели, произведений искусства. Уничтожались хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, семенные фонды, скот, огромные материальные ценности. Громили усадьбы и помещиков-либералов, и правых, и крупных, и мелких, в том числе так называемые «образцовые» хозяйства, отличавшиеся высокой производительностью труда рабочих, применением новейшей техники и удобрений. После 1905 г. дворяне стали активнее продавать свои земли (ежегодно – более 1 млн. дес.), число поместных дворян значительно сократилось, к 1917 г. они составляли только четвертую часть всего дворянства. Государство оказало денежную помощь пострадавшим, но весь ущерб возместить было невозможно.

Тем не менее поместные дворяне все еще сохраняли огромные богатства. Земля, которая у них осталась, значительно поднялась в цене, и теперь 40 млн. дес. стоили в три раза дороже, чем 87 млн. в 1861 г. Но многие дворяне землю потеряли и выражали недовольство правительством.

Вторым источником богатства дворян были ценные бумаги, вклады в банках, руководящие посты в правлениях акционерных обществ и т. п. По переписи Петербурга в 1910 г. из 138 тыс. учтенных дворян 68 тыс., или около половины, жили доходами с ценных бумаг. Но большинство дворян-рантье жили довольно скромно. Многие помещики являлись владельцами заводов, построенных на их землях или купленных на доходы от поместий. Большинство этих промышленных предприятий (около 75 %) возникло после 80-х годов XIX в.

Важным источником дохода и политической силы дворян была государственная и военная служба, которая обеспечивала безбедную, а при высоких чинах даже комфортабельную жизнь. Дворянское происхождение создавало более благоприятные возможности для скорейшего прохождения чинов табе-

ли о рангах, но 5 октября 1905 г. Николай II подписал указ, который формально признавал лишь один образовательный ценз для занятия высоких должностей. Еще до указа многие должности занимались лицами недворянского происхождения, так как одно дворянство не могло обеспечить растущую потребность госаппарата в подготовленных и способных кадрах. После указа был открыт широкий доступ к государственной службе лицам всех сословий. В начале века в гражданских ведомствах потомственные дворяне составляли 72 % чиновников I–IV классов, 38 % – V–VII классов и только 22 % среди служащих IX–XIV ранга. В армии половину офицерского корпуса составляли потомственные дворяне, в том числе 90 % всех генералов и 75 % полковников. В 1906–1917 гг. тенденция к сокращению доли потомственных дворян в госаппарате усилилась, особенно заметно это произошло в армии в период мировой войны. Недворянские чиновники и офицеры уже не были горячими защитниками царизма.

Как видим, далеко не все дворяне имели основания защищать институт самодержавия, который привел к разорению многих из них. Дворянам казалось, что Николай II мог сделать для их материального обеспечения гораздо больше, а не ограничиваться полумерами и декларациями. Кроме того, в дворянскую среду проникли идеи либерализма. В земском либеральном движении руководство принадлежало дворянам. Все это свидетельствовало о том, что самодержавие теряло опору в массе дворянства, но, разумеется, не всех, хотя недовольство направлялось в основном против бюрократического аппарата во главе с правительством. Таким образом, само дворянство не было единым ни в экономическом, ни в политическом отношении. Дворяне принимали участие не только в руководстве правых партий и либералов, но и в партиях самого левого толка (В. Ленин, Г. Плеханов, Г. Чичерин, А. Коллонтай, Ф. Дзержинский, П. Кропоткин, В. Чернов, Н. Авксентьев, Е. Брешко-Брешковская и др.).

Дело усугублялось для самодержавия тем, что оно было против объединения дворянства в политически организованную силу. В результате только оппозиционная часть сплотилась в мощный блок. Защитники же самодержавия, оставаясь законопослушными, сами не организовывались политически. Даже после 1905 г. чиновники, служащие и офицеры не имели права участвовать в политических партиях и обществах, а они

могли составить значительную политическую силу, в основном дворянскую. Созданный в 1906 г. Совет объединенного дворянства был органом, вырабатывающим лишь программные требования, но не выполняющим руководящей организационной функции.

**Крупная буржуазия** В начале XX в. уже сформировалась как самостоятельная экономическая и политическая сила **крупная буржуазия**. В России 25 тыс. чел. получали доходы свыше 10 тыс. руб. в год в начале века и около 40 тыс. чел. в 1914 г. или с семьями примерно 250–300 тыс. чел. Это была небольшая верхушка буржуазии, заправлявшая основным капиталом. Быстрый рост преимущественно крупной буржуазии был обусловлен феноменальными темпами развития крупной промышленности.

Преобладающим (около 80 %) становится крупный акционерный капитал. В руководящие органы акционерных компаний в 1914 г. входило более 7 тыс. чел. Наибольший вес и влияние имели банковские воротилы. Источниками формирования деловой элиты страны были прежде всего купцы и потомственные почетные граждане. В 1914 г. около трети крупных предпринимателей принадлежали к этим сословиям. Несмотря на некоторое уменьшение их доли по сравнению с началом века, среди членов правлений и советов крупнейших коммерческих банков и компаний доминировали представители старозаветных купеческих фамилий: Рябушинские, Гучковы, Боткины, Второвы, Поляковы, Прохоровы, Елисеевы, Бахрушины и др., хотя уже заметное место заняли новые энергичные дельцы, особенно в Петербурге. Удельный вес потомственного дворянства в этой группе с начала века несколько понизился (примерно до 20 %), что объяснялось быстрым притоком дельцов из «низших» сословий (крестьян, мещан), а также из евреев, иностранцев и т.д. Тем не менее, влияние потомственных дворян, благодаря их богатству и родственным связям с высшими чиновниками, было значительным. В середине 1914 г. представители 123 аристократических фамилий занимали директорские и наблюдательские посты в 250 акционерных обществах. Среди них были князь В. Долгорукий, С. Голицын, А. Оболенский, В. Тенишев, С. Львов, графы В. Мусин-Пушкин, М. Ланской, М. Апраксин и др.

Около 1,5 тыс. чел. (20 %) возглавляли 2 или более обще-

ства, в том числе 350 чел. являлись членами или председателями правлений 4-х и более ассоциаций. Среди последних каждый третий был потомственным дворянином из бывших крупных чиновников.

К 1914 г. крупная буржуазия была в экономическом и особенно финансовом отношении самым могущественным классом российского общества. Ее значение увеличивалось влиянием на среднюю буржуазию. Она также тесно была связана с частью дворянства, с чиновничеством, которое она «подкармливала». У нее существовала мощная всероссийская организация в лице Совета съездов представителей промышленности и торговли и подчиненных ему союзов. В период революции 1905 г. проявилось определенное единство мнений промышленников и купечества в принимаемых и опубликованных петициях и резолюциях.

Хотя крупная буржуазия была многим обязана царю и правительству (таможенной политикой, крупными заказами по явно завышенным ценам, субсидиями и кредитами Госбанка, концессиями и пр.), она не стала активно их поддерживать в разгоравшейся революционной смуте. Лишь незначительная часть ее входила в монархические партии и организации, а октябристы и прогрессисты недолго сотрудничали с властями, добиваясь политических уступок для себя, не понимая, что крах тысячелетней российской государственности станет их концом. В связи с разобщенностью, недостаточной связью со средней буржуазией она сравнительно легко и быстро была разгромлена и подавлена большевиками. Как писал философ С.Франк, до 1917 г. трудно было представить, что «массовая экспроприация крупной, а отчасти «мелкой» буржуазии может быть осуществлена так легко, при таком слабом сопротивлении». Пока же в 1900–1917 гг. буржуазия быстро богатела, чувствовала себя хозяином жизни, позволяла своим политическим представителям фрондировать, чтобы взять под контроль правительственную политику.

<b>Крестьянство</b>	Самым многочисленным классом в России было
<b>России</b>	крестьянство. Оно также претерпело большие
	перемены в последние два десятилетия суще-
	ствования империи. В общероссийском плане эти перемены
	шли в основном в двух направлениях: во-первых, происходи-
	ло дальнейшее «раскрестьянивание», выражающееся в сокра-
	щении сельскохозяйственного населения и, во-вторых, более

ускоренными темпами шло расслоение крестьянства на разные по имущественному положению группы.

В 1897 г. в сельской местности в 50 губерниях Европейской России жило 81,4 млн. жителей или 87 % населения, но из них занимались сельским хозяйством только 69,4 млн. или 74 %. Другие 12 млн. показали своим основным занятием торгово-промышленную и иную деятельность, т.е. они перестали быть земледельцами. По статистике землевладения 1905 г. уже 17 млн. крестьян не занимались сельскохозяйственным трудом. В селах увеличивалась группа безземельных крестьян.

Раскрестьянивание происходило и в результате переселения крестьян в города. В Епифанском уезде Тульской губернии по данным подворной переписи 1911 г. ушедшие из деревни в конце XIX – начале XX вв. крестьяне распределялись так: до 1895 г. ушло 26 %, в 1896–1900 гг. – 14, в 1901–1905 гг. – 19 и за 1906–1919 гг. – 40 %. С каждым пятилетием уход из деревни нарастал. Часть из них уходила на окраины.

Расслоение крестьянства на группы бедняков, середняков и зажиточных крестьян приобрело в этот период новый характер. Помимо количественного роста слоя маломощных, и на другом полюсе – зажиточных хозяев, развивались и качественные изменения, связанные с товарно-рыночными отношениями. У бедняков это было интенсивное расширение сфер приложения труда: занятий промыслами, наем на временные работы, уход отдельных членов семьи на заработки и т.п. Для зажиточных хозяев было характерно применение наемного труда (чаще всего временного, сезонного, сдельного), покупка частной земли, приобретение усовершенствованных машин и орудий, удобрений, увеличение аренды. Таким образом, существование обоих слоев было взаимосвязано и взаимообусловлено, иначе беднота была бы обречена на полное обнищание и голодную смерть из-за непрерывного дробления наделов между наследниками-сыновьями, а сельские богачи и помещики не имели бы рынка наемного труда.

Прежде всего, расслоение было заметно по количеству наделной земли на двор. Самая большая разница в этом случае была между общинами различных регионов страны. Так, в земледельческом центре было много общин со средними наделами в 3–6 дес. на двор; в нечерноземной полосе по 7–10; в Поволжье по 12–15; в Новороссии по 15–20 и т.д. Общероссийские



данные и отражают именно районные различия, а также различия между категориями крестьян: бывшие помещичьи в среднем имели в 1905 г. наделы по 6,7 дес.; бывшие государственные – по 12,5; прибалтийские крестьяне – 36,9; башкиры – 28,2; казаки 52,7 дес.

Внутри общин наделная земля распределялась, как правило, более равномерно, пропорционально числу мужских душ, и благосостояние зависело от числа семейных работников, но чаще всего от размеров арендованной и купчей земли. Все данные обследований доказывают, что больше арендовали и покупали землю самые зажиточные дворы и тем самым усиливалась степень расслоения. Например, разница по обеспечению наделной землей внутри общин между бедняками (посев до 3 дес.) и зажиточными (посев более 10 дес.) была в 2–3 раза, по арендованной земле – в 5–10 раз, по купчей – в 50 и более раз (данные по уездам Пермской, Самарской и Саратовской губерний).

Тяжелым бременем на крестьян ложились налоги. Кроме прямых налогов, которые с 1901 по 1912 г. понизились с наделных земель на 20 %, на село приходилось большинство косвенных налогов, а последние постоянно росли. Только обложение водки выросло со 144 до 256 млн. руб., сахара с 27 до 46 млн. руб., табака, нефтяных продуктов, спичек – в полтора раза. Всех налоговых платежей на душу сельского населения в 1901 г. приходилось 8,7 руб., в 1912 г. – 10,18 руб. Однако доля налогов в процентах к доходу за эти годы понизилась с 28,7 до 23,7, что свидетельствовало о более быстром росте доходности хозяйств. По данным бюджетных обследований крестьян Воронежской губернии у бедняков прямые налоги составили 10 % дохода, у зажиточных – 5,4 %, а косвенных налогов больше приходилось на богатые дворы.

Наличие различных социальных групп затрудняет решение вопроса о том, происходило ли в среднем обнищание русского крестьянства в этот период. Крестьянские расходы на потребительские товары неуклонно увеличивались (почти в 2 раза за 10 лет), возрастали, и довольно значительно, денежные вклады крестьян в сберегательных кассах и кредитных кооперациях, росли заработки батраков и крестьян на отхожих промыслах. В 1900–1914 гг. увеличилось производство зерна на душу населения, а также производство мяса, молочных продуктов, яиц – даже с учетом экспорта.

Серьезным доказательством того, что крестьяне, в основном, не нищали, является постоянная покупка крестьянами помещичьих земель, особенно усиливающаяся в конце XIX — начале XX вв. К 1905 г. крестьяне купили 24 млн. дес. частных земель, а за 1906—1913 гг. еще 10 млн. Рыночная цена 10 млн. дес. составляла 1,5 млрд. руб. Земля продавалась Крестьянским банком в рассрочку, но и оплачиваемые первоначально и ежегодно платежи были огромны. Необходимо учитывать и тот факт, что Николай II своим Манифестом 3 ноября 1905 г. отменил взимание выкупных платежей за надельные земли, что значительно облегчило положение крестьянства, несмотря на рост налогов.

В среднем материальное положение крестьянства улучшалось. Однако общие данные не могут заслонить того факта, что были также большие группы крестьян, крайне плохо обеспеченные. Расчеты по величине посева и по количеству рабочих лошадей показывают, что в центре страны бедняков было от 30 до 50 %, а на Украине, в Поволжье — несколько меньше. Но с учетом заработков и доходов от промыслов и животноводства, можно считать бедняцкими, т.е. живущими впроголодь даже в урожайные годы, примерно четверть дворов в центре и 10—15 % — в остальных регионах. Острую нужду в земле испытывали гораздо больше: три пятых крестьян центральных губерний получали основные доходы от промыслов и заработков. Следовательно, в деревне существовала острая социальная напряженность, несколько миллионов крестьян были крайне недовольны своим положением и готовы были подняться на захват помещичьих земель. Настроение крестьян до 1915 г. не было антицаристским. При посещении царской семьей Саровской пустыни в 1904 г. около 300 тыс. крестьян приветствовали царя с большим энтузиазмом. То же повторялось в других поездках царя, особенно при объезде им ряда губерний к 300-летию Дома Романовых в 1913 г.

**Рабочий класс** В социально-экономической и политической жизни страны большую роль на рубеже веков сыграл рабочий класс. Основную его численность, по подсчетам историков, составляли следующие категории рабочих (в тыс. чел.):

Категории рабочих	1900 г.	1913 г.
Фабрично-заводские	1536	2467
Горной и горнозаводской промышленности	506	648
Железнодорожные	443	652
Судовые	155	172
Строительные	1000	1500
Лесные и чернорабочие	2000	3300
Мелкой промышленности (в том числе работающие на дому)	2000	3000
Сельскохозяйственные	4500	6500
<b>Всего</b>	<b>12181</b>	<b>18239</b>

Таким образом, рост численности рабочих (за 1900–1913 гг. в полтора раза) по темпам опережал рост населения страны. Основное ядро составляли рабочие крупной промышленности и транспорта. Именно в этих отраслях уже появились высокопрофессиональные и потомственные кадры пролетариата. Среди фабрично-заводских рабочих наиболее многочисленными были отряды текстильщиков (41 %), пищевиков (19) и металлистов (15 %).

Отряды рабочих остальных групп отличались большей текучестью, большей связью с сельским хозяйством, с мелкой буржуазией. Подсчет их произведен приблизительно, так как точных сведений нет.

Но даже исчисленные приведенные выше данные, которые являются максимальными, показывают, что рабочий класс в России составлял меньшинство населения.

Если же отдельно выделить ремесленников и кустарей и не включать сезонных сельскохозяйственных работников, как это сделал В. Немчинов, то доля рабочего класса в 1917 г. приблизится к высчитанной им цифре 14,8 %, что составляло около 26 млн. чел. с семьями. В последнее время исследователи выделяют средние слои, как переходные между пролетариатом и буржуазией, что представляется более правильным, нежели зачислять в рабочий класс ремесленников, прислугу, служащих, сезонных и временных наемных работников.

Важной особенностью развития России была концентрация рабочего класса на крупных предприятиях и в крупных индустриальных районах. В фабрично-заводской промышлен-

ности в 1900–1913 гг. численность рабочих на крупнейших предприятиях (свыше 1 тыс.) увеличивалась в 2 раза быстрее, чем на всех заводах и фабриках. В результате удельный вес их повысился с 31 до 39 %, что было выше, чем в других развитых странах (в Германии на аналогичных предприятиях в 1907 г. работало всего 10 % пролетариата). Другой особенностью фабрично-заводского пролетариата было размещение в крупных экономических центрах. В Петербурге было сосредоточено в 1913 г. 250 тыс. фабрично-заводских рабочих (10 %), среди них 42 % были металлисты, шедшие в авангарде революционного движения. Кроме того, в столице было много рабочих транспортных, строительных, мелких предприятий, чернорабочих, всего – 366 тыс. чел. Такая концентрация рабочих на крупных предприятиях и в крупных центрах (кроме двух столиц, это были Киев, Харьков, Екатеринослав, Рига, Одесса, Баку и др.) облегчала для социалистических партий проведение агитационной и организационной работы.

Рабочий класс России был моложе всех остальных социальных групп населения, отличавшихся преобладанием молодых возрастов. По переписи 1897 г. среди фабрично-заводских и горных тружеников 26 % рабочих были в возрасте до 20 лет, 55 % – от 20 до 39 лет и всего 19 % – от 40 лет и старше. Еще до войны происходило постепенное вытеснение мужчин женщинами, которые составляли в 1900 г. – 26, в 1913 г. – 32 % фабрично-заводских рабочих. Во время первой мировой войны удельный вес женщин возрос до 40 %.

Главным источником пополнения рабочего класса оставалось крестьянство. Исследователи подсчитали, что по некоторым районам среди крестьян, пришедших работать в промышленность, преобладали батраки и бедняки. Вторым источником стали семьи рабочих. В начале XX в. уже значительная часть рабочих была потомственной (по отцу). Наиболее высок их процент был в 1906–1913 гг. среди металлистов (свыше 50 %), затем в текстильной промышленности (от 40 до 50 %), наименьшим – в молодой нефтяной отрасли (около 30 %). Из всех слоев трудящихся именно городской пролетариат был сплоченным в большие коллективы. Как показало развитие революционного движения, наиболее активными его участниками были не бедные слои, а рабочие Петербурга и Москвы, где зарплаты были выше, и такие более обеспеченные отряды, как металли-

сты, железнодорожники, шахтеры, рабочие оборонных заводов. Все эти рабочие отличались более высокой грамотностью, большей политической сознательностью, склонностью к критической оценке своего положения в обществе и поэтому были более готовы к восприятию агитации социалистических партий. Если уровень грамотности мужчин в целом по стране в 1897 г. составлял 29 %, то среди рабочих он равнялся 60 %. В Петербурге в 1914 г. грамотными были 82 % мужчин и 56 % работниц. Среди фабричных рабочих Московской губернии в 1908 г. грамотных было 76 %. Они и являлись организаторами большинства стачек.

**Интеллигенция**      Значительно возросла роль интеллигенции в российском обществе. Этот слой включал в себя в основном людей образованных и занятых преимущественно умственным трудом. Бурное развитие промышленности, культуры, науки, рост госаппарата в начале XX в. требовали постоянного притока новых кадров. К началу XX в. интеллигенция насчитывала около 800 тыс. чел., что составляло вместе с семьями 2,2 % населения. Более точные сведения по переписи 1897 г. получены лишь об отдельных группах. Работники в области просвещения и медицины составляли 240 тыс. или 30 %, из них учителя – две трети. К ним примыкали ученые, актеры, литераторы, музыканты – 22 тыс., они вместе с юристами (12 тыс.) были самой политически активной частью общества. Всего в области культуры работала треть интеллигенции. Вторую группу составляли служащие в промышленности, финансовых заведениях, на транспорте и в сельском хозяйстве – 350 тыс. (44 %). Из них две трети находились на частной службе.

В последнюю немногочисленную группу входили служащие госаппарата (105 тыс.), армии (52), земств и городских дум (50). В начале XX в. особенно быстро росли ряды учителей (в связи с подготовкой всеобщего начального образования), интеллигенции в сфере производства, а в годы войны – офицерский корпус, служащие земств, городских дум, кооперации.

Интеллигенция также делилась на группы по социальному положению. Самой обеспеченной была буржуазная и так называемая цензовая (чиновники высоких рангов) интеллигенция. Основную же массу интеллигенции составляли народные учителя начальных школ, низшие служащие почт, телеграфа, студенты и др.

Политическое влияние интеллигенции усиливалось тем, что она концентрировалась в самых крупных городах и прежде всего в обеих столицах. В них были сосредоточены наиболее материально обеспеченные и квалифицированные верхи интеллигенции, влиятельные деятели культуры и науки. В Петербурге и Москве проживало 46 % ученых и литераторов страны, 30 – инженеров, 31 – актеров и художников, около 30 % – банковских работников. Немалое значение имело пребывание в них значительной части демократической интеллигенции, которая сыграла большую роль в широком распространении стачек в 1905 и в 1917 гг.: свыше 20 % железнодорожных и 11 % всех почтово-телеграфных служащих. Сочетание в столицах значительных масс наиболее революционно настроенных рабочих и политически активной интеллигенции таило для государства опасность, серьезность которой мало кто из правящей элиты представлял до 1905 г.

#### **§ 4. Материальное положение разных социальных групп**

Основными источниками дохода в XX в. был личный труд, на втором месте – торгово-промышленные предприятия, затем земля, городская недвижимость и денежные капиталы.

*У рабочих главным источником дохода была заработная плата.* Помимо нее доход состоял из приплат натурой («хозяйские харчи», или бесплатные обеды, предоставление жилья в фабричных домах или рабочих казармах), более или менее регулярно выдаваемых «наградных», приработка за сверхурочные работы и от собственного огорода. Большинство рабочих получали сдельную зарплату. По сведениям фабрично-заводской инспекции средняя по России зарплата за год составляла: в 1900 г. – 194 руб., в 1908 г. – 245, в 1913 г. – 263 руб. У металлистов, металлургов она доходила в 1913 г. до 500 (на Путиловском заводе – 610, у металлистов Петербурга – 546 руб.). Самые низкие зарплаты были у текстильщиков – 215 и у пицеевиков – 240 руб. Таким образом, средние месячные зарплаты колебались в 1913 г. от 18 (у ткачей) до 50 руб. (у металлистов). Начинаящие рабочие получали ниже средней зарплаты, квалифицированные – выше.

У рабочих, не относящихся к фабрично-заводской инспекции, заработки в 1913 г. были следующие: чернорабочие –

30 руб. в месяц, строители (столяры, штукатуры, слесари и др.) — 56, монтеры — 70–80, машинисты на железной дороге — 80–100 руб. В среднем с 1908 г. по 1913 г. зарплаты рабочих по стране поднялись на 7,5 %, а индекс всех розничных цен — на 5,3 %, т.е. росла и реальная зарплата. Доплаты к зарплате увеличивали ее примерно на 10–60 %. Железнодорожники бесплатно получали спецодежду, квартирное обеспечение, обучение детей в школе, пособия — всего на 20 % зарплаты. Выше всех доплаты были у нефтяников — керосин, мазут, квартирное довольствие, мыло, баня, наградные (всего до 60–65 % к окладу). На предприятиях пищевой промышленности действовали правила: в цехе можно есть сколько сможешь, но выносить запрещалось. Рабочий день на фабриках и заводах длился в среднем в 1905 г. — 10,2 час., а в 1913 г. — 9,9 час. На сверхурочных работах было занято около трети рабочих Петербургской губернии, в мелкой промышленности — почти две трети.

На мелких предприятиях, не подчиненных фабричной инспекции, рабочий день равнялся 11–12 час. и более. По закону, кроме воскресений устанавливалось 17 праздничных обязательных дней, т.е. рабочий год должен был составлять 296 дней, фактически он был равен на фабриках и заводах 275 дням (по подсчетам С. Струмилина). В тот период годовой рабочий график в США включал 305 дней, и интенсификация труда там была гораздо выше. Однако в 1908–1914 гг. в России также началось повышение интенсификации труда: увеличивалось число станков на одного рабочего, ускорялся ход станков, ручной труд все больше заменялся механизированным. Штрафы в среднем взимались 2 раза в год на одного рабочего, средние размеры штрафа — 1 руб. (за прогул без уважительных причин, за явку на работу в нетрезвом состоянии, за курение, за нецензурную брань и т.д.). После принятия закона 1886 г. о штрафах деньги шли на нужды самих рабочих.

С учетом доплат в 1913 г. минимальные среднемесячные заработки были у текстильщиков и пищевиков — в размере 20–30 руб. В этих отраслях было занято около половины пролетариата. Исследование бюджетов рабочих семей тех лет показывает, что средний годовой расход рабочего на питание составлял в 1914 г. 95 руб. или 8 руб. в месяц. Конечно, нужно учитывать, что отдельные группы получали по 10–15 руб., а другие — по 30–40 руб. и более, среди трудящихся были чаще подростки, женщины, ученики, подсобные рабочие, в основном, несемейные.

Всю эту группу с заработками до 40 руб. в месяц можно назвать низкооплачиваемой.

В группу среднеобеспеченных, которые могли прокормить семью и хорошо одеваться, входили рабочие с заработками (вместе с доплатами и приработками) в 40–60 руб. в месяц (480–700 руб. в год). Большинство их было в отрядах металлистов, металлургов, железнодорожников, печатников, шахтеров, нефтяников, которые вместе составляли около трети пролетариата фабрично-заводской и горной промышленности, но и там такие заработки получали лишь квалифицированные работники. В других отраслях тоже были отдельные категории высокооплачиваемых рабочих (мастера, механики, монтеры и т.п.).

В XX в. появилась и в России «рабочая аристократия» с высокими заработками в 70–100 руб. и выше (более 700 руб. в год). Ее доля среди фабрично-заводского пролетариата составляла 2–4 %, а по некоторым профессиям и заводам – до 10 %. Но она не сложилась в России в особую социально организованную группу, как это имело место в западноевропейских странах.

Представление об уровне жизни населения не может быть полным без указания цен на продукты, услуги и основные предметы потребления.

Среднегодовые цены в 1913 г. в Москве (кстати, в провинции, особенно в сельской местности и на Юге, продукты стоили дешевле, в Петербурге – чуть дороже), по данным статистических справочников, были следующими (в коп. за 1 кг):

Хлеб черный	–	5	Вино (1 л)	–	40
Хлеб белый	–	12	Ситец (1 м)	–	18
Мука ржаная	–	6	Сукно (1 м)	–	2,8 руб.
Мука пшеничная	–	7	Ботинки женские	–	4 руб.
Картофель	–	2	Полуботинки мужские	–	3 руб.
Говядина высшего сорта	–	50	Сапоги	–	7 руб.
Молоко (1 л)	–	8	Полушубок	–	15 руб.
Колбаса вареная	–	35	Билет в Большой театр	–	32 коп.
Колбаса копченая	–	75	Билет в кино	–	18–20
Чай (фунт)	–	150	Визит к врачу	–	20
Масло растительное (1 л)	–	32	Плата за обучение		
Масло сливочное	–	70–90	ребенка в школе	–	2 руб. в мес.
Крупа гречневая	–	9	Сервиз фаянсовый		
Водка (1 л)	–	30	на 12 человек	–	10 руб.

На питание тратилось в среднем, по материалам бюджетных обследований, у низкооплачиваемых одиноких мужчин



46 % заработка, у среднеоплачиваемых – 33, у семейных – 57 и 45 % соответственно. Более половины питалось дома, это считалось дешевле и вкуснее. Преобладала пища хлебно-овощная (щи, каша, хлеб, картошка, капуста). В рацион входило мясо, жиры, рыба, сахар. Фрукты почти отсутствовали, молочные продукты покупались главным образом семейными, имеющими детей.

Второе место занимали расходы на квартиру, отопление и освещение. Можно было снять по сравнительно дешевым ценам: «угол» (1 руб. в месяц в 1913 г. в Москве, в центре – дорожке), комнату (от 3 руб. и выше; в центре с прислугой – 11 руб.), снять или купить квартиру (квартплата в среднем 20 коп. за 1 м<sup>2</sup>) или дом.

Приведенные цены и зарплаты показывают, что в среднем рабочие могли неплохо питаться и найти жилье, но в то же время малооплачиваемые жили в плохих условиях в казармах, на мелких предприятиях часто ночевали в рабочих помещениях, а их питание, по отзывам санитарных врачей, было недостаточным. Водку пили почти все рабочие, но среднее потребление (5 л чистого алкоголя в год на душу населения) было не выше, чем в других странах.

<b>Положение служащих и интеллигенции</b>	<p>Заработная плата служащих отличалась более значительными колебаниями. Кроме двух выделенных для рабочих групп – низкие и средние, у интеллигенции были высокие и даже сверхвысокие заработки. К группе с низкими зарплатами (в среднем 30–40 руб. в месяц) относились народные учителя начальных школ, низшие служащие почты, телеграфа, железной дороги, обслуживающий медперсонал, корректоры и пр. Народные учителя получали часто в первое время 15–20 руб. в месяц (затем до 30), и их положение на селе зависело от помощи крестьян, которые обязаны были обеспечить жилье, отопление и освещение, а в некоторых селах выделяли и продукты, особенно в праздники. Это же относилось к фельдшерам, акушеркам, ветеринарам и т.п.</p>
---	--

О положении представителей этой группы можно судить по бюджету бедной семьи конторщика Риги-Орловской железной дороги, получавшего в месяц 30 руб. в 1905 г. (семья 4 чел.): квартира 6 руб., продукты 12 руб., дрова и керосин 5 руб., плата за обучение двух детей 4 руб., баня и т.п. 90 коп., плата в пенсионную кассу 1 руб. 80 коп.

В 1913 г. в Москве была проведена перепись студентов, в которой отмечены такие расходы в месяц: комната с прислугой 11 руб. (или «угол» 1–2 руб.); обеды в кухмистерской 7 руб. 50 коп.; обеды в столовых победнее 6 руб.; за хлеб и булки 3 руб.; чай с сахаром 1 руб. 30 коп. (освещение и отопление входило в плату за жилье). Бедные студенты укладывались в 10–15 руб.; средний бюджет – 25 руб. в месяц.

К этой группе можно отнести и начинающих мелких чиновников, особенно внетабельных, вольнонаемных служащих госаппарата, земств, многих актеров.

К категории среднеобеспеченных интеллигентов относились лица с доходом в 50–150 руб. в месяц (600–1800 руб. в год). Типичными представителями были учителя казенных гимназий: начинавшие с 60–65 руб. в месяц и после выслуги лет заканчивавшие с окладом в 160–170 руб. (от 750 руб. до 2 тыс. в год). На эти деньги можно было жить с семьей, иметь хорошую квартиру с прислугой, учить детей, ходить в театры, покупать книги и пр. В эту группу входили служащие и чиновники средних разрядов, младшие офицеры (подпоручики, поручики), часть журналистов, адвокатов и др.

Высокие заработки у интеллигенции превышали 150–160 руб. в месяц (более 2 тыс. в год). Эта группа тщательно изучалась при подготовке закона о подоходном налоге (введен впервые в 1917 г.), и итоги были опубликованы. Всего лиц, имевших доход от личного труда свыше 1 тыс. руб. в год, насчитывалось в стране 148 тыс. или 18 % интеллигенции, а свыше 2 тыс. руб. в год насчитывалось всего 43,3 тыс. или 5,4 %. Они и составляли высшую элиту служилых людей, занятых умственным трудом.

На низших ступенях этой элиты располагались профессора, большинство инженеров, чиновников и офицеров, учителя частных гимназий, председатели губернских земств, наиболее преуспевающие адвокаты, журналисты, писатели. Профессора получали от 2 до 3 тыс. руб. в год (166–250 руб. в месяц), бесплатную большую квартиру, отопление, освещение, многих обеспечивали выездом (лошаадьми с экипажем и упряжкой). Инженеры получали 2–4 тыс. руб. в год, полковники – 4,5 тыс. руб., более высокую ступень занимали генералы (генерал-лейтенант – 6,7 тыс.), горные инженеры, чиновники высоких рангов, вплоть до директоров департаментов (8 тыс. руб.).

К категории крупной буржуазии (с зарплатой свыше 10 тыс. руб. в год) относилось всего 1504 человека. Сюда входили полные генералы (10,6 тыс.), начальники железных дорог, товарищи министров (13–14), министры (20 тыс. и более). Самые высокие оклады были не у министров и даже не у председателя Совета министров (30 тыс.), а у управляющих крупными железными дорогами, банками и т.п. Так, С. Витте, в бытность управляющим Юго-Западными железными дорогами, получал 52 тыс. руб. в год, директор-распорядитель Волжско-Камского банка П. Барк — 150 тыс., а став министрами финансов, они перешли на годовое жалованье в 22 тыс. руб.

*Материальное положение крестьянства* неоднократно обследовалось различными правительственными и земскими комиссиями. Бюджеты крестьянских дворов, составленные при обследованиях, показывают, что бедные дворы (безлошадные, с посевом до 3 дес., с 1 коровой) жили в основном за счет промыслов и найма. Их доход был более денежным, чем у средних слоев, но их питание было беднее. Бюджеты средних крестьян (с посевом 3–9 дес., 1–2 лошадьми 1–3 коровами) включают уже расходы на хозяйственные нужды, на одежду, на водку (не более 10–15 % денежного дохода), но основные расходы шли на питание. У зажиточной группы дворов расходы на питание не превышали 40–50 %, а иногда составляли только 30%, зато до половины расходов шло на хозяйственные нужды. Питание крестьян этой группы включало больше мяса, овощей, белого хлеба. Чистая прибыль была лишь в хозяйствах последней группы, а у середняков прибыль была лишь в урожайные годы. Разница по питанию, обеспечению одеждой между бедными и богатыми дворами была значительной, но все же гораздо меньше, чем у городского населения. Например, потребление хлеба у бедняков было по 6–8 пуд на душу, у середняков 12–14, у зажиточных — 18–24 пуд. Материальное положение основной массы сельского населения улучшалось и было несколько выше, чем у средних рабочих.

Степень социальной напряженности, которая измеряется разницей между материальным положением самых бедных и самых богатых 10 % населения, в России была по приблизительным подсчетам в 6–8 раз, т.е. не может считаться высокой. Однако было довольно много недовольных и плохо обес-

печенных людей в городе и в деревне, что создавало почву для революционной агитации политических партий. Положение обострила первая мировая война.

### **Вопросы и задания**

- Какие факты и цифры свидетельствуют о том, что благосостояние крестьянства России в среднем поднималось в 1900–1914 гг.? Как распределялись купленная (частная) и арендованная земля, скот, накопленные капиталы, сельскохозяйственные машины между разными социальными группами крестьян?
- В чем были причины оппозиционных настроений многих представителей дворянства и буржуазии, включая и очень богатых людей?
- Почему многие помещики теряли свои поместья («вишневые сады») и большинство дворянских земель к 1917 г. перешло к крестьянам?
- Кого относили в начале XX в. к «интеллигенции» в узком значении слова?
- Подсчитайте стоимость «потребительской корзины» продуктов питания взрослого городского жителя на основе цен 1913 г. Как эта сумма соотносилась с зарплатой рабочих и интеллигентов?
- Сравните покупательную способность рубля 1913 г. и 1997 г.

## § 1. Развитие промышленности

**Промышлен-  
ный подъем  
1893–1900 гг.**

В конце XIX в. произошла коренная перестройка российской промышленности на основе новой техники. Среди причин реконструкции решающее значение имело развитие широкого строительства в трех областях: железнодорожной, промышленной и городской. При этом была создана база собственных новых материалов – металла, минерального топлива, цемента и др., собственного машиностроения, что означало решительный переход к индустриализации.

С 1893 г. выросли среднегодовые темпы прироста всей валовой продукции до 8,1 % по сравнению с 4,9 % в 1887–1892 гг. Наиболее высокими темпами развивалась тяжелая промышленность, увеличившая производство в 2,3 раза (по стоимости). При этом ее ключевые отрасли дали еще больший прирост. Так, добыча угля и нефти, выплавка чугуна выросли в 3 раза, а производство железа и стали в 2,5. В металлургии произошел полный технический переворот, ибо больше всего возросла выплавка на новых доменных заводах Юга, а на Урале был введен целый ряд усовершенствований. Еще в 1885 г. внутреннее производство давало лишь около 60 % потребления черных металлов, а к 1900 г. – уже 86.

Для периода подъема был характерен бурный рост строительства железных дорог, которые возводились на государственные вложения. Нужно отметить, что это была долговременная политика, правильно учитывающая большое значение железных дорог для будущего экономики страны, хотя первые годы многие дороги были убыточными. Несмотря на финансовые трудности, правительство выполнило в 1893–1904 гг. огромную программу железнодорожного строительства. К 1892 г. протяженность железнодорожной сети составила 31 тыс. км. За 1893–1902 гг. было построено еще 27 тыс. км. При этом в 1895–1899 гг. ежегодно сдавалось в эксплуатацию в среднем по 3064 км, в следующие пять лет (1900–1904) – в год по 2022 км.

В период революции темпы упали, но в целом за пятилетие 1905–1909 гг. оставались высокими – по 1262 км ежегодно.

Для промышленности и сельского хозяйства страны особенно большое значение имела Великая Сибирская магистраль. Строительство железных дорог создавало устойчивый спрос на металл, уголь, лес и другие материалы и было одной из причин промышленного бума. Второй причиной подъема стало промышленное и городское строительство, которое развивалось достаточно интенсивно. Возводились новые промышленные гиганты и шла реконструкция старых. Быстро преображались города, возникали новые поселки. Это вызвало повышенный спрос на строительные материалы. Производство цемента возросло в 3,5 раза, кирпича – в 3,4, а лесоматериалов – почти в 4 раза (по стоимости). Была создана новая химическая отрасль крупной промышленности (производство соды, кислот, суперфосфатов, хлорной извести и др.).

В 90-е годы рынок предметов технического потребления резко возрастал из-за роста всей промышленности, в то время как спрос на предметы личного потребления увеличивался значительно медленнее, вследствие ограниченного роста денежных доходов широких слоев сельского и городского населения. Для легкой промышленности дополнительный рынок создавался за счет вытеснения кустарной промышленности и домашнего хозяйства продуктами крупной машинной индустрии, а также в результате роста городского населения.

Общая валовая продукция легкой промышленности оценивалась в 1892 г. стоимостью в 810 млн. руб., а в 1900 г. – 1206 млн., т.е. выросла почти в полтора раза, в то время как стоимость валовой продукции тяжелой промышленности выросла за эти годы с 412 млн. руб. до 1402 млн., или в 2,5 раза. Несмотря на это, к началу XX в. легкая промышленность (группа Б) продолжала преобладать над тяжелой (группа А). Однако ее удельный вес за семь последних лет снизился с 66 до 53,5 %, а производство группы А повысилось с 34 до 46,5 %. Обе группы производства подняли и производительность труда: в 1892 г. на одного рабочего выработка промышленных изделий составляла 1,1 тыс. руб., в 1900 г. – 1,4 тыс.

В 90-е годы изменился удельный вес районов в промышленном потенциале страны. Упала роль Центрально-промышленного региона (с 31 до 26,5 %), хотя он остался на первом месте. Увеличился вклад Юга России с 14,4 до 17,6 %, а удельный

вес Северо-Западного района с Петербургом уменьшился с 11 до 9, как и Уральского – с 6,5 до 5 %. Резко возросла (с 1,6 до 6,9 %) роль Бакинского района, который обогнал Урал. Эти пять районов давали 77 % продукции крупной промышленности (не считая Польшу).

Тенденция развития состояла в том, что удельный вес окраин (Юга, Кавказа, Поволжья, Средней Азии) возрастал, а центра (Центрально-промышленного, Центрально-Черноземного, Западного и Северо-Западного) уменьшался, что было обусловлено разработкой новых месторождений сырья и перемещением к ним перерабатывающих отраслей.

**Период промышленного кризиса и депрессии (1901–1908)**      Общеввропейский промышленный кризис начала века охватил и Россию. Причинами снижения темпов роста промышленности являлось сокращение железнодорожного строительства и связанных с ним заказов, изменение условий мирового денежного рынка, затруднившее получение кредитов, уменьшение иностранных капиталовложений, накопление на складах крупных запасов сырья и топлива в ходе предыдущего бума.

В развитии индустриализации страны важная роль принадлежала экономической политике правительства, руководителем которой был в тот период министр финансов С. Витте.

**Сергей Юльевич Витте (1849–1915)** был одним из крупнейших государственных деятелей России конца XIX – нач. XX в. Родился в Тифлисе в семье видного чиновника Ю.Ф.Витте, предки которого были выходцами из Голландии. Мать Сергея происходила из рода князей-рюриковичей Долгоруких, чем он очень гордился. После окончания Новороссийского университета в г. Одессе избрал карьеру инженера-путейца и довольно скоро стал управляющим Юго-Западными железными дорогами, увеличив их чистую прибыль во много раз. На этом посту его заметил Александр III и в 1889 г. пригласил на должность директора департамента железных дорог. В 1891 г. он ввел новый таможенный тариф, резко повышавший пошлины на ввоз промышленных товаров с целью поощрения отечественной промышленности. При поддержке царя вел таможенную «войну» (неоднократное обоюдное повышение тарифов) с Германией, выиграл ее и заключил в 1894 г. весьма выгодный для России русско-германский торговый договор.

В феврале 1892 г. был назначен министром путей сообщения, а в августе – министром финансов. Он поднял престиж министерства на небывалую высоту путем инициативной политики во всех сферах экономики. Важнейшим мероприятием была денежная реформа 1897 г., установившая золотую основу рубля. Для увеличения золотого запаса он ввел в 1894 г. винную монополию, резко повысил косвенные налоги, заключал крупные государственные займы. При нем постоянно увеличивалось превышение стоимости вы-

воза товаров за границу над их ввозом, что вело к накоплению валюты. Русский рубль стал одной из самых надежных валют в мире, что имело большое значение для подъема промышленности и торговли. С. Витте проводил политику поощрения ввоза иностранных капиталов, преодолев сопротивление влиятельных придворных кругов. При нем была продолжена политика запрещения размещать за границей крупные казенные заказы без крайней необходимости. Путем завышения цен на заказываемые казенной изделия проводилось по существу субсидирование российских предприятий. Сложилась система размещения таких заказов на самых перспективных заводах. С целью увеличения государственных доходов проводилась скупка в казну рентабельных частных железных дорог, а новые дороги почти исключительно строились за счет государства. С. Витте понимал, что его политика форсирования индустриализации путем повышения тарифов на внешнем и внутреннем рынках, увеличения косвенных налогов больно ударяет прежде всего по крестьянам и помещикам, но заявлял, что «великие цели требуют великих жертв», считая эти меры временными.

В конце XIX в. С. Витте выступил с инициативой проведения аграрной реформы и возглавил в 1902 г. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Он также проявил незаурядные дипломатические способности при заключении Московского договора 1896 г. об оборонительном союзе с Китаем и Портсмутского мирного договора с Японией в 1905 г., за что ему был присвоен титул графа. Стал одним из авторов Манифеста 17 октября 1905 г. и первым председателем Совета Министров. По его предложению посылались карательные экспедиции для подавления массовых волнений и восстаний. Перед открытием I Государственной Думы царь, считавший С. Витте политическим хамелеоном и масоном (об этом он ранее говорил министру внутренних дел Святополк-Мирскому), уволил его в отставку. До конца жизни он оставался членом Государственного Совета, где завязывал сложные интриги против своих преемников – П. Столыпина и В. Коковцова.

**Кризис 1901–1903 гг.** больше всего отразился на добыче железной руды и на состоянии черной металлургии. Особенно заметно сократилась железорудная промышленность на Урале, связанная с отсталой уральской черной металлургией, где применение отработок за земельные наделы тормозило технический прогресс. Урал так и не оправился до 1908 г., хотя с 1904 г. там наметился слабый рост отрасли. Иная картина была в Криворожском бассейне. Пережив некоторое падение производства в 1902–1903 гг., железорудная промышленность стала шире использовать зарубежный рынок. Если в 1900 г. Юг экспортировал только 0,5 % железных руд, то в 1908 г. – почти 19 % или пятую часть. В черной металлургии спад производства составил в 1901–1903 гг. 17 %, затем последовало некоторое увеличение в 1904 г. и в 1907–1908 гг. вновь восстановился уровень 1900 г.

Кризис сказался и на новой нефтяной отрасли: в 1903 г. валовая добыча в ней стала заметно сокращаться, но ее стоимость



из-за падения цен уже в 1902 г. упала вдвое. В 1903 г. повысился спрос и поднялись цены, добыча вновь возросла в 1904 г., но революция 1905 г. сопровождалась ужасным разгромом и поджогами Бакинских промыслов. Это привело к тому, что до 1909 г. отрасль находилась в застое (7–8 млн. т вместо 11,6 млн. в 1901 г.), несмотря на рост спроса и повышение цен. Денежные доходы нефтяных монополий поднялись с 1905 по 1907 г. вдвое и они не спешили увеличивать добычу и даже придерживали керосин и мазут на складах. Газеты обошла фраза одного из нефтяных королей Эммануила Нобеля: «Да, запасы нефти у нас есть, и мы их придерживаем. Цены идут вверх, и кто же упрекнет нас, частных предпринимателей, что мы блюдем свой интерес?».

Своеобразно протекал кризис в угольной промышленности: снижение добычи в Донецком и Подмосковных бассейнах на 2–3 % сопровождалось ростом добычи угля в 2 раза на Урале и в Сибири, где в эти годы вступила в строй железнодорожная магистраль, что дало общее небольшое увеличение. Данный факт не означал, что кризис не имел последствий, поскольку Донецкий бассейн давал более 92 % добычи угля, и в центральных и южных губерниях это вызывало «топливный голод», так как именно этот регион пострадал больше всего и от сокращения добычи нефти. В 1903–1908 гг. наметился значительный подъем добычи угля (в 1,5 раза), что создало предпосылки нового промышленного подъема. Но спрос рынка на топливо превышал производство, и цены на уголь повысились. Рост цен на топливо заставил промышленников заняться рационализацией, усовершенствованием энергетического хозяйства крупных фабрик и заводов. По данным промышленных переписей 1900 и 1908 гг., мощность оборудования на одного рабочего возросла с 0,7 до 1,4 л.с. Мощность применяемых двигателей внутреннего сгорания увеличилась в 8,5 раза, а электрических – в 7 раз. Следовательно, этот период в целом не был упадком, а сопровождался существенной качественной перестройкой тяжелой промышленности.

В более выгодном положении оказалась легкая промышленность. Она лишь косвенно испытала некоторое замедление темпов прироста, но падения производства в ней не произошло, наоборот, она дала заметный прирост. В это время стало сказываться влияние новых железных дорог на сельское хозяйство, а также рост мировых цен на хлеб и на другие продоволь-

ственные товары. В 1907–1908 гг. увеличился спрос на предметы личного потребления вследствие повышения заработной платы рабочих и доходов крестьянства. Валовая продукция всей легкой промышленности выросла в 1,5 раза.

При соединении показателей развития тяжелой и легкой промышленности обнаруживается общий рост всей крупной промышленности России в 1901–1908 гг. Вновь изменилось соотношение выпуска продукции групп А и Б: удельный вес легкой промышленности вырос с 53,5 до 60 %, а тяжелой соответственно понизился с 46,5 до 40 %. *Общее влияние кризиса и депрессии на крупную промышленность выразилось в виде замедления в 2 раза темпов ее развития.*

**Промышлен-  
ный подъем  
1909–1913 гг.**

На предвоенный промышленный подъем оказали влияние сразу несколько факторов. Столыпинская реформа побудила к развитию крестьянские хозяйства, росту торгового земледелия.

Зажиточные крестьяне предъявили повышенный спрос на сельскохозяйственные машины, стройматериалы, удобрения, а бедняки увеличили рынок рабочей силы. Рост экспорта хлеба, масла и других продуктов дал стране в 1898–1913 гг. 17,4 млрд. руб. В деревне были отменены выкупные платежи, что увеличивало покупательную способность крестьянского хозяйства.

Наконец, в стране накопилось много капиталов, которые не вкладывались в расширение производства в период кризиса и депрессии. Значительное развитие получила кредитная система, выросли капиталы крупных банков. В 1908 г. общая сумма вложений отечественного капитала в акционерные компании составляла 1795 млн. руб. против 1187 млн. руб. иностранных капиталов. Огромный спрос на капитал в 1909–1913 гг. был в подавляющей части удовлетворен за счет внутреннего денежного рынка. Наряду с общими предпосылками с 1909 г. в подъеме промышленности большую роль сыграла гонка вооружений, к которой Россия по-настоящему приступила позже других стран.

Новый промышленный подъем характеризовался очень высокими темпами. Средний прирост всей промышленной продукции был почти равен приросту 90-х гг. Опять наблюдалось преимущественное развитие отраслей группы А (на 83 %) по сравнению с группой Б (на 35 %). По темпам роста производ-

ства Россия вышла на первое место в мире, обогнав все передовые страны. Выплавка чугуна за эти годы увеличилась во всем мире на 32 %, в США – на 20, в Германии – на 50, в России – на 64 %. Выплавка стали в России увеличилась на 82 %, а в Германии – на 50 %. Кроме металлургии высокими темпами развивалось машиностроение, металлообработка и другие отрасли.

Быстро шло создание новых акционерных обществ. В 1910–1913 гг. вновь созданные общества имели свой капитал в 1,1 млрд. руб., на 1 млрд. увеличили свои капиталы ранее созданные общества. Среднегодовые капиталовложения в акции всех обществ изменились в сторону увеличения доли отечественных капиталов: внутренние вложения составляли 225 млн. руб., иностранные – 126 млн. руб. в год.

После длительного застоя стала расти выплавка чугуна, но на рынке еще долго сохранялся острый дефицит на него и цены быстро поднялись с 28 до 43 руб. за 1 т. Не хватало нефти, добыча которой почти не увеличилась, а также угля и стали. В создании топливного и металлического «голода», кроме некоторых объективных трудностей, немалую роль сыграли монополии, которых вполне устраивал резкий рост цен. В 1910–1913 гг. вопрос об угольном голоде и политике монополий несколько раз обсуждался в Совете министров и других различных ведомствах и комитетах. Сенаторские ревизии 1908–1912 гг. выявили серьезные злоупотребления синдикатов. Министр Рухлов в 1912 г. на заседании Совета министров заявил, что объединение углепромышленников в синдикаты являлось «главным препятствием для нормального развития каменноугольного дела». Но угольные короли получили поддержку министра торговли и промышленности Тимашева и остались безнаказанными.

Таким образом, промышленный подъем 1909–1913 гг. охватил все отрасли и в наибольшей степени сказался на тяжелой промышленности. Он сопровождался значительными качественными изменениями. Так, интенсивность развития промышленности была выше, чем в 90-е годы, о чем свидетельствует более высокий темп прироста числа рабочих в предвоенные годы. Вновь увеличился удельный вес тяжелой промышленности: по стоимости валовой продукции до 47 %, а по числу рабочих до 52,6 %. *Превышение числа рабочих в тяжелой промышленности над отраслями легкой промышленности произошло впервые за всю историю страны.*

Наряду с крупной фабрично-заводской и горной промышленностью, занимавшей в целом ведущее место (стоимость валовой продукции 7,3 млрд. руб., число предприятий 29,4 тыс.), развивалась мелкая промышленность (выпуск продукции на 700 млн. руб., 150 тыс. предприятий). Работали 600 тыс. самостоятельных ремесленников (без найма или с одним наемным работником) и в зимние месяцы занимались промыслами еще 3,5—4 млн. человек. Вся эта разветвленная капиталистическая система очень быстро реагировала на конъюнктуру рынка, удовлетворяя потребности промышленности и населения. В таких отраслях, как хлебопекарная, обувная, строительная, швейная, кожевенная и некоторых других, мелкие заведения преобладали. Артели строителей быстро и добротнo строили новые дома, здания фабрик, заводов, железные дороги. Ведущее положение тяжелой промышленности обеспечивало ее более высокая техническая оснащенность, которая значительно усилилась в период нового промышленного подъема. Энерговооруженность труда на одного рабочего достигла 1,5 л.с., что было выше этого показателя в Германии, но ниже, чем в Англии и США. На мелких и средних предприятиях техническая оснащенность оставалась низкой.

Накануне войны значительно поднялось благосостояние населения. Вклады в государственных сберегательных кассах выросли с 1149 млн. руб. в 1908 г. до 1595 в 1913 г. (в 1894 г. они составляли 300 млн.). А текущие вклады в акционерных банках утроились, достигнув суммы в 2,3 млрд. руб. Увеличилось потребление сахара на душу населения с 3,2 кг в 1894 г. до 7,2 кг в 1913 г. За это же время удвоилось производство мануфактуры на 1 чел. Село теперь уже требовало более высококачественных тканей, в связи с чем фабрики Иваново-Вознесенского района, выросшие на выпуске дешевых ситцев, стали переходить на более дорогой ассортимент московских предприятий с преобладанием многоцветных и разнообразных рисунков.

Несмотря на высокие темпы промышленного развития, которые еще увеличились в первой половине 1914 г., Россия накануне войны отставала по общему объему валовой продукции от США, Германии, Англии и приближалась по ряду показателей к уровню Франции. Значительным было отставание от передовых стран по производительности труда и особенно по производству на душу населения.

**Монополизация промышленности.  
Формирование финансового капитала  
(1910–1913)**

Монополии вырастали из дальнейшей потребности концентрации и обновления производства, которые неизбежно порождает капитализм на очень высокой ступени своего развития. Особенностью России была высокая концентрация рабочей силы и еще более высокая концентрация труда, так как на крупных заводах про-

изводительность труда была выше средней по стране. В период кризиса и депрессии начала века концентрация значительно усилилась за счет разорения мелких и средних предприятий. Число металлургических заводов уменьшилось с 207 в 1903 г. до 167 в 1912 г., а выплавка металла на них увеличилась в полтора раза. В 1912 г. на 9 металлургических заводах было сосредоточено  $\frac{4}{5}$  мощности всех двигателей отрасли,  $\frac{4}{5}$  рабочих выплавляли половину чугуна всей металлургии страны. В 1910 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 500 было занято 53 %, а в 1916 г. – 56,5 % общей численности рабочих в промышленности, что превосходило показатели других стран. Строительству крупных предприятий способствовало использование западноевропейского опыта техники и покровительство правительства.

Первые картельные соглашения и объединения возникли в России еще в 80–90-е гг. с целью раздела рынков сбыта, но широкое распространение картелей и синдикатов относится к периоду кризиса и депрессии, когда возникли сложности со сбытом продукции. В дальнейшем образуются монополии более высокой степени объединения не только для сбыта, но и производства товаров – концерны и тресты, как правило, с участием крупных банков.

В 1902 г. металлургические заводы Юга создали крупнейший в России и один из самых крупных в Европе синдикат, который принял форму акционерного общества под названием «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамета») с основным капиталом в 900 тыс. руб. По российским законам воспрещались «стачки» торговцев об установлении цен («стачка» от слова «стакнуться», т.е. договориться), что подтвердило и новое «Уголовное уложение» 1903 г. Поэтому и пришлось прибегнуть к форме акционерного общества торговли. Но правительство прекрасно знало, что под этой формой скрывались синдикаты. В данном случае «Продамета» создавалась при прямой поддержке министра

финансов С. Витте. Через два месяца после соглашения устав общества был утвержден царем. Синдикат сначала объединял 17 обществ, потом их число дошло до 30. Во главе синдиката стоял совет, а исполнительным органом было правление общества со сложным и разветвленным учетно-распределительным и торговым аппаратом. Кроме центральной конторы в Петербурге было открыто еще 8 контор в районах, где располагались заводы синдиката. «Продамета» объединяла до 70 % сбыта листового железа, свыше 80 балок и швеллеров, свыше 90 % вагонных осей и т.д. Создание этого акционерного общества не ликвидировало конкуренцию на рынке, а сделало ее более ожесточенной. Борьба шла внутри синдиката за большую квоту заказов, за более льготные условия, а также внешняя — между синдикатом и другими заводами и синдикатами. Несколько лет «Продамета» вела борьбу с Новороссийским обществом, которое в 1907 г. окончательно капитулировало. Очень быстро расправился синдикат с Сосновицкими заводами, резко понизив свои цены по сравнению с конкурентом. Оба общества передали «Продамете» право продавать свою продукцию. Затем развернулась затяжная война против синдиката уральских заводов «Кровля», в результате которой «Продамета» вытеснила в основных своих районах конкурента с рынка.

На примере «Продаметы» видно, что синдикат, как и картель, объединял сбыт товаров, но в отличие от картеля синдикат имел общую контору, через которую собирались и распределялись заказы, шел сбыт продукции. Поэтому контора определяла и размеры производства, и устанавливала цены, и могла вмешиваться в условия производства (например, унифицировав продукцию). Синдикат представлял более высокую степень монополизации.

В начале XX в. возникли синдикаты в ряде других отраслей: «Продуголь», «Продпаровоз», «Гвоздь», «Трудопродажа», «Продвагон», «Медь», «Треугольник» и др. Они действовали подобно «Продамете» и заняли господствующие позиции в сбыте товаров своей отрасли. Например, «Продуголь», объединявший 17 предприятий, сосредоточил до 60 % сбыта донецкого угля.

Значительно ниже был уровень монополизации в отраслях легкой промышленности. Но и здесь возникали специализированные картели и синдикаты. В хлопчатобумажной промышленности заключались узкоотраслевые временные соглашения

фабрикантов, некоторые из них превращались в постоянно действующие сбытовые объединения. Существовали два картеля ситцевых фабрикантов: Московский и Иваново-Вознесенский. Они вступили в договор с лодзинскими ситцевыми фабрикантами. Все эти соглашения касались повышения цен. В пищевой промышленности существовали синдикат «Дрожжи», соляная монополия «Океан», сахарная монополия, табачный трест.

В водном транспорте (речном и морском) было создано 20 монополий. В морском транспорте на Черном и Азовском морях монопольное положение занимало объединение «Ропит» («Русское общество пароходства и торговли»).

Большинство монополий создавалось по типу синдикатов. Но появлялись и монополии более высокой степени централизации — это тресты и промышленно-финансовые объединения. Крупные промышленно-торговые объединения в виде трестов возникали в нефтяной промышленности. Еще в конце XIX в. здесь зародились две монополистические фирмы, стремительно вытеснившие мелких промышленников: товарищество братьев Нобель и группа Ротшильда, которая скрывалась под вывеской Каспийско-Черноморского общества. С 1898 г. группа Ротшильда совместно с Петербургским международным банком создала торгово-транспортное предприятие «Мазут». В начале XX в. обе конкурирующие группы объединились и заключили соглашение о создании фирмы «Нобель-мазут» («Ноб-мазут»), объединившей не только производство, но и переработку, транспортировку и продажу нефти. Вскоре ряд крупных предприятий («Олеум», а также купцов Шибаева и Манташева) передали «Нобмазуту» свой сбыт нефти. Эта фирма превратилась позднее в один из трех мощных трестов в нефтяной промышленности.

К 1909 г. в России были монополизированы почти все отрасли. Насчитывалось около 50 синдикатов, но существовало еще много монополий, имевших постоянно действующие соглашения по сбыту, замаскированных под видом «контор», «союзов», «комитетов». Они содержали большой аппарат, но их соглашения о ценах засекречивались. Легальные и «невидимые» синдикаты дополняли друг друга, конкурировали, иногда договаривались между собой. Они контролировали основную часть сбыта продукции и все более вмешивались в производство.

В период промышленного подъема 1909–1913 гг. меняется характер монополизации. Новой чертой этого процесса стало создание монополистических объединений комбинированного характера, соединяющего все процессы производства. Например, «Продамета» берет под свое покровительство горнорудные и угольные предприятия, заключая с ними различные соглашения и подчиняя их себе. Это происходит в связи с изменением условий: во время кризиса и депрессии монополии боролись за захват рынка, а в период подъема главная задача состояла в том, чтобы обеспечить себя сырьем, расширить производство.

В 1912 г. возник мощный концерн «Русская генеральная нефтяная корпорация» (сокращенно «Ойл», или «Нефть»). Это было производственно-финансовое объединение, решающую роль в образовании которого сыграла группа петербургских банков во главе с Русско-Азиатским и Петербургским международным. Чтобы обойти юридические трудности, формально головное контрольное общество концерна было создано в виде фирмы в Лондоне.

Концерны в России накануне войны представляли высшую форму монополии, где объединение предприятий производилось под финансовым контролем одного или группы банков. Часто для усиления контроля заключалась личная уния – в таком случае ряд заводов и банков возглавлял один человек. Так, председатель правления Русско-Азиатского банка А. Путилов одновременно был председателем правления 12 крупнейших акционерных обществ (путиловских заводов, «Нефть» и др.) и членом правления 38 других компаний.

Под эгидой крупнейших банков в области частного производства вооружения создавались крупные тресты и концерны. Русско-Азиатский банк создал мощную группу из 8 заводов (Путиловский, Невский и др.), выпускавших снаряды, военные припасы, металл и т.п. Эта промышленно-финансовая группа присоединяла к себе все новые предприятия (Тульский чугуноплавильный, Новороссийский металлургический и др.) и захватила значительную часть частного производства артиллерии, мин и снарядов.

Подобную же группу создал Петербургский международный банк. Под его покровительством действовала промышленно-финансовая группа «Коломна-Сормово», которая монополизировала речное судостроение в бассейне Волги и транспортное машиностроение. Мощную группу «Лесснер-Нобель»



создал Петербургский учетно-ссудный банк, куда вошли машиностроительные, металлообрабатывающие заводы, выпускавшие подводные лодки, торпеды, мины и т.п. Под покровительством Русско-Азиатского банка возник концерн И. Стахеева, контролировавший 41 предприятие (металлургические заводы Урала и Подмоскovie, хлебную торговлю, мукомольную промышленность, 8 текстильных фабрик и т.д.).

Таким образом, в 1900–1913 гг. самая активная роль в монополизации промышленности принадлежала банкам, и эта роль с каждым годом все более возрастала. Банковский капитал тоже все более монополизировался.

В России еще с 60-х гг. сложилась разветвленная банковская система. Созданный в 1860 г. Государственный банк был крупнейшим коммерческим банком страны, а после денежной реформы 1897 г. и центральным эмиссионным банком (расширял золотой запас, выпускал кредитные билеты и золотые монеты). Госбанк широко кредитовал промышленность и торговлю, имел 136 филиалов.

Коммерческие банки в основном приняли форму акционерных. В 1908–1913 гг. число крупнейших акционерных банков выросло незначительно – с 43 до 50, а их активы увеличились в 4,5 раза (с 1,1 млрд. руб. до 4,9 млрд.), что свидетельствовало о концентрации банковских капиталов.

Крупнейшими банковскими монополиями были Русско-Азиатский банк (13 % всех активов), Петербургский международный, Русский для внешней торговли (8,8), Азовско-Донской (8) и Русский торгово-промышленный (7,7 %). Эти пять банков имели 360 млн. руб. собственных средств или 42,6 % общего капитала 50 акционерных банков, и их активы (вложения) составляли 48,5 % всех активов. Эти банки распространили свое влияние почти на все губернии, открыв 418 филиалов. Они имели 248 своих представителей в правлениях синдикатов и промышленных предприятий. Концентрация банковского капитала в России была значительно выше, чем в других капиталистических странах. У акционерных коммерческих банков было 800 филиалов.

В банковскую систему входили еще городские банки (317) и общества взаимного кредита (1108) – всего 1476 банков и 914 филиалов. В этой системе на долю Госбанка приходилось 16 % основных активов (вложений), на акционерные банки – 68, на общества взаимного кредита – 12 и на городские банки – 4 %.

После 1905 г. в России быстро развивалась кредитная кооперация, которая к 1914 г. насчитывала 18 тыс. товариществ с 10 млн. членов и с 645 млн. руб. выданных ссуд.

Резко возросла в начале XX в. *биржевая торговля*. В конце XIX в. в России действовала 21 биржа, а в 1913 г. их уже насчитывалось 93. Кроме общих бирж возникли специализированные. Биржи совершали товарные сделки (сельхозтовары, нефть, уголь и др.). Особенно крупные операции проводились на Петербургской, Московской, Одесской, Киевской биржах. Большую роль в финансово-экономической жизни страны имели биржевые комитеты, всероссийские съезды представителей промышленности и торговли и съезды представителей акционерных коммерческих банков, а также более 30 районных отраслевых съездов предпринимателей, на которых избирали постоянно действующие Советы съездов из числа наиболее влиятельных и богатых финансистов и промышленников.

Перед войной в России сложилась финансовая олигархия, которая стояла во главе банков, бирж, монополий и была тесными узами связана с элитой чиновничьего мира. Представителями этой финансовой олигархии были А. Путилов, А. Вышнеградский, Б. Каменка, П. Рябушинский, Н. Второв, Н. Авдаков, И. Стахеев и многие др.

**А.И. Путилов (1866–1926)** – окончил юридический факультет Петербургского университета, дослужился до товарища министра финансов. Выйдя в отставку в 1906 г., возглавил Русско-Азиатский банк и другие учреждения, купил грозненские нефтяные промыслы, имения, доходные дома. Проявил себя как талантливый экономист и финансист, выдающийся организатор. После 1917 г. встал во главе парижского отделения Русско-Азиатского банка.

**А.И. Вышнеградский (1867–?)** – сын министра, друг Путилова со студенческой скамьи. Директор-распорядитель Петербургского международного банка, член правления целого ряда акционерных компаний, помог заключить заем 1906 г. у французских банков.

**Н.А. Второв (1866–1918)** – сын крупного иркутского купца, глава товарищества «А.Ф. Второва сыновья», затем товарищества внутренней и вывозной торговли. Приобрел целый ряд компаний, основал Московский промышленный банк. Проявил яркие организаторские способности и деловую хватку в годы войны. Организовал первые отечественные предприятия по производству красителей, первый завод электростали под Москвой, стал совладельцем крупнейших военных и др. заводов. По оценкам прессы его годовые прибыли превышали 100–150 млн. руб.

**П.П. Рябушинский (1871–1924)** – наиболее известный из семьи московских купцов-староверов, основал Московский банк, был одним из руководителей ряда крупнейших предпринимательских организаций, издавал газету «Утро России», стал признанным лидером крупной буржуазии.

В число финансовых магнатов входили также министры (В. Тимирязев, П. Барк), крупные сановники империи, представители знати (князь А. Голицын, барон Г. Гинцбург, граф В. Татищев, граф В. Бобринский и др.).

## § 2. Сельское хозяйство

Рост сельскохозяйственно-  
го производ-  
ства

В начале XX в. Россия занимала первое место в мире по общему объему сельскохозяйственной продукции, сохраняя высокие темпы ее прироста до 1914 г. Валовые среднегодовые сборы зерна возросли с 1901–1905 гг. по 1909–1913 гг. с 3,8 млрд. пуд. до 5 млрд. За это же время средние сборы хлебов на душу населения повысились с 400 до 450 кг. В 1913 г. был собран урожай в 5,6 млрд. пудов или 86 млн. т, что составило 550 кг на душу населения. Имея 8 % населения мира, страна давала 25 % пшеницы, 52 – ржи, 38 – ячменя, 26 % овса и поставляла четверть мирового экспорта зерна. Увеличились и сборы других культур, особенно картофеля, льна, сахарной свеклы, табака, подсолнечника, конопли. В животноводстве совершенствовались породы скота, росла его продуктивность, хотя наметилось сокращение поголовья. Значительного развития достигло маслоделие, особенно в Западной Сибири. Вывоз сибирского сливочного масла давал стране золота вдвое больше, чем российская золотопромышленность. Сельское хозяйство стало более доходным. По исчислению С. Прокоповича, с 1900 по 1913 гг. доход от зерновых и технических культур возрос с 1,8 до 3,4 млрд. руб., т.е. почти вдвое. Доход на душу деревенского населения увеличился в среднем за эти годы с 30 до 43 руб., а чистый доход, за вычетом налогов и платежей, возрос с 22 до 33 руб. Сельское хозяйство давало 52 % национального дохода страны.

Предпринимательство развивалось в двух типах хозяйств: в помещичьих и в зажиточных крестьянских. Позднее хозяйства зажиточных крестьян стали называться кулацкими, но до 1917 г. кулаками называли только тех, кто занимался ростовщичеством. Доля помещичьих хозяйств в производстве хлебов сократилась до 12 % валового сбора и 22 % товарного зерна, что было связано с уменьшением их землевладения: от 73 млн. дес. в 1877 г. до 40 млн. в 1913 г. В крупных частновладельчес-

ких хозяйствах в среднем больше применялось удобрений, шире были распространены улучшенные сельскохозяйственные машины и орудия, выше были урожаи.

Зажиточные крестьяне стали главными покупателями дворянских земель, и их доля в производстве сельхозпродукции постоянно возрастала. Составляя не более 20 % крестьянского населения, они давали около 40 % валового сбора и 50 % товарного зерна, сосредоточили у себя до 80–90 % частных («купчих») и почти половину арендованных земель. Одновременно наблюдалось разорение средних и мелких хозяйств и увеличение количества бедняцких дворов. Рост населения и раздел семей резко сокращали средние наделы дворов. Это создавало социальную напряженность и экономическую неустойчивость в деревне, рост бедняцкой прослойки.

Другой причиной трудностей в развитии аграрной сферы было почти полное исчерпание экстенсивного ведения хозяйства в связи с невозможностью расширения посевных площадей в центре европейской части страны. В 1900–1914 гг. прирост посевов в черноземной полосе составил всего 8 %, главным образом в южных губерниях. а в центре распахивали часть лугов и сенокосных угодий, что вело к ухудшению условий для животноводства.

<b>Столыпинская аграрная реформа</b>	Вопрос об аграрной реформе поднимался в правящих сферах еще в 90-х гг. XIX в., а к практической ее подготовке приступили лишь в начале XX в. Главной причиной необходимости реформ С. Витте назвал в 1898 г. низкую налоговоспособность крестьян: в России сельское население платило вчетверо меньше налогов, чем во Франции (из расчета на 1 чел.), а его материальное положение было значительно хуже. Поэтому Витте предложил создать Особое совещание по выработке мероприятий для улучшения крестьянского благосостояния. Неурожай 1901 г. и голод во многих губерниях заставили царя ускорить решение этого вопроса.
--	---

В январе 1902 г., накануне массовых крестьянских волнений, указом царя было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с министром финансов С. Витте. По всей стране были образованы губернские и уездные комиссии этого совещания для изучения вопроса и внесения конкретных предложений. Одновременно проекты готовили комиссии Министерства внутренних дел и

земледелия, в которых деятельно участвовали крупные сановники В. Гурко, А. Риттих, А. Кривошеин и др. Разработанные проекты включали основные элементы будущей реформы: разрешение выхода крестьян из общины и передача им земли в частную собственность, введение свободного переселения в Сибирь, увеличение продажи земли крестьянам через Крестьянский банк. Одновременно саратовский губернатор П. Столыпин в отчете за 1904 г. высказал предположение о том, что нужно опираться не на мужика-общинника, а на крепкого хозяина, который, став частным собственником, будет с уважением относиться и к помещичьей собственности. Он предлагал также некоторые административные и экономические меры для ускорения выхода крестьян из общины.

Таким образом, реформа разрабатывалась в течение четырех лет несколькими комиссиями и совещаниями, а не была плодом творчества одного человека. Нельзя поэтому утверждать, что реформа была вырвана у царя революцией: во-первых, царь одобрял еще в 1904 г. главные направления будущей реформы, во-вторых, крестьяне требовали совсем других мер – передачи им всей земли.

Решительно взялся за претворение в жизнь разработанных проектов П. Столыпин, назначенный в апреле 1906 г. министром внутренних дел, а в июле того же года – Председателем Совета министров России.

**Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911)** был выдающимся государственным деятелем и проявил себя крупным реформатором. Он обладал глубоким умом, ясно осознавал необходимость укрепления российской государственности, правильно понимал стратегические цели внутренней и внешней политики. Главными направлениями во внутренней политике он считал проведение коренных реформ одновременно с установлением порядка в стране. «Многие думают, – писал он, – что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому; но правительство думает иначе. Правительство убеждено, что, прекращая всякие попытки к беспорядкам, ...оно обязано всю свою нравственную силу направить к обновлению страны». Столыпин обладал личным мужеством, имел сильный, властный и настойчивый характер, мог быстро решать и энергично действовать в сложной обстановке. Твердо держа бразды правления, борясь с революционерами, он понимал, что должен идти на разумные компромиссы с «обществом». Не отступая от своих принципов, он учитывал интересы иных политических сил, называя это проведением «равнодействующей линии» в политике. Будучи прекрасным оратором, он умел кратко и ярко изложить суть самых сложных вопросов, дать в Думе твердый отпор выпадам левых: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!». Во то же время Столыпин был хорошо знаком с аграрным вопросом, с земством и как профессионал вы-

сокого класса прекрасно разбирался в механизме государственной власти. Современники отмечали, что он превосходно овладел искусством политики. Английский посол в России А. Николсон считал Столыпина «самой значительной фигурой в Европе».

25 августа 1906 г. Столыпин в правительственном сообщении опубликовал обширную программу реформ: гражданское равноправие и неприкосновенность личности, улучшение крестьянского землевладения, улучшение быта рабочих, реформа местного самоуправления и местного суда (в волостях), реформа средней и высшей школы, введение прогрессивного подоходного налога, всеобщего начального образования и др. Особое внимание было уделено аграрному вопросу. Столыпин пошел против мнения Государственного Совета и многих министров, считавших невозможным немедленное проведение реформы без Государственной думы. Он понимал, что реформа займет много лет («нужна продолжительная черная работа», — говорил он), но ее нельзя откладывать, она давно назрела. Поэтому Столыпин настоял на проведении реформ путем указов царя в порядке 87 статьи Основных законов, и царь его всемерно поддержал. Лишь железная воля и решимость премьера сдвинули дело с мертвой точки. Без третьеиюньского переворота, проведенного Столыпиным, невозможно было бы осуществить аграрную реформу, получившую его имя и имевшую прогрессивное значение.

Основное содержание реформы заключалось в разрешении выхода крестьян из общины с одновременным укреплением своих наделов в частную собственность, в проведении землеустройства для ликвидации чересполосицы и переселения крестьян на окраины, хотя включалось еще довольно много иных мероприятий. Главной задачей реформы в экономическом отношении было повышение благосостояния крестьянства путем развития сельского хозяйства, а в социально-политическом плане — создание мощного слоя зажиточных крестьян как опоры власти, опоры российской государственности и правового порядка. Массовые крестьянские волнения осенью 1905 г. ставили вторую задачу на первое место, так как во многих местах организатором погромов помещиков выступала община.

К 1906 г. в общинах состояло (без казаков) 9,2 млн. дворов или 77 % из 12,5 млн. домохозяев, имевших землю. Община имела много положительных сторон: коллективное решение общих вопросов, устройство и ремонт школ, церквей, дорог,

водопоев, организация пользования лугами и пастбищами, помощь вдовам и сиротам, воспитание духа коллективизма. Община тормозила окончательное разорение многих крестьянских дворов, проводя общие и частичные переделы наделной земли. С другой стороны, некоторые функции общины изжили себя. С ростом малоземелья многие семьи уже не могли прокормиться со своего участка, но община насильно их удерживала, поскольку они не могли продать землю и уйти. Тормозилось и развитие зажиточных хозяйств, которые не имели возможности скупить наделы бедняков, не могли ввести улучшение севооборота. При частых переделах им было невыгодно внесение удобрений. По этой причине многие общины прекратили после 1861 г. передел земли. Таких беспередельных общин в 1913 г. насчитывалось в Европейской России 58 % от общего числа с 3,7 млн. дворов. Это свидетельствовало о том, что в государстве уже начался процесс распада общин как земельно-передельного аппарата и что столыпинская реформа имела исторические предпосылки. Другие функции общин при их частичном распаде должны были перейти к сельским обществам и сельским сходам, созданным по положению 1861 г.

Столыпин не ставил задачи ликвидировать все общины он рассчитывал создать слой зажиточных хозяев, как наглядный пример для общинников в преимуществе частнособственнических хозяйств типа хуторян в Прибалтике и Пруссии. Предварительно Столыпин уговорил Николая II провести в порядке 87-й статьи Основных законов ряд указов для улучшения земельной обеспеченности крестьян. В августе 1907 г. был создан земельный фонд для продажи крестьянам за счет казенных и удельных земель (около 5,5 млн. дес. пашни и 11млн. дес. леса). Вместе с 10 млн. дес. частных земель, проданных в 1906–1914 гг. крестьянам, это была существенная прибавка, но воспользоваться ею могли преимущественно зажиточные хозяйства.

Основным государственным актом реформы был указ 9 ноября 1906 г., также принятый в порядке 87-й статьи. Правовая основа для него была создана царским Манифестом 3 ноября 1905 г. об отмене выкупных платежей: по Положению 1861 г. после уплаты этих платежей земля переходила в полную частную собственность крестьян. Частными собственниками с 1 января 1907 г. становились 2,8 млн. подворников, главным образом в западных губерниях, а в Центральной России пол-

ным собственником земли должна была стать община. Указ 9 ноября 1906 г. разрешал крестьянам-домохозяевам выходить из общины и укреплять землю в личную частную собственность. Ранее же землей община наделяла не домохозяина, а крестьянскую семью. Кроме того, на основе статьи 12 указа крестьяне имели право требовать выделения всех многочисленных участков пашни и других угодий «к одному месту» в виде хуторов и отрубов (для выдела требовалось по указу согласие простого большинства, а к «одному месту» — 2/3 схода). Указ подлежал рассмотрению в Думе, но проводиться в жизнь он стал с января 1907 г. Третья Дума и Государственный Совет утвердили указ, 14 июня 1910 г. он был подписан царем и стал законом «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении». Закон упрощал разрешение выхода из общин (для выхода требовалось согласие лишь одной пятой части сельского схода, а выдела на хутор или отруб — простого большинства) и содержал особое положение для беспередельных общин: если не было переделов с момента надления крестьян землей, домохозяева этих общин считались механически перешедшими к частному землевладению. Это не означало обязательного выхода из общины, так как каждому домохозяину нужно было подать заявление в землеустроительную комиссию, которая выдавала удостоверительные акты о собственности на отведенные участки.

**Выделы  
из общин  
и земле-  
устройство**

В 1907–1915 гг. было подано 2755 тыс. заявлений о выходе из общины и закреплении земли в частную собственность. Кроме того, в беспередельных общинах 618 тыс. дворов подали заявления о выдаче им удостоверительных актов.

Таким образом 3373 тыс. или треть домохозяев изъявили желание выйти из общин. Фактически вышло 2008 тыс. дворов на основе указа 9 ноября 1906 г. и 470 тыс. из беспередельных общин, всего же 2478 тыс. или 26,9 % общинников. В первую очередь выходили бедные и зажиточные дворы, хотя немало вышло и середняков. Из них 914 тыс. сразу же продали свои наделы, чтобы переселиться в Сибирь, переехать в город или купить землю через Крестьянский банк. Число выходцев из общин было особенно велико в новороссийских губерниях (до 60 %), правобережной Украины (до половины) и в ряде центральных губерний: Самарской (49 %), Курской



(44), Орловской (39), Московской (31), Саратовской (28 %), т.е. наибольшим был выход в районах высокого развития капитализма и в тех малоземельных районах, где средние наделы не обеспечивали прожиточного минимума. В остальных губерниях черноземного центра вышло около четверти дворов. В большинстве нечерноземных губерний доля выделенцев была небольшой (в среднем 10 %), а в северных и приуральских губерниях она составляла всего 4–6 %. Таким образом, в ряде губерний реформа шла довольно успешно и доля владельцев была высокой.

Но при оценке общих результатов реформы нужно было обязательно учитывать также проведение землеустройства, которое имело даже большее значение, чем выход из общин. Оно стало осуществляться после издания указа 4 марта 1906 г. о землеустройстве, но приобрело больший размах после принятия Третьей Думой закона 29 мая 1911 г. о землеустройстве. Этот закон установил, что проведение землеустройства с выдачей удостоверительных актов владельцу о границах его участков означает передачу ему этих участков в частную собственность без предварительного выхода из общины, что необходимо было делать до издания закона 1911 г. Поэтому после 1911 г. резко уменьшилось число заявлений о выходе из общин, зато возросло количество заявлений о проведении землеустройства. На 1907–1910 гг. пришлось 75 % всех выходов из общин и всего 36 % землеустроенных дворов. Заявления о землеустройстве в 1907–1910 гг. подали 2 млн. дворов, зато в 1911–1915 гг. — 4,2 млн., а всего 6,2 млн. домохозяев, что в 2 раза превышало число заявлений о выходе из общин.

Землеустройство проводилось с целью улучшения землепользования не только вышедших из общин крестьян, но и целых общин, групп и дворов, в том числе образования единоличных участков-хуторов и отрубов. Задача землеустройства состояла в ликвидации чересполосицы, уменьшении многополосицы и дальнотемелья. Для этого создавались отряды землемеров и землеустроительные комиссии (уездные и губернские). Комиссии создавались впервые в России как коллегиальные органы, возглавлявшиеся представителями администрации, но с введением представителей крестьянских обществ и земств, причем представителей земств и крестьян большинство. Это было сделано для лучшего учета местных условий, а комиссии

получили указание учитывать прежде всего добровольное согласие крестьян на отведение участков.

К 1915 г. из 6,2 млн. подавших заявления о землеустройстве акты об отводе участков были утверждены 2,4 млн. домохозяевам и еще 1,1 млн. участков отведены в натуре. Начавшаяся война и мобилизация в армию многих землемеров помешали продолжению работ. Рост землеустройства полностью перекрыл сокращение выходов из общины в 1911–1915 гг. В ходе землеустройства было отведено 1,2 млн. единоличных участков (хуторов и отрубов) и столько же реорганизовано групповых участков путем размежевания. Общая площадь землеустроенных хозяйств составила 21,3 млн. дес., что превосходило территорию Италии.

О том, какая работа проводилась в ходе землеустройства, свидетельствуют итоги обследования 1913 г. в 12 уездах различных губерний. По данным обследования, до проведения землеустройства только около 10 % дворов имели землю в 1–3 полосах, а 60 – наделы в 11 и более полос, в том числе 29 % – 21 полосу и более. После землеустройства все хозяйства получили не более 3 участков, в том числе 26 % всего одну полосу. Налицо коренная ликвидация мелкополосицы. У обследованных хозяйств значительно сократилось дальнотемелье. Например, доля хозяйств, владельцам которых приходилось ездить на самый дальний участок свыше 5 верст, сократилась в два с лишним раза (с 36 до 17 %).

После убийства П. Столыпина в 1911 г. проведение реформы в жизнь осуществлял Главноуправляющий землеустройством и земледелием (этот пост приравнивался к министерскому) А. Кривошеин, который с 1908 г. был верным помощником и соратником Столыпина.

**Александр Васильевич Кривошеин (1857–1921)** – выдающийся государственный деятель России, которого современники ставили на третье место после С. Витте и П. Столыпина, не принадлежал к потомственному дворянству. Его отец был крепостным крестьянином, дослужившимся из солдат до полковника, а сам Кривошеин, окончив университет, начинал государственную службу в 1884 г. простым делопроизводителем. Благодаря своему уму, блестящим способностям организатора, таланту администратора, особому политическому чутью, он не только стал министром, но в 1914–1915 гг. являлся «серым кардиналом», негласным руководителем правительства. При поддержке царя и III Думы ему удалось добиться значительного увеличения денег на проведение реформы, повысить качество всех работ. провести ряд важных мероприятий.

**Переселение  
крестьян  
на окраины**

От политики значительного ограничения переселений за Урал правительство перешло фактически к полной свободе переселений (осталось только условие посылки ходока для предварительного зачисления участка земли). Переселение стало составной частью реформы, оно должно было обеспечить землей малоземельных крестьян центра. За Уралом было создано 12 переселенческих районов, совпадавших с границами губерний и областей. Организация переселения включала формирование особых поездов, значительные льготы при проезде и провозе багажа, помощь в пути, ссуды на домообзаведение, отвод специальных участков, строительство дорог, школ, больниц, церквей и многое другое. Была проделана громадная работа, которая позволила устроить миллионы новоселов и свести к минимуму обратный переезд.

Всего по данным официальной регистрации в годы реформы оказалось за Уралом 3 млн. переселенцев и 730 тыс. ходоков, из которых более 3 млн. осталось в Сибири. Основная масса их переехала в первые четыре года (60 %), затем процесс замедлился, и даже временно свободное переселение было отменено, так как в Сибири скопилось около 700 тыс. неустроенных мигрантов. Данная ситуация объяснялась тем, что царь разрешил отвести под переселение свободные земли Кабинета на Алтае, но нужно было предварительно отвести наделы старожилам, которые жили на этих землях и пользовались ими свободно. Это были самые лучшие земли в Сибири, и большая масса переселенцев, хорошо подрабатывая в хозяйствах зажиточных крестьян, ждала окончания землеустройства, ведущегося рекордными темпами. Затем они там и оставались, хотя многие могли переехать на свободные земли Восточной Сибири. Лишь небольшая часть новоселов не получила участки в связи с прекращением землеустройства в начале первой мировой войны.

Переселенцы по закону могли получать по 15 дес. удобной земли и 3 дес. леса на душу мужского пола. Действительные наделы были близки к этим нормам и вполне достаточны для проживания и производства товарной продукции, но у новоселов не хватало средств для покупки лошадей, машин, коров, особенно в первые годы. Поэтому они жили беднее старожилов, часто нанимались к ним батраками. Проведенные по заданию Государственной Думы обстоятельные обследования по-

казали, что с течением времени положение новоселов значительно улучшилось, среди них тоже выделился слой зажиточных крестьян.

После поездки Столыпина и Кривошеина в Сибирь в 1910 г. было принято решение об отводе хуторов и отрубов и о разработке законопроекта о введении частной собственности сибирских крестьян на землю. Полностью этот план до войны реализовать не удалось, осуществился лишь отвод хуторов и отрубов переселенцам.

В 1911–1914 гг. при сокращении количества переселенцев удалось повысить качество их устройства. Тщательнее проводился отвод участков, лучше и больше строилось дорог, школ, больниц, церквей. Средние размеры ссуд для домообзаведения увеличились с 50 до 93 руб. на семью, а на Дальнем Востоке до 150 руб. До войны новоселы-мужчины получали отсрочку от призыва в армию, что увеличивало число рабочих рук в их семьях.

За счет переселения в Сибирь выросли тысячи новых сел. Уже к 1911 г. были освоены более 30 млн. дес. угодий, резко возрос вывоз хлеба, мяса, масла и других продуктов в центральные города и за границу. На рынках столиц сибирское масло и мясо составляли более половины их продаж. Сибирская дорога из убыточной превратилась в рентабельную.

Переселение могло быть более широким, если бы правительство выделяло на него больше средств, увеличило ссуды. Многие недостатки устройства новоселов зависели от того, что контингент переселенцев составляли в основном малосостоятельные крестьяне, тратившие на переезд почти все свои средства. Лишь небольшая часть мигрантов имела достаточно денег, устраивалась быстро и добротно.

Переселение имело огромное значение для Азиатской России, но оно не решило полностью задачи серьезного уменьшения малоземелья в центре страны. Высокая рождаемость в деревне черноземной полосы, откуда шел основной поток миграции, привела к общему росту в этом регионе сельского населения.

#### Итоги столыпинской реформы

В ходе реформы всего за 8 лет из общины вышла четвертая часть крестьян, главным образом в основных земледельческих регионах. Кроме того, частными собственниками стали 2,8 млн. домохозяев с подворным землевладением. Большое значение имело также проведенное в огромных размерах землеустройство.

За короткий исторический срок было создано почти 1,6 млн. хуторов и отрубов, в том числе около 1 млн. в ходе землеустройства, 0,3 млн. путем выдела из общин и 0,3 млн. — на землях Крестьянского банка. На этих участках, как показали проведенные в 1912 и 1916 гг. массовые обследования, гораздо шире использовались современные сельскохозяйственные машины и орудия, удобрения, вводились многопольные севообороты, по сравнению с соседними крестьянскими хозяйствами в полтора-два раза повышались урожаи. Значительно улучшилась планировка и у 1,2 млн. частных хозяйств, которые получили землю в ходе землеустройства без сведения всех угодий «к одному месту», за счет ликвидации у них мелкополосицы и дальнеземелья. С учетом 2,8 млн. подворников, за 1906–1914 гг. появилось по меньшей мере около 7 млн. новых частных мелких собственников земли, тогда как в 1905 г. насчитывалось всего 0,7 млн. и крупных и мелких собственников.

Аграрные преобразования способствовали подъему сельского хозяйства, а в социально-политическом отношении — увеличению слоя зажиточных крестьянских хозяйств. Все это создавало более прочный фундамент российской экономики и расширяло социальную опору российской государственности. Начавшаяся мировая война фактически сорвала проведение реформы, проводились лишь незначительные преобразования. Однако и за предшествующие 8 лет ее задачи были реализованы лишь частично. Тем не менее, в результате реформы в жизни села произошли заметные сдвиги. Резко возросло применение усовершенствованных машин и орудий: в 1906 г. в стране было произведено (без учета весьма значительного кустарного производства) и ввезено сельскохозяйственных машин на 39 млн. руб., а в 1912 — уже на 131 млн. или в 4 раза больше. Посевные площади за 1906–1910 гг. возросли на 4 млн. дес., а в 1911–1915 гг. на 7 млн. Средняя урожайность всех хлебов увеличилась на 12–15 %, а на наделных землях чистые урожаи (т.е. за вычетом семян) поднялись с 39 до 43 пуд. с 1 дес., что равно валовому урожаю в 8,5 ц с 1 га. Повысилась товарность производства хлебов. Только на внешний рынок в 1909–1913 гг. ежегодно в среднем поставлялось хлеба на 637 млн. руб. против 470 в 1904–1908 гг. Большое историческое значение имело переселение в Сибирь и в Степной край: ни до 1906 г., ни после 1914 г. такого интенсивного заселения этих земель не наблюдалось.

Столыпин и Кривошеин создали сравнительно небольшой, но работоспособный аппарат, большинство которого составляли не чиновники, а специалисты — землемеры, почвоведы, агрономы и др. Возглавляли отдельные управления и органы профессионалы высокого класса, многие из которых оставили ценные труды о своей работе (Г. Глинка, В. Вощинин, И. Ямзин, Г. Чиркин, Н. Турчанинов и др.) Бюджет Главного управления землеустройства и земледелия был увеличен с 46 млн. руб. в 1907 г. до 157 млн. в 1914 г., или в 3 раза, а в 1914–1916 гг. намечалось финансирование широкомасштабных работ по мелиорации земель в Средней Азии и Западной Сибири.

В период проведения реформы произошло и еще одно значительное изменение в жизни крестьянства: более быстрыми темпами стала развиваться кооперация. Если в 1895–1905 гг. ежегодно создавалось по 240 кооперативов, то в 1906–1914 гг. — по 3 с лишним тыс. со все возрастающим преобладанием сельской кооперации над городской. К началу 1914 г. в стране было более 31 тыс. кооперативов, в том числе 13 тыс. кредитных, 11 тыс. потребительских, свыше 6 тыс. различных сельскохозяйственных обществ, товариществ, артелей. Общее число членов превысило 11 млн., за каждым из которых стояла семья. Кооперации объединяли прежде всего сбыт товаров, создав мощную конкуренцию скупщикам-спекулянтам. Они также закупали в городах промышленные товары и продавали крестьянам по среднерыночным ценам (спекуляция в кооперативах была запрещена). Кооперативы снабжали крестьян машинами и орудиями, удобрениями, строительными материалами, одеждой, обувью. Большое значение имело создание единой системы кооперативного кредита, которую с 1912 г. возглавил Московский Народный банк. Это нанесло существенный удар по ростовщичеству в деревне. Появились кооперативы и в области производства, различные артели: маслодельческие, сыроваренные, молочные, льноводческие, пчеловодческие, свиноводческие, мукомольные, товарищества по машинной обработке земли и т.п. Исследования тех лет показали, что вышедшие из общины и землеустроенные дворы более активно вступали в кооперативы, чем остальные хозяйства. Таким образом, коллективные формы жизни крестьян в общине находили органическую преемственность в кооперации, которая значительно расширила сферу коллекти-

визма, объединив сбыт, закупки, кредит и частично производство.

В итоге проведения столыпинской аграрной реформы значительно повысился уровень и вырос объем сельскохозяйственного производства, частично было усовершенствовано землепользование, появились новые формы организации хозяйства, улучшилась агрономическая помощь крестьянам, что позволяет сделать вывод о ее прогрессивном характере.

Начавшаяся в августе 1914 г. мировая война привела к прекращению землеустройства и переселения, а главное, к незавершенности аграрной реформы. Сокращение темпов выхода крестьян из общины в 1910–1914 гг. происходило по следующим причинам: из-за начавшейся борьбы крестьян во многих регионах против разрушения общин; новых условий землеустройства по закону 1911 г. (отвод земель в частную собственность главы двора без выхода из общины), укрепления земли в собственность основной массы желающих выделиться из общин уже в 1907–1909 гг.

### Вопросы и задания

- Назовите причины промышленных подъемов 90-х годов XIX в. и 1909–1914 гг. Какое место занимала Россия по общему объему промышленного производства и по темпам промышленного развития среди передовых стран мира?
- За счет каких капиталов происходила индустриализация России в конце XIX – начале XX в.?
- Почему общий индекс промышленного развития страны продолжал подниматься в 1900–1903 гг., несмотря на кризис в тяжелой промышленности?
- Как вы думаете, какое влияние оказывало на экономику страны широкое рабочее и крестьянское движение в начале XX в. и, особенно, в 1905–1907 гг.?
- Как вы считаете, почему в русской деревне, в отличие от западных стран и от Японии, крестьяне не передавали землю одному старшему сыну, а делили между всеми сыновьями? Возможно ли было избежать малоземелья при таком способе наследования через несколько поколений?
- Какие факты свидетельствуют о том, что сельская община как земельно-распределительный аппарат уже в значительной степени разложилась к началу XX в.?

- Каким был выход крестьян из общины по столыпинскому законодательству: обязательным, добровольным или добровольно-разрешительным?
- В чем заключалось землеустройство крестьян по указу 1906 г. и закону 1911 г.? Какая часть домохозяев подала заявления о своем землеустройстве и почему? Почему П. Столыпин считал, что главным в аграрной реформе был не выход из общины, а землеустройство?
- Какое экономическое, социальное и военно-стратегическое значение имело переселение миллионов крестьян из Европейской России за Урал?



## § 1. Внутренняя политика в начале XX века

**Николай II  
как глава  
государства**

В конце XIX в. государственный строй России оставался самодержавным, так как царь являлся носителем верховной власти, но это не означает, что самодержавие не изменялось. Управление страной все более приобретало коллегиальный характер. Законопроекты довольно долго готовились в департаментах министерств, затем широко обсуждались в Госсовете и подписывались царем. Однако царь мог не утвердить мнение Госсовета или утвердить мнение его меньшинства, но делалось это крайне редко. Программы наиболее значительных реформ объявлялись в царских Манифестах или рескриптах, разрабатывались Особыми совещаниями, комиссиями с приглашением «сведущих людей» (например, профессора В. Ключевского, юриста А. Кони и др.). Но решающее слово в проведении всей политики принадлежало императору и очень многое зависело от того, кто занимал трон.

В 1894 г. в России императором стал 26-летний Николай II (6 мая 1868 г. – 17 июля 1918 г.). В отличие от отца, царя Александра III, его с детства готовили к занятию престола по специальной программе. Он получил хорошее воспитание в духе православной морали. Даже его явный недруг граф С. Витте вынужден был признать, что царь был самым воспитанным человеком из всех, кого он встречал. В детстве наследник изучил пять языков: в совершенстве знал русский, свободно владел английским, французским, немецким и датским. Впоследствии он говорил окружающим: «Русский язык так богат, что позволяет во всех случаях заменять иностранные выражения русскими». Во всех отчетах и документах он подчеркивал иностранные слова и заставлял избегать их.

После изучения учебных дисциплин расширенного гимназического курса он получил два высших образования. Первое имело в основе учебный план университетского юридического факультета с увеличением исторических и экономических

предметов, а второе – высшее военное в объеме Академии генштаба. Его преподавателями были выдающиеся профессора и ученые: К. Победоносцев, Н. Бунге, В. Ключевский, Е. Замысловский, композитор А. Кюи, генералы М. Драгомиров, Г. Леер и др.

Николай был развит духовно и физически. Он знал и любил литературу, играл на фортепиано и скрипке, неплохо рисовал, часто посещал театры, был посвящен во все тайны искусства, занимался спортом и охотой, любил физическую работу – пилить дрова, убирать снег и т.п. Как и его отец, он восхищался русской оперой и русским балетом, высоко ценил Мусоргского, Глинку, Чайковского. Больше всех классиков любил Пушкина и Гоголя. Николай всю жизнь проявлял полное безразличие к роскоши и комфорту, был неприхотлив в одежде и в пище, к чему приучал и детей. Молодым человеком он предпринял по настоянию отца большое путешествие. За 9 месяцев от посетил Австрию (Триест), Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию и затем на лошадях проехал от Владивостока через всю Сибирь.

С детства Николай был приучен к упорному труду, занимался строго по расписанию. Став царем, он отличался большой работоспособностью, ежедневно много часов занимался государственными делами, принимал министров и других крупных сановников, очень внимательно читал доклады, отчеты, записки, хотя часто был недоволен их содержанием, пустословием, и это занятие было для него иногда тягостным, что нашло отражение в его дневнике. Таким образом, теоретическая подготовка его к государственной деятельности была планомерной и весьма хорошей.

Ко времени занятия престола наследник не имел достаточного опыта государственного управления и не был к этому готов морально, так как его отец отличался богатырским телосложением и ему все прочили долгую жизнь, а умер он неожиданно в 49 лет от нефрита. Но нельзя признать верным и мнение о том, что наследника держали в детской до 26 лет. Николай был членом Государственного Совета, присутствовал на заседаниях Комитета министров, слушал обсуждения различных законопроектов, был Председателем Комитета сибирской железной дороги, где разрабатывались очень важные постановления о мерах по заселению Сибири, возглавлял Комитет по

борьбе с голодом 1891–1892 гг. Этого, конечно, было недостаточно и заниматься непосредственно государственными делами он стал сразу после кончины Александра III.

Более значительным был военный опыт наследника. Он несколько лет проходил обучение строевой службе в гвардии, командовал ротой, эскадроном. В 1887 г. – произведен в штабс-капитаны, в 1891 г. – капитаны, а в 1892 г. – в полковники. В этом звании он стал императором и считал не вправе присваивать себе новые чины, хотя имел высокие воинские звания многих государств. В 1915 г. он был удостоен высшего звания британской армии – фельдмаршала.

Став императором, Николай II, по отзывам министров, благодаря своему уму, способностям и образованию довольно быстро овладел искусством управления государством. Даже Витте признавал, что Николай II «несомненно очень быстрого ума и способностей; он вообще все быстро схватывает и понимает». Относительно силы воли нового государя мнения были различными. Одни, в том числе Витте, были убеждены в безволии царя. Они считали, что он всегда был под влиянием то тех, то других личностей. Более близкие люди подчеркивали, что царь был мягок в обращении, никогда не кричал на подчиненных и внешне производил впечатление безвольного человека, но на самом деле он имел сильную волю и четко проводил свои планы и политику в жизнь. Второе мнение более правильно. Царь выслушивал воззрения разных людей, но поступал так, как сам считал нужным, ибо понимал свою ответственность за судьбу империи.

В основе мировоззрения Николая II лежала вера в Бога, вера в то, что его долг царского служения родине был возложен на него Богом. Он много и страстно молился и твердо верил в то, что «на все есть воля Божья» и «все в руках Господа». Поэтому ему не хватало практицизма в политике, критического анализа всех опасных ситуаций, которые судьба создавала для него очень часто. В такие моменты он бывал незлобив и уповал на Бога. Политические взгляды царя не оставались неизменными. При вступлении на престол он находился под влиянием идей К. Победоносцева и своего отца. В своей речи в январе 1895 г. перед земскими депутациями он назвал предложения об участии представителей земства в делах внутреннего управления «бессмысленными мечтаниями» и отметил, что он бу-

дет «охранять начала самодержавия» твердо и неуклонно, как его отец.

Он оставался сторонником самодержавия всю жизнь, ибо считал, что оно ниспослано Богом. Тем не менее, политическое мировоззрение Николая претерпевало существенные изменения в зависимости от политической обстановки в стране. В Манифесте 26 февраля 1903 г. содержалась программа реформ. Для обсуждения будущих преобразований (о привлечении выборных в Госсовет, о свободе вероисповеданий и др.) царь созвал широкое совещание. По этому поводу Витте записал: «Самый вопрос, поставленный в совещании, для меня был признаком того, что государь далеко ушел в своем политическом мировоззрении». Особенно же большое значение имело введение в России гражданских свобод и законодательной Думы Манифестом 17 октября 1905 г. В письме матери царь через два дня написал, что это решение он «принял совершенно сознательно». На приеме 1 декабря 1905 г. делегаций правых партий, упраскивавших императора отменить Манифест, Николай твердо заявил: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению». Царь сдержал свое слово и не отменил законодательную Думу в России, хотя имел возможность это сделать, особенно в период мировой войны, когда с ее трибуны возводили против него лживые обвинения и она стала центром антицарской пропаганды.

Николай II в начале XX в. был сторонником реформирования страны. В письме матери в октябре 1905 г. он писал, что не пошел на установление диктатуры по двум причинам: «это стоило бы потоков крови» и «реформы не могли осуществляться бы». Царь считал, что реформы нужно проводить постепенно по возможности в спокойной обстановке. Только благодаря его поддержке и даже определенному нажиму была проведена финансовая реформа и другие экономические преобразования конца 90-х годов, против которых выступали влиятельные круги, хотя лавры достались Витте. Точно также Столыпин и Кривошеин смогли проводить аграрную реформу, несмотря на нападки левых, правых и либералов, лишь опираясь на твердую волю монарха. Манифестом царя 3 ноября 1905 г. крестьяне были освобождены от уплаты выкупных платежей, без чего невозможно было бы передавать земли в частную собственность крестьян.

В 1907 г. в письме Столыпину Николай II писал: «Я имею всегда одну цель перед собой: благо родины; перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей».

Последний император вместе с тем не имел многих качеств руководителя государства, крайне необходимых в условиях острых социальных конфликтов. Он не сумел правильно оценить расстановку политических сил и социальную опасность, нависшую не только над троном, но и над российской государственностью в целом. Он не имел властности и решительности, необходимых для более быстрого проведения кардинальных мер. Его постоянное упование на Бога, на Божью помощь, мешало ему предпринимать даже крайне назревшие меры по предотвращению революции. Он часто повторял: «Даст Бог, постепенно так и сделаем», «Многое надо улучшать и упорядочить, но имейте терпение» (последнее он говорил делегации рабочих). Но времени на «постепенность» история ему не предоставила. Он не был гибким политиком и не имел таланта организатора, администратора, был категорическим противником лавирования и временных компромиссов, за что осуждал Столыпина. Но без этого уже нельзя было управлять в сложнейшей политической обстановке начала XX века.

Ближайшее окружение Николая II	Вокруг Николая II никогда не было сплоченной группы преданных ему лиц. В трудные моменты он не находил поддержки в своем окружении. В октябре 1905 г. он писал матери, что ему «не на кого было опереться, кроме честного Трепова». То же случилось в трагические дни отречения от престола в марте 1917 г., когда он записал в дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман». Как бы сказали современные политологи, у него не было своей «команды».
-----------------------------------	--

Причина была в том, что последний царь не желал создать такую группу и тем более политическую партию. Столыпин пытался найти опору в политических партиях октябристов и националистов, но Николай отнесся к этому резко отрицательно.

Царские родственники претендовали на занятие всех высших постов в государстве на том основании, что они преданы династии и будут настоящей опорой трона. Двоюродный дядя императора великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре Николая II, и много лет спустя считал законными домогательства всех Романовых. «Даже наименее одаренные из них, — писал он в «Книге воспоминаний», — могли бы с боль-

шим успехом занимать административные посты в империи, чем те бюрократические роботы-изменники, которые... захватили министерские и губернаторские портфели». Но в первые же годы правления царь получил горький урок использования близких родственников на высших должностях.

С 1894 г. молодой император оказался окруженным влиятельными родственниками, с которыми он вынужден был считаться. На первом месте стояла мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, женщина сильного, властного характера, которую в семье называли «гневной». Ее мнение обязательно нужно было спрашивать при назначении министров и принятии важных решений. Она сочувствовала либеральствующим представителям высшего общества, поддерживала западнические настроения, довольно часто ездила на родину в Данию, где государственным строем с 1849 г. была конституционная монархия. Со временем ее влияние вытеснила молодая царица Александра Федоровна (1872–1918), которую Николай II искренне любил, уважал и дорожил ее мнением. Она держалась отчужденно от «высшего света», и тот стал ей мстить сплетнями, принимая ее застенчивость и гордость за высокомерие и презрение к окружающим. Она очень боялась, что либеральное движение отнимет реальную власть у царя и сделает его таким же безвластным, как английские монархи, а уж недостатки этого двора она знала изнутри, так как воспитывалась своей бабушкой английской королевой. Она советовала мужу проявлять больше власти, считала эту власть Божественной. Но активно вмешиваться в политику она стала только в годы мировой войны, а до этого была поглощена заботами о семье, особенно после рождения в 1904 г. сына Алексея, наследника российского престола.

Наибольшее влияние на царя оказывали в первое время великие князья: четыре дяди, родные братья Александра III – Владимир, Алексей, Сергей и Павел. Три первых занимали крупные государственные посты еще при Александре III, и Николай II считал невозможным снять их. Старший – Владимир Александрович был в 1884–1905 гг. главнокомандующим гвардией и войсками Петербургского военного округа; Алексей Александрович был генерал-адмиралом, в 1880–1905 гг. являлся главным начальником флота и морского ведомства; Сергей Александрович с 1891 по 1905 гг. был московским генерал-гу-

бернатором и командующим войсками Московского военного округа. Все они были значительно старше царя по возрасту, звали царя «дорогой Ники» и постоянно его осаждали просьбами, главным образом денежными, вели себя вольготно, халатно относились к своим прямым обязанностям, что послужило одной из причин первых крупных бед императора и России.

Весьма близкий к царю великий князь Сергей Александрович, женатый на родной сестре царицы Елизавете Федоровне, по существу был виновником «ходынской катастрофы»: из-за халатности московских властей и полиции на 13-й день коронационных торжеств 18 мая 1896 г. погибло во время давки на Ходынском поле, где раздавали подарки, 1282 человека и сотни были ранены. После этого революционеры дали царю прозвище «кровавый». Николай не решился даже наказать «дядю Сергея». «Кровавое воскресенье» 9 января было в значительной степени результатом непродуманных действий великого князя Владимира Александровича, находившегося в столице и занимавшего там высший военный пост (император тогда жил в Царском селе). На этот раз царь снял «дядю Владимира» со всех постов, но кличка «кровавый» уже стала повторяться в более широких кругах. Великий князь Алексей Александрович мало заботился о флоте, не занимался его реорганизацией и на него легла ответственность за позорное поражение у Цусимы, после чего был уволен в отставку.

Из других родственников наиболее значительную роль играл великий князь Николай Николаевич, который возглавлял Совет обороны, а в 1914–1915 гг. был верховным главнокомандующим.

После 1905 г. царь уже не назначал великих князей на высокие посты в государстве, ссылаясь на то, что они должны служить в армии и гвардии. В ответ на притязания Александра Михайловича Николай II твердо заявил: «...я не могу позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления». В великокняжеской среде росло недовольство царем и царицей. Центром фронды стал салон Марии Павловны – третьей дамы империи, супруги Владимира Александровича, где собирался «весь свет». Идейным вдохновителем оппозиции был великий князь Николай Михайлович, историк и масон. Из 15 великих князей в 1917 г. верными царю остались только двое – брат Михаил и дядя Павел, хотя оба временно лишались ца-

рем всех прав и высылались за границу за морганатические браки. Особенно переживал император за тайную женитьбу Михаила на трижды разведенной Вульферт (урожденной Шереметьевской), но простил его и вернул все права и привилегии в начале мировой войны.

Из числа министров и придворных чинов царь также не сумел организовать сплоченной группы. Время от времени появлялись временщики — Д. Трепов, А. Безобразов, В. Мещерский и др., но по разным причинам они сходили со сцены. Среди министров были крупные государственные деятели, оказавшие бы честь любому европейскому кабинету (С. Витте, П. Столыпин, А. Кривошеин), были опытные и деятельные администраторы (К. Плеве, П. Дурново и др.), но абсолютное большинство сановников прошло долгий тернистый путь в среде подбострастия, подсиживания, интриганства и было лишено самостоятельной инициативы и государственного подхода к решению важнейших вопросов. Царь отмечал, что все бояться взять ответственность на себя, их приходится всегда подталкивать. Поэтому многих министров приходилось заменять.

У царя и царицы было несколько друзей, преданных им, но они не играли большой роли в государственной жизни. Это — фрейлина Анна Вырубова, ее отец — начальник канцелярии С. Танеев, капитан царской яхты Саблин и несколько придворных. Большим горем для семьи была неизлечимая болезнь наследника Алексея — гемофилия. Официальная медицина тогда была бессильна против этой болезни, и царь с царицей искали народных лекарей и знахарей, среди которых особенно выделялся сибирский крестьянин из с. Покровское Григорий Распутин. Во время болезни от страшных болей Алексей громко кричал. Даже по словам лиц, ненавидевших Распутина (как дворцовый комендант В. Воейков), его появление у постели больного Алексея приносило облегчение и выздоровление. Мальчик был очень умным, красивым, ласковым, родители и четыре сестры не чаяли в нем души, особенно отец. Можно понять, как дорожили Распутиным царь и царица. Впоследствии о Распутине и его отношениях с царской семьей было сочинено много небылиц, злобной клеветы журналистами и сановниками с целью дискредитации царя. Но следователи Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства не нашли фактов прямого вмешательства Распутина в государственные



дела. Многочисленные домыслы о том, что Распутин возглавлял дворцовую камарилью, оказались вымыслом. В действительности окружение царя, которое называли камарильей, было настроено против Николая и его жены и не являлось, как в других странах, опорой и защитницей трона.

**Разработка  
программы  
внутриполи-  
тического  
курса**

Во внутренней политике наиболее важное место заняли разработка общеполитического курса, а также крестьянский и рабочий вопросы.

Разработкой *общеполитического курса* руководил лично Николай II: в связи с особой его

важностью и потому, что за 1899–1904 гг. сменилось три министра внутренних дел: Д. Сипягина революционеры убили через 1,5 года работы, В. Плеве – через 2 года 3 месяца, а П. Святополк-Мирского пришлось снять через 4,5 месяца после событий 9 января 1905 г. Д. Сипягин стал министром в 1899 г. Вместе с царем он выступал защитником самодержавия, но не имел четкой программы общего курса.

Сипягин примирил царя со своим родственником, редактором журнала «Гражданин» князем В. Мещерским, который стал как бы идеологом разработки концепции и проектов преобразований. Ему же принадлежало предложение обнародовать программу будущих преобразований в виде царского Манифеста. Проект такого документа был подготовлен уже в феврале 1902 г. В письмах царя Мещерскому, опубликованных в США в 1962 г., содержится одобрение в целом этого проекта и некоторые замечания по его переработке.

После убийства Сипягина в апреле 1902 г. царь привлек к разработке проекта министра внутренних дел В. Плеве.

**Вячеслав Константинович Плеве (1846–1904)** был одним из выдающихся, способных и умных министров. Он был опытным администратором, многие годы проработавшим в МВД на высших должностях, затем Государственным секретарем и министром Великого княжества Финляндии. Плеве имел собственную программу государственных преобразований. Будучи сторонником самодержавия и сохранения таких основ российской государственности, как православие, моральные нормы, народность, он не отрицал необходимость реформирования государственного управления. В письме славянофилу генералу А. Кирееву в 1903 г. он писал: «самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении». В беседе с руководителем московского земства Д. Шиповым он отмечал, что «государственный строй» России может быть «лет через 30, 40, 50 должен будет уступить место другому». Но главными принципами реформи-

рования он считал известную постепенность и решение государственных вопросов «только сверху, а не снизу», т.е. путем реформ, а не революции, возможность которой он не отрицал. Он считал необходимым проведение твердой политики в 1902–1904 гг. в целях успокоения масс и прекращения вредной пропаганды интеллигенции. Теории либералов он считал «отвлеченными мечтаниями», а реформы, призванные «обновить Россию», по его мнению, были по плечу «только исторически сложившемуся у нас самодержавию». Он намерен был посвятить всего себя борьбе с революцией и преобразовательной деятельности. По свидетельству князя В. Орлова, Плеве готовил план реформ, предусматривающих учреждение Государственной Думы, создание общероссийской земской организации. Опытный и расчетливый политик, обладающий сильным и властным характером, Плеве вместе с тем был готов к компромиссу с обществом, высказывался за привлечение «сведущих людей» к разработке реформ и деятельному участию в местном управлении. Сначала «сведущие люди», а потом и «выборные», – говорил он. Он стоял за развитие местного самоуправления, децентрализацию власти, заявлял, что «не считает возможным в настоящее время создавать законы для всей России из Санкт-Петербурга». Программу Плеве называли «земской зубатовщиной».

Важным шагом в реализации программы Плеве стала разработка Манифеста совместно с царем и Мещерским, по рекомендации которого он и стал министром. Манифест был подписан царем 26 февраля 1903 г. В Манифесте объявлялось, что в основу нового законодательства о сельском состоянии необходимо положить «неприкосновенность общинного строя», но следует облегчить отдельным крестьянам способы выхода из общины. Манифест обещал отмену «стеснительной круговой поруки». Провозглашалось увеличение государственных кредитов на укрепление и развитие благосостояния дворянства и крестьянства. Политическая программа Манифеста предусматривала улучшение правового положения крестьянства, коренное преобразование губернского и уездного управления, развитие местного самоуправления, усиление влияния православной церкви при разрешении свободы вероисповедания и другие меры.

Для осуществления программы Манифеста Плеве создал ряд комиссий по разработке законопроектов. До убийства Плеве через Госсовет прошел проект о создании Совета по делам местного хозяйства при МВД. Указ об этом был подписан царем 22 марта 1904 г. В стадии завершения был проект о Губернских Советах и был разослан по губерниям для обсуждения. В 1904 г. 6 июня был подписан царем новый закон о крестьянских переселениях, давший право губернаторам разре-

шать переселения из отдельных губерний и увеличивающий помощь переселенцам.

Убийство Плеве в июле 1904 г. прервало осуществление ряда его замыслов. Не только революционные, но и либеральные круги открыто ликовали по поводу убийства, поскольку ими был создан его образ как реакционера и антисемита, что не соответствовало действительности. Плеве был убежденным консерватором, признававшим необходимость значительных преобразований при сохранении, а затем постепенном обновлении основ государственного строя. Лица, близко его знавшие и не принадлежавшие к стану его врагов, отзывались о нем как о крупном государственном деятеле. Жандармский генерал А. Герасимов в воспоминаниях написал: «Террористический акт 15 июля 1904 г. лишил империю крупного вождя, человека слишком самонадеянного, но сильного, властного, державшего в своих руках все нити внутренней политики». Его принцип сочетания умеренного либерализма с проявлением силы власти для сохранения правопорядка был воспринят потом Столыпиным.

**Крестьянский вопрос**

Из текущих проблем внутренней политики после сильного неурожая 1901 г. и массовых волнений 1902 г. особую злободневность приобрел крестьянский вопрос. В конце августа 1902 г. Плеве собрал в Курске губернаторов, волостных старшин и сельских старост шести губерний: Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской. Царь, приехавший туда на маневры, произнес перед представителями дворянства, земств и крестьян три речи с обещанием реформ. В марте 1903 г. была отменена круговая порука в уплате налогов крестьянами. В августе 1904 г. был опубликован указ об отмене телесных наказаний по решениям волостных крестьянских судов. В этом же году были уменьшены недоимки по выкупным платежам и налогам. Однако наболевшие вопросы крестьянского землевладения откладывались на долгий срок путем создания Особых совещаний, комиссий в МВД и министерстве земледелия. Ни Николай II, ни Плеве не чувствовали необходимость срочного реформирования деревни. Единственный существенный закон о переселении 1904 г. обставлял получение разрешений такими сложными условиями, что воспользоваться переселением могли лишь немногие крестьяне.

роль в этом сыграл начальник московского охранного отделения жандармский полковник С. Зубатов. Это был выдающийся деятель полиции, способный администратор, защитник самодержавия. Он создал новую систему политического сыска в стране, реформировав порядок наружного наблюдения и внутреннего «освещения» путем тайной агентуры, создав «летучий филерский отряд», что дало возможность более эффективно бороться против нелегальных организаций революционеров. В этом его поддержал Плеве, назначив Зубатова начальником Особого отдела Департамента полиции для завершения реорганизации системы политического сыска. Как опытный полицейский, Плеве понимал ее значение для охраны государства. Он добился увеличения сельской полицейской стражи; вместо сотских, обязанности которых неохотно выполняли крестьяне в виде повинностей, в 1903 г. были введены полицейские стражники, замена должна была произойти в течение пяти с половиной лет. Это несколько увеличило штаты полиции. Но расширение было небольшим, и после всех реорганизаций карательный аппарат царизма оставался одним из самых малочисленных среди европейских стран. В то время в Англии и во Франции было, пропорционально населению, соответственно в 5 и 9 раз больше полицейских сил, чем в России. Особенно это касалось политической полиции. Корпус жандармов насчитывал в 1914 г. только 946 офицеров и чиновников, 12 699 вахмистров, унтер-офицеров и рядовых. В период революции их численность была совершенно не достаточна для такой огромной страны.

Вторая часть нововведений Зубатова, получившая название зубатовщины, состояла в том, чтобы направить рабочее движение в русло чисто экономической борьбы путем создания легальных рабочих организаций под тайным надзором полиции. Такая система была создана в Германии, о чем Зубатов писал в МВД еще в конце XIX в. Под покровительством генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича и градоначальника Д. Трепова Зубатову удалось в 1901 г. создать организацию в Москве — «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», а затем такого же типа организации и группы в ряде других городов, осо-

бенно в Западном крае и на Юге. В обществах проводились собрания, лекции либеральных литераторов и ученых. Полиция поддерживала экономические требования рабочих к предпринимателям. Зубатов использовал идеи экономистов.

Наиболее значительным событием была организованная Зубатовым «патриотическая манифестация» в Кремле 19 февраля 1902 г. к памятнику Александра II – Освободителя. Более 500 тыс. рабочих прошли спокойно, с иконами, пением гимна «Боже, царя храни». В западных и южных губерниях успех зубатовщины обеспечивала созданная в 1901 г. Еврейская независимая рабочая партия.

В условиях России начала XX в. Зубатову не удалось повторить германский опыт. Жалобы на него капиталистов – французского подданного Гужона и др. встретили поддержку министров Витте и Сипягина. Впоследствии Плеве временно поддерживал Зубатова, но Витте продолжал настаивать на невмешательстве правительства в отношении рабочих и предпринимателей.

Главным препятствием распространению зубатовщины была деятельность революционных партий, которые использовали нелегальные рабочие организации для своей агитации. Во время всеобщей стачки на Юге лидеру Еврейской независимой рабочей партии Шаевичу не удалось удержать рабочих Одессы и некоторых других городов в рамках экономической борьбы. Эта партия была распущена, а Зубатов был уволен в отставку и выслан на год во Владимир. Кроме этого официального повода причиной отставки были разногласия его с Плеве. Значение зубатовщины состояло в попытке вытеснить влияние революционных партий и свести рабочее движение в России к чисто экономическому. Эта вполне реальная программа запоздала: революционная пропаганда уже пустила глубокие корни, а революционные партии имели широко разветвленную сеть нелегальных организаций. Парадокс истории заключался в том, что в борьбу против зубатовщины выступили совместно с революционерами и предприниматели, не понимавшие ее значения. В погоне за максимальной прибылью они не желали пойти на уступки рабочим. Об этом говорит и тот факт, что законы по рабочему вопросу в 1903 г. были приняты под давлением Плеве и Витте вопреки желанию и заявлениям предпринимателей. Это – законы от 2 июня 1903 г. о страховании

рабочих от несчастных случаев за счет капиталистов (инвалидам сохранялось 2/3 среднего заработка) и закон 10 июня 1903 г. о назначении старост из числа рабочих для защиты их интересов.

#### **Рабочее движение**

На грани столетий пропаганда и агитация революционных групп и партий стали проникать в среду наиболее сознательных рабочих. Это проявилось в проведении первых политических стачек, в участии рабочих в политических демонстрациях. За 1896–1900 гг. прошло около 800 стачек экономического характера. Большое значение для роста всего революционного движения\* имели политические выступления студентов в 1899–1902 гг. Американский историк Р. Пайпс даже склонен видеть именно в них исток трех российских революций. Однако все же начало революционным стихиям было положено в 1905 г., когда в политическую борьбу вступили различные слои населения, но студенты впервые действительно организованно повели открытое политическое массовое наступление под лозунгом «Да здравствует политическая свобода!» В студенческих политических демонстрациях в Харькове, Петербурге, Москве, Киеве в 1901 г. участвовали многие рабочие и городские жители.

Политические выступления пролетариата начались в 1901–1902 гг. – в день 1 мая сопротивление полиции оказали рабочие военного Обуховского завода в Петербурге (1901 г.); первомайские демонстрации 1902 г. прошли в Харькове, Баку, Тифлисе, Вильно, Сормове. Если экономические стачки проходили в основном стихийно, то во всех политических выступлениях заметную роль играли социал-демократические, эсеровские и бундовские кружки. На Обуховском заводе было около двух десятков небольших социал-демократических и эсеровских кружков, в остальных случаях кружков было меньше, но они вели активную агитацию. Социалистическая интеллигенция создавала рабочие организации, разрабатывала и выдвигала требования рабочих, внедряла в сознание рабочих марксистскую идеологию о передовой роли пролетариата. В организации всеобщей стачки 1903 г. на Юге страны, наряду с социал-демократами и эсерами, значительную роль сыграла Еврейская независимая рабочая партия. Забастовки и демонстрации прошли в Баку, Тифлисе, Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Харькове. Впервые разрозненные выступления рабочих сливаются в единое движение.

Особенностью рабочего движения этого периода было также то, что в политических стачках самыми активными стали наиболее материально обеспеченные рабочие: металлисты, железнодорожники, нефтяники, типографщики и др. Среди них был выше процент грамотных людей и они были более восприимчивы к пропаганде революционной идеологии.

Среднегодовое количество стачек в начале XX в. осталось почти на том же уровне, как и в конце 90-х годов (550 стачек), но увеличилась доля политических стачек, на которых выдвигались требования 8-часового рабочего дня, законодательного признания 1 мая праздником, а также лозунги «Долой самодержавие», «Да здравствует демократическая республика» и др. Значительная часть политических забастовок и демонстраций была подавлена полицией, казаками и войсками.

<b>Крестьянское движение</b>	Новый век ознаменовался и ростом крестьянских выступлений. В 1895–1899 гг. произошло 385 волнений (в среднем 77 в год), а в 1900–1904 гг. – 1205 (241 в год), т.е. их количество увеличилось в 3 раза. Для страны, в которой было более 500 тыс. селений, это немного, но озабоченность правительства и царя вызвал размах крестьянского движения весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях. Оно охватило 165 сел и деревень с населением в 150 тыс. жителей. В разгромах помещичьих усадеб участвовало 5 тыс. человек. Крестьяне разгромили 104 имения, вывозили скот, продукты, вещи. Причиной был неурожай 1901 г. и малоземелье крестьян при наличии рядом огромных латифундий помещиков. Выступления были направлены против помещиков, а не против правительства: большинство крестьян возлагало свои надежды на царя. На подавление восстания правительство послало несколько тысяч солдат. Под влиянием этого движения произошли волнения крестьян в Киевской, Черниговской, Пензенской, Орловской губерниях. Всплеск крестьянской волны был прообразом подобных выступлений в 1905 и 1906 гг.
----------------------------------	---

Влияние социалистических партий в деревнях Полтавской и Харьковской губерний тогда было незначительным, но полтавский комитет РСДРП отпечатал и распространил листовку «Ко всем полтавским крестьянам!» в селах имения Мекленбург-Стрелецких – главного очага движения крестьян. Следствие отмечало, что в селах ходили слухи об указе царя, разрешающем передел земли, крестьяне перед восстанием стали

дерзко относиться к землевладельцам. В свою очередь это движение, во время которого выделялись народные вожаки, воодушевило эсеров и эсдеков создавать кружки в деревнях, привлекать к своей пропаганде сельскую интеллигенцию: народных учителей, врачей, агрономов, руководителей кооперации. В 1903 г. социал-демократические комитеты издали 23 листовки для крестьян с призывом к захвату помещичьих земель, а эсеры создали крестьянский союз и союз народных учителей. Хотя организации этих партий были еще малочисленными, их листовки вызывали широкие слухи о предстоящем переделе помещичьей земли.

В 1904 г. резко сократилось число и рабочих стачек (в 8 раз), и крестьянских выступлений, что было связано с окончанием экономического кризиса, хорошими урожаями, улучшением материального положения крестьян и рабочих.

Начавшаяся война с Японией вызвала в стране патриотический подъем, но затем дополнительные мобилизации, повышение налогов, известия о постоянных поражениях привели в конце года к нарастанию новой напряженности.

**Власть  
и общество  
в 1904 г.  
Радикализа-  
ция либераль-  
ного движе-  
ния**

Николай II после убийства Плеве решил продолжать реформы, но более либерального курса. Об этом свидетельствует назначение нового министра внутренних дел 25 августа 1904 г. слывшего либералом князя П. Святополк-Мирского и одобрение той программы, которую князь изложил как условие своего вступления в должность. Среди этих условий Мирский назвал вопросы веротерпимости, расширения самоуправления и прав печати, признание политическими преступниками лишь террористов и о «призыве выборных». Мирский был известен в обществе как сторонник более либеральных преобразований, чем Плеве, притом «мягкими методами». Он уволил из руководства МВД лиц правых взглядов (А. Стишинского, Б. Штюмерера и др.), выступил перед чинами министерства с речью о необходимости доверия к общественным и сословным учреждениям, отменил меры Плеве против земцев, ослабил давление на печать. Этот период в прессе получил название «весны» или «эры доверия». «Шаг вперед... впервые за сто лет», — писала суворинская газета «Новое время». Нелегальный журнал «Освобождение» заверил министра в поддержке либералов и приветствовал его.



Причин перехода к этой «весне» было несколько. В это время русские войска в Маньчжурии терпели поражение. В августе японцы выиграли крупное сражение под Ляоляном и в тяжелое положение попала крепость Порт-Артур. Царь убедился, что третируемая им ранее «общественность», представляет довольно значительную силу, так как она включала не только интеллигенцию, но и многих близких его сердцу дворян, в том числе из самых высших кругов: князей Долгоруковых, Оболенских, Трубецких, Шаховских, Урусова, графов Гейдена, Шереметьева и многих других.

Министр юстиции Н. Муравьев после убийства Плеве говорил царю, что «нельзя управлять без общества». Это царь слышал и от матери, и от министров Витте, Ермолова и др. Мирский постоянно докладывал, что надо привлечь на свою сторону «общество» либеральными уступками и тогда оно отойдет от революционеров, которые реальной силы не представляют, их можно будет легко изолировать и победить. Поэтому были сделаны послабления обществу. Как же общество реагировало на эти уступки?

В конце XIX – начале XX вв. либеральное движение в России расширяется и радикализируется. Этому способствовало развитие революционного движения, возникновение нелегальных революционных партий и активизация их деятельности в народе. В этой связи ослабляется и жесткость режима по сравнению с правлением Александра III, так как основные силы полиции направляются на борьбу с революционерами, с рабочими и крестьянскими выступлениями. Руководители и идеологи либерального движения, ранее сосредоточенного в земских организациях, получают поддержку новых организаций, полулегальных и нелегальных. С 1899 по 1905гг. в Москве действовал полулегальный кружок «Беседа» в доме Долгоруковых. Он объединял около шестидесяти человек, в том числе 9 князей, 8 графов, 2 барона, много предводителей дворянства, занимался пропагандой идеи конституционализма. Статьи членов кружка в журнале «Право» и в других изданиях имели большой резонанс, как, например, статья князя Е. Трубецкого «Война и бюрократия» в сентябре 1904 г. «Бюрократия должна стать доступной общественному контролю и править с обществом, а не вопреки обществу», – писал Трубецкой. Кружок сыграл большую роль в распространении либеральных идей в великосветских салонах столиц, куда широко проникали предложения об ограничении самодержавия.

В это же время у членов кружка и у многих противников самодержавия возникли идеи создания нелегальных подпольных организаций и изданий для объединения всех антиправительственных сил. С июня 1902 г. в Штутгарте, а с 1904 г. в Париже стал издаваться двухнедельный журнал «Освобождение» под редакцией П. Струве (издано 79 номеров). Название журнала символизировало борьбу за освобождение от самодержавия. В 1903 г. состоялось совещание сторонников журнала в Швейцарии, которые основали Союз Освобождения. Название Союз, а не партия, было дано сознательно: в нем должны были объединиться все антиправительственные силы несоциалистического направления с широким спектром взглядов. Программой движения стал лозунг «Долой самодержавие», который из соображений конспирации лидеры называли «двучленной формулой». Позднее Милюков дополнил программу аграрным и рабочим вопросами, но сделано это было с тактической целью «привлечения масс к борьбе с самодержавием». Освобожденцы не ставили вопроса об улучшении самодержавия или о совершенствовании форм российской государственности. По словам В. Маклакова предполагалось создать «новый строй по последним рецептам теории». Журнал «Освобождение» и особенно его «Листок» (26 номеров) с актуальными информацией, политическими комментариями, с публикацией секретных документов были очень популярны среди интеллигенции, широко распространялись и переписывались. Союз провел до осени 1905 г. четыре съезда в России, проходивших нелегально. В Союз входили в основном представители интеллигенции. В сентябре 1904 г. в Париже прошло совещание оппозиционных и революционных партий. Приглашения были разосланы 18 партиям и организациям, а приняли участие 8 (Союз освобождения, эсеры, польские и латышские социалисты, тольские и финские националисты, армянские и грузинские социалисты-федералисты). Из левых партий не участвовали социал-демократы. Совещание вынесло резолюции об «уничтожении самодержавия», о замене его «свободным демократическим строем» и о праве наций на самоопределение. От эсеров на совещании присутствовал провокатор Е. Азеф, который донес в полицию о его решениях. Главным инициатором совещания был финский социал-националист К. Циллиакус, получивший деньги на его проведение от бывшего японского военного атта-

ше в Петербурге и от американских еврейских миллионеров. Значительные пожертвования поступали от российских предпринимателей и дворян. Более 100 тыс. руб. было дано на издание журнала «Освобождение». Конечно, революционеры и либералы в большинстве не знали об этих деньгах, они шли на борьбу не из-за денег. Но появившиеся партии, издания, большое количество профессиональных деятелей в революционных и либеральном движении без денег, естественно, существовать не могли. Литературная работа приносила мизерные средства, приходилось принимать пожертвования и даже идти на «экспроприации» — по существу обычные грабежи государственных и частных банков, магазинов, кредитных учреждений. Все это оправдывалось «революционной необходимостью».

Одновременно радикализировалось и земское движение. Часть земцев входила в Союз Освобождения и была среди его основателей, но многие из земцев стояли за переход к конституционному режиму путем реформ. В земском движении руководство принадлежало дворянам. Из 1100 губернских и уездных гласных 33-х губерний в оппозиционном движении участвовало 241 (или 22 %). Большинство из них были крупными помещиками, а 86 % — потомственными дворянами. Они в основном и верховодили в земском движении, хотя более радикальным был так называемый «третий элемент» земств: статистики, агрономы, служащие и т.п. В 1912 г. численность служащих составляла 85 тыс. человек, а вместе с оплачиваемыми земствами лицами — около 150 тыс.

Земское движение активизировалось в период «эры доверия». Земские деятели собрали съезд 6—9 ноября 1904 г. Съезд в основном занимался политическими вопросами. В его решении главным был десятый тезис о переходе к конституционному строю путем передачи законодательной власти народному представительству. Лишь меньшинство (27 голосов из 98) высказалось за законосовещательный выборный орган. Первые 9 тезисов о введении демократических свобод были приняты единогласно.

После съезда в большинстве губерний и уездов стали проводиться земские собрания в поддержку его решений. По всей России прошли также многочисленные банкеты с политическими речами, завершавшиеся резолюциями с требованием конституции. В 34 городах состоялось около 120 банкетов, на ко-

торых присутствовало 50 тыс. человек: врачей, адвокатов, учителей и т.п. Банкетная компания сопровождалась многочисленными митингами и демонстрациями по всей стране. Эти собрания использовались революционными партиями и либералами для антиправительственной пропаганды. Такой характер носили собрания многих легальных обществ: экономического, юридического, географического, исторического и др. Даже совещание 23 губернских предводителей дворянства обратилось к Мирскому с заявлением о желательности созыва народных представителей и с требованием отмены «государственного произвола». В. Ленин отметил этот факт как выражение кризиса внутренней политики самодержавия. Следовательно, процесс радикализации либерально-оппозиционного движения, нараставший после 1895 г., резко усилился в период «весны» министра Мирского. Так общество реагировало на уступки.

Губернаторы и полиция ждали указаний от правительства, а их не было. В этом была слабость власти, все привыкли ждать указаний сверху, а без этого ничего не предпринимали. Начальник харьковской (позднее петербургской) охранки писал: «Где же было правительство?.. Мы, его агенты на местах, не получали никаких указаний и обречены были оставаться почти молчаливыми свидетелями картины всеобщего развала». К царю обращались с протестами против политики Мирского великий князь Сергей Александрович и Д. Трепов, пригрозившие своей отставкой, князь А. Ширинский-Шихматов, подавший в отставку с поста тверского губернатора, и другие лица правого толка. Царица Мария Федоровна вынуждена даже была заявить, что она навсегда уедет в Копенгаген, если тронут Мирского. Царь решил после совещания с министрами и великими князьями, что он, поддерживая реформы особым манифестом, одновременно прикажет вести борьбу против незаконных действий оппозиции. 12 декабря 1904 г. он подписал указ с обещанием реформ и одновременно правительственное сообщение, объявляющее мысль о представительстве «чуждой русскому народу» и грозившее репрессиями за незаконные собрания. Николай II понял, что одни уступки без проявления власти приводят только к хаосу и решил быстрее проводить реформы сверху. В указе предлагалось Комитету министров «озаботиться изысканием мер» для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления,

устранения излишних стеснений иноподцев и законов об исключительных положениях, закончить работы по крестьянскому вопросу. По всем этим предложениям были созданы Особые совещания. Указ о веротерпимости был принят 17 апреля 1905 г., по ряду остальных вопросов подготовленные законопроекты были позднее внесены в Государственную Думу.

## **§ 2. Основные этапы первой российской революции**

**«Кровавое  
воскресенье».  
Начало  
революции**

Революция началась с неожиданного для властей и рокового для них выступления рабочих столицы 9 января 1905 г. Действовавшее с 1904 г. с разрешения полиции и частично на ее средства «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» во главе с талантливым проповедником, незаурядным демагогом, хитрым и честолюбивым молодым священником Георгием Гапоном, постепенно радикализировалось, подпадало под влияние эсеров и социал-демократов. В руководстве общества играл большую роль начальник мастерской Путиловского завода инженер эсер П. Рутенберг. «Собрание» в конце 1904 г. инициировало забастовку рабочих Путиловского завода и добилось ее перерастания в общегородскую, а 5 января его руководители приняли решение организовать шествие к царю с петицией.

Содержание петиции в первой части отражало бедственное и бесправное положение рабочих. В ней говорилось о том, что рабочие, их жены, дети и беспомощные старцы родители пришли к государю «искать правды и защиты», так как положение их невыносимое. Но далее шли политические требования, формулировки которых свидетельствуют о том, что их писали не рабочие: «Немедленно повели созвать представителей земли русской... Повели, чтобы выборы в Учредительное Собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов». Затем перечислялись требования политических свобод, амнистии политзаключенным, отмены косвенных налогов и введения подоходного налога, передачи земли народу, прекращения войны по воле народа, отделения церкви от государства и др. Перечисление заканчивалось словами: «Повели и поклянитесь исполнить их...».

Политическое выступление было неожиданностью для полиции и градоначальника столицы И. Фултона, который еще в декабре выступал на открытии нового отдела гапоновского общества и высказал пожелание, чтобы рабочие «всегда одерживали верх над капиталистами». Содержание петиции стало известно властям лишь 7 января. Движение многотысячной толпы к Зимнему Дворцу могло закончиться более трагически, чем Ходынская катастрофа. Предыдущие волнения в Златоусте, Киеве, Кишиневе, Одессе выявили слабость полицейского аппарата, поэтому было решено подготовить кордоны из войск, чтобы не допустить толпы к центру. В воскресенье 9 января колонны рабочих до 300 тыс. человек двинулись к центру, но везде были встречены отрядами солдат. Первые залпы были холостыми, а затем боевыми патронами. По официальному сообщению было убито 130 человек и ранено несколько сот. В газетах сообщали о 1000–1200 убитых.

События 9 января произвели ошеломляющее впечатление в России и за границей. Во многих городах были распространены листовки социал-демократических и эсеровских комитетов с призывом к революционной борьбе с самодержавием. В январе бастовало 440 тыс. рабочих, в феврале около 300 тыс., что превышало число стачечников за предыдущие четыре года. Гапон остался жив. Он уехал за границу с Рутенбергом, основал там фонд, призывал рабочих к вооруженному восстанию против царизма. В Россию он вернулся после амнистии в октябре 1905 г. и возобновил связи с полицией. В беседе с начальником охраны он при свидетеле признал, что Рутенберг 9 января готовил со своей группой убийство царя, но Гапон узнал об этом позднее. В марте 1906 г. Рутенберг организовал казнь Гапона.

На первом этапе революции впереди шли рабочие Петербурга, Польши, Прибалтики, которые дали более 2/3 стачечников. Волнения охватили многие города в разных регионах страны. Были созданы различные органы руководства забастовками (стаечные комитеты, собрания уполномоченных и т.п.). Основными были экономические требования: сокращение рабочего дня, повышение зарплаты, улучшение условий труда. Комитеты революционных партий выдвигали политические антиправительственные лозунги: Учредительного собрания, демократических свобод, республики, но чисто политических стачек было немного. Гораздо чаще рабочие поддерживали требования трудового

законодательства, введения 8-часового рабочего дня, государственного страхования, примирительных комиссий с выборными от рабочих, которые социалисты тоже считали политическими. Таких стачек было около половины.

**Второй этап  
революции  
(май-август  
1905 г.)**

Революционное движение в 1905 г. развивалось неравномерно, нарастая волнообразно. В марте оно пошло на убыль, число стачечников (70 тыс.) было уже в 4 раза меньше, чем в феврале. Все революционные партии и группы связывали надежды с международным пролетарским праздником 1 мая и усилили агитацию среди рабочих. В большинстве городов распространялись листовки с призывом к стачкам и демонстрациям. К этому времени социалистические партии имели довольно крупные организации. Например, большевистские ячейки насчитывали в Москве 1435 человек (123 ячейки), в Минске – 600, Екатеринославе – 200, Риге 250, Вильно – 400 человек. В результате широкой агитации революционерам удалось добиться нового подъема стачечного движения. В мае бастовало 220 тыс., в июне 155, в августе – 104 тыс. рабочих. Если на первом этапе в стачечном движении было заметное преобладание металлистов, то на втором вперед вышли текстильщики. Наиболее крупной была стачка в Иваново-Вознесенском регионе, в которой участвовало 70 тыс. текстильщиков. Она продолжалась 72 дня. В ходе ее был создан первый в России общегородской Совет рабочих депутатов. Фабричная инспекция зарегистрировала в период второго этапа (май-сентябрь) 670 тыс. стачечников. Новым явлением стало участие в революции матросов броненосца «Потемкин». Движение охватило отдельные солдатские подразделения. Увеличилось в этот период и число крестьянских выступлений. По далеко не полным данным департамента полиции в мае было 299 волнений в деревнях, в июне 492, в июле 248, что в 4 раза превышало их число в январе-марте. Основными районами крестьянского движения стали Прибалтика, Украина, Грузия, Черноземный центр.

Часть стачек была подавлена войсками и полицией, большинство прекращалось после отдельных уступок капиталистов или из-за недостатка средств у бастующих. Правительство тоже сделало ряд уступок рабочим. Были приняты «Временные правила» о выборных рабочих и о 9-часовом рабочем дне на железных дорогах, даны обещания о введении конфликт-

ных комиссий и о других уступках. В августе начался спад забастовок, а в сентябре число стачечников уменьшилось еще в три раза (до 37 тыс.).

**Высший  
подъем рево-  
люции (ок-  
тябрь-декабрь  
1905 г.)**

Пик революционных выступлений рабочих и крестьян пришелся на осень. Ведущее место в стачечной борьбе заняли железнодорожники. Еще весной 1905 г. явочным порядком оформились профсоюзы рабочих и служащих железных дорог и состоялся их I съезд, учредивший Всероссийский железнодорожный союз. В ночь на 7 октября Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза обратилось по телеграфу к рабочим и служащим всех дорог начать всеобщую забастовку.

7 октября забастовали Московско-Казанская и Ярославская железные дороги. На следующий день к ним присоединились еще несколько дорог. 12 октября бастовало 14 дорог, на которых работало 700 тыс. рабочих и служащих. Ведущую роль играли рабочие мастерских и депо. К железнодорожникам стали присоединяться фабрично-заводские рабочие, печатники, горняки. Стачка стала всероссийской, охватив и центр, и национальные окраины, и Сибирь. В ней участвовало свыше 2 млн. человек. Участие железнодорожников и связистов поставило правительство в чрезвычайно тяжелое положение. После издания Манифеста 17 октября, вводившего законодательную Думу, демократические свободы и неприкосновенность личности, стачки пошли на убыль. Московский стачечный комитет обратился 18 октября с призывом к рабочим прекратить стачку. Такое же обращение разослало Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, а через 3 дня – Петербургский Совет рабочих депутатов. Стачечное движение резко сократилось по всей стране.

В период октябрьской стачки возросло крестьянское движение, пик которого пришелся на ноябрь, когда уже рабочие прекратили стачку. В октябре-декабре 1905 г. крестьяне перешли к самым крайним формам борьбы – к поджогам и разгромам помещичьих имений. Осенью произошло 195 революционных выступлений в армии.

В ходе Всероссийской октябрьской стачки создались условия для более успешной работы революционных партий. Они издавали массу листовок, легальных и нелегальных газет, их агитация была одной из причин роста движения. В советский



период историки обращали больше внимания на расхождения по тактическим вопросам между большевиками, меньшевиками, эсерами, бундовцами, но все они стремились поднять массы на борьбу с самодержавием, что определило успех общего натиска на царизм, хотя вклад их был неодинаков. Осенью во многих городах были созданы советы рабочих депутатов, а кое-где – советы солдатских (Москва), казачьих (Чита), матросских (Севастополь) депутатов и др.

После издания Манифеста 17 октября во многих местностях революционеры провели митинги, где уничтожали портреты царя и государственные гербы, что вызвало контрреволюционные выступления. Еще до создания черносотенных организаций с 18 по 29 октября произошли погромы в 660 городах, селах и местечках. В Томске, Твери, Феодосии толпы обывателей окружили и подожгли помещения, где шли собрания революционеров вместе с находившимися там людьми. Большинство погромов было на юге Украины, где среди революционеров был высок процент евреев и часто они носили антисемитский характер, но в целом среди 1622 убитых и 3544 раненых евреев было меньшинство (43 и 34 % соответственно), что свидетельствует о контрреволюционной направленности погромов. В этот период наблюдалась растерянность властей: министр внутренних дел А. Булыгин и товарищ министра Д. Трепов ушли в отставку, а правительство Витте еще не вступило в свои права. После октября было только три погрома в 1906 г. в пределах Польши. Одновременно в эти дни открыто шли сборы денег на вооруженное восстание, проходили антиправительственные митинги и демонстрации, активно действовали террористические группы эсеров и анархистов. В ноябре произошло самое крупное восстание на флоте – выступление моряков в Севастополе во главе с лейтенантом П. Шмидтом.

**Вооруженное  
восстание  
в декабре  
1905 г.**

В декабре 1905 г. революционерами была предпринята попытка решительного штурма существующего режима. Решение о вооруженном восстании большевики приняли еще в апреле на III съезде партии и пытались осуществить его в ходе октябрьской стачки, когда произошли вооруженные столкновения с полицией в отдельных городах. Полиция доносила, что революционные партии тратили немалые средства на покупку оружия и создание боевых дружин. В декабре вновь началась забастовка железнодорожников Московского узла, к

которой примкнули рабочие 33-х городов. На этот раз правительство с помощью войск смогло удержать за собой ряд железных дорог и важных станций, в том числе Николаевскую дорогу. Апогеем революции было московское вооруженное восстание. В течение 10-17 декабря в городе шли упорные бои, в которых участвовало около 8 тыс. рабочих. Главным опорным пунктом стала Пресня. Восстание было разгромлено с помощью прибывшего из столицы Семеновского гвардейского полка. Во время боев было убито более 1 тыс. чел. Вооруженные восстания прошли также в Сормове, Нижнем Новгороде, Харькове, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Красноярске, Чите и других городах. Везде восстания жестоко подавлялись войсками.

Поражение декабрьского вооруженного восстания практически означало конец революции, хотя еще до июня 1907 г. рабочее и крестьянское движения продолжались более интенсивно, чем до 1905 г. Но правительство уже не делало уступок, а перешло в наступление, организовало ряд карательных экспедиций.

<b>Власть и «общество» в 1905 г.</b>	Руководителями внутренней политики после 9 января стали новый министр А. Булыгин и Д. Трепов, назначенный петербургским генерал-губернатором и товарищем министра внутренних дел, которому подчинялись полиция и корпус жандармов.
--	--

**Д.Ф. Трепов (1855–1906)**, бывший московский полицмейстер, сыграл большую роль в 1905 г. Он был волевым, решительным и довольно умным человеком. Будучи сторонником жесткой политики, он, как и Плеве, считал возможными определенные уступки либерального характера, но при условии сохранения твердого правопорядка. Осенью 1905 г. он поддержал идею Манифеста 17 октября, в 1906 г. был противником разгона I Думы, вел переговоры с либералами о вхождении их в правительство и т.п.

Царь в первые месяцы революции придерживался классического принципа «кнута и пряника». Приказывая прекратить беспорядки, он одновременно шел на некоторые уступки. Он принял делегацию рабочих и отметил, что их запрещенное властями шествие (листовки с запретом и сообщением, что царя в столице нет, расклеивались 8 января, но их было мало) и предъявление политических требований явилось мятежным сборищем, а это всегда заставляет власти прибегать к военной силе.

Царь дал указание создать впервые в истории страны комиссию с участием выборных от рабочих и предпринимателей для

выяснения причин недовольства рабочих Петербурга и выработки мер для улучшения их положения. Но в накаленной обстановке представители рабочих потребовали для них свободы слова, неприкосновенности личности и другие условия, при которых они будут участвовать в комиссии. Председатель комиссии сенатор Н. Шидловский объявил эти требования противоречащими законам, и рабочие отказались от участия в ней. 20 февраля комиссия была распущена. 18 февраля царь подписал Манифест с призывом к властям и населению содействовать в одолении внешнего врага и искоренении внутренней крамолы. Одновременно были подписаны два документа, провозглашавшие уступки населению и обществу: в рескрипте Булыгину обещалась законосовещательная Дума, а в указе Сенату по инициативе Трепова Совету министров предписывалось рассматривать предложения частных лиц и учреждений о совершенствовании государственного устройства и улучшении народного благосостояния, поступающих на имя царя. Таких прошений было довольно много: весной 1905 г. только от крестьян их поступило свыше 60 тыс., главным образом об уравнивании их с другими сословиями и о решении земельного вопроса. Обещание законосовещательной Думы было более значительной уступкой обществу, чем меры, декларируемые в указе от 12 декабря 1904 г.

Общество отреагировало на него различно. А. Суворин писал в «Новом времени», что это акт «развеет смуту... Сегодня счастливейший день в моей жизни». Журнал «Освобождение» дал другую оценку: «Белый флаг... символ трусости и слабости. Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся самодержавие и оно рухнет».

В это время освободенцы лихорадочно создавали различные союзы по профессиям для усиления своего влияния на интеллигенцию. В мае 14 союзов (профессоров, писателей, инженеров, учителей, земцев, адвокатов и т.п.) объединились во Всероссийский Союз союзов. Союз союзов представлял не широкие массы интеллигентов, а лишь инициированные группы активных лиц каждой профессии. Союз принял 25 мая воззвание к гражданам России «всеми мерами» добиваться «устранения захватившей власть разбойничьей шайки» и поставить на ее место Учредительное собрание. Таким образом, Союз союзов занял такую же непримиримую позицию, как освободенцы. Сторонников такой точки зрения было большинство и

на съезде земских и городских деятелей в конце мая 1905 г., но съезд принял предложение князя С. Трубецкого обратиться с адресом к царю. Делегация съезда была принята Николаем II в Петергофе и он ответил, что его воля собрать народных представителей непреклонна.

В конце мая прошло обсуждение проекта и 6 августа был опубликован закон о «булыгинской Думе». Интеллигенцию он не устраивал тем, что Дума должна была стать законосовещательной, а не законодательной. Многие дворяне были недовольны отказом от сословного начала при выборах и преобладанием крестьянских выборщиков. Следующий съезд земских и городских деятелей 6 июля большинством голосов признал недостаточной законосовещательную Думу и принял обращение к народу, отметив, что обращение к царю не достигло цели и Дума еще не созвана. Третий съезд Союза союзов в эти дни (1–3 июля) назвал проект Булыгина «дерзким вызовом правительства всем народам России».

Следовательно, уступка царизма в вопросе о создании представительного органа, которого 10 лет добивалось либеральное общество, в разгар революционной борьбы уже не устраивала большинство интеллигенции. Лидер либералов П. Милюков вместе со своими сторонниками развил лихорадочную деятельность по объединению, как он выразился, «революции» («Союза освобождения») и «конституции» (левых земцев). Летом 1905 г. создалась благоприятная обстановка для этого, и Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов приняли решение объединиться в конституционно-демократическую партию. Учредительный съезд партии кадетов состоялся 12–18 октября 1905 г. в обстановке Всероссийской октябрьской стачки. Съезд послал приветствие рабочему классу. В это время капиталисты оплачивали рабочим дни забастовок, надеясь добиться дальнейших уступок от самодержавия.

В период наибольшего подъема революции 17 октября 1905 г. царь подписал Манифест о даровании гражданам России политических свобод, неприкосновенности личности и о созыве законодательной Думы. Николай II последовал советам своих сановников, уверявших его в том, что серьезные уступки привлекут общество на сторону правительства, и тогда революционные и социалистические партии и группы, не имея поддержки интеллигенции, потерпят крах. Так советовали С. Витте,

получивший недавно титул графа за заключение мира с Японией, великий князь Николай Николаевич, Д. Трепов и многие великие князья, сановники. Когда император подписал Манифест, Трепов сказал: «Слава Богу, манифест подписан. Начинается новая жизнь», а присутствовавший у него в кабинете крупный деятель полиции Рачковский подхватил: «Слава Богу... Завтра на улицах Петербурга будут христосоваться». Адвокат А. Керенский также не мог дожидаться утра 18 октября, чтобы «выбежать на Невский проспект и присоединиться к ликующим толпам». Но утром, к его удивлению, улицы были пусты. То же самое отметили и другие современники: ликования в столице не было.

Манифест приветствовала только небольшая часть буржуазии, которая вскоре сплотилась вокруг Союза 17 октября. Издание Манифеста внесло раскол в ряды либералов — П. Струве в декабре призывал к компромиссу «между классовыми и племенными элементами нации» и «между нацией и монархией». Впоследствии в сборнике «Вехи» он отметил, что «актом 17 октября по существу и формально революция должна была завершиться», но интеллигенция еще более активно повела борьбу с тысячелетней русской государственностью, внеся в нее «огромный фанатизм ненависти».

Действительно, большинство либералов, называвшее себя «обществом», не удовлетворилось обещанными в Манифесте мерами. В советской исторической литературе утвердилось мнение, что либералы встретили Манифест ликованием. На самом деле, лишь в первое время многие из них выражали восторг, но Милюков, по его словам, «вылил на них ушат холодной воды». Оценку Манифеста он заключил словами: «Ничто не изменилось; война продолжается». Мнение Милюкова разделили кадеты, за которыми шло большинство политически активной интеллигенции.

Кадеты надеялись на революционные народные массы, которые они еще с начала революции называли «ахеронт» («огненная река»). Они хотели своей тактикой борьбы подтолкнуть массы к уничтожению царизма. В газетах либерального толка открыто звучали призывы свергнуть самодержавие. Руководствуясь милюковским лозунгом «война продолжается», кадеты на переговорах с Витте в конце 1905 г. и с Д. Треповым и П. Столыпиным в 1906 г. отказались войти в правительство и занять

большинство министерских постов. Делегация бюро земских съездов 22 октября предъявила Витте неприемлемые условия: «Учредительное собрание... уполномоченное выработать основной закон». Ноябрьский земский съезд и 2 кадетский съезд в январе 1906 г. потребовали придания «учредительных функций» I Думе. Кадетский съезд отверг возможность вести «органическую работу» в Думе, встав на позиции бескомпромиссной войны с правительством. Впоследствии их лидер Милюков объяснил, что партия переоценила силы революции и недооценила силы царизма.

Декабрьские вооруженные восстания, сопровождавшиеся во многих городах разгулом уголовных элементов и грабежами, оттолкнули от революции значительную часть городских жителей, часть средних слоев и мелкой буржуазии.

В этих условиях усилился раскол в лагере интеллигенции. Правые либералы во главе со Струве осудили вооруженное восстание. Союз 17 октября принял воззвание к населению, в котором было записано: «На улицах Москвы льется кровь безвинных исполнителей служебного долга; убийства, грабежи и пожары по всей России, гнусные предательские нападения происходят не по вине правительства и не руками его сторонников, а революционерами и по их подстрекательству». Кадеты, наоборот, считали необходимым усилить натиск на царизм, поддержать «ахеронта», чтобы «подтолкнуть падающего». Восстание они называли преждевременным, но решительно осудили его разгром: «Москву расстреливают из пушек, — писал 14 декабря в газете «Речь» Милюков, — расстреливают с таким упорством, с такой меткостью, каких ни разу не удаивались японские позиции». Кадеты весьма резко писали о правительственном терроре, но категорически отказывались сказать хоть слово осуждения по поводу индивидуального и массового террора революционеров (Столыпин просил об этом Милюкова, но тот отказался). Один из лидеров кадетов Герценштейн в своей речи в I Думе назвал массовые поджоги дворянских имений «иллюминациями».

Поведение кадетствующей интеллигенции в конце 1905 — начале 1906 гг. было более радикальным, чем ранее. Она по существу отошла от либеральных требований реформистского эволюционного преобразования. В радикальных требованиях ее обошли социалистические партии и социалистическая ин-

теллигенция, к которым в 1905 г. перешло руководство рабочим движением.

Социалистические партии последовательно усиливали революционную агитацию и пропаганду, подкрепляли ее организационной работой в массах, выдвигали опережающие лозунги всероссийской стачки, вооруженных восстаний. С ними правительство не шло ни на какие соглашения, но от Манифеста 17 октября эти партии получили едва ли не больший выигрыш, чем либеральное общество. Многие руководители после амнистии вернулись в Россию и сыграли большую роль в организации рабочих выступлений, в деятельности Советов, в руководстве вооруженными восстаниями. У социалистов появилась возможность использовать легальные методы борьбы: издавать газеты, участвовать в выборах в Думу, в профсоюзах и т.п. Большевики призывали к самым крайним, насильственным мерам вплоть до вооруженной войны.

В ноябре 1906 г. впервые стали активно проявлять себя и организовываться правые течения. 21 ноября Союз русского народа провел митинг в Михайловском манеже в Петербурге, где присутствовало несколько тысяч человек. В Москве прошел съезд Союза землевладельцев и была создана монархическая партия. Все они высказались за смену правительства и установление твердой власти. Делегации правых явились на прием к императору 1 декабря. Их требования о неприкосновенности царской власти были отклонены Николаем. Он заявил, что Манифест 17 октября не подлежит изменению.

Правительство в такой обстановке почувствовало себя увереннее. Против вооруженных выступлений оно с полным основанием стало применять вооруженную силу. Карательные экспедиции были посланы не только в Москву, но во многие города и в сельскую местность. После прибытия войск прекратились погромы имений в Черниговской, Саратовской, Тамбовской и других губерниях, было восстановлено движение поездов по Сибирской дороге. Были произведены аресты некоторых руководителей Советов. 3 декабря был арестован весь Петербургский Совет рабочих депутатов за призыв изымать вклады из Госбанка и не платить налоги.

После решения железнодорожного съезда 6 декабря с призывом к всеобщей стачке и вооруженному восстанию царь по докладу министра внутренних дел П. Дурново отдал приказ

арестовать руководителей революционных партий во всех городах. В Петербурге 7 и 8 декабря было произведено 750 обысков и арестов, захвачено много оружия, 3 динамитных лаборатории. После арестов в Москве, Риге, Одессе, Красноярске, Чите и в других городах правительство овладело инициативой. В течение 1906–1907 гг. власть уже не переживала ни разу такого кризиса, как в конце 1905 г. Общество еще пыталось усилить натиск на царизм решительным штурмом Основных законов империи и бескомпромиссным поведением депутатов, но «ахеронт» почти не отреагировал на роспуск обеих Дум. Сокращение количества стачек и крестьянских волнений в 1906 – начале 1907 гг. лишило опоры сторонников революции. Переговоры Д. Трепова и П. Столыпина с лидерами оппозиции в 1906 – начале 1907 гг. о создании коалиционного правительства, когда кадетам было предложено большинство министерских портфелей, включая пост Председателя Совета министров, были последней попыткой царя и правительства найти компромисс на основе новых уступок. Руководство кадетов отвергло это предложение и правительство перешло в наступление: после разгона Думы 3 июня 1907 г. указом императора был введен новый избирательный закон, урезавший демократические завоевания 1905 года. По существу это был государственный переворот, так как царизм нарушил данные им Основными законами 23 апреля 1906 г., согласно которым любое их изменение должно было проводиться через Госдуму и Госсовет. Этот акт означал формальное завершение революции.

\* \* \*

События 1905–1907 гг. вызвали коренные изменения государственного строя, экономических и социальных отношений. В отличие от медленных (эволюционных) преобразований они были произведены быстро и скачкообразно в России, что дало возможность назвать их революцией. Страна вступила в новую полосу своей истории как конституционная монархия с законодательной Думой. Изменились отношения собственности крестьян на землю: Манифест царя от 3 ноября 1905 г. досрочно отменял выкупные платежи (с 1 января 1906 г. – наполовину, а с 1 января 1907 г. – полностью), что



делало крестьян полными собственниками земли (по положению 1861 г.). Значительно улучшилось материальное положение рабочих (поднялась зарплата, уменьшился рабочий день, разрешены коллективные договоры с предпринимателями, экономические стачки и т.п.) и крестьян (отменены выкупные платежи, увеличены кредиты, уменьшены арендные цены на землю, разрешен переход к личной частной собственности и т.д.). Изменилось правовое положение всего населения, были введены политические свободы, разрешено образование союзов, партий, отменена цензура, проведена амнистия, установлена неприкосновенность личности и жилища, уравнивались права сословий.

Революция 1905–1907 гг. была народной революцией, в которой приняли активное участие несколько миллионов человек, что отличало ее от других революций на Западе. Наиболее грозную силу представлял рабочий класс крупных городов. Три четверти забастовщиков были из Петербурга, городов Московского района, Польши и Прибалтики. Участие в политической стачке вместе с ними рабочих и служащих железных дорог, телеграфа и почты вызвало временный паралич власти в октябре 1905 г. Но в действиях пролетариата не было организованности и сплоченности, отсутствовало централизованное руководство. Широкое крестьянское движение (департамент полиции зафиксировал за три года 7165 крупных волнений, а вместе с мелкими их было более 22 тыс.) проходило стихийно, главным образом в центральных губерниях, Поволжье, на Украине и в Прибалтике. Социалистическая, народническая и либеральная интеллигенция своей агитацией дала толчок движению и сыграла роль его катализатора в городах. На крестьян и солдат ее влияние было слабым, гораздо больше их подтолкнуло широкое стачечное движение рабочих: вслед за очередным всплеском забастовок всегда поднималась волна выступлений в деревнях.

Эти события 1905–1907 гг. изменили социальную психологию и мировосприятие многих жителей городов и сел. Был подорван авторитет властей, в том числе и самого царя. Народ увидел, что власти часто не в состоянии справиться с массовыми выступлениями. Хотя большинство крестьян еще верили царю, считали, что он может дать им землю, но их умонастроение стало более восприимчивым к агитации противников правительства.

Революция дала определенный опыт организации выступлений, создания Советов, стачкомов, союзов, политических партий.

### § 3. Думская монархия

**Изменение государственного строя** В 1905–1906 гг. было проведено самое значительное изменение государственного строя Российской империи. Манифестом 17 октября 1905 г. вводилась выборная законодательная Государственная Дума. На основе Манифеста были разработаны основные законы Российской империи. Проект обсуждался Особым совещанием в Царском Селе под председательством императора, с участием великих князей, министров, других высших чиновников.

При составлении Основных законов были использованы многие европейские конституции и проекты либералов. После победы кадетов на выборах в I Думу дворцовый комендант Д. Трепов передал проект через предпринимателя В. Ковалевского, имевшего связи в либеральных кругах, частному совещанию, в состав которого входили лидеры кадетов П. Милюков, С. Муромцев, Ф. Головин и глава партии демократических реформ М. Ковалевский. Либералы внесли ряд поправок. Окончательный текст выработала комиссия высших чиновников во главе с министром юстиции М. Акимовым и 23 апреля 1906 г. за четыре дня до открытия Думы Николай II утвердил Основные законы Российской Империи. Этот документ многие крупные юристы и государствоведы называли конституцией. Видный юрист и социолог профессор права В. Хвостов считал, что ввод Основных законов означал окончание целой эпохи, когда неограниченный монарх стоял по сути выше закона.

Точно также оценивал значение изменений и сам Николай II. В письме матери он писал: «предоставление гражданских прав населению: свободы слова, печати, собраний и союзов, и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу – это, в сущности, и есть Конституция».

В России вводился двухпалатный парламент с реорганизованным Государственным Советом в качестве второй палаты:

половина его членов назначалась царем, а половина была выборных — от православного духовенства, дворянских и земских собраний, Академии наук и университетов, организаций торговли и промышленности. Такая практика различного комплектования низшей и высшей палат соответствовала многим действовавшим европейским конституциям.

Статья 7 Основных Законов вводила разделение законодательной власти между Государственной Думой, Государственным Советом и Императором. Подобные статьи провозглашались почти во всех конституционных монархиях. Всякий законопроект должен был быть принят сначала Думой, затем Госсоветом и поступал на рассмотрение царя, после подписи которого он становился законом. В случае, если император не подписывал законопроект, он мог быть внесен в Думу снова лишь на следующей сессии. Из этого видно, что царь мог несколько ограничивать деятельность парламента, но за 11 лет работы четырех Дум он только два раза не подписал законопроекты (о штатах морского штаба 1909 г. и об отмене ограничений для лиц, лишенных духовного сана в 1911 г.) как не относящиеся к правам Думы.

К компетенции Думы и Госсовета были отнесены все вопросы, кроме военных, иностранных дел, Министерства Двора, назначения министров, которыми ведал император. Государственная Дума и Госсовет имели исключительное право законодательства и утверждения бюджета, что являлось главным признаком конституционного государства. Соблюдение основного принципа любой Конституции о том, что верховная власть не может принять закона без одобрения парламента, отменяло абсолютную власть царя.

Правда, по статье 87 царь мог издавать указы, имеющие силу закона, но это право было ограничено больше, чем у многих президентов даже в республиках. Указ можно было издать только в период перерыва в работе Думы. Проект представлялся коллективным решением Совета министров, который был обязан обосновать необходимость указа наличием «чрезвычайных обстоятельств». Указ не мог вносить изменения в Основные законы и особенно важно было то, что указ терял силу, если он не был внесен в Думу через два месяца после возобновления ее работы (так было с указом о военно-полевых судах) или его не примут Дума или Госсовет. Ограничение прав царя было сдела-

но с его согласия. Таким образом, Россия становилась после 23 апреля 1906 г. конституционной или Думской монархией.

<b>Высшие органы исполнительной власти</b>	Существенные изменения в сторону буржуазной монархии произошли и в высших органах исполнительной власти. Указом Николая II от 19 октября 1905 г. было создано объединенное коллегиальное правительство – Совет министров. Существовавший ранее Комитет министров рассматривал только отдельные административные вопросы. По указу царя Совет министров создавался как постоянное высшее правительственное исполнительное учреждение для «направления и объединения» министров как по предметам законодательства, так и в государственном управлении». Никакая общая мера управления не могла быть принята министрами «помимо Совета министров». По Основным законам компетенция Совета министров была расширена. Он имел право законодательной инициативы, разработки законопроектов и внесения их в Думу.
--	--

Председатель Совета министров получил право контролировать деятельность министров, быть представителем объединенного правительства перед «верховой властью» и «законодательными учреждениями». За министрами осталось право «всепоподданнейших докладов» царю, но им предписывалось согласовывать их с председателем Совета.

В соответствии с велениями времени в 1905 г. были созданы новые министерства: Министерство торговли и промышленности и Главное управление землеустройства и земледелия (на правах министерства). ГУЗиЗ было создано вместо существовавшего с 1894 г. Министерства земледелия и госимуществ специально для проведения аграрной реформы. В это управление из МВД было переведено Переселенческое управление, а неземледельческие госимущества переданы в Министерство торговли и промышленности. Новые министерства вместе с существовавшими ранее министерствами финансов и путей сообщения составили блок экономических высших ведомств, значение которых постоянно возрастало.

Несколько изменилось и положение Сената как высшего государственного контролирующего органа. Юридически он контролировал соответствие Основным законам всех законопроектов, принятых Думой и Госсоветом, и должен был не публиковать те законы, которые не соответствовали Основным

законам, т.е. в России вводился в 1906 г. формальный конституционный надзор, отсутствующий в европейских государствах, но существовавший в США. На деле этот надзор не всегда осуществлялся, так как сенаторы назначались царем и были зависимы от него. Так, Сенат задним числом санкционировал избирательный закон 3 июня 1907 г., напечатанный по распоряжению императора.

В остальном государственный аппарат России не претерпел особых изменений, хотя необходимость в этом назрела. Госаппарат России был самым малочисленным относительно численности населения среди передовых стран. В 1897 г. в России было 440 тыс. всех чиновников, в том числе 38 тыс. женщин (в основном учителей казенных учебных заведений). В 1913 г. число чиновников возросло до 575–580 тыс. В расчете на 1 тыс. жителей это составляло 62 чел., а в Англии их было 73, в США – 113, в Германии и Австро-Венгрии – по 125, во Франции – 176 чел. В госаппарате России в 1913 г. насчитывалось 252,8 тыс. чел., из них чинов всех ведомств всего 53 тыс., остальные были служащими по найму. Самым крупным ведомством было МВД, насчитывавшее 83 798 чел. на действительной государственной службе, в том числе 10 тыс. имели чины, из них в Петербурге – 2 тыс. Такой сравнительно малочисленный госаппарат мог эффективно управлять страной только в относительно спокойной политической обстановке XIX в., но его слабость проявлялась при подъеме массового революционного движения в столицах и в провинции. При этом оплата большинства госслужащих была низкой, они не имели права участвовать в политической деятельности, состоять в политических партиях. Чиновники, занимающие штатные должности, не имели пассивного избирательного права при выборах Думы, а чины полиции и военные были лишены избирательных прав. Высшие чины (I–IV классов) не могли заниматься коммерческой деятельностью.

Аппарат местных органов исполнительной власти остался почти прежним, произошел лишь некоторый рост его численности. В то же время серьезные изменения социально-экономической и политической жизни требовали его значительного реформирования, децентрализации и демократизации. Разработанные в этом направлении программы реформ Плеве и Столыпина были свернуты после убийства террористами этих вы-

дающихся министров, а царь не проявил в этом деле инициативы и настойчивости, особенно после 1911 г. Относительная малочисленность аппарата государства (в 2–3 раза меньше, чем в большинстве европейских стран), территориальная его раздробленность обусловили его беспомощность во время революционных событий 1905 г. и 1917 г., а слабая материальная обеспеченность и политическое бесправие способствовали переходу его значительной части в либерально-оппозиционный лагерь.

<b>Создание политических партий</b>	После революции резко изменилась система общественных отношений. Возникло много политических партий, союзов, профессиональных и других общественных организаций, газет, журналов, народных университетов, рабочих домов и т.п. Все это создавало условия для развития парламентаризма в рамках монархии. До осени 1905 г. в России было около трех десятков нелегальных политических партий, из которых только три общероссийских, остальные – национальные. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. возникло более 50 общероссийских и более 100 национальных и региональных политических партий.
-------------------------------------	---

По своим целям и программам партии делились на три больших блока. В первый входили партии правительственного лагеря, которые можно условно назвать консервативными; во второй – либеральные, а в третий – социалистические. Национальные и региональные партии относились в основном к двум последним блокам. Внутри каждого из блоков не было единства, но существовала общая политическая направленность.

Консервативные партии сходились на том, что Россия должна сохранить основы своей государственности, соборности, православия, самобытной культуры. Большинство из них поддерживали реформирование страны путем развития просвещения, местного самоуправления, ограничения бюрократии, государственной помощи мелким формам аграрного производства, кустарной и мелкой промышленности. Партии этого лагеря включали в свои программы пункты об улучшении материального положения крестьян, рабочих, всех мелких производителей. Особенностью консерваторов было отстаивание российской государственности в отличие от всех других партий. Наиболее

крупными партиями этого блока были Союз Русского народа, из которого в 1907 г. выделился Русский Народный Союз имени Михаила Архангела, партия правового порядка, Русская монархическая партия. Всего насчитывалось около 30 партий и союзов этого направления.

Либеральный блок отличался более широким спектром программ. Общей концепцией блока было отрицание самобытности исторического развития России. Либералы считали, что Россия должна идти по западному пути и она лишь находится на более низкой стадии. Для преодоления этой отсталости они выдвигали программы общественного переустройства, изменения государственного строя, модернизации экономики по европейскому образцу, расширения прав личности. На либеральных позициях оставались по существу лишь октябристы (Союз 17 октября) и родственные им партии, которые считали необходимым мирное эволюционное преобразование существующих общественно-политических структур путем реформ и компромисса с властью, провозгласившей гражданские и политические свободы по конституции 1906 г. Эти партии вместе с левыми консерваторами (умеренно правыми и националистами) проводили в Думе в 1907–1912 гг. линию на сближение с правительством в законотворческой работе, на поиск согласия.

К этому же блоку партий относились кадеты и многочисленные кадетствующие партии, которые с 1905 г. перешли на радикальные позиции. Кадетов явно не устраивала конституционная монархия думского типа, как не соответствующая их идеалам английской монархии или французской республики. Отрицательно оценивая социальные революции, кадеты признавали возможность политической революции в России, в результате которой они надеялись прийти к власти, если не удастся с помощью «ахеронта», т.е. революционного натиска масс, это сделать мирным путем через созыв Учредительного собрания или придания Думе учредительных прав. Но свое стремление к захвату власти кадеты всячески маскировали. Партии либерально-радикального блока стояли за сохранение унитарного государства, допуская автономию для Финляндии и Польши и предоставление культурно-национальной автономии для всех народностей России. В программах этих партий предлагались реформы по аграрному и рабочему вопросам, радикаль-

ных преобразований в области экономики, в социальной и культурной сфере по европейскому и американскому образцу.

Конституционные демократы или партия народной свободы возглавляла «общество» в 1905–1907 гг., уступив затем пальму первенства октябристам, умеренные требования которых более соответствовали наступившей эре парламентаризма. Октябристы считали целью партии оказание содействия правительству Столыпина, «идущему по пути спасительных реформ». Либеральный лагерь насчитывал около 40 сравнительно крупных партий и большое количество мелких национальных групп. Кадеты и октябристы возглавляли левое и правое крыло легальной оппозиции.

Социалистические партии открыто стояли за революционное преобразование социально-политического и экономического строя. Свержение царизма, по их мнению, тоже должно было произойти насильственным путем. Однако эти партии имели общую цель лишь на этапе свержения самодержавия, а далее их пути разошлись. Агитация этих партий играла большую роль в раздувании социальных конфликтов, в создании бунтарских настроений в отдельных слоях рабочих и крестьян. Социалисты открыто боролись за захват политической власти любым путем.

Наиболее крупными партиями этого лагеря в 1905–1907 гг. были социал-демократы (РСДРП) и социалисты-революционеры (эсеры). РСДРП раскололась в 1903 г. на два крыла: большевиков и меньшевиков. Объединение их на IV съезде в 1906 г. было временным, затем в Думе каждая из них проводила свою тактику. Среди большевиков выделилась группа противников какой-либо работы в Думе. Они требовали отозвать депутатов из Думы и объявить ее обманом народа. Другая часть, наоборот, считала, что в условиях парламентаризма и политической свободы нужно ликвидировать нелегальные организации, создать мощную легальную партию со своими газетами, журналами, своей фракцией в Думе и вести работу в легальных профсоюзах, кооперации и т.п. В. Ленин назвал их отзовистами и ликвидаторами и выдвинул тактику сочетания нелегальной и легальной работы с сохранением всех нелегальных комитетов, ячеек и железной дисциплины.

Эсеры также разделились на левых и правых. Правые настаивали на переходе к легальной партии и отказе от лозунга



вооруженного восстания, левые стояли на позициях революционного террора, подготовки социальной революции и требовании социализации земли (передаче ее общинам). Некоторое время существовала более радикальная группа эсеров-максималистов.

Социальный состав всех политических партий был довольно пестрым, но создателями и руководителями всех партий и союзов были интеллигенты. Даже в монархических партиях кроме дворян и купцов были рабочие, крестьяне, мещане. Руководителями партии РСДРП, считавшей себя пролетарской, были выходцы из дворян, буржуазии и лишь частично из рабочих и крестьян. Количество всех членов партий в 1905–1907 гг. было сравнительно невелико. Самые крупные из них (Союз русского народа, кадеты) насчитывали сотни тысяч членов, самые мелкие – по несколько десятков. Общий состав партий не превышал 0,5 % населения, а в 1908–1914 гг. снизился вдвое.

<b>Начало русского парламента- ризма</b>	Государственные Думы первого (27 апреля – 8 июля 1906 г.) и второго (20 февраля – 2 июня 1907 г.) созывов не занимались органической законодательной деятельностью, а вели политическую критику правительства. Думские заседания напоминали бесконечные митинги. Не было принято ни одного существенного закона и обе Думы были распущены досрочно указами царя.
--	--

По избирательному закону 3 июня 1907 г. было уменьшено представительство от крестьян и мелких городских налогоплательщиков, которые поддерживали кадетов и трудовиков. Одновременно увеличивалось число выборщиков от крупных землевладельцев и богатых налогоплательщиков. В результате III и IV Думы резко отличались от двух предыдущих по партийному составу.

Главной фракцией в III Думе стала октябристская, занявшая место центра. При ее голосовании с правыми складывалось правооктябристское большинство (около 300 чел.), а при блоке с кадетами и прогрессистами – октябристско-кадетское (свыше 230). Это давало возможность правительству Столыпина лавировать в Думе, проводить как консервативные, так и либеральные реформы. Благодаря этому Дума довольно плодотворно проработала весь пятилетний срок (с 1.11.1907 г. до 9.06.1912 г.) и утвердила 2432 законопроекта.

**Партийный состав I–IV Государственных Дум в России  
в 1906–1917 гг.**

Фракции	Численность депутатов			
	I Дума	II Дума	III Дума	IV Дума
Правые	–	22	51	65
Националисты и умеренно-правые	–	–	90	88
Октябристы	–	32	136	98
Прогрессисты	12	–	39	48
Кадеты	161	98	53	59
Трудовики	97	104	13	10
Социал-демократы	17	65	19	14
Социалисты-революционеры	–	37	–	–
Национальные группы	70	76	26	21
Беспартийные и мелкие фракции	142	84	15	39
<b>Общее число депутатов</b>	<b>499</b>	<b>518</b>	<b>442</b>	<b>442</b>

III Дума приняла с рядом поправок законопроекты о землевладении, землеустройстве, переселении, передаче крестьянам части казенных, кабинетских и удельных земель и ряд других, составлявших в совокупности столыпинскую аграрную реформу, несмотря на возражения крайне правых и кадетов. Вместе с тем ряд важных правительственных законопроектов был либо отправлен на доработку, либо застрял в комиссиях Думы: о введении волостного земства, о поселковом управлении, о волостном и местном суде, о распространении земской реформы в Сибири и другие губернии. Большинство этих законопроектов было отклонено Госсоветом.

В период революции правительство подготовило ряд законопроектов по рабочему вопросу. Специальная комиссия В. Коковцова разработала законопроекты: о создании больничных касс для рабочих и страховании их от несчастных случаев, о сокращении рабочего дня с 11,5 до 10 час., о создании конфликтных комиссий из рабочих и предпринимателей.

Привлеченные в комиссию Коковцова фабриканты всячески пытались урезать эти проекты, прибегая даже к саботажу заседаний. В III Думе рабочая комиссия, состоявшая в основном из предпринимателей, урезала законопроекты в свою пользу и затянула их обсуждение на три года. Лишь в январе 1912 г. Дума приняла закон о государственном страховании рабочих от несчастных случаев и от болезней. Страхование распространялось на фабрично-заводских и горнозаводских рабочих и вскоре было распространено на железнодорожников. Размер пенсии при несчастном случае и по болезни составлял  $\frac{2}{3}$  среднего заработка. Оплата за увечье шла за счет предпринимателей, а по болезни — из больничных касс, куда рабочие платили по 1–2 % заработка, а владелец вносил  $\frac{2}{3}$  общей суммы. Хотя страхование не охватывало некоторые группы рабочих (строительных, батраков, прислугу и др.) и не включало пенсий по старости, закон был значительным облегчением для рабочих.

Наиболее остро обсуждались в Думе проекты по национальному вопросу. Правительство внесло несколько законопроектов о Финляндии. В связи с созданием общеимперского парламента был принят в 1910 г. закон о порядке законодательства финского сейма. Общегосударственные вопросы (налоги, образование, связь, железные дороги и др.) должны были решаться Государственной Думой и изымались из сферы действия финского сейма. Были уравнены права русских и финских граждан в Финляндии (устранялась дискриминация русских) и установлена уплата финской казной 20 млн. марок взамен отбывания воинской повинности финнами. Эти законы не имели серьезного значения (в связи с началом войны они не выполнялись), но вызывали политические баталии в Думе. Социал-демократы говорили о том, что русский пролетариат должен бороться за полную свободу всех наций вплоть до права отделения. Правые и националисты отмечали, что правительство создает в 26 верстах от столицы враждебное государство со своей армией, полицией, монетой, где находят укрытие и поддержку все враги России.

Остро стоял в Думе польский вопрос. Польское коло, требовавшее в первых двух Думах полной автономии Польши, в III Думе выдвинуло другие предложения: об усилении самоуправления в губерниях и городах, введение суда присяжных и о других демократических реформах.

Бурно обсуждались в III Думе холмский вопрос и законопроект о введении земств в западных губерниях. Вопрос о холмщине был поднят в Думе энергичным и умным епископом Евлогием, который собрал под петицией о выделении из Царства Польского Холмской губернии более 50 тыс. подписей. Украинское население вокруг г. Холм проповедовало православие и много веков боролось против окатоличивания, хотя почти все помещики были здесь поляками-католиками. Обсуждение законопроекта вызвало резкие споры. Правые требовали вообще отменить название Царство Польское и ликвидировать в нем кодекс Наполеона, католический календарь, сервитуты и осудить колонизацию русских земель. Ораторы польского кола, наоборот, осуждали законопроект о выделении холмщины, называли это «четвертым разделом Польши». Украинские националисты поддерживали закон. В апреле 1912г. закон о выделении из Царства Польского новой Холмской губернии был принят.

Царское правительство внесло законопроект о введении земств в 9 западных губерниях на условиях, отличных от центральных губерний. Особенностью этого края было то, что население здесь на 90 % было белорусским и украинским, т.е. по официальной терминологии – русским и православным, а почти все помещики были поляками и католиками. Поэтому правительство предлагало провести выборы не по обычным куриям (землевладельцев и крестьян), а по русским и польским. Это вызвало возражение польского кола, но правоокебристский блок в Думе утвердил введение земств в 6 западных губерниях. Госсовет под влиянием правых встал на сугубо юридическую точку зрения, согласно которой нельзя было проводить различие по этническому принципу, и закон не принял. Тогда Столыпин добился от царя, чтобы Госсовет и Дума были распущены на 3 дня «на каникулы», иначе он угрожал отставкой. Николай II вынужден был уступить и подписал в 1911 г. закон в редакции Думы, но с этого времени он и царица затаили недовольство Столыпиным, лишили его поддержки. С другой стороны Столыпина подвергли дружной критике правые и кадеты. Неожиданно для премьера против него жестко выступили октябристы и его «друг» А. Гучков, подавший в отставку в знак протеста с поста председателя Думы. Ставший незадолго до этого масоном, Гучков вскоре выступил в Думе лично против

царя, одним из первых подхватив газетные «утки» о вмешательстве Г. Распутина в государственные дела. Положение П. Столыпина оказалось неустойчивым, и 1 сентября 1911 г. он был убит в Киеве бывшим эсером и агентом охраны.

В 1912–1914 гг. в стране вновь усиливается стачечное движение. Большое влияние оказал на рабочих расстрел стачечников на Ленских приисках в апреле 1912 г., где было убито 270 чел. и 250 ранено. Ведущее место в рабочем движении заняли пролетарии Петербурга. Выборы в IV Думу проходили в обстановке оживления политической жизни. Состав IV Думы мало отличался от предыдущей: правый и левый фланги сохранили свои позиции, а ведущей фракцией остались октябристы, потерявшие около 30 голосов. В 1913 г. Гучкову удалось добиться перехода части своей фракции в оппозицию к правительству, а М. Ковалевский создал новую партию прогрессистов, фракция которой стала связующим «мостом» между октябристами и кадетами.

Оппозиция правительству в Думе усилилась. Была поставлена задача всяческой дискредитации царя и царицы, самодержавного строя. Краткий период «сотрудничества» большинства Думы с правительством стал нарушаться не только из-за усиления либерально-радикальных партий, но и по причине роста недовольства правых политикой либеральных реформ правительства как при П. Столыпине, так и при новом премьере В. Коковове.

### Вопросы и задания

- Какие изменения внутривнутриполитического курса провозглашались в Манифестах Николая II 1903–1904 гг.? В чем значение Манифеста 17 октября 1905 г.?
- Каковы были права Государственной Думы и царя в России после 1906 г.?
- Как Вы думаете, почему Николай II лишь два раза применил свое право вето за 11 лет существования 4-х Государственных Дум в России?
- Какими условиями было ограничено право царя издавать указы по статье 87 Основных законов 1906 г.?
- Охарактеризуйте положительные стороны и недостатки аграрных программ трудovieков, эсеров, большевиков, меньшевиков и кадетов в 1905–1907 гг.
- Назовите принципиальные отличия политической программы октябристов от кадетской.

### § 1. Международное положение. Дальневосточная политика

В конце XIX в. международные отношения в Европе казались стабильными, Россия последние 22 года не воевала и Александр III получил титул «миротворца». Но подспудно назревали противоречия, которые русская дипломатия должна была решать незамедлительно.

Наиболее болезненным был вопрос о проливах Босфор и Дарданеллы, через которые шел на экспорт основной поток русского хлеба и других продуктов сельского хозяйства, приносящий солидные валютные доходы казне. Россия не могла захватить проливы, так как здесь сталкивались интересы всех крупных европейских держав. Но она не могла равнодушно относиться к тому, что в Турции усиливалось влияние Австро-Венгрии и Германии, которые по существу подчинили себе Болгарию, и с ней смогли установить более тесные экономические связи. Не имея достаточно средств для противодействия проникновению этих государств на Балканах, русское правительство стремилось сохранить существующее положение дипломатическим путем. «Нам надо бы поставить Балканы под стеклянный колпак», – говорил министр иностранных дел М. Муравьев. В мае 1897 г. удалось заключить русско-австрийское соглашение о сохранении «статус-кво» на Балканском полуострове.

Германия к этому договору не присоединилась, потому что форсировала в эти годы политику проникновения в Турцию и на Ближний Восток. В 1899 г., после визита Вильгельма II в Османскую империю, Немецкий банк заключил концессию с Турцией на Багдадскую железную дорогу. Это открывало путь широкой экономической и политической экспансии немцев на Восток.

Россия предприняла попытки договориться с Германией о признании германской экономической экспансии в Малой Азии, если Германия даст обещание поддержать решение воп-

роса о проливах в желательном для России духе. Но канцлер Бюлов поставил такие условия, что соглашение не могло состояться. Тогда России удалось заключить в 1900 г. договор с Турцией, чтобы в случае строительства железных дорог в северной и северо-восточной Анатолии концессии могли быть выданы только турецкому или российскому капиталу. Этим была предотвращена возможность прорыва Германии к границам России. Но угроза усиления немецкого влияния в Турции осталась.

В 1890 г. Россия заключила также соглашение с Персией, по которому шах обязался не давать никому концессии на строительство железных дорог в Персии. Это был удар не только по Германии, которая предпринимала попытки получить концессию на строительство ветки от Багдадской железной дороги в северную Персию, но и по Англии, стремившейся добиться от шаха разрешения на строительство дороги от Персидского залива до Тегерана. В ответ на проникновение английского капитала на юг Персии Россия также начинает действовать методами новейшего капиталистического империализма. В Персии был основан российский Учетно-ссудный банк, получивший концессии на строительство шоссейных дорог, чеканку монеты и др. Усиливается торговля с Персией, и по договору 1901 г. Россия получает особо благоприятные условия. Шаху был предоставлен очень крупный заем, и он продлил договор о запрещении дорожного строительства еще на 10 лет, разрешив России вести железнодорожные изыскания в северной Персии. Российский капитал в Персии преобладал.

Англия предприняла в конце XIX – начале XX вв. ряд безуспешных попыток договориться с Россией о разделе Персии на сферы влияния.

Решая с разной степенью успеха частные задачи на Ближнем и Среднем Востоке, российское правительство не могло не видеть нагнетания угрозы большой войны в Европе в связи с ростом франко-германских противоречий из-за Эльзаса и Лотарингии и подспудно зреющими англо-германскими противоречиями из-за колоний и соперничества на море, проявившегося в ускоренном строительстве немецкого военного флота. Россия к такой войне не готовилась. Николай II считал необходимым проводить миротворческую политику своего отца и предложил созвать международную конференцию для заклю-

чения соглашений об ограничении вооружений, о мирном решении конфликтов и создании международных организаций, которые бы могли содействовать урегулированию столкновений, имели бы право принудительного арбитража в разрешении острых ситуаций. Было положено начало организациям объединенных наций. Разработав соответствующие проекты, русское правительство от имени императора обратилось в 1898 г. ко всем государствам с предложением созыва международной мирной конференции по ограничению вооружений и принятию конвенций о сохранении мира.

Российская дипломатия проделала большую подготовительную работу, и в 1899 г. такая первая конференция была созвана в Гааге. России удалось привлечь к ее участию 27 государств, в том числе Англию, США, Германию, Францию, Италию, Японию и др. На вторую Гаагскую конференцию в 1907 г. собрались уже 44 державы. Принятые *конвенции* имели большое значение, и некоторые из них действуют до сих пор. Наибольшее значение из решений Гаагской конференции 1899 г. имела конвенция о решении международных столкновений, согласно которой государства согласились прилагать усилия к мирному решению конфликтов и наметили основные средства: «добрые услуги», посредничество, международный третейский суд, международные следственные комиссии. Была принята конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, а также декларация о неупотреблении «пуль, легко разворачивающихся или сплюсчивающихся в человеческом теле» и удушающих газов, о режиме содержания пленных и др. Германии удалось сорвать принятие важной конвенции о принудительном арбитраже в случае международных конфликтов. Германский империализм продемонстрировал на Гаагской конференции свою агрессивность, он саботировал сокращение вооружений.

Дальневосточная политика царизма	В конце XIX в. обострилась борьба великих держав за раздел Китая. Наиболее прочные позиции имела в Китае Англия. Она владела Бирмой, господствовала на китайском рынке. Франция завоевала Индокитай и стремилась к новым захватам. Активизировали политику на Дальнем Востоке США. Под лозунгом «открытых дверей» в Китае американский капитал стремился к проникновению в эту страну. Но наиболее агрессивно действовала Япония, где после «революции Мэйдзи»
----------------------------------	--



1868 г. сравнительно быстро развивался капитализм, нуждающийся в колониях. Прежде всего японский капитал устремился в Корею и Маньчжурию. Министр иностранных дел Японии маркиз Ито заявил, что претензии Китая на Корею носят лишь сентиментальный характер, а Япония имеет экономическую потребность в Корее. Ито был сторонником полюбовного договора с Россией о разделе Китая.

Резкое обострение борьбы на Дальнем Востоке началось в 80-е годы, когда Россия к этому совершенно не была готова. Экономическая колонизация Приамурья и Приморья, присоединенных к России в 1858–1860 гг. по договорам с Китаем, разворачивалась очень медленно. В 1897 г. в Амурской области насчитывалось всего 120 тыс. чел., в Приморской области на Камчатке – 224 тыс., на Сахалине – 28 тыс., т.е. на огромный край приходилось всего 376 тыс. чел. В более освоенном Забайкалье жило 672 тыс. К этому нужно добавить плохие пути сообщения, слабое развитие промышленности и сельского хозяйства в регионе. Колонизация проходила неудовлетворительно из-за отсутствия свободы переселения.

Россия до 1894 г. стремилась вести дружественную политику со своими соседями – Китаем и Японией, так как правительство понимало слабость своих восточных позиций. В инструкции российскому послу в Токио Хитрово прямо указывалось на желательность «не только мирных, но и дружелюбных отношений с обоими соседними государствами», что обуславливается «наличием сильных держав – Японии и Китая и неразвитостью и отдаленностью русских дальневосточных окраин». Россия активно развивала с Китаем и Японией торговые отношения.

Торговля шла через Владивосток, где была введена беспопыльная зона, и пограничные города Кяхту, Благовещенск, Иркутск, Бийск и др. Широко развивалась меновая торговля с Маньчжурией, Монголией. Россия вывозила на Восток хлопчатобумажные, суконные, льняные ткани, металлические изделия, сахар, серебро, а ввозила чай, шелковые ткани, фарфор и т.п. Торговля с Россией была более выгодна для Китая: баланс торговли был в его пользу, обеспечивался приток серебра, Россия не ввозила опиум и не вывозила кули (китайских рабочих). Англия по существу вела работоторговлю кули, а за право ввозить опиум Англия и Франция вели войны с Китаем и добились льготного ввоза.

Россия считала главным своим врагом на Дальнем Востоке Англию, недооценивая агрессивность Японии. Готовясь отразить натиск Англии, российское правительство с 80-х гг. начало планировать проведение Транссибирской магистрали, но строительство ее началось лишь после 1890 г., когда Александру III доложили о попытках английского капитала получить концессию на железную дорогу от Пекина к Хунчуню (в 100 км от Владивостока). Министр финансов С. Витте в 1892 г. представил программу использования сибирской дороги не только в стратегических, но и в экономических целях. Суть ее сводилась к экономическому проникновению в Китай и Корею, вывозу капиталов, получению выгодных концессий и широкому развитию транзитной торговли Запада с Востоком через Россию. План предусматривал необходимость военной защиты дальневосточных рубежей, но лишь к 1910 г. с созданием сильного флота и военных портов. Такая возможность связывалась с продолжением дружественных отношений с Китаем, Японией и Кореей.

Сложившаяся внешнеполитическая обстановка показала слабость этого плана. Уже в 1894 г. Япония ввела войска в Корею, а затем развязала войну с Китаем. По условиям Симоносекского договора 1895 г. Япония получала огромную контрибуцию с разгромленного Китая, а также Ляодунский полуостров и ряд островов. Китай отказывался от протектората над Кореей. По инициативе российского правительства три великие державы – Германия, Франция и Россия – ультимативно потребовали от Японии отказаться от Ляодунского полуострова, и Япония вынуждена была уступить, получив от Китая дополнительную контрибуцию. Следствием этого был взрыв недовольства в Японии и принятие ее правительством десятилетнего плана подготовки к войне с Россией.

С. Витте удалось частично осуществить свой план проведения экономической экспансии в Китай. Россия дала Китаю в 1895 г. огромный заем в 150 млн. руб. под гарантию российского правительства для уплаты контрибуции. В этом же году был создан Русско-Китайский банк. В 1896 г. в Москву на коронацию приехал руководитель китайской политики Ли-Хун-чжан. С ним был заключен договор об оборонительном союзе против Японии и о строительстве Китайской восточной железной дороги (КВЖД) по территории Маньчжурии, что давало

возможность соединить Читу с Владивостоком по более короткому пути. Концессия была выдана Русско-Китайскому банку, который создал общество КВЖД. Общество получило право строить КВЖД, управлять землями в полосе отчуждения, вести изыскания рудных богатств, добывать уголь и т.д. Концессия давалась на 80 лет. В 1897 г. КВЖД начали строить, а в 1901 по ней проехал первый поезд.

К этому времени большое влияние на царя приобрела группа лиц во главе с отставным гвардейским офицером А. Безобразовым, так называемая «безобразовская клика». Эта клика обвиняла Витте в политике уступок Японии и требовала смелых наступательных действий. В 1897 г. Россия ввела эскадру кораблей в Порт-Артур, а затем заключила с Китаем договор об аренде Ляодунского полуострова на 25 лет и о постройке железной дороги от КВЖД до Порт-Артура. Россия получила незамерзающие порты: военный – в Порт-Артуре и торговый – в Даляне (Дальнем). Оба порта стали быстро отстраиваться, особенно Дальний, объявленный открытым для судов всех стран.

В 1900 г. Россия вместе с другими великими державами участвовала в подавлении восстания в Китае, поднятом обществом «Ихэтуань». Восстание было жестоко разгромлено, на Китай наложена большая контрибуция. Российское Министерство иностранных дел обратилось ко всем державам с предложением вывести войска из Пекина. В циркуляре МИД России было указано, что она лишь временно оставит войска в Маньчжурии для охраны КВЖД, пострадавшей от повстанцев, а в дальнейшем выведет их, чтобы сохранить «вековую дружбу Китая». Русский отряд генерала Линевича уже в августе 1900 г. был отведен из Пекина на север и не участвовал в карательных действиях войск остальных интервентов.

Однако «безобразовская клика» настаивала на том, чтобы не торопиться с выводом войск из Маньчжурии. Наоборот, созданное этой кликой подставное общество купило у одного владивостокского коммерсанта концессию на эксплуатацию огромного лесного участка на границе Маньчжурии и Кореи по реке Ялу. Все это вызвало резкое недовольство Японии, Англии, США. В 1902 г. Японии удалось заключить очень важный договор с Англией, по которому английская сторона обязывалась сохранять дружественный нейтралитет в случае войны Японии с одной державой и вступить в войну на ее стороне в слу-

чае войны Японии с двумя державами. Тем самым Япония обезопасила себя от повторения дипломатического поражения в 1895 г., когда оказалась одна против трех великих держав. Англия и США охотно предоставляли Японии огромные кредиты на подготовку к войне.

В течение 1903 г. шел обмен нотами между Россией и Японией. Японская сторона требовала вывода русских войск из Маньчжурии и признания своих исключительных прав на Корею, а ответы России были уклончивы. Проведение дальневосточной политики целиком оказалось в руках «безобразовцев». В июле 1903 г. на Дальнем Востоке было образовано наместничество и наместником в Порт-Артуре был назначен адмирал Е. Алексеев – ставленник этой клики. «Безобразовцы» получили подкрепление в лице министра внутренних дел Плеве, заявлявшего, что «маленькая победоносная война» необходима для отвлечения масс от революции. Витте был снят с поста министра финансов и переведен на другую должность, где он не мог влиять на внешнюю политику. Во второй половине 1903 г. Япония заняла более жесткую позицию и 31 декабря 1903 г. по существу предъявила ультиматум в расчете на то, что отказ России будет использован как повод для начала войны. Царское правительство перед непосредственной угрозой войны пошло на значительные уступки в Корее. Но телеграмма с ответом была послана лишь 22 января 1904 г., когда японское правительство уже приняло решение начать войну. Япония объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией под предлогом, что российское правительство не отвечает на японскую ноту, хотя в этот день – 24 января 1904 г. – телеграмма была уже получена в Нагасаки, но задержана японцами на сутки и передана российскому посланнику на другой день.

## **§ 2. Русско-японская война**

Военные силы России в целом были значительно мощнее, чем у Японии. К 1904 г. она имела 1135-тысячную армию и 3,5 млн. чел. запасных и ополченцев.

Царское правительство не верило, что «маленькая» Япония первой нападет на Россию, и поэтому держало основную массу

сухопутной армии у западных и южных границ. Даже сделав ставку на войну с Японией, царь не принял мер к посылке на Дальний Восток воинских контингентов. Военный министр Куропаткин и наместник Алексеев наперебой докладывали Николаю II о том, что «мы ныне можем быть спокойны за судьбу Порт-Артура и мы вполне надеемся отстоять Северную Маньчжурию».

На Дальнем Востоке к 1904 г. было разбросано по разным местам около 100 тыс. солдат. Подвоз войск затруднялся тем, что Сибирская магистраль на Кругобайкальском участке еще не была достроена (завершена в 1905 г.). Пропускная способность дороги у Байкала составляла в 1903 г. 2 пары поездов в сутки, а одна дивизия занимала 20 эшелонов. Мобилизованные сибирские части показали себя в боях выше всяких похвал, но с запада присылали в мирное время наспех сформированные соединения из недисциплинированных, плохо обученных солдат и проштрафившихся офицеров. Даже в ходе войны наиболее отборные войска задерживались в центре. Слабой была и подготовка части офицеров. Выявилась отсталость России в производстве отдельных средств вооружений. Новыми, лучшими в мире видами оружия – винтовкой С. Мосина, скорострельной 76-мм полевой пушкой – была снабжена лишь треть армии. Артиллерийское обеспечение войск являлось самым слабым среди европейских армий. Не было тяжелой артиллерии новейших образцов. Очень мало – пулеметов, телефонной и телеграфной аппаратуры. Программа строительства флота специально для Дальнего Востока полностью не завершена. Не было закончено строительство укреплений Порт-Артура. Недостаточно заготовили снарядов, патронов, продовольствия и фуража.

Япония подготовилась к войне значительно лучше. Военная программа к 1904 г. ею была перевыполнена. В действующей армии насчитывалось 143 тыс. солдат и 8 тыс. офицеров, а вместе с флотом и резервом – 200 тыс. из полумиллиона человек, подлежавших призыву. Армия была обучена немецкими инструкторами и хорошо вооружена. Войска имели тяжелую и горную артиллерию. Каждая японская дивизия имела 6 тыс. носильщиков (кули), что делало ее более мобильной, чем русские дивизии.

В подготовке к войне Японии оказали большую помощь Англия и США, недальновидно считавшие главным своим сопер-

ником на Дальнем Востоке Россию. Они предоставили Японии денежные кредиты, строили для нее корабли, снабжали оружием. Решающее значение в войне имело превосходство на море. Россия не завершила свою программу постройки кораблей для Тихоокеанской эскадры. Более того, в 1902 г. из Тихого океана на Балтику были выведены для ремонта 3 старых броненосца и 4 крейсера, так как на востоке не было ремонтной базы. Количественное превосходство японцев на Дальнем Востоке по броненосцам и тяжелым крейсерам было незначительным — 14 против 11, но они имели больше крейсеров и миноносцев. Общее соотношение кораблей к началу войны было 80:63, не считая 10 русских кораблей во Владивостоке и 3-ю японскую эскадру (27 кораблей), защищавшую Корейский пролив и сопровождавшую транспорты. Главное превосходство у Японии было в качестве кораблей — все были новейшего типа, более быстроходны, с более мощным бортом, имели лучшее артиллерийское вооружение. Японские орудия выпускали в минуту в 2,5 раза больше снарядов с весом взрывчатых веществ, большим в 15 раз. Дальность стрельбы тоже была выше.

Российское правительство, к сожалению, недооценило роль флота в складывающейся ситуации. В случае превосходства на море Россия выиграла бы войну, ибо японские войска не смогли бы высадиться в Маньчжурии. В последний момент Россия отказалась купить у Аргентины два новейших броненосных крейсера и их купила Япония. Планы японского командования отличались наступательным поэтапным характером: внезапное нападение на русский флот и его уничтожение, высадка войск в Корею и у берегов Порт-Артура, захват крепости штурмом, разгром русской армии, захват КВЖД, чтобы исключить доставку русских подкреплений. Однако, несмотря на разветвленную шпионскую сеть, японцы тоже недооценили и русский флот, и русскую армию, и гарнизон Порт-Артура, что привело к затяжке войны. Русский план ведения войны был нечетким: он предусматривал оборону Порт-Артура и Владивостока с моря и суши и постепенный отход русской армии по линии КВЖД с боями местного значения до момента сосредоточения крупных сил в районе Харбина. Этот план не учитывал большое стратегическое значение Порт-Артура, переоценивал силу русской Тихоокеанской эскадры, отдавал инициативу Японии.

**Начало войны** В ночь на 27 января 1904 г. отряд японских миноносцев внезапно атаковал русский флот на внешнем рейде Порт-Артура. Из 16 выпущенных мин три попали в броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и в крейсер «Паллада». Русская эскадра находилась в состоянии боевой готовности, через несколько минут открыла ответный артиллерийский огонь. Японский отряд, потеряв два миноносца, спешно отошел к своим. Броненосец «Ретвизан» приткнулся на мель у входа в гавань, а «Цесаревич» и «Паллада» держались на плаву и были отбуксированы во внутреннюю гавань. Наутро японский флот в полном составе атаковал эскадру Порт-Артура, но был отбит огнем кораблей и береговой артиллерии. У русских было повреждено еще три корабля, но у японцев – больше и они отошли на юг.

В Чемульпо после неравного боя русские потопили свой крейсер «Варяг» и взорвали канонерскую лодку «Кореец». Таким образом было потоплено два и выведено из строя три боевых корабля, что было следствием халатности командующего флотом Старка и заместителя Алексева, которые не выставили противоминные сети и не вернули «Варяг» в Порт-Артур. Но и японцы не получили того перевеса, на который рассчитывали, – высадку войск они отложили. Адмирал Х.Того сделал несколько попыток запереть узкий и неглубокий проход из внутреннего рейда Порт-Артура брандерами (предназначенными для затопления старыми транспортными пароходами) под прикрытием отряда миноносцев и крейсеров, но все они были отбиты огнем «Ретвизана» и береговой артиллерии. Прибывший 24 февраля в Порт-Артур новый командующий эскадрой вице-адмирал С. Макаров развил энергичную деятельность по совершенствованию обороны рейда с суши и с моря, ускорению ремонта поврежденных кораблей, повышению морального духа матросов и боеготовности эскадры. Под его руководством флот активизировался, отряды миноносцев совершали выходы в море, проводилось минирование подходов к порту. Но 31 марта на японской mine подорвался броненосец «Петропавловск» – на нем погибли адмирал Макаров, 620 матросов и 28 офицеров. После этого русская эскадра не рисковала выходить далеко в море, а 2 мая на русских минах подорвались и затонули два японских броненосца и тяжелый крейсер, а через два дня – миноносец.

Военные действия на суше начались в середине апреля 1904 г. наступлением I-й японской 45-тысячной армии Куроки у Тю-

ренчэна. Отряд генерала М. Засулича, имевший на этом участке в 5 раз меньше сил, не предпринял никаких мер к укреплению своих позиций и потерпел поражение. В бою на реке Ялу русские потеряли около 3 тыс. чел., японцы – чуть более тысячи. В конце апреля у Бицзыво высадилась 2-я японская армия генерала Оку, а у Дагушаня – 4-я армия Нодзу. Между главным командующим флотом адмиралом Алексеевым и командующим сухопутными войсками генералом А. Куропаткиным начались трения. Первый боялся за флот и требовал ударить всеми сухопутными силами по армии Оку, перерезавшей железную дорогу к Порт-Артуру. Второй ссылаясь на нехватку войск, опасности с фланга, выдвигал план сосредоточения 300-тысячной армии, а потом – перехода в наступление. Из Петербурга последовало указание спасти Порт-Артур. Куропаткин принял компромиссное решение, послав против армии Оку один корпус Штакельберга. Бой под Вафангоу выиграли превосходящие силы японцев. Армия Оку вместо движения к Порт-Артуру получила приказ идти на север, а для взятия Ляодунского полуострова японцы сформировали 3-ю армию М. Ноги.

Поражение при Вафангоу произвело тяжкое впечатление в России, и А. Куропаткин вновь получил указание дать сражение японцам. Будучи снова вынужденным отказаться от своих планов, он пошел на это неохотно и вполсилы: имея под Ляояном 148 тыс. штыков и 673 орудия, он в передовых позициях держал только 94 тыс. солдат и 338 орудий, в то время как японские войска насчитывали 110 тыс. штыков при 484 орудиях. Битва под Ляояном началась 17 августа наступлениями трех японских армий, которые были отброшены с огромными потерями, но Куропаткин, преувеличивая силы японцев, 21 августа отдал приказ отступить. Японцы, потерявшие в кровопролитных боях свыше 24 тыс. чел., такой удачи не ждали. Русские потеряли около 17 тыс., но отступили.

В сентябре 1904 г. Куропаткин предпринял наступление на реке Шахэ. Обстановка здесь была еще более благоприятной для русских, чем под Ляояном, поскольку под Порт-Артуром были скованы значительные силы противника. Героическая борьба защитников Порт-Артура, отбивших успешно два мощных штурма, заставляла японцев посылать туда большие резервы, артиллерию и снаряды. Но Куропаткин использовал только часть сил и в результате потерпел поражение. Обескровленные стороны перешли к позиционной войне на три месяца.



В начале мая 1904 г. Порт-Артур был отрезан от Маньчжурии. Сначала бои велись на дальних подступах к нему. Взяв очень важные позиции на Цзиньчжоуском перешейке и порт Дальний, армия Оку двинулась на север, а в районе Дальнего развертывалась 3-я японская армия, с середины мая во главе с командующим генерал-полковником М. Ноги. Зарубежные военные обозреватели считали ее положение критическим, ибо превосходство русских было значительным. Но командующий Квантунским укрепленным районом генерал А. Стессель думал не о наступлении, а об отступлении. Лишь командир 7-й Восточно-Сибирской дивизии генерал Р. Кондратенко настоял на том, чтобы дать бой японцам в центре Ляодунского полуострова сначала у Большого перевала, а затем у Зеленых и Волчьих гор. Это задержало японцев. За период с 12 мая по 17 июня они потеряли 12 тыс. чел. убитыми и ранеными. Потери русских в этих боях составили 5,3 тыс.

За полгода с начала войны до подхода противника к Порт-Артуру около крепости были проведены большие оборонительные работы, укреплены 6 долговременных фортов, устроены окопы, «волчьи ямы», полевые редуты на всех высотах и т.п. В крепости было около 40 тыс. солдат. Численность эскадры составляла 12 тыс. чел. В Порт-Артуре оказались два командующих: комендант крепости генерал К. Смирнов и начальник Квантунского укрепленного района Стессель, хотя этого района к июлю 1904 г. уже не существовало. Стессель не выполнил приказа Куропаткина сдать командование коменданту Смирнову и преступно утаил от него этот приказ. Стессель постоянно мешал Смирнову в организации обороны крепости. Выдающуюся роль в обороне крепости сыграл начальник сухопутной обороны генерал-майор Н. Кондратенко, который пользовался огромным авторитетом среди солдат и офицеров.

Тихоокеанская эскадра кораблей получила приказ заместника прорываться во Владивосток. Первая попытка была сделана 10 июня. Встретив главные силы японского флота, командующий эскадрой контр-адмирал В. Витгефт уклонился от боя и вернулся в порт, поскольку у противника было большое преимущество в крейсерах и миноносцах. Витгефт и военный совет флота считали, что прорваться нет возможности и лучше помочь крепости обороняться как можно дольше. Но по приказу заместника 28 июля эскадра вновь двинулась на прорыв

во Владивосток. Бой с японским флотом продолжался с 12 час. дня до ночи. Личный состав русской эскадры проявил высокое мужество и стойкость. В бою был убит Витгефт. И русские и японские корабли получили много повреждений, но ни один не был потоплен. Из 18 русских кораблей 10 вернулись в Порт-Артур, 7 зашли в нейтральные порты для ремонта повреждений, а крейсер «Новик» дошел до Сахалина и в ходе боя с двумя японскими крейсерами был затоплен командой. После этого военные корабли помогали обороне крепости.

Японцы сосредоточили армию в 48 тыс. чел. и предприняли ряд штурмов крепости. Первый общий штурм продолжался с 6 по 11 августа не только днем, но и ночью. Японцы имели преимущество в артиллерии и не жалели снарядов. Потеряв в ожесточенных боях около 25 тыс. чел., японцы отказались от штурма. Надежды японцев на скорый успех разбились о героизм защитников. Потери русских составили 6 тыс. чел.

Получив значительные подкрепления и осадную артиллерию, японцы в сентябре провели второй штурм, сосредоточив трехкратное превосходство против высот Длинной и Высокой. После упорных боев японцы взяли гору Длинную, но были отбиты от горы Высокой. Их потери составили 7,5 тыс., а русских — 1,5 тыс. чел.

Японское командование, получив донесение о подготовке в Балтийском море 2-й Тихоокеанской эскадры, не жалело ни солдат, ни артиллерии для захвата Порт-Артура. Беспрерывно велся обстрел укреплений и порта. Третий штурм был начат 17 октября, но японцы понесли такие огромные потери, что М. Ноги отказался его продолжать. Начался период минно-артиллерийской войны. Японцы рыли подземные галереи для закладки мин под основные форты крепости, постоянно вели сильный артобстрел всех позиций русских. Защитники крепости героически оборонялись, восстанавливали укрепления прямо под огнем противника, удачно вели контрподкопы и подрывали японских саперов. В крепости наладили производство ручных гранат, были изобретены минные мортиры, метавшие морские и самодельные мины. Но силы солдат и матросов истощались, уменьшались продовольственные пайки, было много тяжело раненых и больных.

К ноябрю японцы сосредоточили под крепостью более 100 тыс. солдат и 13 числа начали четвертый штурм, предва-  
рив его ураганным артиллерийским обстрелом и взрывами мин

у русских укреплений. Штурм длился 9 дней, перемежаясь интенсивным огнем артиллерии. На горе Высокой, которую штурмовали японцы, из 43 блиндажей уцелело только два. Высокая была взята. На этом участке боя японцы потеряли 10 тыс. чел., русские – 5 тыс. Взяв Высокую, противник стал уничтожать прицельным огнем корабли эскадры, выпуская ежедневно сотни снарядов из 11-дюймовых орудий. Усилился обстрел крепости и из осадных орудий. Защитники оборонялись из последних сил, вдохновляемые генералами Кондратенко и Смирновым. Большую поддержку оказывала артиллерия крепости под командованием генерала В. Белого.

2 декабря был убит Кондратенко. Взорвав сильные фугасы, японцы штурмом взяли форты II и III. Военный совет крепости, состоявшийся 16 декабря, был полон решимости продолжать борьбу. Только начальник штаба полковник Рейс настаивал на капитуляции. В последующем японцам удалось взять ряд укреплений, и 20 декабря Стессель сдал крепость японцам, хотя еще можно было защищаться на второй и третьей линиях обороны, и еще оставалось продовольствие.

Стратегическое значение обороны Порт-Артура было огромным. Гарнизон крепости сковывал армию в 200 тыс. чел. и почти весь флот противника. Японцы потеряли здесь 110 тыс. чел. и 15 боевых кораблей. Но падение крепости позволило японцам освободить 3-ю армию, уничтожить русский флот, захватить 610 орудий, взять в плен 32 тыс. чел. (включая больных и раненых). А через три недели после падения Порт-Артура в России началась революция.

<b>Поражение России</b>	В 1905 г. произошло два самых крупных сражения в мировой истории: Мукденское на Маньчжурской равнине и Цусимское – на море. Под Мукденом бои длились с 5 по 24 февраля, в них с обеих сторон участвовало свыше 660 тыс. солдат. Японцы начали наступление на 7 дней раньше даты намеченной русскими, и тем самым нарушили их планы. Куропаткин как мог отражал японские атаки, считая главной задачей сохранение армии и своевременный отход войск. Японское правительство, обеспокоенное тем, что его резервы на исходе, потребовало от главнокомандующего сухопутными войсками маршала И. Оямы окружить и уничтожить русские армии. Но этому не дано было осуществиться: наступление противника сдерживалось сопротивлением и контратаками русских частей. Тем не менее русским пришлось от-
-----------------------------	--

ступить. С обеих сторон были большие потери: японцы потеряли убитыми и ранеными 70 тыс. чел., русские – 59 тыс. Зато в плен попало 22 тыс. русских, японцев – около тысячи. Сил для преследования у японцев не было, и русские разместились на заранее подготовленных Сыпингайских позициях. К августу 1905 г. численность русских войск на Дальнем Востоке достигла около миллиона человек.

В 1905 г. в район военных действий прибыли 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры и 14–15 мая вступили в бой у острова Цусима. Против 30 боевых кораблей русских японцы выставили 120. Адмирал З. Рожественский ставил единственную задачу – прорыв во Владивосток, но он не верил в это, так как японская армада двигалась со скоростью 18–20 морских миль в час, русская – 12–14. При равном числе броненосцев японцы имели в 6 раз больше крейсеров и миноносцев. Русский флот только что успешно завершил беспрецедентный по трудности переход в 33 тыс. км из Прибалтики к месту боев. В самом начале боя Рожественского контузило, адмирал Небогатов по существу боем не руководил. Русские корабли отстреливались и шли вперед, иногда отрываясь в тумане от противника. Один за другим тонули в упор расстреливаемые японцами русские броненосцы – 11 кораблей, в том числе 5 броненосцев, затонули. Ночью японцы двинули на русскую эскадру 60 быстроходных миноносцев – от торпед затонули еще 2 броненосца. Команды кораблей яростно отбивались от превосходящих их сил, даже начавшие погружаться в воду броненосцы «Князь Суворов» и «Адмирал Ушаков» вели огонь сквозь дым и пламя. Утром остатки эскадры во главе с Небогатовым были обнаружены японскими кораблями, которые с расстояния 60 кабельтовых (10,8 км) стали вести прицельный огонь. Русские орудия стреляли в пределах только 50 кабельтовых. Небогатов поднял белый флаг; в плен было взято 4 броненосца и один миноносец – с раненым адмиралом Рожественским на борту. Всего было потоплено 19 кораблей, 3 крейсера прорвались в нейтральные порты, 2 крейсера и 2 миноносца дошли до Владивостока. Из 14 тыс. чел. команды погибло более 5 тыс. Поражение было полным.

Главной причиной поражения русских в Цусимском проливе был количественный и качественный перевес японского флота, перевес в живой силе и технике.

Условия Портсмутского мира, заключенного в августе 1905 г. в США, были для России не столь обременительны, как расчи-

тывала Япония. Истощив все людские и материальные ресурсы, далее воевать Япония уже не могла. Англия и США отказывали ей в новых займах, поддержки не стало. Российской делегации во главе с С. Витте лишь удалось избежать выплаты огромной контрибуции японцам, полной уступки острова Сахалина, выдачи русских военных судов, укрывшихся в нейтральных портах, ограничения военно-морского флота на Дальнем Востоке. Согласно договору, Россия передавала Японии Ляодунский полуостров, южную часть Сахалина и ветку железной дороги от Порт-Артура до станции Чанчунь. Японские рыбаки получили право рыбной ловли у русских берегов.

Таким образом, война с Японией закончилась поражением России, потерей половины Сахалина и единственного незамерзающего порта на Дальнем Востоке. Главное же заключалось в том, что был поставлен крест на «большой азиатской программе», которую Николай II считал в начале XX в. основной в своей внешней политике. Должен был решиться важнейший вопрос о выходе к незамерзающим морям Тихого океана. Без этого, по словам американского историка русско-японской войны С. Тайлера, «великая сибирская империя осталась бы гигантским тупиком». Царь понимал историческое значение получения незамерзающих портов в Азии и настойчиво осуществлял продвижение России в нужном направлении. Дело тормозили некоторые министры. Витте «изыскивал» огромные средства из бюджетных «остатков» для оборудования «своего» торгового порта в Дальнем, но несколько урезал расходы на военный порт «чужого» ведомства в Порт-Артуре. Он ошибочно полагал, что военное столкновение с Японией можно оттянуть на много лет, сделав ей уступки в Корее.

Царь снял С. Витте только за пять месяцев до войны, когда трудно было что-либо изменить коренным образом. Военный министр Куропаткин даже в 1903 г. упорно доказывал невозможность отправки серьезных военных подкреплений на Дальний Восток, утверждая, что это ослабит Россию на западных границах, откуда, по его мнению, грозила главная опасность. За 1903 г. на восток было переброшено всего 20 тыс. солдат, хотя все военные агенты с тревогой сообщали о лихорадочной подготовке Японии к большой войне.

Вряд ли правомерны были рассуждения Витте и многих других политиков о том, что можно было избежать войны с Японией, пойдя на уступки в Корее. Опубликованные после вой-

ны документы показывают, что с 1896 г. правительство Японии твердо взяло курс на войну, что в ней верховодила военщина. Колоссальные расходы на вооружение можно было делать только в расчете на великие завоевания всей Маньчжурии, Кореи, Сахалина, на полный разгром России и получение с нее контрибуции. Временные уступки России лишь разожгли бы аппетиты японской правящей элиты. Без поддержки американского и английского капитала Япония не смогла бы так хорошо подготовиться к войне. Единственный способ для России избежать поражения в надвигавшейся войне состоял в переброске своевременно на Дальний Восток из европейской части страны нескольких боеспособных корпусов, в усилении флота новыми кораблями, в быстром завершении строительства укреплений на Ляодунском полуострове и особенно в Порт-Артуре. Не исключено, что эти меры могли отрезвить Японию и она вынуждена была бы удовольствоваться теми уступками, которые русское правительство предложило ей в ноте накануне начала войны. Ничего этого сделано не было, и царю пришлось расплачиваться за это не только моральным унижением, но и резким ростом антисамодержавных настроений и революционным взрывом внутри страны.

### **§ 3. Внешняя политика в 1906–1914 гг.**

**Россия  
в системе  
международ-  
ных отноше-  
ний после  
1906 г.**

Направление внешней политики России в этот период определялось прежде всего внутренними факторами. Важнейшими из них были, во-первых, поражение в войне с Японией и, во-вторых, внутренняя смута 1905 г. Война вскрыла недостатки в вооружении армии и в подготовке офицерского корпуса, а также выявила техническую отсталость в ряде отраслей военно-промышленного производства. Кроме того, страна понесла огромные людские и материальные потери, была уничтожена лучшая часть флота. Резко возрос государственный долг. Все это диктовало необходимость мирной передышки в течение длительного времени.

Если первый фактор был обычным для любой страны, пережившей крупную войну, то второй впервые возник в Российской империи в таких колоссальных масштабах. Массовые забастовки рабочих промышленности вызывали весьма ощутимые

сбои в развитии всех отраслей народного хозяйства. Разгромы имений нанесли серьезный ущерб наиболее товарным помещичьим хозяйствам. Революционный взрыв вызвал временный паралич власти, падение ее престижа, рост недовольства значительной части населения, вооруженные восстания в городе и деревне, в том числе в армии и на флоте. Царизм получил наглядное свидетельство того, что неудачная война была явным детонатором этого взрыва. Многие представители правящих кругов после 1905 г. сделали вывод о том, что Россия ни в коем случае не должна воевать. Особенно решительно на этом настаивал П. Столыпин, который считал, что война не только приведет к революции, но и сорвет выполнение программ реформ. «Дайте государству, – говорил он в 1909 г., – двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Но внешнего покоя оставалось только пять лет.

Главными причинами неуклонного движения к войне были нараставшие международные противоречия, которые непосредственно затрагивали и Россию. Она имела собственные интересы, которыми не могла поступиться, неся статус великой державы. Это была проблема черноморских проливов, жизненно важная для российской экономики. Россию беспокоило проникновение в Турцию других великих держав, и она пыталась противиться этому всеми средствами.

Второй была проблема традиционной защиты славянских государств на Балканах. В 1899 г. во время свидания с германским статс-секретарем Бюловым русский император особо подчеркнул, что есть «только один пункт, в котором вы должны считаться с русскими традициями и бережно к ним относиться – а именно на Ближнем Востоке, <...> с которым она веками связана многими узами национального и религиозного характера... В этом отношении я не могу вступить в противоречие с заветами и чаяниями моего народа». Именно последний вопрос и стал камнем преткновения накануне первой мировой войны во внешней политике России.

В начале XX в. приближение большой войны чувствовали многие политики. Соперничество Англии и Германии из-за передела колоний и рынков сбыта приобрело острейший характер. Оно переросло рамки гонки вооружений и вступило в полосу открытых столкновений. Одновременно между Англией и Францией возникли противоречия по поводу колоний в Африке, а между Германией и Францией – из-за Эльзаса и Лота-

рингии, захваченных Германией после франко-прусской войны, и также из-за колоний. Английская дипломатия сделала решающие шаги для урегулирования отношений сначала с Францией, а затем и с Россией.

Пойдя на взаимные уступки по поводу колоний в Африке, Англия и Франция заключили в 1904 г. так называемое «сердечное согласие» — «антанта кордиаль», откуда и пошло название Антанты (франц. *Entente* — согласие). В договоре ничего не говорилось о союзе против Германии, но оба государства имели непримиримые противоречия именно с Германией.

В такой сложной обстановке России приходилось сделать выбор: на чью сторону встать — либо сохранить франко-русский союз, и, следовательно, пойти на сближение с Англией, либо встать на сторону Германии, а это неизбежно должно было означать и заключение союза с Австро-Венгрией. Правительство надеялось соблюдать нейтралитет — хотя бы в обозримом будущем. Министерство иностранных дел предполагало заключить с той и другой стороной соглашения, не носящие военных обязательств, но улучшающие международное положение России. И такие соглашения удалось вскоре заключить. Но одновременно происходило обострение противоречий с другими странами, прежде всего с Германией и Австро-Венгрией. Русская дипломатия предпринимала усилия для мирного решения конфликтных ситуаций, но далеко не все зависело от нее.

Новым фактором во внешней политике страны после 1905 г. стало влияние Государственной Думы и политических партий. В условиях отмены цензуры им помогали формировать общественное мнение многочисленные газеты. Германофильское направление отстаивали правые группировки, которым импонировал монархический строй Германии, наличие там сильной власти кайзера при подчиненной роли рейхстага, строгий порядок в этой стране и мощная индустрия. Их газеты отмечали, что оба государства не воевали 150 лет, имеют традиционно дружественные дипломатические и династические связи, развивают торговлю, в то время как Англия показала себя врагом России в период русско-японской войны. В пронемецкую группировку вошли отдельные министры, члены Госсовета и Думы, значительная часть помещиков и буржуазии, связанных с немецким рынком и немецким капиталом, «немецкая партия», сильная своим влиянием в генералитете армии, в гвардии и при дворе.



Позиции этой группировки сильно подрывала сама Германия, где после отставки Бисмарка в 1890 г. к власти пришли агрессивные круги, считавшие не только возможной, но и выгодной войну с Россией, предъявившие открытые притязания на земли Прибалтики, Польши, Украины. После русско-японской войны Вильгельм II и его правительство не считали Россию серьезным соперником. В 1904 г. они навязали невыгодный для русских торговый договор. В немецкой прессе открыто пропагандировался курс наступления на восток, велась анти-русская кампания, Россию представляли главным препятствием на пути создания «великой Германии».

После 1906 г. в России подняли голову англофилы, которые были вынуждены молчать, когда Англия поддерживала Японию. Теперь обстановка изменилась. Уже в конце войны Англия стала отказывать Японии в новых займах, так как не была заинтересована в ее дальнейшем усилении. Английские либералы, пришедшие к власти в начале 1906 г., первыми сделали дипломатические шаги к сближению с Россией. Такую политику стал вести новый посол в Петербурге сэр Артур Николсон. Он встретил сочувственное отношение у нового русского министра иностранных дел Извольского.

**Александр Петрович Извольский (1856–1919)** имел в своей тридцатилетней дипломатической карьере такие этапы, которые позволили ему близко узнать самые болевые точки России в международных отношениях. Он служил в Румынии, Вашингтоне, посланником в Сербии, при баварском короле в Германии, в Японии, министром-резидентом в Ватикане. Последний его пост посланника в Дании, где часто гостила царская семья у родственников царицы-матери Марии Федоровны, дал ему возможность проявить блестящие способности не только дипломата, но и царедворца. На посту министра он сочувственно относился к либеральным реформам в России и был убежденным англофилом. Хотя вопросы внешней политики не входили в компетенцию Думы, он выступил в Думе в 1908 г. при утверждении сметы своего министерства с обоснованием основных направлений внешней политики, встретив полное понимание не только думского большинства, но и оппозиции в лице кадетов.

В России сложилась и стала набирать силу англофильская группировка. Ее ядро составили финансовые и промышленные круги, связанные с англо-французским капиталом. К ним примкнуло почти все либеральное общество, которое надеялось, что сближение с Англией будет связано с усилением «конституционного курса» во внутренней политике. Англофильскую позицию заняло большинство российских газет.

**Политика  
соглашений  
в действии.  
Присоединение  
России  
к Антанте**

Внутренняя социальная неустойчивость и военная слабость заставляли Россию искать как перспективные, так и временные соглашения с целью сохранения мира. За период 1906–1914 гг. Россия заключила такие соглашения с Англией, Германией, Италией, Японией и некоторыми другими державами. В 1905 г. в царском окружении победило мнение о возможности сближения с Германией против Англии. Обстановка была благоприятной для этого: Англия поддерживала Японию; Франция не оказала своей союзнице существенной помощи на Дальнем Востоке, а Германия предоставила заем, снабжала углем русский флот, направленный в Порт-Артур. В июле 1905 г. царь при свидании с кайзером у острова Бьерке в Финском заливе подписал договор о союзе Германии и России против Англии. Но такой договор означал отход от франко-русского союза, что могло вызвать взрыв недовольства российской буржуазии, тесно связанной с французским капиталом. К тому же Россия нуждалась в огромном займе, разместить который можно было только во Франции. Поэтому Витте, ставший председателем Совета министров, и его министр иностранных дел Ламздорф уговорили царя поставить условие вступления договора в силу – присоединение Франции к союзу против Англии. Но они не учитывали остроту франко-германских противоречий. К 1905 г. уже не могло быть речи о таком широком антианглийском альянсе. Договор в Бьерке был аннулирован, хотя немецкая партия и черносотенцы не оставляли идеи заключения соглашения с Германией.

Наибольшее значение в международных соглашениях приобрел англо-русский договор 1907 г., по которому Россия присоединялась к Антанте. Это соглашение не предусматривало союза против какой-либо державы, но по существу было направлено против Германии. Заинтересованность в сближении с Англией усиливалась рядом обстоятельств. Англия имела соглашение с союзной России Францией и приняла участие в займе, который в 1906 г. был предоставлен царскому правительству французскими банками. Большую роль играло огромное влияние Англии на Японию, в которой не угасали агрессивные антирусские стремления. Царизм боялся новых осложнений на дальневосточных рубежах и надеялся с помощью Англии избежать их путем соглашения с Японией. Наконец, без Англии нельзя было решить вопрос о черноморских проливах.

Переговоры с Англией тянулись около года, сначала тайно, а с весны 1907 г. о них заговорили в газетах. Перед их завершением в июле 1907 г. Николай II впервые после свидания в Бьерке встретился с Вильгельмом II в Свинемюнде и попытался его убедить, что предстоящее соглашение не будет носить антигерманского характера.

Англо-русское соглашение было подписано в августе 1907 г. Оно касалось позиций двух стран по отношению к Персии, Афганистану и Тибету. Северная Персия признавалась зоной влияния России; юго-восточная, примыкающая к Афганистану и Индии – влияния Англии. Между ними оставалась нейтральная полоса, включавшая почти все побережье Персидского залива. Россия признавала Афганистан «находящимся вне сферы русского влияния», но по настоянию Извольского в соглашение было включено обязательство Англии не занимать и отторгать какой-либо части афганской территории, не вмешиваться во внутренние дела Афганистана. Английская сторона признала также принципы торгового равноправия в Афганистане. По соглашению 1907 г. обе стороны признали суверенитет Китая над Тибетом и обязывались не вмешиваться в его внутренние дела.

Англо-русским договором 1907 г. завершилось создание Тройственного союза согласия – Антанты. В 1908 г. произошла встреча Николая II с английским королем Эдуардом VII в Ревеле, во время которой министры обсудили некоторые вопросы возможной войны с Германией, хотя никаких соглашений на этот счет подписано не было. Переговоры Извольского с помощником английского министра иностранных дел Гардингом о проливах ограничились устным обещанием Англии об открытии проливов для русских судов. При заключении англо-русского договора Николай II настаивал на том, чтобы в тексте его не было никакого антигерманского оттенка. Извольский также считал, что в случае войны Англии с Германией Россия может сохранить нейтралитет даже при наличии соглашения 1907 г.

Россия явилась одним из инициаторов созыва в 1907 г. второй Гаагской мирной конференции, в которой участвовали 44 государства. Конференция приняла 13 гаагских конвенций: «О мирном решении международных столкновений», «Об открытии военных действий», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае

войны» и ряд др. Эти конвенции имели прогрессивный характер, так как в их основу был положен принцип гуманизации войны. Но важнейшие предложения об ограничении вооружений и введении третейского суда для разрешения международных конфликтов не встретили поддержки большинства великих держав и особенно Германии.

В 1907 г. Россия заключила общеполитическое соглашение, а также торговый договор и рыболовную конвенцию с Японией. Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия признавались зоной влияния России, а Южная Маньчжурия и Корея – зоной влияния Японии. Это соглашение значительно улучшило русско-японские отношения. В 1910 г. Япония предложила превратить соглашение с Россией в «формальный союз». Секретный договор 1910 г. закреплял сотрудничество двух стран в ограждении их интересов в Маньчжурии от посягательства других держав.

В одном ряду с этими соглашениями был и договор России с Италией в разгар русско-австрийских дипломатических столкновений. Подготовленный Извольским в период его переговоров в Италии договор был окончательно подписан в октябре 1909 г. во время свидания императора Николая II с итальянским королем Эммануилом III в Ранкониджи. Договор предусматривал согласие Италии на сохранение статус-кво на Балканах и на открытие черноморских проливов для русских военных кораблей в обмен на благожелательный нейтралитет России в случае захвата Италией Триполитании, находившейся под властью Турции. Договор предусматривал также совместную дипломатическую борьбу против Австро-Венгрии в случае нарушения его статус-кво на Балканах. Главное значение договора состояло в том, что он наносил удар по Тройственному союзу, из которого Италия фактически выбывала и становилась на позиции будущей союзницы Антанты.

Но международная обстановка не позволила России долго продолжать политику соглашений. Самым важным достижением России на этом этапе было соглашение с Англией и укрепление союзов с Францией и Сербией, которые помогли избежать дипломатической изоляции перед надвигающимся кризисом. Весьма существенной была и нейтрализация Японии путем уступок и компромиссов и внесение раскола в Тройственный союз. Оценка русско-английского договора 1907 г. не была однозначной: правые круги считали, что от соглаше-

ния Англия в Азии только выгадала, а Россия только прогадала. Действительно, российская сторона пошла на уступки: в Персии она по существу господствовала и могла не делить ее на зоны, с Афганистаном у нее была общая граница, что давало ей преимущество. Но эта оценка не учитывала того, что Россия не ставила цели подчинения себе Персии и Афганистана, так как для нее важнее было сохранить неприкосновенность границ.

<b>Обострение отношений с австро-герман- ским блоком</b>	<b>Австро-Венгрия</b> первой активизировала политику на Балканах. Стремясь использовать тяжелое положение России после русско-японской войны, она приняла решение аннексировать в 1908 г. Боснию и Герцеговину. Эти две территории, населенные в основном сербами, были оккупированы австрийскими войсками на основе решений Берлинского конгресса 1878 г. на неопределенный срок. Теперь Австро-Венгрия решила договориться с Россией, чтобы получить ее согласие на окончательную аннексию этих территорий. Такое согласие, во-первых, лишило бы единственной реальной поддержки Сербию, которая имела все основания требовать прекращения оккупации и присоединения этих земель, а, во-вторых, дискредитировало бы Россию в глазах всего южного славянства.
--	--

Извольский доложил царю, что нарушение Австро-Венгрией договора о статус-кво на Балканах может привести к войне. Николай II поручил Столыпину обсудить с министрами сложившуюся ситуацию. Для придания большей секретности обсуждению этого вопроса Столыпин не вынес его на заседание Совета министров, а собрал Особое совещание 21 января 1908 г. Извольский заявил, что Австро-Венгрия ведет резко агрессивную политику, ввиду чего «могут произойти события, которые предотвратить не в нашей воле». Россия не может оставаться безучастной, так как она «рискует потерять плоды вековых усилий, утратить роль великой державы». Поэтому министр предлагал совместное политическое и возможно военное выступление России и Англии на Балканах против Австро-Венгрии для осуществления исторической миссии России на Ближнем Востоке. Все приглашенные министры (военный, морской, финансов) и начальник Генерального штаба категорически высказались против ввязывания в войну в настоящее время. Итоги подвел Столыпин, который сказал: «В настоящее время

министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация России придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить. На этом пути достигнуты серьезные успехи; Россия проявила исключительную живучесть и снова собирается с силами. В такую минуту нельзя решиться на авантюры или даже активно проявлять инициативу в международных делах. Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она бы повлекла за собой опасность для династии».

Такую же точку зрения высказал в марте 1909 г. Совет министров по поводу вступления в войну против Австро-Венгрии. Это заставляло царскую дипломатию искать возможности различных соглашений и компромиссного решения возникавших конфликтов. Как сказал Столыпин, у министра иностранных дел был «рычаг без точки опоры».

Извольский в этих условиях решил начать переговоры о компенсациях в пользу России и балканских государств за аннексию Боснии и Герцеговины. Переговоры велись между Извольским и австрийским министром иностранных дел Эренталем в замке Бухлау в Австро-Венгрии. Извольский требовал, чтобы решение об аннексии Боснии и Герцеговины было поставлено на международной конференции с участием всех держав — участников Берлинского конгресса. Он также предложил изменить и некоторые другие статьи Берлинского трактата, в первую очередь открыть проливы для русских военных судов. В качестве компенсаций Извольскому удалось добиться следующих условий: 1) Эренталь согласился поддержать требование России на международной конференции об открытии проливов для всех судов России и других прибрежных государств, при сохранении принципа закрытия их для военных судов других стран; 2) Австро-Венгрия обещала вывести войска из Ново-Базарского санджака и отказаться от этой области; 3) дать согласие на провозглашение полной независимости Болгарии, которая по условиям Берлинского трактата была автономным княжеством, выборный глава которого утверждался султаном, а княжество платило Турции дань.

Получив устное согласие на эти условия, Извольский поехал в Париж договариваться о международной конференции. В это время в результате произошедшей в Турции младотурецкой революции к власти пришло проанглийское правительство и Англия не стала поддерживать предложение об открытии про-

ликов для России. Не дожидаясь международной конференции, император Франц-Иосиф в сентябре 1908 г. опубликовал рескрипт о присоединении Боснии и Герцеговины к австрийской монархии. Против такого одностороннего решения выступили Сербия, Россия и Турция, которая вскоре удовлетворилась выплатой денежной компенсации и очищением Ново-Базарского санджака от австрийских войск. Сербия возлагала все надежды только на помощь России, которая могла действовать лишь дипломатическим путем. Австро-Венгрия стала открыто угрожать Сербии войной. Правящая австрийская верхушка считала момент подходящим для разгрома Сербии и нанесения решительного удара по антигабсбургскому национально-освободительному движению славян как внутри своей монархии, так и за ее пределами. Агрессивные замыслы австрийской военщины решительно поддерживала Германия. Вильгельм II считал, что трудно найти более благоприятное время для нанесения удара по России. Во-первых, Россия еще не оправилась после русско-японской войны. Во-вторых, война из-за Балкан не встретила поддержки общественного мнения не только в Англии, но даже во Франции. На донесении своего военного атташе из Петербурга в декабре 1908 г. Вильгельм II написал: «Самый лучший момент, чтобы рассчитаться с русскими». Протест России и ее поддержка Сербии еще подлили масла в огонь. Австро-Венгрия в марте 1909 г. приступила к мобилизации войск и сосредоточению их на сербской и российской границах. В этот момент Германия предъявила России по существу ультиматум, требуя безоговорочно признать аннексию Боснии и Герцеговины. Россия по существу капитулировала, признав аннексию Боснии и Герцеговины. За нею была вынуждена пойти на уступки и Сербия. Русская печать расценивала эту капитуляцию как «дипломатическую Цусиму».

Боснийский кризис имел очень важные последствия в международных отношениях. Германия считала, что «проучила Россию» за ее сближение с Англией и тем самым нанесла удар по Антанте. На самом же деле с боснийского кризиса началось действительное охлаждение русско-германских отношений. Поведение Германии сильно пошатнуло и ослабило позиции прогерманских кругов в России. Боснийский кризис также показал Германии, что будущую войну лучше всего развязать на Балканах, так как интересы членов Антанты здесь явно не совпадали.

После боснийского кризиса судьба Извольского была решена, но по установившейся традиции сняли его не сразу. В июле 1909 г. на пост товарища министра иностранных дел был назначен Сазонов, зять Столыпина, которого тесть высоко ценил как дипломата.

**Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1922)** служил в министерстве иностранных дел с 1883 г. В 1888 г. началась его заграничная служба, на которой он провел почти двадцать лет. Вначале был секретарем посольства и посланником в Лондоне, затем полномочным посланником при Папском престоле в Ватикане. Назначение его товарищем министра было проведено для подготовки к занятию министерского кресла. Извольский хорошо относился к нему и ввел в курс внешней политики. В ноябре 1910 г. Сазонов был назначен министром. Как и его предшественник, Сазонов был умеренным либералом, а в области внешней политики поддерживал идею укрепления Антанты, превращения ее в военно-политический союз, который мог бы поддерживать равновесие сил и мир в Европе. Вместе с тем он под явным влиянием царя делал попытки урегулировать отношения с Германией

Правительство Германии предприняло новые усилия оторвать Россию от Антанты в момент назначения Сазонова, сделав ставку на царя, царицу и те круги в России, которые были настроены германофильски. Немецкий канцлер Т. Бетман-Гольвег предложил начать переговоры с Россией по вопросу проведения ветки от Багдадской железной дороги в Персию, но с первого же заседания в Потсдаме выдвинул идею более широкого общеполитического соглашения. О цели такого соглашения германский министр иностранных дел писал своему послу в России Пурталесу в ноябре 1910 г.: «Заверения России относительно отношений с Англией являются альфой и омегой всего соглашения в целом. Оно должно быть сформулировано таким образом, чтобы в тот день, когда о нем узнают англичане, это скомпрометировало бы русских». Но обмануть Сазонова руководителям внешней немецкой политики не удалось. Новый министр был более хитрым и дальновидным, чем Извольский. Выдвиженец Столыпина, Сазонов не был связан с пронемецкой партией и придворными кругами. Зная склонность царской четы и придворной камарильи к союзу с Германией, Сазонов сделал ловкий ход, дав интервью газете «Новое время» о германских предложениях. Это вызвало взрыв возмущения всей буржуазной прессы, решительно выступившей против разрыва с Англией. Черносотенная же печать поддер-



жала германские предложения. Явно переоценивая силы сторонников Германии в России, германский канцлер выступил в конце 1910 г. в рейхстаге с заявлением, что в Потсдаме Россия и Германия обещали не принимать участия во враждебных друг другу группировках. Это беспокоило не только Англию, но и Францию. Между тем с началом промышленного подъема в Россию усилился приток английских и французских капиталов, потребовались новые государственные займы, которые не могла предоставить Германия. По этой причине Сазонов отклонил предложения Германии по общеполитическим соглашениям, но заключил *Потсдамский договор 1911 г.* о железнодорожном строительстве на Ближнем Востоке. Россия обещала не препятствовать строительству ветки от Багдадской железной дороги до Персии и дала обязательство получить концессию на соединение этой ветки с Тегераном. Но главные противоречия России и Германии на Ближнем Востоке Потсдамский договор не ликвидировал, поэтому он имел второстепенное значение.

Одновременно по поручению Столыпина и Сазонова посол России в Константинополе Н. Чарыков в 1909–1912 гг. трудился над созданием грандиозного всебалканского союза под эгидой России, куда должны были войти Турция, Болгария, Сербия, Румыния, Греция и Черногория. Создание такой мощной коалиции должно было нейтрализовать влияние Австро-Венгрии на Ближнем Востоке и усилить здесь позиции России. Однако создать такой широкий союз не удалось из-за агрессивной политики Австро-Венгрии и Германии, сумевших привлечь на свою сторону Турцию. В марте-октябре 1912 г. при непосредственном участии России путем ряда соглашений был оформлен Балканский союз в составе Сербии, Болгарии, Греции и Черногории, направленный против Турции и фактически против Австро-Венгрии.

Следующие два острых международных кризиса, едва не приведших к войне, были связаны с *Первой и Второй Балканскими войнами*. Первую Балканскую войну начали в 1912 г. страны Балканского союза, созданного Россией. В ответ на резню албанцев и македонцев они напали на Турцию и, вопреки всем прогнозам, очень быстро ее разгромили. Сербские войска вышли к Адриатическому морю, а болгары атаковали Чаталджи в 45 км от Константинополя. Весть об этой войне была с

восторгом встречена российской буржуазией. В Петербурге прошли манифестации под лозунгом «Крест на святую Софию».

В этой ситуации правительство России стало проводить сдерживающую политику. Сазонов грозил финансовыми санкциями Сербии и Черногории, требовал прекращения войны. Особенно беспокоило царское правительство наступление болгарской армии. Стоило ей только прорвать последние позиции, и она бы заняла Константинополь, что грозило прибытием туда германских и английских кораблей и высадкой десантов. Черноморский флот был приведен в состояние боевой готовности. Но атаки болгар были отбиты турками. Тогда возникла новая угроза. Австро-Венгрия начала мобилизацию своей армии и предъявила ультиматум Сербии с требованием отвести войска от побережья Адриатического моря. Выход Сербии к Адриатике очень усилил бы ее, ослабил экономическую связь с Австро-Венгрией и грозил усилением славянского движения. При рассмотрении этого вопроса на заседании Совета министров России в ноябре-декабре 1912 г. выяснилось изменение мнения правительства по вопросу о возможности начала войны. Если в 1909–1910 гг. ответ был явно отрицательным, то теперь большинство министров считали, что на усиленные военные приготовления Австро-Венгрии нужно ответить такими же мерами. Выражая мнение буржуазно-помещичьих кругов, газета «Новое время» в конце 1912 г. писала, что столыпинский лозунг «Мир во что бы то ни стало» теперь, при непримиримой враждебной позиции Австро-Венгрии и Германии, стал «не только унижительным, но и опасным». Правда, новый премьер Коковцов и министр Сазонов продолжали настаивать на «сдержанном» курсе внешней политики. Пресса начала их травлю как «продавшихся немецкому влиянию». Но ввиду явной неготовности России к войне и недостаточно твердой позиции Англии по вопросу о военной поддержке, Россия заставила Болгарию, Сербию и Грецию начать переговоры с Турцией. По условиям Лондонской конференции великих держав с участием обеих сторон была создана независимая Албания, которая отрезала Сербию от Адриатического моря. Хотя границы Сербии, Болгарии и Греции были несколько расширены, они остались недовольны этим разделом, и в июне 1913 г. вспыхнула Вторая Балканская война, уже между вчерашними союзниками.

Болгарская армия внезапно напала на позиции сербских и греческих войск, но была остановлена и стала нести большие потери. В войну вступила Румыния, и ее армия брала в Болгарии город за городом без единого выстрела. Против болгарских войск двинула свою армию Турция и вернула себе Андрианополь, отходивший по Лондонскому трактату Болгарии. Войска сербов и греков тоже повели наступление против болгар. Только через месяц России удалось путем угроз и нажима добиться перемирия и открытия мирной конференции в Бухаресте. По Бухарестскому миру 1913 г. Румынии была передана от Болгарии Южная Добруджа, Сербия получила большую часть Македонии, а Греция – Салоники. Андрианополь остался за Турцией. В поддержку Болгарии на конференции выступала не только Россия, но и Германия и Австро-Венгрия, которые пытались перетянуть ее на свою сторону и встретили содействие части болгарской крупной буржуазии.

Следующий крупный конфликт разразился опять на Ближнем Востоке и был связан с *миссией германского генерала Лимана фон Сандерса* в Турцию. Сазонов в 1913 г. вел активные переговоры с Турцией с целью вовлечения ее в Балканский союз и предоставления автономии армянам, населяющим восточные турецкие провинции и исповедующим христианство, в связи с чем там постоянно возникала резня армян. Против этого решительно выступила Германия. В правящих кругах Германии понимали, что создание автономной армянской провинции усилит позиции России, и они выдвинули идею высылки армян и заселения восточной Анатолии тюркскими народами, чтобы «создать стальной барьер против России». Сазонову удалось настоять лишь на том, чтобы в областях, населенных армянами, действия турецкой администрации контролировались инспекторами, назначаемыми по согласованию с великими державами. Такое соглашение было подписано в январе 1914 г.

Однако успехи Германии в кампании по проникновению в Турцию были намного значительнее. В январе 1913 г. в Константинополе произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришли пронемецкие силы. Осенью 1913 г. Германии удалось договориться с ними о посылке в Турцию большой группы немецких офицеров и генералов, которые получали в турецкой армии важнейшие командные посты. Во

главе этой группы стоял генерал Лиман фон Сандерс, по имени которого эта военная миссия и получила название. Сам Сандерс был назначен командиром первого корпуса турецкой армии, расположенного в районе Константинополя и проливов. Эта сенсация вызвала возмущение в России. В «Новом времени» и ряде других газет эту миссию расценивали как «прекращение самостоятельного существования Оттоманской империи», «политическое завоевание Турции Германией», «превращение Турции в протекторат Германии» и т.п. Конфликт коснулся самого больного места во всех международных отношениях России — вопроса о проливах. Стало совершенно очевидно, что Германия путем военной миссии Лимана фон Сандерса произвела явный захват проливов и окончательно включила Турцию в число своих союзников.

Сазонов попытался предпринять демарш в виде ноты Германии, чем вызвал ее раздраженное недовольство. Германия уступила лишь формально: Лиман фон Сандерс был освобожден от поста командира первого корпуса и занял более высокий пост главного инспектора турецкой армии в звании маршала. Но более 70 немецких офицеров и генералов остались командирами дивизий и полков, в том числе расположенных в зоне проливов и в Стамбуле, заняли ключевые посты в министерстве и генеральном штабе.

Этот международный кризис до крайности накалил обстановку в России и Германии. Русские буржуазно-помещичьи круги уже прямо требовали обуздать Германию. В 1914 г. приближался срок очередного пересмотра торгового русско-германского договора, который был заключен в 1894 г. Витте на выгодных для России условиях, а в 1904 г. пересмотрен в пользу немцев. Теперь все российские газеты требовали изменения в пользу России условий этого несправедливого договора. Агрессивный курс Германии и оголтелая антирусская пропаганда в немецких газетах привели к изменению позиций правящей верхушки, самого царя и части придворной камарильи. В этих кругах, ранее настроенных пронемецки, миссию Лимана фон Сандерса считали крайне наглым антирусским шагом.

В письмах и резолюциях Николая II до начала Балканских войн просматривались явные подозрения по отношению к политике Англии и стремление уладить любой ценой русско-германские отношения. Даже боснийский кризис царь назвал

недоразумением. Но в 1912–1913 гг. и особенно в 1914 г. высказывания в адрес Англии становятся дружественнее, а в адрес немцев и австрийцев – даже злобными: «Поразительное нахальство!» (по отношению к Германии), «австрийцам спускать ничего не следует, а всякое лыко в строку!» и т.п. Правда, царь всегда заявлял, что он первым не нарушит мир, но теперь и он, и Сазонов стали считать возможным военное столкновение с германским блоком. Столыпинский курс на избежание войны любой ценой продолжил только премьер Коковцов, но он был уволен в отставку в январе 1914 г. Одной из причин смены Коковцова была его травля в прессе за «Слабую и антиславянскую политику». Сменивший его Горемыкин был послушным орудием в руках царя, готов был выполнить все, что ему прикажут. При дворе, тем временем, наряду с сильной прогерманской группировкой, стала подниматься антигерманская партия во главе с матерью царя императрицей Марией Федоровной и многими великими князьями, объединившимися вокруг дяди царя – будущего главнокомандующего Николая Николаевича.

Еще более широкая и разнузданная милитаристская пропаганда велась в Германии и в австрийских землях. Генерал А. Брусилов в своих воспоминаниях рассказывал, как в немецком курортном городе Киссингене перед войной летом 1914 г. был построен полный макет Московского Кремля и под звуки оркестров подожжен. «Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум разрушавшихся стен. Колокольни и кресты церквей наклонялись и валялись наземь». При этом Брусилов был поражен поведением немцев: «Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга и неистовству ее не было предела...» Пангерманисты и руководители немецкой политики настаивали на немедленном начале войны, потому что немцы завершили свою военную программу к 1914 г., а Россия, по их словам, была еще совсем не готова к войне, но могла через 3–4 года представлять грозную силу.

В ответ на эти обвинения в российской газете «Биржевые новости» по поручению военного министра Сухомлинова была опубликована статья «Россия хочет мира, но готова к войне», в которой утверждалось, что «для России прошли времена угроз извне, России не страшны никакие окрики, Россия готова к войне» и что «русскому общественному мнению нет причин волноваться». На самом же деле Россия к лету 1914 г. еще не

была готова к войне, хотя по сравнению с 1906 г. подготовка была проведена весьма значительная.

За 1906–1914 гг. России удалось улучшить свои отношения с Францией, Англией, Японией, Сербией, Черногорией, частично с Румынией и Италией, так что теперь ей не грозила дипломатическая изоляция и был обеспечен тыл. Но русской дипломатии так и не удалось усилить свое влияние в Болгарии и Турции. Отношения же с Германией и Австро-Венгрией обострились до крайней степени, так что неизбежность войны стала реальностью. Внутреннее экономическое положение России значительно укрепилось в годы промышленного подъема 1909–1914 гг. Усилилось экономическое могущество российской буржуазии и ее политические позиции. Однако по поводу оценки внутривнутриполитического положения страны, характеризующегося новым мощным революционным подъемом и возникновением революционной ситуации, в среде господствующих классов единства не было. Наиболее дальновидные их лидеры полагали, что может оправдаться столыпинское предвидение и война повлечет за собой революцию. Большинство же считало, что война будет способствовать стабилизации внутренней ситуации, отвлечет рабочий класс от борьбы, а введение военного положения облегчит подавление революции.

### Вопросы и задания

- В чем историческое значение Гаагских мирных конференций, инициатором созыва которых была Россия? Назовите основные их решения и состав участников.
- Проведите сравнение численности и вооружения армии и флота России и Японии на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны.
- Какие требования Японии были удовлетворены, а какие не удовлетворены по Портсмутскому мирному договору?
- Перечислите условия англо-русского соглашения 1907 г. В чем значение этого соглашения?
- Каковы были причины боснийского кризиса? Почему его называли «дипломатической Цусимой»?
- Какие социальные группы в России были настроены германофильски накануне первой мировой войны, а какие были заинтересованы в сближении с англо-французским блоком?

РАЗДЕЛ П \_\_\_\_\_

# Россия в период великих потрясений





**§ 1. Начальный период войны**

**Вступление  
в войну  
Российской  
империи**

28 июня 1914 г.\* в Сараево в результате покушения сербских националистов был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена.

Роковой выстрел в Боснии громовым эхом отозвался в столицах многих государств, вызвав потрясения мирового масштаба. Долгожданный повод к войне был наконец найден. События на Балканах, долгие годы остававшиеся местом сосредоточения глубоких противоречий разделенной на враждебные блоки Европы, стали прологом к всеобщей войне на континенте.

Готовность к решительным действиям в сложившейся обстановке демонстрировали все великие европейские державы, но особую активность проявляла в эти дни Германия. Спустя неделю после сараевского убийства кайзер Вильгельм II в беседе с австрийским послом Сегени настойчиво советовал ему не мешкать с военным выступлением против Сербии. Австрийский кабинет министров после долгих раздумий и колебаний, собравшийся 23 июня на свое заседание, решил в категоричной форме предъявить Сербии свои претензии. Фактически это был ультиматум, содержащий в себе 10 пунктов и являвшийся прямым вмешательством в дела суверенного государства. Австро-Венгрия, поддерживаемая Германией, сознательно шла на дальнейшее углубление конфликта.

От сербского правительства требовали прекращения антиавстрийской пропаганды, роспуска всех националистических организаций, удаления с государственной и военной службы враждебно настроенных к империи Габсбургов чиновников и офицеров, проведения совместного с австрийскими следовате-

---

\* Все даты европейской истории даны по новому стилю, а российской – по старому с указанием в скобках нового. (Прим. авт.).

лями дознания на сербской территории, ввода в страну контингента австрийских войск. Были предъявлены и некоторые другие требования, сильно уязвлявшие национальные чувства сербского народа и грубо задевавшие независимость государства. На ответ сербам давалось 48 часов.

Все это время прошло в интенсивных межправительственных контактах и дипломатических переговорах. Как только в Петербурге было получено известие из Белграда об австрийском ультиматуме, министр иностранных дел России С. Сазонов воскликнул: «Это европейская война!» Срочно были проведены консультации с союзными послами. Французский посол М. Палеолог прямо заявил о готовности его страны неуклонно выполнить все свои обязательства по отношению к союзникам по Антанте. Позиция Англии, изложенная Дж. Бьюкененом, напротив, была уклончивой и не вполне определенной.

В этих условиях днем 11 (24) июля 1914 г. в Петербурге состоялось заседание Совета министров, на котором было принято решение о согласованных действиях союзников и о совместном обращении их к Австро-Венгрии с просьбой продлить срок ответа для Сербии. Русское правительство обратилось также с советом к Белграду — стремиться избежать открытого военного столкновения с Австрией и искать посредничества в конфликте у великих держав.

Между тем политика, которую проводили великие европейские державы (Франция, Англия и Германия) с момента сараевского убийства при внешнем миролюбии и сдержанности, реально провоцировала большую войну. Другое дело, что при этом державы противостоящих блоков стремились занять в казавшемся неизбежном для них всеобщем военном столкновении наиболее выгодную для себя позицию. Так, Российская империя готова была прийти на помощь братской Сербии и оказать ей военную поддержку в случае агрессии со стороны Австро-Венгрии. Было принято решение о мобилизации против Австрии 4 западных военных округов. В то же время русская дипломатия пыталась избежать военного столкновения с Германией и не желала открытого с ней разрыва.

Германия, в свою очередь, внешне проявляя заботу о достижении согласия на континенте, вела активные военные приготовления. Сразу же после сараевского убийства германский военный министр Фалькенгайн заверил кайзера, что немецкая армия готова к войне против Антанты в любую минуту.

Двусмысленную позицию в эти дни заняла Англия. С одной стороны, она подталкивала своих союзников по блоку – Россию и Францию – к решительным действиям, с другой, демонстрировала сдержанность и внушала своим партнерам и соперникам, прежде всего Германии, надежды на соблюдение Британией нейтралитета и невмешательства в надвигающуюся войну. Таким образом, поддерживая в немецкой стороне опасные иллюзии того, что в будущей войне Германии будут противостоять лишь континентальные державы и тем самым развязывала Германии руки, делая войну неотвратимой.

12 (25) июля Австро-Венгрия заявила о своем отказе продлить срок ответа Сербии. В этот же день, поздно вечером, сербский премьер Пашич, прибыв в австрийское посольство, вручил ответную ноту своего правительства. Сербия пошла на серьезные уступки и соглашалась принять практически все австрийские требования (за исключением въезда в свою страну иностранных чиновников и военных). Тем не менее этот ответ не удовлетворил Австро-Венгрию и она пошла на разрыв отношений с Сербией, тем самым переводя конфликт в заключительную стадию.

Утром 13 (26) июля российский МИД заявил, что в складывающейся ситуации Россия не сможет не прийти на помощь Сербии, а Германия и Австрия сообщили, что стремятся только к обеспечению гарантий спокойствия и общественной безопасности для своих стран и союзников. Англия предложила для разрешения возникших противоречий немедленно созвать международную конференцию с участием не только всех вовлеченных в конфликт стран, но также Франции, Германии и Италии. Однако дипломатические шаги в этот день делались скорее по инерции, тогда как стрелки часов у политиков были переведены уже на военные действия.

15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну, 16 (29) июля Белград был подвергнут австрийской бомбардировке. В тот же день в России вышло распоряжение о начале проведения частичной мобилизации, направленной только против Австро-Венгрии.

Николай II до последней минуты пытался избежать войны и, понимая к чему могут привести поспешные действия в критический момент, старался сохранить хладнокровие. Между Николаем и его дядей, германским императором Вильгельмом, в эти дни шла интенсивная переписка. В очередной телеграм-

ме кайзер просил царя не мешать ему приготовлениями русской армии, поскольку он, по его словам, делает все для того, чтобы помирить Австро-Венгрию и Россию. Не исключено, что подобным приемом кайзер пытался повлиять на ход проведения мобилизации в России, используя время в своих целях. (Германии уже было известно, что Англия не будет придерживаться нейтралитета и выступит против держав Центрального блока. Об этом английский министр иностранных дел Э. Грей накануне уведомил немецкого посла в Лондоне). Таким образом, расклад сил в будущей войне в основном определился.

На следующий день 17 (30) июля царские министры С.Сазонов, В. Сухомлинов и начальник генерального штаба Н.Янушкевич употребили все свое влияние, чтобы уговорить царя пойти на всеобщую мобилизацию. Около 4 час. дня Сазонов позвонил из Петергофа в столицу Янушкевичу и передал приказ царя о всеобщей мобилизации. В 6 час. вечера того же дня царский указ о всеобщей мобилизации русской армии был передан по телеграфу по всей стране. На следующий день 18 (31) июля германский посол в России Пурталес от имени своего правительства потребовал от Сазонова прекращения мобилизации в течение 12 час. Никакого ответа в назначенный час Пурталес не получил. Принятый вечером 19 июля (1 августа) 1914 г. немецкий посол заявил Сазонову у него в кабинете об объявлении Германией войны России.

3 августа Германия объявила войну Франции, а на следующий день, 4 августа, Бельгии. В этот же день Англия потребовала от Германии не нарушать нейтралитета Бельгии, угрожая ей в противном случае войной. Не получив ответа от германского правительства, Великобритания вступила в войну. Затянувшийся в течение месяца этап дипломатической подготовки войны завершился раскатами боевых орудий на полях Европы. Первая мировая, или как ее уже тогда называли современники, Великая война, началась.

**Планы сторон** К новой войне оба блока – Антанта и Тройственный союз – готовились давно. Их военные доктрины во многом были схожими и исходили из тезиса быстрой победы путем нанесения сокрушительного поражения противной стороне и завершения войны в предельно сжатые сроки.

В основу плана стратегических действий Германии легли идеи генерала Шлиффена – начальника генерального штаба с 1891 г. и его преемника на этом посту генерала Мольтке-млад-

шего. Согласно плану Шлиффена-Мольтке, своих противников Германия и Австро-Венгрия должны были разгромить поодиночке в ходе первых же недель войны. Главный удар планировалось нанести по Франции через Бельгию и Люксембург для захода в тыл французской армии и полного ее разгрома. Австро-Венгрии на этом этапе отводилась второстепенная роль. Пока в России не закончилась мобилизация (немецкому командованию были известны ее сроки), австро-венгерские части должны были сковывать натиск русских войск на востоке, ожидая переброски германских дивизий после их победы над Францией. На восточном фронте Германия полагала сосредоточить только одну свою армию – для защиты Восточной Пруссии.

Однако немецкие стратеги явно недооценивали своих противников и прежде всего Россию. По их расчетам, русские из-за своей неразворотливости, продолжительных сроков мобилизации, осложненной обширностью территории и необходимостью переброски войск на значительные расстояния при недостаточной развитости средств сообщения, будут поставлены на грань поражения в течение нескольких недель.

Позиция Австро-Венгрии по отношению к России была более сдержанной и осмотрительной. Перспектива самостоятельного ведения войны на востоке, пусть даже малое время, не вселяла оптимизма в австрийское руководство, особо обеспокоенного тем, что его военные планы были хорошо известны русской разведке. Начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф полагал, что в ближайшие пять лет Австро-Венгрия вообще не в состоянии вести войну с Россией. Противником такой войны был и австрийский наследник эрцгерцог Франц Фердинанд. По некоторым данным, он прямо предупреждал Конрада фон Гетцендорфа: «Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов».

Генштабы стран Антанты планировали свои действия, основываясь на серии соглашений, заключенных в довоенный период, первым из которых стала военная конвенция Франции и России от 1892 г. В последующее время договорные обязательства сторон постоянно уточнялись и детализировались. Весной 1914 г. французский генеральный штаб принимает так называемый «План № 17», предполагавший нанесение ударов из районов пограничных крепостей в глубь Германии. И это несмотр-

ря на то, что французское командование было осведомлено о плане Шлиффена, но считало, что ему удастся противостоять немецким попыткам прорыва на севере и добиться решительных успехов на юге.

Нереалистичность многих ключевых положений военных проектов обеих сторон крайне удивляет, так как противники благодаря данным своей агентуры были достаточно хорошо информированы о планах друг друга.

Русская военная мысль во многих отношениях превосходила западные представления о характере и специфике современной войны. Из всех великих держав, вовлеченных в противостояние, только Россия обладала ценнейшим боевым, хотя и горьким, опытом ведения войны с Японией, из которой она постаралась извлечь соответствующие уроки. Прежде всего русские военные теоретики генералы А. Елчанинов, В. Черемисов, Н. Михневич обратили серьезное внимание на взаимосвязь экономического, политического, морального и военного факторов в новейшей войне. Начальник Академии генерального штаба профессор Н. Михневич в своей книге «Стратегия» (1911), писал, что «главный вопрос войны не в интенсивности напряжения сил государства, а в продолжительности этого напряжения, а это будет находиться в полной зависимости от экономического строя государства». Михневич и ряд других русских военных справедливо считали, что будущая война неизбежно примет затяжной характер.

Однако конкретный план развертывания русских армий в боевых условиях (план «А»), составленный с учетом интересов союзников, был весьма уязвим. Дислокация войск на западных рубежах империи производилась вдоль всей границы протяженностью более 2,6 тыс. км. Причем 52 % состава армии сосредоточивались против Австро-Венгрии, 33 — против Германии, 15 % — на Балтийском побережье и у румынской границы. Хотя русское командование понимало, что в наибольшей степени интересам страны отвечал бы скорейший разгром Австро-Венгрии, облегчавший ей дальнейшую войну, оно вынуждено было, по согласованию с союзниками, держать значительные силы против Германии. При этом русский генеральный штаб обязывался начать наступление в Восточной Пруссии не после окончания мобилизации, т.е. спустя 40 дней после ее начала, а на ее 15-й день. Таким образом, исходя из своих обязательств перед союзниками по Антанте, Россия заранее ока-

зывалась в крайне невыгодной для себя ситуации, когда под сомнение ставился успех операции не только в Восточной Пруссии, но и против Австро-Венгрии. К сожалению, развитие боевых действий в первый месяц войны подтвердило тягостные опасения русских.

Великая война, с самого начала ставшая коалиционной, выявила свои специфические особенности, связанные с тем, что успехи и неудачи сторон определялись не только действиями собственных армий, но и поведением всех союзников по блоку. Необходимость учета так называемого союзнического фактора на практике нередко приводила к ущемлению национальных интересов той или иной страны в угоду «единству целей» всей коалиции. Для России это обернулось в конечном счете национально-государственной катастрофой.

<b>Военный потенциал России</b>	Вопрос о военном потенциале России накануне войны трактуется довольно неоднозначно. Существует мнение о слабой подготовке царизма к войне. Об этом писал, например, А. Деникин: «армия вообще до 1910 г. оставалась в полном смысле беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910–1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и моральном отношении совершенно недостаточно». Насколько обоснованы подобные утверждения?
---------------------------------	--

Предвоенный период (1907–1914 гг.) был отмечен не только бурным экономическим ростом, поставившим Россию в один ряд с ведущими державами мира, но и сопровождался значительным усилением ее обороноспособности. Учитывая последствия русско-японской войны, особое внимание правительство уделяло воссозданию военно-морского флота. Уже в июне 1907 г. Николай II утвердил малую судостроительную программу, рассчитанную на 4 года, по которой на строительство новых кораблей ежегодно отпускалось по 31 млн. рублей. В апреле 1911 г. Морской генеральный штаб представил царю законопроект «Об императорском российском флоте», предусматривавший создание современных флотов на Балтийском и Черном морях. Согласно законопроекту, только на Балтике планировалось иметь две боевые и одну резервную эскадры. В состав каждой из них были включены по 8 линкоров, 12 крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. В общей сложности к 1914 г. были приняты к реализации 4 крупные судостроитель-

ные программы, на которые отпускалось 820 млн. руб. Их завершение в основном планировалось к 1917–1919 гг., некоторых – к более позднему сроку.

Однако полностью провести модернизацию флота к началу войны не удалось. Оставалось много нерешенных проблем – недокомплект личного состава, незавершенность строительства крепостных сооружений и морских баз, недостаточное материально-техническое обеспечение флота, несогласованность действий между морским и военным ведомствами. Тем не менее благодаря огромной работе, проведенной российскими флотоводцами, специалистами морского дела – адмиралами И. Григоровичем, А. Ливеном, Н. Эссенем, капитаном 2 ранга А. Колчаком и др., Россия успешно противостояла врагу на море в течение всей войны.

По сравнению с моряками русское армейское руководство не отличалось излишней расторопностью и инициативой.

Военный министр, генерал **В.А. Сухомлинов (1848–1926)** был скорее удачливым царедворцем, чем стратегом. По отзывам современников, он был человеком малокомпетентным и невежественным в профессиональном отношении. За время его правления в Военном министерстве с 1909 г. и до начала войны сменилось шесть начальников генерального штаба. Политика нововведений нередко отвергалась им и, как правило, со ссылками на опыт русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой Сухомлинов принимал участие и был награжден Георгиевским крестом. Скандальную известность в обществе получила история бракосочетания Сухомлинова с Е. Бутович: ее первый муж был подчиненным Сухомлинова и его для развода пытались объявить сумасшедшим.

Недостатки военного ведомства в значительной степени компенсировались непосредственным участием царя и ведущих членов кабинета министров во всех крупных мероприятиях, связанных с обороной страны. Так, с августа 1909 г. по начало 1910 г. по указанию Николая II при правительстве под председательством П. Столыпина состоялось 4 Особых совещания, на которых рассматривались вопросы развития и реорганизации вооруженных сил. К 1914 г. правительство добилось и провело через законодательные органы – Думу и Государственный Совет – программу финансирования перевооружения армии на сумму в 1,1 млрд. руб. (по подсчетам военных, на эти цели необходимо было затратить средств в два раза больше). Программа перевооружения и модернизации армии состояла из так называемых малой и большой программ. Первая была утвер-



ждена царем в июле 1913 г. По ней в течение 1913–1917 гг. предполагалось финансировать развитие артиллерии, инженерных, авиационных и вспомогательных частей. Большая программа предусматривала выделение средств на реорганизацию действующей армии, в частности, увеличение личного состава. По штатам мирного времени к 1917 г. (по сравнению с 1913 г.) он возрастал на 40 % – 11,8 тыс. офицеров и 468,2 тыс. солдат. Главный недостаток программы – в ее запоздалости: она была утверждена царем только 22 июня 1914 г., за месяц до объявления войны.

К началу боевых действий русская армия насчитывала 114 пехотных и 40 кавалерийских дивизий с общей численностью войск 3,5 млн. чел., являлась одной из сильнейших в Европе и во многих отношениях подготовленной лучше своих противников. Слабым ее звеном было управление, особенно на верхнем уровне: фронт – армия – дивизия. Перевооружение и реорганизация здесь шли полным ходом, но были далеко не завершены. По количеству артиллерии Россия уступала своим врагам, обладая 7088 орудиями против 9388 у Германии и 4088 у Австро-Венгрии. (У Франции было 4300 орудий.) При этом Германия располагала 3260 тяжелыми пушками, Австро-Венгрия – 1000, Россия только 240. У Франции тяжелой артиллерии практически не было. Русские артиллеристы отличались прекрасной выучкой и стрелковой подготовкой. Однако боеприпасов было заготовлено лишь на полгода (этот срок отводился Генеральным штабом на ведение всей будущей войны), из расчета 1000 снарядов на 1 орудие.

Преимущество держав Тройственного союза в артиллерии не оказывало решающего влияния на начальном этапе войны, но с переходом к позиционной войне это преимущество стало важным фактором тактических успехов противника.

Таким образом, Россия активно готовилась к предстоящей войне, хотя крайне не желала ее. Затраты на оборону в последнее время превысили пятую часть всех расходов империи. По оценке отечественного историка первой мировой войны А. Зайончковского «Россия не только успела залечить свои раны, но и сделала большой шаг вперед в смысле улучшения своего военного могущества». Другое дело, что момент развязывания мировой бойни застал страну на сложном этапе перевооружения и реорганизации армии и флота, дожидаться окончания которого враги России отнюдь не собирались.

С началом боевых действий царь назначил своего двоюродного дядю великого князя Николая Николаевича (младшего) Верховным главнокомандующим русской армии. Этот шаг Николая II был неоднозначно воспринят современниками. Многие ожидали, что в тяжелый час испытаний государь сам возглавит армию. Так и предполагалось сделать до войны и не противоречило желанию самого царя. Однако его министры И. Горемыкин, А. Кривошеин, адмирал И. Григорович и в особенности С. Сазонов активно отговаривали от этого Николая II, ссылаясь на то, что он не должен рисковать своим авторитетом и властью, предводительствуя в войне, которая могла быть более продолжительной, чем предполагали военные. К тому же, в условиях мобилизации армии и решения множества сложных вопросов (в том числе дипломатических), государственные интересы требовали присутствия императора в столице, а не в Ставке в г. Барановичи – за тысячу верст от Петербурга\*. Великий князь Николай Николаевич назначался Верховным главнокомандующим с существенной оговоркой, что это делается временно, пока сам государь не примет командования.

Театр военных действий был образован из двух фронтов – Северо-Западного (главком Я. Жилинский) против Германии и Юго-Западного (главком Н. Иванов) против Австро-Венгрии. Вся территория империи делилась на две части: фронтовую и внутреннюю, тыловую. Верховный главнокомандующий получал неограниченные права на фронте, подчиняясь непосредственно царю. В тылу войска по-прежнему подчинялись военному министру Сухомлинову. В его же ведении оставалось боевое снабжение армии. Таким образом, единство фронта и тыла с самого начала войны было поставлено под угрозу, что отрицательным образом сказалось на организации всенародного отпора врагу.

Как и предполагалось до войны, германские части нанесли удар по Франции с запада. Французы оказались совершенно не готовы к их наступлению со стороны Бельгии, сосредоточив почти все свое войско на восточной границе. 7 августа 1914 г. (по нов. ст.) немцы вошли в Льеж, отбросили бельгийские войска к Брюсселю и дальше к морю. В 20-х числах августа германские ударные группы разбили французские и английские

\* Указом, подписанным царем 19 (31) августа 1914 г., Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

части в районе франко-бельгийской границы и стали приближаться к Парижу. Над союзником России нависла реальная угроза полного разгрома, и французское правительство требовало скорейшего перехода русских армий в наступление против Германии.

4 (17) августа 1914 г. Россия, верная союзническому долгу, вторглась в пределы Восточной Пруссии и атаковала германские пограничные части силами Северо-Западного фронта. Против оборонявшей Восточную Пруссию двухсоттысячной 8-й германской армии генерала Притвица действовали две недостаточно укомплектованные русские армии: 1-я П. Ренненкампа и 2-я А. Самсонова. У обоих был за плечами боевой опыт русско-японской войны, на них возлагались большие надежды.

1-я армия наступала с северо-востока, со стороны реки Неман, 2-я с юго-востока, со стороны реки Нарев. Русские армии двигались в обход Мазурских болот, пытаясь тем самым отрезать немецким корпусам пути отхода к Висле и сильно укрепленному Кенигсбергу. Превосходя 8-ю германскую армию по численности в живой силе, русские уступали ей в артиллерии: 500 германских орудий на 380 русских. 7 (20) августа в *сражении у Гумбиннена* 1-я русская армия нанесла немцам тяжелое поражение. Неся большие потери, они в беспорядке отошли на юг, а генерал Притвиц отдал распоряжение оставить Восточную Пруссию и отступить за Вислу. Казалось, русским удалось добиться решающего успеха — операция была проведена четко.

Германский генеральный штаб, чтобы избежать катастрофы на востоке, предпринял ряд решительных действий. Во-первых, с западного фронта в срочном порядке были сняты и переброшены в Восточную Пруссию 2 корпуса и 1 кавалерийская дивизия. Еще один корпус, выведенный из Франции, оставался в Германии в резерве. Тем самым натиск немцев во Франции значительно ослаб, что сыграло немалую роль для французов в ходе сражения на Марне. Во-вторых, Притвиц был смещен с поста командующего 8-й армией и на его место был назначен старый вояка Гинденбург, начальником его штаба стал Людендорф. Новое командование отменило приказ об отступлении, перегруппировав силы, организовало мощный контрудар по разрозненным русским армиям.

Отсутствие должной координации частей со стороны главного Северо-Западного фронта Жилинского и несогласован-

ность в действиях Ранненкампа и Самсонова позволили Гинденбургу разбить русские армии поодиночке и практически свести на нет достигнутые успехи русского оружия в Восточной Пруссии. Вместо того, чтобы быстро двигаться на юг для соединения с армией Самсонова, войска Ренненкампа, придерживаясь поставленной Жиблинским задачи, медленно продвигались в сторону Кенигсберга, увеличивая и без того большой разрыв, около 90 км, со 2-й армией. Самсонов, с трудом продвигаясь по сильно заболоченной местности, также все более уклонялся на запад, растянув армию в линию на 210 км, — без резервов, снабжения, устойчивой связи; идя вслепую, без разведки, не зная, где находится противник, переговариваясь по радио со штабами открытым текстом.

Гинденбург, сосредоточив основные силы против 2-й армии, обрушился на нее всей своей мощью. 13–18 (26–31) августа под Сольдау русские корпуса были разбиты, разрозненные остатки их отступили за реку Нарев. А. Самсонов, оказавшийся в окружении, утратил управление войсками и, предпочтя смерть позору неминуемого плена, застрелился. Разгромив 2-ю армию, германские войска перешли в наступление против Ренненкампа и вынудили его отступить из Восточной Пруссии. Блестяще начатая восточно-прусская операция окончилась провалом. Россия выполнила обязательства перед союзниками дорогой ценой: 200 тыс. русских солдат и офицеров погибли в боях, 60 тыс. оказались в плену. Генерал Я. Жиблинский был отстранен от должности, и на его место был назначен генерал Н. Рузский. Позднее был отправлен в отставку Ренненкампф.

В то время, когда в Восточной Пруссии разворачивались трагические события, на Юго-Западном фронте русские войска вели успешное наступление против Австро-Венгрии. 4 армии фронта (3, 4, 5 и 8-я) были развернуты на территории в 400 км от Ивангорода до Каменец-Подольска. Нанося концентрические удары с севера и востока, русские войска должны были, взяв в «клещи» весь район между Перемышлем и Львовом, захватить Галицию. Со своей стороны австрийцы силами четырех армий планировали вторжение в Польшу с целью разгрома русских войск, расположенных в междуречье Вислы и Буга.

10 (23) августа произошло столкновение противников у городка Красник, переросшее позднее в грандиозную *Галицийскую битву*. В ходе упорных боев русские прорвали оборону ав-

стрийцев и 20 августа (3 сентября) взяли Львов. Спустя еще два дня 8-я армия генерала А. Брусилова заняла хорошо укрепленную крепость Галич, в которой австрийцы бросили много тяжелой артиллерии и снаряжения.

В ходе сражения под Львовом погиб в воздушном бою, впервые применив таран и сбив австрийский самолет, выдающийся русский военный летчик, основатель высшего пилотажа штабс-капитан **П.Н. Нестеров (1887–1914)**. Нестеров родился в Нижнем Новгороде в семье офицера. В 1906 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1912 – Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу. В 1913 г. получил звание военного летчика, разработал и внедрил в практику полетов технику кренов, впервые выполнил ряд фигур высшего пилотажа, в том числе «мертвую петлю» – «петлю Нестерова». В 1913–1914 гг. совершил рекордные перелеты Киев–Одесса–Севастополь и Киев–Гатчина. С начала войны Нестеров в действующей армии; осуществил 7 боевых вылетов. 26 августа (8 сентября) совершил свой последний полет.

Развивая успех, русская армия перешла в наступление по всему фронту. К 13 (26) сентября после 33 дней упорных боев она продвинулась вглубь на 280–300 км и вышла к реке Вислока, что в 80–90 км от Кракова, завершив тем самым победную битву за Галицию, имевшую громадное значение для всей кампании 1914 г.

Австрийцы оставили Галицию, потеряв почти половину армии. 100 тыс. чел. сдались в плен. Было брошено свыше 400 орудий. В осаде оказался Перемышль – последний оплот сопротивления австрийских войск. Перед русской армией открывалась дорога в Венгерскую равнину, через Краков в немецкую Силезию – промышленную область Германии. По военному престижу Австро-Венгрии был нанесен непоправимый удар.

Германский генеральный штаб, всерьез обеспокоенный сложившейся ситуацией, пошел на переброску из Восточной Пруссии в Силезию 4 корпусов и одной кавалерийской дивизии, составлявших основу 9-й германской армии, на которую возлагалась задача противостоять русским в Польше. Командующим сухопутными частями на Востоке был назначен Гинденбург. Он предполагал организовать наступление, ударив с севера во фланг и тыл русским, преследующим австрийцев. Однако русское командование на этот раз разгадало замысел немцев. Совершив скрытный контрманевр, русские войска двухнедельным маршем были переброшены из Галиции в Польшу и остановили немцев под Варшавой, а австрийцев под Иванго-

родом. В течение октября-ноября 1914 г. в Польше шли жестокие бои. В ходе *Лодзинского сражения* русские сорвали планы противника, но прорваться в глубь Германии и развить наступление на Берлин не смогли. На Восточном фронте наступило затишье.

Военные действия на море пока не отличались особой активностью. Это обстоятельство русские моряки использовали для установления минных заграждений, укрепления островов и побережья Балтийского моря. На Черном море после вступления в войну Турции (осенью 1914 г.) русский флот успешно противостоял германо-турецкой эскадре.

Накал кампании 1914 г. был сбит: для обеих сторон стало ясным, что борьба предстоит долгой. Наступательными действиями русских в Восточной Пруссии и в Галиции были сорваны планы противника на молниеносную победоносную войну. Но потери армии были велики. Общий недокомплект ее достигал полумиллиона человек, остро ощущалась нехватка младшего командного состава, выбитого из строя в ходе кровопролитных сражений. Благодаря самоотверженности русских Англия и Франция были спасены от неминуемого поражения. Позднее маршал Фош с почтением признавал: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России». Россия же вправе была ожидать от своих союзников аналогичной помощи в трудное для себя время.

**Война  
и русское  
общество**

Роковые для судьбы России последствия войны отразились не сразу. Казалось, вся страна единая в своем искреннем порыве солидарности с наступающей армией, братьями-славянами, Сербией и союзниками; патриотический подъем охватил все сословия и слои русского общества от крестьян до царствующей династии. Об отношении народа к войне говорила успешная мобилизация. С ее началом практически прекратились забастовки. В отличие от проводов с вином на Японскую войну, прощание с мобилизованными и добровольцами, уходящими на фронт в 1914 г., проходило в условиях «сухого закона», введенного правительством только на месяц мобилизации, а затем, по предложению общественности, на все время войны. Активизировалась народная поддержка армии. Крупные суммы пожертвований от населения стали поступать на Красный Крест, на счета обороны и военного займа, на поддержку семей солдат, призванных в армию. В короткий срок разверну-

ли свою деятельность различные общественные организации и фонды — Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (председатель князь Г. Львов), Всероссийский союз городов во главе с кадетом М. Челноковым, Союз Георгиевских кавалеров, общество «Помощи жертвам войны», комитеты великой княгини Елизаветы Федоровны (благотворительность), великих княжон Ольги Николаевны (помощь семьям запасных) и Татьяны Николаевны (забота о беженцах). В царскосельских дворцах на личные средства Николая II и его семьи были открыты лазареты, в которых императрица Александра Федоровна вместе со своими дочерьми работали сестрами милосердия. По примеру своего предка императора Александра I, давшего клятву народу в 1812 г., Николай II 20 июля (2 августа) 1914 г. торжественно пообещал в присутствии двора и гвардии не заключать мира до тех пор, пока хоть один враг остается на родной земле. 26 июля (8 августа) на чрезвычайном заседании Государственного Совета и Государственной Думы депутаты заявили о единстве царя и народа и проголосовали за предоставление правительству военных кредитов (против выступила лишь фракция РСДРП).

Начавшуюся Великую войну многие в России считали справедливой, освободительной, *отечественной*. Философ И. Ильин писал, что подобно войнам 1812–1815 гг. и 1877–1878 гг. «настоящая война наша с Германией есть война духовно-оборонительная и останется ею даже в том случае, если русские войска войдут в центр Германии и если мир присоединит к России польские и славянские земли». Другой властитель русских дум В. Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» связывал с победой России ее будущее духовно-нравственное обновление. Взгляд на войну как на извечную борьбу русского и германского начал отстаивал Н. Бердяев, считавший, что в ходе этой борьбы Россия призвана будет сказать свое новое слово миру.

Правомонархические организации, до войны не скрывавшие своих симпатий к империям Германии и Австро-Венгрии, быстро перестроились и стали задавать тон в пропагандистской кампании, развернутой с началом войны в печати. Орган Союза русского народа газета «Русское знамя» писала: «нынешние дни надлежит считать временем могучего пробуждения национальной гордости и самосознания русского народа. Немец — это только повод. России пора освободиться от всякой иноземщины».

Черносотенные союзы внесли свою лепту в сбор средств для нужд армии. Лидер Союза Михаила Архангела В. Пуришкевич руководил работой санитарного поезда и с головой ушел в практическую деятельность на фронте.

Представители политических партий либерального направления (октябристы и кадеты) также выступили с патриотических позиций и провозгласили тактику внутреннего мира в стране. В воззвании ЦК партии народной свободы «К единомышленникам», подготовленным П. Милюковым, говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами». Кадеты объявили себя «государственно мыслящей» партией и обратились к другим партиям и группам с призывом отказаться на время войны от оппозиции режиму. На заседаниях кадетского ЦК (ноябрь-декабрь 1914 г.) при обсуждении вопроса о возможной революции большинство членов ЦК согласилось с тем, что если она произойдет, то это будет полной катастрофой, которая «всех нас сметет». Однако по мере осложнения ситуации на фронте и в тылу в кадетской партии усиливались противоречия между различными группировками. Левые кадеты (Н. Некрасов, князь Д. Шаховской) призывали руководство занять более жесткую позицию по отношению к власти. Постепенно радикальное направление стало заметно укрепляться внутри партии. Взгляды его сторонников и близких к ним деятелей были изложены в сборнике статей «Вопросы мировой войны» (под редакцией М. Туган-Барановского). В нем, в отличие от публикаций философов, в понимании войны преобладало обращение не к духовно-религиозным, а к материальным факторам, в том числе экономическим. П. Милюков свою статью посвятил анализу внешнеполитических целей войны, в частности, захвату средиземноморских проливов.

Война привела к кризису европейского и российского социалистического движения. Среди эсеров, скептически относящихся к официальному и либерально-кадетскому пониманию патриотизма, все же преобладали сторонники обороны отечества, хотя сам идеолог и вождь партии социалистов-революционеров В. Чернов, находящийся в эмиграции во Франции, занял двойственную и противоречивую позицию, близкую к интернационалистской. Мировое столкновение 1914 г. он



объяснял соперничеством империалистических наций друг с другом. Социализм в передовых странах пошел по линии социалистического империализма, социализм отсталых стран эволюционизировал в сторону социал-патриотизма. В целом социалистическому движению, по мнению В. Чернова, следовало подняться на высшую ступень и стать более интернациональным.

Российская социал-демократия в связи с войной переживала новый раскол. Правый фланг занимал Г. Плеханов, выступавший за победу над Германией при любом развитии ситуации в России, включая сохранение царского режима. Меньшевики, оставшиеся работать в стране, придерживались центризма. Ю. Мартов, Л. Троцкий отстаивали интернационалистские взгляды, сближавшие их с большевиками, наиболее непримиримыми противниками войны.

Находясь в эмиграции, В. Ленин создал собственную антивоенную программу, суть которой была изложена в подготовленном им манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» и выражалась кратко: превращение империалистической войны в войну гражданскую. Это для развитых стран Европы означало, по Ленину, подготовку и осуществление революции социалистической, а для России – демократической. Ленин призывал к беспощадной борьбе с социал-шовинизмом, патриотизмом и оборончеством в рабочей среде, постоянно напоминая слова Маркса о том, что у «пролетариата нет отечества».

Ленинские установки определили тактику большевиков в России, работу которых возглавляло Русское бюро ЦК, куда помимо большевиков – членов Государственной Думы входили Л. Каменев и действовавшие в подполье А. Шляпников, Н. Крестинский и др. В ноябре 1914 г. практически все руководство этого бюро было арестовано. Большевицкая пятерка депутатов Государственной Думы (Г. Петровский, А. Бадаев, М. Муранов, Ф. Самойлов и Н. Шагов), участвовавшая в подпольном заседании бюро в Озерках близ Петрограда, в феврале 1915 г. предстала перед судом и по его решению была сослана на вечное поселение в Восточную Сибирь.

Однако продолжавшаяся война увеличивала напряжение в обществе и способствовала углублению его противостояния с властью.

### Великое отступление

Наступивший 1915 г. не предвещал России тяжелых поражений. В его начале против турок была успешно проведена Саракамышская операция, сделана попытка перейти к активным действиям и на других участках фронта – провести серию наступательных операций в Восточной Пруссии и Карпатах. Однако все эти замыслы командования были сорваны противником, который сумел сосредоточить на обоих флангах крупные войсковые группировки. В ходе сражений в феврале-марте 1915 г. русские в очередной раз были вытеснены из Восточной Пруссии, немецкие части, развернув наступление на север вдоль Балтийского побережья, захватили Либаву. С продвижением в Лифляндию на Балтике активизировался германский флот, пытаясь полностью взять под свой контроль Рижский залив.

Между тем на Юго-Западном фронте продолжалось наступление 8-й армии А. Брусилова, которая заняла ряд перевалов в Карпатах и уже готова была устремиться в Венгерскую равнину. 9 (22) марта пал Перемышль. В плен было взято 120 тыс. солдат, 9 генералов, 25000 офицеров австрийской армии. Противник оставил 900 орудий. Этот крупный успех русских войск оказался последним в кампании 1915 г.

Немецкое командование решило отказаться от плана Шлиффена, обратить свои силы на Восток и, добившись перелома, заставить Россию выйти из войны. К апрелю 1915 г. общее число германских дивизий против русских на театре военных действий увеличилось с 10 до 50 пехотных и 7 кавалерийских. Для прорыва русского фронта в районе Громник-Горлицы была специально создана 11-я германская армия под командованием генерала Макензена в составе 3-х ударных корпусов, выведенных из Франции. На 30-километровом участке обороны 3-й русской армии враг сумел создать более чем двойное превосходство в живой силе и шестикратное в артиллерии. Немцы не испытывали недостатка в снарядах, тогда как у русских оставалось в среднем по два снаряда на орудие.

18 апреля (1 мая) 1915 г. началось мощное наступление германских войск на участке *Громник-Горлицы*. После 2-недельных упорных боев сильно обескровленная 3-я русская армия отошла за реку Сан. Увеличивая натиск своих атак, немцы в июне овладели Львовом и Перемышлем. Русские вынуждены

были оставить Галицию. Используя свое преимущество, немцы развернули наступление по всему фронту и попытались разгромить русские армии в Польше, захватив их в мешок в междуречье Вислы и Буга. Ставка приняла решение об организованном отступлении из Польши.

20 июля (2 августа) 1915 г. была эвакуирована Варшава. Однако только к середине сентября удалось приостановить немецкое продвижение в глубь страны. Фронт стабилизировался по линии Рига—Двинск—Пинск—Дубно—Новосильцы. Активные боевые действия русских моряков не дали возможности германскому флоту захватить Ирбенский пролив и не допустили немецкие корабли в северную Балтику. Кампания 1915 г. заканчивалась неблагоприятно для России. Практически всю захваченную в 1914 г. у врага территорию пришлось оставить. Привислиньские, часть прибалтийских и западные губернии оказались оккупированы противником. Потери личного состава армии были огромны. С начала войны они достигли 3 млн. чел., только в плену оказалось более 1,5 млн. Иногда из-за нехватки боеприпасов в плен попадали целые полки и дивизии. Теперь противник имел превосходство не только в вооружении, но и по численности войск. С 1915 г. Восточный фронт стал главным в мировой войне, более половины всех ресурсов держав центрального блока были брошены против русской армии. Страна, истекавшая кровью своих защитников, напрягала все свои силы в помощь фронту, а ее западные союзники, сосредоточив огромные боезапасы, воздерживались от решительных действий против Германии. России приходилось рассчитывать только на себя.

#### **Мобилизация хозяйства**

Война показала, что к ведению затяжной изнурительной кампании страна оказалась не подготовлена. У правительства отсутствовала долгосрочная программа систематического пополнения боезапасов и вооружения, не было конкретного плана перевода народного хозяйства на военные рельсы — и на это обратили внимание представители либеральной оппозиции. Еще в конце июля 1914 г. в кадетской «Речи» была опубликована статья видного общественного деятеля князя Д. Шаховского под характерным названием «Мобилизация хозяйства». В ней ставилась задача приспособления хозяйственного механизма страны к нуждам обороны путем создания всенародной организации взаимопомощи с участием правительственных органов, земских, кооп-

перативных, частных учреждений. Эта идея получила довольно широкую поддержку в общественных и деловых кругах, но особенно популярной она стала весной 1915 г., когда вскрылось катастрофическое положение со снабжением оружием.

В мае 1915 г. в Петрограде состоялся IX съезд представителей торговли и промышленности, на котором был выдвинут лозунг мобилизации промышленности. П. Рябушинский призвал к организации военно-промышленных комитетов для объединения действий правительства, предпринимателей и рабочих на нужды фронта. В короткий срок в различных районах были созданы более 200 военно-промышленных комитетов (ВПК), сыгравших заметную роль в укреплении обороноспособности страны. Во главе Центрального ВПК стал лидер октябристов А. Гучков, московским ВПК руководил П. Рябушинский.

Вслед за буржуазией происходит сплочение либеральной, земской и демократической интеллигенции. В июле 1915 г. земский и городской союзы слились в единый Союз земств и городов (Земгор). С августа стали возникать так называемые кооперативные комитеты, в работе которых активно участвовали представители различных социалистических партий и групп. Таким образом, к исходу первого года Великой войны в стране была создана разветвленная система общественных организаций, ставящих своей целью объединение усилий по поддержке фронта и помощи армии. Однако критика существующего режима с самого начала была едва ли не главным в действиях общественности, которая полагала, что именно она, а не власть, несет на себе тяжесть военного времени.

Со своей стороны, правительство брало решительный курс на усиление государственного регулирования экономики. В ряде важнейших военных отраслей доля частного сектора резко сокращалась или полностью ликвидировалась. Правительство отстояло монопольное положение оружейных заводов, не допустило появления ни одного частного предприятия в этой области. Производство пулеметов и винтовок было делом исключительно государственных предприятий. Три крупнейших оружейных завода России (Тульский, Сестрорецкий и Ижорский), используя отечественное оборудование, сумели к 1916 г. довести выпуск винтовок до 1 млн. шт. в год. Мощным рывком российская промышленность быстро ликвидировала острый кризис с вооружением практически по всем показателям, за исключением производства тяжелых орудий.

Общее состояние экономики страны также не вызывало серьезного беспокойства. Объем валовой продукции промышленности за это время даже увеличился по сравнению с довоенным уровнем. Война привела к существенным структурным сдвигам, усилив воздействие государства на все отрасли народного хозяйства. Важным инструментом государственного регулирования экономики стала работа четырех Особых совещаний (по обороне, продовольствию, транспорту и топливу), созданных летом 1915 г. Они брали на себя функции рассмотрения важнейших общеэкономических вопросов, затрагивающих различные стороны хозяйственной жизни государства. В их состав входили представители администрации, законодательных органов, армии, деловых и общественных кругов. По своему положению Особые совещания представляли собой «высшие государственные установления», подчиненные непосредственно «верховой власти», т.е. не ответственные перед правительством учреждения. Законодательство военного времени обеспечивало правовой режим государственного регулирования экономики, ограничивая право частного предпринимательства в промышленной, торговой и банковской сферах. Особенно показательны в этом плане законодательные акты, принятые в 1916 г. (Закон от 10 октября «О расширении правительственного надзора над банками коммерческого кредита». Постановления от 29 ноября управляющего министерством земледелия Риттиха о продразверстке).

Жесткая централизация экономики и финансов позволила стране осуществить ряд крупных проектов особой важности, требовавших существенных капиталовложений. Так, в 1916 г., в самый разгар войны была введена в эксплуатацию железнодорожная магистраль в 2000 верст, соединившая порт Романовск (Мурманск) в центром России.

Наряду с возрастанием роли государства в хозяйственной жизни страны отчетливо проявилась и другая тенденция – развитие народной самодеятельности и инициативы, проявившаяся в невиданном ранее росте кооперативного движения, по размаху которого Россия вышла на первое место в мире. Почти половина населения страны (включая членов семей) стала участниками различных кооперативных товариществ, обществ, артелей, специализирующихся в сельскохозяйственном производстве, в кредите, в снабжении армии и тыла, в экспорте льна и масла. Такие крупные кооперативные объединения,

как Московский союз потребительских обществ, Московский народный банк, Центральное товарищество льноводов, Сибирский союз маслодельческих артелей, опирающиеся в своей работе на многочисленные межрайонные союзы и низовые кооперативы, стали серьезными конкурентами частных банков и фирм. Кооперация нередко привлекалась правительством к выполнению ответственных заданий при хлебозаготовительных операциях, при распределении продовольствия на местах, стала существенным социально-экономическим и культурно-просветительным фактором в жизни народа. Не случайно большое внимание деятельности кооперативов уделяли социалистические партии и оппозиция.

Мобилизация народного хозяйства, проведенная усилиями правительства и всего общества, создавала предпосылки для дальнейшего успешного ведения войны.

Хороший урожай 1915 г. позволил не только обеспечить продовольствием фронт и тыл, но и сделать запасы на будущее. Тем не менее, действующий хозяйственный механизм нередко давал сбои из-за бюрократической системы управления, которая за годы войны значительно усложнилась. В центре параллельно министерствам действовали Особые совещания со своей структурой комитетов и комиссий. В губерниях фактически административными функциями были наделены не только губернаторы, но и председатели земских управ, многие из которых были одновременно и правительственными уполномоченными. Целый ряд представителей военного и транспортного ведомств и общественных организаций нередко вносили дополнительную неразбериху на местах. Вследствие этого государственная власть, в условиях войны нуждавшаяся в особом укреплении, порою затруднялась выполнять свои собственные решения, нередко становилась объектом разрушительной критики со стороны оппозиции, проходила серьезные испытания на прочность.

**Кризис власти  
летом-осенью  
1915 г.**

Тяжелые поражения на фронте, уход из Галиции и Польши, сдача части Прибалтики и Белоруссии привели к явному внутривластному кризису.

Верховная власть пошла на замену ряда ключевых министров, скомпрометировавших себя в глазах общественности. 5 (18) июня 1915 г. в отставку был отправлен министр внутренних дел Н. Маклаков. На следующий день с поста военного министра был снят В. Сухомлинов. Он был об-

винен в государственной измене, арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Для расследования этого дела была создана следственная комиссия, в состав которой вошли представители Думы и Государственного Совета. Новым военным министром стал генерал А. Поливанов, пользующийся доверием в думских кругах. Произошли и другие кадровые изменения в составе кабинета.

19 июля (1 августа) 1915 г. в годовщину начала войны в Петрограде открылась очередная сессия Государственной Думы. Во вступительной речи ее председатель М. Родзянко приветствовал обновленное правительство страны, но представители либеральных партий, демонстрируя свою оппозиционность, настаивали на дальнейших уступках и создании ответственного перед Думой министерства. Еще раньше подобные призывы прозвучали во время работы Всероссийского съезда городов 11–13 (24–26) июля в Москве. Требование правительства доверия стало центральными лозунгами буржуазной оппозиции, которая к августу 1915 г. сумела сплотиться не только идейно, но и организационно. 9 (22) августа 1915 г. было подписано соглашение о создании так называемого Прогрессивного блока. Он объединял представителей шести партий Государственной Думы – от умеренных (прогрессивных) националистов до кадетов: 236 депутатов из 442 членов Думы. Социал-демократы и трудовики не вошли в состав блока, поддерживали с ним контакты. Три фракции Государственного Совета (центра, академическая и внепартийная) также примкнули к блоку. Для руководства блоком было избрано бюро из 25 человек, ядро которого составили видные кадеты П. Милюков, А. Шингарев, Н. Некрасов и прогрессист И. Ефремов. Значительная часть членов блока из руководства была связана друг с другом масонскими узами.

Прогрессивный блок стал важным инструментом радикальной оппозиции, позволяющим использовать парламент для издания необходимых законопроектов и давления на существующий режим. Стержнем программы блока стала формула «создания объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы». Таким образом, требование формирования «министерства общественного доверия» стало основой деятельности блока. Этот лозунг кадеты смогли провести воп-

реки упорным попыткам прогрессистов, настаивавших на «ответственном министерстве». Идея межпартийного компромисса в борьбе с царизмом стала определять тактику не только либеральных партий, вошедших в блок, но и их партнеров слева – меньшевиков и трудовиков, формально не участвовавших в работе блока, но фактически тесно связанных с ним, учитывая их общую принадлежность к российскому политическому масонству.

Вопрос о роли этой организации в событиях предреволюционной и революционной поры в России до сих пор вызывает острую реакцию у исследователей.

Некоторые из них (*И. Минц, А. Аврех*) полагали, что влияние масонов на развитие политической ситуации в стране явно преувеличено. Другие (*Н. Яковлев, В. Старцев, О. Платонов*), основываясь на исторических документах, пытались осмыслить феномен этого явления. По мнению В. Старцева, возрождение русского политического масонства связано с именем видного российского либерала профессора *М. Ковалевского* (1851–1916). При его непосредственном участии около 40 представителей оппозиционной интеллигенции в 1906–1908 гг. были приняты в масонские ложи, открытые в это время в Москве, Петербурге и других городах страны, причем более 30 чел. впервые приняты в это движение именно в России. В период между двумя революциями масонство становится внушительной силой. Масонские ложи были созданы в Думе, в научных, творческих, предпринимательских, земских и кооперативных организациях, среди военных и журналистов. Масонство объединяло представителей различных политических партий – от умеренных до крайне левых. Масонами были октябристы *А. Гучков* и близкий к ним *Г. Львов*, кадеты *В. Маклаков, А. Шингарев, Н. Некрасов* и *Д. Шаховской*, прогрессисты *А. Коновалов* и *И. Ефремов*, «внефракционные» социалисты *Е. Кускова* и *С. Прокопович*, лидер трудовиков *А. Керенский*, «дедушка русской революции» *Н. Чайковский*, меньшевики *Н. Чхеидзе* и *М. Скобелев*, большевики *И. Скворцов-Степанов* и *С. Середа*. Помимо Петрограда и Москвы ложи имелись в Киеве, Самаре, Саратове, Тифлисе, Кутаиси и других городах страны. Организационно ложи, созданные *М. Ковалевским*, подчинялись непосредственно «Великому Востоку Франции», другая часть русских лож была связана с «Великим Востоком народов России» во главе с известной «пятеркой»: *А. Керенский, Н. Некрасов, А. Коновалов, И. Ефремов, М. Терещенко*. Резкой грани между этими двумя направлениями масонства не существовало. Так или иначе они подчинялись заграничным масонским центрам.

Еще не успел окончательно сложиться Прогрессивный блок, а его программа стала реализовываться. 13 (26) августа в московской газете П. Рябушинского «Утро России» был опубли-



кован список «Кабинета обороны», представленный практически целиком из деятелей оппозиции и сочувствующих ей лиц в следующем составе: Председатель Совета министров М. Родзянко, министр иностранных дел П. Милюков, министр внутренних дел А. Гучков, министр финансов А. Шингарев, путей сообщения Н. Некрасов, торговли и промышленности А. Коновалов, государственный контролер И. Ефремов, министр юстиции В. Маклаков, министр народного просвещения П. Игнатъев, оберпрокурор Синода В. Львов. Из старого правительства были включены двое: военный министр А. Поливанов и министр земледелия А. Кривошеин.

Примечательно, что уже после февраля 1917 г. многие из них вошли во Временное правительство, заняв именно те посты, на которые они планировались летом 1915 г.

В те же дни, когда оппозиция открыто заявила о своих претензиях на власть, Николай II вступил в должность Верховного главнокомандующего, сместив с поста великого князя Николая Николаевича, назначив его главкомом Кавказского фронта вместо престарелого графа Л. Воронцова-Дашкова.

Царь рассчитывал, что своим поступком он в тяжелую минуту поражений вселит уверенность в армию и народ в конечную победу и сумеет сплотить вокруг себя своих подданных. Это решение вызвало противодействие не только со стороны оппозиции, но и в ближайшем окружении царя. Со стороны нового кабинета министров, склонного к компромиссу с Думой, последовал ряд демаршей.

Вечером 21 августа (3 сентября) на казенной квартире С. Сафонова на Дворцовой площади собралось практически все правительство, за исключением премьера И. Горемыкина, министра юстиции А. Хвостова и министра путей сообщения С. Рухлова.

Участниками встречи было составлено письмо царю, в котором содержалось обращение министров пересмотреть его решение об отстранении великого князя Николая Николаевича от руководства армией. «Крайне пагубно сказывается коренное разномыслие между Председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства», — писали министры. Отдавая письмо через флигель-адъютанта, А. Поливанов сказал, что при настоящем положении дел «можно довести страну до революции». Однако вместо И. Горемыкина царь вскоре отправил в отставку фрондирующих министров, тем самым демон-

стрируя, что какие-либо существенные перемены возможны только после победы над врагом.

3 (16) сентября 1915 г. на только что открывшейся сессии Государственной Думы был оглашен высочайший указ о перерыве ее заседаний на срок «не позднее ноября 1915 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». По предложению М. Родзянко, депутаты стоя выслушали это решение под аплодисменты правой части собрания. В этот же день в знак протеста против закрытия Думы рабочие Путиловского завода и Балтийской верфи объявили забастовку.

Таким образом, в открытом противостоянии с властью радикальная оппозиция потерпела серьезное поражение. Тем не менее, она не оставила своих намерений, а, изменив тактику, перешла к активным закулисным действиям.

### **§ 3. Перед катастрофой**

**Военные операции 1916 г.**

К началу 1916 г. отношения внутри Антанты серьезно осложнились. Русская сторона была недовольна действиями союзников, перешедших к позиционной войне в момент тяжелых поражений ее армии. Англия и Франция, в свою очередь, опасались, что в России возобладают силы, выступающие за выход из войны, и будет заключен сепаратный мир с немцами. Чтобы не допустить этого, они заметно активизировали контакты как с официальными кругами, так и с деятелями оппозиции.

Зимой 1916 г. во французском городке Шантийи состоялось совещание союзников, на котором было решено начать общее наступление на всех фронтах против Германии и Австро-Венгрии, так согласовывая при этом действия армий, чтобы лишить немцев возможности перебрасывать войска с одного участка на другой. Предусматривалось, что Россия начнет наступление первой в мае 1916 г., а другие чуть позже – через две-три недели. Однако поражения итальянцев под Трентино и начало немецкого наступления на Верден заставили русское командование по просьбе союзников спешно заняться подготовкой к весенне-летней операции.

1 (13) апреля 1916 г. в Могилеве в Ставке Верховного главнокомандующего собрались главкомы фронтов для того, что-

бы определить план будущих действий. Ранее предполагалось нанести главный удар против германской армии на участке Западного фронта из района Молодечно в направлении Вильно. Юго-Западному и Северному фронтам отводилась вспомогательная роль. Но в очередной раз неудачи союзников внесли существенные коррективы в сроки наступления русских армий. Было решено, что Юго-Западный фронт начнет наступление первым на неделю раньше других и именно на его участке развернутся основные события предстоящей операции. Такой поворот произошел отчасти благодаря настойчивости нового главнокомандующего войсками генерала Брусилова.

**Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926)** – один из блестящих полководцев. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Окончил офицерскую кавалерийскую школу. Затем на командных должностях в армии. С 1912 г. генерал от кавалерии. С 1914 по 1916 гг. – командующий 8-й армией. В марте 1916 г. назначен главкомом Юго-Западного фронта. Под его руководством на австрийском фронте был осуществлен знаменитый «брусиловский прорыв». Летом 1917 г. Временным правительством назначен Верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции отверг предложение своих бывших соратников генералов Корнилова и Деникина возглавить борьбу с большевиками. В 1920 г. во время советско-польской войны поступил на службу в Красную Армию. С 1921 г. инспектор кавалерии РККА. Похоронен в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря.

Свое наступление Брусилов начал с прорыва сильно укрепленных позиций противника, рассредоточив силы и средства армий не на одном направлении, а на четырех сразу – главном и вспомогательных, чтобы не дать неприятелю возможности маневрировать. Фронт состоял из четырех армий (8, 11, 7 и 9-й) с общей численностью войск более 630 тыс. чел. Каждая из четырех армий фронта имела участок прорыва. Основной удар должна была наносить 8-я армия через Луцк и Ковель. Южнее ее 11-я армия наступала на Золочев, 7-я на Станислав, 9-я на Коломыю.

Позиции австрийцев обороняла полумиллионная группировка войск, вооруженная мощной артиллерией и пулеметами. Линия обороны состояла из нескольких рядов укрепленных полос, каждая в две-три линии окопов, расположенных один от другого на расстоянии 5–10 км.

Рассвет 22 мая (4 июня) 1916 г. был оглушен раскатами залпов русской артиллерии, бившей по всей линии фронта – от пинских болот до румынской границы. На некоторых участ-

ках артиллерийская подготовка продолжалась два дня. Первой перешла в наступление 9-я армия в Буковине, но наибольший успех выпал на долю 8-й армии. За три дня фронт здесь был прорван на участке длиной около 80 км и в глубину – более 30 км. 7 (20) июня был взят Луцк, 17 (30) июня Черновцы. К концу мая 11 армия дошла до истоков Буга, 7-я подошла к Галичу, 9-я к Карпатам. В ходе боев на Юго-Западном фронте противник потерял до 1,5 млн. убитыми, ранеными и пленными, 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 минометов. Австро-Венгрия очутилась на краю полного поражения.

Брусиловский прорыв был крупным успехом русского оружия. Благодаря наступлению Юго-Западного фронта немцы были вынуждены перебросить на восток десятки резервных дивизий и ослабить натиск у Вердена. Австрийцы прекратили продвижение в Италии. Россия в очередной раз спасла своих союзников от поражения. Но перейти к наступлению по всему фронту не удалось, и война вновь приняла позиционный характер. Многие историки связывают с брусиловским прорывом начало решительного перелома в ходе первой мировой войны в пользу держав Антанты.

В августе 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии. Для России появление нового союзника обернулось особыми трудностями, поскольку неподготовленная румынская армия буквально сразу оказалась на грани разгрома. К концу 1916 г., по оценке А. Зайончковского, русская армия достигла «по своей численности и по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития». Более двухсот боеспособных дивизий противостояли неприятелю, значительно превосходя его силы. На многих участках фронта инициативой полностью владели русские. В Закавказье были взяты Трапезунд и Эрзерум. Российский флот успешно провел здесь ряд боевых операций. Назначенный в июне 1916 г. командующим Черноморским флотом вице-адмирал А. Колчак блестяще провел минную блокаду Босфора и Варны, заметно снизив активность немцев на море.

Казалось, война почти выиграна.

На Западе вновь наметился огромный интерес к России. Союзники охотно говорили о неистощимой силе русского народа-богатыря, который в очередной раз продемонстрировал миру свою загадочную душу.

Начало 1916 г. прошло в тревожном ожидании перемен. Самодержавие, отразившее первый серьезный натиск оппозиции, решило не торопиться с созывом очередной сессии Думы, отложив ее начало на февраль 1916 г. Основное внимание власть уделяла кадровым изменениям в правительстве. 20 января (2 февраля) было объявлено об отставке И. Горемыкина. Новым премьером стал мало чем примечательный сановник, бывший тверской и ярославский губернатор 67-летний обер-камергер Б. Штюрмер. Считали, что своим неожиданным возвышением он обязан Григорию Распутину, без участия которого, по слухам, в тот год не проходило ни одного заметного назначения.

**Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1872–1916).** Крестьянин села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии приобрел особую известность при дворе благодаря своим экстрасенсорным способностям и познаниям в нетрадиционной и народной медицине. Именно этим обстоятельством во многом объясняется то влияние, которое Распутин имел на императрицу и которое позволило ему подняться к вершинам власти. Однако вряд ли стоит приписывать этому умному мужику, «святому черту», как его называли недоброжелатели, проведение самостоятельной политической линии. Скорее всего, он умело ориентировался в закулисной жизни дворца благодаря своей природной интуиции. В силу разных обстоятельств Распутин стал центральной фигурой дворцовых интриг и так называемых «темных сил» в последние годы царизма. Различные спекуляции и слухи на этот счет были выгодны оппозиции, которая в лице «старца» получила прекрасную возможность для дискредитации режима. Распутину приписывали ряд шумных назначений 1916 г. – замену в марте военного министра Поливанова генералом Д. Шуваевым, отставку в июле министра иностранных дел С. Сазонова, которого сменил на этом посту премьер Б. Штюрмер, и выдвижение на должность министра внутренних дел А. Протопопова. В результате заговора, организованного В. Пуришкевичем совместно с Ф. Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем Романовым, Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря во дворце князя Юсупова на Мойке.

Назначение Штюрмера с особым раздражением было встречено оппозицией, хотя сам новый министр стремился к смягчению отношений с Думой. 9 (22) февраля 1916 г. после полугодового перерыва состоялось открытие думской сессии, на которое приехал император. Своим присутствием в зале фрондирующей Думы Николай II как бы призывал к примирению власть и оппозицию. Однако оппозиционеры были настроены не в пользу компромиссов. Демонстрируя кажущуюся покорность в Думе, они перенесли всю свою антигосударственную

работу в общественные организации, находящиеся полностью под их контролем. Центром внедумской деятельности оппозиционеров с весны 1916 г. становится вторая столица империи.

12–14 (25–26) марта в Москве созывается Всероссийский съезд городов, в котором приняли участие видные лидеры оппозиции. С большим докладом о снабжении армии на съезде выступил Н. Некрасов. Он остро критиковал правительство, характеризуя его политику как «преступную бездеятельность». «Вся армия поняла, – говорил он, – какую колоссальную работу выполняет общество в тот момент, когда правительство беспомощно сложило свои руки. В этом понимании залог победы не только над внешним врагом, но и «залог внутреннего обновления». Далее Некрасов призвал к объединению всех существующих общественных организаций в единый Союз Союзов. По его мнению, такое объединение будет способствовать общей целенаправленной работе оппозиции не только в столице, но и в провинции, среди различных сословий и групп населения. Предполагалось, что этот «штаб общественных сил» будет существовать вполне легально и сплотит вокруг себя как уже существующие, так и вновь созданные самостоятельные образования: Земский союз и Союз городов, военно-промышленные комитеты, кооперативные, торгово-промышленные, рабочие и крестьянские организации. Причем главной сферой приложения сил этого нового органа должно было стать продовольственное дело, которое планировалось полностью изъять из рук правительства и передать общественности.

Процесс сплочения антиправительственных сил весной 1916 г. шел весьма успешно и осуществлялся по разным направлениям. Не последнюю роль здесь сыграли и масонские контакты, позволившие вовлечь в орбиту антигосударственной деятельности представителей различных политических партий, включая и самые левые. Внешне конкурирующие между собой политические соперники-оппозиционеры и революционеры были спаяны едиными целями и единой организацией.

В начале апреля 1916 г. на московской квартире супругов Е. Кусковой и С. Прокоповича, по инициативе левого кадета князя Д. Шаховского, состоялось очередное обсуждение будущего состава кабинета министров. Согласованные кандидатуры несколько отличались от списка, опубликованного в газете «Утро России» летом 1915 г. Так, на должность председателя Совета министров планировался уже Г. Львов, а не М. Родзян-

ко, как год назад. Остальные министерские посты распределялись следующим образом: министр иностранных дел П. Миллюков, военный министр А. Гучков, торговли и промышленности А. Коновалов или С. Третьяков, юстиции В. Маклаков или В. Набоков, министр труда Л. Лутугин. В обсуждении кандидатов наряду с кадетами участвовали и социалисты: эсеры и социал-демократы, включая большевиков (И. Скворцова-Степанова). Согласованный с представителями различных партий состав кабинета затем был передан на утверждение съезда кадетов.

Другая тайная встреча лидеров оппозиции состоялась 30 апреля (13 мая) в Москве в доме князя П. Долгорукова, на ней обсуждалось правительство Штюрмера, работа которого квалифицировалась не иначе как «государственное преступление» и «измена». Д. Шаховской за полгода до скандального выступления Миллюкова в Думе употребил именно эти выражения: «Начиная войну, – говорил он, – Вильгельм мечтал о революции в России. Вильгельм жестоко обманулся, но ему поспешили на помощь господа Горемыкины, Хвостовы, Штюрмеры. Патриотический порыв они подменяют чувством острого озлобления, сеют бурю, вносят хаос, дезориентируют тыл. Это величайшее преступление правительства нельзя назвать иначе как государственной изменой». Участники встречи решили, что в урочный час они публично выступят с обвинением правительства и потребуют передачи власти. «Мы живем сейчас как на вулкане, – заявил П. Долгоруков, – взрыв возможен в каждую минуту... И вот когда где-нибудь разразится голодный бунт – наступит момент для возбуждения того ходатайства, о котором я говорю. Под свежим впечатлением стихийного взрыва народного возмущения обращение к Верховной власти может получить необычайную силу и убедительность. Пока же, в ожидании подходящего момента, нужно готовиться к проектируемому шагу».

Замысел радикальной оппозиции, таким образом, не предусматривал ликвидации монархии, а был рассчитан на перехват власти из рук дряхлеющей бюрократии. Предполагалось лишь совершить переворот в верхах, используя стихийное народное возмущение в связи с трудностями в продовольственной сфере, которые стали объектом политических манипуляций оппозиции.

8 (21) мая в Москве при экономическом отделе Союза городов состоялось совещание, на котором был образован централь-

ный комитет общественных организаций по продовольственному делу. Это событие прошло почти незамеченным для современников и не до конца осмыслено историками. А между тем в совещании приняли участие видные деятели оппозиции и представители практически всех общественных объединений: Союза городов, Земского союза, ЦВПК, центральных кооперативных, сельскохозяйственных, рабочих и торгово-промышленных учреждений. Новый орган, взявший на себя функции Союза Союзов, фактически брал на себя и правительственные полномочия. Его председателем был избран М. Федоров — кадет, один из видных масонов.

Именно М. Федоров стал организатором тайного собрания лидеров оппозиции на своей квартире в 1916 г., где было решено произвести государственный переворот и добиться отречения Николая II в пользу его сына Алексея, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Многие детали этого собрания до сих пор не ясны. Известно, что на нем присутствовали М. Родзянко, П. Милюков, А. Гучков, С. Шидловский, А. Шингарев, И. Годнев, Н. Некрасов, М. Терещенко и М. Федоров.

Все они сошлись на том, что недовольство режимом стало всеобщим и в самом ближайшем будущем следует ожидать неминуемого взрыва. Помешать этому может смена власти, которая имеет шанс на успех только в случае отречения Николая II.

П. Милюков позднее так вспоминал об этой встрече: «Мы ушли, во всяком случае, без полной уверенности, что переворот состоится, но с твердым решением в случае, если он состоится, взять на себя устройство перехода власти к наследнику и регенту. Будет ли это достигнуто решением всей Думы или от ее имени, или как-нибудь иначе, оставалось, конечно, открытым вопросом, так как самое существование Думы и наличность сессии в момент переворота не могли быть заранее известны. Мы, как бы то ни было, были уверены после совещания..., что наше решение встретит поддержку общественных внедумских кругов».

Таким образом, основную работу по подготовке переворота должны были совершить представители внедумской общественности, т.е. те организации, которые уже объединились.

Что касается Думы, то активность оппозиции и Прогрессивного блока в ее стенах вплоть до ноябрьской сессии была минимальной. Тем не менее ей отводилась важная роль в налаживании контактов оппозиции с союзниками.



В апреле-июне 1916 г. парламентская делегация России с официальным визитом посетила союзные страны Англию и Францию. В составе делегации преобладали оппозиционные депутаты. От Государственной Думы семь депутатов, включая П. Милюкова и А. Шингарева, принадлежали к Прогрессивному блоку, из шести членов Государственного Совета трое (В. Гурко, А. Васильев и А. Олсуфьев) примыкали к нему. Главной целью этих поездок было налаживание контактов с западными парламентариями и заручение поддержкой со стороны правительственных и общественных кругов стран Антанты в условиях усилившегося противостояния власти и оппозиции в России. В значительной степени поставленные задачи думскими оппозиционерами были решены. Англичане тут же публично заявили о «великом братстве парламентов», была достигнута договоренность о создании регулярно функционирующей межпарламентской союзнической группы, к которой Дума могла бы апеллировать в случае конфликта с правящим режимом. Лидеры Запада проявили большой интерес к русской оппозиции. За четыре месяца своего пребывания за границей Милюков имел ряд доверительных бесед с европейскими государственными и общественными деятелями, банкирами, промышленниками, учеными и военными. Он был принят королями Англии, Швеции и Норвегии, президентом Франции Пуанкаре, британским и французским премьерами Асквитом и Брианом, имел встречи с представителями банков Ротшильдов и Морганов.

Многие из встречавших Милюкова на Западе смотрели на него как на одного из будущих лидеров новой России, а сам П. Милюков усиленно обрабатывал собеседников, собирая сведения для предстоящего выступления в Думе.

Характерно, что царское правительство не препятствовало визитерам парламентского типа, попустительствовало прямым контактам оппозиции с союзниками, надеясь хоть как-то смягчить накал напряжения в стране. Однако надеждам этим не суждено было сбыться.

Накануне револю-	1 ноября 1916 г. начала свою работу очеред-
ции (конец	ная сессия Государственной Думы. И то, что
1916 — начало	произошло в этот день в зале заседания, со-
1917 гг.)	временники назвали «штормовым сигналом
	революции».

Накануне своего выступления в Думе оппозицией был разработан сценарий предстоящих акций с участием широкого

круга лиц различной политической ориентации. В конце октября в Петрограде прошел ряд заседаний бюро Прогрессивного блока, на котором активно обсуждался проект думской декларации, составленный П. Милюковым и В. Шульгиным. Кадеты настаивали на включении в декларацию положения об особых заслугах союзников и прежде всего Англии в войне. Правые же считали, что больше внимания следует уделять не внешнему, а внутривнутриполитическому аспекту и критиковать следует «систему, а не Штюрмера». В результате был выработан компромисс, из проекта было изъято требование левых об ответственном министерстве, однако тон его был вызывающим.

25 октября в Москве на съезде председателей губернских земских управ была принята резолюция с беспрецедентным требованием к царю о замене «реакционного министерства». Подобного рода решения были приняты в эти дни и на партийных форумах кадетов и прогрессистов, прошедших в Петрограде. Перед открытием сессии на имя председателя Государственной Думы поступило обращение руководителя Земского союза князя Г. Львова, в котором он писал о «зловещих слухах о предательстве и измене, о тайных силах, работающих в пользу Германии». Аналогичное письмо направил в Думу и председатель Союза городов М. Челноков. Прямым вмешательством во внутренние дела России явилось выступление английского посла Д. Бьюкенена на торжественном заседании в Петрограде Общества английского флага (созданного стараниями М. Ковалевского в 1915 г.). В своей речи посол союзной державы призвал оппозицию довести войну «до победного конца» не только на поле брани, но и внутри страны, т.е. в России.

Таким образом предстоящий демарш оппозиции был согласован и с депутатами, и с внедумскими кругами, включая союзников. В таких условиях Дума начала свою работу, и оппозиция сразу же перешла в открытую атаку на правительство Штюрмера. Выступавший от имени Прогрессивного блока октябрист С. Шидловский заявил, что стране необходимо правительство народного доверия и что блок будет добиваться его создания «всеми доступными ему способами». Представитель левых фракций А. Керенский разразился истерикой в адрес царских министров, назвав их предателями интересов страны. Однако «гвоздем» программы, подготовленной оппозицией, стала знаменитая речь П. Милюкова «Глупость или измена?».

«Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе, — заявил лидер кадетов, поддержанный голосами с мест «верно». Не отвергая слухов о предательстве и измене «придворной партии во главе со Штюмером и Распутиным, Милюков заявил, что она «группируется вокруг молодой царицы». Умело жонглируя цитатами из зарубежных и русских газет, сопровождая их собственными комментариями, Милюков повторял: «Что это: глупость или измена? Выбирайте любое. Последствия те же.» В один из таких патетических моментов речи лидер монархистов Марков 2-й бросил Милюкову: «А ваша речь — глупость или измена?». «Моя речь, — ответил Милюков, — есть заслуга перед Родиной, которой вы не сделаете!»

Был ли искренен в этот момент Милюков, осознавал ли до конца, какие последствия могут иметь его слова для страны, трудно сказать. Но в желании сменить ненавистное правительство ему не откажешь. «Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством, — закончил свое выступление Милюков, — ...но все частные причины сводятся к этой одной общей — к неспособности и злонамеренности данного состава правительства (голос слева: «правильно»). Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу всей кампании (голос слева: «верно»).

На следующий день после выступления Милюкова оскорбленный Штюмер обратился с заявлением о привлечении его к суду за клевету. Царь поддержал своего премьера, однако его политической репутации был нанесен сокрушительный удар.

Речь Милюкова в тысячах копий расходилась по стране. Многочисленные переписчики, вставляя «от себя» целые абзацы, тиражировали и усиливали самые невероятные слухи.

Между тем достоверность фактов, приведенных Милюковым, не была доказана. Более того, позднее, уже находясь в эмиграции, многие видные кадеты признавали, что выступление Милюкова носило сугубо политический характер и не отражало реальные события.

Тем не менее оппозиция добилась своего. Началось огромное давление на царя, в том числе и со стороны ближайших родственников — великих князей. 10 (23) ноября Штюмер был отправлен в отставку. Новым председателем Совета министров стал 52-летний А. Трепов, занимавший до этого пост министра путей сообщения и разделявший многое из программы Прогрессивного блока.

Трепов стал третьим за годы войны (после И. Горемыкина и Б. Штюрмера) лидером правительства, но возглавлял его чуть больше месяца – накануне 1917 г. он был заменен Н. Голицыным, чье премьерство (27 декабря 1916 г. – 27 февраля 1917 г.) оказалось последним в Российской империи и столь же непродолжительным, сколь и неудачным. Серьезным влиянием на царя в двух последних составах правительства пользовался А. Протопопов, бывший оппозиционер, товарищ председателя Государственной Думы и член Прогрессивного блока, назначенный в сентябре 1916 г. на должность министра внутренних дел, ставший одним из самых доверенных лиц императора.

Так называемая «министерская чехарда» явилась одним из признаков все углубляющегося кризиса власти. За время войны сменилось 4 премьера, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра и 4 министра юстиции. Отсутствие стабильности кадров в результате придворных интриг и закулисной борьбы отрицательным образом сказывалось на управлении страной в период, требовавший величайшего напряжения и ответственности. Реальной возможности непосредственно влиять на государственные дела у царя зачастую не было. Из 19 месяцев пребывания его на посту Верховного главнокомандующего 9 месяцев он находился в Ставке, 6 – в столице, 4 – в разъездах между Могилевом, Царским Селом и Петроградом.

Последние месяцы царствования прошли для Николая II в удручающем одиночестве. Убийство Распутина, в котором участвовали родственники царя, реакция высшего света на смерть «старца» повергли императора в глубокую депрессию. Вместе с семьей он жил преимущественно в Царском Селе, лишь изредка общаясь с Протопоповым. Стена отчуждения между Романовыми и обществом становилась все более неодолимой. Даже губернские дворянские собрания, бывшие в прошлом оплотом монархических устоев, теперь принимали резолюции в поддержку Думы. 6 (19) января царь подписал рескрипт правительству (первый подобного рода документ после 17 октября 1905 г.). В нем говорилось о полном единении России с союзниками и отвергалась всякая мысль «о заключении мира ранее окончательной победы». Перед кабинетом министров ставились две задачи: снабдить армию и тыл продовольствием, наладить транспортные перевозки. Выражалась надежда, что законодательные органы, земства и общественность помогут правительству.

Между тем за два с половиной года войны отношение к ней в обществе существенно изменилось. Для многих политических сил вопрос о войне стал предметом спекуляций. Оппозиция, например, распространяла слухи о готовности царя заключить с Германией сепаратный мир, представляя себя единственной силой, способной идти в войне до конца, что находило отклик у союзных послов. Народ, к тому же, предельно устал от военного времени, чему способствовали трудности с продовольствием, дороговизна, перебои с топливом, транспортом и др. Патриотический подъем первых лет сменился апатией. Война полыхала за сотни верст от центра России, а стонало от нее простое население русских городов, сел и деревень. Властям так и не удалось сплотить народ в борьбе с агрессором: разногласия между различными сословиями только усугублялись.

С начала войны в армию было мобилизовано свыше 15 млн. чел., потери на фронте достигли 9 млн., в том числе 1,7 млн. убитыми. Народное хозяйство испытывало нехватку рабочих рук. Свыше 650 промышленных предприятий приостановили работу. К концу 1916 г. экономика страны вступила в полосу серьезных испытаний.

Начался массовый подъем забастовочного движения в промышленных центрах, в частности в Петрограде. Только осенью 1916 г. в стране произошли 273 забастовки, в которых участвовало около 300 тыс. чел. Показательно, что почти все они проходили под политическими лозунгами. Особенно характерными в этом отношении были первые месяцы 1917 г.

Так, в январе 1917 г. фабричной инспекцией была зафиксирована 371 забастовка, в том числе 228 с политическими требованиями, число бастующих составляло 250 тыс. чел. В феврале 1917 г. было уже 959 стачек, из них 912 политических. Бастовало 450 тыс. рабочих – самый высокий показатель участников забастовок за годы войны. Несмотря на все старания властям не удалось нарушить тесную связь рабочего движения с социалистическими партиями. Большим влиянием в рабочей среде пользовались социал-демократы, особенно меньшевики, сумевшие сохранить свои кадры не только в Думе, но и в легальных пролетарских организациях – страховых обществах, больших кассах, потребительских кооперативах. Заметную роль играли также рабочие группы при военно-промышленных комитетах. Они были созданы в 36 городах и обеспечивали устойчивые контакты представителей левых социалистических

партий с деятелями радикальной оппозиции. Наибольшую активность проявляла Рабочая группа при Центральном военном-промышленном комитете (ЦВПК) в Петрограде. Она стала выпускать прокламации ярко выраженной антиправительственной направленности. Одна из них, от 26 января, начиналась с призыва к решительному устранению самодержавного режима и полной демократизации страны и заканчивалась обращением к рабочим столицы быть готовыми к всеобщей забастовке в поддержку Думы.

Царизм попытался перехватить инициативу и предпринял ряд решительных действий. В ночь на 28 января, по распоряжению А. Протопопова, были произведены аресты членов Рабочей группы ЦВПК, которых заключили в Петропавловскую крепость. По указанию Николая II был составлен проект Манифеста о роспуске Думы, выборы нового ее состава предполагались в конце года.

Все это необычайно взволновало оппозицию и заставило ее в очередной раз обратиться к замыслам о перевороте. В орбиту заговора была вовлечена военная верхушка. Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Алексеев, главком Северо-Западного фронта Н. Рузский, генерал А. Крымов и ряд других военных, входивших по некоторым данным в масонскую ложу, были посвящены в планы заговора. По одному из них предполагалось перехватить поезд царя и потребовать от него отречения в пользу сына. Однако точные сроки акции не были установлены, поскольку государь находился в Царском Селе и было неизвестно, когда он собирается вернуться в Ставку. В столице было неспокойно. Выступления рабочих, начавшиеся 9 января, не только не прекратились, а, наоборот, нарастали. В этих условиях попытка захвата власти могла обернуться народным взрывом. В ожидании урочного часа для переворота шли дни, а между тем наступили события, явившиеся прологом революции.

## Вопросы и задания

- Охарактеризуйте политические и военные цели сторон накануне войны. В чем были сильные и слабые стороны Русской армии и флота в 1914 г.? Каково значение кампании 1914 г. на Восточном фронте для последующего хода войны?

- В чем принципиальное отличие летне-осенней кампании 1914 г. от последующих боевых действий на Восточном фронте?
- В чем причины неудач Русской армии в 1915 г.?
- Какова была реакция российского общества на войну летом 1914 г. и в 1915 г.?
- Как влияли общественные настроения в российском обществе на состояние фронта и тыла?
- Какие меры предпринимали правительство и общественность для мобилизации народного хозяйства?
- Назовите государственные и общественные организации, ответственные за мобилизацию.
- Какие позитивные и негативные тенденции проявились в экономике страны к 1917 г.?
- Какую роль отводили России ее союзники на разных этапах первой мировой войны?
- Охарактеризуйте военно-экономический потенциал противоборствующих сторон и шансы каждой на победу в начале 1917 г.
- В чем сущность противостояния власти и оппозиции в период 1915–1916 гг.?
- Какие цели преследовал созданный оппозицией Прогрессивный блок?
- Каковы были планы переворота, разрабатываемые оппозицией в конце 1916 г. – начале 1917 г.?
- Дайте оценку выступления П. Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г. и его последствий.

### § 1. Февральский переворот

**Народные  
выступления  
в Петрограде  
(23–26 февраля)**

Начало революции оказалось довольно неожиданным даже для тех, кто готовил ее или искренне желал, не говоря уже о других слоях общества.

22 февраля 1917 г. Николай II отправился в Ставку. Дорога до Могилева заняла чуть больше суток и всюду на станциях царский поезд торжественно приветствовали толпы людей.

А в столице тем временем события приобретали необычайный характер. Отмечая международный женский день 23 февраля (8 марта по нов. ст.), тысячи работниц предприятий Выборгской стороны на митингах призывали трудящихся города объявить забастовку в знак протеста против непрекращающихся перебоев в снабжении хлебом и против дороговизны. Политические требования пока не выдвигались. К забастовке присоединились в этот день рабочие заводов и фабрик Петроградской стороны и Васильевского острова, причем не только женщины, но и мужчины. Всего бастовало 128 тыс. чел. и 49 предприятий. В организованных в связи с этим демонстрациях принимали кое-где участие представители социалистических партий и групп – эсеров, эсдеков и анархистов. Стихийные выступления в ряде мест приводили к нарушению общественного порядка. На Выборгской стороне были разгромлены магазины и остановлено движение городского транспорта, вагоны трамваев перевернуты. Для разгона демонстраций были вызваны полиция и казаки, со стороны которых оружие не применялось, а со стороны митингующих имели место случаи разоружения полицейских, агитация среди солдат. К вечеру 23 февраля рабочие, сумев преодолеть кордоны заграждения, устремились в центр города на Невский и Литейный проспекты. В эти часы в Таврическом дворце шло заседание Думы, собравшейся на очередную сессию еще 14 февраля. Депутаты бурно обсуждали складывающуюся в столице ситуа-



цию, остро критиковали правительство, требовали от него решительных мер по улучшению снабжения населения продовольствием, предлагали привлечь к этому делу самих рабочих. К исходу суток 23 февраля центр Петрограда был очищен от демонстрантов. По требованию А. Протопопова командующий Петроградским военным округом генерал С. Хабалов обнаружил воззвание к жителям города, где говорилось, что хлеба в столице достаточно и оснований для беспокойства нет.

Показательно, что немногие из современников могли дать верную оценку событиям 23 февраля. Власти полагали, что ситуация находится под их контролем. Александра Федоровна писала царю, что положение в городе полностью в руках Хабалова. Из представителей политических партий также мало кто представлял себе, в каком направлении будет развиваться забастовочное движение и думские оппозиционеры не разглядели в происходящем того «урочного часа», к которому они давно готовились. В среде революционеров даже наиболее радикальные из них придерживались выжидательной тактики. Поздно вечером 23 февраля на конспиративной квартире на окраине Петрограда состоялось заседание членов Русского бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургского комитета большевиков. На нем А. Шляпников предупредил, что в забастовках и митингах активно участвуют эсеры и меньшевики-гвоздевцы, к ним следует относиться со всей осторожностью, чтобы не дать вовлечь себя в движение в поддержку Думы.

Таким образом, дальнейшее зависело, во-первых, от массовости выступления рабочих и методов их борьбы на улицах и, только во-вторых, от умения политиков овладеть стихией народного возмущения, направить ее в нужное русло.

На следующий день, 24 февраля, войска стали оцеплять центральную часть города для того, чтобы локализовать районы выступления рабочих на окраинах Петрограда. В них участвовало уже 200 тыс. чел., причем к бастующим присоединялись все новые заводы и фабрики. Стачки охватили предприятия Нарвской и Московской застав, Невского района и др. На Васильевском острове к движению рабочих присоединились студенты университета. Несмотря на все попытки властей отрезать окраины от центра, толпы демонстрантов сумели выйти к Невскому проспекту. Ораторы приветствовали солдат гарнизона и казаков и гневно ругали войну, царя и его министров. Правительство же, собравшись в этот день на заседание, зая-

вило, что происходящее его мало касается, а является исключительно заботой Протопопова и Хабалова. Царь же, получив известия из столицы, не придал им должного внимания и только 25 февраля, ознакомившись с тревожной телеграммой Хабалова и докладами некоторых министров, поступившими в Ставку, передал в Петроград свой приказ: «Завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии», что означало разрешение на применение оружия и кавалерии. Получив из Ставки приказ, Хабалов срочно созвал совещание и отдал своим подчиненным соответствующие распоряжения.

26 февраля, в воскресенье, центральные районы города и подступы к ним были заняты войсками. Повсюду были развешаны объявления, запрещающие уличные собрания и шествия. Казалось, власти сумели переломить ситуацию и восстановить порядок в столице. Однако, несмотря на запреты, горожане вышли на улицы, хотя их было гораздо меньше, чем 23–25 февраля. Среди демонстрантов 26 февраля были не только рабочие, но и много студентов, гимназистов, служащих, домохозяек и просто обывателей. Значительная часть народа собралась на Знаменской площади, в центре которой возвышалась знаменитая конная статуя Александра III. Поражала та решимость, с которой на митинге выступали собравшиеся: «Долой войну!», «Долой царя!», «Хлеба и мира!».

Многие из вышедших в этот день на улицы полагали, что войска, как и в предшествующие дни, стрелять не будут, но уже в пятом часу на Невском прогремели первые выстрелы. На Знаменской площади было убито и ранено 30 чел., были жертвы и в других местах. Но кое-где солдаты отказывались стрелять в народ. 4-я рота Павловского полка не встала в оцепление у Казанского собора, а когда ее попытались заменить конной полицией, начала стрелять в жандармов. Это был грозный симптом, зловещее предупреждение власти.

Вечером 26 февраля на Васильевском острове состоялось совместное заседание представителей ряда социалистических партий — эсеров, меньшевиков, межрайонцев, большевиков. Обсуждался вопрос о совместных действиях. Было решено продолжить всеобщую стачку и в случае необходимости быть готовыми к вооруженному восстанию и созданию временного революционного правительства. В эти же дни в среде рабочих кооперативов города и ряда представителей социалистичес-

ких партий возникла идея воссоздания, по аналогии с 1905 г., Совета рабочих депутатов как главного штаба организации сопротивления власти, борьба с которой переходила таким образом в качественно новую стадию.

**Свержение  
самодержавия  
(27 февраля –  
3 марта)** 27 февраля стал переломным днем в революционных событиях ранней весны 1917 г. Решимость и последовательность выступлений рабочих, их твердость перед угрозой расстрелов и репрессий не могли не поколебать уверенности солдат Петроградского гарнизона в правильности отдаваемых им приказов и не вызвать сочувствия к требованиям народа. Расквартированные в столице полки, в основном гвардейские, всегда находились на особом счету. Это были элитные части русской армии. За годы войны положение в столичном гарнизоне резко изменилось. С одной стороны, в запасных батальонах появилось много «эвакуированных» солдат, тех, кто уже побывал на фронте, получил ранения или был выведен с передовой в краткосрочный отпуск. Настроение этих бывалых солдат, уставших от войны, во многом определяло общую атмосферу отчуждения и даже недовольства начальством, царившую в казармах. С другой стороны, в этих же полках были созданы так называемые «учебные команды» – подразделения, где готовили унтер-офицеров и младших командиров, наиболее пострадавший в ходе боев корпус военнослужащих. Как правило, «учебные команды» отличались дисциплинированностью и исполнительностью. Однако среди них было немало вновь призванных солдат, отнюдь не горевших желанием немедленно оказаться на фронте, что, как видно, сближало их с «эвакуированными». Не случайно зачинщиками солдатского бунта, разразившегося утром 27 февраля, стала «учебная команда» запасного батальона гвардейского Волынского полка.

Убив офицера и захватив оружие, волынцы вышли на улицу, привлекая на свою сторону солдат других полков, расположенных рядом, – Литовского и Преображенского. Стихия бунта завораживала своим порывом к свободе, заставляя забыть о верности воинскому долгу и присяге. Число восставших солдат к утру 27 февраля составило 25 тыс. чел. и к ним присоединялись все новые части, к вечеру на их сторону перешло уже около 70 тыс. чел. – более половины Петроградского гарнизона. Солдатские массы заполнили улицы города. Восставшие громили полицейские участки. Повсюду шла погоня за стра-

жами порядка и офицерами. Их вылавливали, обезоруживали, нередко расстреливая на месте; грабили магазины, склады, арсеналы с оружием; штурмом был взят Дом предварительного заключения и здание окружного суда. Из тюрем были выпущены заключенные, среди которых оказались единицы революционеров, арестованных в последние дни, но немало уголовников.

Власть оказалась совершенно неспособной остановить происходящее. Приказы Хабалова не выполнялись, верных ему войск оставалось все меньше. Рассчитывать можно было только на батальон Измайловского полка и сводный отряд полковника Кутепова, случайно оказавшегося в эти дни в столице. Воля режима была парализована.

Между тем, прорвавшись через оцепление Московского полка по Литейному мосту, толпы восставших солдат вышли к Финляндскому вокзалу и соединились с рабочими Выборгской стороны, встретивших их красными знаменами и лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!».

Политический характер происходящего не вызывал сомнений. Царская символика и атрибутика уничтожались. Двуглавые орлы сбивали с фронтонов зданий. Вопрос о замене прежней власти был уже predetermined размахом и силой выступлений.

К середине дня 27 февраля объединенные колонны солдат и рабочих пришли к Таврическому дворцу, где уже с утра собрались депутаты Государственной Думы, представители политических партий. Здесь же были делегаты от воинских частей, заводов и фабрик, активисты революционного подполья. По предложению социалистов был сформирован Временный ~~исполком Совета рабочих депутатов~~. В его состав вошли известные социал-демократы и эсеры: Н. Чхеидзе, А. Керенский, М. Скобелев, Н. Суханов, Н. Капелинский, Э. Соколовский, П. Красиков (Павлович), П. Александрович, К. Гвоздев, Н. Соколов, К. Гриневиц, Г. Панков, П. Залуцкий и А. Шляпников. Из 15 членов исполкома лишь двое последних принадлежали к крайне левому крылу революционеров и были большевиками. Правда, и остальные недостатком радикализма не страдали. Собравшись вечером на первое заседание, члены исполкома Совета тут же решили вопрос об обороне и продовольственном снабжении. А тем временем в другой части Таврического дворца

шло неофициальное заседание депутатов распушенной накануне царем Думы. Известие о царском указе от 26 февраля о прекращении (внять до апреля) работы Думы дошло до многих депутатов только в зале заседания и часть из них (Некрасов, Ефремов, Керенский) призывали не подчиняться ему, а продолжать свою сессию. Всеобщее ликование царило в залах, кабинетах и коридорах дворца, наполнившихся к концу дня толпами восторженных людей с винтовками и красными бантами на одежде. Наконец, депутаты достигли компромисса, удовлетворившего всех, за исключением крайне правых. Было признано необходимым создать особый орган, который был назван «Временным комитетом членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями». Комитет возглавил председатель Думы М. Родзянко, а в его состав вошли лидеры Прогрессивного блока: П. Милюков, Н. Некрасов, А. Коновалов, С. Шидловский, В. Шульгин, И. Дмитрюков, М. Караулов, В. Львов, В. Ржевский, а в качестве представителей революционной демократии — меньшевик Н. Чхеидзе и трудовик А. Керенский, попеременно заседавший то в Совете, то в комитете, и произносивший где только возможно патетические речи, приветствующие революцию, народ и свободу.

Временный комитет Государственной Думы старался перехватить власть и взять инициативу по управлению городом и государством в свои руки. Прежде всего был установлен контроль над телеграфом и железнодорожным транспортом. Депутат Думы А. Бубликов, назначенный комиссаром на транспорте, передал во все уголки страны телеграммы о начавшейся революции, о падении старого режима и о необходимости строгого выполнения распоряжений новой власти.

Правительство князя Голицына, собравшись на экстренное заседание, признало свою недееспособность, решило объявить об отставке Протопопова, сославшись на его болезнь, и обратилось с ходатайством о назначении над оставшимися верными войсками «популярного военачальника» и о составе ответственного министерства. Царь сместил Хабалова, заменив его героем Галицийской битвы генералом Н. Ивановым. Он наделил его широкими полномочиями для водворения порядка и передал в его распоряжение снятые с фронта войска. Вместе с тем Николай II признал, что «перемены в личном составе министерства при данных обстоятельствах недопустимы». Плохая

информированность царя подавала ему надежду, что он может лично справиться с «данными обстоятельствами». Однако время было упущено. Как отмечал в своих мемуарах Милюков, «в этот момент в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров. Беспорядки приняли обличье форменной революции».

Сведения о стремительно меняющейся обстановке в Петрограде вовремя не доходили в Ставку. Видимо, этим объясняется запись 27 февраля, в день восстания столичного гарнизона, в дневнике Николая II «Отвратительное чувство быть далеко и получать отрывочные беспокойные известия». Рано утром 28 февраля из Могилева отошли 2 литерных поезда («А» и «Б») — для царя и свиты. Впоследствии некоторые современники оценят отъезд Николая II из Могилева как роковую ошибку, из-за которой была утрачена связь между государем, Ставкой, Царским Селом и Петроградом. Его противники и недруги воспользовались этим обстоятельством. Однако оставаться далее в неведении было невыносимым для царя. К тому же он опасался за судьбу близких, которые могли подвергнуться нападению со стороны мятежных войск. Беспокойство отца за жизнь семьи, отягощенное заболеванием корью великих княжон, усугублялось сознанием серьезнейшей ответственности за будущее государства.

В течение суток литерные поезда двигались по своему маршруту беспрепятственно, но ранним утром 1 марта 1917 г. у Малой Вишеры были получены сведения, что дальше двигаться небезопасно: восставшие солдаты якобы уже заняли станции Любань и Тосно (на самом деле это было не так). До Петрограда оставалось каких-нибудь 150 верст, но связи со Ставкой или с Царским Селом не было. Царь принял решение ехать в Псков, в штаб Северного фронта, откуда по телеграфу можно было прояснить ситуацию. Круглым путем через Бологое—Старую Руссу—Дно поезда проследовали в Псков, куда они прибыли вечером 1 марта 1917 г.

За это время в Ставке, да и по всей стране в целом, произошли существенные изменения.

28 февраля для всех в столице было уже ясно, что происходит революция. Восставшие солдаты полностью овладели городом, в их руках находилась Петропавловская крепость, Адмиралтейство, Зимний дворец и другие важные объекты

города. Царское правительство ушло в отставку, ряд министров был арестован. Скрывавшийся ранее Протопопов добровольно явился в Таврический дворец и сдался первому встречному солдату со словами: «Я – Протопопов». Власть в Петрограде осуществляли Временный комитет Государственной Думы и исполком Совета, единства между ними с самого начала не было. Временный комитет считал, что созданием ответственного министерства в этой ситуации не обойтись, что от царя надо потребовать гораздо больших уступок, а именно – добиваться его отречения в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Настроение революционных солдат и рабочих стало, пожалуй, главным фактором радикализации обстановки. Их лозунги и действия были гораздо более решительными, чем у умеренных оппозиционеров, оказавшихся на гребне поднявшейся волны, способной смести все на своем пути.

28 февраля и 1 марта Родзянко постоянно находился на связи со Ставкой, главнокомандующими фронтами и флотами, информируя их о происходящем. М. Алексеев, ставший главной фигурой в Ставке после отъезда Николая II, все больше склонялся к мысли о поддержке Временного комитета Государственной Думы и его линии.

Поздно вечером 1 марта 1917 г., когда царь уже находился в Пскове, Алексеев телеграфировал ему о том, что необходимо «призвать ответственное перед представителями народа министерство». Алексеева в этом вопросе горячо поддерживал главнокомандующий Северной армией Н. Рузский, ссылаясь на мнение других главнокомандующих фронтов. В конце концов царь уступил давлению со стороны военных и направил в Царское Село генералу Н. Иванову телеграмму «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать». Тем самым он отказывался от силовых методов восстановления порядка и соглашался с условиями думского комитета.

Между тем в Петрограде, в ночь с 1 на 2 марта, вопрос о власти в стране получил неожиданное разрешение. В ходе переговоров между Временным комитетом Государственной Думы и исполкомом Петросовета была достигнута договоренность об образовании Временного правительства во главе с прибывшим накануне из Москвы князем Г. Львовым – председателем Земского союза.

**Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925)** был далеко не случайным человеком на российской политической арене. Видный деятель земского движения, он еще в начале века примкнул к либеральной оппозиции. Во время русско-японской войны он был руководителем общеземской организации по оказанию помощи раненым и больным воинам. Во время первой мировой войны он возглавлял Всероссийский земский союз, а с 1915 г. – объединенный Союз земств и городов (Земгор). На этой должности он многими рассматривался как один из официальных лидеров общественных группировок, противостоящих царизму. Был членом ряда масонских лож и имел поддержку различных политических сил от правых и умеренных до левых. Во всех составленных оппозицией за время войны списках он фигурировал либо в качестве премьера, либо министра внутренних дел. Хотя, по воспоминаниям П. Милюкова, именно он тратил «24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Львова против кандидатуры М. Родзянко». Однако, встав во главе правительства в роковое для России время, он не только не смог остановить распада страны, но подчас своими действиями немало способствовал тому. Умер он в эмиграции в крайней бедности.

В часы формирования Временного правительства между генералом Рузским и Родзянко состоялся разговор по прямому проводу с одновременной передачей его сути в Ставку для Алексева. Рузский сообщал в Петроград, что царь пошел на уступки и согласился с созданием «ответственного министерства» и отменой экспедиций генерала Иванова. Но вместо слов одобрения со стороны Родзянко было передано, что «династический вопрос поставлен ребром», т.е. от царя требовали отречения. Наступал решающий момент. Алексеев, контролируя положение в Ставке и на фронте, посчитал, что настало его время действовать, что именно он должен добиваться отстранения Николая II от престола. По своей инициативе Алексеев связался с главками всех фронтов и флотов, чтобы заручившись их поддержкой, ему было сподручнее оказывать прямое давление на государя. Все из оповещенных Алексеевым военачальников, за исключением командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. Колчака, оставившего циркуляр Алексева без ответа, согласились на отречение Николая II в пользу цесаревича. Дядя царя главком Кавказского фронта великий князь Николай Николаевич телеграфировал: «Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие». Позиция армейской верхушки не могла не оказывать должного воздействия на государя. По воспоминаниям генерала Савича, присутствовавшего при получении телеграмм от главкомов, Николай II, молча ознакомившись с ними, выслушав мнения собравшихся ге-



нералов Рузского, Савича, Данилова, сказал: «Я решил. Я отказываюсь от престола», и перекрестился. Спешно были составлены телеграммы Родзянко и Алексею о решении царя. Но передача их по телеграфу несколько задержалась ввиду приезда в Псков двух думских эмиссаров И. Гучкова и В. Шульгина, посланных к царю за отречением.

На встрече с эмиссарами, поздно вечером 2 марта 1917 г., Николай II заявил, однако, что он пересмотрел свое решение и, еще раз обдумав свое положение, пришел к заключению: ввиду болезненности сына «мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучиться с ним я не могу». Слова государя вызвали некоторое замешательство у присутствующих. Согласно закону о престолонаследии, принятому еще при Павле I, царствующий император мог отречься только за себя, даже если наследник престола несовершеннолетний. Впоследствии решение Николая II, нелегитимное с правовой точки зрения, трактовалось некоторыми современниками и историками как своеобразный маневр, предпринятый им для продолжения своего царствования. Концом этой драматической развязки стало добровольное согласие государя покинуть престол и передать его своему брату Михаилу Александровичу. В заранее подготовленный в Ставке Манифест об отречении, Николай II внес соответствующие изменения и 2 марта 1917 г. в 23 час. 40 мин. документ был подписан.

Затем, по просьбе Гучкова, царь подписал указы о назначении главой правительства князя Г. Львова, верховным главнокомандующим армией великого князя Николая Николаевича, командующим Петроградским военным округом генерала Л. Корнилова. В 1 час ночи 3 марта бывший царь уехал из Пскова в Могилев, записал в своем дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман».

Остановившись, как обычно, в доме могилевского губернатора, но уже как частное лицо, Николай Романов прервал официальные отношения со всеми. В этот же день, узнав об отречении Михаила Александровича от престола, он оставил в своем дневнике такую запись: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»

Младший брат царя **великий князь Михаил Александрович (1878–1918)**, горячо любимый сын императора Александра III, по характеру очень мало походил на своих отца и брата. Сочетавшись в 1912 г. морганатическим

браком с Н. Вульферт, до этого дважды разведенной, Михаил Александрович попал в немилость и был прощен только за свои боевые заслуги: во время войны сначала командовал «дикой дивизией», а затем занимал должность генерал-инспектора кавалерии. По отзывам знавших его людей, Михаил тяготился государственными делами, приняв раз и навсегда решение не вступать на престол ни при каких обстоятельствах.

Утром 3 марта на квартиру княгини Путятиной на Миллионной улице в Петрограде, где тайно с 28 февраля жил великий князь Михаил Александрович, явилась представительная делегация новой власти с весьма характерным составом участников: новый премьер Львов, Родзянко, Керенский, Некрасов, Терещенко, Ефремов, к которым вскоре присоединились только что вернувшиеся из Пскова Гучков и Шульгин. Большинство гостей, включая Родзянко и Львова, уговаривали великого князя не вступать на престол вплоть до определения будущей формы правления в России Учредительным собранием. Особую активность проявлял в этом плане А. Керенский, ссылающийся на широко распространившиеся антимонархические настроения среди народных масс. После некоторых колебаний Михаил Александрович внял уговорам и подписал Манифест об отказе от престола до решения Учредительного собрания. Как вспоминал Милюков (он и Гучков были противниками отречения Михаила), особенно радовался этому Керенский, который «был в восторге. Экзальтированным голосом он провозгласил: «Ваше Высочество, – Вы благородный человек! Теперь везде буду говорить это!».

События 3 марта фактически означали упразднение монархии в России, поскольку никто из царствующей династии не мог претендовать на трон в обход Михаила, передавшего всю полноту власти Временному правительству.

<b>Историческая оценка Февраля</b>	Долгие годы Февраль рассматривался в советской историографии как этап по пути перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Его самостоятельное значение явно недооценивалось историками. Исключение составляли работы Э. Бурджалова и Г. Иоффе, вышедшие в 1960–1980 гг. В последнее время, напротив, наметилась тенденция, связанная с идеализацией февральско-мартовских событий, которые трактуются как подлинно народная, демократическая революция, открывшая перед страной перспективу цивилизованного либерального развития, сорванную верхушеч-
--	---

ным, заговорщическим по своему характеру, Октябрьским переворотом.

Между тем современники и участники происшедших на исходе зимы 1917 г. в России глубоких социальных потрясений оценивали их как начало очередной русской смуты и трагедию народа. «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий», – писал П. Струве в знаменитом сборнике «Из глубины» (1918). Другой русский мыслитель Ф. Степун отмечал, что люди Февраля (к ним он причислял и себя) несли не менее, а может быть и более тяжелую ответственность перед страной и историей за случившееся, чем большевики.

При этом он подчеркивал, что «в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению», с чем новые вожди России оказались не в состоянии справиться. Невероятные амбиции и самоуверенность бывших лидеров оппозиции сменились растерянностью и беспомощностью в практических делах. Растратив всю свою энергию и силы на дискредитацию и борьбу с царским режимом, российские либералы и демократы в условиях распада традиционной монархической государственности, который они долгие годы готовили, оказались не способными к созидательной государственной работе. Отречением царя дело не ограничилось. Февральский переворот имел тяжелые последствия для России и ее народа, вынужденного до конца испытать чашу торжествующей революции.

## **§ 2. Общественно-политическая обстановка в стране весной 1917 г.**

<b>Организация власти в центре и на местах</b>	Установление двоевластия Временного правительства и Петроградского Совета явилось главным своеобразием политической ситуации в стране после свержения самодержавия. Между тем термин двоевластие, которым широко пользовались современники и применяют историки, далеко не полно отражает всю противоречивость проблемы власти и ее состояния весной 1917 г. как в центре, так и на местах.
--	---

В сформированное в Петрограде в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. Временное правительство вошли 11 человек: Г. Львов – ми-

нистр-председатель и министр внутренних дел, П. Милюков (кадет) – иностранных дел, А. Гучков (октябрист) – военный и морской министр, Н. Некрасов (кадет) – путей сообщения, А. Коновалов (прогрессист) – торговли и промышленности, М. Терещенко – финансов, А. Мануйлов (кадет) – просвещения, А. Шингарев (кадет) – земледелия, А. Керенский (трудолик, затем эсер) – юстиции, В. Львов – обер-прокурор Синода, И. Годнев (октябрист) – государственный контролер.

Состав кабинета, в основном совпавший с тем, который намечался в 1915–1916 гг., отражал возросшее влияние кадетов (5 министров из 11). Умеренно-либеральными были и первые шаги нового правительства России. Главные задачи своей внутренней политики оно обнародовало в Декларации 3 марта 1917 г. В ней объявлялось о полной и немедленной политической амнистии; установлении свободы слова, печати, собраний для всех граждан независимо от сословий и национальности и распространении этих положений на военнотружущих; немедленной подготовке на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования выборов Учредительного собрания, которое должно будет установить форму будущего правления и конституцию страны; замене полиции народной милицией; перестройке местного самоуправления. В Декларации особым пунктом предусматривалось неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционных выступлениях и при этом подчеркивалась необходимость сохранения строгой воинской дисциплины. Для солдат устранялись все ограничения в пользовании общественными правами, в которых они приравнивались со всеми остальными гражданами.

Примечательно, что Декларацию наряду с министрами Временного правительства подписал и председатель Государственной Думы М. Родзянко, хотя о судьбе представительных органов старого режима (Думы и Государственного Совета) в самом тексте Декларации ничего не говорилось. Не были в ней точно определены и пределы полномочий нового правительства.

И это было неслучайным, а отражало реальное положение дел, когда Временное правительство, с одной стороны, стремилось максимально укрепить свою власть, что выразилось в сосредоточении в руках одного органа и законодательных и исполнительно-распорядительных функций, а с другой, в своей деятельности испытывало серьезные ограничения решениями Петросовета.

В ту же ночь, когда было образовано Временное правительство, Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов был издан получивший широкую известность приказ № 1. Он адресовался столичному гарнизону, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и матросам флота для немедленного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения. В приказе предписывалось создать выборные комитеты из представителей нижних чинов во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах, в отдельных службах и на судах военного флота; воинские части, не имевшие представителей в Совете, должны были избрать своих депутатов. Главным в приказе № 1 был третий пункт, согласно которому во всех своих политических выступлениях воинская часть должна подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Тем самым принцип единоначалия, являющийся основополагающим принципом для любой армии, фактически уничтожался. Более того, в приказе предусматривалось, что всякого рода оружие передавалось в распоряжение и под контроль солдатских комитетов, которые становились подлинными хозяевами воинских частей.

Приказ № 1, с ликованием встреченный солдатскими массами, имел роковые последствия для судеб армии и всей страны. Русская армия становилась заложником в борьбе различных политических сил, сама превращаясь в один из инструментов политики. В условиях продолжающейся войны это вело к значительному снижению боеспособности воинских формирований и наносило огромный ущерб обороноспособности страны. Армия из важнейшего института государства превращалась в средство его разрушения.

Силу противостояния Временного правительства и Петросовета, явно продемонстрированную в документах, принятых в это время, тем не менее, не следует преувеличивать. В первые дни революции отчетливо проявилось и обоюдное стремление к взаимодействию. Характер взаимоотношений официальной власти и революционной демократии отнюдь не исчерпывался известной формулой: «власть без силы и сила без власти». Еще 1 марта в ходе переговоров с думским комитетом члены Исполкома Совета заявили, что они будут поддерживать Временное правительство постольку, поскольку оно будет осуществлять согласованную с Исполкомом программу. Идеи сотрудничества были положены и в основу работы так называемой «Контакт-

ной комиссии» в составе Н. Чхейдзе, М. Скобелева, Ю. Стеклова, Н. Суханова и В. Филипповского, созданной в середине марта Исполкомом для выработки совместной с правительством политики и осуществления «непрерывного контроля» за ним.

В еще большей степени, чем в столице, коалиционный характер новая власть приобрела на местах. 1 марта 1917 г. в Москве был создан Комитет общественных организаций, в большинстве своем состоявший из представителей рабочих и демократических организаций. Образованный в этот же день Московский Совет рабочих депутатов признал Комитет полноправным органом власти и указал на необходимость совместной с ним работы. Комитеты общественных организаций или общественной безопасности (в разных губерниях они получили различные названия) были представительными органами широкой общественности от земцев и кооператоров до рабочих и солдат. Так, в Ярославский комитет общественного порядка вошли работники губернской земской управы, городского самоуправления, союза кооперативов, делегаты от крестьян, Совета рабочих депутатов, профсоюзов, воинских частей и журналисты местных газет. Из состава комитета (78 человек) избирался исполнительный орган (исполком) во главе с председателем, исполнявшим обязанности временного руководителя края. Общественные исполнительные комитеты, на которые опиралось Временное правительство, были таким же результатом революционного творчества масс, как и Советы, тесно сотрудничавшие с ними в эти весенние месяцы.

Важным инструментом новой власти на местах являлись комиссары Временного правительства, которые заменили бывших губернаторов. Как правило, они назначались из числа председателей земских или городских управ или лидеров других общественных организаций. В Москве первым городским комиссаром стал городской голова М. Челноков, известный кадет, возглавлявший Всероссийский союз городов. В Московской губернии губернским комиссаром был назначен председатель земской управы полковник А. Грузинов, в Тульской – заведующий губернской земской кассой мелкого кредита меньшевик С. Дзюбин. К маю 1917 г. в стране было 57 губернских комиссаров и 353 уездных, в основном кадетов или близких к ним. Позже их заменили во многих местах меньшевики и эсеры.

Таким образом, в чистом виде противостояние «буржуазных» органов власти Советам было характерным, пожалуй, только

для столицы и только в известные периоды политических кризисов. Определяющим же в их отношениях было стремление к взаимодействию и сотрудничеству на основе достигнутых соглашений. На местах, в провинции, коалиционность властных структур проявлялась в еще большей степени во многом из-за смешения функции управления и самоуправления, причудливо дополняемых действиями «прямой» демократии, распоряжениями многочисленных общественных организаций.

Сформировавшаяся после падения монархии структура государственной власти давала возможность правительству опереться на широкую поддержку в своих преобразованиях, но в этом заключался и серьезный источник возможных будущих потрясений, становившихся все более реальными в условиях возрождения многочисленных политических партий.

**Многопартийность и политическая борьба** По подсчетам историков, в марте-октябре 1917 г. в стране действовало не менее 220 различных политических партий и групп, как общероссийских, так и национальных. Прежняя партийная структура переживала серьезную перестройку. Одни партии покинули политическую арену, другие вышли из подполья и для них настал период невиданного взлета, третьи только начали оформляться.

Прекратили свое существование и распались правомонархические партии и организации – Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и др. Октябристы, являвшиеся до революции одной из влиятельных либеральных партий, практически сошли со сцены, уступив место кадетам, ставшим господствующей либерально-демократической партией страны.

Победа Февральской революции, в достижении которой кадетам наряду с меньшевиками принадлежала ведущая роль, в одночасье превратила партию Народной свободы (ПНС) из оппозиционной в правящую. Идейную основу правительственной программы составили кадетские положения и лозунги. Главную свою задачу они видели в продолжении войны, подготовке и проведении Учредительного собрания, которое должно было определить решение всех принципиальных вопросов, стоящих перед страной. Поэтому до окончания войны и созыва Учредительного собрания, как полагали кадеты, осуществление глубоких социально-экономических преобразований следует отложить. Они выступали против немедленного введения 8-часового рабочего дня, уклонялись от радикального решения

аграрного вопроса, отрицательно относились к автономии национальных окраин. В конце марта 1917 г. состоялся VII съезд конституционных демократов, внесший коррективы в программу действий партии. Пересмотрев устаревшее положение о конституционной монархии, кадеты единодушно признали, что «Россия должна быть демократической парламентской республикой». На съезде обсуждался вопрос о возможном соглашении с меньшевиками и хотя формально тактика левого блока была отвергнута большинством делегатов, но на практике кадетские лидеры придерживались ей в своей политике. После революции кадетам удалось сохранить и даже преумножить авторитет партии в либеральных кругах общества и части умеренно правых, среди интеллигенции, студенчества, чиновничества, офицерства. Весной 1917 г. ряды партии стремительно росли. По уточненным данным в марте-апреле, ее общая численность достигла 100 тыс. чел., в стране действовало более 380 местных комитетов кадетской партии.

Но наибольший взлет популярности в это время пришелся на социалистические партии и, прежде всего, меньшевиков, переживших свой звездный час. Именно меньшевики — умеренные социал-демократы возглавили в марте 1917 г. революционно-демократический лагерь. Их лидерство по отношению к другим левым партиям (эсерам, энесам, большевикам) было обусловлено не столько массовостью их партии (численность меньшевиков совместно с объединенными организациями РСДРП, куда входил и ряд местных большевистских комитетов, оценивается в мае 1917 г. в 50 тыс. чел., а к концу лета в 190 тыс.), сколько их идейным влиянием на большинство рабочих, что нашло свое выражение и в преобладании меньшевиков среди руководства общественных организаций трудящихся: Советов, фабзавкомов, профсоюзов, кооперативов.

Несмотря на внутрипартийные противоречия и наличие фракционных групп и течений можно говорить об относительном идеологическом единении меньшевизма. Общим для всех меньшевиков было признание того, что Россия после свержения самодержавия вступила в стадию буржуазно-демократической революции, последовательное завершение которой открывало перед страной длительную эпоху «культурного, цивилизованного» капитализма, постепенно создающего предпосылки будущего социалистического строя. Исходя из этого меньшевики поддерживали Временное правительство, добива-



ясь эффективного контроля за ним со стороны революционной демократии.

Главным вопросом, разделившим меньшевиков, как впрочем и все международное социалистическое и рабочее движение, был вопрос о войне. На правом фланге российской социал-демократии оказались Г. Плеханов и его давние соратники В. Засулич и Л. Дейч. К меньшевикам-«оборонцам» принадлежали А. Потресов, В. Левицкий (В. Цедербаум) и ряд бывших ликвидаторов-публицистов. Левое крыло меньшевизма занимали Ю. Мартов и его сторонники – меньшевики-интернационалисты (О. Ерманский, Ю. Ларин, А. Мартынов и др.). Они последовательно выступали против войны, продолжая считать ее империалистической и после Февраля. К группе Мартова примыкала небольшая организация «внефракционных объединенных социал-демократов», сплотившихся вокруг фигуры М. Горького. Их центром и печатным органом стала газета «Новая жизнь», редактируемая наряду с Горьким В. Базаровым и Н. Сухановым. Но наибольшим авторитетом среди меньшевиков весной 1917 г. пользовались центристы: И. Церетели, Ф. Дан, М. Либер, М. Скобелев и Н. Чхеидзе. Они были сторонниками «революционного оборончества», т.е. защиты революционного Отечества, и оказывали серьезное влияние на массы. Н. Чхеидзе занимал пост руководителя исполкома Петроградского Совета РД и ВЦИКа, Ф. Дан являлся теоретиком партии и известным публицистом, И. Церетели был прекрасным оратором и одним из вождей революционной демократии, блока меньшевиков и эсеров.

До 1917 г. социалисты-революционеры не были массовой политической партией. Но после революции в России, с ее многомиллионным крестьянским населением, у эсеров, исповедующих идеи неонароднического социализма, появились огромные возможности. Это показали уже первые недели после падения царизма, когда только в течение марта 1917 г. численность партии достигла полумиллиона человек (так называемые «мартовские эсеры»). Эсеровская программа «социализации земли» была самой популярной в русской деревне. К тому же эсеры проявили себя как опытные агитаторы и пропагандисты, умевшие привлекать на свою сторону не только крестьян, но и сотни солдат и рабочих.

Признанным вождем и идеологом партии социалистов-революционеров (ПСР) был В. Чернов. В его ближайшее окруже-

ние входили Н. Авксентьев и А. Гоц. У эсеров, также как и у меньшевиков, выделялось сильное левое крыло интернационалистов, к которому принадлежали М. Спиридонова, Б. Камков, А. Колегаев и П. Прошьян.

По большинству принципиальных вопросов эсеры пошли за меньшевиками, хотя их и разделяли с социал-демократами существенные различия в идеологии. Однако, исходя из оценки текущего момента, В. Чернов полагал, что «в объединении всей демократии на общей основе» и в тесном сотрудничестве с социалистическими элементами заключено спасение России. Основу такого объединения, по мнению эсеровского руководства, должна составить «реальная коалиция всех классов».

Идеи межпартийного сотрудничества социалистов в марте 1917 г. разделяли и большевики. Роль этой партии в событиях Февральской революции долгое время преувеличивалась советской историографией. Однако большевиков вряд ли следует причислять к истинным «героям Февраля». Даже по самым смелым оценкам численность РСДРП(б) по всей стране в марте не превышала 24 тыс. членов, а в обеих столицах – Петрограде и Москве – более 1500 чел. Руководство партийной работой в России осуществлялось Русским бюро ЦК РСДРП(б) во главе с А. Шляпниковым, В. Молотовым и П. Залуцким, которые с момента возникновения Временного правительства заняли по отношению к нему резко отрицательную позицию. Однако уже 12 марта 1917 г., после возвращения из ссылки в Петроград группы «старых» большевиков (Л. Каменева, Н. Муранова и И. Сталина), политический курс партии был круто изменен. В редакции «Правды» произошли кадровые перестановки и партийный актив был переориентирован на союз с блоком меньшевиков и эсеров и условную поддержку Временного правительства. Новую политическую линию одобрило Всероссийское совещание партийных работников РСДРП(б), проведенное в Петрограде 27 марта – 2 апреля 1917 г.

Но едва завершилась работа партийного форума, как вновь произошло коренное изменение стратегии и тактики большевиков.

3 апреля 1917 г. в Петроград после долгих лет эмиграции вернулся В. Ленин. Вождь большевиков, еще находясь за границей, выступил решительным противником Временного правительства и призвал к переходу от первого буржуазно-демократического этапа ко второму социалистическому этапу

революции. Концепция такого перехода была изложена Лениным в «Апрельских тезисах» и закреплена решениями VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (24–29 апреля 1917 г.) Ленин в определенной степени сумел повлиять на настроения умеренных большевиков и предложил своей партии новые ориентиры. Основными политическими лозунгами момента для большевиков стали требования полновластия Советов, заключения немедленного мира, национализации земли при конфискации помещичьих хозяйств, установление рабочего контроля над производством и потреблением. Эти меры рассматривались Лениным не как непосредственное введение социализма, а лишь как шаги к нему, возможные только при революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в форме республики Советов.

Курс большевиков на передачу власти Советам, по мнению меньшевиков и эсеров, разрывал единый фронт революционной демократии. Но это было одним из следствий процесса формирования многопартийности, когда лидеры различных партий предлагали свои проекты будущего развития и пытались их реализовать. Если умеренные социалисты стремились не допустить опасного углубления революции, то Ленин и большевики, наоборот, считали, что только движение к социализму способно вывести страну из тупика.

<b>Внутренняя и внешняя политика Временного правительства</b>	Российские либералы, оказавшиеся у власти в 1917 г., находились в сложном положении. С одной стороны, они были ограничены в своих действиях постановлениями Советов, с которыми вынуждены были считаться, с другой, у них явно отсутствовал опыт созидательного государственного строительства. К тому же, одну из своих главных задач правительство связывало с продолжением войны, что делало его крайне не популярным в глазах широких народных масс. Все это могло быть компенсировано за счет ясного представления о последовательности предстоящей реформаторской работы правительства и наличия у него твердой политической воли. Но, как оказалось, ни тем, ни другим новое правительство не обладало. Временный характер власти, подчеркнутый в названии кабинета министров, отражал переходный этап российской государственности.
---	---

В Декларации Временного правительства от 3 (16) марта, а затем и в его обращении «К гражданам России» от 6 (19) марта

1917 г. решение многих общественно важных вопросов отодвигалось в отдаленную перспективу. Между тем народ жаждал быстрых перемен. Первые шаги Временного правительства в социально-экономической сфере трудно назвать творческими, поскольку в основном они продолжали политику царской власти на повышение роли государства в управлении экономикой. 25 марта (7 апреля) 1917 г. правительство издало постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и его местных продовольственных органов», устанавливающее монополию государства на хлеб и твердые цены на него. Во вновь образованные продовольственные комитеты наряду с правительственными чиновниками вошли представители кооперации и других демократических организаций. 20 марта (2 апреля) был издан долгожданный кооперативный закон, определявший правовую основу деятельности многочисленных кооперативов и их союзных объединений.

Закон о хлебной монополии, сам по себе в период войны являлся необходимой и прогрессивной мерой, рассчитанной на ограничение свободной торговли и интересов частных предпринимателей. Однако в реальной обстановке правительство, не имея собственного продовольственного аппарата, вынуждено было привлечь к его выполнению частные торгово-промышленные круги и кооперативы. Кооперация могла бы стать главной опорой власти, но в действительности, хлебозаготовками занимались практически все общественные организации, способные получить наряды министерства, что вело к срыву монополии и спекуляции продовольствием.

Попытки расширить государственное влияние предпринимались и в других сферах. Под руководством министра финансов А. Шингарева была начата работа «по подготовке общего плана и первоочередным мерам финансовой реформы». Большое внимание стало уделяться регулированию производственных отношений и достижения социального партнерства между трудом и капиталом. 10 (23) марта при посредничестве министра торговли и промышленности А. Коновалова было достигнуто соглашение, по которому предусматривалось установление 8-часового рабочего дня, признание фабрично-заводских комитетов, для разрешения конфликтов, «примирительных камер», состоящих поровну из представителей рабочих и администрации. Правительство обязалось кодифицировать трудовые отношения, под-

нять их на «европейский» уровень и создать централизованную систему регулирования споров.

Тем не менее на практике вмешательство государства в трудовые отношения не смягчали накал социальной напряженности на производстве, а порою, напротив, приводили к новому витку противостояния. Фабзавкомы выходили далеко за пределы предоставленных им полномочий и требовали установления своего полного контроля на предприятиях, сводя права администрации до минимума. И на этом пути они нередко вступали в конфликт не только с правительством или предпринимателями, но и с партийными, профсоюзными организациями и Советами, которые каждый по-своему пытались руководить деятельностью фабзавкомов.

Временное правительство пошло на серьезную реформу местных органов власти, подготовив новые законы о городском и земском самоуправлении. Закон о волостном земстве 21 мая (3 июня) учреждал земские волостные собрания и управы, упраздняя архаичный институт земских начальников и органы сословного крестьянского управления. Впервые на волостном уровне вводился демократический принцип всеобщих, прямых и равных выборов при тайном голосовании. Значительно расширялась компетенция земских органов и сами они распространялись на новые территории России. В целом же реформа системы местных органов власти при существующих параллельно общественных исполкомах, Советах и других самостоятельных организациях не способна была преодолеть политический хаос и правовой беспорядок в провинции, а во многом только усугубляла его.

Следует отметить характерную особенность законодательной деятельности Временного правительства. Юридически выверенные акты страдали одним большим недостатком — они слабо учитывали политическую ситуацию в стране, весьма бурную и быстро меняющуюся. При этом без внимания правительства оставалось правовое разрешение принципиально важных вопросов.

Так, из 8 пунктов программы Временного правительства, объявленной в Декларации 3 марта, 3 наиболее главных (об Учредительном собрании, о земле и о войне) оказались заранее обреченными на невыполнение. Все они ставились в зависимость от воли Учредительного собрания, но за 8 месяцев

своего существования Временное правительство так и не смогло создать этот орган народного представительства — «Хозяина земли Русской». Созданное 13 (26) марта Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание начало свою работу только в конце весны, а завершило уже осенью 1917 г. накануне октябрьского выступления большевиков.

Также в зависимость от мнения Учредительного собрания ставилось окончательное разрешение вопроса о земле. Однако подъем крестьянского движения за землю весной 1917 г. заставил правительство пойти навстречу требованиям крестьян и объявить о проведении аграрной реформы. 21 апреля (4 мая) вышло правительственное постановление «Об учреждении земельных комитетов». В задачи комитетов входила лишь подготовка земельной реформы и разработка «неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». Все земельные комитеты объявлялись органами министерства земледелия, но созданные вскоре волостные земельные комитеты, вместо того чтобы стать проводниками правительственной политики, активно поддерживали крестьянскую борьбу против помещиков и власти.

Таким образом, многие из мероприятий Временного правительства, призванные смягчить и снять напряжение в обществе, только усугубляли противоречия и его раскол. Неосмотрительные попытки внедрения западных либеральных моделей развития в условиях продолжающейся революции не усиливали новую российскую государственность, а подрывали ее зыбкие основы. И в то же время разбуженное свободой общество отвергало пока и прямолинейные, волевые подходы как слева, так и справа, вызывавшие неприятные воспоминания о прошлом и бурную реакцию населения.

Одним из важнейших вопросов для России оставался вопрос о продолжающейся войне и путях достижения мира. 14 (27) марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял манифест «К народам всего мира». В нем содержался призыв к борьбе против империалистических целей войны и одновременно признавалась революционная война России против Германии. Лозунги защиты революционного Отечества и установления «демократического мира без аннексий и контрибуций» стали популярным требованием революционной демократии. Между тем еще 4 марта министр иностранных дел П. Милюков послал депешу российским дипломатам за грани-

ду, в которой выражал твердую решимость новой власти строго соблюдать международные обязательства старого режима и продолжать войну до победы. Противоречие между правительством и Советами по вопросам о характере войны и ее окончании рано или поздно должно было разрешиться.

18 апреля (1 мая) 1917 г. в Международный день пролетарской солидарности Милюков направил ноту союзникам, в которой заверил их, что Россия будет вести войну до решительной победы. Это вызвало возмущение в среде сторонников Советов. На улицах Петрограда прошли многотысячные демонстрации рабочих города и солдат гарнизона с призывами «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!». В кабинете министров было решено дезавуировать заявление Милюкова, пожертвовать им и военным министром А. Гучковым – наиболее откровенными сторонниками продолжения войны – и пойти на формирование нового коалиционного состава министров с участием представителей Советов.

5 (18) мая было образовано первое коалиционное правительство. Его вновь возглавил Г. Львов. В новом кабинете осталось 10 министров-капиталистов и 6 министров-социалистов (А. Керенский, М. Скобелев, И. Церетели, А. Пешехонов, В. Чернов, П. Переверзев). Произошло перераспределение министерских портфелей. М. Терещенко занял пост министра иностранных дел, А. Керенский стал военным министром. Фактически исполком Петросовета спас Временное правительство, направив своих представителей в его состав. Вместе с тем, революционная демократия отныне несла ответственность за политику официальной власти и не могла уже ограничиваться исключительно контрольными функциями. Правительственный блок либералов и умеренных социалистов получил возможность провести в жизнь скорректированную программу, выработанную на этот раз в основном посланцами Совета. Новая программа Временного правительства предусматривала скорейшее заключение демократического мира, установление всеобъемлющего государственного контроля и регулирования экономики, усиление налогообложения имущих классов и защиту труда. Это была серьезная уступка революционной демократии.

Однако правительственные декларации имели свойство устаревать едва ли не в тот день, когда они публиковались. В общественной атмосфере мая 1917 г. уже явственно ощущалось приближение новой грозы.

**Социальная  
напряженность  
и раскол  
революцион-  
ной демокра-  
тии**

Создание коалиционного министерства воспринималось в обществе как подтверждение силы нарастающего народного недовольства политической правящих кругов. Вхождение представителей Советов в правительство должно было, по мнению многих, сбить стихию выступлений и анархии, грозящей развалом фронту и тылу. Но

этого не произошло. Конец весны – начало лета 1917 г. были отмечены очередным витком революционной активности масс и усилением среди них влияния радикального крыла революционной демократии – большевиков.

Ожидание крестьян разрешения аграрного вопроса новой властью сменилось актами прямого действия, захватами помещичьих земель, разгромами барских усадеб. Через свои низовые организации крестьяне предпринимали попытки установить контроль над сельскохозяйственным производством, распределением семенного фонда, использованием лесов. В мае-июле 1917 г. в ряде районов страны крестьянские комитеты брали дворянские имения в свое управление. Только в Пензенской губернии в течение июля число таких случаев достигло восемнадцати.

К лету 1917 г. в основном завершился процесс оформления всекрестьянской организации. Наряду с Всероссийским крестьянским союзом (ВКС), в возрождении которого большую роль играла партия народных социалистов (энесы), складывалась система Советов крестьянских депутатов снизу доверху. Организационную и финансовую поддержку Советам оказывали эсеры и кооперация. В мае 1917 г. в Петрограде состоялся I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Подавляющее большинство делегатов поддержало партию социалистов-революционеров, которые осуществляли общее руководство работой съезда. Его председателем был избран член ЦК ПСР Н. Авксентьев. В президиум вошли лидеры эсеров, «бабушка русской революции» – Е. Брешко-Брешковская, В. Чернов, В. Фигнер, С. Маслов. По всем вопросам были приняты резолюции, предложенные эсерами. В постановлении съезда по аграрному вопросу говорилось, что до Учредительного собрания все земли «должны перейти в ведение земельных комитетов», что фактически означало отмену помещичьего землевладения. Одна



ко окончательное право решения аграрного вопроса признавалось за Учредительным собранием, а крестьян призывали оказывать содействие земельным комитетам в подготовке реформы, в основу которой должен быть положен принцип перехода всех земель «в общенародное достояние для уравнилельно-трудоого пользования без всякого выкупа». В. Ленин в своей речи на съезде предложил объявить землю всенародной собственностью и немедленно приступить к ее бесплатной передаче крестьянам, а не ждать решения Учредительного собрания.

Подобные заявления вождя большевиков резко контрастировали с позицией лидера эсеровской партии, министра земледелия Временного правительства В. Чернова, который постоянно подчеркивал, что никакие кардинальные меры не должны быть предприняты до созыва Учредительного собрания. На фоне таких слов все больший отклик в деревне находили лозунги левых эсеров о необходимости решительной борьбы за землю. Показателем радикализации обстановки на селе стали факты выступлений деревенской бедноты не только против помещиков, но и против зажиточных крестьян, кулаков, хуторян, отрубников.

Особым размахом в это время отличалось рабочее движение. Резко возросла забастовочная активность пролетариата. Если в марте-апреле забастовки составляли 4 % от общего числа рабочих выступлений, то в мае-июне уже 41 %. Фабрично-заводские комитеты все чаще стали вмешиваться в решение вопросов, связанных с получением заказов, финансированием поставок сырья, распределением продукции, т.е. вторгались в сферу непосредственного управления производством. Среди фабзавкомов заметно укрепились позиции большевиков. Это показала I Петроградская общегородская конференция фабзавкомов, проходившая 30 мая – 3 июня (12–16 июня) 1917 г. Подавляющим большинством голосов на ней была принята резолюция «Об экономических мерах борьбы с разрухой», написанная Лениным. Из 25 чел. Центрального совета ФЗК Петрограда, избранных на конференции, 19 были членами РСДРП(б): Н. Скрыпник, П. Трошин, Г. Федоров, В. Чубарь, А. Шляпников и др.

Важным направлением деятельности фабзавкомов стала организация Красной гвардии, которая создавалась по производственному принципу на предприятиях и заменила собой распущенную ранее правительством рабочую милицию. Наиболее

многочисленными были отряды и дружины Красной гвардии Петрограда. К июлю 1917 г. они достигли 5–6 тыс. чел., только на заводах и фабриках Выборгской стороны в их рядах состояло 2 тыс. вооруженных рабочих. Отряды Красной гвардии возникли также в Москве, городах Центрально-промышленного района, Урала, Донбасса. В своей работе по охране порядка в рабочих районах они были тесно связаны с ячейками РСДРП(б), функционирующими на производстве. К моменту Октябрьского восстания по всей стране насчитывалось до 100 тыс. красногвардейцев, решительно поддерживавших выступления большевиков.

С другой стороны, в профессиональных союзах позиции умеренных социалистов были предпочтительнее. В отличие от фабзавкомов, объединяющих рабочих одного предприятия, профсоюзы строились по отраслевому принципу. Нередко на одном заводе трудились рабочие разных союзов. К лету 1917 г. профсоюзы объединяли около 1,5 млн. членов. Крупнейшими были организации металлистов (425 тыс.), текстильщиков (128 тыс.), печатников и портных (по 45 тыс. чел.). Большевики уделяли большое внимание развитию профобъединений, рассматривая их наряду с рабочей кооперацией и политической партией одной из трех ветвей общепролетарского движения.

Вопрос о единстве действий рабочего класса и всей революционной демократии летом 1917 г. приобрел необычайную актуальность в связи с проведением в Петрограде I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 3–24 июня (16 июня – 7 июля) 1917 г. На съезд прибыло 1090 делегатов (822 – с решающим голосом и 268 с совещательным), представлявших почти 400 местных Советов и солдатских организаций. Из 777 участников съезда, заявивших о своей партийности, было 285 эсеров, 248 меньшевиков, 105 большевиков, 32 меньшевика-интернационалиста, 10 меньшевиков-объединенцев. Основными вопросами обсуждения на съезде были об отношении к войне и к Временному правительству.

С докладом о позиции революционной демократии к власти выступил меньшевик М. Либер. Он отверг любую возможность перехода власти к Советам, указав, что это привело бы к «полной изоляции рабочего класса». Его поддержал И. Церетели. В своей речи министр почт и телеграфов заявил, что «в России нет политической партии, которая бы говорила: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место». В ответ

на эти слова из зала последовала знаменитая ленинская реплика: «Есть!». Выйдя на трибуну, лидер большевиков продолжил: «Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

То, что ленинское выступление не было пустой декларацией, подтвердили события последующих дней. Большевики призывали своих сторонников провести 9 июня демонстрацию против Временного правительства с требованием передачи власти Советам, но из-за разногласий внутри руководства партии и возражений участников съезда решили ее отложить. Когда 18 июня уже по постановлению самого съезда прошла грандиозная четырехсоттысячная манифестация рабочих и солдат Петрограда, стало ясно, что в революционном движении начинают преобладать большевистские лозунги. На транспарантах, с которыми прошли демонстранты по улицам города было написано: «Вся власть Советам», «Долой десять министров-капиталистов», «Пора кончать войну». Трудящиеся столицы и солдаты гарнизона все больше попадали под воздействие радикализма большевиков и своими выступлениями накаляли обстановку в Петрограде, обостряя ее до предела. В значительной степени этому способствовали также и разочарование в правительственной коалиции, и ухудшающееся экономическое положение населения, и продолжающаяся война.

Однако в Москве и других городах России умеренные социалисты по-прежнему уверенно руководили Советами и стремились к поиску компромиссов внутри демократического лагеря. Правда, серьезным симптомом возможного грядущего изменения настроений в провинции было то, что в отдельных промышленных центрах (Иваново-Вознесенске, Сормове) все громче звучали призывы в пользу полновластия Советов и отстранения буржуазии от власти. Различная степень напряженности политических процессов, протекавших в столице и в остальной стране, давала определенные преимущества меньшевистско-эсеровским лидерам революционной демократии, которые сумели использовать данное обстоятельство в своих целях. В избранный на I съезде новый руководящий орган Советов – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) – вошли в основном умеренные социалисты. Из 256 членов ВЦИК меньшевики составляли 107 чел., 101 были эсерами. Представители РСДРП (б) получили лишь 35 мест.

Казалось, это могло служить гарантией от дальнейшего раскола советского блока, но противоречия между крайними флангами только обострились.

Левое крыло революционной демократии, неудовлетворенное политическим курсом «соглашателей», попыталось опереться непосредственно на революционные массы. Различное понимание перспектив революции в России партийными вождями и теоретиками усугубляли разногласия между социалистами. Большевики решили придерживаться активной тактики и взяли на себя роль авангарда революционного движения, усиленно организуя давление на власть. С этой целью они использовали провал наступления русской армии на фронте, начавшегося 18 июня 1917 г. и организованного при деятельном участии военного министра А. Керенского.

**Александр Федорович Керенский (1881–1970)**, как отзывались о нем современники, «первый любовник» русской революции – прожил долгую и драматическую жизнь. Его звезда на политическом небосклоне страны возшла сразу после Февральской революции, сделав его самым популярным политиком среди демократов. Пик его карьеры пришелся на лето 1917 г. Заняв в мае пост военного и морского министра 1-го коалиционного состава Временного правительства, он фактически возглавил кабинет министров. Пытаясь приостановить развал армии, страдавшей из-за действий солдатских комитетов, он в стремлении восстановить боеспособность, порядок и дисциплину в войсках, впервые в русской армии ввел институт военных комиссаров, предоставив им широкие полномочия. Однако на фронте к этой мере отнеслись неоднозначно. Боевое офицерство считало, что тем самым закрепляется двоевластие в войсках. По некоторым данным Керенский, в свое время давший зарубежным «братьям» масонскую клятву никогда не оставлять союзников в войне, считал недопустимым заключение мира. В течение мая-июня 1917 г. он неоднократно бывал на фронте и, выступая на многочисленных митингах, уговаривал солдат идти в наступление, за что получил прозвище в войсках «главноуговаривающий». Еще до июльских событий в деятельности Керенского проявились элементы бонапартизма – лавирования между различными политическими силами и отсутствие четко выраженной определенной позиции. Много лет спустя Керенский так охарактеризовал свою деятельность: «Я всю жизнь боролся с представителями контрреволюции справа и слева, и всю жизнь они меня били, то врозь, то вместе». Но русского Наполеона из Керенского не получилось.

Развернувшееся рано утром 18 июня наступление первоначально имело успех. 8-я армия Л. Корнилова, прорвав фронт шириной в 50 км, продвинулась вперед на 30 км. Был взят ряд городов, в том числе Галич. Но другие армии Юго-Западного фронта забуксовали, и к началу июля общее наступление русской армии захлебнулось. Неудачи на фронте совпали с новым внутривластным кризисом 3–5 июля 1917 г.

Прологом июльского кризиса стал выход из правительства 2 (15) июля 1917 г. четырех министров-кадетов (А. Шингарева, Д. Шаховского, А. Мануйлова и В. Степанова), покинувших кабинет в знак протеста против признания автономии Украины, о которой Керенский, Церетели и Терещенко договорились с Центральной Радой. Это соглашение, по мнению кадетского ЦК, нарушало волю Учредительного собрания определять политическое будущее страны. Безусловно, министерский демарш являлся мерой давления на социалистов с целью корректировки их политики в сторону ее ужесточения, но и был проявлением растущих противоречий внутри коалиции. Неожиданно для всех он вызвал бурную реакцию рабочих и солдат Петрограда.

Вечером 3 июля в правительство и в Совет поступили первые сообщения о беспорядках в городе. На улицы из казарм вышли солдаты 1-го пулеметного полка, 1-го запасного пехотного полка, прибывшие из Кронштадта матросы и другие воинские части. В ночь с 3 на 4 июля к ним присоединились 30 тыс. рабочих Путиловского завода. Огромная толпа народа буквально осадила Таврический дворец, где располагался ВЦИК, и требовала отставки всех министров-капиталистов и передачи власти Советам. Митингующие были уверены, что именно буржуазные министры несут главную ответственность за углубляющуюся экономическую разруху и продолжающуюся войну.

Источник происхождения событий 3-5 июля до сих пор не вполне ясен. Определенно можно сказать, что первоначальный порыв выступления был вызван нежеланием революционно настроенных частей гарнизона покидать столицу и отправляться на фронт для наступления. Отметим также, что стихийный взрыв во многом был подготовлен целенаправленной деятельностью большевиков, уделявших огромное внимание работе в армии и на флоте.

Сразу после свержения самодержавия большевистские организации создаются в ряде воинских частей. В конце марта в столичном гарнизоне уже действовали 48 ячеек РСДРП(б). В мае 1917 г. при ЦК РСДРП(б) создается специальная Военная организация (Военка). В ее состав вошли видные большевики: В. Антонов-Овсеев, В. Невский, Н. Подвойский, М. Лашевич, Н. Крыленко, П. Дыбенко и др. К июлю большевистские военные организации существовали в 43 городах, в том

числе Петрограде [6 тыс. членов РСДРП(б)] и Москве (2 тыс.). Ударным отрядом большевиков на флоте были моряки Балтики. В Кронштадте к середине лета в большевистской партии состояло свыше 3 тыс. матросов, в Ревеле около 3 тыс., в Гельсингфорсе – 4 тыс. Большим влиянием на флоте пользовались большевики П. Дыбенко – председатель Центробалта (высшего выборного органа матросов) и Ф. Раскольников, ставший одним из руководителей демонстрации 4 июля в Петрограде.

Между тем планы большевиков вначале не предусматривали активного участия в стихийных выступлениях солдат и рабочих. Так, днем 3 июля на заседании ЦК РСДРП(б) с участием членов Петроградского комитета и Военки было даже принято решение о несвоевременности таких акций. Но уже ночью с 3 на 4 июля, учитывая размах движения, большевики заявляют о своем намерении возглавить демонстрацию, чтобы придать ей организованный характер, и твердо высказываются за немедленный переход власти к Советам. Срочно вернувшийся рано утром 4 июля из краткосрочного отпуска в Петроград Ленин одобрил действия партийного руководства. Фактически большевики попытались провести первую решительную пробу сил. Как вспоминал позднее об этих днях Г. Зиновьев: «Ленин смеясь говорил нам: «а не попробовать ли нам сейчас?» Но тут же прибавлял: «нет, сейчас брать власть нельзя, сейчас не выйдет, потому что фронтовики не все еще наши...»

Так или иначе, но состоявшаяся 4 июля в Петрограде почти полумиллионная манифестация прошла под большевистским лозунгом «Вся власть Советам!». В ходе демонстрации, в которой участвовали и вооруженные винтовками и пулеметами солдаты и матросы, произошли кровавые инциденты. В разных частях Петрограда слышались выстрелы. По городу разъезжали военные с красными бантами на реквизированных грузовиках с установленными на них пулеметами. По сведениям городской милиции, стрельба велась из автомобилей и из домов по Троицкой улице, Невскому проспекту, около Экономического общества, от Садовой до Итальянской улицы, на Мойке. Были обстреляны и демонстранты на Литейном проспекте, у Сенной площади и в других местах. В ответ часть из них сама применяла силу. Прорвавшись к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК, участники выступлений требовали покончить «сделки с буржуазией» и немедленно взять власть. В их руках оказался лидер эсеров, министр земледелия Вре-

менного правительства В. Чернов. Только вмешательство Л. Троцкого и Ф. Раскольникова спасло его от самосуда толпы кронштадцев.

Трудно установить точно, кто первым начал стрельбу, сами демонстранты, среди которых было немало анархистов и просто уголовных элементов, их противники или казаки, патрулировавшие в этот день по городу. Ясно, что само выступление носило далеко не мирный характер и возникшие беспорядки были прямым его следствием.

5 (18) июля в Петрограде было введено осадное положение. С фронта были вызваны верные правительству войска. ЦК РСДРП(б) вынес решение о прекращении демонстрации. В этот же день разгрому подвергся дворец Кшесинской, где размещался большевистский ЦК. Юнкера учинили погром редакции и типографии «Правды». 6 (19) июля Временное правительство издало приказ о задержании и предании суду за «государственную измену» Ленина и других большевистских руководителей. Все воинские части, принимавшие участие в выступлении, подлежали расформированию. Были арестованы и заключены в тюрьму «Кресты» активные участники событий Л. Троцкий, Л. Каменев, Ф. Раскольников. Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение и скрылись в 32 км от города, на станции Разлив в устроенном палаше.

В печати развернулась громкая антибольшевистская кампания. Поводом для нее стали обвинения лидеров большевиков и прежде всего Ленина в контактах с германским генеральным штабом, предательстве и шпионаже. Воедино были связаны провал наступления и июльские события в Петрограде, которые были представлены правительственной пропагандой как «большевистская попытка прорвать внутренний фронт».

Вопрос о «немецком золоте большевиков» давно дискутируется в науке. Можно считать установленным, что большевики, впрочем, так же, как и другие социалистические партии, во время войны получали деньги от разных источников, включая и германские военные круги, заинтересованные в подрывной деятельности российских революционеров против своего государства. Вероятно, о тайных каналах финансирования своей партии Ленину было известно. Однако утверждать о том, что июльские выступления были инспирированы Лениным вместе с немцами явно беспочвенно. Ленин являлся крупнейшей политической фигурой своего времени и самостоятель-

ность и самобытность его линии не вызывает сомнений. В конечном итоге, отнюдь не денежные субсидии большевикам решили судьбу страны и революции.

Показательно, что ряд противников большевиков из числа социалистических деятелей (Ю. Мартов, И. Астров, левые эсеры) выступили резко против развязанной правительством травли РСДРП(б) и всего левого крыла революционной демократии. Этим обстоятельством во многом объясняется тот факт, что власть не решилась пойти на крупномасштабные репрессии по отношению к большевикам по всей стране. Большевистские организации разных городов России после июльских событий, переживших определенный спад в своей деятельности, вскоре вновь активизировались. В конце июля — начале августа 1917 г. в Петрограде прошел VI съезд РСДРП(б), пересмотревший тактику большевиков. На нем было заявлено, что период мирного развития революции в условиях двоевластия завершился и следует принять решение о необходимости подготовки вооруженного захвата власти пролетариатом.

Июльские события имели существенные последствия как для Временного правительства, так и для Советов. С поста главы кабинета ушел Г. Львов. 8 (21) июля министром-председателем стал А. Керенский, оставаясь одновременно военным и морским министром. ВЦИК Советов признал за Временным правительством «неограниченные полномочия» и «неограниченную власть», объявив его правительством «спасения революции». 24 июля (6 августа) был сформирован 2-й коалиционный кабинет. В его состав вошли 8 министров-кадетов или близко к ним стоящих, 3 эсера (А. Керенский, Н. Авксентьев, В. Чернов), 2 меньшевика (А. Никитин, М. Скобелев), 2 народных социалиста (А. Пешехонов, А. Зарудный) и один «нефракционный» социал-демократ (С. Прокопович). Несмотря на казавшееся равновесие между министрами-капиталистами и социалистами внутри правительства в обществе наметился явный политический поворот вправо и усилилась тяга к установлению режима личной власти.

<b>Выступление Корнилова и его послед- ствия</b>	Июльские события подтвердили опасения либералов и правых, что их дальнейшее попустительское безвольное политическое умеренных социалистов, проводимой ими как в самом правительстве, так и в Советах, только потворствует радикализму масс и ставит страну на грань очередной катастрофы. Поэтому, по их мне-
--	---



нию, необходимо было окончательно сбить волну революционных акций солдат и рабочих, грозящих хаосом и анархией фронту и тылу, и железной рукой, наконец-то, навести порядок в России.

Происшедшая вследствие провала большевистского выступления перегруппировка сил давала неплохие шансы сторонникам установления режима военной диктатуры. Проблема заключалась в том, что на пути к ней находилась не только вся революционная демократия, но и официальная власть в лице Временного правительства. В силу ряда причин круг реальных претендентов на роль диктатора был весьма ограничен и первым в нем значился Л. Корнилов.

**Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918)** – генерал, человек яркой судьбы. Родился в семье сибирских казаков. Его отец, простой казак, заслужил свой офицерский чин хорунжего благодаря упорству и трудолюбию. Эти качества он сумел привить и своему старшему сыну. В 1883 г. Лавр Корнилов поступает в Омский кадетский корпус и в 1889 г. заканчивает его с отличием. В 1889–1898 гг. он продолжает свое военное образование сначала в Михайловском артиллерийском училище, затем в Академии генерального штаба, где проявляются его способности к точным наукам и восточным языкам. Отказавшись от штабной должности после периода отличной учебы, Корнилов в 1898–1904 гг. проходит службу в Средней Азии, возглавляя миссии в Афганистане, Персии, Индии. За проявленную в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. храбрость и отвагу он был награжден Георгиевским крестом. В 1907–1911 гг. – военный атташе в Китае. С начала первой мировой войны в действующей армии, начальник 48-й пехотной дивизии, попавшей весной 1915 г. в окружение, но выведенной из кольца благодаря личному мужеству генерала Л. Корнилова, увлекшего за собой в штыковую атаку роты резерва. Тяжело раненный в бою Корнилов попадает в плен к австро-венграм, из которого через год он сумел героически вырваться, совершив дерзкий побег. С лета 1916 г. его имя стало популярным в армии и известно всей России. После Февральского переворота его переводят на должность командующего Петроградским военным округом, но разочаровавшись в политике новой власти, в ходе апрельского кризиса, подает в отставку и назначается командующим 8-й армией. 7 июля 1917 г., отражая Тарнопольский прорыв немцев, становится главкомом Юго-Западного фронта, а спустя еще 12 дней, 19 июля (1 августа) Корнилов сменяет А. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего русской армии.

Новый пост давал Корнилову возможность реализовать разрабатываемую правыми программу национально-государственного спасения России. В Корниловское движение были вовлечены различные по своему влиянию и возможностям политические силы. Ядро его составляли Союз офицеров армии и флота, действующей конспиративно в Ставке, Союз ге-

оргиевских кавалеров, Совет союза казачьих войск, группа крымской организации и члены Республиканского центра, тесно связанного с промышленно-финансовыми кругами.

Выдвинутые Л. Корниловым меры по наведению порядка в армии были обнародованы в его телеграмме в Ставку 16 июля и сводились к следующему: укрепление власти войсковых начальников всех уровней при сохранении института комиссаров и солдатских комитетов, но с урезанными полномочиями; распространение закона о смертной казни (восстановленной на фронте решением Временного правительства 12 июля 1917 г.) и на тыловые части; воспреещение в действующей армии митингов и собраний и всякого рода агитации, в особенности большевистской направленности. Предложения Корнилова были поддержаны военной верхушкой – генералами А. Деникиным, А. Лукомским, М. Алексеевым и др.

Планы, вынашиваемые русским генералитетом, нашли сочувствие среди части кадетских деятелей. Н. Астров, Н. Кишкин, В. Набоков направили Керенскому открытое письмо, в котором настаивали на воссоздании мощи армии путем соблюдения строгой военной дисциплины и решительного устранения вмешательства войсковых комитетов в вопросы военной стратегии и тактики, а также призывали к уничтожению многовластия и установлению порядка во всей стране. Кадетская «Речь» писала в начале августа в своей передовой: «Создание единой действительно независимой от Советов сильной национальной власти, которая могла бы возродить армию и спасти страну от грядущих ей холода и голода, – вот требование, единогласно выдвигаемое всей страной».

8–10 (21–23) августа 1917 г. в Москве, в аудитории Московского университета, проходило Всероссийское совещание общественных деятелей. В нем приняло участие около 400 представителей кадетской партии, торгово-промышленных и финансовых кругов, землевладельцев, духовенства, членов Государственной Думы, офицеров армии и флота. Открывая совещание один из его инициаторов, философ, князь Е. Трубецкой, охарактеризовал присутствующих как «государственно мыслящих людей». Виднейший идеолог российского либерализма П. Струве в своем выступлении настаивал на «твердой государственной власти, которая неизбежно поддержала бы общий порядок и неумолимо смела всякие захватные стремле-

ния». Форум общественных деятелей, созванный накануне проведения Временным правительством Государственного совещания, демонстрировал власти, что призывы к наведению порядка, являются требованием времени, а вокруг Корнилова готовы объединиться все силы, стоящие правее правительства и рассматривающие генерала в качестве своего лидера.

Тем временем, 3 и 10 августа в Петрограде состоялись две личные встречи Корнилова с Керенским, во многом повлиявшие на последующий ход событий в стране. Со стороны Верховного главнокомандующего от имени Ставки были выдвинуты предложения, затрагивающие общегосударственные интересы. В частности, Корнилов настаивал на едином правовом режиме как для фронта, так и для тыла, милитаризации транспорта и большей части промышленности. Первоначально Керенский заявил, что со многими мерами, предлагаемыми генералом, он согласен, но затем премьер изменил свою позицию, решив дистанцироваться от военных. Его испугала их прямая и жесткая линия, которая фактически вела бы к полному разгрому Советов и установлению военной диктатуры. К тому же в лице боевого генерала Керенский увидел серьезного личного соперника, не без оснований претендующего на полноту власти в стране.

Прошедшее в Москве с 12 по 15 августа 1917 г. Государственное совещание показало, что характер взаимоотношений между А. Керенским и Л. Корниловым играл далеко не последнюю роль в складывающейся политической ситуации. В работе совещания, проходившем в Большом театре, участвовало около 2500 чел., представлявших различные общественные группы от бывших депутатов Государственной Думы до членов исполкомов Советов. По своей политической направленности значительная часть присутствующих на совещании тяготела вправо. Делегаты от блока революционной демократии находились в явном меньшинстве, их насчитывалось менее 250 чел. Большевики, входившие в состав профсоюзной, кооперативной и некоторых других делегаций, демонстративно покинули этот, по их словам, контрреволюционный сбор.

А. Керенский надеялся, что Государственное совещание окажет поддержку правительству, ему лично и поможет создать широкую коалицию, за исключением крайне правого и левого крыла. Однако большинство делегатов откровенно сочувствен-

но отнеслись к позиции Л. Корнилова, раскрытой им в его выступлении. В отличие от эмоционально напыщенных и утомительных высказываний премьера, речь Верховного лидера русской армии отличалась краткостью и четкостью поставленных в ней задач. Корнилов заявил, что «меры, принятые на фронте, должны быть приняты и в тылу» и настаивал на решимости «твердого» и «непреклонного» их проведения. Последние слова генерала были заглушены овацией, устроенной ему правой частью собрания.

Таким образом, вместо ожидавшегося одобрения правительственного курса, Государственное совещание выявило углубляющийся социальный раскол страны и на его фоне возросшую консолидацию правого лагеря, объединившегося вокруг Верховного главнокомандующего, который перешел к решительным действиям.

Со второй половины августа 1917 г. в Ставке, в ближайшем окружении Корнилова (М. Филоненко, В. Завойко и др.), усиленно разрабатывался план захвата Петрограда и реорганизации власти путем удаления из правительства всех социалистов. Предполагалось, что сам Керенский мог бы остаться в новом кабинете, но ему отводилась явно второстепенная роль. (Как отзывался Корнилов, премьер был «не только слаб и нерешителен, но и неискренен»). Главными же фигурами должны были стать военные: кроме самого Л. Корнилова генерал М. Алексеев, а также управляющий военным министерством Б. Савинков и М. Филоненко.

В последующих затем 22–26 августа переговорах между Ставкой и столицей до сих пор остается много неясного. До конца непонятна роль бывшего обер-прокурора Синода В. Львова, выступившего в качестве посредника и фактически способствовавшего провоцированию разрыва премьера с Верховным главнокомандующим. Недоговоренность по многим вопросам, сохраняющаяся между Керенским и Корниловым, в конечном итоге объяснялась различными политическими устремлениями двух главных действующих лиц развернувшейся драмы. Если для Л. Корнилова основным было желание любой ценой навести в стране порядок и «ударить так, чтобы почувствовала вся Россия», то А. Керенский должен был считаться с выбором средств и радикальные действия военных его не устраивали, поскольку подрывали его опору в демократическом лагере и делали реальным

его последующее политическое падение. Существенным для Керенского были и его личные амбиции, желание сохранить власть во что бы то ни стало.

26 августа вернувшийся из Могилева в Петроград В. Львов встретился с Керенским и изложил ему требования Ставки, истолкованные им по-своему. Львов предъявил правительству три пункта, выдвинутые якобы от имени Корнилова: 1) немедленная передача военной и гражданской власти в руки Верховного главнокомандующего; 2) немедленная отставка всех членов Временного правительства; 3) объявление Петрограда на военном положении (на самом деле эти предложения были сформулированы В. Завойко, одним из «советников» генерала). От себя Львов порекомендовал премьеру воздержаться от поездки в Ставку, где, по его предположению, Керенскому уже вынесен «смертный приговор», хотя сам Корнилов и старается его спасти.

Керенский решил воспользоваться предоставленной ему информацией для устранения опасного конкурента, обвинив его в измене. Он попросил Львова письменно изложить все высказанное им ранее, после чего, получив в руки «неопровержимые доказательства» готовящегося заговора, арестовал ошеломленного посредника. На срочно созванном заседании правительства он потребовал для себя чрезвычайных полномочий для борьбы с мятежным генералом и, получив их, фактически становится единоличным диктатором. Члены кабинета посчитали самым лучшим в складывающихся обстоятельствах подать в отставку, вызвав очередной правительственный кризис.

Утром 27 августа Керенский отправил в Ставку телеграмму о смещении Корнилова с должности Верховного главнокомандующего. Одновременно с этим он подписал воззвания к народу, армии, железнодорожникам, Советам и ряду других революционно-демократических организаций, в которых Корнилов прямо назывался «мятежником» и «изменником Родины и революции». Корнилов глубоко оскорбленный действиями Керенского объявил о своем неподчинении распоряжениям премьера, назвав их «великой провокацией» и, в свою очередь заявил, что «Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно, с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает

армию и потрясает страну изнутри». Корнилов попытался парализовать приказы Керенского, сплотив все военное руководство, заручившись поддержкой главкомов фронтами, твердо высказавшихся против смены главковерха. Особые надежды возлагались военными на 3-й конный корпус генерала Крымова, выдвинутого для захвата столицы.

Однако планы Корнилова были сорваны решительными мерами, предпринятыми сторонниками Советов на фронте и в тылу. Ставка была отрезана от фронтов. 29 августа исполком Юго-Западного фронта арестовал своего главнокомандующего, генерала А. Деникина. Были смещены со своих постов и заключены под стражу и другие военачальники, сочувствующие Корнилову. В Москве по приказу командующего МВО А. Верховского, оставшегося верным Временному правительству (и вскоре назначенного Керенским военным министром), был сформирован экспедиционный корпус для похода на Могилев. Особую активность в эти дни проявили большевики, выступавшие одними из главных организаторов отпора корниловским войскам. В Петрограде для защиты города вооружались рабочие дружины и отряды Красной гвардии. На помощь правительственному гарнизону из Кронштадта, Ревеля, Гельсингфорса прибыли тысячи матросов и солдат. Навстречу продвигавшимся к столице частям Крымова были посланы сотни агитаторов. Железнодорожники по призыву своих профсоюзных лидеров заблокировали железнодорожные пути. К 30 августа наступление на Петроград захлебнулось. Примечательно, что за все время «мятежа» практически не произошло ни одного крупного военного столкновения между противоборствующими сторонами. 31 августа после крайне резкого разговора с Керенским застрелился генерал А. Крымов, унеся с собой многие тайны развернувшейся драмы.

2 сентября 1917 г. Л. Корнилов был арестован и препровожден под конвоем в Быховскую тюрьму, где он и его ближайшие соратники содержались вплоть до Октябрьского переворота.

Таким образом, корниловское выступление провалилось. Керенский благодаря поддержке революционных масс, оказался победителем, но торжество его было кратковременным, а плоды победы достались другим. Большевики, еще совсем недавно пребывавшие почти в подполье, стали главными героями подавления контрреволюции. С конца лета именно они стали определять

политику Советов. 31 августа 1917 г. их резолюцию о власти принял Петроградский Совет, 5 сентября – Московский, процесс большевизации Советов набирал силу по всей стране. Керенский, устраняя Корнилова, открывал дорогу к власти Ленину и его партии, сумевшим использовать свой шанс в полной мере.

#### § 4. Углубление дестабилизации российского общества в сентябре-октябре 1917 г.

**Кризисные явления в народном хозяйстве**

Отдельные симптомы серьезных народнохозяйственных затруднений в России, как впрочем и во всех воюющих странах, возникли в ходе мировой войны и стали обретать черты быстро расширяющегося кризиса. Тяготы затянувшейся и все больше расширяющейся бойни народов усугубила обстановка не только хозяйственной, но и общеполитической нестабильности, в которой очутилась наша страна после февральского буржуазно-демократического переворота.

О том, сколь ощутимо перемены, вызванные начавшейся в феврале 1917 г. революцией, повлияли на состояние промышленного производства России, говорят приводимые ниже факты отечественной фабрично-заводской статистики, исчисленные с учетом индекса цен того времени.

Годы	Валовая продукция промышленности России	
	тыс. руб. (довоенные)	% к уровню 1913 г.
1913	4 763 266	100
1914	4 703 525	98,7
1915	5 281 212	110,8
1916	5 248 459	110,2
1917	3 800 759	79,8

Если первый (1914) и предреволюционный (1916) годы войны дали едва заметное (соответственно на 1,3 и 0,6 % к уровню предшествовавшего года) снижение промышленного производства, то судьбоносный 1917 г., более десяти месяцев которого пришлось на пору революции, неслучайно характеризовался весьма резким спадом (на 20,2 к уровню довоенного 1913 г. и на 25,8 % к показателям предреволюционного 1916 г.).

Не менее выразительны и сведения, характеризующие динамику производительности труда в промышленности за тот же период.

Годы	Средняя дневная выработка продукции на 1 рабочего	
	руб. (довоенные)	% к уровню 1913 г.
1913	8,93	100
1914	9,01	100,9
1915	9,87	110,5
1916	9,30	104,1
1917	6,79	77,2

По производительности труда 1917 г. дает еще больший спад: на 22,8 % по отношению к уровню 1913 г. и на 27,0 % к предшествующему 1916 г. И те и другие данные показывают, что разруха в российской промышленности уходит своими корнями не столько в первую мировую войну (как это утверждалось в нашей прежней историографии), сколько в революцию. И это неслучайно. Ведь революция, как и всякая смутная полоса в истории, означает, прежде всего, торжество деструктивного анархического начала над порядком, над началом власти и связанной с порядком той или иной организацией общества, обеспечивающей его нормальное функционирование во всех сферах жизни. Поправление всякой власти и разгул анархии, состояние так называемого беспредела, давали о себе знать в 1917 г. везде и во всем: в армии, в государственном управлении, в области права и т.д. Отмеченные тенденции в самой разной форме проявились и в экономической жизни в целом, и промышленном производстве в частности. Вторым фактором, в значительной степени предопределившим нагнетание кризисных проявлений в народном хозяйстве России той поры, было порожденное революцией отодвигание на задний план (даже полное забвение) производства и сосредоточение внимания исключительно на распределении. «Уравнительная страсть», по образному выражению выдающегося отечественного экономиста А. Билимовича, сделалась основной движущей силой участия широких масс трудящихся в нашей революции. Наличие этой тенденции в советской литературе по истории Октябрьской революции обычно констатировалось применительно к общекрестьянской борьбе за землю и частично к национально-



освободительному движению народов национальных районов страны и объяснялось исключительно мелкобуржуазным составом трудящихся, принимавших активное участие в той и другой социальной войне. Но думается, что тот же мотив в значительной степени присутствовал и в борьбе рабочего класса страны, которая, раньше традиционно характеризовалась как борьба гегемона пролетарской революции за социализм.

Ранее, и ощутиее всего, кризисные явления в народном хозяйстве страны стали наблюдаться в его наиболее чувствительном звене — денежном обращении и финансовом хозяйстве, являющемся своеобразной нервной системой народнохозяйственного организма, функционирующего на основе рыночных отношений. Одним из симптомов неблагополучия в сфере финансов является эмиссия, выпуск бумажных денег, несообразующийся с развитием материального производства и ростом национального дохода. Наличие этого недуга в финансовой системе России было зафиксировано вскоре после вступления страны в первую мировую войну. Период с начала войны и до февральского переворота, по мнению специалистов по истории денежного обращения, был временем первого этапа разложения и распада финансовой системы нашей страны. За этот период количество бумажных денег увеличилось с 1633 млн. руб. до 9950 млн. руб., т.е. на 8317 млн. руб. Хотя общая масса денег увеличилась в 5 с лишним раз, курс рубля на мировом рынке (барометром которого тогда был Лондонский рынок) понизился с 99,3 коп. до 54,4 коп., т.е. на 45 %. Неадекватные росту эмиссии темпы падения курса отечественной валюты были связаны прежде всего с тем, что промышленное производство страны продолжало, по сравнению с его довоенным уровнем, расти, да и на сельское хозяйство России война, как справедливо отмечал крупный знаток — А. Челинцев, оказала сравнительно небольшое разрушительное действие.

Резким контрастом начальному этапу кризиса финансового хозяйства России являлся его следующий этап, охватывающий небольшой промежуток 1917 г. от февральского переворота до свержения Временного правительства. За это время количество бумажных денег увеличилось с 9950 млн. руб. до 18 917 млн., т.е. на 90 %. Иначе говоря, сумма денег, выпущенных Временным правительством за 7,5 мес. его существования, превысила выпуски почти трехлетней деятельности на том же поприще царского правительства в военных условиях. Выпуск

денег особенно ускорился после корниловского выступления. В октябре каждый день выпускалось 66,6 млн. руб. против 36,2 млн. руб. в марте. Между тем поступление налогов по существу прекратилось: налоговый аппарат был парализован. Всевыручающий печатный станок, по словам В. Чернова, был единственным не саботирующим своих обязанностей «аппаратом увеличения денежных средств государственного казначейства...» Знаменательно и другое: курс рубля упал до 25 коп., т.е. в 2,2 раза по сравнению с дореволюционным его уровнем. Гипертрофированные темпы инфляции российской валюты в условиях буржуазно-демократического режима свидетельствовали о том, что финансовая система страны оказалась на пороге ее полного развала.

Неудержимая инфляция влекла за собой невиданную дороговизну, разгул спекуляции, что било в первую очередь по трудящимся и в особенности по рабочему классу, завоевания которого в области заработной платы, достигнутые после февральского переворота, были фактически сведены на нет. Накануне Октября реальная заработная плата промышленных рабочих России составляла примерно 57 % довоенной.

Одновременно в стране наблюдалось резкое обострение продовольственного кризиса, связанного не столько с нехваткой продуктов питания (сбор хлеба в 1917 г. лишь на 14 % уступал среднему сбору за довоенное пятилетие), сколько с транспортной разрухой и неэффективностью мер Временного правительства в деле организации заготовки продовольствия.. В августе-сентябре 1917 г. над населением многих городов нависла угроза голода, поскольку в первом из этих месяцев они получили меньше половины продовольственного наряда, а во втором – всего 1/4.

Хлебная норма на одного рабочего Петрограда и Москвы составляла в это время менее 200 г в день.

<b>Социальные конфликты в городе, армии и деревне</b>	Хозяйственная разруха и связанное с ней понижение жизненного уровня трудящихся не могли не сказаться на углублении социальной напряженности в стране. В городе это, прежде всего, нашло свое выражение в росте масштабов рабочего движения. Сводка, составленная по данным Главного управления по делам милиции Временного правительства о выступлениях рабочих за весь период существования этого правительства, приведена в таблице. Хотя известно, что официальные данные существенно преуменьшены, по ним, тем не менее,
---	--

возможно составить представление как о динамике рабочего движения в целом, так и об изменении в нем удельного веса сугубо пролетарской формы борьбы – забастовок.

1917 г., месяц	Общее число выступлений рабочих	В том числе забастовок
Март	66	2
Апрель	11	1
Май	5	3
Июнь	29	11
Июль	177	100
Август	217	140
Сентябрь	212	107
Октябрь	206	150

Как видим, на последние три месяца приходится более чем 2/3 общего числа выступлений и почти 4/5 всех стачек. В этот период среди других форм борьбы рабочих стачки в количественном отношении становятся преобладающими. Если в марте-мае на их долю приходилось лишь 7,2 % по отношению к другим формам рабочего движения, то в августе-октябре эта цифра возросла до 62,5 %.

Осенью 1917 г. существенно меняется и характер стачечного движения. Если взять, к примеру, данные по Уралу, то здесь за март-июнь произошло 42 стачки, из которых 41 экономическая и 1 политическая, а с июля по октябрь – 200 стачек, из которых 60 экономических, 71 политическая и 78 со смешанными (экономическими и политическими) требованиями. Другой характерной чертой забастовочного движения накануне Октября было вовлечение в него самых различных (регионально-профессиональных) отрядов рабочего класса страны. Так, 1 сентября состоялась общеуральская политическая забастовка, в которой приняло участие свыше 110 тыс. рабочих. 23–26 сентября проходила всеобщая стачка железнодорожников, во время которой было прекращено движение пассажирских поездов дальнего следования на 39 из 51 железной дороги страны. Из других крупных выступлений рабочего класса накануне Октября широкий общественный резонанс имели всеобщая забастовка бакинских нефтяников, охватившая 65 тыс. рабочих и служащих, а также стачка текстильщиков Центрально-промышленного района, в которой участвовало до 300 тыс. рабочих Иваново-Вознесенска, Костромы, Шуи и других городов.

Большую роль в успехе всех этих выступлений сыграли Советы рабочих депутатов, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы и другие общественные организации, направлявшие борьбу пролетариата в нужное русло.

Помимо рабочих под воздействием революционной стихии в орбиту социального противоборства постепенно втягивались средние слои города – низшие служащие, ремесленники, мелкие торговцы и др. Это они стали основными участниками голодных бунтов, вспыхивавших в канун Октября в разных районах страны. По подсчетам И. Минца, таких выступлений было зарегистрировано в мае 1917 г. – 3, июне – 43, августе – 100, сентябре – 154, в октябре – 125. Уровень общественного сознания и степень организованности участников этих и иных эксцессов были крайне низкими. Да иного и нельзя было ожидать. Вовлеченный в водоворот революционных буден, обыватель ориентировался в них так же, как в основных лозунгах различных политических партий, мягко говоря, с большим трудом, что, конечно, не могло не наложить соответствующего отпечатка на социальные движения с участием сотен и тысяч подобных людей. Любопытную зарисовку с натуры сделала известная меньшевистская публицистка Е. Кускова, которая вела на страницах популярной кооперативной газеты «Власть народа» своеобразный дневник русской революции:

«Нельзя без улыбки, но и без страха слушать такие, например, не анекдоты.

Приходит с митинга прислуга.

– Ну что, Феня, хорошо было?

– Ух, как хорошо! Так он говорил, так он говорил! И все про нас, все про нас. И все хлопали, хлопали – руки заболели – хорошо!

– Ну и что же, все поняли?

– А как же. Все. Одно только не поняли, да спросить было стыдно. Он говорит, говорит, а потом все прибавляет: «Пролетайте и соединяйтесь: – Я и не поняла – куда пролетать-то?

Так поняла Феня привычную для нашего уха угрозу – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Не намного выше был уровень политической культуры и общественного самосознания рядовых участников солдатского движения. И это вполне понятно. Ведь армия, ее солдатская масса по своему составу являлась преимущественно крестьянской. Менталитет российского солдата революционной поры представлял собой сложный симбиоз весьма противоречивых

черт мирозозерцания мужика-общинника и «человека с ружьем», который на армейской службе, в условиях войны, начинал утрачивать потребность и навыки производительного труда, обретая элементы психологии, присущие вооруженной толпе. Несомненно и другое: по степени корпоративно-групповой спайки и войсковой организованности солдатская масса в 1917 г., благодаря переменам, произошедшим в стране и армии, мало чем уступала рабочему классу. Свои общегражданские интересы она могла формулировать и отстаивать через разветвленную сеть Советов солдатских депутатов от уездных и городских – внизу, до Всероссийского – в масштабах всей страны, а специфические армейско-профессиональные – через структурно еще более гибкую и широкую систему солдатских комитетов (ротных, батальонных, полковых, дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых). В партийно-политическом отношении солдатская среда являлась одновременно как объектом, так и субъектом весьма активной деятельности едва ли не всего спектра российских политических партий и группировок – от анархистов и большевиков «слева» до конституционных демократов «справа».

Опираясь на все эти организационные рычаги, солдатское движение в послефевральской России росло в связи с развитием российской революции не только вширь, за счет вовлечения в борьбу все новых и новых солдатских контингентов, но и вглубь, посредством совершенствования своих форм, активности, организованности и политической сознательности его участников.

О динамике солдатских выступлений в тыловых гарнизонах можно судить по тем же сводкам Главного управления по делам милиции. Согласно им с марта по май 1917 г. было зарегистрировано 29, с июня по август 238 и в сентябре-октябре 446 выступлений. При этом за 6 мес. после февральского переворота состоялось 5 вооруженных столкновений, а за сентябрь-октябрь 19.

О солдатском движении на фронте есть сведения командования и комиссаров Временного правительства лишь за август-октябрь 1917 г. Здесь было зарегистрировано в августе 84, сентябре 214, октябре 512 выступлений, в том числе на первые два месяца пришлось 3 солдатских восстания и других выступлений, потребовавших применения вооруженной силы, а в октябре соответственно 7.

Наиболее распространенной формой солдатского движения было неповиновение командному составу, а также столкновения солдат с офицерами, нередко кончавшиеся расправами. Массовый характер приобрели накануне Октября выступления солдат против войны. Неслучайно на одном из последних заседаний Временного правительства министр внутренних дел, меньшевик А. Никитин должен был признать, что «для миллионов солдат теперь понятны лишь самые краткие программы: «Долой!» и «Домой!». Провозгласив эти лозунги, большевики тем самым сумели привлечь перед Октябрем на свою сторону если не всю, то во всяком случае значительную часть армии, поддержка которой в июле позволила Временному правительству отбить большевистскую «разведку боем».

Но это, отнюдь, не означает, что солдатская масса в основе своей состояла из сознательных сторонников большевизма. Вот, к примеру, картинка на тему об армейской демократии, как ее поведал генерал с фронта той же Е. Кусковой.

«Разрешили им (солдатам) организацию. Выбрали они комитеты – полковые, батальонные, ротные. Являются ко мне солдаты.

– Ваше благородие! Дозвольте сказать? Как нам теперь быть?

– Что такое?

– А, значит, выбрали мы ротный комитет, а теперь его и нет. Так как нам быть?

– Где же он?

– Да комитету-то дали права разрешить отпуска. Ну, они и отписали разрешение... себе. Все и поехали. А мы и не знаем – как теперь без них быть.»

Рассказ этот интересен тем, что позволяет скорректировать стереотипное мнение нашей литературы советской поры будто фронтовики-окопники, да к тому же активисты, едва ли не поголовно являлись носителями большевистских идей. Можно себе представить, какой большевизм несли такие рвачи-комитетчики в родные деревни или на фабрики, откуда они были призваны в армию.

Важным фактором социально-политической дестабилизации российского общества являлась вспышка крестьянского движения, охватившая деревню центрально-черноземной полосы и некоторых смежных регионов страны в сентябре-октябре 1917 г.

Началась она в Козловском уезде Тамбовской губернии в сентябре и в течение недели крестьянское восстание охватило

18 волостей, где было разгромлено или сожжено 57 помещичьих имений и 13 хуторов зажиточных крестьян. Поскольку местными силами властям подавить его не удалось, из Московского военного округа сюда была направлена карательная экспедиция из казаков и юнкеров в сопровождении 2 броневиков. Действия карателей, арестовавших более 1,5 тыс. крестьян, усилили ожесточение и озлобление крестьян. Несмотря на присутствие в уезде карательного отряда здесь еще было сожжено 22 и захвачено 2 имения.

Чтобы погасить это восстание, перебросившееся в соседние уезды губернии, по инициативе партийных организаций эсеров, меньшевиков и народных социалистов от имени исполкома губернского Совета крестьянских депутатов, Совета рабочих и солдатских депутатов, губернских продовольственной и земской управ, прокурора окружного суда и губернского комиссара Временного правительства 13 сентября было издано «Распоряжение № 3 всем земельным и продовольственным комитетам и всем крестьянам Тамбовской губернии». Согласно этому документу те и другие комитеты совместно должны были немедленно произвести полный и точный учет всех частновладельческих имений и в соответствии с инструкциями, которые будут даны губернской земской управой, взять последние «под свое ведение». Эта мера лишь на несколько недель снизила активность тамбовских крестьян в борьбе за землю. Ни карательными средствами, ни социальным маневрированием властям не удалось подавить крестьянское восстание и даже локализовать его.

Из Козловского уезда восстание распространилось на всю губернию, где разгрому подверглось 105 помещичьих имений, а затем перекинулось в Рязанскую, Тульскую, Курскую, Воронежскую, Нижегородскую и Пензенскую губернии. В ходе него только в Рязанской губернии крестьянами было разгромлено или захвачено 109 имений, а в Орловской, как сообщил губернский комиссар, 98 имений, 6 винокуренных и сахарный завод. Из центральной России искры пожара перебросились в несколько губерний Украины, а также Эстляндию и Бессарабию. Хотя крестьянское восстание и имело тенденцию к расширению своей географии, преувеличивать его реальные масштабы не следует. А именно, к такого рода преувеличению был склонен В. Ленин, когда утверждал, будто бы «всюду раз-

ливается широкой рекой крестьянское восстание». В аналогичную ошибку впадали и многие позднейшие советские исследователи.

Но как бы то ни было, активность значительной части крестьян Европейской России в их борьбе за землю доставляла Временному правительству немало хлопот. Видя, что ни репрессиями, ни принятым в ряде губерний по образцу и подобию тамбовского «Распоряжения № 3» решением о передаче помещичьих имений в ведение земельных комитетов остановить крестьянское движение не удастся, министр земледелия последнего состава Временного правительства, эсер С. Маслов подготовил законопроект под названием «Правила об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений». Пункт первый общих положений этого документа гласил, что «все земли сельскохозяйственного пользования поступают впредь до разрешения земельного вопроса в ведение местных земельных комитетов».

Тогда же В. Ленин охарактеризовал «Правила» как «проект для спасения помещиков». А с его подачи и все советские авторы считали, что главной целью законопроекта С. Маслова было спасение помещичьих имений. На самом деле это далеко не так. В самом законопроекте значилось, что земельным комитетам в порядке «означенного ведения принадлежит: 1) учет названных земель; 2) наблюдение как над изменением и передвижением прав на означенные земли, так и над хозяйственным использованием сих земель; 3) охрана сельскохозяйственных имений от обесценения их владельцами и арендаторами; 4) принятие мер к удовлетворению крайней земельной нужды местного сельскохозяйственного населения путем образования временного арендного фонда и предоставления из его состава в пользование населения земельных участков; 5) урегулирование арендных отношений путем разрешения споров и недоразумений на началах суда совести, с правом прекращения или изменения ранее заключенных арендных договоров; 6) принятие мер к охране сельскохозяйственных имений и, особенно, высококультурных хозяйств и специальных культур от всякого рода действий, причиняющих вред хозяйству; 7) издание общих обязательных постановлений по предметам, перечисленным в 1–6 пунктах...»

Следовательно, охрана имений входила в «ведение» всего лишь как одна из прерогатив местных земельных комитетов, причем



охрана не только от такого рода действий, причиняющих вред хозяйству, но и от обесценения их владельцами и арендаторами.

Проект «Правил» наделял земельные комитеты некоторыми из тех прав, что предусматривались для них резолюцией I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, но не были санкционированы Временным правительством. Будь законопроект быстро принят, он мог снять накал страстей в деревне по вопросу о земле. Но вместо этого Временное правительство и здесь встало на путь проволочек. Внесенный на рассмотрение правительства 11 октября, этот документ дважды обсуждался на его заседаниях 20 и 24 октября. За это время были рассмотрены и одобрены всего 3 из одиннадцати общих положений «Правил».

Не устранило правительственной канители и вмешательство Предпарламента, принявшего вечером 24 октября так называемую формулу перехода к текущим делам, в которой говорилось, что «необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительные выступления во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры». Своей нерешительностью и стремлением дотянуть обсуждение злободневных проблем о земле, войне и мире до Учредительного собрания Временное правительство дискредитировало себя в глазах широких масс крестьянства и солдат, оказавшихся в решающий момент борьбы за овладение властью на стороне большевиков или же на позициях благожелательного нейтралитета по отношению к ним.

По аналогичным причинам не получило Временное правительство и необходимой поддержки со стороны народов национальных районов страны. Наоборот, национально-освободительное движение, основными очагами которого осенью 1917 г. были Украина, Финляндия и Прибалтика, тоже объективно подрывало и без того шаткие позиции правительства Керенского. Ярким свидетельством того, что интересы власти и народов России и здесь тоже разошлись, было голосование делегатов национальных групп на Демократическом совещании, когда 40 чел. из 55 высказались против коалиции с буржуазией.

Таким образом, реальный социально-политический климат, определившийся к осени 1917 г. в низах российского общества, не сулил инициаторам февральско-мартовского переворота ничего обнадеживающего.

**Последний  
виток кризиса  
власти:  
Директория,  
Всероссийское  
демократическое  
совещание,  
Предпарламент**

Выступление Корнилова и реакция на него Керенского повлекли за собой крушение второй правительственной коалиции и вступление Временного правительства в такую полосу кризиса, которой суждено было стать последней в его исторически сравнительно недолгой жизни.

Начало этой полосе положил демонстративный выход кадетских министров из правительства в ответ на требования Керенского о наделении его всей полнотой власти и преобразовании кабинета министров в Директорию — орган, отличающийся весьма узким составом и чрезвычайно широкими полномочиями. Остальные министры вскоре также подали в отставку, предоставив тем самым премьеру полную свободу как в выборе формы будущего правительства, так и в определении его партийно-политического и персонального содержания.

Небольшие разногласия по вопросу о Директории у Керенского возникли с советскими центрами — ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкомом Всероссийского Совета крестьянских депутатов, но и здесь вскоре спор решился в его пользу: первому «любовнику русской революции», как величала премьера тогдашняя умеренно-социалистическая пресса, было предоставлено право самолично сформировать правительство.

Эта услуга Керенскому со стороны руководителей Советов, оказалась как нельзя своевременной, так как он, не располагая необходимой для подавления мятежа силой, вступил в переговоры с кадетами, убеждавшими его уступить свой пост авторитетной личности (имелся в виду генерал Алексеев), которая устроила бы противоборствующие стороны, и был близок капитулировать. Получив поддержку «слева», растерявшийся было премьер воспрянул духом и в последнюю минуту отклонил требование кадетов, хотя переговоры об участии их представителей в правительстве продолжил. В порядке некоторой компенсации кадетский ставленник в премьер-министры был назначен Керенским, сосредоточившим к тому времени в своих руках и пост главнокомандующего русской армией, на должность начальника ее генерального штаба. Неслучайно и то, что в первоначально фигурировавшем списке членов Директории (А. Керенский, Н. Некрасов, Н. Кишкин, М. Терещенко, И. Церетели или М. Скобелев) два места предназна-

лись кадетам и третье — близкому к ним «беспартийному цензовику» Терещенко. Но продлить таким образом жизнь правительственной коалиции с кадетами Керенскому на сей раз не удалось.

Дело в том, что борьба против Корнилова, сдвинула руководящие круги умеренных социалистов влево, привела к их конфронтации с кадетами, побудив к совместным действиям с радикально настроенными элементами — большевиками, меньшевиками-интернационалистами, левыми эсерами, анархистами и др. 31 августа меньшевистский ЦК принял решение о недопустимости участия во Временном правительстве «таких элементов, которые либо соучаствовали в контрреволюционном движении, либо способны парализовать борьбу с ним». Относительно кадетов подчеркивалось, что они больше не могут быть включены в правительство. Аналогичное постановление было принято и ЦК партии социалистов-революционеров.

В этих условиях Керенский решил временно отложить план создания Директории на основе коалиции и, не дожидаясь, когда в соответствии с установками центральных комитетов меньшевиков и эсеров объединенное заседание исполкомов Советов, начавшее работу вечером 31 августа, решит вопрос о власти, объявил о формировании Директории из 5 человек без кадетов. В нее вошли: А. Керенский (министр-председатель, эсер), все тот же М. Терещенко (министр иностранных дел), А. Никитин (министр почт и телеграфов, меньшевик), все трое — видные масоны и убежденные сторонники коалиции с кадетами, а также двое беспартийных военных — адмирал Д. Вердеревский (морской министр) и генерал А. Верховский (военный министр).

Одновременно, чтобы подсластить эту пилюлю, Керенский идет на некоторые уступки левым силам: 1 сентября от имени Временного правительства Россия провозглашается Республикой, а на следующий день вместе с объявлением состава Директории принимается предложение ЦИК Советов о созыве Демократического совещания.

Верхи революционной демократии в лице центральных комитетов эсеров и меньшевиков, а также объединенного заседания советских центров, обсудив сложившуюся ситуацию, склонились к временному признанию Директории и призвали демократические слои российского общества поддержать ее. Вместе с тем для окончательного решения вопроса о власти,

способной довести страну до Учредительного собрания, была признана необходимость скорейшего созыва съезда организованной демократии — Демократического совещания. Чтобы умиротворить левую часть участников объединенного заседания исполкомов Советов — большевиков, меньшевиков и левых эсеров, высказывавшихся за более радикальные пути преодоления кризиса власти, один из лидеров правого крыла меньшевиков — Церетели заявил: «Я думаю, что в момент этого съезда демократия будет единой и если, кроме нас, не окажется ни одной живой силы в стране, то мы возьмем власть в свои руки.»

В целом одобрительно отнеслись к образованию Директории, а также ее персональному составу кадеты, увидевшие в ней временную отсрочку вхождения своих представителей в коалиционный кабинет. Однако они категорически возражали против решения вопроса о власти на Демократическом совещании. «Если власть будет создана совещанием, в котором примут участие только те общественные группы, что присоединились к резолюции Чхеидзе на Московском совещании, — писала газета «Речь», являвшаяся центральным органом кадетской партии, — то это и будет тот захват власти, на котором до сих пор настаивали большевики».

Кадетов по данному вопросу поддержали кооператоры. На чрезвычайном кооперативном съезде по докладу А. Чаянова делегатам на Демократическом совещании был дан наказ, гласивший о том, что совещание является частным и не может быть выразителем воли всей страны и источником власти.

Большевики расценили Директорию как ширму, прикрывающую союз эсеров и меньшевиков с кадетами, но вначале признали чрезвычайную важность Демократического совещания и необходимость обеспечения на нем наиболее полного своего представительства.

Они исходили из того, что при отказе руководства умеренных социалистов от коалиции с кадетами возникла реальная возможность принятия совещанием решения об отстранении от власти Директории и создании нового правительства, ответственного перед Советами и другими организациями трудящихся и обеспечения таким образом мирного развития революции. Но по мере того, как у лидеров эсеров и меньшевиков происходил поворот к курсу на коалицию, если не с кадетами, то с демократически настроенными представителями буржуазии, менялось и отношение большевиков к Демократическому

совещанию. В нем они начинали усматривать очередную уловку «соглашателей», рассчитанную на осуществление союза с цензовыми элементами. А за неделю до открытия совещания в «Рабочем пути» (центральный орган большевиков) была выдвинута версия, будто правительство Керенского намерено сорвать или отсрочить его. Позже, когда эта версия не оправдала себя, В. Ленин дал Демократическому совещанию еще более уничижительную характеристику, квалифицируя его как «совещание меньшинства народа», как «подлог демократии».

Организаторов совещания — правых социалистов лидер большевиков обвинял в том, что они «занимаются мелкими кражами демократизма: они созывают “демократическое совещание”, на котором и рабочие и крестьяне с полным правом указывают на урезание их представительства, на непропорциональность, на несправедливость в пользу наиболее близких к буржуазии (и к реакционной демократии) элементов кооперативов и муниципалитетов».

И эта характеристика совещания, и цитированные ленинские сентенции в адрес своих политических оппонентов являлись, мягко говоря, недостаточно обоснованными, так как ни кооперация, объединявшая в своих рядах от 2/3 до 4/5 всех крестьянских хозяйств страны, ни демократически избранные муниципалитеты и земства того времени по уровню представительности в них трудящихся города и деревни по существу не уступали не только Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но и другим массовым организациям народа — фабзавкомам, профсоюзам, солдатским комитетам, Всероссийскому крестьянскому союзу и т.д.

По мысли Керенского и его единомышленников Демократическое совещание должно было продемонстрировать монолитное единство, якобы имманентно присущее революционно-демократическому движению страны и «позволяют ему создать такое правительство, в котором нуждается революция». Но при той идейно-политической разногласии, которая царилла по вопросу о власти и других проблемах не только между основными партиями России, но и внутри каждой из них, совещанию не суждено было оправдать возлагавшихся на него надежды.

Демократическое совещание открылось в Петрограде 14 и продолжалось до 22 сентября. В его работе участвовало почти 1500 делегатов, из них 532 эсера, 305 меньшевиков, 134 большевика, 55 представителей трудовой народно-социалистичес-

кой партии, 17 «беспартийных» социалистов (таких как, например, А. Чайнов) и 4 кадета.

Обсуждение главного вопроса совещания – вопроса о власти по куриям и фракциям продемонстрировало большой разнобой мнений и соответственно результатов голосования. Так, в курии профсоюзов за коалиционную власть было подано всего 8 голосов при 73 против; за власть Советов – 53 и за власть, формируемую Демократическим совещанием, – 20 голосов. В курии городов сторонники коалиции собрали 73 голоса, а ее противники на 1 больше; причем примерно в той же пропорции разделились голоса при оценке полномочий самого совещания. Крестьянские организации дали близкие показатели: за – 66, против – 57, правда, платформа бывшего «селянского министра» В. Чернова – за коалицию без кадетов получила здесь 95 голосов. Значительно правее оказались земцы и кооператоры: у первых за коалицию – 54, против – 6 при 17 воздержавшихся, у вторых только 2 голоса против. Общее голосование, проводившееся 19 сентября, показало, что большинство (766 против 688 при 38 воздержавшихся) за коалицию с «цензовыми элементами». Перевес сторонникам коалиции обеспечили представители крестьянства, кооперации, земства и других более мелких курий.

Поскольку в основе такой разногласицы лежали различные партийно-политические пристрастия, конечные итоги совещания в основном определялись на партийных фракциях.

Но после этого депутаты обсуждали и голосовали две поправки: 1) об исключении из коалиции тех кадетов, что оказались причастны к корниловщине; 2) об исключении из коалиции всей кадетской партии. Обе поправки были приняты. Но при голосовании общей резолюции, гласившей «съезд за коалицию, но без кадетов», она была с треском провалена – большинством 813 при 183 «за» и 80 воздержавшихся.

Возникла тупиковая ситуация. Совещание приняло два по сути взаимоисключающих решения: одно за создание коалиционной власти, другое – против. Вместо единства рядов революционной демократии оно демонстрировало углубление идейно-политического раскола в ее среде. Нелепость такого итога совещания заставила лидеров умеренных социалистов предпринять дополнительные шаги для того, чтобы «воссоздать единство воли демократии».

Было решено не разъезжаться и сделать попытку, рассматривая результаты голосования как показатель настроения со-

вещания, договориться на фракционных и групповых собраниях. 20 сентября после этих собраний на заседании президиума совещания, пополненного представителями фракций и групп, было принято решение о выделении из состава совещания Временного Совета республики (Предпарламента), куда вошли бы и представители цензовиков, но преобладание должно быть обеспечено демократическим элементам. В тот же день предложение об организации Предпарламента 829 головами при 106 против было принято совещанием. 22 сентября утверждением списка членов Предпарламента Демократическое совещание закончило работу. Задачу свою — вывести страну из правительственного кризиса, оно так и не решило, ограничившись перепоручением Предпарламенту ублюдочной прерогативы «содействовать» созданию правительства.

В этих условиях 22–23 сентября проходили переговоры членов Временного правительства, руководителей Демократического совещания, группы московских «общественных деятелей» и представителей ЦК кадетов. На них обсуждались демократическая программа 14 августа, изложенная Чхеидзе на Государственном совещании как основа антикризисной политики, а также вопросы определения юрисдикции Предпарламента. В процессе переговоров программа 14 августа была пересмотрена и «смягчена» настолько, что стала приемлемой для кадетов. По вопросу же о статусе «детища» Демократического совещания его руководители отказались от принципа ответственности власти перед Предпарламентом, которому отводилась таким образом роль всего лишь совещательного органа, а организацию этого органа, переименованного в Совет республики, передали в руки правительства.

Вечером 23 сентября состоялось заседание Предпарламента в составе, избранном перед закрытием Демократического совещания. Оно отвергло резолюцию большевиков, в которой достигнутое на переговорах соглашение расценивалось как предательство чаяний трудящихся и выдвигалось требование установить «истинно революционную власть», и незначительным большинством приняло предложенную Даном резолюцию, которая молчаливо одобряла итоги переговоров. После этого никаких преград на пути Керенского и его присных к созданию третьего коалиционного правительства уже не было. 25 сентября состав нового кабинета был назван. Керенский оставался главой правительства и Верховным главнокомандую-

щим. Кадет Коновалов стал заместителем министра-председателя и министром промышленности. Сохранили свои портфели члены Директории Терещенко, Верховский, Вердеревский и Никитин, последний наряду с ведомством почт и телеграфов получил и кресло министра внутренних дел. Хотя в новом кабинете министры-социалисты имели большинство по сравнению с представителями кадетов и деловых кругов: 10 и 6 – пропорция, обратная первому коалиционному правительству, – ключевые посты в нем остались за кадетами и цензовиками.

В интеллектуально-профессиональном отношении подбор людей в правительстве был в общем весьма удачным. Так, портфели министров продовольствия и земледелия достались видным экономистам и знатокам отечественной кооперации С. Прокоповичу и С. Маслову. Под стать им на должности товарищей министров были назначены будущие светила российской и мировой науки – Н. Кондратьев, А. Чаянов, А. Челинцев. Инициативно, с большим знанием дела принялись они за работу.

Но дни этого правительства были уже сочтены. Не успели газеты опубликовать список кабинета министров, как Петроградский Совет, руководимый теперь большевиками, от имени рабочих и солдат потребовал: правительство – в отставку. По инициативе Советов по всей стране со времени разгрома корниловщины развернулось движение за немедленный созыв Всероссийского съезда Советов.

Даже после демонстративного ухода членов большевистской фракции из Предпарламента этот представительный орган революционной демократии, разбавленный примерно на треть состава элементами либерально-консервативного толка, по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики все чаще оказывается в оппозиции к правительству Керенского.

Недаром один из сподвижников премьер-министра, незадачливо пытавшегося снискать лавры российского Наполеона, вскоре после петроградских событий 24-25 октября 1917 г. напишет: «начиная от левых эсеров и кончая кадетами, начиная от «Новой жизни» и кончая «Речью», все вступившие в коалицию силы старались своими речами во Временном Совете республики и своими выступлениями хоть чем-нибудь подорвать доверие к созданному и признанному ими правительству...»

Предпарламент, таким образом, не только не помог Временному правительству собрать вокруг себя недостающие силы и,



опираясь на них, довести страну до Учредительного собрания, но, наоборот, лишь усилил его политическую изоляцию. Тот же соратник Керенского должен был с горечью констатировать: «Временный Совет Республики не нашел общего языка, чтобы высказать свое отношение к вопросу об обороне страны – казалось, что оборона страны не нашла своих защитников. Совет отрицательно отнесся ко внешней политике Правительства... Наконец, когда обнаружился переход большевиков от слов к делу, совет вынес резолюцию такого содержания, что всякий мог понять ее, как порицание Временному правительству».

Иначе говоря, «керенщина», лишившись сначала поддержки в широких слоях народа, ко времени выступления большевиков стала утрачивать и политический кредит умеренно-социалистических партий, порождением которых она являлась.

## **§ 5. Октябрьско-ноябрьские события в Петрограде и Москве: большевики берут власть**

**Большевики  
меняют тактику  
борьбы за  
власть**

Глубокий общественно-политический и правительственный кризис, связанный с корниловщиной и ее ликвидацией, а также отказом эсеров и меньшевиков от коалиции с кадетами, создал условия, когда вновь возникла возможность мирного развития революционного процесса в стране. Вождь большевиков вовремя увидел эту возможность и в статье «О компромиссах» рекомендовал своей партии воспользоваться ею, предложив партиям умеренно социалистической ориентации компромисс на основе возврата к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков. Более того, он подчеркивал, что «если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее».

**Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870–1924)** – родился в Симбирске в семье инспектора народных училищ. Учился в Казанском университете (исключен за участие в революционной сходке студентов). В 1891 г. сдал экстерном экзамены за юридический факультет Петербургского университета. Член партии с 1893 г. Тогда же стал руководить рабочими кружками в Петербурге, где вел пропаганду социал-демократических идей. Организатор Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»

(1895), газеты «Искра», большевистской партии. Подвергался арестам, отбывал ссылку в Восточной Сибири. С 1900 по 1917 гг. – в эмиграции (в 1905 г. короткий период работал в революционном Петербурге). Редактировал большевистские издания «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и др. Создатель газеты «Правда». Возвратившись 3 (16) апреля 1917 г. из эмиграции в Петроград, в знаменитых «Апрельских тезисах», других выступлениях и документах разработал план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической (с июля 1917 г. – на нелегальном положении). Руководил подготовкой и проведением Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. II-й Всероссийский съезд Советов образовал правительство – Совнарком, председателем которого избрали Ленина. Одновременно он возглавлял Совет рабочей и крестьянской обороны (с 1920 г. – Совет Труда и Обороны). Член Политбюро ЦК партии с 1917 г. Создатель III, Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Сформулировал принципы объединения советских республик в федеративное государство – Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

В советской литературе Ленин именуется как «величайший пролетарский революционер и мыслитель, продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса, организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель Советского социалистического государства, учитель и вождь трудящихся всего мира». В настоящее время оценки личности и дела Ленина пересматриваются, но все сходится в одном: никто из величайших политиков не оказал такого влияния на изменение хода мировой истории, как Ленин. Во время перенесения в мавзолей гроба с телом Ленина было зачитано обращение, в котором говорилось: «На рубеже новой эпохи в веках будет стоять эта громадная фигура. Ибо Ленин был и будет, даже после своей физической смерти, вождем нового человечества, глашатаем, пророком, творцом нового мира». Мавзолей с мумией вождя стал местом паломничества десятков миллионов людей, неотъемлемой частью советского ритуала поклонения «пророку, творцу нового мира».

Полное собрание сочинений В. Ленина издавалось в нашей стране пять раз, однако в него не вошли сотни ленинских документов, рисующих вождя и его дела без «хрестоматийного глянца».

Одновременно с Лениным и независимо от него большевистский ЦК наметил и проводил ту же тактическую линию, изложенную в его резолюции «О власти», которая была принята 31 августа и оглашена в тот же день большевистской фракцией на заседании ЦИК Советов. Она послужила важным фактором достижения единства действий различных течений российской революционной демократии в борьбе против заговора генералов. Сам исторический факт этого объединения сил и его выдающуюся роль в разгроме корниловского мятежа должен был признать и Ленин, хотя он, как известно, призывал свою партию бить мятежников, действуя рука об руку с эсерами и меньшевиками, но идти к взятию власти врозь. «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против бур-

жуазии... — писал он, — такой союз *испытан* только по одному фронту, только в течение *пяти дней*, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией...»

Перспективу мирного развития революции на основе упомянутых выше требований большевистский лидер допускал, пусть и с оговорками, почти до начала работы Демократического совещания. Но как только в руководящих верхах партий умеренно социалистической ориентации вновь возобладала тяга к правительственному альянсу если не с кадетами, то хотя бы с ценовиками, Ленин не замедлил ответить на это крутым поворотом в вопросах тактики борьбы большевиков за власть. Считая, что по вине эсеров и меньшевиков ко времени открытия Демократического совещания была упущена последняя возможность достижения компромисса мирной передачи власти Советам и что в стране к тому времени имелись «налицо все объективные предпосылки успешного восстания», он предлагает своим коллегам по ЦК «на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства».

Но чтобы разрядить, как он выражался, атмосферу некоего увлечения «Совещанием», побороть «парламентские настроения» в верхах партии, Ленину предстояло потратить немало сил и времени. Известно, что заседание ЦК при обсуждении 15 сентября ленинских писем «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», где обосновывалась установка на вооруженное восстание, большинством в шесть голосов против четырех при шести воздержавшихся, решило сохранить только один экземпляр этих писем, а остальные уничтожить, поручив членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в Петроградском комитете, «принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах».

Колебания по вопросу о восстании в среде большевистских цекистов длились более месяца. Вследствие этого представители большевиков приняли участие не только в работе Демократического совещания, но и созданного им Предпарламента. 23 сентября на его заседании большевистская фракция выступила с заявлением, в котором предлагала умеренно социалистическому большинству Совета республики прервать ведущиеся Керенским и его окружением переговоры с ценовой

буржуазией и приступить к созданию истинно революционной власти. А 29 сентября ЦК РСДРП(б) принял проект воззвания, в котором вопреки ленинским предложениям о восстании намечался сугубо мирный парламентский путь использования партией трибун Предпарламента, II Всероссийского съезда Советов и Учредительного собрания.

«У нас не все ладно в «парламентских» верхах партии», — писал об этом Ленин, подчеркивая, что в них «заметны шатания, как бы «боязнь» борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами». Находя, что такие шатания чреваты непоправимыми последствиями, он в продолжении к письму «Кризис назрел», предназначенном для членов ЦК, Петроградского и Московского комитетов партии и Советов, заявил, что в случае непринятия его предложений будет вынужден выйти из ЦК, чтобы «оставить за собой свободу агитации *в низах* партии и на съезде партии».

Настойчивые действия вождя, усиленные этим ультиматумом, получили поддержку со стороны Московского областного бюро большевиков. В конце сентября на заседании этого бюро была принята резолюция, обвинявшая ЦК в нерешительности, колебаниях, которые вносили замешательство в партийные ряды, и требовавшая взять ясную и определенную линию на восстание. 3 октября на заседании ЦК в докладе Ломова о Московской области было сообщено о позиции, занятой руководством крупной региональной организации партии. В протоколе заседания значилось, что в области настроение крайне напряженное и что массами выдвигается требование о каких-либо конкретных мероприятиях. Концовка этого документа гласила: «Прений по докладу решено не вести». Как писал Троцкий, комментировавший позже это событие, ЦК продолжал еще уклоняться от ответа на вопрос, что делать? Но нажим Ленина и поддержка его Москвой пробили первую брешь в выжидательной позиции цекистов. На том же заседании ЦК вынес решение «предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь», а через день руководящий центр партии постановил обязать большевистскую фракцию выйти из Предпарламента, огласив декларацию, в которой Совет республики характеризовался как новое издание булыгинской думы. 7 октября во исполнение этого решения большевики демонстративно покинули здание Мариинского театра, где работал Предпарламент.

Эта акция, по мнению Троцкого, означала, что сделан первый шаг на пути к восстанию. Не случайно докладывая о ней 9 октября Петроградскому Совету, Троцкий закончил речь лозунгом: «Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!»

Очевидно, где-то между 3 и 10 октября Ленин тайно вернулся в столицу. По его настоянию в ночь с 10 на 11 октября на квартире меньшевика Н. Суханова, жена которого Г. Флаксерман была большевичкой, проходило заседание ЦК РСДРП(б). Оно придало идее восстания силу общепартийной установки. Написанная Лениным резолюция по данному вопросу была одобрена 10 членами ЦК против двух (Каменева и Зиновьева). Признавая в ней, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», большевистский ЦК предложил «всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы».

Но и после принятия данного решения борьба мнений в большевистских верхах по вопросу о восстании продолжалась. Ленину и его сторонникам противостояли, с одной стороны, Каменев и Зиновьев, с другой – Троцкий, Сталин и некоторые другие лидеры партии. Вместо вооруженного восстания, на котором настаивал Ленин, Каменев и Зиновьев считали возможным ограничиться выжидательной позицией для того, чтобы добиваться поддержки масс и таким образом обеспечить перевес в Учредительном собрании и Советах, через которые и проводить в жизнь, не прибегая к насилию, программу своей партии. Расхождения между Лениным и Троцким с его единомышленниками касались времени начала выступления и того, какую оболочку надлежало ему придать. Если ленинская позиция предусматривала нанесение упреждающего удара накануне съезда Советов, с тем чтобы предопределить его волю, то Троцкий исходил из необходимости дожидаться съезда и через него продиктовать Временному правительству требование передать власть Советам; к силе же прибегать лишь в случае отказа правительства подчиниться воле съезда.

Эти и другие теоретико-практические разногласия внутри узкого круга партийных лидеров, становясь известными партийному активу столиц и их окрестностей, вызывали в их среде резонанс, грозивший срывом принятой ЦК установки на восстание. Учитывая это и тот факт, что Каменев и Зиновьев, несогласные с резолюцией ЦК от 10 октября, продолжали ак-

тивно выступать против нее, Центральному комитету большевиков пришлось на следующем, теперь уже расширенном заседании 16 октября вновь обсуждать вопрос о восстании, чтобы закрепить и конкретизировать решение, принятое неделей раньше. В ходе жарких прений из 25–26 присутствующих высказался 21 участник заседания. Большинством в 19 голосов, при 2 против и 4 воздержавшихся, была принята предложенная Лениным резолюция. Она гласила: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления». Победа сторонникам Ленина далась нелегко. Об этом свидетельствуют результаты голосования по альтернативной зиновьевской резолюции: за – 6 голосов, против – 15 и трое воздержались. Иначе говоря, более чем у трети голосовавших были существенные возражения против установки на немедленное восстание. Сопоставление итогов голосования и содержания отдельных выступлений показывает, что за ленинскую резолюцию и против зиновьевской голосовали, по-видимому, даже некоторые участники заседания, сомневавшиеся в целесообразности начала восстания до съезда Советов. Более того, в выступлениях некоторых ораторов, казалось бы, поддерживавших Ленина, содержались столь существенные оговорки, что невольно возникает мысль о большой степени относительности наблюдений, которые базируются на подобного рода статистике. Ярким образчиком таких оговорок может служить заявление правого «ленинца» – Я. Свердлова по вопросу о расстановке сил в стране накануне Октября, сделанное на этом заседании ЦК. «Говорить о том, что большинство против нас, не приходится, – утверждал он, пытаясь поддержать ленинский тезис, будто «массы идут за нами», но тут же буквально, перечеркивал его своей оговоркой, что «оно (большинство народа – *авт.*) только еще не за нас».

Отмечая серьезность расхождений по вопросу о восстании, имевших место внутри руководящих большевистских верхов в начале осени 1917 г., было бы односторонним преувеличивать как глубину расхождений, так и степень их негативного воздействия на подготовку восстания, чем явно грешила наша

прежняя историография. В жарких спорах и на заседаниях ЦК, и на неофициальных встречах Ленина и других цекистов с теми, кто отвечал за военно-техническую подготовку выступления (В. Антонов-Овсеенко, Н. Подвойский, П. Дыбенко и др.), происходило не столько размежевание, сколько постепенное сближение позиций: Каменева и Зиновьева с Троцким по вопросу о взаимосвязи восстания и съезда Советов, а Ленина с Троцким – об упреждающем ударе под флагом обороны, о необходимости при этом не только «вину», но и почин свалить на противника». К тому же наличие известных разногласий не помешало большевистскому ЦК в решающий момент 24 октября, даже при отсутствии на этом заседании Ленина, действовать сплоченно и решительно.

**Деятельность правительства, военных властей и подготовка большевиками восстания** Временное правительство могло сорвать планы большевиков, выиграв оно в сентябре-октябре политическую схватку с ними за умы и сердца солдат петроградского и московского гарнизонов. Но именно здесь крупным политическим проигрышем обернулось для команды Керенского корниловское выступление. Недаром впоследствии и сам незадачливый премьер, и некоторые его сподвижники значительную долю вины за свое поражение пытались переложить на правый лагерь. «Все те, кто поддерживал Корнилова, фактически породили восстание большевиков, ибо именно в период корниловщины солдаты петроградского и московского гарнизонов почувствовали свою силу при разрешении конфликтов политической борьбы, – едва ли не первым выдвинул такого рода версию А. Никитин, возглавлявший сразу два ведомства в последнем составе Временного правительства. – Кто призывал генералов, тот вызвал солдат – пусть же не отказывается от своей доли ответственности за происшедшее».

Как бы то ни было, большевикам в процессе борьбы с мятежными генералами удалось склонить на свою сторону не один десяток тысяч солдат столичных гарнизонов. Проиграв большевикам эту пока еще мирную битву, правительство в дальнейшем допускало один крупный политический просчет за другим.

В первых числах октября под предлогом возможного наступления немцев на Петроград, Временное правительство разрабатывает планы своего переезда в Москву и эвакуации петроградской промышленности в глубь страны. Это позволило

большевикам обвинить правительство в стремлении сдать «Красный Питер» врагу. Стоило только 6 октября опубликовать в печати сообщение о планах эвакуации, как тут же бюро Исполкома Петросовета, в котором преобладали большевики, заявило, что без его согласия никакая эвакуация невозможна. А солдатская секция Совета приняла резолюцию, в которой говорилось, что если правительство не в состоянии защитить город, то оно должно или заключить мир, или передать власть в другие руки.

Временному правительству пришлось капитулировать, сначала заявив, что эвакуация откладывается на месяц, а затем и вообще отказаться от этой затеи. Еще большим подарком для большевиков стало распоряжение правительства о переброске на фронт под тем же предлогом части войск петроградского гарнизона. Оно вызвало в солдатской среде бурю негодования. Отказываясь подчиниться приказу, солдаты на своих митингах и собраниях выражали недоверие Временному правительству и требовали передачи власти Советам.

Даже казачьи полки, на которые правительство возлагало особые надежды, и части с фронта, переброшенные в Петроград после июльских событий, либо заняли нейтральную позицию в противоборстве Совета с военными властями по поводу судьбы гарнизона, либо открыто поддержали Совет.

Именно тогда не только с трибуны Петросовета, в печати, но, что особенно важно, в казармах, на заводах и фабриках большевики выбросили лозунг «Всероссийский Съезд Советов — в опасности», напрямую связав его с угрозой второй корниловщины.

Последствия конфликта по поводу гарнизона свидетельствовали о том, что больной организм режима Керенского вступил в стадию предсмертной агонии. Л. Троцкий был недалек от истины, когда писал, что безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки правительство окончательно погубило себя.

Помимо дискредитации Временного правительства в глазах десятков тысяч солдат, большевики извлекли из этого промаха Керенского еще одну пользу. Опираясь на меньшевистское предложение создать в Петросовете Комитет революционной обороны, они сумели провести через пленум Совета решение об организации такого комитета, который наряду с задачей защиты города от внешнего врага, должен был обеспечить безопасность народа от «открыто подготавливающейся атаки военных и штат-



ских корниловцев» Вскоре Исполком Совета переименовал создаваемый орган в Военно-революционный комитет (ВРК).

Сформировался ВРК в период между 16 и 21 октября. Состав его был весьма подвижным и не всегда фиксирующимся в документах. До свержения Временного правительства он, вероятно, исчислялся в несколько десятков человек и включал большевиков, левых эсеров, нескольких анархистов, а также представителей Петроградского Совета, губернского Совета крестьянских депутатов (в котором преобладали левые эсеры), областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, фабзавкомов и профсоюзов.

Для оперативного содействия повседневной работе ВРК было организовано его Бюро, которое состояло из большевиков и левых эсеров. Председателем Бюро и всего ВРК был избран левый эсер П. Лазимир, по профессии фельдшер. Однако в решающие дни подготовки и проведения восстания обязанности председателя ВРК не реже, чем Лазимир, исполняли большевики Подвойский, Антонов-Овсеенко и Троцкий.

Фактически ВРК стал советским легальным штабом восстания, ведавшим преимущественно военно-технической стороной его подготовки. Большевики направляли работу ВРК через Партийный центр, избранный на заседании ЦК 16 октября. Политическая борьба, развернувшаяся вокруг вывода войск, позволила большевикам, которые действовали под легальным прикрытием ВРК и лозунгами защиты столицы от внешнего и внутреннего врагов, в течение нескольких дней установить контроль над большинством частей гарнизона. Проведением 18–21 октября серии гарнизонных совещаний была налажена живая связь ВРК с солдатскими и матросскими комитетами частей гарнизона и судов, находившихся в черте города.

Чтобы закрепить достигнутый успех, ВРК направил в полки шесть первых своих комиссаров. В следующие 2–3 дня замена ранее назначенных правительством комиссаров таковыми от ВРК приобрела едва ли не повсеместный характер. В обязанности новых комиссаров входило установление контроля ВРК и руководство политическими и военными действиями частей. По распоряжению ВРК им предоставлялось неограниченное право накладывать вето на приказы командиров частей и подразделений.

В ночь с 21 на 22 октября в штабе Петроградского военного округа появилась делегация ВРК и потребовала от командую-

щего войсками округа полковника Г. Полковникова подчинения штаба Петросовету и признания полномочий комиссаров ВРК. Полковников наотрез отказался, пригрозив арестом, после чего делегация вернулась в Смольный – резиденцию большевистского ЦК, Петросовета и ВРК.

Заслушав делегацию, ВРК провел очередное совещание представителей частей гарнизона, на котором была принята резолюция о том, что, поскольку штаб округа порвал с революционным гарнизоном и таким образом стал прямым орудием контрреволюционных сил, никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные ВРК, недействительны.

22 октября в ответ на попытку ВРК явочным порядком подчинить себе гарнизон Петрограда, штаб округа предъявил Совету ультиматум: отменить свои распоряжения, не то к нему будут применены «решительные меры». Чтобы выиграть время, большевики формально согласились принять ультиматум и, не прекращая готовить восстание, предложили начать переговоры.

Тут же была достигнута договоренность о создании при штабе округа «консультативного органа» Совета. 23 октября штаб посетила вторая делегация ВРК, создавая видимость продолжения переговоров, но на деле вела «рекогносцировку». Применяя такую «обволакивающую», по выражению Троцкого, тактику, большевики добились, чего хотели: во-первых, предотвратили арест членов ВРК, а, во-вторых, разведка позволила им получить то или иное представление о замыслах и действиях противника, его военного руководства.

Одновременно они развернули крупную политическую кампанию – в воскресенье, 22 октября, готовились под предлогом Дня Петросовета провести смотр своих сил перед решающей схваткой. Но на тот же день Совет союза казачьих войск назначил вооруженное шествие казаков к Казанскому собору для освящения оружия, приурочив его к отмечавшейся тогда 105-й годовщине изгнания наполеоновских войск из Москвы. Выход на улицы города большой массы рабочих и солдат под лозунгом «Вся власть Советам!» и консервативно настроенных казачьих полков грозил в накаленной обстановке вылиться в стихийные столкновения и кровопролитие.

Поэтому ВРК потребовал отменить крестный ход казаков и Временное правительство требование это удовлетворило. Вооруженные казаки на улицы города не вышли. Что же касается Дня Петросовета, то он прошел по полной программе, проде-

монстрировав приверженность десятков тысяч рабочих, солдат и матросов радикальным лозунгам левых: «Мир – хижинам, война – дворцам!», «Власть – Советам!», «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!», «Хлеб – голодным!»

Переходя таким образом в широкомасштабное наступление, большевики продолжали утверждать, что поднимать восстание не входит в их планы и что задачу свою видят в том, чтобы защитить съезд Советов от любых поползновений контрреволюции. Примечательно, что даже 25 октября, когда весь Петроград, за исключением Зимнего дворца и еще нескольких зданий, находился в руках восставших, ВРК в газете «Новая жизнь» от 25 октября 1917 г. опубликовал следующее сообщение: «Вопреки всякого рода слухам и толкам, ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных и погромных посягательств».

Эта политическая дипломатия «по-талейрановски» оказывала дезориентирующее воздействие на Керенского и его соратников, которые до самого последнего момента надеялись, что дело до восстания не дойдет. «Подготовка Учредительного собрания шла полным ходом и была уверенность в его своевременном созыве; с 25 октября до дня выборов осталось только три недели – и безумием казалось, чтобы большевики решились на свою преступную авантюру, ибо она была бы нападением не на правительство, а на народ, готовившийся в это время свободно выявить свою верховную, обязательную для всех волю», – признавался четыре недели спустя свергнутый министр Временного правительства А. Никитин. «Надежда, что безумный шаг не будет сделан. Незнание, что делать, если он все же будет. Оглядка на Зимний дворец и Керенского и ожидание директив», – вот что ощутил и зафиксировал в командных верхах штаба округа 24–25 октября П. Пальчинский, фактически возглавлявший оборону Зимнего дворца.

Явный перевес сил на своей стороне, нерешительность Временного правительства и военных властей, а также усиление разброда и шатаний, которые констатировал В. Ленин в рядах так называемых ненадежных попутчиков революции, вселяли в лидеров большевиков уверенность, что время для овладения властью настало. Не хватало малого – легального повода для действий с оружием в руках. И он не заставил себя долго ждать.

Поводом к вступлению послужили действия Временного правительства. В ночь с 23 на 24 октября оно отдало распоряжение о закрытии за призыв к вооруженному мятежу двух ведущих большевистских газет — «Рабочий путь» и «Солдат», и, как бы для соблюдения политического равновесия, стольких же правых газет («Новая Русь» и «Живое слово»), которые звали русских людей «встать грудью за права России и предложить присяжному поверенному Керенскому передать власть достойному». Командующему Петроградским округом Г. Полковникову был отдан приказ вызвать войска из пригородов для усиления охраны Временного правительства, что и было сделано. Обсуждался вопрос о снятии с той же целью части войск с Северного фронта. Кроме того, Керенский предложил немедленно арестовать членов ВРК и большевиков-участников событий 3–5 июля, которые были выпущены из-под ареста после Корниловского выступления. Но большинство министров, одобрив в принципе эту меру, рекомендовало премьеру прежде заручиться поддержкой Совета республики.

На рассвете 24 октября отряд милиции и юнкеров закрыл типографию «Труда», где печатался «Рабочий путь», оставив у нее караул. Как только известие об этом поступило в ВРК, его руководители подготовили и разослали по гарнизону и судам Балтийского флота «Предписание № 1». В нем говорилось: «Петроградскому Совету грозит прямая опасность, ночью контрреволюционные заговорщики попытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газета «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Настоящим предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений. Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции.» По приказу ВРК рота солдат направилась к закрытой типографии и, сняв караул, обеспечила возобновление выпуска «Рабочего пути».

Тем временем состоялось экстренное заседание ЦК большевиков. Оно одобрило отправку отряда для охраны типографии и обеспечения своевременного выпуска очередного номера газеты. Было решено: членам ЦК весь день не покидать Смольный, создать запасной штаб в Петропавловской крепости, установить контроль над почтой и телеграфом, наладить связь с железнодорожниками и Москвой, вести наблюдение за Времен-

ным правительством, озаботиться организацией продовольственного дела, провести переговоры с левыми эсерами, распределив персональную ответственность между членами ЦК за проведение всех этих мер.

Действия ВРК и большевистского ЦК утром 24 октября в ответ на попытку нанесения Временным правительством упреждающего удара свидетельствовали о том, что вооруженное противостояние сил, верных Керенскому, и тех, кто шел за большевиками, перерастет в прямое и все более расширяющееся столкновение между ними. Началось оно с конфликта вокруг типографии, где печатался «Рабочий путь». Затем в течение этого дня и ночи с 24 на 25 октября борьба развернулась за овладение мостами, узлами телефонной и телеграфной связи, вокзалами, банками и другими стратегически важными объектами. Первыми их взяли под охрану верные правительству части гарнизона и отряды юнкеров. Во второй половине дня 24 и в ночь на 25 октября большевикам с помощью превосходящих сил солдат, матросов и красногвардейцев удалось вытеснить или разоружить немногочисленные пикеты, выставленные на этих объектах командованием округа. Решена эта проблема была, как сообщал сутками позже в Ставку начальник политического управления военного министерства меньшевик Шер, по заранее разработанному плану, выполняемому не только неуклонно и стройно, но и бескровно: «подходя к тому или иному зданию, охраняемому правительственным патрулем, восставшие снимали его без всякого сопротивления».

Ситуацию, которая сложилась в столице к 10 час. утра 25 октября, характеризует телеграмма, отправленная тогда командующим войсками округа в Ставку и главнокомандующему Северным фронтом: «Доношу, что положение Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают казармы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали... Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства».

К этому времени Зимний дворец, здания военного министерства, штаба округа и Мариинского театра, где располагался Совет республики, остались едва ли не единственными, нахо-

дившимися еще в руках Временного правительства. Участь правительства была таким образом фактически предрешена.

Хорошо понимая, что дело захвата власти в сущности сделано, В. Ленин набрасывает текст обращения ВРК «К гражданам России». Опубликованный утром 25 октября этот документ объявлял, что Временное правительство низложено и государственная власть перешла в руки органа Петросвета — ВРК.

Еще днем 24 октября Керенский выступил во Временном Совете республики с заявлением о начавшемся выступлении большевиков и просил предоставления правительству чрезвычайных полномочий. Но после перерыва этого заседания для обсуждения вопроса на фракциях большинством голосов Предпарламент принял резолюцию, которая хотя и осуждала экстремистские действия большевиков, но в то же время констатировала, что почва для них создана нерешительной политикой правительства и требовала от него немедленных шагов для провозглашения условий мира, начала мирных переговоров и издания декрета о передаче земли до Учредительного собрания в ведение земельных комитетов.

Когда председатель Совета республики Н. Авксентьев с лидерами фракций эсеров и меньшевиков вечером привез в Зимний этот документ, Керенский и члены правительства возмутились и пригрозили ему отставкой. Ведь они ждали от парламентариев поддержки, чтобы начать «решительные действия» против большевиков, а получили резолюцию, в которой по существу выражалось недоверие правительству. Чтобы ликвидировать инцидент, посланцам Предпарламента пришлось заявить, что «формула перехода» в спешке неудачно сформулирована и что на следующем заседании они готовы огласить соответствующее разъяснение.

Но, как покажет дальнейшее развитие событий, отчуждение, которое возникло между командой Керенского и революционной демократией, еще недавно являвшейся его главной опорой, вождям этой демократии так и не удалось устранить. В тревожном состоянии поздней ночью, когда по приказу ВРК велся методичный захват восставшими стратегических пунктов города, члены правительства расходились со своего заседания. Но надежда, что все образуется, еще не покинула большинство из них. «Мы думали все-таки, — признавал вскоре А. Никитин, в чьи обязанности министра внутренних дел входило обеспечение общественного порядка в стране и столице, —

что дело не дойдет до кровавого столкновения, что революционная демократия употребит все свое влияние на массы своих последователей и бросит на чашку весов все свое влияние против авантюры большевиков».

Керенский же со своим заместителем А. Коноваловым провели эту роковую для Временного правительства ночь в штабе округа, тщетно пытаясь собрать силы для отпора большевикам. В этих целях они вели переговоры с делегацией трех казачьих полков, находившихся в Петрограде, но получили ответ, что без поддержки пехотных частей казаки защищать правительство не могут, тем более, что они убедились в бесполезности борьбы на стороне правительства в июльские дни, когда арестованные большевики вскоре оказались на свободе.

Увидев, что в городе нет вполне верных правительству войск, Керенский по совету Коновалова решил отправиться навстречу будто бы подходящим с фронта войскам. Перед тем, как он утром 25 октября покинул Зимний дворец, начавшие собираться на заседание министры предприняли еще одну попытку склонить представителей казаков на свою сторону, но опять без особого успеха. В общей сложности на охрану Зимнего к полудню 25 октября удалось собрать несколько рот юнкеров, три сотни казаков и полуроту женского батальона – всего около 900 человек и до сотни офицеров при нескольких десятках пулеметов, 6 пушках и 4 броневиках.

Большевики располагали значительно большими силами. Только в оцеплении и взятии Зимнего дворца, по подсчетам разных исследователей, участвовало от 11 до 18–20 тыс. солдат, матросов и красногвардейцев. Однако расхожее утверждение нашей отечественной доперестроечной литературы, будто почти весь гарнизон Петрограда (160 тыс. чел.) и пригородов (85 тыс.) шел в это время за большевиками, тоже серьезно грешит против истины. Дело в том, что помимо казачьих полков большинство других частей гарнизона тоже объявили «нейтралитет» в происходящем конфликте. По оценкам таких авторов, как Р. Пайпс и Н. Суханов, коих нельзя заподозрить в апологетике Октябрю, на стороне большевиков было от 4 до 10 % гарнизона, а на стороне правительства еще меньше. Причем и без того явно недостаточные силы сторонников Временного правительства в ходе быстротечных петроградских событий 24–25 октября таяли буквально не по дням, а по часам и даже минутам. «В Петрограде сейчас, – телеграфировал Главного-

мандующему Северным фронтом генерал для поручений при Керенском Левицкий, — не осталось ни одной части в полном смысле этого слова, на которую могло бы опереться правительство».

Исход борьбы в данной ситуации зависел не столько от значительности перевеса идущих за большевиками солдат петроградского гарнизона, сколько от того, поддержат ли правительство войска ближайшего к столице Северного фронта. Вот почему основной заботой большевиков было, во-первых, не дать правительству привлечь для подавления восстания войска с фронта, и, во-вторых, используя свой перевес сил в городе, как можно быстрее «добить» (по выражению Ленина) Временное правительство, с тем чтобы, если не исключить, то существенно ограничить колебания делегатов II съезда Советов, который по замыслу вождя большевиков, должен был не только политически закрепить успех борьбы за власть на улицах города, но и, овладев властью, создать в ее лице важнейшую предпосылку обеспечения победы ее сторонников и по стране в целом, то есть в Москве, на фронтах, в провинции.

Справиться с первой проблемой большевикам «помогло» само Временное правительство и его глава — Керенский. В благостной надежде, подпитываемой заявлениями Штаба округа и его главного начальника Полковникова, что сил для подавления большевистского мятежа достаточно, они слишком поздно осознали необходимость вызвать с фронта подкрепление, причем по оценке А. Никитина, незначительное. Только далеко за полночь с 24 на 25 октября, когда по распоряжениям ВРК силы восставших методично овладевали опорными пунктами столицы, генерал Левицкий передал Ставке приказы Керенского главкому Северного фронта генералу В. Черемисову направить все полки двух казачьих дивизий со своей артиллерией, а также 23-й Донской казачий полк в распоряжение главного начальника Петроградского округа Полковникова.

Кроме явного запоздания с принятием, срыву выполнения этого приказа способствовала поистине загадочная история с его временной отменой в решающий момент открытого противоборства, когда чаша весов окончательно склонялась в сторону большевиков, по одной версии — Главковерхом Керенским, по другой — генералом Черемисовым. Инициирование упомянутой акции эти деятели старились, как это случилось у того же Керенского с Корниловым двумя месяцами раньше, свалить



друг на друга. Любопытно, что об алиби Главковерху сейчас хлопотал его шурин — генерал-квартирмейстер Северного фронта Барановский, который в качестве платы за услугу рассчитывал получить от именитого родственника место Черемисова, но не получил, поскольку против выступили генерал Духонин и его помощник Вырубов, считавшие, что «такое назначение безусловно и определено только подорвет последнее доверие к назначающему».

Основанием же для отмены приказа о переброске фронтовых частей послужило принятое Временным правительством, на его последнем заседании без участия Керенского, решение о назначении особоуполномоченным по наведению порядка в городе кадета Н. Кишкина, вследствие чего посылка войск в Петроград признавалась «бесцельной и даже вредной, так как очевидно войска на сторону Кишкина не станут».

Что касается второй проблемы — как можно скорее занять Зимний дворец и Главный штаб, парализуя политический и военный центры противника, и тем самым предопределить характер работы II Всероссийского съезда Советов, то решение ее оказалось сопряженным с немалыми ошибками и издержками.

Прежде всего руководители восстания упустили реальную возможность уже в ночь с 24 на 25 октября без каких-либо осложнений захватить Зимний дворец и штаб. Как справедливо считал Н. Суханов, охрана Зимнего в эти часы была совершенно фиктивна, а штаб, где провели ночь премьер и его заместитель, не охранялся вовсе. Штаб вместе с Керенским и Коноваловым можно было взять голыми руками.

Эта упущенная возможность стоила нескольким участникам борьбы за обладание политическим и военным центрами правительственной власти жизни, а еще большему их числу — ранениями. Порождена она была скорее тактическими просчетами руководителей восстания, чем неготовностью в тот момент вооруженных сил большевиков решить эту задачу, о чем пишет Р. Пайпс. Дело в том, что первоочередной захват Зимнего и штаба противоречил возобладавшему в большевистском ЦК стремлению действовать в ходе восстания предельно осмотрительно, избегая до поры до времени открытого вооруженного конфликта.

Подтверждением тому является выступление И. Сталина перед большевистской фракцией II съезда Советов, заседавшей днем 24 октября. «В рамках ВРК имеются два течения: 1) не-

медленное восстание; 2) сосредоточить сначала силы. ЦК РСДРП(б), — подчеркивал оратор, — присоединился ко 2-му». Особенно активно отстаивал эту линию Л. Троцкий. «Наша задача, обороняясь, но постепенно расширяя сферу нашего влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов, — говорил он на том же заседании. — Было бы ошибкой командировать хотя бы те же броневики, которые «охраняют» Зимний дворец, для ареста правительства. Это оборона, товарищи, это оборона».

Выступления Сталина и Троцкого свидетельствовали о том, что вопреки настоятельным требованиям своего лидера действовать быстро и решительно, коллеги Ленина по ЦК придерживались в начале восстания иной тактики. Появление Ленина в Смольном внесло серьезные изменения в действия большевистского штаба восстания, направленные в сторону их всемерной активизации.

Заминка со взятием Зимнего не единственная оплошность, допущенная в ходе восстания и упорно замалчиваемая нашей доперестроечной исторической литературой. Если ей верить, то выходит, что, овладев рано утром 25 октября Центральной телеграфной станцией, восставшие разом лишили Временное правительство и штаб округа связи с их сторонниками как в городе, так и в стране в целом. Эта версия, проникшая даже в работы современных западных исследователей (А. Рабиновича, Р. Пайпса), опирается на сообщение, будто «Зимний дворец и штаб выключены из телефонной сети», содержащееся в Обращении ВРК от 25 октября, где желаемое выдавалось за действительное. Достаточно познакомиться с дневником А.Ливеровского, воспоминаниями Никитина и Н. Малянтовича, чтобы убедиться в том, что никакого отключения телефонов ни штаба округа, ни Зимнего дворца взятие большевиками телефонной станции не означало, и связь со своими сторонниками осажденные министры утратили только тогда, когда были арестованы.

Кстати, содержание переговоров, которые вели министры Временного правительства со всеми теми, на чью поддержку они рассчитывали, показывает, что последняя «команда Керенского», будучи осажденной в Зимнем дворце, отнюдь не являла собой состояние полной прострации, как это чаще всего изображалось в отечественной литературе доперестроечного времени. Упомянутые выше источники воспроизводят пусть

и не беспристрастную, но в целом весьма достоверную зарисовку действий Временного правительства, его министров в критические дни 24–25 октября, — действий, хотя и малоэффективных, но далеких от демонстрации растерянности, паралича воли и незнания происходящего в столице.

Показательна, например, их попытка собрать в Зимнем днем 25 октября представителей Сеньорен-конвента (совета старейшин) Предпарламента, политических партий, а также центральных исполнительных комитетов Советов с тем, «чтобы большевики имели перед собой не только Временное правительство, но и всю демократию в лице представителей своих организаций». Затея продемонстрировать таким образом единство рядов российской демократии оказалось несостоятельной. «Все наши просьбы, а затем самые резкие заявления другим организациям и партиям, — признавался А. Никитин, — ни к чему не привели». Не менее безуспешным оказался и финал обращений за помощью к руководству столичных городских самоуправлений. От имени городских управ Петрограда и Москвы их руководители (городские головы) отвечали, что считают «невозможным организовать что-либо на основании лозунга «защита Временного правительства», ибо за этим лозунгом никто не пойдет, и что необходимо выдвинуть лозунг охраны порядка и безопасности против большевиков». Вероятно потому, что эта попытка не удалась, у группы министров возникла мысль о нанесении по осаждающим внезапного удара с тыла силами боевиков эсеровской и других умеренно-социалистических партий. Активный сторонник идеи нанесения такого удара — А. Никитин обосновывал ее следующим образом: «Мы знали силы осаждающих, — писал он. — Если у нас было около 800 штыков, то у нападающих — не более 1000, причем они состояли из сброда красногвардейцев, солдат различных полков и матросов. Они разбежались при каждой опасности, и достаточно было одной-двух сотен, чтобы они разбежались совсем».

Пренебрежение к противнику, плюс излишняя самоуверенность, которыми в канун Октября явно грешил этот деятель, сослужили ему и Временному правительству скверную службу. Но как бы то ни было. сведения Никитина о численном соотношении сил, осаждающих Зимний и осажденных, заставляют задуматься: а был ли столь велик перевес сил участников восстания над теми, кто оборонял дворец, как это традиционно утверждалось во всей нашей историографии (до перестройки).

Но и из последней затеи ничего путного не получилось, поскольку руководители партий эсеров и меньшевиков, по словам Никитина, «боялись вызвать своих членов из полков и организовать отряды..., боялись защищать правительство, ими самими же созданное, боялись потерять свою популярность».

Все, на что решились умеренные социалисты – это принять участие в демонстрации, которую под занавес осады Зимнего решила направить туда Петроградская дума. Желающих принять участие в шествии собралось несколько сот человек. Демонстранты прошли один квартал и были остановлены заставой ВРК.

Не получив реального подкрепления ни с фронта, ни от своих сторонников в городе, осажденные в Зимнем и других зданиях, были обречены. По мере того, как сжималось кольцо оцепления, как восставшие сначала в полдень 25 октября захватили Мариинский дворец по распоряжению ВРК и распустили Предпарламент, а к вечеру в их руках оказался и штаб округа, усиливались колебания в рядах юнкеров, казаков и ударниц, охранявших Зимний дворец. Первыми покинули дворец, захватив с собой 4 пушки, юнкера Михайловского артиллерийского и броневика, команды которых ранее придерживались нейтралитета. За ними после предъявления осажденным ультиматума ВРК о сдаче настал черед казаков и ударниц. Временное правительство под впечатлением только что полученных сведений о скором подходе с фронта самокатчиков, а затем и нескольких полков казаков (на самом деле и те и другие были остановлены в пути), решили ни в какие сношения с ВРК не вступать и на предложение о сдаче не отвечать.

Напрасно прождав вместо 20 мин. (как было определено ультиматумом) более двух часов, нападавшие по сигнальному выстрелу орудия с «Авроры» открыли стрельбу из винтовок и пулеметов. Под прикрытием огня несколько групп матросов, солдат и красногвардейцев проникли во дворец, но вскоре были разоружены юнкерами. На этом первый приступ завершился.

После передышки, поздно вечером, был начат артиллерийский обстрел Зимнего. Он велся с двух сторон: из Петропавловской крепости, а также из-под арки Главного штаба, где огонь вели 2 пушки, недавно отобранные у юнкеров. Всего по дворцу было сделано около 40 орудийных выстрелов преимущественно шрапнелью, которые больших разрушений зданию не при-

чинили, но моральное воздействие на защитников Зимнего и министров оказали значительное.

О последних минутах Временного правительства министр земледелия С. Маслов спустя два дня рассказывал: «Около двух часов ночи в коридоре дворца раздался сильный шум. Стоявшая на охране группа юнкеров около 30 человек приготовилась к мужественному отпору прорвавшихся бунтовщиков. Но вмешательством членов Временного правительства столкновение было предотвращено. Ворвалась толпа вооруженных солдат, матросов и штатских во главе с Антоновым. В толпе раздались угрожающие крики и насмешки. Антонов именем революционного комитета объявил всех арестованными и начал переписывать присутствовавших». Министров ждали казематы Петропавловской крепости.

На следующий день в газетах будет напечатано, что при взятии Зимнего дворца погибли 6 человек и несколько десятков ранены.

За три с половиной часа до падения Зимнего дворца в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Состав съезда отражал расстановку политических сил преимущественно в городах и армии. Российскую деревню на нем представляли лишь посланцы Советов солдатских депутатов и тех немногих Советов, которые к этому времени существовали в качестве объединенных организаций рабочих, солдат и крестьян. Остальная часть тружеников села представительства на нем не имела, так как крестьянские Советы в ту пору олицетворяли далеко не все население деревни, а, главное, подчиняясь решению Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, они своих представителей на съезд не направили. Иначе говоря, II съезд Советов выражал осознанное волеизъявление не большинства народа, как это утверждалось в литературе советского времени, а его меньшинства, хотя социально едва ли не самого активного.

Обстановка вооруженного противоборства за власть, еще не завершившаяся взятием Зимнего, в которой съезд начинал свою работу, предопределила высокий накал политических страстей, выплеснувшихся уже на первом его заседании. Обвинив большевиков в организации и осуществлении военного заговора и захвата власти Петроградским Советом накануне съезда Советов, примерно третья часть делегатов съезда, при-

надлежащих к фракциям правых эсеров и меньшевиков-объединенцев, сразу же демонстративно ушла со съезда. Несколько позже, сославшись на то, что предложение их фракции вступить в переговоры со всеми социалистическими партиями о создании демократической власти не встретило сочувствия съезда, за ними последовали и меньшевики-интернационалисты во главе с Ю. Мартовым.

Пройдет какое-то время и некоторые из покинувших съезд поймут, что делать этого им не следовало. «Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левозеро-эсерскими ребятами и слабой группкой новожи-зненцев, — признавал Н. Суханов, — мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...» Последняя часть цитированного признания грешит явной гиперболизацией, но все же Суханову нельзя отказать в справедливости и самокритичности его оценки ухода сторонников «чистой демократии» со II съезда Советов. Своим уходом со съезда политические оппоненты большевиков только развязали им руки, помогли стать безраздельными хозяевами положения, обеспечили беспрепятственное принятие съездом подготовленных Лениным и его единомышленниками проектов первых советских декретов и других документов.

В перерыве между первым и вторым (ставшим, кстати, последним) заседаниями съезда днем 26 октября прошли заседания ЦК большевиков и их фракции этого съезда. Хотя протоколов этих заседаний не сохранилось, известно, что на них рассматривались и были одобрены написанные Лениным проекты декретов о мире и о земле. Кроме них большевистский ЦК рассмотрел и вопрос о создании советского правительства. Он обсуждался с участием трех представителей левых эсеров, которым было сделано предложение войти в состав правительства, но они отказались. Левозеро-эсерская фракция съезда настаивала на создании «однородного социалистического правительства» с участием в нем представителей партий и групп, ушедших со съезда. Но если создать такое правительство будет невозможно, левые эсеры соглашались поддержать правительство большевистского состава, не входя в него. Учитывая это, ЦК РСДРП(б) решил сформировать и представить на утверждение съезда сугубо большевистское правительство.

Сразу же на втором заседании съезда был оглашен Декрет о мире, встреченный бурной овацией и принятый единогласно. Вот что писал Д. Рид об обстановке, которая царила в это время в зале заседания: «Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него раздался такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... какой-то старый, убеленный сединой солдат плакал, как ребенок... Конец войне! Конец войне! – радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий».

В наше постсоветское время в отечественной историографии появилось мнение, что с Декрета о мире берут начало многие беды похабного Бреста, развала России, и что, согласись большевики продолжать рука об руку с союзниками войну с Германией, стране была бы уготована иная, счастливая судьба. Но этот взгляд не выдерживает критики ни с точки зрения конкретно-исторической, ни с позиций элементарной логики. Подобного рода альтернатива Декрету о мире для большевиков, которые пришли к власти и овладели ею под лозунгом мира, была в корне неприемлема. Она означала бы полную измену их антивоенному курсу и неизбежно повлекла бы за собой утрату влияния на миллионы не только солдат, но и тружеников города и деревни, недовольных войной. Ведь даже их политические оппоненты не могли не признать, что в основе проигрыша героями Февраля схватки за удержание власти была их слепая приверженность курсу на продолжение войны.

Следующим на съезде решался вопрос о земле. Без единой поправки и почти с тем же единодушием (при I голосе против и восьми воздержавшихся) 625 делегатов съезда приняли Декрет о земле, в основу которого вождь большевиков положил сводный крестьянский наказ, составленный эсерами на основании 242 наказов с мест делегатам I Всероссийского крестьянского съезда, который состоялся в мае 1917 г.

Ссылаясь на это, редкие авторы, пишущие ныне о 1917 г., не обвиняют большевиков в присвоении названного документа, в заимствовании у эсеров их программы социализации земли, душой которой являлась идея уравнительного землепользования. При этом односторонне акцентируется внимание на том факте, что в декрет были включены лозунги уравнительного землепользования и запрещения наемного труда в сельском хозяйстве, противоречащие большевистской аграрной про-

грамме и составляющие сердцевину эсеровской социализации земли. В то же время замалчивается, что другие требования Декрета о земле и включенного в него примерного крестьянского наказа (безвозмездная отмена частной собственности на землю, превращение всей земли в общественное достояние, конфискация живого и мертвого инвентаря помещиков и передача его, а также высококультурных имений государству или крестьянским общинам) фактически совпадали с аграрной программой большевизма.

Сказанное выше не имеет ничего общего со стремлением историков предшествующих поколений представить Ленина и его сторонников искренними радателями российского крестьянства. Исходным пунктом теории и практики большевиков по аграрно-крестьянскому вопросу как до, так и после овладения ими государственной властью был ленинский вывод о так называемой мелкобуржуазной природе крестьянского хозяйства этой поры. Недостаточная определенность самого понятия мелкобуржуазности в сочетании со свойственной марксистской теории двойственностью социальной характеристики мужика (с одной стороны – собственника, с другой – труженика) позволяла им в зависимости от сиюминутных нужд борьбы за овладение властью, а также за сохранение и упрочение ее в своих руках, произвольно манипулировать по отношению к деревне не только разными политическими лозунгами (сначала союз с крестьянской беднотой, затем – с середняком, а иногда тот и другой союз одновременно), но и, как правило, противоположными мерами воздействия – от убеждения до принуждения силой.

В не меньшей степени быстро меняющаяся политическая конъюнктура предопределяла резкие перемены во взглядах лидеров большевиков на социальную структуру пред- и революционной российской деревни. Так, когда нужно было ориентировать свою партию и идущих за ней пролетариев на революцию, Ленин, по праву считавшийся в среде однопартийцев лучшим знатоком аграрно-крестьянского вопроса, во всех своих дореволюционных работах по данной теме придерживался мнения, что рабочий класс России имеет могущественного союзника в лице деревенской бедноты, исчисляемой едва ли не в две трети общего количества крестьянских хозяйств страны конца XIX – начала XX вв. Но стоило только большевикам



оказаться у кормила власти и начать пользоваться ею в целях реализации налоговой политики новой государственности в деревне, Ленин при определении классовой направленности этой политики считал возможным исходить из совершенно иных представлений об удельном весе различных социальных групп в крестьянстве страны.

«Долю бедноты подогнать не <40%, среднее не <20 %», — указывал он в связи с необходимостью переработки проекта декрета об обложении сельских хозяев натуральным налогом. Нетрудно представить, какой заряд социальной несправедливости несла такая установка вождя и каким разгулом произвола могла сопровождаться ее реализация местными властями, если учесть, что последние, согласно цитируемому документу, наделялись прерогативой «поднимать вопрос об изменении норм обложения для богатых».

В условиях такой политики конфронтация между крестьянством и новой властью становилась не только возможной, но и по существу неизбежной. В то же время было бы неверным считать (а именно так повелось с недавних пор в публицистике, а подчас и в историографии), будто политика большевистской власти в отношении деревни изначально покоилась на печально знаменитом принципе «тащить и не пущать». Большевистский Октябрьский переворот крестьянство страны встретило весьма сочувственно, поскольку первыми его декретами удовлетворялись насущные требования тружеников села — мира и земли. Иное дело, когда получив на основе Декрета о мире дорогостоящую передышку весны 1918 г., а на основе аграрных законодательных актов октября 1917 — января 1918 гг. — помещичью землю, крестьянство России не без участия в этом новой власти в скором времени было ввергнуто в пучину братоубийственной гражданской войны и лишилось права распоряжаться результатами своего труда на земле.

В завершающей стадии своей работы съезд принял предложенное большевистской фракцией «Постановление об образовании нового правительства». В нем говорилось: «Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного Собрания Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежали Всероссийскому съезду Советов

рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

Совнарком, как стали сокращенно называть новое правительство, имел структуру, аналогичную Временному правительству, но в нем вместо министра по вероисповеданию значилась должность председателя по делам национальностей. Состав правительства был таков – Председатель В. Ульянов (Ленин), нарком по внутренним делам А. Рыков, земледелия В. Милютин, труда А. Шляпников, по военным и морским делам комитет в составе В. Овсеев (Антонов), Н. Крыленко и П. Дыбенко, по делам торговли и промышленности В. Ногин, народного просвещения А. Луначарский, финансов И. Скворцов (Степанов), иностранных дел Л. Бронштейн (Троцкий), юстиции Г. Оппоков (Ломов), продовольствия И. Теодорович, почт и телеграфов Н. Авилов (Глебов), по делам национальностей И. Джугашвили (Сталин). Пост наркома по железнодорожным делам временно остался незаполненным.

Хотя левые эсеры и меньшевики-новожизненцы были не согласны с формированием на съезде правительства, предлагая ограничиться избранием Временного исполнительного комитета, чтобы посредством его добиться соглашения с социалистами, которые ранее ушли со съезда, большинством голосов постановление и список нового правительства, предложенные большевистской фракцией, были утверждены.

Съезд избрал и новый Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в составе 101 чел., из которых 62 были большевиками и 29 левыми эсерами, 6 меньшевиками-интернационалистами и 4 представителями иных левых групп. Председателем его стал Л. Каменев (Розенфельд). На этом в 5 час. утра 27 октября съезд закончил свою работу.

**Поход на Петроград Керенского—Краснова и его неудача.  
Юнкерский мятеж в столице**

Быстротечность этого большой исторической значимости съезда объяснялась на редкость сложной обстановкой, в которой оказалась новая, только что начавшая обретать контуры советской легитимности рабоче-крестьянская по названию, но сравнительно более узкая по своей социально-политической опоре и однопартийно-большевистскому составу, власть.

Первая реальная угроза утверждению этой власти возникла буквально через час-другой после закрытия II Всероссийского

съезда Советов. Тогда на рассвете 27 октября на станцию Гатчина-Товарная внезапно прибыл 12-ти эскадронный отряд казаков 3-го конного корпуса, который Керенскому и командиру корпуса генералу Краснову удалось собрать под Псковом и бросить на Петроград. Казаки разоружили разгружавшийся на станции эшелон солдат и матросов-балтийцев, направленный сюда для защиты подступов к столице. В тот же день казаками была взята и Гатчина, гарнизон которой заявил о своем нейтралитете, а юнкера школы прапорщиков Северного фронта и военно-авиационной школы перешли на сторону красновцев. Воспрянувший после этого успеха Верховный главнокомандующий Керенский объявил город на военном положении и отправил телеграмму войскам петроградского гарнизона с предложением «вернуться не медля ни часу к исполнению своего долга». Воспользовавшись неорганизованностью революционных войск, красновцы развили успех, взяв утром 28 октября Царское Село, расположенное в 25 км от столицы.

Начать последний бросок на Питер Керенский и Краснов намечали на 30 октября, предварительно получив ожидаемые от Ставки подкрепления. Военачальники ряда соединений Северного фронта получили приказы спешно отправить вверенные им части по железной дороге, «высадиться в районе Царского Села или на ст. Тосно... и оттуда повести энергичное наступление для захвата всех вокзалов, почты, телеграфа, Смольного института, Мариинского дворца и Зимнего, штаба Петроградского округа». «Самый план наступления, — ставил в известность начальник 3-й пехотной дивизии командиров двух подчиненных ему полков, перебрасываемых под Петроград, — будет дан Верховным главнокомандующим на месте», предупреждая их, что «напрасное кровопролитие недопустимо, в боевых же делах патронов против восставших не жалеть».

Готовясь к наступлению, красновцы, имевшие кроме конницы бронепоезд и броневик, пополнились тяжелой артиллерией из Павловска и царскосельской военной радиостанцией, одной из самых мощных в стране, которая круглосуточно стала передавать воззвания Керенского к стране и фронту.

В самом же Петрограде «Комитет спасения Родины и революции» энергично готовил восстание юнкеров, приурочиваемое к моменту подхода казаков к столице. Командовать повстанцами был назначен полковник Г. Полковников. Кроме

юнкеров пяти военных училищ города в восстании должны были участвовать казачьи полки, полк «увечных воинов», отряд георгиевских кавалеров. Во все эти части были направлены комиссары «Комитета спасения» с соответствующими инструкциями.

Ночью 29 октября планы штаба повстанцев стали известны ВРК. Поэтому «Комитет спасения» приказал, не дожидаясь начала наступления войск Керенского—Краснова, выступить немедленно. Внезапность выступления вначале обеспечила отдельные успехи повстанцев. Так, юнкера Николаевского училища напали на Михайловский манеж и захватили несколько броневиков. Под их прикрытием юнкера двинулись к Центральной телефонной станции и взяли ее, лишив таким образом телефонной связи Смольный, Петропавловскую крепость и некоторые другие здания, находившиеся под контролем ВРК.

Отряды других училищ сумели захватить Государственный банк и ряд других стратегически важных объектов.

Но для развития успеха наличных сил юнкеров оказалось недостаточно. Казаки же опять, как и в дни большевистского выступления, подвели своих партнеров по антибольшевистскому заговору. Как писал член «Комитета спасения» В. Игнатьев, тщетно «дедушка русской революции» Н. Чайковский и бывший председатель Предпарламента Н. Авксентьев лично ночью 29 октября ездили к председателю Совета Союза казачьих войск А. Дутову, «умоляли сдержать слово и двинуть казачьи части на помощь юнкерам: казаки не пошли».

Собрав крупные силы красногвардейцев и солдат гарнизона, ВРК их силами сумел блокировать основную часть юнкеров на территории училищ, лишив их возможности соединиться. Большинство участников восстания сдалось в этот день без боя. Но чтобы взять Владимирское и Николаевское училища, солдатам и красногвардейцам пришлось налаживать настоящую осаду, пускать в ход порой даже артиллерию. Нелегко оказалось выбить юнкеров из телефонной станции и Госбанка. Но к вечеру 29 октября последние очаги восстания были подавлены.

Выступление юнкеров и его ликвидация стоили обеим сторонам больших потерь: общее число убитых и раненых достигло 200 чел., что во много раз превышало количество пострадавших при взятии Зимнего дворца.

Подавление восстания юнкеров резко снизило шансы на успех войск Керенского—Краснова. Возможность нанесения со-

гласованного удара с фронта и тыла по силам большевиков была таким образом утрачена. Надежды получить обещанные Ставкой подкрепления не оправдались. В этих условиях и под влиянием большевистской пропаганды падал моральный дух казаков, начавших осознавать бесперспективность затеянной Керенским авантюры. Большевики же использовали передышку для того, чтобы подтянуть на передовую линию значительные силы, которые к 30 октября имели более чем десятикратный перевес над противником, наладить управление войсками.

Решающее сражение произошло 30 октября на Пулковских высотах. Оно сначала шло с переменным успехом, но в конце концов сказалось подавляющее численное превосходство большевистских сил. Под угрозой окружения красновцы вынуждены были отступить в Гатчину. После этого поражения в их рядах возобладали настроения прекратить бессмысленную борьбу на стороне Керенского. В ходе переговоров, которые вел со стихийно возникшим комитетом рядовых казаков П. Дыбенко, был подписан договор. Согласно ему, казаки обязывались передать Керенского в распоряжение ВРК для предания гласному суду при условии, что им, а также всем юнкерам и офицерам, принимавшим участие в борьбе, будет гарантирована полная амнистия и беспрепятственный проезд домой. Чтобы выиграть время, Дыбенко согласился включить в документ и пункт о том, что Ленин не должен входить в правительство, пока не опровергнуты обвинения его в измене. За этот поступок он сам едва не попал под ревтрибунал. Керенский же сумел скрыться, переодевшись в форму матроса и нацепив автомобильные очки. Проведя нелегально еще более полугода в стране, он при активном содействии английского дипломата масона Локкарта сбежал за границу, где безбедно провел оставшиеся 52 года своей долгой жизни.

**«Кровавая  
неделя»  
в Москве**

Во второй столице овладеть властью столь легко и быстро, как в первой, большевикам не удалось. Причины тому были разные. Во-первых, руководство московских большевиков не сумело подготовиться к захвату власти, поскольку основная его часть скорее разделяла позиции Каменева и Зиновьева, нежели Ленина и его единомышленников. Как сообщил 20 октября на заседании ЦК РСДРП(б) М. Урицкий «большинство делегатов в Москве высказалось против вооруженного восста-

ния». Имелись, очевидно, в виду московские делегаты II съезда Советов. Фактор известной нерешительности в действиях московского большевистского руководства давал о себе знать и в процессе вооруженной борьбы, шедшей на улицах города с перерывами почти в течение недели — с 27 октября по 2 ноября.

Во-вторых, силы, противостоящие большевикам в Москве, оказали им гораздо более организованное и упорное сопротивление. Сохранив прямую и регулярную связь с Временным правительством вплоть до момента ареста его членов, а затем через Ставку и с антибольшевистскими силами, организовавшими мятеж юнкеров и поход войск Керенского—Краснова на Петроград, они сложили оружие только тогда, когда исход борьбы за власть в столице и на подступах к ней сторонниками прежнего режима был признан окончательно.

Следует отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Ни накануне выступления, ни в ходе него большевики Москвы столь явного перевеса сил, который наблюдался в Петрограде, не имели. Солдатам московского гарнизона неприятная перспектива близкой отправки на фронт не грозила и потому повальных антиправительственных настроений в их среде не было. К тому же Совет солдатских депутатов Москвы, не будучи тогда объединенным с большевизированным Советом рабочих депутатов, состоял в основном из сторонников умеренно-социалистических партий и течений, что тоже существенно повышало шансы руководителей антибольшевистского блока добиться по крайней мере нейтралитета значительного числа воинских частей гарнизона в разгоравшейся схватке за овладение властью. Да и с влиянием большевиков в рабочих кварталах Москвы дело обстояло не так гладко, как представлялось до перестройки в нашей отечественной литературе по истории Октября. К примеру, среди рабочих знаменитой Прохоровской мануфактуры объективный наблюдатель отмечал в канун Октября далеко не сплошь отрицательное отношение к идее правительственной коалиции социалистов с кадетами.

Все перечисленные и иные сопутствующего происхождения факторы не могли не придать борьбе за власть в Москве особого накала и упорства, а отражению ее в историографии — налета ярко выраженной тенденциозности. Если советские исследователи едва ли не все сложности этой борьбы сводили к издержкам непоследовательности руководства со стороны местных

большевиков, то в западных, откровенно антикоммунистических трудах, аналогичные просчеты усматриваются в деятельности лидеров противобольшевистского лагеря. Так Р. Пайпс считает, что если бы представители Временного правительства в Москве действовали более решительно, борьба за власть могла бы закончиться для большевиков катастрофой.

Достаточно обратиться к конкретным сведениям из истории противоборства сил большевиков и их противников за власть, чтобы убедиться в явной пристрастности данной и прямо противоположной точек зрения. Вот некоторые наиболее существенные из этих фактов.

Известие о решающих событиях в Петрограде ночью с 24 на 25 руководители московских большевиков получили около 12 час. дня 25 октября. Вскоре было созвано совместное заседание Московского областного бюро, городского и окружного комитетов РСДРП(б), на котором был создан партийный центр по руководству восстанием — семерка в составе И. Стукова, В. Яковлевой, О. Пятницкого, М. Владимирского и В. Соловьева (от этих трех органов) и Е. Ярославского и Б. Козелева (соответственно от Военной организации и профсоюзов). Центр наделялся диктаторскими полномочиями: решения его были обязательны для всех партийных организаций и большевиков, входивших в Советы рабочих и солдатских депутатов.

В тот же день намечалось созвать объединенный пленум Советов рабочих и солдатских депутатов (в Москве эти два Совета существовали раздельно) и на нем избрать Советский центр по руководству восстанием — ВРК.

Но время не ждало и потому уже до пленума Совета партийный центр предпринял ряд шагов, направленных к взятию власти: установил караулы большевистски настроенных солдат у почтамта и телеграфа (хотя эта мера как и в Петрограде не помешала противникам большевиков свободно пользоваться связью для координации действий), по его указанию были закрыты редакции буржуазных газет. Тогда же от большевистской фракции Совета рабочих депутатов в районы города была направлена телефонограмма о приведении в готовность всего боевого аппарата, установлении дежурства членов исполкомов районных Советов, но оговаривалось, что без директив центра никаких действий не предпринимать. В свою очередь, от Московского губернского Совета в уездные города пошло указание

создавать на местах пятерки, «обладающие всей властью». От Московского областного бюро были разосланы соответствующие зашифрованные указания в города области, объединявшей 13 центральных губерний страны.

В 6 час. вечера собрался объединенный пленум Московских Советов. На нем большинством в 394 голоса против 106 при 23 воздержавшихся была принята большевистская резолюция по текущему моменту и избран ВРК из 7 членов и 6 кандидатов, из которых 8 – большевиков, 2 меньшевика и 3 объединенца. Эсеры войти в его состав отказались. Тем же вечером ВРК издал приказ № 1, согласно которому гарнизон приводился в боевую готовность и никакие распоряжения, не исходящие от ВРК, исполнению не подлежали. Чтобы овладеть Кремлем, представлявшим собой одновременно и крепость, которая господствовала стратегически над городом, и арсенал с оружием, столь необходимым для красногвардейцев и для плохо вооруженных запасных полков гарнизона, ВРК назначил туда своих комиссаров и усилил его охрану еще одной ротой революционно настроенных солдат. Но попытка вывезти из Кремля оружие не удалась, так как крепость была блокирована отрядами юнкеров.

Воздерживаясь от открытых наступательных действий в центре города, где перевес сил был на стороне противника, Московский ВРК использовал методы борьбы, только что успешно апробированные большевиками Петрограда. Сообщая в районы города полученную утром 25 октября радиотелеграмму о низвержении правительства и переходе власти в руки Петроградского ВРК, Московский Военно-революционный комитет дал им директиву перейти к «самочинному выступлению под руководством районных центров», в целях «осуществления фактической власти Советов района, занимать комиссариаты». Это был приказ начать восстание, но инициатива в развязывании вооруженной борьбы и, следовательно, ответственность за ее исход перекладывались на работников районного звена. Тогда же, очевидно, чтобы усыпить бдительность противника и выиграть время для мобилизации всех своих сил, ВРК вступил в переговоры со штабом округа. Командующий войсками округа полковник Рябцев пошел на них, преследуя аналогичные цели, так как имел сведения о переброске Ставкой войск с фронта в Москву и надеялся с их прибытием одним ударом покончить с восставшими.



Таким образом, беспредметно далее дискутировать вопрос, какая из сторон совершила большую ошибку, участвуя в переговорах в надежде обмануть друг друга. Фактор времени эффективнее сумели использовать большевики, которые мобилизовали свои силы и получили подкрепление не только из городов Подмосковья, но из Петрограда, Минска и других мест.

Сначала борьба шла с попеременным успехом. В районах города, в особенности на рабочих окраинах, где явный перевес сил был на стороне большевиков, восставшие овладели электростанцией и основными вокзалами. В центре же города успех некоторое время сопутствовал верным правительству силам, костяк которых составляли, как и в Питере, офицерские отряды и юнкера военных учебных заведений, а также боевые дружины эсеров, студентов и гимназистов.

Оттеснив отряды восставших от почты и телеграфа, они лишили гарнизон Кремля связи с ВРК и вынудили его утром 28 октября сдаться. Штурм его юнкерами, о котором пишет Р. Пайпс, не было, так как гарнизон Кремля сдался без боя, полагая, что город полностью находится в руках комитета безопасности, созданного городской думой 25 октября для организации борьбы с большевиками.

Гибель после этого нескольких десятков солдат Кремлевского гарнизона до сих пор остается не до конца ясной страницей Московской «кровавой недели». В советской литературе она подавалась как расстрел юнкерами обезоруженных пленных, но некоторые участники событий из числа противников большевиков истолковывали эту гибель как результат неудавшейся провокации «красных», но эта версия весьма сомнительна.

Взятие Кремля и другие успехи окрылили юнкеров. В это время среди руководителей противобольшевистского лагеря возникла идея организовать в Москве вместо арестованного в Петрограде правительство страны, созвав для того экстренный съезд общественных организаций, органов местного самоуправления и советов.

Критические обстоятельства вынудили ВРК прибегнуть к применению чрезвычайных мер. По его призыву с утра 28 октября началась всеобщая политическая стачка рабочих московских заводов и фабрик, которая укрепила моральный дух восставших. Срочно было созвано общее собрание представителей воинских частей гарнизона, которое заявило о всемерной под-

держке ВРК, предложив распоряжений штаба округа и комитета безопасности не признавать. Ввиду того что исполком Совета солдатских депутатов продолжал находиться под влиянием умеренных социалистов, для контакта с ВРК собрание избрало временный орган этого Совета. 29 октября положение в Москве изменилось в пользу восставших. Им удалось очистить от юнкеров Тверскую улицу, занять Малый театр и здания градоначальства на Тверском бульваре, окружить Алексеевское военное училище и кадетские корпуса в Лефортово, которые на следующий день сложили оружие.

В этой ситуации ВРК принял предложение Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (ВИКЖель) о посредничестве в переговорах с противной стороной и для их ведения объявил перемирие до 12 час. ночи 30 октября, приказав своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу. Во всей советской историографии этот шаг ВРК однозначно характеризуется как глубоко ошибочный, что не верно даже с точки зрения пользы, которую он принес большевикам. Да, с комитетом общественной безопасности договориться не удалось. Перемирие за несколько минут до истечения этого срока ВРК должен был прекратить.

Но возобновив военные действия, представители ВРК не только пошли на новые переговоры — на сей раз с делегацией Московского губернского Совета крестьянских депутатов, возглавляемой меньшевиком-интернационалистом Е. Литкенсом (в 1921 г. он вступит в партию большевиков, станет заместителем наркома просвещения РСФСР), но и подписали с ней соглашение. Условиями соглашения предусматривалось, что власть в Москве должна принадлежать органу, выдвигаемому Советом рабочих и солдатских депутатов, причем этот орган кооптирует в свой состав представителей ряда общественных организаций: городской и районных дум, профсоюзов, Совета крестьянских депутатов и др. Это соглашение помогло большевикам нейтрализовать Исполком Совета крестьянских депутатов Московской губернии и тем самым в решающий момент внести раскол в блок своих политических противников.

К тому же негативная оценка перемирия никак не объясняет причин, по которым ВРК должен был согласиться на такой шаг. А суть дела состояла в том, что ВРК принял это решение днем 29 октября, считаясь с резким ухудшением ситуации в

Питере и на подступах к нему: мятеж юнкеров, взятие войсками Керенского-Краснова Гатчины и Царского села. Отмахнуться от предложения ВИКЖеля относительно переговоров не рискнул в данной обстановке даже неуступчивый Ленин со своими сторонниками в ЦК РСДРП(б), а в Москве соотношение сил между ленинцами и единомышленниками Каменева было гораздо опаснее для первых, чем в ЦК. Московский ВРК прервал перемирие после того, как был подавлен мятеж юнкеров в Питере и рухнули надежды противников большевистского режима на изменение результатов борьбы за власть в столице. Именно тогда московский ВРК принял решение об артиллерийском обстреле опорных пунктов противника, в том числе и Кремля. Огонь открыли более 20 орудий разного калибра. В руководстве московских большевиков были и люди, предлагавшие бомбить Кремль с воздуха, используя аэропланы. Активным сторонником такой меры являлся Н. Бухарин, который даже позже сожалел, что ВРК не решился посредством бомбардировки «разрушить совиные гнезда контрреволюционных штабов». Кстати, как видно из разговора Ставки с помощником Рябцева, встречный обстрел повстанцев из кремлевских орудий вели и юнкера.

Под прикрытием артиллерии отряды повстанцев вели наступление по всем направлениям. Руководители Комитета общественной безопасности тщетно умоляли Ставку и командование ближайшего к Москве Западного фронта прислать на помощь надежные войсковые части — таковых, как правило, не оказывалось. Днем 2 ноября Кремль оказался в плотном кольце окружения. Соппротивление юнкеров ослабевало. Бессмысленность дальнейшей борьбы для них стала ясна еще днем раньше, когда в московских газетах появилось сообщение, что войска Керенского у Гатчины разбиты и отступают, и что выступление юнкеров в Питере окончательно подавлено.

Вот почему утром 2 ноября председатель Комитета общественной безопасности городской голова Руднев направил в ВРК письмо, в котором сообщалось, что при «данных условиях комитет считает необходимым ликвидировать в Москве вооруженную борьбу, перейдя к мерам борьбы политической». Это означало капитуляцию. Вечером того же дня ВРК издал приказ, извещавший, что враг сдался и что вся власть в руках ВРК.

Московский успех большевиков закреплял победу, одержанную в Петрограде. А оба эти успеха предопределяли установление новой власти во всей стране.

## **§ 6. Установление новой власти в российской провинции**

**Историографический экскурс** В нашей отечественной историографии Октябрь процесс организации и начала деятельности новых органов государственного управления в российской провинции чаще всего покрывался догматически истолкованной ленинской формулой сплошного триумфального шествия Советской власти по городам и весям необъятной страны. Как справедливо заметил в свое время С. Мельгунов, занимавшийся изучением этого вопроса, страна в ту пору «отнюдь не подчинялась молчаливо директивам, которые как бы шли из столицы».

Еще более ложное представление давал Л. Троцкий, уподоблявший отзвуки на «красный» Октябрь февральскому 1917 г. революционному половодью «по телеграфу», охватившему Россию. «Большевистский политический телеграф, – не без сарказма высказался по данному поводу тот же Мельгунов, – во всяком случае работал довольно неисправно». В качестве прямого опровержения Троцкого этот историк приводит опубликованный большевистской «Правдой» 11 ноября 1917 г. (т.е. через 2 недели после Октябрьского восстания в Петрограде) список важнейших городов, где власть к этому времени находилась в руках Советов. В их числе оказались даже уездные города – Серпухов, Подольск, Орехово-Зуево. Более того, в список почему-то попали города, где никакой Советской власти еще не было – Киев, Одесса, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону и др.

Правда, в качестве реальной альтернативы большевистскому Октябрю в Петрограде и Москве сам Мельгунов, оспаривавший заявление бывшего министра юстиции последнего состава Временного правительства П. Малянтовича об отсутствии у этого правительства осенью 1917 г. должной массовой опоры в российской глубинке, ссылаясь на малоубедительный пример маленькой провинциальной Калуги. В этом городе дума на со-

вместном заседании с представителями политических партий, Советов, профсоюзов и воинских частей 26 октября вынесла по текущему моменту резолюцию – торжественную клятву в готовности отдать «силы, жизнь и имущество граждан в распоряжение Временного правительства». Более того, когда резервный состав Временного правительства подпольно возобновил работу в Петрограде, его калужские сторонники выразили желание принять это правительство у себя, чтобы обеспечить нормальные условия его деятельности.

Но не успели они выступить с этим предложением, как власть из их рук перешла к так называемому революционному социалистическому комитету – местной модели однородно-социалистического правительства, просуществовавшей всего две недели, прежде чем уступить место советовластию. «Опыту Калуги – должен был признать С. Мельгунов, – суждено было в сущности остаться эпизодом. Но эпизод мог бы быть и во все-российском масштабе (черты, отмеченные в Калуге, могут быть отмечены в ряде провинциальных городов)».

Правда, первая часть калужского эпизода больше наводит на мысль, что абсолютно прав был П. Малянтович, когда утверждал, что Временное правительство в дни петроградского выступления большевиков оказалось лишенным поддержки скольконибудь широких кругов российского общества, чем позволяет оспаривать его вывод. Ведь верноподданническое отношение калужской правящей элиты к последнему составу Временного правительства – явление скорее исключительное, чем типичное для страны в целом. Дело в том, что в Калуге команде Керенского удалось буквально за неделю до Октябрьских событий в Петрограде нанести тяжелое поражение своему основному политическому противнику – большевизму.

Мнение С. Мельгунова о том, что калужские события имеют определенные типичные для российской провинции проявления, справедливо применительны главным образом ко второй их части, связанной с существованием здесь в течение примерно двухнедельного срока местной разновидности однородно-социалистической власти. Идея такого решения вопроса о власти имела в ту пору в российской провинции весьма значительное количество своих приверженцев. Одно это обстоятельство показывало наличие на местах в ходе революции возможностей выбора того или иного пути решения проблемы власти в

зависимости от конкретного соотношения социальных и политических сил, ряда других факторов как объективного, так и субъективного порядка.

Проблема выбора пути общественного развития применительно к стране в целом в современной исторической литературе ставится и освещается чаще всего в отвлеченно-теоретическом плане, без должной опоры на анализ конкретных данных о том, как решался на местах один из основных ее вопросов – вопрос о власти. Между тем разнообразие местных условий, в которых происходила российская революция, предопределило такую пестроту темпов и форм организации власти, что без учета этого обстоятельства судить о сколько-нибудь реальных (а не абстрактных) альтернативах Октябрьским событиям в Петрограде и Москве практически не возможно.

Едва ли не самая вероятная в России осенью 1917 г. альтернатива – социалистически-демократическая – исследователями чаще всего связывается с идеей однородно-социалистического правительства. Но как показал опыт первого послеоктябрьского кризиса большевистского режима, возникшего в процессе переговоров с ВИКЖелем, шансы на торжество этого пути в центре страны были невелики, ибо в верхах большевистской партии сил у его активных сторонников оказалось явно недостаточно, чтобы одолеть экстремистски настроенных вождей – Ленина и Троцкого. Несколько иная ситуация наблюдалась на местах.

**Советско-земские, советско-думские, советско-профсоюзные и иные коалиционные органы власти в провинции**

Во многих губерниях не только окраин, но в центральной части страны (Калужская губерния, о которой уже шла речь, не представляла в этом отношении исключения) неблагоприятная для большевиков расстановка сил в октябре-ноябре 1917 г. обусловила трудную и порой длительную борьбу за овладение властью. Весьма распространенным явлением здесь были

коалиционные органы власти, в состав которых наряду с представителями Советов входили и те, кто олицетворял структуру местного самоуправления – земства и городские думы, а также политические организации преимущественно умеренно-социалистической ориентации и профессиональные союзы.

Участие местных большевиков в коалициях с органами городского и земского самоуправления и общественными организа-

ями, в которых преобладали умеренно-социалистические элементы, отнюдь не осуждалось в ту пору партийными верхами, как это позже стало освещаться в советской исторической литературе. Оно выражало обоюдное стремление как той, так и другой стороны к достижению политического консенсуса с тем, чтобы предотвратить чреватое жертвами вооруженное противоборство. Такого рода практика имела место, помимо уже упоминавшейся Калуги, в Костроме, Рязани, Курскé, Перми, Вологде и некоторых других губернских городах Европейской России.

Еще большее распространение она получила на аграрных окраинах страны. Формы и условия соглашений, лежавших в основе коалиционных органов власти, были самыми разнообразными. На Дону – это Военно-революционный комитет «объединенной демократии», в который наряду с меньшевиками и эсерами в целях создания единого антикалединского фронта вошли большевики Ростова-на-Дону и Таганрога. В Астрахани – Комитет народной власти, где большинство принадлежало советско-социалистическим элементам. В Томской губернии коалиция строилась на паритетных началах, т.е. на равном представительстве от советских и несветских организаций. В Забайкальской области Народный совет был образован на основе пропорционального представительства от каждой из трех групп сельского населения (крестьян, казаков, бурят), а также Советов рабочих и солдатских депутатов, городских самоуправлений. В партийном отношении он представлял воплощение идеи «однородно-социалистической власти». На Дальнем Востоке III краевой съезд Советов и Приморское областное земское собрание, в котором временно возобладали левые элементы социалистических партий, создали на коалиционных началах Краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и местных самоуправлений. В Красноярском уезде Енисейской губернии возник объединенный комитет Совета крестьянских депутатов и уездной земской управы, чему способствовало признание левозэсеровским руководством местного земства Советской власти. Дальневосточная коалиция тоже фактически строилась на советской платформе, поскольку левозэсеровские представители Приморского областного земства входили в Краевой комитет советов и самоуправлений на правах меньшинства, а, главное, проводили в жизнь принципы советской политики.

Аналогичный по содержанию, но несколько иной по форме компромисс заключили в начале 1918 г. большевики Терека. Чтобы предотвратить межнациональную рознь и сплотить все революционно-демократические силы, они вошли в социалистический блок, в котором наряду с керменистами (революционно-демократической организацией Осетии), состояли эсеры и меньшевики.

Очень похожие друг на друга случаи заключения соглашений на предмет создания коалиционных органов власти как средства быстрее прекращения боевых действий там, где установление новых порядков сопровождалось ожесточенной вооруженной борьбой, имели место в Смоленске, Иркутске и даже во второй столице страны – Москве.

В нашей отечественной литературе до перестройки если и писалось о всех таких коалициях, то только как о неких промежуточных, переходных структурах на пути к так называемому полному советовластию. История большевистской революции сложилась так, что в конце концов им и было суждено объективно сыграть именно эту несамостоятельную роль временных средостений между дооктябрьской государственностью и диктатурой большевистских верхов, во что перманентно стала превращаться власть Советов. Между тем генетически в них были заложены два разных начала – органов государственной власти (пролетарской диктатуры в ее большевистской радикальной форме) и органов демократического самоуправления трудящихся.

Но сегодня, коль речь идет о потенциальных возможностях, которые в той или иной степени были сопряжены с возникновением и деятельностью советско-земских, советско-думских и иных коалиционных органов власти на местах, ограничиться только такой констатацией было бы недостаточно. К тому же опубликованные в последнее время документы и материалы, ранее недоступные исследователям, позволяют глубже проникнуть в сущность межпартийных отношений, складывавшихся внутри таких коалиционных структур, по-новому взглянуть на возможные альтернативы пролетарской диктатуре в ее экстремистски заостренных большевистскими лидерами формах.

Иначе говоря, есть основания видеть в широкой практике создания и деятельности коалиционных органов власти шаги



российской революции, направленные на воплощение в жизнь идеи консенсуса между социалистами неодинаковой ориентации при решении вопроса о власти.

Все это не позволяет согласиться с мнением Р. Пайпса, будто власть большевиков распространялась по стране вопреки воле Советов и что она «завоевывалась силой оружия».

До сих пор речь шла о случаях создания коалиционных органов власти в масштабах краев, областей, губерний, городов и уездов. Что же касается положения дел в условиях деревенской глубинки, то здесь идея коалиции при формировании органов местного самоуправления жила значительно дольше, чем в городах. Даже, когда из центра уже шли директивы об упразднении земств и передаче их функций вновь создаваемым волостным и сельским Советам, крестьяне далеко не сразу принимали такую схему перестройки местного самоуправления власти, сопряженную с ломкой ее прежних структур. На смену земствам нередко приходили не Советы, а управления и комитеты, именуемые иногда крестьянской властью. Советская пресса того времени сообщала, что многие волости и особенно казачьи станицы воздерживаются от организации Советов, заводя у себя своеобразные исполнительные комитеты, стоящие лишь на платформе советской власти, но по роду своей деятельности имеющие мало общего с принципами таковой.

Не менее показательно и то, что мужик порой был склонен не перестраивать структуру органов низовой власти, а просто переименовать ее, не считаясь с требованиями центра соблюдать классовый подход в организации снизу доверху системы государственного управления и самоуправления. Симптоматично и другое: в некоторых местностях длительное время существовали деревенские Советы и земства, по-хозяйски мудро разделяя сферы своего влияния на селе и обеспечивая тем и другим органам широкое право инициативы во всех вопросах жизни.

В свете сказанного выше требует серьезных корректив традиционная характеристика периода с 25 октября 1917 г. по март 1918 г. как времени триумфального марша Советской власти. Хотя в рамках данного периода определяющей тенденцией был относительно быстрый переход власти к Советам, но наличие ее не исключало внутренней противоречивости проявлений данной тенденции в каждом конкретном случае.

Спрашивается, почему при всей почвенности советско-земских и иных коалиций в российской провинции конца 1917 – начала 1918 гг. демонстрируемая ими модель сравнительно безболезненного решения вопроса о власти не стала магистральной в рамках страны в целом? Хотя в современной историографии встречается мнение, будто народные низы в октябрьской революции действовали левее партии большевиков и тем самым радикализировали линию поведения последней, согласиться с ним нельзя.

Потенциальная возможность коалиционной модели решения вопроса о власти на местах могла превратиться в действительность во всероссийском масштабе при двояком условии: существенной либерализации в данном вопросе лидеров большевиков и соответствующего полевения верхов умеренных социалистов. Но групповые и личные амбиции тех и других взяли верх над разумом. Вот почему кажущийся ныне легкорезализуемым политический консенсус между большевиками и их оппонентами так и не был достигнут. Виноваты здесь обе стороны. Кроме того сказались конкретно-исторические условия, специфика социально-политического развития России.

**Почему большевики взяли верх?** Чтобы ответить на этот вопрос, который занимает всех, кто задумывается над историческими судьбами нашей страны, столь круто измененными великой российской революцией 1917 г., подытожим проведенные выше наблюдения над событиями, относящимися непосредственно к октябрьско-ноябрьской фазе революционных потрясений.

Как было показано во второй части настоящей главы, после корниловского выступления и дальнейших политических манипуляций, сопряженных с созывом Демократического совещания и созданием Предпарламента, Временное правительство утрачивает всякую возможность опереться на армию и на революционную демократию в лице партий умеренно-социалистической ориентации, т.е. на те две основные силы (вооруженную и политическую), которые помогли ему не только выстоять, но и нанести существенное поражение большевикам в критические дни 3–5 июля 1917 г.

Политическая изоляция, в которой оказалась последняя правительственная «команда» Керенского перед лицом решающего выступления большевиков 24–25 октября в Петрограде, создавалась, безусловно исподволь, как прямое следствие

полной неспособности к позитивному государственному строительству героев «дивной, светлой, бескровной революции», как величала февральский переворот одна из его активных участниц Е. Кускова. Этими людьми, по справедливому суждению видного деятеля кадетской партии барона Б. Нольде, владели слова, а не воля. «Психоз слов, — подчеркивал он, — порождал безвыходное всеобщее безволие. От «полноты власти» остались только жесты Керенского».

Тот же самый недуг — состояние перманентно прогрессирующей политической импотенции у героев Февраля должен был признать и другой очевидец и участник февральско-октябрьской драмы в России Ф. Степун. В статье «Большевики и мы», опубликованной им в середине декабря 1917 г., он писал: «Тезисы, догмы, положения, полагания и чрезмерная вера в слова — вот весь духовный инвентарь большинства вождей нашей революции. Бесконечные заседания, фракционные, групповые, пленарные, непрерывающиеся прения изо дня в день, из ночи в ночь — явно никому не нужные и почему-то для всех неизбежные. Оратор за оратором, и у каждого на руках невидимые кандалы партийной догматики, и у каждого под лобной костью не живые, пытливые глаза, но мертвые точки зрения на вещи. И во всех этих словах хороших, честных, часто умных и всегда гуманных, никакого настоящего понимания, что революции нужны не слова, но дела, что для нее ритм действенного революционного творчества бесконечно важнее мелодии социалистической программы, что она не гуманна, не священна, что она, явившаяся в России в оправе всемирной кровавой войны, требует жертвы священного подвига и нравственного дерзания. В результате же всего этого непонимания, революционная Россия, как рыба с головы, начинает гнить с центральных комитетов социалистических партий и всероссийских советов, пока не превращается, наконец, в тот словно язвой съеденный словесностью труп с прилипшими к нему струпами тезисов и резолюций, на который как на уготованный пьедестал восходят Ленин, Троцкий и присные их».

Минует несколько десятилетий, наша страна и все человечество пройдут через горнило второй мировой войны и с высот обретенного опыта тот же автор, теперь уже один из видных представителей философской мысли российского зарубежья, касаясь оценки русской революции 1917 г., скажет следующее:

«Противопоставлять Февраль Октябрю как два периода революции, как всенародную революцию – партийно-заговорщическому срыву ее, как это еще делают апологеты русского жироидизма, конечно, нельзя. Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть, даже и раньше его. Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению. Чья вина перед Россией тяжелее – наша ли, людей Февраля, или большевистская, вопрос сложный... Боюсь поэтому, что будущему историку будет легче простить большевикам, с такою энергиею защищавшим свою пролетарскую родину от немцев, их кровавые преступления перед Россией, чем оправдать Временное правительство, ответственное за срыв революции в большевизм, и тем самым в значительной степени и за Версаль, Гитлера и за вторую мировую войну».

К аналогичным выводам еще в 1925 г. пришел другой наш соотечественник, писатель и публицист М. Осоргин, тоже депортированный в начале 20-х годов за рубеж. «Если я называю революцию единой, – утверждал он, – то ясно, что «Октябрь» для меня лишь этап революции, довершение крушения старого режима и старой России, а не только «политическая реакция», как для А. Керенского. Октябрь – последовательное завершение Февраля... После февральского этапа революции слабая власть проявила себя слабыми реакционными актами (закрытие некоторых газет, восстановление смертной казни на фронте), после октябрьского этапа сильная власть проявила себя во всем блеске, власти подобающем (закрытие всех газет, восстановление смертной казни за политические взгляды и сословное происхождение)».

Нечто похожее был вынужден признать и один из вождей Февраля лидер кадетской партии профессиональный историк П. Милюков.

Немалую часть бед, выпавших на долю послефевральской России, наблюдательные современники связывали и с личными качествами людей, волею судеб оказавшихся на вершине властной пирамиды страны. О князе Г. Львове В. Набоков, являвшийся в первых составах Временного правительства управляющим делами, образно заметил, что «он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи», имея в виду, что тот «не только не делал, но и не пытался сделать что-нибудь для противодействия растущему разложению».

Столь же уничижительную характеристику А. Керенскому дал в своем дневнике Л. Андреев. «Власти нет, — констатировал он, — и я позволю себе прямо и решительно обвинить А. Керенского в растрате власти. Это он, всегда стоявший во главе правительства, как бы ни менялся его состав, и руководивший его политикой, — растратил власть, это он, свое личное субъективное всегда ставивший выше объективных велений момента, убил власть и закон, заразил их смертельным недугом своего антигосударственного идеализма».

Но вернемся к выяснению вопроса о причинах успеха большевиков в борьбе за власть. Ошибки Временного правительства, связанные с политической игрой в Демократическое совещание и Предпарламент, а также неудачные попытки переезда правительства в Москву, эвакуации петроградской промышленности и отправки на фронт беспокойных частей столичного гарнизона, были усугублены просчетами, допущенными им в самом ходе большевистского восстания. К их числу относится отказ правительства от немедленной реализации так называемой программы перехода, принятой Временным Советом республики вечером 24 октября. Не от хорошей жизни и самим деятелям этого правительства (А. Керенскому, А. Никитину, С. Маслову) и околоправительственным журналистам (например, Е. Кусковой) в дальнейшем не раз придется прибегать к неправде, заявляя о том, будто уже полностью подготовленные правительством в интересах народа решения по вопросам о земле и о мире сорвали своим выступлением большевики.

Негативно следует оценить и решение правительства о назначении кадета Н. Кишкина особоуполномоченным по борьбе с беспорядками в столице, что не могло не углубить пропасть между руководством социалистических партий и «командой» Керенского, ибо лишний раз продемонстрировало первым тщетность их надежд на достижение согласия с властью.

В отличие от своих политических противников большевики сумели предложить широким слоям народа, уставшего от войны и дезорганизации хозяйственной жизни, импонирующие им лозунги: «Долой» и «Домой» — для солдат, «Фабрики — рабочим!», «Земля — крестьянам!», хотя, как показали дальнейшие события, реализовывать такого рода требования в полном объеме они не только не могли, но и не собирались. Более продуманной и по существу целиком оправдавшей себя оказалась и тактика большевиков, подчиненная достижению главной за-

дачи, – овладеть властью. Действуя решительно, наступательно, большевики в то же время проявляли необходимую гибкость, прикрывали свои наступательные действия лозунгами защиты завоеваний трудящихся от попятных контрреволюции. Достаточно пластичной была и их линия поведения, связанная с удержанием взятой силой власти. Переговоры с ВИКЖелем, достижение компромисса с левыми эсерами, практика использования власти в интересах постепенной советизации не только столиц, но и страны в целом – убедительное тому свидетельство.

### Вопросы и задания

- Чем, на ваш взгляд, являлись февральские события в столице:
  - а) народной демократической революцией;
  - б) верхушечным переворотом, заговором?
- Какую роль сыграли главкомы фронтов и генералы Ставки в решении Николая II отречься от престола?
- Были ли реальные шансы у Николая II сохранить престол и династию на троне в феврале-марте 1917 г.?
- Какие политические партии и группы сыграли решающую роль в февральско-мартовских событиях в России?
- В чем сущность приказа № 1, изданного Петроградским Советом, и каково его значение для судьбы русской армии?
- Почему Февраль завершился двоевластием?
- Кто из партий доминировал на политической арене:
  - а) весной 1917 г.;
  - б) июне-июле;
  - в) августе?
- Охарактеризуйте основные направления внутренней и внешней политики Временного правительства весной 1917 г.?
- Какова роль А. Керенского в событиях в России в 1917 г.?
- Чем был вызван июльский кризис в Петрограде и какую роль в событиях 3–5 июля сыграли большевистские центры?
- Почему Л. Троцкий стал одним из лидеров большевиков в 1917 г.?
- Какая из партий, входящих в блок революционной демократии, определяла его политику весной-летом 1917 г.?
- Назовите наиболее популярных лидеров революционной демократии?
- Охарактеризуйте «корниловщину» как общественно-политическое явление революционной эпохи; в чем причины конфликта между А. Керенским и Л. Корниловым. Какие силы поддерживали каждого из них?
- Какие тезисы зарубежной историографии, посвященной русской революции, восприняты современной отечественной исторической наукой?

- В чем проявилось политическое «левачество» сторонников Ленина в марте-ноябре 1917 г.?
- Охарактеризуйте достоинства и недостатки эсеровской аграрной программы, ее большевистской интерпретации.
- Дайте оценку ленинской характеристики экономического состояния предреволюционной России, изложенной в его работах 1917 г.
- Какие были альтернативы большевистскому Октябрю и какая из них имела, на ваш взгляд, больше всего шансов на то, чтобы быть реализованной? Обоснуйте свой ответ.
- В чем разница между Октябрем в Петрограде и Москве и чем это было обусловлено?
- Какие оценки первых декретов Советской власти имеют место в современной отечественной и зарубежной литературе? С какими из них вы согласны или не согласны, и почему?

### § 1. Внутренняя политика большевистского правительства на начальном этапе гражданской войны (ноябрь 1917 – лето 1918 гг.)

От конфронтации  
с ВИКЖелем  
к союзу  
с левыми  
эсерами

Временному революционному правительству, образованному на II съезде Советов из представителей большевистской партии, для укрепления власти требовалось найти союзников. Кажалось, что партии социалистической ориентации – та политическая сила, с которой большевики могли сотрудничать. Однако лидеры социалистических партий восприняли Октябрьский переворот как узурпацию власти большевиками и предпочитали скорее бороться с ними, чем искать союза.

В столице покинувшие II съезд Советов меньшевики и правые эсеры сформировали «Комитет спасения родины и революции» с целью свержения большевистского правительства. Под руководством меньшевиков началась забастовка государственных служащих. А. Керенский, опираясь на казаков генерала Краснова, собирал силы для выступления из Царского села на Петроград. Кровавые события разворачивались в Москве.

В этой накаленной атмосфере высказали свою позицию рабочие коллективы. На заводах и фабриках Петрограда, Москвы, других крупных промышленных центров принимались резолюции, требующие от социалистических партий образования единого правительства на советской основе. Учитывая настроения рабочих масс, профсоюзы выдвинули лозунг формирования «однородного социалистического правительства». Лидером стал Всероссийский исполнительный Комитет профсоюза железнодорожников (ВИКЖель) – самый могучий в стране профсоюз, объединявший более 700 тыс. рабочих и служащих железных дорог. ВИКЖель, грозя всеобщей забастовкой на железных дорогах, в ультимативной форме потребовал от

\* Тема «военная интервенция» освещается в главе 9.



большевиков создания коалиционного правительства. Всем социалистическим партиям было предложено прислать делегатов на совместное заседание ЦИК железнодорожников для выработки общей платформы.

В сложившейся обстановке ЦК РСДРП(б) был вынужден принять решение об участии в переговорах с ВИКЖелем. Причем, если Ленин смотрел на переговоры как на «дипломатическое прикрытие военных действий» против Керенского и Краснова, то ряд членов ЦК (Зиновьев, Рыков, Ногин) полагали, что коалиция с меньшевиками и эсерами расширит социальную опору правительства и тем самым укрепит его положение. На этих позициях стояла и большевистская фракция ВЦИК.

Переговоры с ВИКЖелем вели Каменев от ЦК РСДРП(б) и Рязанов от ВЦИК. Они склонялись к тому, чтобы принять предложение ВИКЖеля о формировании правительства из 18 членов с участием 5 большевиков, но меньшевики не шли на согласие по ряду других вопросов. Переговоры зашли в тупик, а время работало на большевиков. К началу ноября 1917г. в ходе ожесточенных боев была установлена Советская власть в Москве. Поход на Петроград казачьих войск Краснова-Керенского закончился неудачей. В этих условиях Ленин выступил против продолжения переговоров. 4 ноября 1917 г. они были прерваны. В знак протеста Каменев, Рыков, Милютин, Ногин вышли из состава ЦК РСДРП(б) и сложили с себя полномочия наркомов. Однако глубокого раскола в большевистском руководстве не произошло, так как «оппозиционеры» вскоре с повинной вернулись в ЦК и Совнарком.

Переговоры с ВИКЖелем закончились неудачей, так как стороны стремились не столько к компромиссу, сколько к конфронтации. Большевистское руководство не собиралось упускать власть, а правые меньшевики и эсеры, напротив, страдали «властобоязнью» и действовали крайне нерешительно. К тому же они совсем недавно были в коалиции с буржуазными партиями и не могли переориентироваться на союз с радикальным социалистическим крылом прежде всего потому, что не верили в возможность социалистических преобразований, к которым призывали большевики. Правые меньшевики и эсеры враждебно встретили Октябрьский переворот и ставили перед собой задачу не сотрудничества, а борьбы с большевистской диктатурой.

Большевикам все же удалось выйти из политической изоляции. В начале декабря их продолжительные переговоры с левыми эсерами закончились соглашением о правительственном блоке. Левые эсеры возглавили наркоматы: юстиции (И. Штейнберг), почт и телеграфов (П. Прошьян), местного самоуправления (В. Трутовский), имуществ республики (В. Карелин), земледелия (А. Колегаев). Кроме того, произошло слияние ВЦИК и исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов. Левые эсеры оказали большевикам столь необходимую им поддержку и помогли преодолеть первый правительственный кризис.

<b>Роспуск Учредитель- ного собра- ния</b>	Однако положение новой власти по-прежнему оставалось шатким. Следовало определиться в отношении Учредительного собрания, с которым связывали демократическое обновление страны не только либералы и социалисты, но и широкие народные массы. Среди большевиков не было единства во взглядах на роль Учредительного собрания в системе новой власти. Одни считали его орудием буржуазного господства и резко выступали против «Учредилки». Другие не исключали «комбинации» Советов с Учредительным собранием, полагая, что все зависит от соотношения сил в «классовой борьбе», а не от формально-юридической стороны.
--	--

Ленин рассматривал Советы как высшую форму демократии для трудящихся и считал, что II съезд Советов, провозгласив Советскую власть, уже сыграл роль Учредительного собрания. Однако большевики, учитывая популярность идеи Учредительного собрания, пошли на его созыв. Они надеялись, что Учредительное собрание признает декреты II съезда Советов и тем самым предаст легитимность Советской власти. В результате выборы в Учредительное собрание, назначенные еще Временным правительством на 12 ноября, состоялись. Их итоги свидетельствовали о широкой поддержке масс партий социалистической ориентации: за эсеров проголосовали — 40,7 %, за меньшевиков — 2,7, за большевиков — 24 %. Буржуазные партии набрали лишь 16,6 % голосов избирателей. Большевики имели решающий перевес в Петрограде, Москве, ряде других крупных городов, на Северном и Западном фронтах, в Балтийском флоте, в тыловых гарнизонах, что свидетельствовало о их преобладающем влиянии в городах и среди солдат. Завоеванию правыми эсерами большинства способствовало то, что списки кандидатов составлялись в середине октября 1917 г.,

когда влияние большевиков было слабее, а партия эсеров официально еще не раскололась на правых и левых. Вместе с тем, победа эсеров на выборах свидетельствовала о их огромном влиянии в деревне и настроениях мелкобуржуазных масс, веривших больше в Учредительное собрание, чем в Советы. Из 715 членов Учредительного собрания 412 были эсерами и 183 большевиками. Позиции тех, кто скептически относился к судьбе Учредительного собрания, усилились. В условиях относительного укрепления Советской власти лидеры большевиков все больше смотрели на Учредительное собрание как на уступку «иллюзиям масс, в представлениях которых оно играло революционно-демократическую роль».

Была и другая точка зрения. Левые эсеры и руководство большевистской фракции Учредительного собрания (Каменев, Рыков, Ларин и Милютин) доказывали возможность мирного сосуществования Советов и Учредительного собрания, исходя из того, что в нем больше 80 % мест принадлежало социалистам. Большевики, по их мнению, составят в Учредительном собрании сильную оппозицию, а Советы, где они преобладают, станут революционной опорой для работы Учредительного собрания. ЦК РСДРП(б) расценил позицию руководства большевистской фракции как оппортунистическую. ЦК поручил Ленину разработать тезисы об Учредительном собрании. 13 декабря они были опубликованы. В тезисах подчеркивалось, что революция ушла вперед от буржуазного к пролетарскому демократизму и лозунг Учредительного собрания стал лозунгом кадетов и всех тех, кто эксплуатирует «парламентские иллюзии народных масс». Ленин предлагал быстрое осуществление народом прав перевыборов или признания Учредительным собранием Советской власти. Вне этих условий, подчеркивал он, кризис может быть разрешен «только революционным путем», то есть путем гражданской войны «против кадетско-калединской контрреволюции».

Выбор в пользу Советов как единственно возможной формы государственной власти был сделан после того, как 3 января 1918 г. ВЦИК принял написанную В. Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Было решено предложить Учредительному собранию рассмотреть и утвердить эту декларацию сразу после его открытия, что по сути являлось констатацией

самороспуска Учредительного собрания и передачи всей полноты власти Советам.

5 января 1918 г. в Петрограде, в Таврическом дворце, открылось Учредительное собрание. «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», зачитанную Я. Свердловым, большинством голосов депутаты отклонили. Не прошло и предложение большевиков избрать председателем собрания М. Спиридонову. Депутаты проголосовали за лидера партии эсеров В. Чернова, и под его председательством Учредительное собрание отменило декреты II съезда Советов. В ответ Совнарком принял решение о роспуске Учредительного собрания. Решение было поддержано ВЦИК, декретом которого 6 января 1918 г. Учредительное собрание было распущено. Под предлогом того, что «караул устал», анархист А. Железняков предложил депутатам покинуть Таврический дворец.

Печальная судьба парламентской демократии в России свидетельствовала о расколе в обществе в той его критической фазе, когда основные политические силы больше не искали компромисса в интересах страны, а были готовы к беспощадной схватке. Трагичную для России роль сыграли непримиримость большевиков, всеми силами стремившихся разжечь пожар классовой борьбы, безволие и боязнь власти лидеров социалистических партий, политическое фиаско либералов и неспособность российской буржуазии в переломную для отечества эпоху выступить силой, консолидирующей общество. Разгон Учредительного собрания знаменовал собой драматический для страны этап, когда возможности политического компромисса в рамках представительных учреждений были исчерпаны и судьба России зависела от вооруженной борьбы на полях сражений гражданской войны. Расколотившее на полярные силы общество было настолько зашорено «своими» интересами, что разгон большевиками Учредительного собрания – событие политически чрезвычайно важное – не нашел особого отклика. В Петрограде против роспуска Учредительного собрания протестовало лишь несколько сот демонстрантов, рассеянных красногвардейцами. Как писал ярый противник большевизма правый социалист В. Станкевич, впечатление «неправа», совершенного большевиками, было смягчено недовольством в народе самим Учредительным собранием, безволием депутатов. Да и само Учредительное собрание многим казалось театральным. «Мы собирались... на заседания, как в театр, – писал депутат

**Мстиславский**, — мы знали, что действия сегодня не будет — будет только зрелище».

<b>Создание новой государ- ственности</b>	Основным итогом первого, по характеристике В. Ленина, «политического» этапа октябрьской революции было создание новой государственности. Важную роль в этом процессе сыграл III Всероссийский съезд Советов, проходивший 10–18 января 1918 г. Большевики попытались придать III съезду Советов характер Учредительного собрания. Свердлов во вступительном слове определил задачу съезда как «строительство новой грядущей жизни и создания Всероссийской власти». По отчетным докладам Свердлова (ВЦИК) и Ленина (СНК) развернулась острая дискуссия большевиков с меньшевиками и эсерами. Мартов повторил доводы меньшевиков: отсталость страны требует длительной подготовительной работы, чтобы «пересоздать всю политическую организацию общества, укрепить экономическое положение страны и только после этого приступить к введению в жизнь лозунгов социализма». «Да, — парировал Ленин, — мы начали лишь период переходный к социализму», но возврата назад к буржуазно-демократическому этапу быть не может. Выступления меньшевиков против диктатуры пролетариата, в защиту «чистой» демократии, заявил Ленин, свидетельствует о том, что они являются «прихвостнями буржуазии». Лидер большевиков предупредил, что Советская власть начала активное подавление контрреволюционных саботажников. Троцкий также категорично выступил за расширение насилия «в борьбе за торжество величайших мировых идеалов».
---	--

Несмотря на острую борьбу между различными партийными фракциями, большевики реализовывали свою программу. III Всероссийский съезд Советов принял решение о слиянии Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов. Тем самым была создана единая система Советов как формы российской государственности. Весом и политический итог съезда: объединение Советов свидетельствовало о расширении социальной базы нового режима за счет многомиллионного крестьянства, политические представители которого — левые эсеры — входили в органы власти и государственного управления.

Помимо «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» III Всероссийский съезд Советов принял резолюцию «О

федеральных учреждениях российской республики». Высшим органом власти провозглашался Всероссийский съезд Советов, в промежутках между созывами съезда – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), избираемый Всероссийским съездом Советов. Правительством Российской Федерации стал Совет Народных Комиссаров (СНК).

Съезд избрал новый ВЦИК в составе 306 человек: 160 – большевиков, 125 – левых эсеров, 7 – правых эсеров, 7 – максималистов, 3 – анархиста-коммуниста, – 2 – меньшевика-оборонца и 2 – меньшевика-интернационалиста.

III Всероссийский съезд Советов придал стройность уже наметившейся системе органов новой власти. Вставала на ноги и система государственного управления. К январю 1918 г. с помощью профсоюзов и фабзавкомов народные комиссариаты получили первые штаты служащих и налаживали свою работу.

Чиновники прежних министерств и ведомств возвращались на свои места после прохождения комиссии ВЦИК по проверке их лояльности к новому режиму. «Старые» служащие уже на раннем этапе революции составляли от 25 до 40 % сотрудников народных комиссариатов, и рабочие, обратившись в те или иные правительственные учреждения, могли встретиться с теми, кто рассматривал «их вопросы» в царское время. Об этом, в частности с горечью писали во ВЦИК железнодорожники, сетуя на то, что в НКПС сплошь «окопались» царские чиновники. Уже с весны 1918 г. в партийной и профсоюзной среде все громче раздавались голоса о зарождающемся советском бюрократизме, который тогда связывали исключительно с засильем «старых» чиновников в новом «рабочем госаппарате». Известный лозунг о том, что «всякая кухарка может управлять государством», остался в истории примером политической демагогии.

<b>Организация управления промышленно- стью</b>	Тем не менее вплоть до весны 1918 г. большевики пытались на практике реализовать ленинскую идею «государства-коммуны», т.е. государства, основанного на самоуправлении масс, без чиновничества, постоянной армии и репрессивных органов. Наиболее ярко эти попытки проявились в организации управления промышленностью: профсоюзы и фабзавкомы наделялись государственными функциями управления фабриками и заводами. Эта линия была официально закреплена на I Всероссийском съезде профсоюзов (январь 1918 г.), в решениях которого прямо говорилось о необходимости сосре-
---	---

доточения функций управления промышленностью в руках профсоюзов. В январе 1918 г. рабочие организации уже имели определенный опыт в этом деле. Рабочему управлению предприятиями широко открывало двери «Положение о рабочем контроле», принятое ВЦИК 14 ноября 1917 г. Согласно этому документу фабрично-заводские комитеты получили право вторгаться в распорядительскую и хозяйственную деятельность администрации, принимать участие в приеме и увольнении рабочей силы, добиваться обеспечения предприятий сырьем и топливом, денежными средствами, заказами и др. Рабочий контроль стал достаточно распространенным явлением. По переписи 1918 г., 67 % фабзавкомов и специальных органов рабочего контроля принимало участие в управлении фабриками и заводами.

В. Ленин расценивал рабочий контроль как подготовительную стадию к национализации промышленности, рассматривая его как «школу», в которой рабочие смогут научиться управлению у буржуазных специалистов. Однако на практике «школы» не получилось, так как «ученики» и «учителя» не только не доверяли друг другу, но в условиях классовой ненависти ожесточенно боролись за права управления предприятиями. Рабочие организации трактовали декрет о рабочем контроле как декрет о рабочем управлении. Предприниматели расценивали его как акт, опрокидывающий основы традиционной хозяйственной деятельности, и пытались свернуть производство. В ответ советское государство применяло как репрессивную меру национализацию отдельных фабрик и заводов. Декрет СНК от 17 ноября 1917 г. о национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры (возле Орехово-Зуева), правление которой отказалось признать права фабзавкома на контроль над производством, положил начало национализации промышленных предприятий. Управлять фабрикой стало правление, избранное рабочими. С ноября 1917 г. по март 1918 г. началась так называемая «красногвардейская атака на капитал», когда, как отмечал В. Ленин, ведущими были методы подавления, а не управления.

Вслед за национализацией отдельных предприятий началась национализация банков. 14 декабря 1917 г. была объявлена национализация частных банков в Петрограде. Государственная монополия на банковое дело вводилась по всей стране. Советское государство стало собственником и всех железных до-

рог. С апреля 1918 г. вводится монополия внешней торговли, ставшая одной из незыблемых основ хозяйственной политики Советского государства.

К весне 1918 г. обозначились основные направления экономической политики нового режима, главной из которых была тенденция к огосударствлению хозяйственной жизни, когда государство становилось собственником основных средств производства. В этих условиях все меньше места оставалось рабочему самоуправлению. На смену ему приходит государственное управление предприятиями. Немалую роль в этом процессе сыграл созданный 1 декабря 1917 г. Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), в сферу деятельности которого входили национализация крупной промышленности, управление транспортом, финансы, введение всеобщей трудовой повинности, налаживание товарооборота и т.д. К лету 1918 г. были созданы областные, губернские и уездные совнархозы. Первым председателем ВСНХ с титулом «народного комиссара по организации и регулированию производства» стал экономист по образованию, большевик с дореволюционным стажем Н. Осинский (В. Оболенский), изучавший германский опыт организации народного хозяйства. В ВСНХ первого состава работали Н. Бухарин, Ю. Ларин (М. Лурье), В. Милютин, В. Смирнов и др.

ВСНХ постепенно концентрировал в своих руках контроль и управление промышленностью, используя структуры, созданные Царским и Временным правительством. Дело централизации управления промышленностью продвинулось, но планирование производства оставалось лишь идеалом. Из-за отсутствия опыта в этом деле не было единого плана демобилизации промышленности и ее хотя бы частичного перевода с военного на мирное производство. Не изучался рынок сбыта товаров, не был решен вопрос трудоустройства массы рабочих в связи со свертыванием производства. Тем не менее в центре и на местах предпринимались попытки организации хозяйства для удовлетворения первоочередных нужд населения.

Первые месяцы Советской власти показали несостоятельность политики организации управления народным хозяйством через рабочее самоуправление. Фабзавкомам не хватало компетентности, опыта, специальных знаний, кругозора для управления предприятиями. Большевики использовали энергию рабочих организаций лишь на этапе «красногвардейской атаки на капитал» с целью подорвать господство буржуазии в



экономической сфере. С весны 1918 г., когда сопротивление предпринимателей в основном было сломлено, ставка делается уже на государственное управление промышленностью, а рабочему классу партия предлагает «учиться» управлению через профсоюзы, которые несколько позже (январь 1919 г.) объявляет «школой коммунизма».

После заключения Брестского мира у советского правительства появляется возможность «мирной передышки». Лидеры большевистской партии в лице В. Ленина в качестве «задачи дня» выдвигают не слом сопротивления предпринимателей, а налаживание управления производством. Все больше говорится о необходимости привлечения к «социалистическому строительству» буржуазных специалистов путем назначения им высоких окладов, лучшего материального обеспечения. Большевистский лозунг – управленцы будут работать за «зарплату среднего рабочего» – остался пустой декларацией. Строительство государства-коммуны оказалось утопией. Правящая партия формирует регулярную Красную Армию, репрессивные органы – ВЧК, ревтрибуналы и др., привлекает к управлению государством и народным хозяйством не «революционные массы», а профессиональных служащих, создавая тем самым новую советскую бюрократию. Жизнь развеяла ленинские иллюзии построения рабочего государства, или «полугосударства», привлекающего к управлению обществом широкие массы трудящихся. Напротив, государственное строительство шло по пути создания строго централизованного государственного аппарата, охватывающего своим влиянием все стороны жизни общества.

Экономическая политика большевиков весной 1918 г. была довольно противоречивой. Те, кто считает ее близкой к «военному коммунизму», забывают, что именно в этот период у Ленина появилась идея поворота от «красногвардейской атаки» на капитал к его осаде через систему «государственного капитализма», а уже затем осуществлять переход к социализму. Три обстоятельства вызвали такой переворот в позиции Ленина. Во-первых, задержка с началом мировой революции и соответственно помощи западного пролетариата своим собратьям в России. Во-вторых, осознание несоответствия между классической марксистской моделью социализма вообще и реальными условиями отдельно взятой страны, в частности. В-третьих, невозможность преодоления хаоса без использования экономических ры-

чагов. Ленин выдвигает задачу организации управления России, когда «преимущественное значение приобретает не политика, а экономика». Он предлагает ввести строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, сдельную оплату труда, дисциплину и единоначалие на производстве, всеобщую трудовую повинность, привлечение за высокую плату буржуазных специалистов, замену контрибуции налогами. Ключ к успеху Ленин видит в «государственном капитализме», имея в виду три его формы: хлебную монополию, подконтрольных советскому государству предпринимателей и кооперацию.

В ленинских новациях «левые коммунисты», а их было немало среди руководящих и рядовых членов партии, увидели возврат к буржуазным порядкам и чуть ли не измену социализму. Их требования – никаких компромиссов с частным капиталом, в том числе и с буржуазными специалистами, тотальная национализация, организация по-коммунистически производства и распределения – не сходили с повестки дня. Один из лидеров «левых» Н. Осинский (В. Оболенский) увязывал гражданскую войну «с решительной ликвидацией частной собственности, осуществлением социалистического строя и прямым переходом к коммунизму».

Позиция левых коммунистов была господствующей в партии. Весной 1918 г. осуществлялись лишь некоторые мероприятия более умеренного, чем «красногвардейская атака на капитал», курса.

Так, наряду с привлечением в сферу государственного строительства и управления промышленностью буржуазных специалистов большевики пытались достичь компромисса с крупными предпринимателями для того, чтобы использовать их опыт в организации народного хозяйства. В это время велись переговоры с крупным предпринимателем Мещерским о создании советского металлургического треста с количеством рабочих более 300 тыс. чел. Обсуждался и проект промышленника Стахеева, контролировавшего около 150 промышленных, финансовых и торговых предприятий Урала, который предлагал создать на паритетных началах с правительством мощное промышленное объединение. У руководства ряда крупных предприятий Москвы, например Акционерного общества Густава Листа, оставались предприниматели, сумевшие найти общий язык с завкомами. Привлекали их и для разработки всероссий-

ских тарифов заработной платы. Однако даже эти скромные попытки партнерства большевиков с предпринимателями были вскоре сорваны.

28 июня 1918 г. Совнарком принял Декрет о национализации крупнейших предприятий всех основных отраслей промышленности. По этому декрету было национализировано 11 100 акционерных предприятий. В руках частного капитала оставалась лишь мелкая и частично средняя промышленность. Осуществляя национализацию, большевики меньше всего руководствовались соображениями экономической целесообразности. Национализация носила ярко выраженный политический характер: подорвать «экономическое господство своего классового врага» — буржуазии. Проведенная согласно марксистским догмам, она вскоре стала одной из причин углубления экономического кризиса. Молодое советское государство взвалило на свои плечи непосильное бремя организации производства на тысячах предприятий, не имея для этого соответствующих материальных, финансовых и кадровых ресурсов. Уже к концу 1918 г. сотни предприятий закрылись, на плаву держались лишь те, что работали на оборону. Стремительно упал жизненный уровень рабочих. Пролетарские семьи голодали. В Москве, Петрограде, Иваново и других крупных промышленных центрах регулярными стали забастовки рабочих, гасить которые удавалось или с помощью жестких репрессий, или назначением более высокого, чем обычный, «красноармейского пайка».

#### **Первые аграрные преобразования**

Важным направлением внутренней политики нового режима стали первые аграрные преобразования. В принятом II съездом Советов Декрете о земле большевики пошли на значительные уступки эсерам, так как декрет повторял основные положения аграрной программы этой партии. При этом большевики руководствовались не столько задачами привлечения на свою сторону эсеров, сколько — многомиллионного крестьянства, которое накануне Октябрьского переворота выступило за уравнилельное землепользование. Крестьяне считали справедливым наделение земель тех, кто ее обрабатывает по так называемой потребительско-трудовой норме, когда размер земельного надела зависел от количества рабочих рук в крестьянской семье, способных своими силами обработать земельный участок и прокормиться с него. В данном случае для больше-

виков было важным не то, что крестьяне выступают за уравнилительное землепользование (с этим они не были согласны, являясь сторонниками национализации земли), а то, что крестьяне выступили против частной собственности на землю. Поддержка большевиками крестьянских интересов сыграла решающую роль в оформлении их союза с левыми эсерами, которые на первом этапе стали проводниками аграрной политики советского государства, возглавив Народный комиссариат земледелия.

Осенью-зимой 1917–1918 гг. продолжался начавшийся стихийно еще накануне Октябрьского переворота раздел помещичьих, монастырских и удельных земель. Передавая эти земли в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, власти своими распоряжениями требовали упорядоченности и организованности в этом деле. В губерниях, близких к центру, раздел помещичьих земель носил в основном организованный характер, в более отдаленных районах картина была иной: крестьяне грабили и громили помещичьи имения. В силу этого декрет о создании образцовых ферм и имений на основе «хорошо поставленных помещичьих хозяйств» успеха не имел. Большевики стояли за коллективные формы землепользования, но крестьяне противились этому и правящая партия пошла на уступку, временно отодвинув на второй план вопрос об организации крупных коллективных хозяйств, надеясь, что «мелкобуржуазные лозунги» вскоре себя изживут. Поскольку Декрет о земле оставлял открытыми многие насущные вопросы, ВЦИК 19 февраля 1918 г. принял «Закон о социализации земли». Согласно ему земля распределялась на «уравнительно-трудовых началах». Землей могли пользоваться лишь те, кто обрабатывал ее собственным трудом.

Декреты «О земле» и закон «О социализации земли» провозглашали государство верховным собственником земли, а крестьяне становились пользователями земель, но не их хозяевами. Провозглашенное большевиками «уничтожение всякой частной собственности на землю» и «развитие коллективного хозяйства в земледелии... за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству» противоречили естественному ходу поземельных отношений. Полная реализация аграрной программы революционными методами грозила большевикам столкновениями с крестьянством, которое на начальном этапе поддержало их в борьбе за ликвидацию по-

мещичьего землевладения, но не согласно было в массе своей встать на путь коллективизации.

Большевики же не располагали тогда достаточными средствами, чтобы провести закон о социализации земли в общегосударственном масштабе. Методы раздела земли на местах чаще всего определялись не законом, а или самими крестьянами, или местными властями, которых они признавали. Это были земельные отделы Советов, заменившие старые комитеты, где преобладали правые эсеры. В густонаселенных центральных и волжских губерниях земля распределялась преимущественно по числу едоков, в менее населенных северных губерниях и Сибири — по трудовым возможностям крестьянских семей в ее обработке.

Что касается общего количества перешедшей к крестьянам земли, то историки до сих пор затрудняются назвать более или менее правдоподобную цифру. По одним данным, она составила 17,2 млн. дес. земли. По подсчетам Наркомзема, на исконных земледельцев в большинстве губерний приходилось в среднем не более полудесятины отнятой у помещиков земли. Значительное число наделов получили вернувшиеся в деревню рабочие, солдаты, ремесленники, бывшая прислуга и т.д. Обещанного «черного передела» не произошло, земельный голод в деревне оставался.

<b>Продовольственная диктатура</b>	Большевики надеялись, что аграрная революция, проведенная самими крестьянами и в их интересах, станет основой прочного союза «крестьянства с пролетариатом». Однако уже весной-летом 1918 г. они столкнулись с тем, что в условиях галопирующей инфляции крестьяне не желали делиться хлебом с городом за обесцененные деньги.
------------------------------------	--

К тому же, условия Брестского мира отторгали от России богатые хлебом районы, что усугубляло продовольственный кризис. В феврале-марте 1918 г. потребляющие регионы страны получили лишь 12,3 % запланированного количества хлеба. Норма хлеба по карточкам в промышленных центрах сократилась до 50–100 г в день, да и этот минимум выдавался нерегулярно. Главной опасностью для нового режима становился голод в городах.

В этих условиях правительство берет курс на ужесточение политики в отношении с деревней. Сказалось не только бедственное положение с хлебом в промышленных центрах, но и

отношение большевиков к крестьянству как мелкой буржуазии, способной стать массовой опорой контрреволюции. Не случайно В. Ленин в тот период как главную опасность для революции видит не в ослабленной национализацией буржуазии, а в мелкобуржуазной стихии, носителем которой, по его мнению, является крестьянство, особенно зажиточное, — кулаки. «Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, — писал Ленин, — не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов».

В условиях острого хлебного кризиса ВЦИК и Совнарком решили силой отобрать хлеб у крестьянства. Декретами от 9 и 27 мая 1918 г. была установлена продовольственная диктатура. Чрезвычайные полномочия были предоставлены Наркомпроду и его органам. Формировались рабочие продовольственные отряды, с оружием в руках изымавшие хлеб в деревне. Наряду с этими мерами большевистская партия стремится «расколоть крестьянство», противопоставив бедняков зажиточной части деревни. Бедняки провозглашаются социальной опорой новой власти в деревне и союзниками пролетариата. Ставка делается на разжигание ожесточенной «классовой борьбы» бедняков против кулачества. Логика лидеров правящей партии была проста: пролетариат нанес сокрушительный удар городской буржуазии, теперь бедняки должны «подорвать могущество» сельских богатеев. Для сплочения бедноты в политическую силу декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. организуются комитеты деревенской бедноты. Они помогали продотрядам отнимать хлеб у зажиточных крестьян, а также осуществили новый передел земель, изъяв у кулачества около 50 млн. дес. земли — больше, чем у помещиков после Октябрьского переворота.

Продовольственная диктатура и деятельность комитетов бедноты усугубили раскол в обществе. В классовую борьбу втягивалось многомиллионное крестьянство. Советское правительство искало союзников в деревне, но действовало такими средствами и методами, что нашло противников в лице зажиточных крестьян и середняков, превращавшихся в массовую опору антибольшевистских сил. Гражданская война вступила в новую фазу, когда в вооруженное противоборство втягивалось большинство населения.

Ни продовольственная диктатура, ни комбеды не решили проблем снабжения городов продовольствием. Попытка адми-

нистративно-силовым методом изъять хлеб у крестьянства, свернуть рыночные связи деревни с городом привели лишь к широкой нелегальной торговле хлебом по астрономически высоким ценам. Городское население получило через государственное распределение не более 40 % потребленного им хлеба и 60 % – через нелегальную «вольную торговлю». Правительство вынуждено было в моменты острейших продовольственных кризисов легализовать провоз хлеба в города населением (обычно полтора пуда на человека). В сентябре 1918 г. эти «полуторапудники» закупили и вывезли в Петроград и Москву более 7,5 млн. пуд. хлеба – вдвое больше, чем планировалось Наркомпродом для этих городов. Поэтому не случайно, что многие рабочие коллективы требовали лишить Наркомпрод чрезвычайных полномочий и легализовать торговлю хлебом, справедливо считая, что продовольственная диктатура лишь усугубляет и без того бедственное положение горожан.

**Мятеж левых эсеров** Политика советского правительства в отношении деревни имела серьезные политические последствия. Если после Брестского мира, против которого решительно выступали левые эсеры, в правительственной коалиции двух партий появилась трещина, то переход к продовольственной диктатуре и комбедам вбил в нее клин, – и блок распался. Левые эсеры, возмущенные как Брестским миром, так и насилием большевиков над крестьянством, подняли в дни работы V Всероссийского съезда Советов в Москве мятеж.

6 июля 1918 г. сотрудники ВЧК, левые эсеры Я. Блюмкин и Н. Андреев, проникли с подложным документом в германское посольство, убили посла графа Мирбаха и укрылись в отряде ВЧК, которым командовал левый эсер Попов. Председатель ВЧК Ф. Дзержинский отправился в отряд, чтобы арестовать Блюмкина, но сам попал в плен к Попову. В ответ большевики изолировали фракцию левых эсеров на съезде, а их лидера Марью Спиридонову взяли в качестве заложницы. Остававшиеся на свободе члены ЦК ПСРЛ задним числом санкционировали убийство посла, а эсер П. Прошьян, воспользовавшись своим положением наркома почт и телеграфа, разослал по городам телеграммы с призывом к восстанию против германского империализма.

Своими действиями левые эсеры дали повод большевикам для полного разгрома оппозиции. Начальнику дивизии латыш-

ских стрелков И. Вацетису было приказано быстро и решительно подавить «восстание». Отряд Попова насчитывал около 600 чел. и имел 2 артбатареи, против них выступило более 4 тыс. находившихся в Москве латышских стрелков.

В ночь на 7 июля началось наступление на мятежников. Посланные левыми эсерами парламентареры для мирного урегулирования конфликта не были приняты. Батарея латышских стрелков выпустила с 200-метрового расстояния несколько снарядов по домам, где находились эсеры, и тут же они прекратили сопротивление. Отряд Попова разбежался. Начались аресты. 12 рядовых участников и заместитель Дзержинского Александрович были расстреляны. Мятеж в Москве был подавлен.

Через три дня поднял мятеж командующий Восточным фронтом М. Муравьев, называвший себя левым эсером. Из Симбирска, где находился штаб фронта, он разослал телеграмму об объявлении войны Германии и обратился с воззванием к населению: «...призываю под свои знамена для кровавой и последней борьбы с авангардом мирового империализма – Германией. Долой позорный Брестский мир! Да здравствует всеобщее восстание!» Муравьев, располагая отрядом в 1000 чел., арестовал ряд работников штаба Восточного фронта, командующего 1-й армией М. Тухачевского и, собрав актив левоэсеровской организации, предложил образовать «Поволжскую советскую республику» во главе с левыми эсерами. Декретом СНК Муравьев был снят с поста командующего фронтом, объявлен вне закона и убит в здании губисполкома, куда он был приглашен для «переговоров». Верные большевикам латышские стрелки разоружили отряд Муравьева.

События 6–7 июля 1918 г. подвели черту под периодом развития Советской власти на двухпартийной основе и стали точкой отсчета формирования однопартийной диктатуры. Большевики, и ранее отличавшиеся нетерпимостью к своим политическим оппонентам, ужесточают отношение к социалистическим партиям, рассматривая их отныне не как потенциальных союзников, а как врагов. Печальный итог союза с левыми эсерами лишь укрепил убеждение лидеров большевизма, что только их партия способна осуществить социалистические преобразования, а меньшевики, эсеры, анархисты и прочие лишь прикрывают социалистическими лозунгами свою контрреволюционную сущность и им нет места в новой России. Партия



левых эсеров была фактически запрещена. Такая же участь вскоре постигла и другие партии. Монополия большевиков на власть негативно сказалась на развитии новой политической системы, все больше оформлявшейся в диктаторский режим «пролетарской» партии. В условиях безраздельного господства в обществе изменилась и сама большевистская партия. Она срацивалась с государственным аппаратом и быстро подвергалась огосударствлению.

**Первая Советская Конституция** V Всероссийский съезд Советов, в дни работы которого разворачивались драматические события мятежа левых эсеров, вошел в историю как съезд, принявший первую Советскую Конституцию. В ней не осталось и следа от ленинской идеи государства – коммуны. В республике Советов сохранялись постоянная армия, милиция, ВЧК, чиновничество и другие атрибуты обычного государства. Основу Конституции составляла «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой были сформулированы три основополагающие идеи: диктатура пролетариата, общественная собственность на землю, промышленность, транспорт, а также федеративное устройство государства на основе самоопределения народов России.

Законодательная и исполнительная власть принадлежала Советам, с помощью которых был ликвидирован принцип разделения властей и провозглашалась власть трудящихся сверху донизу. Исполнительные и распорядительные органы Советов – исполкомы имели вертикальное подчинение, что способствовало установлению жесткой централизации власти. О роли Коммунистической партии в системе Советов в Конституции не говорилось, но фактически власть в Советах, начиная с ВЦИК и СНК, принадлежала большевикам.

Конституция, с целью обеспечения руководящей роли рабочих в Советах, гарантировала им значительные преимущества по сравнению с крестьянством. На съезд Советов РСФСР от рабочих избирался 1 представитель от 25 тыс. избирателей, а от крестьян – 1 от 125 тыс. Тем самым закрепилось политическое неравенство рабочих и крестьян. К тому же, выборы проводились открытым голосованием. Помещики, капиталисты, кулаки, бывшие чиновники старого режима, жандармы и другие представители ранее господствовавших классов лишились избирательных прав. С принятием Конституции в общих чертах обозначился новый политический и социально-экономический строй.

## § 2. На фронтах гражданской войны (1918–1920 гг.)

### Создание Красной Армии

Последовавшая после крушения монархии череда событий, основным содержанием которых была поляризация сил, готовящихся схлестнуться в беспощадной схватке, медленно, но

верно создавала соответствующие политические, классовые, военно-организационные и социально-психологические предпосылки гражданской войны. На политику, экономику, идеологию и психологию людей глубокий отпечаток наложил военный фактор. Прежде чем грянула революция наши соотечественники более трех лет гибли на полях сражений первой мировой войны, мерзли и голодали в тылу, страдали от боли потери близких и родных. Война ломала привычные представления о добре и зле, уродовала характеры и поведение людей обыденностью убийства и насилия. Под ружье были поставлены миллионы россиян и с развалом старой армии они с оружием в руках возвращались домой. В условиях общероссийской катастрофы и острой социально-классовой вражды формировалась взрывоопасная среда, готовая привычными для себя средствами – штыком и пулей разрешать острые противоречия. К этому толкали и лидеры партий различной политической ориентации. Они буквально втягивали население в гражданскую войну, натравливая одну часть граждан на другую. Мир и покой в России теперь связывали не с гражданским умиротворением, компромиссом, соглашением, а с победой над своими политическими или классовыми противниками. К войне, но теперь внутренней, готовились, создавая свои вооруженные силы. Каждая революция должна уметь защищаться – эти слова Ленина стали девизом, под которым шло строительство Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Паническое отступление старой армии под натиском немецких войск в конце февраля 1918 г., несмотря на героическое сопротивление отдельных полков, красногвардейских и партизанских отрядов, окончательно убедило ленинское руководство в необходимости создания новой армии. Советское правительство решило демобилизовать старую армию и срочно формировать свои вооруженные силы, «построенные не на принципах всеобщего вооружения народа», как предполагали большевики до революции, а на кадровой и регулярной основе. Рьяным

сторонником нового курса в военном деле стал Л. Троцкий. Он убедил Ленина образовать Высший Военный Совет (ВВС) из бывших генералов Ставки царской армии во главе с Н. Бонч-Бруевичем, исполнявшим обязанности начальника штаба Ставки. Декретом Совнаркома перед ВВС ставились задачи организации обороны страны и формирования боеспособной армии. Царские генералы и офицеры соглашались на сотрудничество с Советской властью из патриотических соображений — шла война с Германией. Служить в Красную Армию пошли И. Вацетис, С. Каменев, А. Брусилов, Е. Снесарев, В. Альтфатер и многие другие. К началу 1919 г. бывшие офицеры составляли более половины командно-начальствующего состава Красной Армии. Фактически они и создали красноармейские соединения и части, способные вести боевые действия, как хорошо организованная сила.

Курс на регулярную армию стал предметом острых разногласий в военно-партийной среде. Первые комиссары военного ведомства в ленинском правительстве (Н. Крыленко, Н. Подвойский, П. Дыбенко) считали, что бывшие генералы возрождают в Красной Армии «царские порядки». Доводы Ленина их не убедили — вся коллегия Наркомата по военным делам подала в отставку. Конфликты Ленина с левыми продолжались в партии вплоть до VIII съезда РКП(б), проходившего в марте 1919 г.

По предложению Ленина пост народного комиссара по военным делам занял Л. Троцкий. За диктаторские замашки и склонность к репрессиям Троцкого резко критиковали в партийной среде, но Ленин всячески его защищал, считая, что он пытается превратить диктатуру пролетариата из «киселя» в «железо». Выбор оказался удачным: вряд ли можно было найти более убежденного сторонника самых строгих порядков в армии, чем Троцкий, да еще с такими качествами, как воля и решительность, доходящие до крайней жестокости.

С марта по сентябрь 1918 г. произошел переход от добровольческого этапа в строительстве Красной Армии к ее формированию на основе воинской повинности, на принципах регулярных частей с военными специалистами, комиссарами, воинскими уставами и дисциплиной. Когда Ленин говорил, что «без военкома мы не имели бы Армии», он имел в виду прежде всего руководителей волостных, уездных и губернских военных комиссариатов, которые налаживали воинский учет и прово-

дили мобилизации. После введения обязательной воинской повинности к середине сентября 1918 г. Красная Армия уже состояла из 6 армий и 54 дивизий; общая численность войск на фронте и в тылу составляла около 450 тыс. чел. Она имела достаточно стройную структуру управления и была оснащена вооружением из арсеналов царской армии.

**Борьба  
с «демократи-  
ческой контрре-  
волюцией»**

В 1918 г. страна Советов оказалась в кольце фронтов гражданской войны. Достаточно четко обозначились три политические силы: первая — большинство рабочего класса и бедней-

шего крестьянства от имени которых выступа-

ли большевики; вторая — представители свергнутых классов и поддерживавшие их группы населения (офицеры, большая часть казачества, торгово-промышленная буржуазия и другие «бывшие»); третья — самая многочисленная часть населения, так называемая «мелкая буржуазия» города и деревни (среднее крестьянство, торговцы, ремесленники и т.п.). Если первые две силы сразу определились как враждебные и непримиримые, то третья колебалась и ее позиция («на чьей стороне») нередко зависела от перевеса красных или белых, ибо по ту и другую сторону фронта основную массу солдат составляли те же крестьяне, которые часто в тылу и «красных» и «белых» поднимали восстания. Разумеется, подобный расклад социальных сил, сошедшихся в жестокой схватке, носит во многом условный характер, так как состав каждой из противоборствующих сторон был неоднороден и подвижен. В рядах «красных» находилось немало бывших офицеров, представителей интеллигенции, выходцев из средних и даже высших слоев российского общества. Под знаменем Белого движения воевали и рабочие, в частности уральских заводов, и крестьяне-бедняки — те, кого принято относить к социальным низам. Попадая в катаклизмы революционной эпохи, сотни тысяч людей искали свое место в катастрофически меняющейся жизни, нередко метались подобно шолоховскому Григорию Мелехову из одного лагеря в другой или жили в зависимости от причудливо переплетавшихся обстоятельств, вырвавших их из привычного быта и заставивших забыть о происхождении и интересах своей социальной среды.

На первом этапе гражданской войны хлебная монополия, реквизиции, бесчинства продотрядов и комбедов оттолкнули массы крестьян от большевиков и усилили позиции эсеров.

Социалистические партии, не принявшие Брестский мир, осуждавшие большевистский квазисоциализм и насилие над крестьянами, призывали к борьбе с коммунистами под флагом Учредительного собрания. Летом 1918 г. в нескольких регионах образовались социалистические коалиционные правительства, пытавшиеся избежать крайностей революционного радикализма и оголтелой контрреволюции, стремясь выбрать, по словам либеральных социалистов, путь «золотой середины» — демократического обновления России. Появившийся позже в советской историографии термин «демократическая контрреволюция» означал, что с мая по ноябрь 1918 г. борьбу с большевиками вели под демократическим флагом меньшевики и эсеры.

Идеологам умеренных социалистических партий большевики казались не менее опасной силой, чем приверженцы старого строя. Будущее, считали они, принадлежит «демократии и социализму», а большевизм — «вульгарная пародия» марксизма, которая наносит социализму не менее тяжкий вред, чем открытая реакция.

Катализатором объединения сил «демократической контрреволюции» на некоторое время стал мятеж чехословацкого корпуса. В 1918 г. в России в плену находилось около 200 тыс. чехословаков. Еще при царском правительстве из этих военнопленных был сформирован 50-тысячный легион для участия в боевых действиях на Восточном фронте. Согласно Брестскому договору, легион следовало разоружить. Поэтому легионеры считали большевиков предателями, хотя часть из них сочувственно относилась к Советам. Когда корпус был вытеснен с Украины немцами, Советское правительство согласилось перебросить его во Владивосток, а затем оттуда морским путем переправить во Францию. Не сдавшим оружие грозили расстрелом. Но, по постановлению съезда, представители от частей корпуса оружие не сдавали, решив силой пробиваться к Владивостоку.

Мятеж чехословацкого корпуса (май 1918 г.) поддержала Антанта. Посол Франции в России Ж. Нуланс от имени союзников заявил, что они решили «начать интервенцию... и рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии». Мятежники быстро захватили важные железнодорожные узлы на Сибирской железной дороге, взяли под контроль территорию от Челябинска до Самары. В результате возник антибольшевистский фронт в Поволжье и Сибири, где была

свергнута Советская власть. Сразу же образовалось два новых эсеровских правительства – Самарское, объявившее себя Комитетом членов Учредительного собрания (КОМУЧ), и коалиционное Сибирское правительство в Омске. Причем как КОМУЧ, так и Сибирское правительство претендовали на общероссийскую власть. Не было у них согласия и по политическим вопросам. Суть расхождений сформулировал в свое время кадет Л. Кроль: «Самара хотела держать революцию на уровне эсеровских требований, а Омск стремился назад от революции, несколько щеголяя даже возвратом к старым внешним формам».

Однако летом и осенью 1918 г. войска обоих правительств, пользуясь поддержкой чехословаков, сочувственным отношением части населения, поверившего в демократические лозунги, нанесли серьезные удары по большевистским силам. 6 августа 1918 г. «Народная армия» КОМУЧа взяла Казань. Оставалось форсировать Волгу – тогда открывался путь на Москву. Войска Красной Армии терпели поражения и в других регионах.

Советское правительство предпринимает экстренные действия. На Восточный фронт во главе с Троцким прибывает бронепоезд с отборной боевой командой и военным трибуналом. Эмиссары центра драконовскими мерами предотвращают падение Свияжска. За бегство с поля боя по приговору трибунала по принципу «децимации» расстреливаются двадцать семь красноармейцев Петроградского полка, в том числе командир и комиссар. В Муроме, Арзамасе, Свияжске создаются концлагеря. Троцкий подписывает приказ о беспощадной расправе с паникерами, дезертирами, дезорганизаторами, включая и командование частей. Вводятся заградительные отряды, уничтожавшие обратившихся в бегство бойцов и командиров.

2 сентября 1918 г. ВЦИК объявляет Советскую республику «военным лагерем». Из военно-партийных работников создается Реввоенсовет республики во главе с Л. Троцким. Командующий Восточным фронтом И. Вацетис назначается главкомом Красной Армии. Начинается массовый террор против «врагов революции». Жесткие меры на фронте и в тылу дали свои результаты: уже в начале сентября 1918 г. в кровопролитных и упорных боях войска Восточного фронта остановили противника и перешли в контрнаступление. 10 сентября была взята Казань. Большевики успешно наступали от средней Волги к Уралу. Участь эсеров-меньшевистских правительств была предопределена. Дело в том, что межеумочная политика КОМУЧа, Си-

бирского и других региональных антибольшевистских правительств, а также созданного 23 сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании Временного всероссийского правительства – Директории – отталкивала от них кадетов, предпринимателей, офицерство – с одной стороны и приверженцев большевиков – с другой. Конфликты происходили по рабочему и крестьянскому вопросам, особенно острые разногласия вызывали будущее государственное устройство и внешнеполитическая ориентация страны. Под ударами как справа, так и слева КОМУЧ, Сибирское, Уральское и иные правительства, а затем и коалиционная Уфимская Директория должны были уступить место военной диктатуре Верховного правителя – Колчака.

**На Восточном и Южном фронтах** К осени 1918 г. на Южном фронте красноармейцы с огромными потерями приостановили наступление Донской армии генерала П. Краснова. На Севере, где к этому времени высадились английские и американские интервенты, было парализовано продвижение в глубь страны генерала Е. Миллера.

Советская историография преодолела миф о двух «объединенных» и «комбинированных» походах Антанты на Советскую Россию в 1919 г. Но с конца 80-х гг. историки и публицисты впали в другую крайность – об интервенции почти перестали упоминать, а некоторые авторы даже утверждают, что ее и вовсе не было. Между тем, помимо чехословацкого корпуса, с Советской властью активно боролись и другие иностранные войска. На Дальнем Востоке к сентябрю 1918 г. союзный экспедиционный корпус насчитывал 44 тыс. чел.: 28 тыс. японцев, 7500 американцев, 4 тыс. канадцев, 2 тыс. итальянцев, 500 англичан, 1000 французов. Все это означало расширение масштабов интервенции, намерение союзников выполнить договоренность о разделе сфер влияния и оккупации в России. Кроме того, Антанта обильно снабжала Белые армии оружием, боеприпасами, снаряжением и деньгами. Известно также, что в штабах белых генералов и атаманов было немало иностранных военных советников и инструкторов, участвовавших в разработке оперативных планов армий.

Если до капитуляции Германии, Австро-Венгрии и Турции Антанта маскировала свои цели якобы задачей защиты России от немцев, то к началу 1919 г. союзники открыто заявляют о «помощи русскому народу» в свержении большевистского ига и «последующем устройстве жизни». На весну 1919 г. Ан-

танта планировала объединенное наступление на Россию, которое Черчилль объявил «походом 14 держав». В одной из стратегических разработок главного командования Антанты указывалось, что наступление должно быть начато «со всех границ России и направлено концентрически к самому сердцу большевизма – к Москве».

Вплоть до апреля 1919 г. стратеги Антанты считали, что движение основных сил начнется на Южном и Западном фронтах. И лишь в середине апреля, когда четыре армии адмирала А. Колчака развернули успешное наступление на Восточном фронте от Северного Урала до Южного Заволжья, французский премьер Клемансо сообщил командующему войсками Антанты в Сибири, советнику Колчака генералу Жаннену: «...если нынешние благоприятные условия сохранятся, я считаю возможным поход ваших основных сил в направлении на Москву, в то время как левый фланг обеспечит связь с Деникиным...»

В свою очередь, советское командование своевременно приняло меры по укреплению Южного фронта. Войска вновь образованного Украинского фронта в марте 1919 г. освободили большую часть Украины. В середине февраля создается западный фронт. Однако Антанта и советское руководство недооценили важность Восточного фронта (видимо, сказались успехи на этом направлении Красной Армии во второй половине 1918 г.). Между тем новый правитель Сибири – адмирал Колчак – создал благодаря мобилизации армию в 400 тыс. чел. Добившись численного превосходства в войсках, он прорвал центр обороны Восточного фронта и к середине апреля 1919 г. находился в 85 км от Казани и Самары и в 100 км от Симбирска. Дальнейшее продвижение к Волге могло бы привести к соединению Колчака с Деникиным и их совместному походу в центральные районы страны.

10 апреля 1919 г. Ленин заявил, что судьба революции решается на Восточном фронте. Партийная, профсоюзная и комсомольская мобилизации дали Красной Армии около 800 тыс. чел. На Восточный фронт прибыли свежие части, артиллерия, бронепоезда. Действия южной группы войск Восточного фронта под командованием М. Фрунзе стали примером смелого и решительного массированного удара основных сил и средств – в конце апреля 1919 г. Колчаковский фронт был прорван. В трех последовательно проведенных операциях южной группы войск: Бугурусланской, Белебейской и Уфимской (конец ап-



реля – июнь 1919 г.) армии Колчака потерпели сокрушительное поражение и к августу 1919 г. Колчак был отброшен за Урал, а в начале 1920 г. окончательно разбит. Серьезный вклад в победу над Колчаком внесли сибирские крестьяне, восставшие против Омского правительства, подписавшего приказ о возвращении земли бывшим владельцам. 4 января 1920 г. Колчак отрекся от титула «Верховного правителя Российского государства» и звания главковерха. Вскоре Колчак и его премьер Пепеляев (а вместе с ними и эшелон с золотым запасом) были переданы чехами, стремившимися во Владивосток, сначала меньшевистско-эсеровскому иркутскому Политцентру, а последним – местному большевистскому ВРК, по приговору которого и расстреляны. Большевики подписали с чехословацким корпусом перемирие и соглашение о полной эвакуации морским транспортом, что и произошло в начале августа 1920 г.

В июле 1919 г., когда разбитые армии Колчака отступали, основной центр борьбы против Советской республики переместился снова на юг, где в наступление перешли армии А. Деникина, получившего поддержку и помощь от США, Англии, Франции, Румынии и Болгарии. Черчилль признавался позднее, что Англия оказывала Деникину главную помощь – «не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. Несколько сот британских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогли организации деникинских армий».

В мае 1919 г. Деникин нанес удар по Красной Армии у южной границы Донбасса. В тылу советских войск полыхало восстание казаков на Верхнем и Среднем Дону, а на юге Украины подняла мятеж 6-я Украинская дивизия под командованием Н. Григорьева, выступившая под лозунгом «Советы без коммунистов», «Украина для украинцев». Располагая внушительной военной силой (20 тыс. чел., свыше 50 орудий, 700 пулеметов, и 6 бронепоездов), дивизия помогла Деникину начать широкомасштабное наступление на юге Украины.

В начале июня 1919 г. военные действия развернулись в Таврической, Екатеринославской, Харьковской, Донецкой, Воронежской, Царицынской, Астраханской губерниях и в Донской области. А. Деникин, имея четырехкратное превосходство в коннице, наносил мощные удары по красным войскам, кото-

рые на протяжении всего 1600-километрового фронта перешли к обороне. Ожесточенные бои развернулись за Царицын. Командующий Кавказской армией генерал П. Врангель потребовал от Деникина прислать ему офицерские пехотные части, заявив, что «конница может делать чудеса, но прорывать проволочные заграждения не может». Деникин перебросил Врангелю 7-ю пехотную дивизию генерала Тимановского – свой единственный резерв. 30 июня Врангель взял Царицын.

После падения Царицына стратегический характер стала приобретать оборона Астрахани и устья Волги. И хотя деникинцы теснили красные части на север, но взять Астрахань не смогли. Советские войска сумели удержать за собой важные в оперативном отношении плацдармы на правом берегу Нижней Волги, в районах Черного Яра, Владимировки и др.

Серьезных успехов деникинцы достигли в ходе Крымской операции. Войска под командованием генерала Я. Слащева разгромили крымскую группировку советских войск, что обезопасило тыл Добровольческой армии в ходе ее наступления на Левобережную Украину. Здесь были прорваны Харьковский и Белгородский укрепленные районы. Войска под командованием генерала В. Май-Маевского взяли Белгород, Чугуев, Харьков и наступали на Екатеринослав, в который вошли с боями 30 июня 1919 г.

Деникинцы готовились к нанесению главного удара на курском и воронежском направлении для захвата Москвы. В начале июля В. Ленин пишет обращение к партии и трудящимся «Всем на борьбу с Деникиным!». В нем Ленин подчеркивал, что настал «самый критический момент революции» и «все силы советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить наступление Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и Сибирь». Части Южного фронта спешно пополнились командирами. В июле их прибыло в войска фронта 3879 чел. Командующим Южным фронтом вместо В. Гаттиса был назначен В. Егорьев, а его помощником А. Егоров. С лета по осень 1919 г. в войска, сражавшихся против деникинских армий, было направлено свыше 40 тыс. коммунистов и около 30 тыс. комсомольцев.

К концу июля 1919 г. в составе Южного фронта насчитывалось 157,6 тыс. штыков, 25,8 тыс. сабель, 4094 пулемета, 876 орудий, 55 бронепоездов и 10 автобронепоездов. Противостоявшие ему вооруженные силы юга России имели 104,5 тыс. шты-

ков. 50,9 тыс. сабель, 1212 пулеметов, 531 орудие, 28 бронепоездов, 25 танков. Превосходство в коннице давало Деникину возможность удерживать инициативу в действиях.

Силами 4-го Донского корпуса генерала Мамонтова был проведен рейд по тылам Южного фронта красных, в ходе которого были взяты Тамбов, Козлов, Елец, Воронеж. Удачно действовал в тылах красных и 3-й Кубанский конный корпус во главе с генералом Шкуро. 12 сентября 1919 г. Деникин возложил на Добровольческую армию задачу овладеть совместно с 4-м Донским и 3-м Кубанским корпусами Москвой. Основные усилия деникинцев сосредоточились на курско-московском направлении. 20 сентября Добровольческая армия взяла Курск. Над Москвой нависла серьезная угроза.

Реввоенсовет республики принял экстренные меры по увеличению боевого состава войск Южного фронта, которому были переданы лучшие части и соединения Красной Армии: конный корпус С. Буденного, латышская стрелковая дивизия, бригада червонных казаков. Из них была образована ударная группа, сосредоточенная южнее Брянска.

11 октября 1919 г. началось контрнаступление войск Южного фронта. Первая неделя боев не дала перевеса ни одной из противоборствующих сторон. Затем инициатива перешла к Красной Армии. В тяжелых боях под Орлом были разбиты лучшие пехотные дивизии Деникина. В районе Воронежа и Касторной конный корпус Буденного во взаимодействии с 8-й армией разгромил казачью конницу генералов Мамонтова и Шкуро. Особо отличился при этом Сводный кавалерийский корпус во главе с организатором красной кавалерии Б. Думенко (по клеветническому доносу был осужден ревтрибуналом и расстрелян в 1920 г.).

После успешного завершения орловско-курской и воронежской операций войска Южного фронта начали преследования отходящего противника. К весне 1920 г. деникинцы были вытеснены с Украины, разгромлены на Северном Кавказе. Остатки деникинских армий были пригнаны к морю и эвакуировались из Новороссийска в Турцию и Крым. Деникин на английском миноносце отбыл в Константинополь, передав командование остатками своих войск генералу Врангелю. Разгром Деникина означал коренной перелом в ходе гражданской войны в пользу Советской власти.

Однако весной и летом 1920 г. Красной Армии пришлось снова вести военные действия – на этот раз против Польши. Казалось, Польша, получив независимость в результате русской революции, не должна бы выступать против России. Но возглавлявший Польское государство маршал Ю. Пилсудский лелеял план создания федерации, включающей Польшу, Белоруссию, Литву и Украину, выступал за восстановление Польши в границах 1772 г. В течение 1919 г. польские войска, пользуясь тяжелым положением Красной Армии на других фронтах, захватили почти всю Западную Белоруссию и Западную Украину. Однако ни Антанта, ни Деникин с Врангелем не собирались признавать польские права на территории восточнее линии, установленной в декабре 1919 г. Верховным Советом Антанты («линии Керзона»). Пилсудский согласился на мирные переговоры с Советским правительством, но они вскоре были прерваны.

17 апреля 1920 г. польский диктатор отдал приказ о наступлении на Киев, подписав предварительно договор о совместных действиях с главой Украинской Директории Симоном Петлюрой. 6 мая поляки взяли Киев и к середине мая вышли на левый берег Днепра.

Польская агрессия вызвала подъем патриотических чувств в России и ЦК РКП(б) обратился уже не только к рабочим и крестьянам, но и «к уважаемым гражданам» с призывом не позволить Польше «навязать свою волю русскому народу», к генералам и офицерам бывшей царской армии «забыть все обиды» и защитить «любимую Россию» от чужеземного ига. Одновременно с этим в войсках Западного фронта партийные пропагандисты сеяли иллюзию, что польские рабочие и крестьяне не станут воевать против страны победившего пролетариата, Реввоенсоветы фронта массовыми тиражами печатали пропуски в Советскую республику для польских солдат. Тем не менее в мае 1920 г. началось контрнаступление советских войск, и 12 июня Киев был отбит. Польское командование поспешно отводило свои войска к границе. К концу июля Красная Армия достигла «линии Керзона» и Антанта потребовала остановить наступление красных войск на временной восточной границе Польши.

При обсуждении в ЦК РКП(б) вопроса о переносе войны на территорию Польши мнения разделились. Руководители

польских коммунистов высказывались за «коммунизацию» Польши с помощью Красной Армии. Ленин стоял за революционную войну, надеясь на восстание польского пролетариата и выступление германских рабочих. Троцкий ратовал за перемирие, полагая, что вторжение в Польшу укрепит авторитет Пилсудского. В итоге было решено продолжать наступление. «Мы шли на риск, – вспоминал Троцкий, – на этот раз по инициативе Ленина – прощупывание штыком буржуазно-шляхетской Польши» с целью «советизировать Польшу, чтобы дать революционный импульс Германии».

В середине августа в 1920-е гг. красные войска под командованием М. Тухачевского форсировали Вислу и подошли к предместьям Варшавы. В приказе Тухачевского войскам Западного фронта говорилось: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. Вперед на Запад!»

Вопреки ожидаемой большевиками поддержки трудящихся Польши население встретило Красную Армию крайне враждебно, и Пилсудскому удалось быстро собрать 80-тысячную армию. В Варшаву из Парижа прибыл генерал Вейган. В битве на Висле польские войска одержали победу, и красные войска отступили от Варшавы на 600 км. У восточно-прусской границы Польши две советские армии попали в окружение. Ленин требовал от военного руководства республики принять все меры для успешных действий. Однако Варшавская и Львовская операции завершились неудачей для Красной Армии – и она была выбита из Польши. Советизация поляков не удалась. Судьба попавших в плен 30 тыс. красноармейцев до сих пор не известна.

Военные и политики много спорили о причинах поражения Красной Армии. Среди причин военного характера отмечались неподготовленность операции, нечеткость взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов, растянутость коммуникаций, недостаток пополнения, недооценка сил противника и др. Политические причины были связаны в первую очередь с ложной теорией экспорта революции. Большевики, вознамерившись помочь трудящимся Польши освободиться от «пут капитализма», не учли главного – желают ли они того сами, не приняли во внимание настроение народа, который вел многолетнюю борьбу с Германией, Австрией и Россией за независимость.

Окончание военных действий на западе позволило Советскому руководству сосредоточить военные силы на юге для разгрома последней белой группировки – армии генерала Врангеля. 1 сентября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение взять Крым и разделиться с Врангелем до наступления зимы, для чего был снова образован Южный фронт под командованием М. Фрунзе, проведена мобилизация коммунистов и комсомольцев.

**Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925).** Родился в Туркестане в семье фельдшера. Учился в Петербургском политехническом институте. С 1904 – большевик. Активный участник революции 1905–1907 гг. – один из руководителей Иваново-Вознесенской стачки текстильщиков и Иваново-Вознесенского Совета, участник московского декабрьского восстания 1905 г. Неоднократно подвергался репрессиям, 2 раза приговаривался к смертной казни.

В феврале-августе 1917 г. – начальник минской гражданской милиции, член Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, затем председатель Совета крестьянских депутатов Белоруссии. После корниловского восстания живет в г. Шуя, где его избирают председателем местного Совета, городской думы и уездной земской управы. В октябре 1917 г. во главе двухтысячного отряда красногвардейцев принимает участие в установлении власти большевиков в Москве, затем возвращается на прежнюю работу в Иваново-Вознесенск. С августа 1918 г. – военный комиссар Ярославского Военного Округа. В 1919 командующий армией, Южной группы войск, Восточным фронтом. Провел ряд успешных операций против войск Колчака. В августе 1919 г. – сентябре 1920 г. командующий Туркестанским фронтом, руководил разгромом Бухарского и Хивинского ханств. С сентября 1920 г. командующий Южным фронтом, руководил операцией по разгрому войск Врангеля. В 1920–1922 гг. руководил ликвидацией Петлюры и Махно. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1919, 1922). Почетным революционным оружием (1920). В 1920–1924 гг. командующий войсками Украины и Крыма, член Политбюро ЦК КП Украины, заместитель председателя СНК УССР. В 1924 г. был назначен заместителем председателя РВС и наркома по военным и морским делам, начальником штаба РККА, избран кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б). С января 1925 г. – председатель РВС и нарком по военным и морским делам.

Фрунзе – главный разработчик военной реформы 20-х годов. Ему принадлежат идеи комплектования армии на основе сочетания кадрового и территориального принципов, развития новых видов вооружения, подготовки диверсионных подразделений для ведения партизанской войны и др. Он оставил солидное теоретическое наследие: «Единая военная доктрина и Красная Армия» (1921), «Фронт и тыл в войне будущего» (1924), «Европейские цивилизаторы и Марокко» (1926) и др.

Армию Врангеля (около 50 тыс. пехоты и сабель) снабжала Антанта – пушками, пулеметами, танками, аэропланами. В сентябре-октябре 1920 г. войска Южного фронта сражались с

врангелевцами, пытавшимися овладеть Донбассом, прорваться за Днепр на Правобережную Украину. Особенно ожесточенные бои развернулись в районе Каховки, где был создан плацдарм для наступления на белых. Здесь отличились части Второй конной армии под командованием Ф. Миронова. В конце октября – начале ноября Врангель был выбит из Северной Таврии. Имея крупное превосходство в силах, войска Южного фронта могли не допустить прорыва врангелевцев в Крым, но несогласованность действий красноармейских соединений и мощные контрудары белых привели к тому, что врангелевцы снова заняли Крым и укрылись за мощными укреплениями, сооруженными на Чонгарском и Перекопском перешейках. Красным преграждали путь в Крым ряды проволочных заграждений, рвы, насыпи, окопы. Каждая пядь земли простреливалась пулеметами и артиллерией. Главная линия обороны проходила по старинному Турецкому валу высотой до 10 м и длиной 11 км, перед которым был ров глубиной до 10 м, прикрытый тремя линиями проволочных заграждений. По вершине вала шла линия окопов и блиндажей, южнее Перекопа – вторая оборонительная полоса. Упоывая на “неприступность” своих оборонительных сооружений Врангель рассчитывал сохранить Крым в качестве плацдарма для борьбы с красными.

В ночь на 8 ноября 1920 г. передовые части красных при 12-градусном морозе форсировали Сиваш, закрепились на Литовском полуострове и ударили в тыл перекопских позиций. Одновременно части 51 дивизии во главе с В. Блюхером атаковали Турецкий вал с фронта, 30-я стрелковая дивизия И. Грязнова штурмовала Чонгарские укрепления. Двое суток шли ожесточенные бои, в которых обе стороны несли огромные потери. Перекопские, чонгарские и другие укрепления были взяты. В прорыв двинулись Первая и Вторая конные армии. Врангель был разбит.

После разгрома Врангеля большевики поставили в качестве первоочередной задачи – очищение Крыма от «чуждых элементов», которое проявлялось в массовых расстрелах, арестах и выселении. Первыми жертвами стали 8 тыс. офицеров, вероломно расстрелянных после прохождения добровольной регистрации, объявленной правителями Крыма. Организаторами расстрелов были: Председатель Крымоблревкома Бела Кун (в одном из документов названный «гением массового террора»), член Облревкома Р. Землячка, заведующий особым отделом Южного фронта Е. Евдокимов.

В Крымской операции участвовали и отряды Махно, которому большевики обещали автономию в Гуляй-поле. Когда же Реввоенсовет Южного фронта потребовал от него реорганизовать повстанческие отряды в регулярные части и слить их с Красной Армией, а Махно отверг это требование, махновцы приказом Реввоенсовета Южного фронта были объявлены врагами Советской республики и началась ликвидация «махновщины», стоившая большевикам немалых усилий. Махновские отряды постоянно пополнялись людскими ресурсами — крестьянами, а также теми, кто, вернувшись с фронтов гражданской войны, не мог найти себе работу и пропитание, деклассированными элементами и др. Армия Махно отличалась завидной маневренностью. По пятам Батьки с конца декабря 1920 г. шла красная дивизия А. Пархоменко, а затем дивизия Котовского. Однако махновцы уходили от преследования, нападая по пути на воинские подразделения, отряды милиции и населенные пункты. Весной — летом 1921 г. отряды Махно совершали рейды по всей Украине и Южной России, но в конце августа 1921 г. были разбиты: около полусотни всадников во главе с Махно, спасаясь от преследования, переправились через Днестр и очутились в Румынии.

Горячей точкой оставался Дальний Восток. Здесь находилась 100-тысячная японская армия. Под ее покровительством действовали остатки колчаковских войск (каппелевцы) и белоказаки, которыми командовал преемник Колчака атаман Г. Семенов. Жертвами террора семеновцев стали тысячи коммунистов, советских работников и те, кто сочувствовал Советской власти.

Красная Армия, преследуя остатки Белой, вышла к Байкалу. Дальнейшее ее продвижение могло привести к нежелательному столкновению с Японией. Тогда было принято решение об образовании Дальневосточной республики (ДВР), по форме демократического государства с многопартийным парламентом, которому отводилась роль буфера между РСФСР и Японией. Япония официально признала ДВР.

Однако в конце 1921 г. белогвардейцы при поддержке японцев перешли в наступление и овладели Хабаровском. В феврале 1922 г., опираясь на помощь РСФСР, армия ДВР (командующий В. Блюхер) перешла в контрнаступление. На подступах к Хабаровску у станции Волочаевка за три дня боев красные разбили основные силы белых и 14 февраля 1922 г. вошли в Хаба-



ровск. Остатки белых войск отступили в Приморье, затем в Маньчжурию.

Япония была вынуждена вывести свои войска из Приморья. 25 октября во Владивосток вступили войска ДВР и партизанские отряды. Буферная Дальневосточная республика, выполнив свою дипломатическую и военную задачу, воссоединилась с РСФСР.

**Третья сила** Разгром Белого движения еще не означал конца гражданской войны. В нее все больше втягивалась «третья сила» — крестьянство. На определенное время, пока шла война с белыми, крестьяне мирились с политикой «военного коммунизма», опасаясь реставрации власти помещиков. Когда же стало очевидным, что к старому возврата нет и не придется отвечать за разграбленные имения и передел помещичьих земель, крестьяне активно выступили против продразверстки, воинской, конной, трудовой, гужевой и других повинностей, проводившихся большевиками под угрозами тюрьмы, конфискации имущества, заложничества, расстрелов на месте. Если летом 1918 г. крестьянскими бунтами были охвачены преимущественно центральные губернии страны, то к 1920–1921 гг. они вспыхивали почти во всех регионах России, которые в официальных сводках главного командования РККА назывались «политическим» или «кулацким» бандитизмом. На самом же деле формировались целые повстанческие армии, а боевые действия против них вели регулярные войска во главе с лучшими военачальниками Красной Армии — М. Фрунзе, М. Тухачевским, С. Буденным, И. Уборевичем, Г. Котовским, П. Якиром.

О размахе крестьянской войны можно судить по таким далеко не полным данным: в 1920 г. армия Махно на Украине насчитывала 50 тыс. бойцов, армия Антонова в Тамбовской губернии — около 40 тыс. чел., в повстанческих дивизиях Западной Сибири состояло около 100 тыс. чел. Крупные крестьянские отряды действовали в Кубано-Черноморской области. В «Красной Армии правды» левого эсера Сапожкова (Заволжье, лето-осень 1920 г.) сражалось около 25 тыс. чел., значительное число крестьян участвовало в Карельском мятеже, в восстаниях в Белоруссии, на Северном Кавказе и в других районах.

Крестьянские волнения в основном возникали стихийно. Утверждение ряда историков, что крестьян, как правило, подни-

мали на борьбу эсеры или белые офицеры, лишено оснований. Лозунгами восставших в это время были: «Долой продразверстку, да здравствует свободная торговля!», «Советы без коммунистов!» и др.

Наиболее крупное и организованное восстание крестьян Тамбовской губернии, вошедшее в историю как «антоновщина» (по имени руководителя А. Антонова – начальника уездной милиции), вспыхнуло в августе 1920 г. Крестьяне двух сел, разоружив продотряд, отказались сдавать хлеб. Затем «огонь восстания распространялся по губернии, как по сухой соломе, с непостижимой для местных властей быстротой, поскольку они считали, что имеют дело с бандитскими шайками, а не с народным возмущением». Вскоре в развернувшейся на территории Тамбовской и частично Воронежской губернии войне действовали с обеих сторон организованные вооруженные силы.

Программа восставших, принятая на губернском съезде трудового крестьянства, включала задачи свержения власти коммунистов, созыва Учредительного собрания на основе всеобщих выборов, создания временного правительства из оппозиционных партий, отмены продразверстки и др. Командовавший красными войсками М. Тухачевский писал: «В районах прочно укоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую оккупационную войну, которая должна заканчиваться полной оккупацией восставшего района». Большевики уже не скрывали, что в прямом смысле завоевывают страну и ведут войну с собственным народом. Тухачевскому потребовалось несколько месяцев, чтобы с помощью бронетехники и авиации, артиллерии, сжиганием целых деревень и расстрелами заложников семьями подавить восстание. Антонов при попытке его захвата был убит. Крестьян удалось усмирить путем массового террора, но назревал еще более мощный социальный взрыв.

**Кронштадтский мятеж** К концу 1920 – началу 1921 г. все тревожнее становилось в городах. Из-за снижения поставок хлеба сократился и без того скудный паек.

Из-за отсутствия топлива в Петрограде прекратили работу 64 крупных завода. Наполовину сократилось число рабочих в Москве. Регулярными стали забастовки. В Петрограде митинги и забастовки подавляли курсанты, а не войска ввиду неблагонадежности армии. 24 февраля 1921 г. в городе было введе-

но осадное положение, чекисты начали производить массовые аресты.

Волнения из Петрограда перебросились на Кронштадт. Здесь восстали команды линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» — опора большевиков в 1917 г. На многолюдном митинге матросов и жителей крепости 1 марта 1921 г. была принята резолюция с требованиями перевыборов Советов тайным голосованием, свободы слова «для рабочих, крестьян, анархистов и левых социалистических партий», снятие заградительных отрядов, «полного права крестьян над землей» и др. После ареста делегации кронштадтцев, посланных в Петроград для ознакомления рабочих с этой резолюцией, в крепости началось восстание. Повстанцы избрали Военно-революционный комитет из матросов и рабочих во главе со старшим писарем линкора «Петропавловск» Степаном Петриченко. Представителей большевистской партии в нем не было. В воззвании ВРК «ко всем крестьянам, рабочим, морякам и красногвардейцам» говорилось, что «на горьком опыте трехлетнего властвования коммунистов мы убедились, к чему приводит партийная диктатура» и поэтому выступаем «против контрреволюции слева и справа», выдвигаем лозунг «третьей революции», дабы убедить трудящихся в России и за рубежом, что «все, творившееся до сего времени волею рабочих и крестьян, не было социализмом».

В восстании участвовало не менее 20 тыс. матросов, солдат и рабочих. К ним примкнуло около трети коммунистов Кронштадта, более одной трети объявили себя нейтральными и были арестованы, остальные ушли из крепости. 2 марта 1921 г. Ленин и Троцкий подписали постановление Совета Труда и Оборона, которое квалифицировало кронштадтские события как мятеж, подготовленный французской контрразведкой и бывшим царским генералом Козловским, а принятую резолюцию как «черносотенно-эсеровскую». Козловский и его сподвижники объявлялись вне закона, властям предписывалось «быстро и решительно» подавить мятеж. Однако ВЧК, как ни старалась, не нашла каких-либо доказательств участия эсеров, меньшевиков, иностранных агентов и генералов в организации восстания.

Ленин требовал самых энергичных мер для подавления мятежа. Операцией руководили главком С. Каменев, командующий Западным фронтом Тухачевский и председатель Реввоенсовета Троцкий, прибывшие в Петроград. 7 марта 1921 г. начался ар-

тиллерийский обстрел Кронштадта и его фортов. Первый штурм крепости с материка восставшими был отбит. В ночь с 17 на 18 марта началось наступление красных по льду залива, завершившееся захватом крепости. Обе стороны сражались отчаянно. Было пролито много крови. Но если повстанцы ограничились в свое время лишь арестом коммунистов, то «победители» учинили жестокую расправу. 20 марта «чрезвычайная тройка» распорядилась расстрелять представших перед ней 167 моряков линкора «Петропавловск». К лету 1921 г. к расстрелу были приговорены 2103 чел., к тюремному заключению — 6459 чел.

Кронштадт «как молнией» высветил глубочайший политический кризис в Советской России, выразившийся не только в недовольстве крестьянских, но и рабочих и солдатских масс. Осознавая, что «мелкобуржуазная стихия» может скинуть власть коммунистов, большевики отказались от «военного коммунизма» и перешли к новой экономической политике. С гражданской войной было покончено.

**Причины победы большевиков в гражданской войне** Большевики, несмотря на все изломы, просчеты и провалы в своей политике, все же сумели одержать победу. Одной из основных причин завершения гражданской войны в пользу Советской власти были энергичные и последовательные действия правящей партии по строительству новой государственности. Создав мощный, разветвленный и централизованный государственный аппарат, большевики умело им пользовались для мобилизации экономических и людских ресурсов на нужды фронта, для достижения хрупкой и относительной, но все же стабильности в тылу. Белое движение, напротив, полностью включившись в боевые действия, мало преуспело в формировании механизма собственной власти. А. Деникин говорил, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать. Большевики тоже не стали национальным явлением, но бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними...» Характеристика в целом верная. В одном нельзя согласиться с Деникиным, что большевики, как и белые «не захватили народной души». Напротив, миллионы

россиян с энтузиазмом восприняли идеи социальной справедливости, ниспровержения власти господ и создания государства для трудящихся. Лозунги, под которыми шла революция, были для них близки, понятны и желанны. Энергичная организаторская, пропагандистская и идеологическая работа большевиков в массах подтвердила известную истину, что в политической, а тем более в военной борьбе мало иметь светлые и высокие идеи: необходимо, чтобы эти идеи стали достоянием миллионов людей, организованных и готовых идти за них в бой. «Ради защиты революции, — справедливо пишет итальянский историк Д. Боффа, — провозгласившей великие и простые лозунги, народные массы вынесли неслыханные мучения и проявили подлинный героизм». Действительно, сотни тысяч, а к концу гражданской войны миллионы красноармейцев шли в бой не только за «красноармейский паек» или под страхом «децимации» и пулеметов заградотрядов, но и влекомые перспективами новой жизни, свободной от эксплуатации имущих классов, основанной на принципах равенства, справедливости, на идеях, перекликавшихся с христианскими заповедями, веками проповедовавшимися Русской Православной Церковью.

Большевики смогли убедить огромные массы людей в том, что они являются единственными защитниками национальной независимости России, и это сыграло решающую роль в их победе над Белым движением. Об этом с горечью говорили и писали современники событий, причем различной политической ориентации. Так, один из идеологов «сменовеховства» Н. Устрялов писал, что «противобольшевистское движение... слишком связало себя с иностранными элементами и потому окружило большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе». Великий князь Александр Михайлович (двоюродный дядя Николая II), отвергавший сменовеховство, монархист по происхождению и по убеждениям, отмечал в своих мемуарах, что вожди Белого движения, «делая вид, что они не замечают интриг союзников», сами довели дело до того, что «на страже русских национальных интересов стоял никто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...». Истории было угодно распорядиться так, что большевики безразличные к идее единой России, по сути не дали стране распасться. Известный политик В. Шульгин полагал, что знамя единства России большевики

подняли, неосознанно подчинившись «Белой мысли», которая, «прокравшись через фронт, покорила их подсознание». Как позорный Брестский мир на начальном этапе гражданской войны оттолкнул от большевиков миллионы людей, оскорбленных в своих патриотических чувствах, так и союзнические отношения белогвардейцев с интервентами отталкивали от них все большие пласты населения.

В антибольшевистском движении не было единства. Его ослабляли противоречия между лидерами, разногласия с Антантой и национальными окраинами. Единого антибольшевистского фронта не получилось, и белые генералы, будучи неплохими тактиками, но, как выяснилось, слабыми политиками, так и не сумели объединить все силы, боровшиеся с Советской властью. Большевики, напротив, выступали единой силой спаянной, и идейно и организационно подчиненной железной дисциплине, вдохновленной непоколебимой решимостью победить.

Гражданская война дорого стоила России. Боевые действия, красный и белый террор, голод, эпидемии и другие бедствия сократили население страны к 1923 г. на 13 млн. чел., а с учетом резкого спада рождаемости страна потеряла по сравнению с 1917 г. 23 млн. людских жизней. Города и села заполнились миллионами калек, сирот, беспризорных, людей, утративших кров и семью. В советской историографии гражданская война представляла как летопись подвигов, самоотверженности, героизма и других проявлений человеческого духа революционеров. С замечательной точностью охарактеризовал всю сложность и драматизм эпохи гражданской войны оказавшийся в эмиграции русский писатель М. Осоргин: «Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь. Правда тех, кто считал и Родину и революцию поруганными новым деспотизмом и новым, лишь в иной цвет перекрашенным, насилием, — и правда тех, кто иначе понимал Родину и иначе понимал революцию и кто видел их поругания не в похабном мире с немцами, а в обмане народных надежд...

Были герои и там и тут; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и ожесточение, и высокая, внекнижная человечность, и животное зверство, и страх, и разочарование, и сила, и слабость, и жуткое отчаяние.

Было бы слишком просто для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но

были и бились между собой две правды и две чести, – и поле битв усеяли трупами лучших и честнейших». Да, все это было, но с обеих сторон и по разным мотивам. Гражданская война – не только классовая, но прежде всего братоубийственная война. Это – трагедия народа, ворвавшаяся в каждую российскую семью болью безвозвратных близких и родных, горем, лишениями и страданиями.

### **§ 3. В годы военного коммунизма**

Основой экономической политики, получившей название «военного коммунизма», были чрезвычайные меры в снабжении городов и армии продовольствием, свертывание товарно-денежных отношений, национализации всей промышленности, включая мелкую, продразверстка, снабжение населения продовольственными и промышленными товарами по карточкам, всеобщая трудовая повинность и максимальная централизация управления народным хозяйством и страной в целом.

Политика «военного коммунизма» складывалась постепенно, во многом благодаря экстремальным условиям интервенции и гражданской войны. Однако на ее формирование самое серьезное влияние оказали идеологические догмы и революционное нетерпение большевистских лидеров покончить с капитализмом и форсированно перейти к социалистическому производству и распределению. По определению Ленина доминировала идея «непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической». Кроме того, большевики стремились свою деятельность сверять с марксизмом. Когда же те или иные мероприятия, вызванные к жизни не задачами социалистического строительства, а логикой выживания в условиях войны и разрухи, входили в противоречия с теорией, партийные лидеры пытались и эту практику идеологизировать и выдать за общие закономерности перехода к новому обществу. Формировалась военно-коммунистическая идеология, абсолютизовавшая административные рычаги управления страной, принуждение, насилие, террор, безжалостность и беспощадность к врагам Советской власти. Бухарин, ставший одним из главных идеологов «военного коммунизма», с убежденностью фанатика утверждал, что пролетарское принуждение, начиная

от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является основным методом формирования коммунистического человечества из материала, оставшегося в наследство от капитализма.

**Власть и крестьянство** Чрезвычайные меры в области экономики начались с продовольственной диктатуры. Все, кто не сдавал «излишки» хлеба по твердым ценам (фактически бесплатно) государству, объявлялись врагами народа. В помощь аппарату Наркомпрода спешно формировались рабочие продовольственные отряды, с оружием в руках реквизировавшие хлеб в деревне. Осенью 1918 г. по неполным данным, город послал в деревню около 80 тыс. чел. заготавливать продовольствие. Продотряды действовали в соответствии с призывом Ленина и наркома продовольствия Цурюпы, что «если нельзя взять хлеб у деревенской буржуазии обычными средствами, то надо взять его силой». Они совместно с комбедами решали и политические задачи разжигания классовой борьбы в деревне. На VI Всероссийском съезде Советов (ноябрь 1918 г.) Зиновьев, выступая с докладом о политике в деревне, подчеркивал, что с помощью комбедов вбивали «клин в деревню», так как «разжигать классовую борьбу, разжигать священную ненависть бедноты против богачей, есть основная обязанность социалиста». «Мы, — продолжал далее Зиновьев, — не можем провести пролетарскую революцию, не раздавивши кулака в деревне, не уничтожив их политически, а если понадобится, то и физически». Подобные политические установки вели лишь к новому витку гражданской войны, в которую втягивалось большинство населения. По словам видного аграрника Н. Кондратьева, «на вооруженное насилие деревня, наводненная вернувшимися после стихийной демобилизации армии солдатами, ответила вооруженным сопротивлением и целым рядом восстаний».

Вот почему период до глубокой осени 1918 г. представляется временем кошмарной и кровавой борьбы на полях производящей деревни».

Сопротивление крестьянства заставило правящую партию внести коррективы в политику. Рядом декретов, принятых осенью 1918 г. правительство попыталось облегчить налогообложение крестьянства, в частности, был отменен «чрезвычайный революционный налог». Согласно решениям VI Всероссийского съезда Советов (ноябрь 1918 г.) упразднялись комбеды через слияние их с Советами. Тем самым было реализовано одно



из главных требований крестьян — положить конец политике раскола деревни.

В известной мере этот шаг ослабил пресс продовольственной диктатуры. 11 января 1919 г. был опубликован Декрет о разверстке зерновых хлебов и фуража. На вооружение большевики взяли опыт Царского и Временного правительств 1916—1917 гг. по заготовке хлеба через государственные задания. Государство заранее объявляло цифры своих потребностей в хлебе, которые затем должны были разверстываться по губерниям и уездам. И хотя крестьянам по продразверстке оставляли лишь то количество зерна, которое нужно было им для потребления и посева, но изначальная заданность разверстки несла с собой определенность государственных требований, а не огульный грабеж продотрядов. Вместе с тем, разверстываемое количество хлеба и фуража исходило из «госпотребности», а не из возможностей крестьянского хозяйства, и крестьянину нередко приходилось отдавать часть хлеба, необходимого для содержания семьи.

Продразверстка внедрялась не только под влиянием катастрофы со снабжением городов продовольствием, но и благодаря курсу правящего режима на свертывание в стране товарно-денежных отношений. Уже к осени 1918 г. оптовая частная торговля в большей части губерний была запрещена.

К началу 1919 г. была национализирована стационарная частная торговля. Большевики рассматривали разверстку как одну из форм продуктообмена, ускоряющего переход к социализму и ставящего преграды частнособственническим устремлением крестьянства.

Однако «убить» рынок большевикам не удалось. «Мы отвоевали у мелкобуржуазной стихии в области народного хозяйства, — считал Каменев, — в смысле учета, контроля и распределения, может быть, только 20 %, а 80 % остаются вне нас...» Сохраняли свою роль и деньги. Ленин оставался в этом вопросе реалистом и приостановил внесение проекта резолюции об уничтожении денег, предложенную VII съезду Советов (декабрь 1919 г.). За 1919 г. курс рубля упал в 3136 раз, а единая денежная система распалась. Только в Центральной России имел хождение 21-местный денежный знак. И все же рынок, носивший в условиях военного коммунизма нелегальный характер, нуждался во «всеобщем эквиваленте» и денежное обращение оставалось, хотя в крайне урезанном и уродливом виде.

Лидеры большевиков не оставляли надежд на быстрое социалистическое переустройство деревни. Военно-коммунистическим духом было пронизано Постановление ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию». Печать развернула пропаганду в пользу форсированного создания коммун и артелей. В ряде мест власти принимали постановления об обязательном переходе весной 1919 г. к коллективной обработке земли. В результате оппозиция крестьян коммунистам еще более усилилась. В крестьянской среде становится популярным лозунг «Да здравствует Советская власть, но долой коммунию». Стало очевидным, что на социалистические эксперименты крестьянство не пойдет и попытки навязать коллективные формы хозяйства окончательно оттолкнул крестьян от Советской власти, что и предопределило исход гражданской войны не в пользу большевиков. Поэтому на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Ленин выступил с новаторской речью, в которой провозгласил, что партия берет курс на союз со средним крестьянством, и резко осудил спешку в переходе к колхозам в деревне. Он призвал коммунистов «не сметь командовать середняком» и «уметь достигать соглашения со средним крестьянином». Изменение курса Ленин объяснял поворотом середняка и мелкобуржуазных слоев города к Советской власти, что требовало от правящей партии политики компромиссов во взаимоотношениях с непролетарскими слоями населения. И хотя у многих делегатов подобный поворот в политике вызвал недоумение и неприятие, съезд проголосовал за новый курс во взаимоотношениях государства с крестьянством.

Решения съезда имели широкий отклик в провинции, где партийные органы провели энергичную кампанию по ознакомлению крестьян с его решениями. Тем не менее в партии преобладали левые настроения. Даже в партийных верхах курс на союз со средним крестьянством рассматривали скорее как тактический маневр, чем серьезную политику. Так, в мае 1919 г. Бухарин утверждал, что «мы должны показать кулак мужику и держать курс на мировую революцию». Многие партийные работники на местах рассматривали лозунги съезда лишь как декларацию. Партийные функционеры были по-прежнему привержены реквизиционным методам заготовок сельхозпродукции и не оставляли попыток социалистического переустройства деревни. К концу 1920 г. в стране уже имелось более 5 тыс. со-

вхзов и около 6 тыс. коммун и других коллективных хозяйств. Все они, за редким исключением, были убыточными.

Большевики с упрямством, достойным лучшего применения, стремились насадить социалистическое производство и распределение и вместе с тем ликвидировали такую коллективную форму самодеятельности населения в хозяйственной области, как кооперация. Декрет совнаркома от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» ставил кооперацию в положение придатка государственной власти. Все потребительские общества на местах принудительно сливались в один кооператив — «потребительскую коммуну», которые объединялись в губернские союзы, а они, в свою очередь, в Центросоюз. Государство возложило на потребительские коммуны распределение продовольствия и предметов потребления в стране. Совнарком в административном порядке изменил состав «буржуазного» Центросоюза в пользу коммунистов. Кооперация как самостоятельная организация населения перестала существовать. Название «потребительские коммуны» вызывали неприязнь у крестьян, поскольку отождествлялись у них с тотальным обобществлением собственности, в том числе личной.

Крестьянство по-прежнему с недоверием относилось к советской системе и мирилось с ней, поскольку в массе своей боялось возвращения власти помещиков в деревне. Белое движение находило среди крестьян столь же мало отклика, как и призывы красных покончить навсегда с гнетом богатеев. Обычным явлением стало дезертирство насильно мобилизованных в Красную или Белые армии крестьян. Причем волны дезертирства во многом были связаны с положением на фронтах. Только за вторую половину 1919 г. — время решающих побед Красной Армии, по официальным данным, на пункты сбора добровольно явились 975 тыс. дезертиров.

Крайне сложно складывались у Советов отношения с казачеством — многочисленным российским военно-привилегированным сословием. К октябрю 1917 г. в строю 13 казачьих войск числилось 300 тыс. казаков, а казачье население в целом составляло около 4,5 млн. чел. Первые декреты Советской власти привлекли значительную часть казаков на сторону революции. Развернулось формирование красных частей и соединений, которые возглавили популярные в среде казачества боевые командиры — Ф. Миронов, Б. Думенко, С. Буденный, М. Блинов, Н. Каширин и др.

Когда же в казачьи области пришли продразверстка, мобилизация и разного рода притеснения, массы заколебались. Краснову, Дутову, Деникину удалось сформировать из казаков целые дивизии, корпуса и даже армии. Этому способствовала политика «расказачивания». На Дону местные партийные и советские работники стали даже устранять из обихода слово «казак», запретили носить казачью одежду, начали переименовывать станицы и хутора, затеяли настоящее глумление над казачьим сословием. Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 21 января 1919 г. предписывала местным органам оказывать доверие только иногородней бедноте, призывала «провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Авторы этой изуверской директивы обрекли на смерть тысячи казаков. Лишь в конце марта, после многочисленных сигналов о бесчинствах и массовых расстрелах в казачьих регионах, директива была отменена как ошибочная. Но было поздно — на Верхнем Дону (станция Вешенская) около 30 тыс. казаков подняли мятеж. В начале июня 1919 г. восставшие казаки соединились с конницей Деникина, и Советская власть на Дону временно пала.

Политика большевиков в отношении крестьянства была крайне противоречивой. В ней сочетались меры, продиктованные суровой необходимостью выживания в условиях войны, и левацкие устремления разом покончить с капиталистическими отношениями в деревне, уничтожить своего классового врага в лице сельского хозяина. Причем в годы гражданской войны левый большевизм доминировал и определял облик партии в целом. Крестьянство не могло выступить в качестве самостоятельной общественно-политической силы и было вынуждено делать выбор между двумя враждующими сторонами. В 1919 г., несмотря на все колебания, значительная часть крестьянства все же поддержала Советскую власть. Как отмечал один из лидеров меньшевизма Ф. Дан, в победе большевиков больше всего сказалось то, что «когда перед крестьянами встает призрак старого помещика, старого барина, чиновника, генерала, то русское крестьянство непобедимо, несмотря на голод, холод и глубокое недовольство Советской властью. Крестьяне все силы отдают на то, чтобы отразить самую возможность возвращения старого помещика и старого царя». В конце 1919 г. наметился

перелом в настроениях крестьянства в пользу Советской власти, что и стало решающим фактором побед Красной Армии.

### **Милитаризация промышленности**

Широкое распространение социалистические эксперименты получили в промышленности и в организации жизни городов. К 1 октября 1919 г. Советское государство национализировало 2522 предприятия обрабатывающей промышленности – больше половины всех действовавших предприятий. Это были крупные и значительная часть средних фабрик и заводов с общей численностью рабочих более 750 тыс.

Вся промышленность была переключена на работу для фронта, предприятия, не связанные с оборонным производством, закрывались, а рабочие получали расчет или переводились в другие места. У Советской республики было так мало сырьевых и продовольственных ресурсов, что снабдить ими можно было только очень ограниченное число предприятий. Крупные фабрики и заводы, работавшие на оборону, выделялись в особые группы ударных предприятий. Они объявлялись милитаризованными, рабочие освобождались от призыва в армию. Такие фабрики и заводы в первую очередь снабжались сырьем и топливом, а работавшие на них получали красноармейские или другие повышенные пайки.

В организации управления промышленностью господствовала тенденция к централизации. Стремление к централизованному государственному управлению промышленностью было продиктовано не одними военными условиями. Не последнюю роль играли представления большевиков о социализме как обществе, в котором упразднены товарно-денежные отношения и государство выступает в роли гигантского распределителя материальных ресурсов. Централизация была тесно связана с государственной монополией на средства производства, которая энергично утверждалась в годы гражданской войны. Господствовали представления о социалистическом народном хозяйстве как слаженном организме, работающем по принципу единой фабрики, управляемой из сильного центра.

Характерной чертой экономической жизни стало трестирование предприятий. Осенью 1918 г. профсоюз металлистов выступил инициатором создания треста, объединяющего транспортные заводы и предприятия, снабжающие их сырьем и топливом. Эта идея воплотилась в жизнь в виде крупного

объединения целой группы заводов, получившего название «Государственные объединенные машиностроительные заводы» (ГОМЗ). Правление ГОМЗ на одну треть составляли представители ВСНХ и две трети избирались профсоюзами. В докладе А. Рыкова на III Всероссийском съезде профсоюзов (апрель 1920 г.) приводились сведения, согласно которым трестов, образованных по типу ГОМЗы, в химической, гвоздильно-проволочной и медной промышленности насчитывалось 53. Членами правлений состояли 232 чел. Из них 83 были рабочими (36 %), 79 – инженерами (34), 50 – служащими (22 %). Всего к началу 1920 г. в стране имелось 179 трестов, объединивших 1449 предприятий.

Руководство промышленностью сосредоточивалось в отраслевых главных управлениях и центральных комитетах (главках и центрах), а также в производственных отделах ВСНХ. Всего к концу гражданской войны насчитывалось 52 главка, 13 производственных отделов и 8 «смешанных» отделов ВСНХ, которым подчинялись те или иные отрасли промышленности. Соответствующие аппараты управления формировались на местах. Все это вело к росту численности управленцев. Так, если в первой половине 1918 г. в рядах профсоюза советских служащих насчитывалось около 50 тыс. чел., то к началу 1920 г. – 550 тыс., а к июлю 1921 г. – 1 млн. 67 тыс. чел. В сфере материального производства складывалась ненормальная обстановка, когда численность рабочего класса стремительно сокращалась, а сфера управления пополнялась десятками тысяч новых сотрудников.

В 1920 г. общая численность рабочих текстильщиков в сравнении с 1913 г. составляла всего 27,3%, металлистов – 78,7, горняков – 56,5% и т.д. Ощутимые потери понес петроградский и московский пролетариат. В 1920 г. в петроградской промышленности рабочих было на 282,2 тыс. меньше, чем в 1917 г. В Москве заводы и фабрики покинули 117 тыс. рабочих. В недавнем прошлом многолюдные рабочие Иваново-Вознесенская и Владимирская губернии сохранили только соответственно четвертую и пятую часть рабочих.

Противоположные процессы шли в сфере управления. Если в 1913 г. в промышленности на 100 рабочих приходилось 8,1 служащих, то в 1920 г. их было уже 16. С осени 1918 г. по начало 1920 г. аппарат ВСНХ увеличился почти в 10 раз – с 2,5 тыс. до 24 тыс. чел. Кроме того, в губернских совнархозах

работало 93,5 тыс., в уездных 106 тыс., а всего в системе совнархозов было занято 234 тыс. служащих. Для сравнения скажем, что количество работников совнархозов в 1920 г. равнялось количеству рабочих всей текстильной промышленности.

Основной причиной разбухания советского государственного аппарата была тотальная национализация промышленности. Государство, став собственником основных средств производства, было вынуждено обеспечивать управление сотнями фабрик и заводов, создавать огромные управленческие структуры, занимавшиеся хозяйственной и распределительной деятельностью в центре и в регионах. Причем роль центральных органов возрастала. Управление строилось «сверху-вниз» на жестких директивно-приказных принципах, что ограничивало инициативу на местах.

Нехватка сырья, топлива, голод крайне тяжело сказывались на промышленности. Производительность труда неуклонно падала. В 1917–1919 гг. по всей цензовой промышленности валовая продукция на одного рабочего в год уменьшилась в 2 раза, а в машиностроительной и в металлообрабатывающей промышленности в 4,5 раза. Выработка на одного рабочего в 1920 г. составила менее одной трети довоенного уровня. Падение производительности труда в промышленности было вызвано не только обстановкой разрухи и голода, но и уравниловкой в заработной плате. Осенью 1919 г. заработок высококвалифицированного рабочего превышал заработок разнорабочего всего на 9 %.

Исчезали материальные стимулы к труду, а вместе с ними уходило и само желание трудиться. На многих предприятиях прогулы составили до 50 % рабочих дней. По оценке Л. Троцкого, 80% времени рабочий тратил на поиски продовольствия и только 20% собственно на работу.

Старая дисциплина труда, державшаяся на «хозяйском глазе» и экономическом принуждении к труду, рухнула. Новая, основанная, как предполагали руководители большевистской партии, на сознательности рабочих, не сложилась. В этих условиях для укрепления дисциплины рабочих принимались, в основном, административные меры. Принудительный труд вырастал из уравниловки, из отсутствия экономических стимулов, из-за того, что сплошь и рядом фабричным заработком нельзя было обеспечить жизнь, а также из-за катастрофической нехватки рабочих рук.

14 ноября 1919 г. СНК принял «Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах», которое предусматривало такие наказания, как отправка злостных нарушителей дисциплины на тяжелые общественные работы, а в случае «упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине» подвергать «как не трудовой элемент увольнению с предприятий с передачей в концентрационный лагерь».

15 января 1920 г. СНК издал постановление о первой революционной армии труда, чем узаконил использование армейских подразделений на хозяйственных работах. 20 января 1920 г. СНК принял постановление о порядке проведения трудовой повинности, в котором декретировалось привлечение населения независимо от постоянной работы к выполнению трудовой повинности (топливной, дорожной, гужевой и пр.), перераспределение рабочей силы, проведение трудовых мобилизаций и создание для ее обеспечения соответствующих органов и др. Принудительный труд был возведен в ранг государственной политики.

IX съезд РКП (б), проходивший в марте-апреле 1920 г., принял резолюцию «О хозяйственном строительстве». В этом документе говорилось о необходимости подготовки единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху. Его реализация должна была опираться на краеугольные основы «военного коммунизма» – трудовые мобилизации, трудармии, продразверстку, единоначалие и жесткую централизацию в управлении. На исходе гражданской войны партия уже рассматривала военный коммунизм не как вынужденную войной политику, а как средство строительства нового общества, как политику, рассчитанную на прямое введение социализма, минуя переходный период от капитализма к социалистическому обществу. Апогеем политики «военного коммунизма» стали декреты Совнаркома конца 1920 – начала 1921 г. о закрытии Государственного банка, о бесплатном предоставлении рабочим, служащим и их семьям продовольствия, одежды и обуви, об отмене оплаты квартир и коммунальных услуг, проезда в городском транспорте, о натурализации заработной платы.

<b>Рабочие в годы военного коммунизма</b>	В советской литературе по истории гражданской войны рабочий класс был в центре внимания историков. Специальные монографии и множество статей показывали, как рабочий класс успешно выполнял роль костяка пролетарской диктатуры. При этом не обошлось без идеализации российских рабо-
---	--



чих. Завышался уровень их сознательности, замалчивались противоречия между рабочими и властями. Все это так. Однако строительство советского государства, военной экономики, защиту республики нельзя представить без решающего участия рабочего класса. Большевикам удалось выдвинуть десятки тысяч передовых рабочих в центральный и местный государственный аппарат, на командные должности в армии, воспитать целую плеяду «красных директоров» фабрик и заводов – выходцев из рабочей среды и других. Широко известны факты самоотверженного труда рабочих на оборонных предприятиях, транспорте, их героизм и стойкость на фронтах. Именно в годы гражданской войны с почином рабочих станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги (апрель 1919 г.) распространились субботники – яркое проявление бескорыстного труда тысяч рабочих во имя победы революции.

Вместе с тем рабочие буквально выстрадали революцию. В Москве в 1919 г. рабочий по карточкам получал паек калорийностью 336 ккал., тогда как суточная физиологическая норма составляла 3600 ккал. Рабочие губернских городов получали питание ниже физиологического минимума (весной 1919 г. – 52 %, в июле – 67, в декабре – 27%). Весной 1919 г. катастрофическим было положение рабочих Петрограда. В апреле 1919 г. Зиновьев в докладе на заседании ЦК РКП(б) сообщал, что смертность от голода в больницах составляет 33%. По свидетельству А. Коллонтай голодный паек вызывал у рабочих, особенно женщин, чувства отчаяния и безысходности.

Частыми стали забастовки рабочих, протестовавших против своего голодного существования, перегибов в экономической политике Советской власти, злоупотреблений советских и партийных работников и другое. Весной-летом 1918 г. на почве голода бастовали рабочие многих предприятий Петрограда, Москвы, Калуги, Нижнего Новгорода, Твери, Тулы и др. городов.

Вместе с тем, забастовки вызывали не только продовольственные трудности. Рабочие многих регионов выступали против хлебной монополии и особенно действий заградительных отрядов, отбиравших хлеб, выменянный рабочими в деревне. В знак протеста против действий заградотрядов, в частности, бастовали в апреле 1919 г. рабочие фабрики Рябушинского в Вышнем Волочке. По сообщениям инструкторов ВЦСПС, выезжавших на места, недовольство рабочих Нижнего Новгоро-

да вызывали полавальные хлебные реквизиции. Рабочие Нижегородской губернии почти поголовно были враждебно настроены к продотрядам и к железнодорожной милиции, отбиравшей у них хлеб, приобретенный в деревне. Общее собрание Воскресенской мануфактуры (Наро-фоминский район) от имени 9 тыс. чел. требовало свободной закупки хлеба рабочими организациями.

В декабре 1918 г. Секретариат петроградского совета профсоюзов признал необходимым ввоз в Петроград гужевым и железнодорожным транспортом ненормированных продуктов, а также мяса для свободной их продажи на рынке. Он также настаивал на праве профсоюзов, рабочих кооперативов и других организаций трудящихся закупать ненормированные продукты (в основном картофель и овощи). Последнее требование было реализовано соответствующим постановлением СНК.

Весной 1919 г. на почве продовольственного кризиса из 122 тыс. чел., занятых в ценовой промышленности Петроградского района, бастовали 15 предприятий с числом рабочих свыше 34 тыс. Остановились такие крупные предприятия Петрограда, как Невский, Обуховский и Путиловский заводы, фабрики Скороход, Треугольник и др. Наряду с голодным пайком протест рабочих вызывали «оторванность верхов от масс», бюрократизация завкомов, не реагирующих на заявления рабочих и относящихся к ним свысока.

Упорством и накалом страстей отличалась забастовка рабочих тульских Оружейного и Патронного заводов (апрель 1919 г.), спровоцированная чекистами, арестовавшими активистов местного профсоюза металлистов. Забастовку подавили силой: на заводы ввели отряды красноармейцев, 290 чел. арестовали и предали суду.

В ходе всеобщей забастовки в Твери (июнь 1919 г.) рабочие выдвинули лозунг независимости профсоюзов, потребовали передать профобъединениям дело снабжения рабочих продовольствием, со всей определенностью заявили, что «диктатуры партии быть не должно». Несмотря на политический характер забастовки, она закончилась мирно: представитель ВЦИК В. Невский сумел убедить рабочих приступить к работе.

Негодование рабочих вызывала разница в обеспечении со служащими. По свидетельству руководителей Наркомтруда и профсоюзов, многие ведомства стремились в обход тарифов повысить зарплату, улучшить продовольственное довольствие

своих сотрудников. Порой дело доходило до абсурда. Так, летом 1920 г. О. Пятницкий с горечью писал в Политбюро, что рабочие железнодорожники распределены по 12 квалификационным разрядам, а в принятом под давлением советских служащих тарифе счетоводы распределены по 17–20 квалификационным группам, машинистки по 12–17 и т.д. В результате «квалифицированные рабочие, — писал О. Пятницкий, — на которых лежит вся тяжесть усиленного ремонта и поездные бригады» не получают добавок к зарплате и в тарифной сетке любая машинистка стоит выше их.

В Серпухове настроения рабочих были «враждебными Советской власти» главным образом потому, что они видели, как снабжают служащих расположенного здесь, в тылу, полевого штаба. Служащие получали по 4 пайка и рабочие с горечью говорили, что «одних откармливают, а другие голодают».

В партии было немало сторонников силового решения проблемы забастовок. Показательно в этом отношении обсуждение 8 июля 1919 г. Московским комитетом партии демонстраций рабочих Сокольнического и Лефортовского районов города Москвы. Ряд членов МК настаивал на решительных действиях против забастовок, так как рабочие выступали за свободную торговлю хлебом, а значит повторяли лозунги меньшевиков и эсеров. Поэтому нужно, чтобы «МЧК лучше работала» и развязала «красный террор» против зачинщиков стачек, что и было зафиксировано в одном из пунктов постановления МК.

В Москве на бастовавших предприятиях создавались комиссии из представителей партячейки, завкома и заводоуправления для «фильтрации» рабочих. Добросовестно работавших оставляли. Тех, кто имел прогулы, отправляли на принудительные работы. Активных участников и организаторов забастовок арестовывали.

Партийные руководители видели в каждом выступлении рабочих результат деятельности политических противников большевиков, чаще всего меньшевиков и эсеров. Разумеется, активисты этих партий принимали участие в подготовке забастовок, выдвигали антибольшевистские лозунги, вели свою работу в массах. Однако агитацию и пропаганду меньшевиков и эсеров в рабочей среде никак нельзя отнести к главной причине многочисленных забастовок. Тому были объективные причины, и среди них главная — голод. Распространенные в большевистских парторганизациях убеждения, что всему ви-

ной антисоветская деятельность меньшевиков и эсеров, способствовали тому, что партийцы не замечали собственных просчетов и ошибок, видя виновников возмущения рабочих не в той политике, которую они осуществляли, а в том, как она преподносилась рабочим антибольшевистскими силами. У партийных и государственных работников формировалось убеждение в собственной непогрешимости, правильности своих действий и выбранного курса, который нужно претворять в жизнь всеми средствами, не останавливаясь перед насилием и террором. Революции сопутствовала левацкая нетерпимость, вера во всеисполнение приказа и насилия, ложное убеждение, что во имя светлой цели все средства хороши. Пример отношения «левых» к массам дает выступление Бухарина на VII съезде партии, где он утверждал, что холодный расчет говорит: «... в случае необходимости мы можем и должны пожертвовать десятками тысяч рабочих». Голод стали рассматривать как привычное явление. Для борьбы с ним Троцкий предлагал, к примеру, заставить всех принудительно питаться в общественных столовых и «ввести спартанские нравы». «Рабочий заставил мужика идти в бой с помощью пштыка, — говорил он, — то же самое будет и в промышленности». Ультрареволюционность, стремление форсировать события, не стесняясь подстегивать массы, владели сердцами и умами многих большевиков и остро давали о себе знать на практике.

Вместе с тем, рассматривая забастовки на фабриках и заводах, следует иметь в виду, что в большинстве рабочие выступали не против Советской власти как таковой. Меньшевики признавали, что «идеи власти Советов не изжиты рабочими» и их с новой властью «связывают прочные отношения». Московский комитет РКП(б), разбирая многочисленные случаи проявления недовольства и протестов рабочих, отмечал, что настроения пролетариев «не против Советской власти, но против советских работников, злоупотребляющих своим положением». В Мещеряков в докладе о партработе в Новгородской губернии (октябрь 1919 — март 1920 г.) говорил о рабочих: «Это поистине небывалый в мире героизм, если эти полуумирающие с голоду люди все же как-то работают и не восстают против власти. Тяжело до последней степени, но — ...контрреволюционного настроения нет». Партия большевиков имела достаточно прочную опору в рабочем классе, что в конечном итоге, обеспечивало устойчивость советского режима.

В годы гражданской войны серьезные изменения претерпела политическая система советского государства. Ее центральным звеном становится РКП(б). Ленин, называя победу над белогвардейцами и интервентами «историческим чудом», видел ее секрет в боеспособности коммунистической партии. Большевиков приветствовали, терпели или проклинали, но они методами агитации, жесткой централизации, принуждения и террора сумели превратить республику в «военный лагерь», а себя, по определению Ленина, в «воюющую партию», численность которой непрерывно росла. Крупные мобилизации коммунистов на фронт вдвое уменьшили состав территориальных партийных организаций, но проведенная осенью 1919 г. в связи с наступлением Деникина и Юденича «партийная неделя» дала партии 270 тыс. новых членов. К концу 1920 г. в РКП(б) насчитывалось около 700 тыс. чел., половина из них находилось на фронте.

Заметную роль в организационном укреплении РКП(б) сыграл VIII съезд партии. Согласно постановлениям съезда партия становилась организацией с военной дисциплиной, жестким централизмом, когда все решения высших инстанций «абсолютно обязательны для низших». Каждое постановление вышестоящих органов должно быть выполнено, и только потом допустима апелляция. В составе ЦК, который состоял из 19 человек, действовали – Политическое бюро (Политбюро), Организационное бюро (Оргбюро) и Секретариат. ЦК ведал распределением партийных кадров. Только за второе полугодие 1919г. Оргбюро распределило 541 ответственного партийного работника, а учетно-распределительный отдел Секретариата – 2182 человека.

В партийной жизни выросла роль аппарата, практиковавшего военные методы работы. Вместо выборных коллективов на местах чаще всего действовали узкие по составу оперативные органы. Демократический централизм – основа партийного строительства – заменялся системой назначения. Нормы коллективного руководства партийной жизнью подменялись авторитарностью.

В правящую партию устремилось немало карьеристов, которые дискредитировали ее в глазах масс. Еще в мае 1918 г. ЦК в письме к членам РКП(б) с тревогой писал: «...в нашу партию влилось много элементов, чуждых ей по своему классовому положению, психологии. <...> Ослабла дисциплина, наблюдается общий «упадок партийной работы».

В июле 1919 г. на заседании МК РКП(б) шел разговор о разложении в рядах коммунистов и усилении в связи с этим в рабочих районах, особенно в Замоскворецком, негативного отношения к партийцам. При перевыборах завкомов рабочие проваливали кандидатов от парторганизаций. С возмущением говорили о злоупотреблениях партийных чинуш, их карьеризме, взяточничестве, моральном разложении.

В апреле 1919 г. в рабочем Орехово-Зуеве коммунисты, находившиеся на ответственных постах, своим поведением (злоупотребления по должности, пьянство, грубость) вызвали такой гнев текстильщиков, что в подмосковном городе пришлось вводить военное положение. На заседании Московского губернского бюро РКП(б) встал вопрос о роспуске орехово-зуевской парторганизации. В партийную жизнь вошли чистки, первая из которых была проведена в 1919 г. и должна была освободить партию от морально разложившихся и чуждых ей по духу людей.

Большевики не делали секрета из того, что, став правящей партией, они поставили целью завоевание безраздельного господства не только во всех государственных структурах, но и в профсоюзах, кооперативах и других общественных организациях трудящихся. Об этом со всей определенностью говорили решения VIII съезда РКП(б). Коммунисты составляли подавляющее большинство во всех правительственных учреждениях, на съездах Советов и в исполнительных органах. К марту 1920 г. в сфере государственного управления работало около 200 тыс. членов партии. Интенсивно шел процесс сращивания партийных и государственных органов. Многие руководящие работники губкомов и укомов совмещали деятельность в партийном аппарате и советских учреждениях. Только восьмая часть членов губкомов и менее десятой части членов укомов выполняли исключительно партийную работу. Более того, в ряде губерний президиумы губкомов партии и губисполкомов Советов целиком состояли из одних и тех же лиц. Губернские и уездные партийные комитеты нередко определяли состав исполкомов и издавали за них распоряжения.

Вместе с тем, партия, вращаясь в государственные органы, своей мобильностью и военной дисциплиной коммунистов компенсировала неповоротливость и низкую эффективность работы государственного аппарата в чрезвычайных условиях войны. Поскольку членов партии не хватало, они работали на из-

нос, постоянно перебрасывались с места на место. Партия обес-  
печивала «ударный метод» решения острейших хозяйствен-  
ных, политических и военных проблем, сосредотачивая все  
силы и средства на ключевых участках работы. Мобильность,  
энергия, организованность коммунистов были своеобразным  
«мотором» новой государственности.

Положение РКП(б) как решающего звена всей системы го-  
сударственного управления вело к тому, что уже в 1918 г. сами  
коммунисты все откровеннее заявляют о необходимости дик-  
татуры партии.

Так, II Тверская конференция РКП(б) (сентябрь 1918 г.) при-  
няла резолюцию, в которой утверждалось, что «партия выше  
Советов – вот лозунг момента». Я. Свердлов в конце 1918 г.  
говорил: «После тамбовского съезда волостных и сельских ком-  
бедов в числе 411 человек, из которых 398 коммунистов и 4  
сочувствующих и (которые) заявили «Вся власть нашей  
партии», тенденция в этом направлении намечается всюду,  
приходится ее сдерживать и обуздывать». Однако в высшем  
партийном руководстве все больше утверждалось мнение, что  
партия является высшим руководителем страны. Так, Г. Зи-  
новьев, выступая 29 марта 1919 г. на собрании актива петрог-  
радской парторганизации с докладом об итогах работы VIII  
съезда РКП(б), сказал: «Всем известно, ни для кого не тайна,  
что руководителем фактическим Советской власти в России яв-  
ляется ЦК партии...» Такая же ситуация складывалась и на  
местах, где партийные органы все больше превращались в пол-  
новластных хозяев, диктующих свою волю Советам. В итоге  
нередко, по характеристике инспекторов ЦК, проверявших  
работу на местах, исполкомы Советов превращались в фикцию,  
в «бессловесное существо».

Всеобъемлющее влияние на государственные и обществен-  
ные структуры партии, построенной по военному образцу, пло-  
хо вязалось с задачами развития советского демократизма, ибо  
порядки, которые складывались внутри партии, коммунисты,  
спаянные строгой дисциплиной, вольно или невольно перено-  
сили в те организации, будь то государственные или обществен-  
ные, где они работали чаще всего по направлению партии, волю  
которой были обязаны всеми силами воплощать в жизнь.

Под влиянием гражданской войны в стране складывалась  
военно-приказная диктатура, повлекшая за собой сосредото-  
чение управления не в выборных органах, а в исполнительных

учреждениях, усиление единоначалия, формирование чиновничьей иерархии с огромным числом служащих, снижение роли масс в государственном строительстве и отчуждение их от власти.

Хронической болезнью советского государства становится бюрократизм. По мнению В. Ленина, его причины заключались в низком культурном уровне основной массы населения, что «принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию». Положение, считал Ленин, усугублялось тем, что новое государство унаследовало многое от прежнего госаппарата, так как революция не смогла покончить с чиновничеством как социальным явлением. Старое чиновничество вскоре получило места в советском госаппарате, ибо без людей, знающих управленческий труд, обойтись было невозможно. «Царские бюрократы, — говорил Ленин, — стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП.

Таким образом, их прогнали в двери, они влезают в окна. Тут больше всего сказывается недостаток культурных сил». Ленин полагал, что справиться с бюрократизмом можно лишь тогда, «когда все население будет участвовать в управлении».

На государственное строительство огромное влияние оказала война. Концентрация сил, столь необходимая для военных успехов, потребовала жесткой централизации управления, что вело к разбуханию до огромных размеров государственного аппарата, который, в конечном итоге, подмял под себя Советы и их значение в жизни республики падало. На политической жизни сказывались усталость масс от тягот войны, революционные потрясения, голод и болезни и сопутствовавшие им апатия, инертность, безразличие. Управленческие структуры, во многом вобравшие в себя активную часть населения, должны были руководить обществом, раздираемые острейшими противоречиями, усталыми, голодными, изможденными людьми. В этих условиях правящая партия главную ставку сделала не на самостоятельность и самоуправление масс, а на государственный и партийный аппарат, способный силой реализовать политику, необходимую для победы над врагами революции. Насилие и принуждение стали применяться не только к противникам социалистического выбора, но и по отношению к тому классу, который был призван, согласно марксистской теории,



стать господствующим в обществе, — пролетариату. Решающую роль здесь сыграла милитаризация труда.

**Кризис военно-коммунистической системы и необходимость перехода к нэповскому курсу**

Гражданская война завершилась. Однако голод в стране, опустевшие цеха сотен заводов и фабрик, затопленные шахты и потухшие домны, запущенные крестьянские поля свидетельствовали об экономическом крахе. Военные победы, хотя и вселяли оптимизм, но не гарантировали, что Советская власть, устояв в вооруженной борьбе со своими врагами, сможет победить разруху и тем доказать свое право на существование.

Народное хозяйство было парализовано кризисом. В 1919 г. из-за отсутствия хлопка почти полностью встала текстильная отрасль. Она давала всего 4,7 % продукции довоенного времени. В несколько лучшем положении находилась льняная промышленность, питавшаяся сырьем Северных и Центральных районов России, но и ее уровень составил только 29 % от довоенного.

Разваливалась тяжелая промышленность. В 1919 г. все домны страны потухли. Советская Россия не производила металла, а жила запасами, унаследованными от царского режима. В начале 1920 г. удалось запустить 15 доменных печей, и они давали около 3 % металла, выплавлявшегося в царской России накануне войны. Катастрофа в металлургии сказалась на металлообрабатывающем производстве: сотни предприятий закрывались, а те, что работали, периодически простаивали из-за трудностей с сырьем и топливом. Советская Россия, отрезанная от шахт Донбасса и бакинской нефти, испытывала топливный голод. Основным видом топлива стали дрова и торф. Всего в 1919 г. было заготовлено всех видов топлива в переводе на дрова 7 млн. 276 куб. саженьей, чего явно не хватало для работы предприятий.

От разрухи более всего пострадала крупная промышленность: во второй половине 1918 г. на одно бездействующее предприятие в среднем приходилось 146 рабочих, в феврале 1919 — до 316, а в марте 1920 — до 2077.

Валовая продукция цензовой промышленности России (в довоенных рублях) упала с 6 млн. 391 тыс. руб. в 1913 г. до 885 тыс. руб. в 1920 г.

Больным местом экономики республики был транспорт. На 1 января 1920 г. 58 % паровозного парка вышли из строя. Не

лучше обстояли дела с вагонами, и железнодорожные артерии страны замирали.

Промышленности и транспорту не хватало не только сырья и топлива, но и рабочих рук. «Неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, – говорил Ленин весной 1921 г., – что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими...» К концу гражданской войны в промышленности было занято менее 50 % численности пролетариата в 1913 г. Существенно изменился состав рабочего класса. Теперь его костяк составляли не кадровые рабочие, а выходцы из непролетарских слоев городского населения, а также мобилизованные из деревень крестьяне.

Население быстро люмпенизировалось. Небывалое распространение получила детская беспризорность. В 1922 г. на улице оказалось до 7 млн. детей. Города захлестывала преступность.

Разруха охватила и сельское хозяйство. Сокращались площади и снижалась урожайность зерновых и технических культур. Валовый сбор зерновых культур в 1920 г. снизился по сравнению с 1909 по 1913 г. на 30,7 %. В целом за 1913–1920 гг. валовая продукция сельского хозяйства сократилась более чем на треть. Большая часть производственной сельскохозяйственной продукции потреблялась самой деревней. В условиях хлебной монополии крестьяне предпочитали хлеб прятать, чем бесплатно сдавать его государству.

Против политики военного коммунизма грозной силой выступило крестьянство. Восстания в Тамбове, Кронштадте, других районах показали, что продолжение курса насильственного насаждения социализма приведет к краху правящего режима.

Социально-экономический кризис переплетался с кризисом политическим. Ярким его проявлением была партийная дискуссия о профсоюзах, развернувшаяся в конце 1920 – начале 1921 г., в которой в завуалированной форме обсуждались острые вопросы развития политической системы, роли в государстве партии, рабочего класса, профсоюзов, сущности перехода к социализму и др. Дискуссия отражала кризис в партии, свидетельствовала, что РКП(б) зашла в идейный тупик по ключевым проблемам дальнейшего развития общества. Сложившаяся в стране военно-приказная система управления мало соот-

ветствовала представлениям многих революционеров о государстве рабочих и крестьян. В развернувшихся спорах одни придерживались военно-коммунистической традиции и благо видели в дальнейшем укреплении государственного аппарата, в «закручивании гаек», в огосударствлении всех сторон жизни общества. Другие искали выход из сложившейся военно-приказной системы и стремились поставить преграды всевластию укреплявшейся бюрократии и предлагали управлять страной через пролетарские организации, не отдавая себе отчет в том, что это также в конечном итоге приведет к формированию сильного бюрократического слоя управленцев в самих рабочих организациях. Третьи отодвигали на определенное время перспективу наделения профсоюзов управленческими функциями и пытались найти приемлемые формы взаимоотношений партии с государством, власти с общественными организациями и др.

Жизнь заставляла большевиков пересмотреть основы военного коммунизма. В марте 1921 г. на X съезде партии был взят курс на новую экономическую политику (нэп). Партия в лице ее лидеров, прежде всего Ленина, была вынуждена признать, что «прямое введение социализма» в России закончилось неудачей. Уничтожение рыночных связей в экономике, свертывание хозяйственного характера управления национализированными предприятиями, натурализация заработной платы и ее уравнивательный характер, в целом вся система чрезвычайных мер в экономике стали основными факторами сползания страны к народнохозяйственной катастрофе. Поэтому на X съезде партии военно-коммунистические методы хозяйствования, базировавшиеся на принуждении, были объявлены отжившими. Продразверстка – порождение лихолетья гражданской войны и утопических планов перехода к социалистическому продуктообмену – заменялась продовольственным налогом, и свободная торговля, еще недавно подавляемая вооруженным путем, легализовалась и должна была стать основным звеном хозяйственных связей между городом и деревней. Разрешение частной инициативы в промышленности, в сфере обмена и обслуживания, в кустарных промыслах сопровождалось курсом на расширение государственного капитализма, т. е. такого капитализма, который поддается регулированию со стороны «пролетарского государства». По замыслам Ленина, государственный (т.е. подконтрольный Советам) капитализм должен был помочь вов-

лечению средних и мелких собственников в социалистическое строительство. Предусматривался перевод государственной промышленности на коммерческий расчет. Отмена системы трудовой повинности, трудовых мобилизаций и уравнительной оплаты труда, курс на добровольное привлечение рабочей силы в народное хозяйство и на дифференцированную денежную оплату труда – все это относилось к основным звеньям новой экономической политики.

Начался крутой поворот в деятельности большевистской партии, а значит, и возглавляемого ею государства – от революционных методов слома старого общества и насильственного насаждения нового к методам реформистским, эволюционным, или, как их называли в то время, «постепеновскими». Нэп открывал период реформ, в ходе которых должны были зарубцеваться раны гражданской войны и наступить социальное равновесие. На смену гражданской войне шли гражданский мир и сотрудничество различных социальных слоев.

#### § 4. Белое дело

**Рождение  
Добровольческой  
армии.  
I-й Кубанский  
(«ледяной»)  
поход**

К моменту Октябрьского переворота большевиков в Быховской тюрьме оставалось 19 офицеров и 5 генералов: Л. Корнилов, А. Деникин, А. Лукомский, И. Романовский и С. Марков. Побег из заключения не представлял особых трудностей, тем более, что охраняли узников сочувствующие им войска. Недавно назначенный вместо М. Алексеева новый начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Духонин также не скрывал своего расположения к Корнилову и его соратникам. Утром 19 ноября 1917 г. он распорядился освободить арестованных, и в ночь на 20 ноября будущие вожди белого движения разными дорогами направились на Дон.

Сам же Духонин прекрасно понимал, что своим решением подписал себе смертный приговор. Однако, имея возможность скрыться, но будучи верным воинскому долгу, остался в Ставке. Сюда на следующий день приехал большевистский Главноверх прапорщик Н. Крыленко, заявивший о вступлении в должность. Сдав дела, Духонин на автомобиле Крыленко поехал на вокзал, где толпа разъяренных матросов растерзала генерала и жестоко надругалась над его трупом.

В это время на Дон со всех концов России съезжались офицеры, юнкера, студенты, гимназисты – будущие добровольцы – для того, чтобы здесь, в казачьей области, поднять знамя борьбы с «германо-большевизмом», за честь и достоинство Родины.

В Новочеркасске, столице Всевеликого войска Донского, уже находился генерал М. Алексеев, прибывший сюда из Москвы в начале ноября 1917 г.

**Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918)** родился в семье солдата. Свыше сорока лет он отдал военной службе, пройдя путь от прапорщика до генерала от инфантерии. За его плечами были учеба в Московском юнкерском училище и Николаевской академии генерального штаба, участие в войнах: русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905). В первую мировую войну он был начальником штаба Юго-Западного фронта, а с 18 августа 1915 г. стал начальником штаба Верховного главнокомандующего императора Николая II. В дни Февральского переворота генерал Алексеев был одним из главных сторонников отречения царя от престола и оказывал на него с этой целью прямое давление. Вину и ответственность за это Алексеев не снимал с себя до конца жизни – он умер от болезни сердца в Екатеринодаре осенью 1918 г. С 11 марта по 22 мая 1917 г. Алексеев являлся Верховным главнокомандующим русской армии и отрицательно относился к ее вовлечению в политическую жизнь. После провала корниловского выступления по просьбе Керенского он вновь на несколько дней возглавил штаб Верховного главнокомандующего. По его приказу был арестован Л. Корнилов и его товарищи. После своей вторичной отставки уехал к семье в Смоленск и вернулся в Петроград лишь 7 октября для участия в работе Предпарламента, куда он был избран Московским совещанием общественных деятелей. Тогда же он возглавил военную организацию, ставшую известной как «Алексеевская».

М. Алексеев рассчитывал собрать на Дону не менее 30 тыс. офицеров, которые должны были составить ядро антибольшевистской армии. Однако к началу зимы 1917 г. в Новочеркасск съехалось не менее 2 тыс. чел. Сюда же прибыли и представители «Московского центра», известные политики и общественные деятели П. Милюков, П. Струве, М. Родзянко, князь Г. Трубецкой, М. Федоров. Неожиданным для многих оказался визит бывшего эсера Б. Савинкова, который со свойственной ему энергией отдался новой идеи создания добровольческих дружин.

6 декабря, пройдя в течение нескольких недель после побега через вражеские тылы, в Новочеркасске появился Л. Корнилов. Однако его приезд был воспринят неоднозначно. Если рядовые добровольцы восторженно приветствовали своего куми-

ра, то со стороны Алексеева Корнилову был оказан весьма холодный прием. Неприязненные личные отношения между двумя вождями нарождавшегося движения имели давние корни. Корнилов безусловно помнил, кому он обязан был своим арестом после неудачного августовского выступления. В представлении боевого генерала поведение бывшего начальника штаба Верховного главнокомандующего далеко не всегда было безупречным, а подчас и двусмысленным, если не вероломным. Алексеева же явно раздражала стремительная карьера Корнилова, выдвинувшегося только в годы войны и революции. Вероятно, он испытывал к нему некое чувство, близкое к ревности за невероятную популярность и громкую славу, сделавшую его имя символом Белого дела.

Конфликт между двумя генералами представлял серьезную угрозу всем антибольшевистским силам на юге России. Для его разрешения вскоре по прибытии Корнилова было созвано совещание генералов и общественных деятелей, призванное примирить обе стороны и наметить основные принципы создаваемой армии. По словам А. Деникина, «ее хрупкий организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась». В результате, по предложению Деникина, был принят компромисс: военная власть должна была перейти к генералу Л. Корнилову; гражданская власть и внешние сношения — остаться в ведении генерала М. Алексеева; управление Донской областью — за атаманом А. Калединым. Таким образом, был оформлен военно-политический триумвират Белого движения.

На Рождество 25 декабря 1917 г. Корнилов вступил в командование Добровольческой армией. Этот день впоследствии отмечался русскими борцами с большевизмом как день рождения этой армии. Формирование вооруженных сил белых на первых порах шло строго на добровольческих началах. Каждый доброволец давал подписку прослужить четыре месяца и обещал беспрекословное подчинение приказам командиров. В ноябре-декабре 1917 г. никто из них жалованья не получал. Только с начала 1918 г. стали выдавать денежное довольствие: офицерам — 150 руб. в месяц, солдатам — 50 руб. Финансирование новой армии осуществлялось крайне неравномерно. Первый взнос на вооружение, борьбу с большевиками поступил в ноябре 1917 г. и составил всего 400 руб. Московские предпри-

ниматели пожертвовали около 800 тыс. руб. По подписке от деловых кругов Ростова и Новочеркасска удалось собрать еще 8 млн. руб. Затем по соглашению с Донским правительством было решено разделить поровну между казачьей и Добровольческой армиями около 30 млн. руб. — часть российской государственной казны, хранившейся в местных отделениях Госбанка. Поначалу большие надежды белые возлагали на своих прежних союзников по мировой войне, но помощь их на этом этапе была чисто символической. Так, французы в феврале 1918 г. смогли выделить лишь 300 тыс. руб. С начала 1918 г. руководители движения решились пойти на самостоятельную эмиссию денег, выпустив купюры собственного образца, заявив тем самым о своих общегосударственных претензиях.

К февралю 1918 г. численность всех соединений Добровольческой армии достигла 3—4 тыс. чел. Во главе ее находился Л. Корнилов, пост начальника штаба занял А. Лукомский. Ядро армии составляла 1-я Добровольческая дивизия (командир А. Деникин, начальник штаба С. Марков) и полки Корниловский ударный, Георгиевский, Ростовский добровольческий и 1-й офицерский. Ко времени выступления в свой первый боевой поход против красных в руководстве армии произошли некоторые изменения. После отъезда на Кубань Лукомского пост начальника штаба армии занял И. Романовский. Деникин стал помощником (заместителем) командующего армией. С. Марков возглавил авангард армии — 1-й офицерский полк.

Цели Добровольческой армии были изложены в двух документах: декларации от 27 декабря 1917 г. и в так называемой январской (1918) «программе Корнилова». В первом из них говорилось о необходимости создания на юге России базы для борьбы с «немецко-большевистским нашествием». Оно рассматривалось белыми как продолжение Великой войны. После победы над большевиками предполагалось провести новые свободные выборы в Учредительное собрание, которое и должно было бы окончательно решить судьбу страны. Второй документ носил более пространственный характер. В нем содержались основные положения Белого движения. В частности, провозглашалось равенство всех граждан перед законом, свобода слова и печати, восстановление частной собственности, объявлялось о праве рабочих на объединение в профсоюзы и стачки и сохранении за ними всех политико-экономических завоеваний революции; о введении всеобщего начального обучения и от-

делении церкви от государства. Решение аграрного вопроса оставалось за Учредительным собранием и до издания им соответствующих законов «всякого рода захватно-анархические действия граждан» признавались «недопустимыми». Январская программа требовала полного исполнения всех принятых Россией обязательств по международным договорам и доведения войны до конца в «тесном единении с нашими союзниками». За народами, входящими в состав России, признавалась широкая местная автономия, «при условии, однако, сохранения государственного единства».

Таким образом, оба документа явились идеологической основой Белого дела, в них нашли свое выражение два главных принципа зарождающегося движения: сохранение единства российского государства и «непредрешенчество» его дальнейшей политической судьбы. Антибольшевистская платформа должна была иметь, как казалось ее авторам, национально-освободительный характер и способность сплотить на борьбу различные силы – от крайне правых монархистов до умеренных социалистов. Это создавало реальные условия для широкого объединения всех противников коммунистического режима. Но в этом заключался и самый большой недостаток белых – внутренняя аморфность и слабость их организации и постоянная угроза для раскола.

Между тем обстановка на юге России продолжала меняться. В начале 1918 г. большевики развернули наступление на Ростов и Новочеркасск. Казаки отказывались воевать против красных. Рабочие Донбасса открыто выступали против добровольцев и заявляли о поддержке Советской власти. 15 января в Ростове состоялось последнее совместное заседание «триумvirата». Каледин пребывал в подавленном состоянии духа, крайне пессимистично оценивая перспективы дальнейшей борьбы на Дону. Алексеев, пытаясь развеять мрачное настроение атамана, объявил о планах Добровольческой армии в случае необходимости уйти за Волгу и там собраться с новыми силами, но этим только усугубил тяжелое положение казачьего генерала.

28 января 1918 г. Корнилов, окончательно убедившись в невозможности пребывания его соединений на Дону, где им без помощи казачества грозила гибель, решил покинуть область, о чем по телеграфу известил А. Каледина. На следующий день Каледин собрал свое правительство и, прочитав телеграмму от руководства Добровольческой армии, сообщил, что для защи-



ты Донской области на фронте нашлось всего лишь 147 штыков. Объявив затем о сложении с себя полномочий войскового атамана, он поднялся в свой кабинет и застрелился.

Избранный новым атаманом генерал-майор А. Назаров пошел на решительные меры, ввел всеобщую мобилизацию казаков, но задержать продвижение красных войск В. Антонова-Овсеенко к Ростову, где рабочие уже подняли восстание, не смог. В таких условиях в ночь с 9 на 10 февраля 1918 г. добровольцы спешно покидали город и уходили за Дон, в степь. Так начинался 1-й Кубанский или «ледяной» поход, воспетый позднее его участниками как героический эпос Белого дела.

12 февраля в станице Ольгинская Корниловым был созван военный совет, на котором после долгих обсуждений было принято решение о продвижении на Кубань, к ее столице Екатеринодару, еще не захваченную большевиками. Там, в богатом казачьем районе, предполагалось создать новый очаг борьбы с Советской властью и укрепить армию.

Первый боевой поход белых продолжался три месяца. За это время добровольцы прошли около тысячи верст, половина пути проходила в непрерывных боях и ожесточенных столкновениях. В них погибло более четырехсот человек, свыше полутора тысяч солдат и офицеров получили различные ранения. Среди погибших были и командир Корниловского полка полковник М. Неженцев и вождь и один из основателей движения генерал Л. Корнилов. Он был убит утром 31 марта 1918 г. при осаде занятого красными Екатеринодара. Из-за опасения мести противника тело генерала тайно схоронили в немецкой колонии Гначбау, а могилу сравнивали с землей. На следующий день большевики, занявшие селение, обнаружили останки генерала и жестоко надругались над его трупом. Через год А. Деникин, выступая в Екатеринодаре, в своей поминальной речи сказал: *«Русская граната, направленная рукой русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли и прах рассеяли по ветру»*.

Новым командующим Добровольческой армии стал А. Деникин.

**Антон Иванович Деникин (1872–1947)** был сыном офицера, выходцем из крепостных крестьян. Он окончил Киевское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию генерального штаба (1899). Участник русско-японской войны, за боевые заслуги был произведен в полковники. В годы первой мировой войны – начальник 4-й «железной» стрелковой дивизии.

зии, командир 8-го армейского корпуса. В 1917 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего и главком Юго-Западного фронта. За поддержку генерала Корнилова во время его августовского выступления был арестован и заключен в Быховскую тюрьму, откуда вместе со своими соратниками бежал на Дон и принял участие в организации Добровольческой армии, которую возглавил после гибели генерала Корнилова. С 26 декабря 1918 г. – главнокомандующий вооруженными силами юга России, которые под его руководством достигли летом 1919 г. самых заметных своих побед и переживших зимой 1920 г. острую горечь крупных военных неудач. 22 марта 1920 г. в Феодосии сдал командование генералу Врангелю и выехал за границу, где отошел от активной политической деятельности, предпочтя ей увлеченную работу над «Очерками Русской Смуты», ставшими одним из фундаментальных трудов по истории гражданской войны в России. До конца жизни оставался патриотом Родины, призывая бывших соратников отказываться от сотрудничества с фашистами и искренне желая победы Красной Армии в войне с Гитлером.

Деникин решил снять осаду с Екатеринодара, отвести войска и вернуться на Дон, где в апреле против большевиков начались массовые выступления казачества, недовольного коммунистической политикой. 30 апреля 1918 г. войска Деникина завершили свой боевой путь у станиц Мечетинская и Егорлыкская к юго-востоку от Ростова.

1-й Кубанский поход имел важное значение на начальной стадии Белого движения. Общая численность Выступивших с Дона добровольцев в феврале 1918 г. не превышала 3,5 тыс. чел. В обозе вместе с военными шли около тысячи гражданских лиц. Возвращавшаяся в конце апреля Добровольческая армия имела в своем составе 5 тыс. чел., обладавших ценным боевым опытом и твердо веривших в правоту своего дела. Хотя главную цель не удалось достичь (Екатеринодар белые так и не взяли), но последствия похода для всего движения были существенны. Организационно и идейно оформилось и сплотилось ядро антибольшевистских сил на юге страны – Добровольческая армия. В ходе боев была выработана новая гибкая тактика ведения гражданской войны: фронтальные атаки в лоб густыми цепями при минимальной артиллерийской поддержке, сочетавшиеся с неожиданными партизанскими вылазками и стремительными маневрами. Среди добровольцев выявились свои лидеры, отличавшиеся храбростью и мужеством – полковники Неженцев, Кутепов, генералы Марков, Богаевский, Казанович.

Вместе с тем вполне отчетливо проступили отвратительные черты ужасного братоубийства – невероятная жестокость и беспощадность, расстрелы пленных и заложников, насилие над

гражданским населением, неприятие любой формы инакомыслия, характерные для обеих противоборствующих сторон. Так, напутствуя своих воинов перед боем, Корнилов говорил: «В плен не брать. Чем больше террора, тем больше побед». Ярким примером отчаянной тактики белых стал бой 15 марта у станицы Ново-Димитреевская, когда генерал Марков ночью, в снежную стужу, пройдя через покрытую тонким слоем льда реку, повел 1-й офицерский полк в штыковую атаку и, ворвавшись в станицу, вступил, не оставляя никого в живых, в рукопашную схватку с красными частями, не ожидавшими ночного штурма.

Большевики, в свою очередь, также не отличались милосердием. Ими были расстреляны захваченные в плен донской атаман генерал А. Назаров и казаки — члены войскового круга. Бывший царский генерал П. Ранненкампф, живший с 1917 г. в Таганроге, отверг предложение Антонова-Овсеенко о переходе на службу в Красную Армию и был казнен (изрублен пашками).

Насилие одних только умножало насилие других, порождало крайние формы зверства. Гражданская война прошла через семьи и поколения, искалечила людские судьбы, раскалывая народ. К тому же, в национальную трагедию России с весны 1918 г. все активнее стали вовлекаться внешние силы, использовавшие внутренние потрясения в стране в своих целях.

<b>Верховное правление А. Колчака</b>	К осени 1918 г. в антибольшевистском движении все больше усиливались сторонники Белого дела. «Демократическая контрреволюция» с ее претензией на «третий путь», поддерживаемая чехословаками, переживала серьезный кризис. Сформированное в сентябре 1918 г. в Уфе Всероссийское временное правительство — Директория (эсеры Н. Авксентьев, В. Зензинов, бывший эсер П. Вологодский, кадет В. Виноградов и генерал В. Болдырев) не пользовалось популярностью среди военных, не без основания отождествлявших умеренных социалистов с их лозунгами «Вся власть Учредительному собранию» с обанкротившейся ранее и ненавистной многим керенщиной. Среди офицерства армий, неудачно воюющих с большевиками КОМУЧа и сибирских областников, а также среди казачества, в общественных и деловых кругах Сибири, открыто высказывалась идея о необходимости смены «прогнившей демократии», неспособной организовать борьбу с красными, и установления твердой власти военной диктатуры.
---	---

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске, куда из Уфы от наступающих большевиков перебиралось «Всероссийское временное правительство», был совершен переворот. Члены Директории эсеры Авксентьев и Зензинов были арестованы и к власти пришел недавно вернувшийся из-за границы адмирал Колчак.

**Александр Васильевич Колчак (1874–1920)** – Верховный правитель России, выдающаяся личность с многогранным талантом и противоречивым характером. Родился в семье морского офицера-артиллериста. В 1894 г. окончил морской кадетский корпус, ушел на флот. В 1896–1899 гг. служил на Тихом океане, серьезно занимался гидрологией, изучал иностранные языки. С 1899 г. участвовал в полярных экспедициях, стал одним из крупных исследователей Арктики. В 1901 г. организатор спасательной экспедиции барона Толля. В 1906 г. избран действительным членом Императорского Русского географического общества и отмечен его высшей наградой – большой золотой Константиновской медалью. Один из островов Карского моря был назван именем Колчака (в 1930-е гг. переименован в о. Расторгуева).

Участник русско-японской войны, командир эсминцев и батареи в Порт-Артуре. Раненым попал в плен к японцам. В апреле 1905 г. вернулся в Петербург. В ноябре награжден орденом Анны IV степени «За храбрость», в декабре 1905 г. – золотой саблей и орденом Станислава II степени «За отличие».

В 1906–1909 и 1911–1914 гг. служил в Морском Генштабе и непосредственно участвовал в разработке предвоенных программ возрождения русского флота. С начала первой мировой войны – начальник оперативного отдела Балтийского флота, командир минной дивизии, с июля 1916 г. командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. После Февральской революции был отозван Временным правительством в Петроград и командирован в Великобританию и США, с конца 1917 г. в Японию и в Китае. В октябре 1918 г. с английским генералом Ноксом прибыл в Омск и 4 ноября назначен военным и морским министром в кабинете Директории.

В результате совершенного переворота вся полнота государственной власти в Сибири перешла к Колчаку, которому были присвоены титул Верховного правителя и звания Верховного главнокомандующего и полного адмирала. Он имел неограниченные права в военной области, для решения гражданских дел при нем учреждался Совет в составе пяти видных общественных деятелей кадетской ориентации (П. Вологодский, А. Гаттенберг, Ю. Ключников, Г. Тельберг и М. Михайлов). Кадеты выдвинули лозунг «диктатура во имя демократии» и сумели объединить вокруг Колчака представителей различных политических партий, групп и организаций от правых социалистов до монархистов.

Сам Верховный правитель стремился подняться над партийными интересами и претендовал на выражение общенациональной государственной идеи. В первый же день после переворота в своем воззвании к населению Колчак подчеркивал, что он не пойдет ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. «Главной своей целью, — заявлял он, — ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает...». Колчак пытался избежать повторения главной ошибки своих предшественников и, прежде всего, Временного правительства — угодить всем социальным слоям и партиям, включая крайне радикальные силы. Между тем ведущую роль в его правительстве играли кадеты, они же разрабатывали основные положения внутривластного курса.

Ядром официальной идеологии режима Колчака стала идея возрождения великой государственности, лозунг «единой и неделимой России». Ключевыми элементами политической доктрины белых в Сибири были патриотизм, антибольшевизм и внепартийность — отстранение от политических течений во имя «национальной цели» — восстановление российской державы. Тем не менее на практике конкретные правительственные меры и законы социально-экономического характера не позволяли Колчаку создать стабильный и прочный тыл и целиком сосредоточиться на борьбе с красными на фронте. Так, законодательство правительства Колчака не предусматривало радикального разрешения аграрного вопроса в пользу крестьянства и откладывало его до окончания гражданской войны. Декреты Советской власти, пользовавшиеся известной популярностью в Сибири, деревня которой не испытала на себе последующих «социалистических» экспериментов большевиков, объявлялись незаконными. Прошедшее за годы революции перераспределение собственности юридически не закреплялось за земледельцами, которых в официальных документах называли «самоуправными пользователями». Крестьянство в основной массе было враждебно настроено к белым, что выразилось в широком размахе партизанского движения, охватившего многие районы Сибири. К лету 1919 г. в партизанских отрядах против Колчака сражалось по некоторым данным до 40 тыс. чел. Для борьбы с повстанцами в тылу был создан внутренний фронт в Енисейской, Тобольской и других губерниях, постоянно от-

влекавший значительные силы белых, применявших в целях устрашения местного населения поджоги целых деревень.

Период военных успехов сибирских армий, пришедший на весну 1919 г. выдвинул А. Колчака на первое место среди других вождей Белого движения. В качестве Верховного правителя его признали другие лидеры антибольшевистской борьбы: А. Деникин на Юге, Е. Миллер на Севере, Н. Юденич на Северо-Западе. Он был близок к дипломатическому признанию иностранными государствами, активно помогавшими омскому режиму. Для Сибири по сравнению с другими областями, занятыми белыми, выделялось значительно больше финансовых средств союзников. Великобритания предоставила белым правительствам около 100 млн. фунтов стерлингов, более половины которых была передана Колчаку. Французские инвестиции в Сибирь только в течение 1919 г. достигли 700 млн. франков. Во многом подобная щедрость Запада объяснялась тем, что в распоряжении Колчака оказалась часть золотого запаса Российской империи. Но была и сугубо политическая заинтересованность в поддержке Верховного правителя, контролировавшего огромную территорию страны и имевшего неплохие шансы на окончательную победу над красными.

Со своей стороны русский адмирал прекрасно понимал, что интервенция оскорбляет национальное достоинство народа, а представленная ему помощь далеко не бескорыстна. В отношениях с союзниками Колчак старался не допустить каких-либо непродуманных действий, способных нанести ущерб государственным интересам страны, или поставить под сомнение ее целостность и единство. Летом 1919 г., когда финский военачальник Маннергейм предложил Верховному правителю 100 тыс. солдат для поддержки наступления Юденича на Петроград в обмен на признание независимости Финляндии, Колчак отверг предложение этого бывшего царского генерала. С середины 1919 г. военная удача отвернулась от адмирала и наступила пора горьких поражений и предательств, завершившаяся зимой 1919/20 гг. стремительным падением Колчака и его личной трагедией.

После разгрома основных сил белых в Западной Сибири в ноябре 1919 г. резиденция правителя была официально перенесена в Иркутск, где Колчак был взят под охрану чехословаков и, несмотря на гарантии союзников его безопасности, в ночь с 14 на 15 января 1920 г., по приказу французского генерала

**Жанена** передан представителям Иркутского Политцентра, а затем и большевистского ВРК. После двухнедельных допросов **А. Колчака** и его премьер **В. Пепеляева** ранним утром 7 февраля 1920 г. расстреляли на берегу Ушковки, а трупы убитых сбросили под лед реки. Колчак мужественно принял смерть, его поведение в тюрьме, в последние дни жизни, отличались достоинством и стойкостью духа. Согласившись отвечать на вопросы следственной комиссии, он рассчитывал донести правду о Белой борьбе до соотечественников. Покинутый многими бывшими друзьями и союзниками Колчак с честью закончил свой земной путь. Верность адмиралу долгие годы хранила его любимая женщина — **А. Книшпер-Тимирева (1893–1975)**, пронесшая высокое чувство любви через все выпавшие на ее долю тяжкие испытания:

Полвека не могу принять —  
Ничем нельзя помочь —  
И все уходишь ты опять  
В ту роковую ночь.  
Но если я еще жива  
Наперекор судьбе,  
То только как любовь твоя  
И память о тебе.

В образе Колчака отразились многие трагические стороны гражданской войны. Его деятельность в качестве Верховного правителя отличалась непоследовательностью и противоречивостью. Будучи, как и другие вожди Белого движения, сугубо военным человеком, адмирал так и не сумел стать государственным или политическим деятелем. В его окружении постоянно плелись интриги, за влияние над ним боролись различные группировки. Личное мужество, бескорыстность и честность многих сторонников Белого дела были не достаточными для того, чтобы повести народ за собой. Пытаясь консервировать сложившиеся отношения белые лидеры оказались не способными предложить обществу новые ориентиры, заявив о «непредрежденчестве» главных вопросов русской жизни. Их пропаганда национальных идей и возрождения великой государственности в условиях иностранной интервенции и зависимости от союзников носила во многом декларативный характер и не находила отклика у многомиллионного населения России, жаждущего социальных перемен и обновления страны.

Лишь на заключительном этапе гражданской войны белые смогли выдвинуть действительно крупную фигуру государ-

ственного и военного деятеля, попытавшегося исправить ошибки своих предшественников и решившегося на осуществление реформаторского курса.

<b>Реформаторская деятельность</b>	22 марта 1920 г. главнокомандующим вооруженными силами Юга России был назначен
<b>П. Врангеля.</b>	П. Врангель. Передав все полномочия и остат-
<b>Значение Белого дела</b>	ки разгромленной армии своему преемнику, А. Деникин навсегда покинул родную землю.

Наступал последний этап истории Белого движения, его драматический эпилог: март-ноябрь 1920 г. Эти восемь месяцев, сравнимые с периодом деятельности Временного правительства, были насыщены напряженной работой не только в военной области, но и во внешней политике, и, в особенности, в социально-экономической сфере. Завершая борьбу, белые торопились успеть продемонстрировать измученной стране весь нераскрытый ими ранее созидательный потенциал общественного переустройства.

Барон **Петр Николаевич Врангель (1878–1928)** происходил из знаменитой российской семьи, ни одно поколение которой верно служило Отечеству. Его мать была из рода Самариных. В 1901 г. окончил Горный институт, а затем стал профессиональным военным, служил в гвардии, окончил Николаевскую академию генерального штаба (1910). Участник русско-японской и первой мировой войны. Командир кавалерийского корпуса (генерал-майор). С 1918 г. Врангель вступил в войска А. Деникина, командовал Кавказской и Добровольческой армиями. Одаренный военачальник, отличался редкой целеустремленностью и здоровым честолюбием. Постоянные интриги вокруг его имени в конце концов вызвали негативную реакцию А. Деникина, снявшего Врангеля с занимаемых им постов и отправившего его в ссылку в Константинополь. Однако это не помешало впоследствии Деникину назначить Врангеля своим преемником.

Врангель вступил в новую должность с вполне определенной программой реформ, суть которой выражал лозунг «левая политика правыми руками». Серьезный и вдумчивый стратег, обладавший твердой волей и качествами государственного деятеля, он решительно отверг ряд основополагающих принципов своих предшественников, поставивших, по его мнению, Белое дело на грань катастрофы. Во-первых, он отказался от плана подготовки похода на Москву и других крупномасштабных и дорогостоящих военных проектов, понимая всю их абсурдность и нереалистичность в сложившейся обстановке. Во-вторых, реорганизовав армию, он последовательно и настойчиво укреплял южнорусскую государственность, рассчитывая сохранить



ее до «лучших времен». Он допускал возможным относительно долгое сосуществование «двух России», гарантией чего могли выступить союзники и собственные вооруженные силы белых в Крыму. И, наконец, Врангель порвал с так называемым «непредрешенчеством», разработав и осуществив комплекс важных внутривойсковых мероприятий, направленных на создание широкой социальной базы для его режима.

Прежде всего Врангель обратился к наведению порядка и дисциплины в армии. В течение короткого времени деморализованные, раздробленные на многочисленные отдельные группировки, соперничавшие друг с другом воинские части были объединены им в три корпуса под командованием генералов Кутепова, Слащева и Сидорина, под прежним названием Русская Армия. Особой заботой ее главнокомандующего стало поднятие боевого духа солдат и офицеров. 25 марта 1920 г. на Нахимовской площади в Севастополе был устроен смотр войск и епископ о. Вениамин отслужил торжественный молебен об укреплении русского воинства. Врангель повел беспощадную борьбу с проявлениями морального разложения, пьянства, интриг и политиканства во всех военных структурах. Большое внимание он лично уделял делу воспитания и умелой пропаганде в войсках. Его приказы отличались краткостью, ясностью поставленных задач и особой эмоциональностью. Отдавая должное значению печати и информационному обеспечению своей политики, Врангель возложил всю ответственность за достоверность публикуемых в газетах материалов на их издателей и редакторов, сурово наказывая виновных за клевету.

Вместе с тем, реально оценивая свои возможности по обороне полуострова, куда со всей России перебрались беженцы и где проживало многочисленное местное население, Врангель сразу после назначения отдал распоряжение о подготовке эвакуации войск и мирных граждан из Крыма, поручив разработку плана генералу Махрову. В. Шульгин, наблюдавший за первыми шагами Врангеля на посту главнокомандующего, писал, что «в нем чувствовалась не нервничающая энергия, а спокойное напряжение очень сильного постоянного тока».

К формированию нового курса П. Врангель привлек видных российских политических и государственных деятелей. П. Струве ведал управлением внешних сношений. Благодаря его усилиям в мае 1920 г. удалось добиться от Франции признания

крымского правительства де-факто. На А. Кривошеина (ближайшего сподвижника и соратника П. Столыпина) легла вся тяжесть работы по реализации аграрной и земской реформ. Основные принципы аграрной (земельной) реформы были выдвинуты лично Врангелем, а детализированы сотрудниками Кривошеина еще по дореволюционному периоду – Глинкой и Зубовским. Реформа предусматривала органичное соединение наиболее прогрессивных элементов аграрных проектов начала века – Столыпина и Кутлера, рассчитанных на поддержку крепких хозяев с признанием самозахвата помещичьих земель, осуществленных крестьянами за годы революции и войны, и их закрепления в собственность новых хозяев.

Это была серьезная социальная уступка крестьянству, позволяющая надеяться на его массовую поддержку режиму. Земля передавалась в вечную наследственную собственность каждому хозяину, но не даром, а за плату государству, которое установило механизм выкупа, в том числе на льготных условиях. Фактическое владение крестьянами землей к моменту начала реформ признавалось правительством нерушимым.

Реформа имела определенный успех у местного населения, а ее первые результаты были обнадеживающими. 1 января 1920 г. земельная реформа проводилась в 90 волостях из 107, контролируемых Врангелем. Летом-осенью 1920 г. в Таврии были проведены разделы частновладельческих имений, утверждены максимумы крестьянских и минимумы помещичьих земель. Предельные размеры для крестьянских хозяйств колебались от 30 до 100 дес, а кое-где и выше (1 дес = 1,09 га). В социальном плане Врангель, как и Ленин, решил опереться на середняка.

В дополнение к аграрной реформе крымским правительством осуществлялась земская реформа. В принятом «Положении о волостном земстве» предусматривалось создание системы крестьянского самоуправления с участием представителей всех других категорий землевладельцев. Волостные земства избирались на земельных сходах и должны были представлять из себя в основном крестьянскую организацию, противостоящую большевистским Советам. Волостным земствам передавались и административные функции. Таким образом, по мнению Врангеля, закладывался фундамент будущего возрожденного русского государства, основанного на самостоятельности наро-

да снизу, а не сверху, как было принято еще с тех времен, когда создавалась империя Петра I.

Однако планам Врангеля не суждено было сбыться. Военные силы противников были несопоставимы. Блестяще проведенная М. Фрунзе операция по прорыву в Крым, вынудила белых навсегда покинуть родную землю.

Русская трагедия для обеих сторон продолжалась и после окончания гражданской войны. Как известно, победителей в братоубийственной войне не бывает. Не случайно многие из бывших красных «героев» сами стали впоследствии жертвами режима, возведенного на костях народа.

Что же касается белых, то они со своими боевыми знаменами, верные воинской чести, с образом Родины в сердце отправлялись в неведомые для них скитания. Судьба и к ним оказалась неблагосклонна, но свой долг они исполнили до конца. В 1921 г. А. Деникин писал: «После свержения большевизма наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия, ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины. Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме».

Находясь в изгнании русские люди бережно сохраняли традиции России и свято верили в ее грядущее возрождение и лучшее будущее. Именно в этом и видели они главное значение своей борьбы.

## **§ 5. На руинах империи**

Свержение самодержавия привело к быстрому распаду Российской империи. Во многом это произошло из-за того, что разрывшимся после падения монархии хаосом успешно воспользовались многочисленные национал-сепаратистские течения. Кроме того, в годы первой мировой войны сепаратистские движения западных окраин России активно поддерживали Германия и Австро-Венгрия. Большую активность развили лидер Польской Социалистической партии Юзеф Пилсудский, воевавший со своими legionерами на стороне Австро-Венгрии;

львовский митрополит Андрей Шептицкий (кадровый австрийский офицер и член ордена иезуитов), проводивший активную проавстрийскую агитацию в Галиции; имам Петербургской мечети, один из основателей партии «Иттифак муслимин» Рашид кази Ибрагимов, агитировавший из Турции российских мусульман в панисламистском духе. Национал-сепартистские движения отличались слаженными организационными структурами и большой политической активностью (так, армянская партия «Дашнак-цутюн», ратовавшая за Великую Армению, сумела организовать покушения на иранского шаха, турецкого султана и готовила покушения на Николая II и Столыпина).

В марте 1917 г. украинские националисты сформировали так называемую Центральную Раду – фактически независимое от России правительство. В мае этого же года I Всероссийский мусульманский съезд, по инициативе азербайджанской националистической партии «Мусават», принял резолюцию, в которой говорилось о том, что интересам мусульманского населения отвечает переустройство России в федерацию по национально-территориальному принципу с предоставлением культурно-национальной автономии тем народам, которые не имеют определенной территории. В конце мая – начале июня 1917 г. за эту же идею высказался III съезд партии эсеров. В июне того же года I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой одобрялось самоопределение наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. А на Украине тем временем местные националисты сформировали в составе Центральной Рады генеральный секретариат, объявивший автономию Украины. Временное правительство в лице А. Керенского фактически признало эту автономию, что привело к кризису – из правительства ушли министры-кадеты Мануйлов, Шаховской и Шингарев.

В сентябре 1917 г. в Киеве собрался съезд народов и областей России, которому А. Керенский направил следующее приветствие: «Передайте, что свободная Россия может быть только децентрализованной». Обсуждая различные варианты федерирования России, делегаты съезда способствовали сепартистским настроениям уже самим фактом созыва такого съезда, на котором важнейшие вопросы российской государственности решались не только без участия центральной власти, но и вопреки ей (Керенский пытался запретить проведение съез-

да, но быстро сдался, а его телеграмму-приветствие делегаты встретили издевательским смехом).

Какой бы то ни было базы для создания федерации на съезде заложено не было, и все разговоры о федерации были лишь пирмой, за которой стояли давно ожидавшие своего часа сепаратисты.

Итак, уже к октябрю 1917 г. Россия стояла на грани распада на несколько самостоятельных государств. Приход к власти большевиков и первые месяцы их правления усилили этот процесс. В самой их партии единодушия по вопросу о самоопределении наций не было. На VII конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. Ленин заявил, что «мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет», Дзержинский же заметил, что сепаратистские стремления есть «стремления борьбы с социализмом», ибо к построению новых национальных государств стремится буржуазия, а не пролетариат. Дзержинского поддержал Пятаков, предложивший вместо лозунга о самоопределении наций провозгласить лозунг «Прочь границы!». Сталин, выступавший на конференции с докладом по национальному вопросу с ленинских позиций, сделал оговорку о том, что «вопрос о признании права на отделение не следует смешивать с вопросом о целесообразности отделения при тех или иных условиях». «Я лично, — добавил Сталин, — высказался бы, например, против отделения Закавказья».

«Декларация прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 г. за подписью Ленина и Сталина юридически закрепляла «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Царский «гнет и произвол» должны были уступить место «политике добровольного и честного союза народов России». Уверенность в скорой победе мировой революции заставляла Ленина заявлять следующее: «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися каких угодно наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций». Ленин и его соратники сохраняли уверенность в том, что раздача суверенитетов расположит, а не оттолкнет от России окраины. Но вскоре эта уверенность была сильно поколеблена. В декабре 1917 г. украин-

ские националисты предпочли большевикам французскую военную миссию и донского казачьего атамана Каледина, в результате чего Россия лишилась украинского хлеба и угля, которыми Центральная Рада щедро снабжала Германию.

Ухудшение отношений с Украиной и провал надежды на скорую победу революции в Финляндии, с расчетом на которую ей была предоставлена автономия, вынудили большевиков скорректировать свою национально-государственную политику. Наиболее непримиримые настроения стал высказывать в этой связи нарком по делам национальностей Сталин. В конце декабря 1917 г. даже вопреки обещаниям делегации от донского казачества бороться с Калединым, Сталин ответил жестким отказом на просьбы предоставить автономию Донской области. «Единственное, что я могу обещать, так это то, что мы примем все меры к тому, чтобы не пролить ни одной лишней капли крови народной. А войска как посылались, так и будут посылаться на Дон для угрозы и пропаганды наших идей», — сказал Сталин. В январе 1918 г., выступая на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, он так скорректировал теорию самоопределения наций: «Мы признаем самоопределение, но не как самоцель, а как средство для перехода к социализму... Если какой-нибудь народ хочет войти в федерацию, он должен установить у себя власть Советов», на что правый эсер Львович-Яндвигович подал следующую реплику: «Политика Совета народных комиссаров насквозь централистическая, «великодержавная». По инициативе Сталина, съезд принял резолюцию «О федеральных учреждениях Советской власти», предполагающую четкое разграничение функций федеральной и местных властей. Однако ряд обстоятельств притормозил создание нового федеративного государства.

Заклучив Брестский мир, большевики увидели, что «освобожденные» ими от «гнета царизма» народности образовали буферные государства, зависимые от Германии. Сей факт особо поставила в вину большевикам Роза Люксембург, написав, что «Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы «вплоть до государственного отделения» сделают Финляндию, Украину, Польшу, Литву, Балтийские страны, кавказцев и т.д. верными союзниками русской революции, но мы наблюдаем обратную картину:

одна за другой эти «нации» использовали только что дарованную им свободу для того, чтобы в качестве смертельного врага русской революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в самую Россию». На местах же нередко те или иные инициативы Наркомата по делам национальностей по образованию новых государств принимались в штыки. Так, в марте 1918 г., после провозглашения Татаро-Башкирской республики, в центр пришла телеграмма от IV съезда горнозаводских рабочих и крестьян Южного Урала за подписью одного из руководителей Уральского обкома П. Точисского. От имени съезда тот выражал резкий протест против положения о Татаро-Башкирской республике, согласно которому «коренное заводское русское население» подпадает под правление башкир и потребовал присоединения Южного Урала к Уральской области с центром в Екатеринбурге.

Слабость новопровозглашенной федерации была связана и с тем, что в блоке большевиков и левых эсеров отсутствовало единство. В январе 1918 г. наркомат юстиции разработал проект конституции, согласно которому бывшая империя должна состоять из пяти профессиональных федераций — «земледельцев, промышленных рабочих, служащих торговых предприятий, служащих у государства (чиновники), служащих у частных лиц (прислуга)». Подобные синдикалистские настроения особенно активно отстаивал большевик М. Рейснер. Его проект предполагал создание «свободного федеративного союза» отдельных городов, губерний и даже волостей. Оппонентом Рейснера выступил Сталин — он предлагал строить федерацию из областей, отличающихся «известным национальным составом или определенным бытом».

В апреле 1918 г. в ходе работы Комиссии ВЦИК по выработке Конституции Советской республики между Рейснером и Сталиным развернулась дискуссия.

Аргументация Рейснера сводилась к ссылкам на работу Ленина «Государство и революция», в которой он писал только о «добровольной» федерации трудящихся масс» и ничего о национальных автономиях. Отсюда Рейснер делал вывод, что «носителем государственной идеи является не область — определено буржуазное понятие», с которым «надо расстаться как можно скорее. Сталин же заявил о том, что «план тов. Рейс-

нера фиксирует ту неразбериху в низах и разгильдяйство, которое сейчас царит в разных городах, в разных областях, идет вакханалия федерации, дается возможность совершенно свободно, вольно группироваться... Так нельзя». Далее Сталин доложил о том, что в Наркомате по делам национальностей скопилось несколько проектов, исходящих от буржуазии и «полудемократических» групп с требованиями полной автономии различным областям России, в то время как из низов татар, башкир, киргизов исходила лишь «совершенная индифферентность». Для центральной власти, открыто объявившей о праве наций на самоопределение, стало полной неожиданностью то, что этим правом стали успешно пользоваться националисты, а это уже было опасным. Кроме того, отсутствие четких конституционных норм негативно сказывалось на взаимоотношениях Совнаркома с местными органами власти. Дело дошло до того, что в самой Москве помимо центрального правительства действовал Московский областной совнарком, в котором преобладали – «левые коммунисты», и левые эсеры (М. Покровский, А. Ломов (Г. Опоков), В. Трутовский, В. Яковлева и др.) и который стремился подчинить себе 14 губерний, чему центральная власть вовремя сумела воспрепятствовать. Пока этот процесс не зашел слишком далеко, руководство ВЦИК (Я. Свердлов и В. Аванесов) решительно поддержали Сталина.

По Конституции 1918 г. за центральными органами власти были закреплены самые важные сферы государственного управления: оборона, внешняя политика, финансы, внешняя торговля, транспорт, связь. Области и республики были сильно ограничены в своей законодательной и исполнительной деятельности, поскольку ВЦИК не имел специального органа, избираемого от областей и республик. Следует отметить, что в пользу большевиков работало и то положение Конституции 1918 г., в котором говорилось, что РСФСР является федерацией советских национальных республик и вместе с тем допускает возможность объединения советов областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, в автономные областные союзы, которые входят в состав РСФСР на равных правах с национальными республиками. По-новому продуманная Конституция 1918 г., преодоление прежних ошибок во взаимоотношениях с окраинами позволили большевикам довольно успешно маневрировать в той гонке самоопределения наций



и областей, которая началась с момента интервенции и активизации боевых действий на фронтах гражданской войны.

Белые генералы и политики новоявленных «независимых» государств изначально скомпрометировали себя в глазах широких масс своей зависимостью от активно грабящих страну интервентов. Один из лидеров Центральной Рады Украины В. Винниченко признавал в своих мемуарах тот факт, что, когда в марте 1918 г. большевики ушли из Киева, ничто не смогло скрыть той «горькой правды», что Рада обязана своим возвращением «германским тяжелым орудиям». Тесное сотрудничество с интервентами сыграло с белым движением злую шутку. Стремясь сохранить единую и неделимую Россию, белые генералы только в эмиграции до конца осознали, что их иностранные союзники преследовали совершенно иные цели. Даже У. Черчилль, который, как известно, активно выступал за вооруженное свержение большевизма, писал в 1919 г. премьеру Великобритании Ллойд Джорджу о том, что «Россия наверняка возродится и, может быть, очень скоро – как великая объединенная империя, намеренная возвратить все, что у нее было отобрано», после чего вместе с Германией и Японией «будет представлять такую же угрозу для Англии, Франции и Соединенных Штатов, как до настоящей войны». Стремясь не допустить возрождения империи все равно под каким знаменем – красным или белым, иностранные державы, в особенности страны Антанты, делали все возможное, чтобы опоясать центральную Россию «санитарным кордоном» враждебных ей государств. Так было, например, в 1919 г. в Эстонии. Северо-западное правительство при генерале Юдениче было сформировано англичанами за 40 мин. От председателя этого правительства они потребовали подписать договор с Эстонией, не читая. Когда же члены правительства все же ознакомились с договором, англичане преподнесли им очередной сюрприз. Если в первом варианте договора от Северо-западного правительства требовалось признать абсолютную независимость Эстонии при обязательстве эстонской стороны оказать ему немедленную вооруженную поддержку в борьбе против большевиков, то во втором варианте об обязательствах сторон говорилось лишь применительно к Эстонии – «без всяких гарантий для русского дела».

Борьбе белых генералов за единую и неделимую Россию мешали и «независимые» государства, видевшие в этом стремле-

нии посягательство на свой суверенитет. В феврале 1920 г. министр иностранных дел Азербайджана Хан-Хойский обратился в Москву с просьбой о признании независимости этого государства, ставя ему в заслугу тот факт, что оно «выдворило из г. Баку генерала Пржевальского со всем его штабом и не только не допустило в местностях Азербайджана мобилизации русских офицеров для включения их в армию Деникина, но даже категорически запретило генералу Пржевальскому поместить в газетах объявление о призыве русских офицеров в городе Петровске».

Большевики умело использовали любые просчеты белых генералов в их безуспешной политике собирания России. В феврале 1919 г. из-за презрительного отношения Колчака к проблемам башкир в один день на сторону большевиков перешло башкирское войско. В марте этого же года правительственная делегация башкир прибыла в Москву, чтобы обсудить условия вхождения Башкирии в РСФСР. Делегацию встречали Сталин и заместитель наркома по делам национальностей А. Каменский. Стороны быстро пришли к согласию по всем вопросам. И произошло это потому, что большевики не только приняли все условия башкир, но дали им много больше того, что они хотели. Помимо территории малой Башкирии, в рамках которой они хотели создать свою автономию, им было передано 5 волостей Челябинского уезда, 2 – Оренбургского уезда и одна – Бузулукского уезда. Кроме того, Сталин предложил создать отдельную башкирскую армию не из одной дивизии, как того хотели башкиры, а из двух, с полным финансированием их из общероссийского военного фонда. Командование 1-й армии Восточного фронта, в свою очередь, приняло меры к пресечению случаев произвола по отношению к башкирам. 24 марта 1919 г., после того как 1-й кавалерийский башкирский полк перешел обратно на сторону Колчака, из-за грабежа и насилий со стороны красноармейцев член РВС 1-й армии Восточного фронта О. Калнин приказал всех виновных в бесчинствах против башкир «расстреливать без суда».

Стремясь расположить к себе как можно больше народов России, большевики активно формировали в Красной Армии национальные части. 2 мая 1918 г. была образована Мусульманская Рабоче-Крестьянская Красная Армия, в которой воевали в основном мусульмане Поволжья. Социальные лозунги Советской

власти вызывали у российских мусульман самый широкий отклик. В 1918 г. большевиков поддерживала секта мусульман-ваисовцев. Руководитель секты Гасан Ваисов, выступая за единение ислама и социализма, предлагал организовать «Зеленую армию» для «защиты угнетенных народов всего мира». Единство зеленого и красного знамен, о котором мечтал Ваисов, действительно имело место в ходе гражданской войны. Вот что сообщал в 1919 г. о деятельности ваисовцев командованию РККА командующий Туркестанским фронтом М. Фрунзе: «1. Согласно данным 1918 г., в Казани во время попытки татарских контрреволюционеров объявить так называемую «Забулачную республику», ваисовцы боролись вместе с большевиками. 2. Глава их Гасан Ваисов был убит в Казани татарскими черносотенцами и за защиту Советской власти, и за объявление себя большевиком. 3. Секта имеет религиозно-политический характер и по существу является попыткой социально-политической реформации на религиозной почве. 4. По содержанию социально-политических целей секта невраждебна Советской власти. 5. Секта имеет значительное влияние в сопредельных с Туркестаном частях Китая». Такое сотрудничество сослужило большевикам добрую службу в борьбе за влияние на многочисленное мусульманское население России.

В ходе советско-польской войны большевики успешно использовали антипольские настроения в Галиции. 17 июня 1920 г. член РВС Юго-Западного фронта Сталин послал в 1-ю Конную армию директиву «О поведении в занятых селениях и городах бойцов Конармии». В ней, в частности, предписывалось заключать в концлагеря поляков, в особенности помещиков и интеллигентов, являющихся «вернейшими агентами польских панов» и в то же время предлагалось бережно относиться к украинцам из Галиции независимо от их социального происхождения. «Внушите им, — указывал Сталин, — что, если угнетаемые Польшей галицийские украинцы поддержат нас, мы пойдем на Львов для того, чтобы освободить его и отдать галицийским украинцам, выгнать оттуда поляков и помочь угнетенным украинцам-галицийцам создать свое независимое государство, пусть даже несоветское, но благожелательное, дружественное к РСФСР. Это поднимет революционный дух галицийских крестьян в тылу у поляков и подорвет силы Польши». Такая тактика на какое-то время сработала. В сентябре 1920 г. председатель

Галицийского ревкома В. Затонский сообщал в ЦК РКП(б) о том, что «украинская часть населения Восточной Галиции на первых порах, не исключая даже интеллигенции и попов, принимали нас восторженно как избавителей от польского ига». Принцип «Разделяй и властвуй!» был успешно применен в том же 1920 г. на Северном Кавказе. Когда в октябре 1920 г. в Терской области вспыхнуло восстание казаков, их начали интенсивнее прежнего сгонять с собственных земель и заселять кавказцами и крестьянами из других губерний. И хотя в апреле 1921 г. ВЦИК РСФСР запретил дальнейшее выселение казаков, большевики успели депортировать из терских станиц 25 тыс. чел. В ходе этой акции в ноябре 1920 г. были образованы Дагестанская и Горская автономные республики. Более того, Сталин объявил о готовности Совнаркома признать в этих автономиях шариат «таким же правомочным обычным правом, какое имеется у других народов, населяющих Россию».

Особую дипломатическую гибкость большевики продемонстрировали зимой 1920/21 г. при советизации Закавказья. Летом 1920 г. ситуация в Закавказье предельно обострилась из-за того, что Турция начала войну против Армении, борясь за отмену Севрского договора 1920 г., согласно которому турки лишились так называемой Турецкой Армении. В ноябре 1920 г., когда турецкие войска захватили Карс и Александрополь, большевики оказались перед сложной дилеммой: с одной стороны – им импонировало то, что турецкие националисты во главе с Кемалем Ататюрком фактически вытесняли из Средиземноморья Великобританию; с другой – потворство Турции в войне против Армении было опасно, поскольку турки предъявляли территориальные претензии не только к армянам, но и Грузии, в частности на районы Артвина, Ардагана и даже на стратегически важный порт Батуми. 8 ноября 1920 г. на следующий день после взятия турками Александрополя, нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин телеграфировал находившемуся в то время в Закавказье Сталину о необходимости скорого вторжения в Армению для предотвращения «поголовной резни» армян турками и в Грузию, которая близка к тому, чтобы броситься «в объятия Англии». Однако Сталин избрал иную тактику. Дождавшись срыва переговоров Кемалю с проантантовски настроенным турецким султаном, он добился того, что турки продолжили успешное наступление против Армении.

В итоге дашнаки оказались в ловушке, будучи блокированными войсками Турции и Красной Армии. 1 декабря 1920 г., перед самым занятием Еревана советскими войсками армянский ревком получил приветственную телеграмму от турецкого командования.

По схожему сценарию была советизирована в феврале 1921 г. и Грузия. Грузинское правительство было напугано резким усилением влияния Турции в Закавказье и проводило политику «нейтралитета», от которой в конечном счете оно и пало. Сначала оно признало легитимность Советского Азербайджана (большевистский переворот, свершившийся там в конце апреля 1920 г., глава грузинского правительства Н. Жордания расценил так: «Если сам народ одобряет вторжение иностранной армии в его страну, то действия против этой армии были бы с нашей стороны нарушением прав данного народа»). Грузия добилась признания своей независимости со стороны Москвы в мае 1920 г. и в ноябре того же года отстранилась от всякой помощи истекающей кровью Армении в борьбе с турками и заключила выгодный торговый договор с Азербайджаном, согласно которому получала миллион пудов нефти ежемесячно. Когда дни Армении были сочтены, Н. Жордания стал искать пути более тесного сближения с Россией. 4 ноября 1920 г. полпред РСФСР в Грузии А. Шейнман докладывал на заседании Политбюро ЦК КП Азербайджана о том, что «линия на соглашение с Россией признана, очевидно, большинством правительства». Однако эту линию Н. Жордания не сумел провести в жизнь – 21 февраля 1921 г. войска грузинских большевиков и кадровые части РККА пересекли грузинскую границу. Два дня спустя это сделала и Турция, предъявив претензии на районы Ардаган и Артвин. 25 февраля большевики вошли в Тифлис. В марте 1921 г. между РСФСР и Турцией был заключен договор, по которому к Турции отошли Карс, Ардаган и Артвин. «Независимые» государства Закавказья исчезли с карты мира.

На западных же окраинах бывшей Российской империи большевиков преследовали систематические неудачи. Дважды в 1918 и 1919 гг. их изгоняли из Прибалтики. Сокрушительное поражение потерпела Красная Армия в войне с Польшей.

И тем не менее процесс возрождения единой страны стал необратимым – именно в 1921 г. в стане противников большевиков начали раздаваться голоса одобрения национально-

государственной политики Советской власти. Характерно и то, что эти голоса принадлежали представителям различных политических течений русской эмиграции. Так, идеолог сменовеховства Н. Устрялов заявлял о том, что «Россия должна остаться великой державой» и поскольку «советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром – во имя великой и единой России», постольку «при всем бесконечном различии идеологии – путь един». Тогда же бывший управляющий делами в правительстве Колчака Г. Гинс, отметил в своих мемуарах тот факт, что «в одном только большевизм и его враги сошлись... это в вопросе о единой России... Адмирал Колчак и генерал Деникин не могли найти общего языка с теми, кто проявил склонность к сепаратизму. Большевики, как интернационалисты, совершенно безучастно относящиеся к идее единой России, фактически объединили ее и почти уже разрешили проблему воссоздания России, направив ее развитие в новое русло».

Несмотря на значительные успехи в национально-государственном переустройстве России, большевики вскоре столкнулись с дезинтеграционными настроениями в собственных рядах. Камнем преткновения стал вопрос о новой форме объединения республик, послуживший причиной острых разногласий и даже конфликтов в верхушке компартии, что наиболее сильно проявилось при образовании СССР.

### Вопросы и задания

- Назовите истоки гражданской войны в России; укажите точки зрения отечественной историографии по этому вопросу.
- Какие социальные силы на разных этапах гражданской войны поддерживали «красных» и «белых»; какие факторы обусловили победу большевиков?
- Охарактеризуйте идеологию и лидеров «Белого дела». Каковы внутренние противоречия этого движения?
- Раскройте ленинскую установку на превращение страны в «единый военный лагерь»; назовите организационно-политические мероприятия большевиков по реализации ленинского плана.
- Охарактеризуйте противостояние на фронтах гражданской войны между большевиками, Колчаком, Деникиным, Врангелем (по выбору студента).
- Дайте оценку истоков, причин и хода крестьянских восстаний в годы гражданской войны; охарактеризуйте лидеров движения.

**Завершение  
формирования  
советско-авторитарного  
общества  
(Часть 1)**





### § 1. Социально-экономическое развитие страны в 1921–1927 гг.

**Условия  
и особенности  
перехода  
к нэпу**

Социально-политическое и хозяйственное развитие России в 20-е годы в значительной мере определялось наследием гражданской войны и военно-коммунистической политики. В историографии дискутируются вопросы – насколько совпадают понятия «система нэпа» и «режим нэпа», можно ли говорить об упущенном в 20-е годы историческом шансе социализма, и вообще, существовал ли нэп как историческая реальность, или он так и остался на уровне нереализованного замысла? Каково, в конце концов, место нэпа в общеисторическом процессе? Что представляла из себя новая экономическая политика – узкую антикризисную платформу или широкую программу строительства социалистического общества на базе товарно-денежных отношений? В оценке нэпа современниками также нет единства: одним виделась прямая генеральная линия восходящего развития, другие усматривали в нем тип ротационного, циклического движения или деградирующий капитализм. Нередко при характеристике нэпа выделяют черты уравнилельно-социалистического содержания. Таким образом, очевидна неподатливость нэпа как предмета исследования, но нэп состоялся и не может быть переработан или дополнен.

Провозглашение нового экономического курса советской власти зафиксировано в документах X съезда Российской коммунистической партии в период острейшего социально-экономического кризиса весны 1921 г., вызванного продовольственной разверсткой. По предложению В. Ленина делегаты приняли решение заменить продразверстку натуральным налогом и допустить обмен излишков крестьянского хозяйства на промышленные товары в пределах местного хозяйствен-

ного оборота. Однако историческое время нэпа пробило намного раньше марта 1921 г. Пересмотра отношений с крестьянством добивались авторы платформы РСДРП «Что делать?» (июнь 1919 г.), в 1918–1920 гг. неоднократно протестовали против крайностей проддиктатуры Л. Каменев, А. Рыков и Ю. Ларин (М. Лурье). Последний в январе 1920 г. получил поддержку III Всероссийского съезда народного хозяйства, но за ересь был выведен из состава президиума ВСНХ. В февралемарте 1920 г. ЦК РКП(б) отверг записку Л. Троцкого о введении натуралога и товарообмена. В недрах губпродколлегии Самарской, Северо-Двинской, Смоленской и других губерний, Кубани, Прикамья и автономии немцев Поволжья за год до нэпа вызревали проекты поощрения крестьянства за сдачу хлеба государству. С продовольственными органами конфликтовали коммунисты Тамбовской, Пензенской, Вологодской и других губерний. В дни уборки урожая 1920г. о сильном недовольстве земледельцев сигнализировали партработники армии, флота и ЧК. Много писем приходило в Москву из глубинки от рабочих и крестьян. 5 сентября 1920г. Н. Осинский в «Правде» призвал пойти на уступки крестьянству в вопросе о налоге. Меньшевики и эсеры – делегаты VIII Всероссийского съезда Советов от имени крестьянства внесли предложения о либерализации продовольственной политики в соответствии с пожеланиями деревни. Фактически продовольственные ресурсы целого ряда потребляющих регионов были на грани исчерпания еще в начале 1920 г., что являлось весомым поводом для резолюции, принятой только 15 марта 1921 г.

Переход к нэпу означал размежевание со старой политикой военно-коммунистического периода. Ленин отмечал, что нэп являлся новинкой только по сравнению со временем красногвардейской атаки на капитал. О попытке непосредственного введения коммунизма он говорил, что это была и ошибка, и в то же время проба и расчистка почвы для революционных преобразований. В начале 20-х годов, по его мнению, было важно подчеркнуть ее роль как ошибки, поскольку изживание допущенных просчетов имело практическое значение. Таким образом, революционная деятельность в первые годы советской власти представлялась политикой поисков, проб и ошибок при запоминании предшествующего опыта. При этом

Ленин неоднократно указывал, что многие важные мероприятия военного коммунизма были детерминированы обстоятельствами гражданской войны. Рассуждая на X съезде партии о доктринальных причинах кризиса, он все же подчеркнул, что непосредственный переход к социализму в принципе возможен при численном преобладании наемных рабочих промышленности и земледелия над другими слоями населения. Основные задачи нэпа виделись Ленину в том, чтобы дополнить завоеванную политическую власть экономической так, чтобы ничего из завоеванного не отдать, «настолько отпустить, чтобы было полегче», в короткие сроки увеличить количество продуктов и сбить волну антиправительственных выступлений. Призыв Ленина: «Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех» был положен партией в основу тактических решений. Благодаря этому нэп с самого начала складывался как живая подвижная политика, способная к изменению и развитию. Не было жесткого предопределения формы развития экономики, структура хозяйства часто менялась, «дышала», предприятия появлялись и исчезали, создавались новые связи и объединения. В ноябре 1921 г. Ленин с гордостью отмечал, что возможность «реформистского» перехода стала важным завоеванием российских коммунистов. В апреле 1922 г. Ленин вновь подчеркнул, что крайне важно «не связать себе (ни партии, ни соввласти) рук какими-либо предписаниями, директивами и правилами, пока мы недостаточно собрали фактов хозяйственной жизни на местах». Завоеванием новой экономической политики стал переход к решению будничных вопросов. О титаническом труде, проделанном директивными российскими органами, и направленности законодательной деятельности при переходе к нэпу свидетельствует перечень основных нормативных актов, принятых в первые месяцы 1921 г. Так, в марте были декретированы усиление единоначалия в наркоматах и ведомствах, отмена разверстки и определение размеров продналога, расформированы комитеты всеобщей трудовой повинности, в губерниях, выполнивших продразверстку, введены обмен, покупка и продажа сельхозпродуктов; установлены принципы концессионной деятельности; переподчинены гражданским органам трудовые армии. В апреле СНК и СТО (Совет Труда и Оборона) занимались реорганизацией потребкооперации в направлении пре-

одоления ее подсобного и подчиненного характера; введением сдельно-премиальной системы оплаты труда в соответствии с его производительностью и фактической сдачей промпродукции государству; выработкой положения о натурпремировании рабочих путем обмена части фабричной продукции на продовольствие (т.е. за счет долевого частного производства на общественных предприятиях); приведением норм трудового права в соответствие с условиями мирного времени; ликвидацией троек, пятерок и других чрезвычайных органов; организационно-агрономическими мероприятиями по борьбе с засухой и т.д. Даже такое краткое перечисление показывает, что во главу угла целенаправленно ставились сложные проблемы материального обеспечения и поддержки трудящихся, изживания атавизмов гражданской войны. На полное преодоление острого продовольственного и товарного кризиса отводились ближайшие два года.

Летом-осенью 1921 г. был восстановлен принцип платности услуг транспорта, почты, телеграфа и жилищно-коммунального сектора, начато возрождение местных бюджетов. В практику СТО и СНК вошло издание наказов о деятельности советских учреждений, проведении в жизнь начал нэпа и пр.

Переход от одного этапа революции к другому явился серьезным испытанием для Советской власти. После неурожая 1921 г. крестьяне почти без всякого насилия сдали по продналогу 1922 г. сотни миллионов пудов хлеба. В городах появились продукты, образовался задел для вывоза зерна за границу, определенную часть средств удалось сберечь для подъема тяжелой промышленности. Фабричные рабочие возвращались из деревень в города, остановилось сокращение численности рабочего класса. Реформы внесли в общество заметное успокоение.

Отчетливые признаки возрождения хозяйства сохраняли нэп в качестве лозунга дня. Процесс развития нэповских отношений обнаружил существование обратных связей потребителя с производителем, рабочих и крестьян — с властью. Жизнь поправляла любителей левой политики. После года нэпа Ленин без особой горечи заметил: «Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины.» Интонация Ленина понятна. Хотя рычаги управле-

ния и заедало, результаты были хорошие. Осенью 1922 г. нэп был легитимизирован — вступили в действие статьи Земельного, Трудового, Гражданского и Уголовного кодексов РСФСР. Ради этого русские коммунисты поступились основным положением теории марксизма о повсеместном уничтожении частной собственности, но зарезервировали за собой решающую командную высоту — крупную промышленность. Уже 12 августа 1921 г. было принято развернутое постановление о борьбе с разрухой в крупной промышленности. Разумеется, эта сфера экономики также претерпела значительные изменения.

**Допущение  
частнопосред-  
нической  
торговой  
деятельности**

Весной 1921 г. распределительные военно-коммунистические отношения планировалось заместить социалистическим товарообменом. Продналог узаконил наличие хлебных излишков в крестьянском хозяйстве и создал, таким образом, первоначальный рыночный фонд. С его помощью предполагалось получать от крестьянства 40–50 % товарного зерна. Продуктообменным операциям придавали большое значение. «Пока товары в твоих руках — ты держишь власть», — говорил на X съезде РКП(б) В. Ленин. Товарообмен в короткие сроки захватил всю страну. Особенно быстро он развивался в губерниях с крупными продовольственными излишками. К осени 1921 г. товарообмен ускользнул от государственного контроля и надзора и явочным порядком превратился в привычную населению куплю-продажу. После чего власть заявила об очередной уступке крестьянству. На самом деле, даже когда рыночные отношения стали бесспорным фактом повседневной жизни, в Совнаркоме рассуждали о том, нужен или нет республике такой аппарат как ведомство внутренней торговли. (Наркомат по внутренней торговле образован в мае 1924 г.). Частная торговля вернула в оборот деньги и реанимировала крупные центры реализации промышленной и сельскохозяйственной продукции. Весной 1922 г. вновь открылась Ирбитская ярмарка, ближе к осени возобновила работу Нижегородская. В Москве состоялась все-российская контрактная ярмарка, также способствовавшая установлению торговых связей центра с местами, выявлению спроса и предложения, заключению торговых сделок.

Тогда же в социальной структуре общества появился слой оптовиков и коммивояжеров. Крупные частные торговцы объе-

диняли разрозненные торговые легальные и подпольные капиталы, посредничали между производителями, взяли под свою крышу лоточников, разносчиков, палаточников и, в конечном счете, налаживали оборот между промышленностью и земледелием. Состав нэпманов отличался разнообразием. Прибыльное занятие привлекло бывших купцов, промышленников и чиновников, служащих советских учреждений, сколотивших капиталы в годы гражданской войны барышников, а также крестьян, красноармейцев и т.д. Во второй половине 1922 г. действовало около 13 тыс. крупных и средних оптовых фирм и предприятий, через год – около 19 тыс. В середине 20-х годов число крупных торговцев достигло 180 тыс. чел. Нэпман-оптовик активно включился в процесс ценообразования. Его коммерческий интерес работал как на повышение, так и на понижение цен. При затоваривании сбыт осуществлялся с убытками. Накладные расходы нэпманов в конце 1922 – начале 1923 г. укладывались в 5–7 % оборота против 18,2 – у кооперации и 28,6 % – у госторговли. Хозяйственное значение деятельности организаторов частной торговли существенно возрастало в связи с тем, что, во-первых, государственно-кооперативная торговая сеть была разрушена в годы гражданской войны и военного коммунизма, во-вторых, изменилась роль самой торговли в народном хозяйстве (доля торговли в национальном доходе, по данным ЦСУ за 1913–1924 гг., увеличилась с 8,3 до 21 %), удельный вес промышленности почти не изменился, сельского хозяйства и транспорта – снизился; в-третьих, операции оптовиков с червонцем поддерживали его устойчивость.

В июне 1921 г. в Саратове открылась первая советская товарная биржа, в конце года были зарегистрированы товарные биржи в Вятке и Нижнем Новгороде. В марте 1922 г. в РСФСР насчитывалось 24 товарные биржи, в начале 1924 г. – 96. Товарные биржи возникали даже там, где их не было до революции. Самой крупной была Московская биржа. Ее оборот в 1923 г. в 3,5 раза превосходил обороты остальных товарных бирж. В задачи биржевых торгов входило выявление и концентрация спроса на однородные сырьевые товары (хлеб, мясо, кожа и др.) и предложения, выравнивание их сезонных перепадов, упорядочение товарообмена и рыночных операций, публичная котировка цены и ее стабилизация, стра-

хование ценовых колебаний, регулирование запасов и наполняемости рыночных товаропроводящих каналов. Товарные биржи не были структурированы в систему государственных учреждений, функционировали на началах самоуправления на собственные средства и были объявлены общественными организациями. Между тем, среди членов бирж, по распоряжению ВЦИК и СНК, широкое представительство имели государственные промышленные и торговые организации, кооперативные учреждения. Даже внебиржевые их сделки должны были фиксироваться на биржах. Наиболее крупные договоры передавались на утверждение правительственных органов. Биржи пользовались ограниченными правами на выбор покупателя и согласование с ним цен продажи. В 20-е годы советские товарные биржи проделали путь от аппарата содействия сбыту до придатка административного механизма по регламентации сбыта и контролю производства.

<b>Состояние финансово-денежной системы в 1921–1922 гг.</b>	Осенью 1921 г. было объявлено, что интересы казны отныне являются интересами высшего государственного порядка. Их непосредственное выражение возложили на Наркомфин, в структуре которого был создан Государственный банк. Некоторое время экономика подпитывалась только продукцией печатных станков, натуральными сборами по разверстке и налогу, отчуждением фабрикатов национализированной промышленности, но эти поступления покрывали небольшую часть хозяйственных потребностей. С целью расширения источников доходов в 1921 г. легализовали частное предпринимательство, придали торговым сделкам широкий посреднический характер и упростили процедуру открытия торговых заведений, децентрализовали рынок, а также передали в частную собственность и аренду мелкие и часть средних предприятий, перешли к кредитованию производства и обмена под крупный залог, высокий процент и в короткий срок.
---	--

Иностранных капиталистов решили «приманить» концессионной политикой. Одновременно ужимали расходную часть бюджета: сокращали главки и штаты служащих, урезали затраты на военное ведомство, предприятиям предоставили «автономию» – сократили бюджетное финансирование заводов и совхозов, определили лимиты их госснабжения, сняли с государства ответственность за долги промышленности. На попе-

чение слабосильного местного бюджета перекладывались тяготы всего того, что находилось за рамками жизненных интересов пролетарского государства – школа, собес, культура, содержание низовых органов власти. После успешной денатурализации хозяйства на повестку дня была поставлена денежная реформа. Первоочередной стояла задача сокращения эмиссии. В 1917–1922 гг. количество выпущенных денег в тысячи раз превысило емкость товарного рынка. За пять лет революции бумажная денежная масса увеличилась в 54 370 раз и темпы инфляции постоянно нарастали.

Проработка денежной реформы впервые началась в мае 1918 г. Предполагалось менять небольшие суммы по номиналу, а все остальное возмещать держателям рублей только частью. Наркомфин И. Гуковский предлагал восстановить обеспечение денег золотом, однако правительство не обладало необходимыми запасами благородного металла. Весь золотой запас страны в октябре 1917 г. исчислялся в 1713 млн. руб. В России находилось всего 1 млрд. 101 млн. руб., остальное было депонировано за рубежом. Больше половины наличного золота (650 млн. руб.) захватили в Казани чехи и 241 млн. руб. были расхищены, израсходованы А. Колчаком или попали в распоряжение атамана Г. Семенова. 409 млн. руб. в январе 1920 г. были возвращены в Москву. Хозяйственное оживление и стабилизация рубля летом 1921 г. принесли свыше 20 млн. руб. прибыли золотом. Дополнительные поступления драгоценных металлов обеспечил декрет СНК от 31 октября 1921 г., который восстановил старательскую добычу на мелких месторождениях. Золотые запасы Совнаркома хорошо послужили преодолению финансового паралича и созданию твердой валюты. Тем более, что для экономических расчетов продолжали пользоваться ценами 1913 г. в золотых рублях. Существовали планы превратить в мерило стоимости товарный рубль, связанный не с золотом, а со средним курсом товаров, товарным индексом, ввести с 1 января 1922 г. «твердую учетную единицу» – тред (один нормальный день труда рабочего первого разряда), но под давлением рынка возобладала линия августовского (1921 г.) наказа СНК о проведении в жизнь начал нэпа на переход к денежному обращению.

Свои рецепты оздоровления экономики в мае-июне 1921 г. предложили опытный финансист дореволюционной России,



бывший министр земледелия и землеустройства в 1905–1906 гг. Н. Кутлер и известный банковский деятель В. Тарновский, также приглашенный на службу в Наркомфин. Их разработки легли в основу плана будущей реформы. В подготовке и осуществлении перестройки денежного хозяйства активно участвовали профессора Л. Юровский, П. Гензель, А. Соколов, З. Каценеленбаум, С. Фалькнер, Н. Шапошников. Вместе с ними работали бывшие министры Временного правительства – кадетские профессора Н. Некрасов и А. Мануйлов, бывший помощник министра А. Хрущов и др.

При разработке червонного обращения широко использовался отечественный дореволюционный и зарубежный опыт, в частности опыт австрийской банкнотной системы. Наркому финансов Г. Сокольникову, члену коллегии Наркомфина М. Владимирову, председателю правления Госбанка А. Шейману удалось организовать деятельность финансового ведомства таким образом, что даже недоброжелатели буржуазных спецов признавали НКФ самым умным советским комиссариатом с ясной хозяйственной политикой. Несомненно, что экономическая и кадровая политика Наркомфина выжила исключительно благодаря авторитетной поддержке председателя Совнаркома В. Ленина. Гиперинфляция осени 1921 г. подтолкнула к радикальным реформам.

<b>Денежная реформа 1922–1924 гг.</b>	На IV конгрессе Коминтерна В. Ленин справедливо заметил, что русский рубль можно считать знаменитым хотя бы потому, что количество рублей превысило квадрильон. Борьбе с нулями были подчинены все мероприятия денежной реформы 1922–1924 гг. Кратко замысел реформы состоял во временном сохранении советских денежных знаков и выпуске параллельной валюты в банковских билетах. Изменение формы денежного обращения имело задачи создать «твердый» рубль, поддержать ценность совзнака, дабы не снижать эмиссионные доходы казны, вытеснить из оборота иностранную валюту и десятирублевую царскую золотую монету. Совзнаку отводилась роль базового элемента червонных денег. До 25 % банковского обеспечения новых денег состояло из золота, других ценных металлов и иностранной валюты по курсу золота. Остальное гарантировалось заведомо ликвидными товарами, краткосрочными векселями и государственными обязательства-
---	---

ми. Декрет СНК от 25 июля 1922 г. устанавливал регулярную публикацию данных о размерах эмиссии «золотых банкнотов» и их обеспеченности. Погашение червонцами бюджетных расходов запрещалось. Важным достоинством выбранного варианта реформы была возможность ее проведения в короткие сроки. 28 ноября 1922 г. Госбанк приступил к операциям с первой партией червонных банкнот, которые сразу же заменили некоторые функции бумажных денег. Высокая купюрность (10, 25, 50 и 100 червонцев) определила сферу действия банковских билетов: обслуживание кредитных операций Госбанка, промышленности, оптовой торговли, применение в других крупных платежах. Первоначально червонец освоил городской, прежде всего столичный, торговый оборот и пополнил капиталы госсектора, и прежде всего — легкой промышленности. Чтобы довести червонец до потребителя, предприятия меняли банковские кредиты на рубли, вкладывали их в производство, полученный конечный продукт реализовался опять на совзнаки, а те, при возврате кредита, опять превращались на бирже или в Госбанке в червонцы.

Принятый порядок связал крупные массы бумажных денег и несколько стабилизировал старую денежную единицу. Впрочем, само рождение червонца изменило совзнак, так как сократилась бумажно-денежная эмиссия. В 1923 г. провели девальвацию совзнака. Деньги образца 1921 г. менялись по 1 млн. руб. за один новый рубль. Как ценная бумага, в которую помещали свободную наличность, червонец был товаром, отвлекавшим часть платежеспособного спроса, чем еще раз поддерживал падающую валюту, снизив темпы обесценивания совзнаков. Устойчивость новых денег поддерживалась искусственно. Подвижный текущий биржевой курс червонца снижал «вес» то одной, то другой валюты. Котировки совзнаков на червонцы, червонцев на золото, совзнаков и банкнот на инвалюту открывали государству перспективы игры на колебаниях курсов. В условиях госмонополии внешней торговли банкноты сохраняли стабильность относительно инвалюты и имели пониженную покупательную способность на внутреннем рынке. Все отечественные экспортеры в обязательном порядке размещали вырученную валюту на специальных счетах в Госбанке и обратно получали ее по заниженному курсу в червонцах. При импорте обменная операция

осуществлялась в обратном порядке. Тем не менее червонец улучшил условия привлечения в Россию иностранного капитала и способствовал закупкам импортных товаров.

Через год после появления параллельной советской валюты РСФСР охватила, по выражению наблюдателей 20-х годов, «золотовалютная инфляция»: приток иностранного золота поставил под сомнение устойчивость червонца. В середине 20-х годов червонец во всем уступал иностранной валюте. Реальный обменный курс в середине 20-х годов был в 1,5 раза ниже «твердого», покупательная способность – в два раза ниже, чем у английского фунта, с которым царская «десятка» была на равных. Котировки ограничивались некоторыми странами Прибалтики, Востока и Запада (Латвия, Эстония, Китай, Монголия, Иран, Италия). Недостаточной защитой от обесценивания обладал и совзнак, его положение ухудшалось. С 1922 по 1924 г. количество бумажных рублей в золотом рубле увеличилось с 12 до 50 000. Другими дефектами системы двух валют были выпадение из обращения банкнот, превратившихся в средство накопления, задержка совзнаков с низкой покупательной способностью в деревне. Последнее обстоятельство придавало реформе конфискационные черты. Розничные цены на сельхозпродукты были выгодны держателям червонцев. Курсовые потери крестьянства особенно выросли осенью 1923 г., когда рабочим стали выдавать зарплату червонцами. В ответ рынок завышал продовольственные цены, выраженные в совзнаках, минимум на 10–20 %.

К началу 1924 г. бюджетный дефицит был почти полностью подавлен. На очередь была поставлена задача ликвидации разменного кризиса. В феврале 1924 г. принимается постановление о выпуске государственных казначейских билетов номиналами в 1 руб., 3 и 5 руб. золотом, а также мелкой разменной серебряной и медной монеты. Гривенник серебром больше чем червонец убедил мужика, что жизнь постепенно налаживается. В марте-мае совзнаки, составлявшие 20 % денежной массы, были изъяты из оборота. 50 тыс. старых рублей обменивались на 1 руб. в казначейских билетах или в червонцах. В результате двух девальваций 1923 и 1924 г. один червонный рубль оценивался в 50 млрд. руб. совзнаками, т.е. население получило за каждый миллиард рублей по паре копеек. Денежная реформа завершилась ликвидацией

системы параллельных валют. Отказ от совзнака укрепил экономические взаимосвязи города и деревни, однако говорить о «смычке» рабочих и крестьян, до полного устранения ножиц цен на промышленные и продовольственные товары, было преждевременно.

**Частное  
предпринимательство  
в промышленности**

Важным системным признаком обновления экономической политики явилось возрождение частной промышленности в форме кустарно-ремесленных, арендных, акционерных и кооперативных предприятий. На них были заняты преимущественно владельцы промзаведений, члены их семей и артельщики. С лета 1921 г. частным хозяевам передавались в основном небольшие, полуразрушенные объекты, требовавшие больших затрат труда и капитала. В большинстве случаев советский частник не конкурировал с государственной экономикой, а дополнял ее. Несмотря на это, губсовнархозы и местные исполкомы стремились сузить предпринимательское поле, оставить за собой все предприятия, а не только лучшие. Особенно охотно предприятия передавались в аренду государственным организациям. Капиталистический сектор интенсивно рос в пищевой, текстильной, швейной, кожевенной, метизной и других отраслях индустрии. В отраслевом разрезе частник представлял заметную силу в маслостроительной, мукомольной и махорочной промышленности, переработке мясных субпродуктов, шерстостроительном производстве и др. В региональном отношении частнохозяйственный сектор имел узкие рамки. Примерно 70 % его оборотов приходилось на территорию РСФСР, в основном на центральные губернии. Предприниматели обеспечивали в 1922–1923 гг. 26 % общего промпроизводства, остальное давали национализированные фабрики и заводы. Значение частной промышленности далеко не исчерпывалось ее удельным весом в объемах выпуска фабрикатов. Она кормила и обеспечивала работой около 3,1 млн. чел., тогда как государственная – 1,66 млн. чел. при более низких заработках. «Хозяева» редко имели более трех наемных рабочих, выбирали краткосрочные патенты и эксплуатировали старое, изношенное оборудование в приспособленных помещениях. Тем не менее, в отличие от трудовых артелей и госорганов, они исправно платили налоги, тратились на поддержание производства и всемерно сокращали накладные расходы. Политика вытеснения

частного сектора из индустрии (с конца 1923 г.) и усиления контроля за ним вызывали нежелание предпринимателей использовать свои накопления на развитие и расширение производства. В результате восстановления частной промышленности так и не произошло. Всего в 1924–1925 гг. в стране насчитывалось 325 тыс. частных промзаведений. Их владельцы испытывали постоянный пресс предельно монополизированной государственной экономики.

**Трестирование государственной индустрии** Рождению «ненастоящего нэпа» (выражение Г. Зиновьева) способствовало безудержное трестирование-синдицирование крупной промышленности. Оно началось в июле 1921 г. По инициативе известного российского специалиста льняного дела бывшего барона Нольде и при активной поддержке В. Ленина ВСНХ создал первый советский хозрасчетный трест «Льноуправление», объединивший 17 фабрик Костромского и Муромского районов с числом рабочих свыше 20 тыс. чел. Мануфактуры «Льноуправления» обеспечивались сырьем и топливом в первую очередь. Новая форма хозяйствования позволяла оперативно приступить к возрождению промышленности и значительно облегчала процесс ее регулирования. В конце 1921 г. в промышленности ВСНХ было уже 23 треста, в том числе 9 – в текстильной отрасли. Через год действовали 52 текстильных треста, общее количество трестов достигло четырех сотен. На трестированных предприятиях работало около одного миллиона рабочих. Наиболее интенсивно трестировалась пищевая и металлургическая промышленность. Принятый принцип горизонтальной интеграции без отбора наиболее устойчивых производств привел к быстрому распылению и проживанию капитала в промышленности, как говорили в 20-е годы, «разбазариванию фондов». Вторая попытка запустить механизм трестирования относится к весне 1923 г. Декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» наделил производителей правом самостоятельно заботиться о снижении расходов предприятий и увеличении доходов, налаживать взаимовыгодные рыночные связи, сохранив за ними роль приказчиков при государственной собственности и хозяина собственных долгов. Сильной стороной трестовского законодательства явились эластичные нормы, не содержавшие детальной зависи-

мости хозяйственного поведения сторон, в частности, треста и фабрики, треста и государства. Чтобы не повторять просчеты первых лет нэпа, от трестов отсекались слабые простаивающие предприятия, из сферы коммерческого регулирования выводились бездоходные предприятия военпрома, коммунального хозяйства, некоторых непроизводственных отраслей и строительство. Декрет допускал многочисленные и неоднозначные по смыслу законодательные изъятия и коррективы, из-за чего некоторые «хозрасчетные» установки правительства превратились в 20-е годы в исключения. Правилom же становились вмешательство ВСНХ в текущую хозяйственную деятельность предприятий, принудительные цены, отрыв производителей от покупателей, покрытие убытков трестов при занаряживании продукции в пределах бюджетных назначений и других потерь дотациями или долгосрочными госзаймами, включение с 1924 г. в особо оберегаемый государством единый промышленный фонд не только основных, но и оборотных капиталов. Большая часть дохода трестов являлась добычей Наркомфина, остальное директивно распределялось через ВСНХ. 60 % средств, предназначенных для развития производства, тресты должны были держать в государственных процентных бумагах.

В середине 20-х годов на смену 71 главку «военно-коммунистической» России пришли 79 общесоюзных трестов. В республиканском подчинении находилось около 90 трестов, более мелкие предприятия были сгруппированы в тресты, финансировавшиеся из местного бюджета. Таких было около 300. Фабрики и заводы входили в состав трестов на правах цехов. Фактически государственные хозрасчетные тресты обобществили целые подотрасли промышленности и значительно ограничили размеры имущества, которое могло попасть в руки нэпманской буржуазии. С образованием трестовской системы в народном хозяйстве несколько снизилась острота проблемы обеспеченности индустрии руководящими и инженерно-техническими кадрами. В целом найденная схема управления промышленностью оказалась устойчивой.

**Синдицирование трестов и предприятий**      Безудержная погоня трестов за прибылью и кризис сбыта 1923 г. подтолкнули государство к «зажиму» коммерческой деятельности национализированной промышленности. Многие рыночные функции передавались торгово-заготовительным синдикатам. В середине 20-х годов 21 синдикатское объеди-

нение почти полностью охватило рынок промтоваров. Синдицирование шло и самостоятельно, по инициативе производителей, и принудительно, под давлением государства, но во всех случаях — с ограничением хозяйственных функций трестов и рыночной конкуренции. Образованные ведомственными актами синдикаты не наделялись правами юридического лица, хотя пользовались ими очень широко. Одним из первых крупных синдикатов был знаменитый Всероссийский текстильный синдикат под руководством В. Ногина, регулировавший деятельность всей отрасли. По мере того, как синдикаты втягивали в свой оборот все более крупные капиталы, овладевали сбытом, снабжением, кредитованием трестов, политика лимитирования синдикатской деятельности сменилась в 1925 г. мерами поддержки торговых организаций госпромышленности. В результате последние приобрели распорядительные функции, стали формировать потоки оборудования, сырья, денег, определять планы и номенклатуру производства трестов. Синдикаты получили права привилегированных юридических лиц, разграничили между своими членами районы действия. Промышленники сопротивлялись внешнему диктату, местные тресты разнообразной специализации объединяли капиталы в независимые от синдикатов «пайторги», предлагали рассиндицировать промышленность. Сбросить путы жесткой централизации хотели и другие участники производства. Директора фабрик и заводов выступали за восстановление хозрасчетных договорных отношений с трестами. Новый закон о трестах 1927 г. вводил в круг хозрасчетных организаций предприятия, которые раньше входили в тресты на положении цехов, сами тресты должны были получить расширенные полномочия по отношению к органам ВСНХ. Переустройство трестов в конце 20-х — начале 30-х годов освободило их от задолженности бюджету, резервных капиталов, доходов по государственным ценным бумагам. Отчисления казне из реально полученной прибыли уступили место изъятиям по расчетным показателям плановой прибыли. Тарифная реформа 1928 г. сблизила оплату простого и квалифицированного труда. В феврале 1930 г. реорганизация госпромышленности резко сократила общее количество трестов и изменила их статус, поставила во главе индустрии 26 всесоюзных отраслевых объединений, созданных на базе синдикатов.

**Особенности восстановления промышленности** Особенностью развития нэповской индустрии были высокие темпы подъема отраслей: 1) лучше других сохранившихся в годы войны и революции; 2) насыщенных крупными производствами; 3) имевшие обветшавшие производственные фонды и застигнутых на переходе от преимущественно ручной к механической технологии. Из всего национализированного промышленного производства государство в начале 20-х годов сумело самостоятельно эксплуатировать только треть предприятий. Общее положение промышленности усугублялось глубоким топливным, хлебным и транспортным кризисом. При большом рыночном спросе на товары массового потребления, государство вкладывало основные средства в ремонт старых предприятий добывающих отраслей и отраслей, выпускавших другие средства производства.

Центром приложения сил являлись самые сильные предприятия и наиболее крупные рудники. Дефицитное государственное финансирование обеспечивало лишь малую долю неотложных нужд тяжелой индустрии. Первые шаги фабричного хозяйства в условиях мирного времени подкреплялись прежде всего внутренними ресурсами промышленности, накопленными в дореволюционной России. В 1921–1923 гг. промышленность быстро утрачивала капиталы в виде оборотных средств и производственных фондов. Возник кризис «проедания фондов». Этот процесс прекратился только в середине 20-х годов. Хозяйственное возрождение сдерживалось низким платежеспособным спросом на продукцию промышленности, нехваткой хлеба и топлива. В 1922 г. механические заводы были загружены в среднем на 30 % мощности, в том числе заводы Питера – на 11 %, Москвы – на 40 %. Многие крупные предприятия Петрограда и Москвы работали в убыток и в соответствии с линией на концентрацию промышленности и ограничение расходов бюджета должны были быть закрыты. Тем не менее по распоряжению ЦК РКП(б) Путиловский завод, сокративший в 1913–1922 гг. численность рабочих более чем в 20 раз, получил новые заказы.

Крупным достижением экономики была минерализация топливного баланса, выведение из промышленного оборота дровяного припаса, который замещался дешевыми низкосортными углями и торфом. Изношенная рудная база сразу



перешагнула через этап доразведки старых и подготовки новых месторождений и обратилась к стадии промышленной разработки. Металлургия сбросила «вес» по многим показателям, но ускоренно росла выплавка высокосортных сталей для машиностроения. А эта отрасль, в свою очередь, утратив широту номенклатуры выпуска, обратилась к изготовлению машин и механизмов, завозимых по импорту. Фабрики и заводы советской постройки обеспечили в 1928–1929 гг. всего 4 % валового промышленного производства. В 20-е годы тяжелая промышленность увеличивала свою долю валовой продукции и несла в себе противоречивые черты, являлась одновременно и локомотивом, и балластом всей хозяйственной политики.

**Концессионная политика** Декрет о концессиях был принят 23 ноября 1920 г. и являлся прямым заимствованием опыта русского капитала. Предусматривалось возобновление части старых концессий, акционирование северной лесодобычи по проекту министерства земледелия до революционной России, широкое привлечение иностранного капитала к финансированию энергостроительства. На концессии возлагались задачи предотвращения военных столкновений с капиталистическими государствами, возрождения индустриальной базы страны, улучшения положения рабочих и крестьян, организации контроля за капиталистами. «Каждая концессия, – говорил Ленин в апреле 1921 г., – будет новой своего рода войной, войной в смысле войны экономической, перенесением войны в другую плоскость». Количество концессий росло медленно (в 1921 г. – 5, в 1922 – 10, в середине 1923 г. – 32). Неразвитость концессионного законодательства, ущемление прав искателей высокими обязательствами, политическая подозрительность, ограниченные ресурсы квалифицированных кадров, сырья и полуфабрикатов затормозили привлечение иностранного капитала в Советскую Россию. Большое сопротивление концессии встретили со стороны крайне монополизированной государственной промышленности и торговли – трестов, синдикатов и торгов. Из-за быстрых темпов восстановления промышленного производства собственными силами (около 150 % ежегодно в 1921–1924 гг.) и золотовалютных поступлений периода денежной реформы, интерес советских учреждений к концес-

сиям заметно упал. Посредником между концессионерами и ведомствами выступал Главконцеском при СНК, созданный в марте 1923 г. Вместе с тем, ряд ведомств и территориальных органов управления (ВСНХ, Наркомзем, совнархозы и др.) имели собственные концессионные комитеты (секретариаты, комиссии, арендно-концессионные отделы) для обслуживания отраслевых и местных нужд. В. Ленин в январе 1923 г. и И. Сталин в декабре 1925 г. отмечали, что концессии значительного развития не получили. Минимальное продвижение концессий определялось пределами нэпа. Максимальная осторожность при сдаче концессий временами была вполне оправдана. Обстановка товарного голода манила в Россию искателей спекулятивных прибылей. Часть претендентов не владела навыками промышленной деятельности и достаточным капиталом для реконструкции предприятий, некоторые заезжие фабриканты были подставными лицами и финансировались российскими нэпманами. Участие государства определялось стратегическим значением отрасли. Принципиально концессионный капитал не допускался в нефтедобычу, металлургию, железнодорожный транспорт, судостроение, радиотехнику и т.д. (исключение — японская нефтяная концессия на Сахалине).

Второй этап концессионной политики связан с хозяйственными затруднениями 1924–1925 гг., исчерпанием основных фондов дореволюционной промышленности. Внешняя торговля с 1924 по 1927 г. велась с убытками, сбережения населения были в 16 раз меньше уровня 1913 г. Все это заставило обновить концессионные планы. В мае 1926 г. концессионерам были предоставлены льготы на сооружение фабричных корпусов, жилых домов и других объектов. В 1925–1929 гг. впервые можно было сказать, что концессии — это новые высокооплачиваемые рабочие места и подготовка квалифицированных кадров, современная зарубежная техника и передовая организация производства, пополнение валютного резерва страны и укрепление международного положения СССР, подпитка товарного рынка и первоочередное исполнение правительственных заказов по себестоимости и др.

На базе анализа свыше 1,6 тыс. предложений, к 1927 г. было заключено 172 концессионных соглашения, действовало же всего 65 концессионных предприятий, в основном на окраинах страны и в отраслях легкой индустрии. Среди наи-

более крупных концессий 20-х годов были «Лена-Голдфилдс» (Англия), добывавшая 20–30 % всего золота на территории СССР, американская концессия Гарримана (35–40 % добываемого в СССР марганца), британская фирма «Тетюхе майнинг», выпускавшая свыше 60 % серебра и свинца.

Компания «Алмерико» наладила выпуск дефицитных недорогих карандашей и стальных перьев и полностью удовлетворила внутренние потребности, около 20 % своей продукции вывозила в Англию, Турцию, Персию, Китай. На паях с государственным трестом «Северолес» заготовкой высококачественной древесины и вывозкой леса на своих судах занимались голландские, норвежские, английские и финские фирмы. Шведские компании «СКФ» и «АСЕА» организовали выпуск подшипников и электродвигателей. Советско-американское смешанное общество «РАГАЗ» наладило производство сжатых газов и автогенной аппаратуры, помогло построить и оборудовать несколько кислородно-ацетиленовых заводов. Наряду с концессионными соглашениями в «чистой» и «смешанной» формах заключались концессионные договоры о технической помощи.

В зависимости от размеров концессионные предприятия делились также на производства республиканского или местного значения. Доходы последних целиком направлялись на укрепление местных бюджетов. В целом вклад концессионеров в укрепление госбюджета был весьма скромным.

В конце 20-х годов концессионные предприятия обеспечили государству доход в 4–20 млн. руб. Удельный вес концессионной продукции находился в пределах одного процента (в горной промышленности – 3 %). На концессионных производствах было занято 20 тыс. чел., т.е. 1 % советских рабочих.

<b>Проблемы сельскохозяйственной эволюции и переход к нэпу</b>	<p>Российское сельское хозяйство 20-х годов отягощалось тяжелым наследием.</p> <p>Глубокую деформацию деревенская экономика претерпела во время гражданских распри 1917–1920 гг. Почти предельной черты достигла натурализация крестьянского хозяйства. Общее сокращение посевной площади России против довоенного уровня измерялось примерно в 40 %. Особенно велики были потери на Северном Кавказе и в российском Черноземье, где пашня</p>
--	--

уменьшилась более чем наполовину. Продовольственные культуры вытесняли непродовольственные, зерновые продовольственные культуры вытесняли картофель и другие продовольственные незерновые, из зерновых культур с полей вытеснялись кормовые, в свою очередь, среди хлебно-продовольственных и кормовых культур вытеснялись высокорыночные пшеница и ячмень. Вместо них засеивались рожь, овес и другие культуры. Невероятный упадок испытывало производство таких ценных и трудоинтенсивных культур, как лен и конопля. По 16 нечерноземным губерниям их посевы в 1917–1922 гг. сократились примерно на 70 %. Набрала силу тенденция к исчезновению травосеяния, которое уменьшилось на 80 %. Распад животноводства коснулся прежде всего молодняка, утрачивались возможности ремонтировать стадо. Почти совершенно погибло тонкорунное овцеводство, повсеместно сворачивалась переработка сельскохозяйственной продукции. Хозяйство перестроилось на натурально-потребительский экстенсивный тип. Эволюция 1914–1920 гг. во многом детерминировала хозяйственную политику в деревне в эпоху нэпа.

**Начало  
нового этапа  
аграрной  
политики.  
Земельный  
кодекс 1922 г.**

После завершения гражданской войны перед деревней стояла задача возрождения сельскохозяйственного производства в довоенных масштабах. Однако засуха 1921 г. нанесла новый удар по сельскому хозяйству. Голод поразил 28 губерний с населением свыше 36 млн. чел.

Бедствие охватило почти половину населения РСФСР. Были приняты неотложные меры по спасению голодавшего населения, развернута подготовка к следующей посевной. С 1922 г. упадок производительных сил прекращается и возрождаются позитивные тенденции – растет производство и товарность, появляются накопления в крестьянском хозяйстве.

30 октября 1922 г. IX съезд советов РСФСР принял Земельный кодекс. По новому законодательству прекращались обязательные поравнения земель между волостями и селениями, ограничивались внутриселенные переделы, за крестьянами закреплялись угодья, выделенные им в трудовое пользование. Отменялся закон о социализации земли. Передача прав на землепользование арендаторам разрешалась только беднейшему крестьянству в случае болезни, стихийных бедствий, призыва в армию и т.д. Кодекс устанавливал свободный вы-

бор форм землепользования, будь то общинная, участковая или товарищеская (коллективная). Это было уступкой земледельцам почти трети губерний РСФСР с традициями хуторского и отрубного землепользования. Свод земельных законов также регулировал оборот госземимуществ и городских земель, устанавливал основы землеустройства и землепользования, нацеленные на развитие индивидуального крестьянского хозяйства и общий экономический подъем деревни.

Были закреплены принципы национализации земли и наделение крестьян угодьями по трудовой норме. Кодекс устанавливал четырех субъектов права на одну и ту же землю — государство; земельное общество; крестьянский двор или сельскохозяйственный коллектив; отдельных граждан.

**Аграрное перенаселение** В деревне усиливалось аграрное перенаселение, особенно в губерниях с высокой распаханностью земли и большой плотностью населения как, например, в Центральном Черноземье, где в среднем на десятину пашни приходилось 78 чел. (в Орловской губернии даже 97 чел.). Изъятие земли из торгового оборота задерживало крестьянина в деревне, хотя земля была не способна поглотить весь наличный труд. Войны и голодовки разрядили плотность населения России и даже в самых трудоизбыточных районах она не достигла дореволюционного уровня. Тем не менее количество лишних рук в сельской местности непрерывно росло. По данным ЦСУ, в 1924–1925 гг. земледельческое население насчитывало 114 553 тыс. чел., тогда как неземледельческое всего 25 316 тыс. чел. При ежегодном приросте в 1,5 % (после войны прирост поднимался и до 2,5 %) население деревни увеличивалось более чем на 1,5 млн. душ, а промышленность за эти два года поглотила только 150 тыс. чел. излишнего населения деревни. Около 50 тыс. сельчан попадало в городах на биржи труда. Наркомтруд исчислял в городе 1300 тыс. безработных, из них 30 % были выходцы из деревни. Наряду с развитием индустрии мощным фактором преодоления аграрного перенаселения было землеустройство и связанная с ним интенсификация хозяйства. Так, переход от трехполья к пятиполью с клином льна увеличивал потребность Смоленской губернии в рабочей силе за 1924–1925 гг. на 10 %.

В землеустройстве 20-х годов четко выявились две ведущие черты — закрепление и оформление социалистических имущественных отношений, с одной стороны, и установление режима устойчивого крестьянского землепользования, с другой. После голода 1921 г. удельный

вес в 1922 г. группового землеустройства снизился с 71,5 % до 54,9 %, тогда как единоличного возрос с 6,4 % до 10,4 %. Акцент землеустроительных работ был перенесен с межселенного землеустройства на внутриселенное. Землеустройство под хутора и отруба по размерам в 2,3 раза превосходило колхозное. Наркомзем взял курс на поощрение коллективных форм использования угодий и сворачивание хуторских разверстаний. В итоге землеустройство сельских обществ с общим севооборотом в 1923–1927 гг. ускорилося более чем в два раза, доля землеустраиваемых хуторских и отрубных хозяйств упала с 5,3 до 2,9 %. Вместе с тем уже с начала 20-х годов колхозное строительство перемещалось с бывших помещичьих земель Центра и Северо-Запада РСФСР на наделные крестьянские земли южных и юго-восточных районов. Одновременно в 1923–1927 гг. началась проверка прав на землю бывших помещиков и лишение их землепользования. К концу периода у бывших земсобственников было изъято 38,6 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в среднем по 9,4 га у каждого бывшего помещика, подлежавшего выселению. Примерно 60 % изъятых земель поступало в трудовое пользование, около 30 % записывалось в госземимущество и выделялось советам на общественные надобности. Государство оказывало поддержку коллективным хозяйствам и к середине 20-х годов около 60 % колхозов были землеустроены. Однако в 1925–1928 гг. развитие колхозного движения остановилось у рубежа в 21,9 тыс. колхозов, объединявших 1,2 % крестьянских хозяйств, причем летом 1927 г. уровень коллективизации временно снизился на одну треть. Темпы землеустройства наделных земель были намного ниже, чем в коллективах. На завершение землеустройства крестьянских полей в 1925 г. планом отводилось 10–12 лет, реально же эта работа могла быть завершена в течение 20–25 лет. В 1927 г. многопольные севообороты были внедрены лишь на 11 % пахотных земель, остальное приходилось на трехполье. Во многом

это объяснялось дороговизной землеустроительных работ и неподготовленностью земельных органов к проведению разверстаний.

Значительная часть бедноты из-за недостатка средств снимала свои заявки на землеустройство, в 1924 г. из плана исключено 12,5 % площадей, предназначенных к землеустройству. Более крепкая часть хлеборобов не могла землеустроиться и подолгу ждала своей очереди, поскольку не хватало технических работников. С 1925 г. были увеличены государственные ассигнования на землеустройство, расходы беднейшего крестьянства на эти цели были взяты на госбюджет, снижены ставки ссудного землеустроительного кредита и увеличены сроки кредитования, намечены меры по подготовке специалистов-землеустроителей. Масштабы землеустройства выросли, устранялись чересполосица и мелкополосица, ликвидировалось дальнотемелье, большие села расселялись на поселки. Чаще всего землеустройство осуществлялось по классовому признаку, в условиях острой борьбы за лучшие участки. В середине 20-х годов только около трети разверстаний завершалось компромиссом. Практически повсеместно после землеустройства разворачивались длительные судебные тяжбы из-за нарезки худших земель, нарушений уравнительности по качеству земельных отводов, вклиниваний в крестьянские наделы совхозных и колхозных участков или полос других общин. Нередко землеустроительные работы и общинные переделы приводили к срывам посевной, в отдельных волостях из-за земельных споров до 38 % озимого поля оставалось незасеянным.

<b>Особенности развития крестьянского хозяйства в 20-е годы</b>	Важной предпосылкой развития землеустройства и улучшения землепользования являлось быстрое восстановление крестьянских хозяйств со значительными денежными поступлениями, втянутыми в товарно-денежные отношения. Выделение этой группы носило не столько характер классового расслоения, сколько отражало имущественную дифференциацию внутри крестьянства. Даже в 1927 г., когда количество хозяйств предпринимательского типа достигло своего пика, их доля в общей численности сельских дворов равнялась всего 3,9 %. Происходило размывание бедняцких слоев – одни земледельцы переходили в средние группы крестьянства,
---	---

другие пролетаризировались. Почти исчезли беспосевные хозяйства, количество малоземельных сократилось в 2,5 раза, истончался слой крупнопосевных дворов. Основные силы крестьянства переливались в группу хозяйств с засевом 5–9 дес. Отмечая нездоровую основу этого процесса, известный русский аграрник Н. Макаров характеризовал классовые изменения в среде крестьянства как «взбухание» середняцкой прослойки, которая выросла за 10 лет Советской власти втрое. Другой выдающийся экономист Н. Кондратьев также предостерегал от переоценки глубины дифференциации крестьянства. «Наше сельское хозяйство, — отмечал он в 1926 г. — в общем еще настолько примитивно и бедно, насколько исчерпывается сплошной однородной необъятной массой распыленных и слабосильных хозяйств, что на основе этой ошибки легко находить кулаков там, где имеет место здоровый, энергичный слой крестьянских хозяйств с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением». Единичное крестьянское хозяйство во второй половине 20-х годов оставалось относительно слабым и неразвитым, полунатурально-потребительским. В 1927 г. из 24–25 млн. крестьянских дворов на каждый приходилось: примерно 5–6 едоков, из которых двое-трое были работниками, до 12 дес. земли, включая 4–5 га посевов, лошадь и одна-две коровы. Сельхозинвентарь был не богат: плуг, а то и соха, деревянная борона, серп и коса. Жнейки и другие сельхозмашины имели лишь 15 % единоличников, а набор сельхозмашин имелся всего лишь у 1–2 % крестьянских хозяйств. Урожайность обычно не превышала 7–8 центнеров с гектара, товарность колебалась у отметки в 20 %. Каждый занятый в сельском хозяйстве, кроме себя, мог прокормить только одного человека. Правда, «довольствие» крестьян по мясу, молоку и другим продуктам животноводства осуществлялось по более высоким нормам потребления, нежели до революции. В последние годы нэпа (1925–1928 гг.) поголовье скота ежегодно увеличивалось примерно на 5 %. В целом крестьянское хозяйство в 20-е годы далеко не исчерпало потенциала своего развития и при благоприятных социально-экономических условиях могло прибавить к своему валовому производству около 25 %. Определенный оптимизм порождал в оценках будущего 1926 г. — самый хлебный год за весь послереволюционный период, когда было собрано 116,4 млн. центнеров зерна.



Крестьянское хозяйство медленно подтягивалось к показателям 1913 г. Десятилетие Октябрьского переворота российское сельское хозяйство встречало с измельченными крестьянскими владениями, низким валовым доходом и ограниченной товарностью. Треть крестьянских хозяйств не имела достаточных средств производства – 28,3 % дворов хозяйствовали без рабочего скота, а 31,6 % – без пахотного инвентаря. Ежегодные приросты посевного клина с 1924 г. неуклонно сокращались, общий размер посевных площадей в 1927 г. (105,5 млн. дес.) был меньше дореволюционного (109 млн. дес. в 1913 г.). С 1928 г. рост посевов прекратился и началось сжатие площади засеваемых участков. Угодья использовались хуже, чем до войны: удельный вес земли под арендой снизился в 2,7 раза, доля хозяйств-арендаторов земли уменьшилась в 4,6 раза. Ограничение найма рабочей силы привело к умножению объемов неиспользованного труда. В целом по оснащенности инвентарем, постройками, наличию рабочего скота среднее крестьянское хозяйство РСФСР находилось на уровне 60–80 % от показателей 1913 г.

**Налоговый  
режим в деревне  
20-х годов**

Как отмечал В. Ленин, стояла дилемма, каким будет социалистическое хозяйство: на почве рынка или против этой почвы? Налог на сельских хозяев 1918 г. имел натуральную форму,

устанавливал личную ответственность каждого плательщика, предоставлял льготы слабым. Размер налога был прямо пропорционален количеству земли и скота и обратно пропорционален числу едоков. Как средство фиска и орудие революционной политики налог носил классовый характер, вводил высокую прогрессию обложения для крепких хозяйств и был непереложим на другие слои населения. Отсутствие твердых ставок оставляло власти возможность маневра при определении общих размеров изъятия.

Основной задачей сельскохозяйственного налога осени 1918 г. было создание надежного источника пополнения государственных ресурсов, восстановление индивидуального крестьянского хозяйства и его экономическое регулирование государством. Эти принципы легли в основу продовольственного налога 1921 г. Вместе с тем в налоговой практике совмещался старый разверсточный принцип налогообложения по губерниям, уездам и т.д. и новый, нэповский принцип, устанавливавший довольно ограниченный круг объектов обложения. Пла-

тежи устанавливались по земле и едокам в зависимости от урожайности, определявшейся директивно. Общие размеры продналога на 1921–1922 гг. устанавливались почти в два раза ниже уровня продразверстки. Прежде всего это касалось основных продуктов – хлеба, картофеля и масличных семян. По другим видам сборов (мясо, молоко, яйца, сено и др.) процент изъятия был выше. Общее уменьшение объемов взывания продовольствия объяснялось несколькими причинами. Во-первых, ведущие зерновые районы страны переживали тяжелое хозяйственное положение в связи с засухой. Во-вторых, сборы зерна по разверстке редко превышали 40–60 % от заданного. В-третьих, отсутствовала система взывания продналога. В-четвертых, предоставление земледельцам права свободного распоряжения излишками своей продукции создавало экономические стимулы для расширения запашки. Продовольственный налог носил всеобщий характер, т.е. его должны были платить все хозяйствующие на земле субъекты, включая колхозы, совхозы и бедняцкие крестьянские хозяйства. Несмотря на то, что государство пыталось диктовать планы весеннего засева, запретило частный оборот земли, ограничило наем и аренду, ввело суровые наказания за неуплату налога, многие обстоятельства складывались в пользу крестьянства. В частности, не был налажен учет земли и крестьяне обрабатывали на 10–25 % земли больше, чем за ними числилось. Губернские налоговые органы летом 1922 г. были сформированы едва ли наполовину и в российской глубинке месяцами не видели податных инспекторов. Вплоть до мая-сентября 1922 г. существовало благоприятное для деревни соотношение цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Вместе с тем сбор недоимок по налогу часто приводил к конфликтам и волнениям среди крестьянства. Недовольство проявлялось в затяжной сдаче продовольствия, отказе от получения окладных листов, нежелании обрабатывать пустующую землю.

Унификация налоговой системы в марте 1922 г. потребовала перехода к единому сельскохозяйственному натуральному. Замена 14–18 видов налогов одним придавала налоговой системе необходимую стройность, защищала крестьянина от произвола местных властей. При этом единый натуральный, выраженный в условной единице – пуде ржи, оставался методом принудительного отчуждения сельхозпродуктов,

сдерживавшим рост рыночного хозяйства. Единый натурналог способствовал развитию отраслей с наибольшей доходностью, повышению товарности сельского хозяйства и его специализации. Понятно, доверия к налогам не прибавилось. Тем более, что единый натуральный налог сохранял свой главный недостаток — он оставался ярмом. Экономист А. Вайнштейн подсчитал, что в 1922–1923 гг. налоговое бремя на крестьянина без учета эмиссии было в полтора-два раза выше, чем до первой мировой войны. По мнению специалистов Наркомзема, чрезвычайная прогрессия ставок сельскохозяйственных налогов в 1922–1924 гг., достигавшая десятикратного разрыва, противоречила потребностям сельского хозяйства. Податные возможности крестьянства подвергались предельной нагрузке.

При общем падении доходности сельскохозяйственного производства каждый процент налога давил сильнее прежнего. У крестьянства сохранялась неуверенность в завтрашнем дне, от чего налог воспринимался гораздо тяжелее. На 1923 г. пришелся пик налоговой нагрузки на деревню. Возникли ножницы цен на городские и сельские товары, основная часть натурального налога изымалась в первые месяцы после уборки урожая, усиление экономического давления на кустарей отразилось на материальном положении крестьянства. Налоговые органы продолжали манипулировать с размерами налога, вручали окладные листы не в феврале, как при старом режиме, а в августе, т.е. осуществляли обложение по текущему урожаю. Дополнительные потери вызывал натуральный характер налога. В мае 1923 г. крестьянство освободили от обязанности вносить платежи государству в натуральном виде, в 1924 г. натурналог переведен в денежную форму. Исчезает понятие продналог, ему на смену пришел единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН). Второй съезд советов СССР (1924 г.) постановил максимально приблизить ЕСХН к подходящему налогу, а значит — усилить обложение экономически мощных хозяйств. В соответствии с этим решением ЦИК отказался от земледельческого характера обложения крестьян (т.е. принципа «нет посева — нет налога») и установил сельхозналог пригородным хозяйствам, промышленявшим мясом и молоком. Таким образом, животноводство объявлялось самостоятельным источником обложения. В рамках ЕСХН начинается быс-

трый охват льготами безлошадных и малоземельных хозяев. Если в 1923–1924 гг. льготами за бесхозность пользовались 2 % крестьянских хозяйств, то в 1924–1925 гг. – в 10 раз больше. Принцип всеобщности обложения также нарушался 10–25 % скидки с налога совхозам, колхозам и ТОЗам.

В 1924 г. были отменены аресты неплательщиков в административном порядке, сократилась практика штрафов и судебных преследований за долги по ЕСХН. В целом чисто денежный налог 1924–1925 гг. способствовал денатурализации крестьянского хозяйства, созданию благоприятного фона для завершения денежной реформы, преодолению сословного характера налогообложения в деревне. Значительное облегчение принес деревне налог 1925–1926 гг.

«Рыковский» сельхозналог 1925–1926 гг. получил высокую оценку российского крестьянства.

**Алексей Иванович Рыков (1881–1938).** Из семьи крестьянина, промышлявшего торговлей. Окончил гимназию, два года учился на юридическом факультете Казанского университета. В РСДРП с 1898 г. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Участник всех русских революций. В 1917 г. выступал за углубление революционных преобразований, в том числе парламентскими методами. Нарком внутренних дел СНК первого состава, 4 ноября 1917 г. вышел из состава ЦК РСДРП(б) и СНК в качестве протеста против отстранения представителей эсеров и меньшевиков от участия в советском правительстве. Осенью 1917 – весной 1918 гг. А. Рыков был на продовольственной работе, с апреля 1918 г. председатель ВСНХ. В годы гражданской войны координировал деятельность хозорганов по снабжению Красной армии, с 1919 по 1930 гг. неизменно входил в состав Политбюро ЦК большевистской партии. В связи с болезнью В. Ленина был назначен его заместителем по СНК и СТО, в 1923 г. продолжил работу на посту председателя ВСНХ. В 1924 г. стал председателем Совнаркома СССР. Рыков внес большой вклад в ликвидацию «ножниц цен» на продовольственные и промышленные товары, в преодоление кризиса сбыта 1923 г., организовал борьбу с последствиями неурожая 1924 г. Возглавлял деятельность СТО СССР (1926–1930). В конце 20-х годов выступил против сталинской политики форсированного промышленного скачка и революции «сверху» в деревне. Был снят с поста председателя СНК и выведен из состава Политбюро ЦК, направлен на работу наркомом связи. В начале 30-х годов был морально сломлен, отказался от какой-либо конфронтации со Сталиным. Тем не менее, был осужден по делу «Правотроцкистского антисоветского блока» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

Делегат III съезда советов СССР из донских казаков по фамилии Долгушин заявил 18 мая 1925 г., что «о налоге теперь нельзя уже много разговаривать. Мы уже слышали, что

наше правительство подошло к нам так хорошо, так умело, что я уже не знаю как. Мы платили в прошлом году 450 млн., а теперь, как разъясняют, только 280 млн. Приходится уже помолчать, потому, что нельзя же нас совсем избавить от налога; чем же тогда государство будет существовать? Это вполне справедливо. И у нас есть сознание, что наше правительство, советская власть, хлопочет за нас. Это ясно и видно, что хлопочет, и за это мы должны только благодарить ее». Принятое в 1925 г. построение ЕСХН обеспечило советской власти огромный политический капитал в деревне. Однако государство не получило от крестьянства ожидаемого количества зерна. Поэтому в апреле 1926 г. ЦИК СССР принимает новое положение о сельхозналоге. Его сердцевину составили исчисление платежей на основе определения доходов не в натуральной форме (в пересчете на пашню), а в денежном виде; усиление прогрессивности обложения зажиточных хозяев и кулачества в сочетании с полным освобождением от налога малоимущего крестьянства; расширение круга статей обложения за счет специальных отраслей сельского хозяйства (птицеводства, садоводства и др.) и неземледельческих заработков.

Как крестьянство отреагировало на закон 1926 г. о реформе единого сельхозналога? Главным следствием новой податной системы, еще более ужесточенной в последующие годы, явилось снижение посевных площадей и начало массового забоя крестьянского скота, самоликвидация многопосевных крестьянских хозяйств. Страна вступала в эпоху борьбы за хлеб, очень скоро перешедшую в борьбу за продовольствие.

**Построение  
промежуточ-  
ных организа-  
ционно-  
хозяйственных  
звеньев**

Сложное и противоречивое явление представляла крестьянская общественная взаимопомощь 20-х годов. Партия постановила изгнать из государственного бюджета все, не связанное с насущными нуждами пролетарской диктатуры. На комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ) возлагалась задача первоочередного социального обеспечения семей красноармейцев, инвалидов гражданской войны, вдов и сирот. Переложив изрядную долю ответственности за поддержку упавшего крестьянского хозяйства на кресткомы, партия и советы получили своеобразный политический громоотвод. На комитеты общественной взаи-

мопомощи со всех сторон посыпались обвинения в паразитизме, иждивенчестве, раздаче подачек дармоедам и лежебокам. Распоряжаясь бесхозом, проводя общественные запашки, эксплуатируя убыточные и бездоходные производства, крестьянские организации взаимной помощи решали задачи вовлечения в повторный хозяйственный оборот выпавшего из него имущества. Крестьянский труд при этом практически не учитывался и не оплачивался. По указке сверху кресткомы, вместе с сельсоветами, выступали проводниками системы советских льгот и привилегий социально близким коммунистическому аппарату слоям.

В известной степени создание кресткомов явилось попыткой несколько поправить и ущемить нэп.

**Кооперативная политика в деревне** В наследство от «военного коммунизма» деревня получила кооперацию с дезорганизованным кредитно-финансовым аппаратом. В советское время кооперация переживала финансовый кризис, и пахарь изменил свое мнение о ней. Политических соображений при сравнении кооператора и частника земледельцы не признавали и считали, что вся кооперация плоха и приносит крестьянству мало пользы. Только в 1925 г. сельхозкооперации ненадолго были возвращены функции производственного кредитования сельского хозяйства. Финансовая монополия государства жестко регламентировала денежные операции кооперативных товариществ и артелей, ограничивала возможности приобретения инвентаря и материалов, реализации продукции, диктовала условия кооперативной политики в сфере занятости. Особое недоверие вызывала попытка восстановления посреднических и торговых функций производственной кооперации, стремление сохранить «дикое состояние», миновать путы губсоюзов и других объединительных центров.

С целью ограничения экономического влияния кооперации на крестьянство, государство обратилось к ее регулированию посредством специально созданной параллельной структуры – Центрального сельскохозяйственного банка и его филиалов. Через Госбанк и ЦСХБ начала регулирования замещались принципами планирования. Государственно-плановые элементы при построении системы финансирования сельскохозяйственного производства получили гипертрофированное значение. Против этого предостерегал в мае 1925 г. нарком земледелия А. Смир-

нов, считавший, что государственный централизованный характер системы сельхозкредита не соответствуют ее природе, подавление самостоятельности и инициативы повлечет за собой ослабление притока местных средств в общества сельскохозяйственного кредита. Однако многолетняя борьба против свободного слияния накоплений сельского населения в русле низовой кооперации не позволила развернуть работу по экономической организации крестьянства и финансовой поддержке индивидуального сельского хозяйства.

Таким образом, неочевидные, скрытые, завуалированные формы регулирования жизни крестьянства в 20-е годы практически всегда носили «военно-коммунистический» характер и были ориентированы на постепенную утрату сельским хозяином черт собственника.

**Социально-экономические функции сельской общины**

Сельская община сумела адаптироваться к советским реалиям. На первое место выдвинулись такие черты общины, как ее товарищеский характер и исконный демократизм. В то же время тягло-поземельный союз оставался простейшим производственным коллективом, механизмом обобществления и уравнительного перераспределения земли, органом крестьянского самоуправления и взаимопомощи. В крепости общины проявилась устойчивость мелкого семейного хозяйства — основной ячейки земобщества, разнообразие конкретных форм организации крестьянского мира, подвижность и минимизированность институтов сельского общества. Это прежде всего — сход домохозяев, особоуполномоченные, сборщики средств, ходоки и т.д. Попытки советской власти изменить облик схода созывом выборных представителей от 10–20 дворов деревня не поддержала. Статус объединения трудовых землепользователей позволял общине на выгодных условиях арендовать землю госземимуществ, рассчитывать на прирезки из госфонда, получать восстановленческие кредиты. Нередко она брала на содержание председателей и секретарей советов. Деревня относилась к ним как к однообщинникам, выполнявшим полезные функции в интересах «мира». Эти траты на общественные нужды рассматривались наравне с наймом пастухов, агрономов, содержанием пожарного обоза. Земельные общества были заинтересованы в том, чтобы в сельсоветы попадали проверенные, надежные люди, а их зарабо-

ток сводил к минимуму возможности появления злоупотреблений. В крупных обществах на содержание аппарата сельсоветов иногда отпускалось средств вдвое больше, чем из волюности.

Политическое руководство страны было обеспокоено тем, что под влиянием общины сельсоветы превращались в исполнительные придатки земобществ. В. Молотов утверждал, что советские лозунги в деревне, в частности «Вся власть Советам», не реализуются, сход превратился в прибежище кулаков; А. Енукидзе вторил ему, что в деревне установилось единовластие сельских обществ; секретарь ВЦИК А. Киселев охарактеризовал обстановку в деревне как двоевластие. Община раздражала своей финансовой независимостью, помехами в проведении классовой линии среди крестьянства (отсутствовали организованные группы бедноты при земобществах, лишенцы участвовали в выборах и принятии решений, а кузнецы, пастухи, безземельные — нет), затягиванием выдела наделной земли колхозам, бесконечными спорами с совхозами из-за пашни. Исчерпание земельного фонда трудового пользования во второй половине 20-х годов подтолкнуло крестьянский «мир» к самозахватам распашных земель экономий сахарных заводов, покушению на совхозные и колхозные поля. Община сохраняла социально-экономическую целостность, при которой полярные группы являлись условием саморазвития и существования самого крестьянского мира.

Назревавшая атака на земельное общество облегчалась его некоторыми подлинными слабостями и изъянами. Уравнительно-передельная община сдерживала развитие товарно-денежного хозяйства. Общинные порядки, чересполосица, узкополосица и дальнотемелье препятствовали росту агротехнического уровня сельского хозяйства.

Так как община выполнила свои функции в качестве переходной формы к коллективному хозяйствованию под перебариванию помещичьих владений, земельному поравнению, ограничению участкового землепользования и обобществлению крестьянского земельного фонда, государство приступило к сворачиванию деятельности земельных обществ. На этом пути были решения о подчинении земельных обществ советам, попытки внедрения так называемых агропроизводственных планов и контрактации посевных площадей целых обществ, крат-



современное восстановление круговой поруки, навязывание обществу производственных совещаний и агроуполномоченных, шаги по переводу земельных обществ на устав товариществ по совместной обработке земли, через организацию коллективных запасек силами и средствами общинников, изъятие лесов местного значения из крестьянского ведения, лишение кулаков права голоса на сходах и права занимать выборные должности в обществе, другие аналогичные мероприятия. С 30 июля 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР приступили к окончательной ликвидации земельных обществ. Их функции и права замыкались на сельсоветах и колхозах.

**Крестьянство  
о социально-  
экономической  
политике  
Советской  
власти**

Отношение крестьянства к партии и государству пролетарской диктатуры – сложный и многогранный вопрос. В условиях нэпа эти связи не ограничивались отношениями безусловной поддержки. Нарекания к власти имелись с разных сторон: слева, справа, с общедемократических

позиций. Многие обращались к опыту гражданской войны и ждали нового «восемнадцатого года», обвиняли власть в меньшевизме. По мнению деревенского актива, при нэпе произошло замутнение партийной идейности, в ряды большевиков проникли кулацкие прихвостни. Лозунги уничтожения частной собственности, уравнивания всех граждан, социальных привилегий, выйдя из среды митинговой горячки, закрепились в сознании деревенских низов. Ненависть к кулаку и страх перед возможностью возрождения прежних порядков раскалывали деревенское общество.

Всякая попытка заинтересовать зажиточного крестьянина в разведении племенного скота, производстве технических культур, введении многополья рассматривалась бедняцко-батрацкими слоями как поощрение кулака. Деревенские низы сами подогревали революционную нетерпимость власти.

В середине 20-х годов общее состояние сельского хозяйства настолько окрепло, что большинство крестьян высказывалось в поддержку советской власти и признавало ее защитницей интересов основной части рабочих и крестьян. Перемене в настроениях деревни во многом способствовали снижение налогового бремени и размеров ставки по сельхозкредиту, допущение найма рабочей силы и аренды земли, осереднячивание сельского общества. В годы нэпа наблюдалась известная

инфантильность крестьянства по отношению к власти. На вопрос «нравится ли вам советская власть», крестьянин чаще всего отвечал, что «какая власть, при такой и живем», или же «есть хлеб-соль, да можно купить сахар — значит и хорошая власть». Крестьянские предпочтения большевикам в середине 20-х годов были крайне непрочными. Крестьянин хотел облегчения жизни, он устал чинить вещи, купленные для хозяйства в 1914 г. Откликаясь на одну из статей М. Калинина о восстановлении некоторого благополучия в деревне, его оппонент, тарусский крестьянин Г. Алекин отвечал:

«Это благополучие отчасти и обманчиво, а во-вторых, оно требует таких сверхчеловеческих усилий, что поглощает у него все время без остатка... И крестьянин хватается за землю не потому, что она дает барыши ему, а просто вследствие создавшегося положения и своей темноты. Власть ржаного поля вымотает у него последние соки, изуродует его жизнь и стащит на кладбище не живши века или передаст в разряд инвалидов труда. Об этом писать нужно». — давал совет всероссийскому старосте житель Калужской губернии.

Налоговые диспропорции, ухудшение положения крестьян-отходников, социальная опека тех, кто не желал приложить к земле свой труд, вызывали недовольство хлеборобов. Протест против такой политики выражался в отказе принимать окладные листы, утайке побочных заработков, свертывании хозяйства. Несмотря на это, значительная часть деревни связывала свое будущее с развитием и укреплением власти Советов. Другая, также достаточно представительная группа крестьянства, выражала открытое несогласие с основными лозунгами и деятельностью партии на селе. Причем границы этих слоев крестьянского общества были весьма подвижны. Так называемые «антисоветские» настроения трудящихся по сути таковыми не являлись и выражали обоснованные стремления крестьянства к хозяйственной самостоятельности, желание иметь компетентное правительство, добиться облегчения условий жизни пахарей.

Каждая общественно-политическая кампания, громкая газетная новость порождали новую волну народных толков. Они охватывали в общем-то довольно узкий круг вопросов, интерес проявлялся, главным образом, к проблемам местного значения и международной политики. Политические слухи отражали состояние общественно-экономической жизни,

выявляли настроение населения и его лояльность к власти. Политические слухи были тесно связаны с жизнью. В ответ на сообщение о событиях в Германии 1923 г. в деревне возникли разговоры о предстоящей войне, скорой мобилизации и отправке крестьян на фронт. В связи с этим проявились стихийные настроения «во время мобилизации сделать восстание и перебить всех коммунистов и ответственных работников». Аналогичной была реакция части крестьянства на убийство В. Воровского и П. Войкова, разрыв дипломатических отношений с Англией и другие события. Воевать мужики не хотели, многие помнили разорение военных лет и революции, были согласны откупиться от капиталистов, чтобы не подвергать опасности себя и своих близких, но в случае неизбежной войны надеялись на скорую смену политического режима. Периодические слухи о войне мешали собирать налоги, проводить хлебозаготовки и переделы земли, распространять облигации государственных займов. Из-за создания чрезвычайных домашних припасов обострялось продовольственное положение, падали цены на скот, росла рыночная стоимость ржи, усиливалась социальная напряженность в деревне. Возникали ситуации, которые характеризовались последствиями войны без самой войны.

Значительное внимание деревня уделяла внутривнутриполитической борьбе в СССР. Борьба с троцкизмом и другими фракционными течениями оценивалась как развал партии и советских структур. Крестьяне надеялись, что будет другое правительство, более близкое к мужику, которое уравнивает земледельца и рабочего, освободит деревню от непомерных взысканий, наведет порядок в кооперации и т.д.

Наиболее отчетливо настроения и требования крестьянства оформились под лозунгом образования «крестьянских союзов». Тенденция к общественно-политическому самоопределению крестьянства пустила глубокие корни. Сельских жителей не устраивали узкоклассовый Союз работников земли и леса и общество взаимопомощи по советскому образцу. Для выражения своих насущных нужд и правовой защиты крестьянских интересов, деревня ставила вопрос о свободе печати, слова, собраний и организаций, расширении представительства крестьянства в Советах, об устранении ножиц цен, монополии внешней торговли, снижении налогового давления, увеличении продолжительности рабочего дня в городе и пр. Чисто политические требования «союзников» составляли около 20 %

зарегистрированных выступлений, тред-юнионистские – 22, экономические – 35 %. Остальные, включая регулирование межкрестьянских отношений, попадали в «разное», причем выделение той или иной мотивации образования «крестьянских союзов» было весьма условно. Крестсоюзовское движение отличалось абсолютным преобладанием крестьянства (70–80 %), широким представительством отходников. Половину сторонников крестсоюзов составляли середняки, к 40 % приближались кулаки и зажиточные, на бедняков приходилось около 10 %, причем доля последних росла. Зонами массового политического брожения были Центрально-промышленный район РСФСР, губернии и края товарного земледелия, Сибирь. Пик требований создания крестьянских союзов приходится на конец 1924–1926 гг., когда общественное развитие деревни пошло по пути выхода за рамки советской системы. Крестьянство выдвинуло из своей среды довольно многочисленный актив крестсоюзовского движения междуселенного и волостного масштаба, однако крупные политические фигуры за ним не стояли. Попытки адаптации под лозунги крестсоюзов легальных организаций (кружков комсомольской молодежи, обществ сельской самопомощи и др.) успеха не имели и пресекались властью. Нелегальных групп крестсоюзов в деревне не было.

Таким образом, во многих регионах России осталась невостребованной крупная оппозиционная политическая сила, отражавшая устремления широких слоев русского крестьянства. Вопрос о крестьянских союзах в условиях нэпа представлял собой политическую оценку итогов революции крестьянской массой, был своеобразной отметкой коммунистам, выставленной деревней.

## **§ 2. Политическая жизнь**

<b>Потребность в реформах</b>	Политическая система, сложившаяся в годы «военного коммунизма», подвергалась жесткой критике со стороны различных политических партий. Большевикам ставили в вину подмену Советов чрезвычайными органами власти, самоуправство партийных комитетов, огосударствление общественных организаций, насилие как основное средство управления страной и др.
-------------------------------	---

К исходу гражданской войны недовольство сложившимися порядками прорывалось и в самой РКП(б). В партийной

среде все чаще раздавались голоса, недовольные тем, что за годы революции создан государственный механизм, противоречащий большевистским идеалам. Лидеры «рабочей оппозиции» Шляпников, Лутовинов, Киселев открыто заявляли, что в стране сложилась не «диктатура пролетариата», а «диктатура над пролетариатом». Они требовали реализовать на практике лозунги «рабочей демократии» и передать управление народным хозяйством профсоюзам и фабзавкомам. В свою очередь, профсоюзные руководители во главе с Томским энергично выступили против диктата партии над профсоюзами и их превращения в придаток партийно-государственного аппарата. К концу 1920 г. все руководство партии было втянуто в развернувшуюся дискуссию о профсоюзах, которая приняла ярко выраженный политический характер и грозила РКП(б) расколом. Жаркие споры велись не только о профсоюзах, но и о судьбе советской государственности, о месте и роли партии и рабочего класса в государстве, о «пролетарской демократии», методах управления и др.

Высказывались предложения о возрождении многопартийности, об изменении отношения к меньшевикам, эсерам, анархистам и прочим социалистическим партиям для того, чтобы они могли вписаться в политическую реальность Советской России.

В мае 1921 г. Г. Мясников, член партии с 1906 г., направил в ЦК докладную записку, в которой предлагал осуществить глубокую демократизацию страны. «После того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны... отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто от монархистов до анархистов включительно». С предложениями о демократизации советского государства в ЦК РКП(б) обращались референт ВЧК И. Вардин, кандидат в члены ЦК Н. Осинский и др.

К весне 1921 г. стала очевидной потребность в реформах как в экономической, так и политической сферах. В. Ленин считал необходимым реформировать госаппарат, который большевики целиком переняли от «прежней эпохи». Однако внутривластная обстановка, сложившаяся накануне X съезда РКП(б), мало побуждала лидеров большевизма к глубоким демократическим преобразованиям. В стране полыхали крестьянские движения и нарастала забастовочная борьба ра-

бочих. Партия находилась на грани раскола. В этих условиях руководство РКП(б) пошло на компромисс — взяло курс на развитие многоукладной экономики, удовлетворение хозяйственных интересов крестьянства, но без уступок в политической сфере, полагая, что последние будут пагубными для «диктатуры пролетариата». Сказалось присущее большинству партийцев негативное отношение к крестьянству — к этим «мелким буржуям», которые, «дай им волю, задушат революцию». Призрак новой Вандеи преследовал большевиков. Выживание связывали с сильной государственностью, способной сокрушить противников социалистического выбора.

Решения X съезда РКП(б) носили противоречивый характер. Курс на либерализацию экономической политики, принятый делегатами съезда, не предусматривал глубоких преобразований в политической сфере. Более того, лидеры большевиков, страшась раскола партии, пошли на ужесточение «партийной дисциплины». Резолюция X съезда РКП(б) «О единстве партии» грозила исключением из партийных рядов тем, кто осмелится создавать оппозиционные фракции. Руководство РКП(б) сворачивало внутрипартийную демократию, и от него трудно было ожидать глубоких демократических преобразований в обществе. Для лидеров большевизма понятие «диктатура пролетариата» относилось к числу культовых, и идти на компромисс в вопросах организации власти для жрецов марксизма значило предавать «интересы рабочего класса и его партии».

**«Оживление» Советов** Вместе с тем логика перехода к мирной жизни требовала упразднения чрезвычайных, по преимуществу, военных органов власти. По мере окончания боевых действий их распускают. Партия выдвигает задачу «оживления» Советов. В 1922–1923 гг. поднять авторитет местных Советов пытались путем расширения их прав, увеличения бюджета, структурных перестроек.

Создать на местах крепкий советский аппарат было крайне трудно из-за скудности финансовых средств, а также из-за дефицита кадров, способных работать в сфере государственного управления. В этих условиях в 1922–1923 гг. был взят курс на «укрупнение» Советов, что привело к сокращению количества волисполкомов более чем в два раза. Расширение границ волостей дало возможность центру оптимальнее рас-

пределять имеющиеся в его распоряжении партийные кадры. Вместе с тем укрупнение Советов создавало трудности в управлении расширенными территориями, так как аппарат волисполкомов испытывал острую нужду в финансах и знающих дело работниках.

Важное значение придавалось выборам. Но, несмотря на предвыборные кампании, организованные партийными органами, активность избирателей оставалась низкой. Во многих местностях население отрицательно относилось к кандидатам от коммунистической партии. Так, в Павловском уезде Воронежской губернии, по свидетельству уполномоченного ОГПУ (декабрь 1923 г.), крестьянство в ходе перевыборов «словно сговорилось, что Советы на 1924 г. должны быть без коммунистов». К кандидатам в Советы от укомов РКП(б) «крестьянство отнеслось враждебно...» Причем, как отмечал сотрудник ОГПУ, в этом виноваты сами коммунисты. Они «пристрастны к своим постам» и «берут на себя право заставлять народ избирать не тех, кто им нравится, а самих же их, которые имеют горячее желание быть у власти...» В конце 1925 г. Президиум ЦИК отменил результаты выборов в районах, где участие в них приняло менее 35 % избирателей. Повторные выборы, состоявшиеся на трети территории СССР, были не в пользу коммунистов. Партийная прослойка в местных Советах в сравнении с результатами предыдущих выборов сократилась более чем в два раза (с 7–10 % до 3–4 %). В отдельных регионах, например, на Северном Кавказе, коммунисты не были избраны в местные Советы. По сведениям Всероссийской центральной избирательной комиссии, в ходе избирательной кампании 1926 г. в ряде местностей выдвигались требования тайного голосования, крестьяне отказывались голосовать по спискам в целом, предлагая самим «устанавливать государственные цены на сельскохозяйственные продукты, учитывать стоимость крестьянского труда» и др. У правящей партии сложно складывались отношения с крестьянством, что сказывалось на результатах выборов. Все это лишь укрепляло большевиков в их недоверии к Советам, таившим в себе потенциальную опасность «прихода к власти мелкой буржуазии», к которой в первую очередь причисляли крестьян.

В 1925–1926 гг. под лозунгом «укрепления связи Советов с населением» проводилась кампания по выборам в сельские

Советы. К концу 1925 г. были избраны 650 тыс. депутатов сельских Советов, которых правящая партия рассматривала как свою опору на селе. Многие из сельских активистов исполняли свой общественный долг бескорыстно, добросовестно, без оглядки на конъюнктуру, пытаясь скорректировать действия властей. Лучшие представители крестьянской общественности задумывались, почему не становится меньше бедноты, как добиться того, чтобы государственная помощь попадала в деревню по назначению. Они выступали против установления льгот тем крестьянам-беднякам, которые «живут трутнями и лентяями». Сельсоветы и волисполкомы 1924–1925 гг. оказали стабилизирующее влияние на развитие нэпа, сыграли положительную роль в становлении политического равновесия различных социальных сил общества. Однако они продолжали пребывать в крайне тяжелом финансовом положении, имели дефицитные бюджеты, что негативно сказывалось на их работе.

Тем не менее само проведение избирательных кампаний приносило временное облегчение в крестьянскую жизнь. Перед выборами сельсоветов ослабевал нажим на деревню по сбору налога и просроченных ссуд. Одни председатели сельсоветов, не желая ссориться с избирателями, давали землякам некоторые поблажки, передвигали сроки внесения очередного взноса, другие, зная, что будут переизбраны, ослабляли контроль за ходом финансово-налоговых поступлений. Сразу после переизбрания Советов внимание к неплательщикам возрастало, местные власти становились более неуступчивыми. С другой стороны, крестьяне получали возможности высказать свои требования и пожелания, а властные структуры приобретали богатый опыт анализа и регулирования социально-экономических отношений в деревне.

Для усиления партийного руководства Советами утверждался порядок обязательного включения в состав президиума губернского исполкома секретаря и некоторых членов губкома партии, а председателя губисполкома – в состав бюро губкома. Такой же механизм организации власти складывался и в нижестоящих звеньях.

Партия приняла обязательство активно выдвигать в выборные органы «преданных советской власти беспартийных работников», в том числе крестьян. Началось целенаправленное уве-



личение удельного веса малоимущих в составе председателей сельсоветов. Избранию сельсоветов и волисполкомов предшествовала работа парторганов по формированию состава избирателей. Значительная часть крестьян, возможно, самая активная и самостоятельная, из списков избирателей вычеркивалась. В этом отношении крепких хозяев, а также крестьян с опытом торговли фактически приравнивали к ворам-рецидивистам, контрреволюционерам и белогвардейцам, бывшим эксплуататорам, т.е. заносили в категории населения, лишенных избирательных прав. Во второй половине 20-х годов крестьян записывали в «лишенцы» за применение наемного труда с целью «расширения хозяйства за пределы трудового». Сюда же попадали кустари, не использовавшие наемный труд, но владевшие сажекопилкой, картофелетеркой, сепаратором и другими механизмами. В деревне говорили, что раньше лишали прав тех, у кого «крыши покрыты железом», на десятом году Советской власти в лишенцы записывали и тех, «у кого алюминиевые ложки». В целях создания в деревне «политической силы против кулачества» ЦК РКП(б) в октябре 1925 г. дал указания об организации в селах, волостях и районах групп бедняков и батрачества. Формирование последующих ступеней советской системы контролировалось с помощью непропорциональных норм представительства рабочих в сравнении с крестьянами и непрямым характером выборов делегатов на съезды советов различного уровня.

Во второй половине 1920-х годов вводилось новое административное деление. Волости преобразовывались в более крупные единицы – районы. Вместо уездов и губерний создавались округа, объединявшиеся в области (края). Реформа упрощала управление территориями и создавала соответствующую иерархию властных структур.

**Конституция СССР** В 20-е годы шли реформы центральных органов власти и управления. В январе 1924 г.

II Всесоюзный съезд Советов принял Конституцию СССР. На ее основе шло оформление единого советского союзного государства. Верховным органом власти провозглашался Съезд Советов СССР. В перерывах между съездами полномочия высшей государственной власти принадлежали двухпалатному ЦИК СССР. Первая палата – Союзный Совет – избиралась на Съезде Советов СССР от всего состава делегатов Съезда. Вторая палата – Совет национальностей – образовыва-

лась из представителей республик и национальных областей. Постоянно действующим органом стал Президиум ЦИК, состоявший из 21 чел. Верховным исполнительным и распределительным органом был СНК СССР.

В Союзных республиках (первоначально РСФСР, Белоруссия, Закавказская Федерация, Украина) формировались свои Съезды Советов, ЦИК и СНК. Республиканские наркоматы ведали вопросами внутренних дел, юриспруденции, народного образования, местной промышленности, культуры. Внешняя политика и внешняя торговля, оборона и охрана границ, связь и финансы, транспорт относились к компетенции союзных органов.

Выборы делегатов Съезда Советов СССР проходили на основе непрямого избирательного права. От городских жителей избиралось делегатов в пять раз больше, чем от сельских, что должно было обеспечить «руководящую роль рабочего класса» в органах власти. Выборы носили многоступенчатый характер: каждый Совет избирал делегатов вышестоящего Совета (районный в областной, областной в республиканский, а затем на Съезд Советов СССР). По конституции 1924 г. избирательного права лишались лица, использовавшие наемный труд или жившие на нетрудовые доходы, монахи и церковнослужители, бывшие полицейские и жандармы, лишенные избирательных прав по суду, душевнобольные.

<b>Военная реформа</b>	Переход к мирной жизни поставил на очередь реформы в армии. В результате демобилизации армии численность военнослужащих сократилась с 5,3–5,5 млн. чел. в конце 1920 г. до 561 тыс. чел. на исходе 1923 г. С декабря 1922 г. начался перевод отдельных частей кадровой армии на милиционное положение. Основы и принципы комплектования территориально-милиционных частей и порядок прохождения службы в них установил Декрет СНК СССР от 8 августа 1923 г. Годовое содержание одной дивизии территориальных частей по сравнению с кадровой обходилось на 100 тыс. руб. дешевле, а количество бойцов, прошедших боевую подготовку, за то же время было в 9 раз больше. Наряду с территориально-милиционными войсками, в которые входило свыше половины всех стрелковых дивизий, формировались особые национальные части. В 1925 г. в их составе несли службу до 10 % красноармейцев. Ядро воору-
----------------------------	--

женных сил республики составляли кадровые части, сосредоточенные в пограничных округах, на флоте и в тех родах войск, где имелась сложная техника. В случае войны кадровая армия была обязана прикрыть границы и обеспечить возможность полной мобилизации территориально-милиционных частей. М. Фрунзе, с января 1925 г. возглавивший военноморской комиссариат, отмечал, что принятая система комплектования войск обеспечивала самые минимальные потребности обороны. Закон об обязательной военной службе от 18 марта 1925 г. завершил юридическое оформление новой системы. Устанавливалась двухгодичная допризывная подготовка, пятилетний срок действительной военной службы и 14 лет пребывания в запасе. Расходы на содержание армии снижались. В 1926–1927 гг. затраты на армию составляли 12,7 % госбюджета, что равнялось всего лишь 40 % военного бюджета 1913 г. Особенно сократились расходы на денежное содержание и натуральное довольствие военнослужащих, зато удельный вес затрат на техническое снабжение войск увеличился в 1924–1927 гг. с 36,5 до 44,6 %. Пополнение арсеналов осуществлялось в основном за счет ремонта и восстановления неисправной техники, но уже с 1927 г. в производство пошли новые образцы вооружения. Так, в марте в Ленинграде были заложены 3 новые подводные лодки («Декабрист», «Народоволец», «Красногвардеец»), спущенные на воду в конце 20-х годов.

Улучшилась подготовка комсостава. Для командиров среднего и старшего звена вводились трех- и двухгодичные минимумы общеобразовательной и политической подготовки, открылись военные училища с 3–4-летним сроком обучения. Красных командиров готовили в 6 военных академиях, на 5 военных факультетах при гражданских вузах, в других учебных заведениях. В 1918–1920 гг. в Красной Армии сражалось 75 тыс. бывших офицеров и генералов, составлявших 47 % всего командного состава РККА. В середине 20-х годов армия и флот получили новое руководящее ядро, состоявшее из рабочих и крестьян.

Военная реформа по замыслу и осуществлению являлась широкой государственной программой. Ее характер во многом определило почти десятикратное сокращение численности армии. Резкое сокращение расходов на оборону и широ-

кая демобилизация подтолкнули экономическое развитие страны. Г. Сокольников отмечал в сентябре 1923 г. что «мы в значительной степени могли сводить концы с концами в 1922–1923 гг. за счет чрезвычайно большого снижения военного бюджета. Мы делали экономию на армии и давали транспорту и промышленности».

**Упорядочение законодательства** С окончанием гражданской войны стали проводить судебные реформы. В 1921 г. Ревтрибунал при ВЦИК, военный трибунал при Реввоенсовете, главный железнодорожный трибунал при НКПС были объединены в Верховный трибунал. Согласно «Положению о судостроительстве РСФСР» (ноябрь 1922 г.) учреждались народный суд, губернский суд и Верховный суд. На прокуратуру возлагались обязанности контроля и поддержания законности и правопорядка в стране. Государство отказывалось от военно-коммунистической практики лишения свободы в превентивном порядке. Активизировалась деятельность судов в борьбе с преступлениями против личности.

Формировались правовые основы жизни общества и государства. С 1922 по 1926 г. были приняты Земельный, Гражданский и Уголовный кодексы законов, а также Кодекс Законов о Труде.

В 1922–1923 гг. была освобождена из заключения основная часть пострадавших от революционных репрессий в годы гражданской войны. В 1922 г. ВЧК была преобразована в Главное политическое управление (ГПУ), функции, штаты и смета которого урезались в соответствии с условиями мирного времени. Подверглась реорганизации деятельность милиции и исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). С 1924 г. особый кодекс регламентировал деятельность ИТУ, заменивших существовавшие в период гражданской войны лагеря принудительных работ. Упорядочение законодательства привело к тому, что доля так называемых государственных преступлений в 1922–1926 гг. сократилась в общем числе преступлений в 7 раз.

Вместе с тем, важнейшие юридические нормы, включая презумпцию невиновности, отвергались законодателями. Право по-прежнему рассматривалось как отмирающий атрибут пролетарской государственности. Во второй половине 20-х годов обозначилось ужесточение уголовно-правовой практи-

ки. В 1927 г. Президиум ЦИК СССР разрешил внесудебное преследование по делам о диверсиях, поджогах, порче машин и механизмов. ОГПУ наделялось правом самостоятельно определять обвиняемым в этих преступлениях различные виды наказаний, вплоть до расстрела, независимо от того, как совершенно криминальное деяние, «со злым умыслом или без оног».

По мере восстановления экономики закладывались основы системы социального обеспечения. Трудящимся предоставлялись права на пособия по временной нетрудоспособности, на пенсии по инвалидности, а затем и по старости, на оплачиваемый отпуск, бесплатное лечение и др. Появление зачатков социального обеспечения в стране, едва поднявшейся из руин, свидетельствовало о стремлении советского государства улучшить социально-экономическое положение трудящихся.

<b>Изменения в партии</b>	В двадцатые годы формируется политическая система с высшими и местными представительными органами власти, иерархией структур государственного управления, со своеобразным национально-государственным устройством, законодательством, судебными учреждениями. Ядром советской политической системы являлась партия большевиков, которая оказывала решающее влияние на все стороны жизни и развития советского общества.
-------------------------------	---

В 20-х годах партия претерпела серьезные изменения. После X съезда РКП(б) развернулась чистка партийных рядов, в ходе которой почти 25 % членов партии были из нее исключены. Среди них 33,8 % составляли пассивные, не участвовавшие в работе парторганизаций коммунисты, 24,7 % исключены за карьеризм и аморальный образ жизни, 8,7 % — за взяточничество. В определенной мере РКП (б) освободилась от случайных людей. Но успех был временным. Партийный билет открывал доступ к руководящим постам и манил к себе тех, кто стремился заручиться им не по идейным соображениям. Тем не менее партия, чтобы не выродиться в замкнутую касту управленцев, вынуждена была расширять свою социальную базу. Партийных руководителей крайне тревожило, что в 1923 г. лишь 17 % членов РКП(б) трудились на заводах. Старая ленинская установка на ограничение численности партии отбрасывается и разворачивается широкий прием в

**РКП(б) «рабочих от станка».** В 1924 г. после смерти В. Ленина, начинается кампания по привлечению в партию рабочих, получившая название «Ленинского призыва». В партию было принято более 240 тыс. рабочих, и «пролетарская прослойка» составила в РКП(б) 44 %. В 1925–1927 гг. расширяется доступ в партию крестьян, представители которых составили 35 % нового приема. В 1926 г. партия насчитывала в своих рядах более миллиона человек, т.е. выросла с 1924 г. в 2 с лишним раза. Тем самым расширилась сеть парторганизаций и партячеек на фабриках и заводах, на селе, в армии и на флоте, в государственных учреждениях, вузах, сфере культуры, что, безусловно, укрепило влияние партии в обществе. Новые члены партии составили около 60 % ее состава. Поколение большевиков-подпольщиков не превышало 1 % партийцев. Только у трети коммунистов партстаж начался в годы революции и гражданской войны. Менее 1 % коммунистов были с высшим образованием, около 63 % закончили лишь начальную школу, а 26 % значились самоучками.

В силу этого большинство членов обновленной РКП (б) разбиралось в вопросах «теории социализма» на уровне курсов элементарной политграмоты, организованных партийными органами. Основная партийная масса слабо представляла суть политических и идеологических дискуссий, развернувшихся в РКП(б), и не оказывала на них серьезного влияния.

Вместе с тем в партии было не мало честных, беззаветно преданных Отечеству людей, трудившихся не за привилегии, не ради карьеры, а на совесть, руководствуясь не сиюминутной конъюнктурой, а интересами возрождения страны. Из их среды впоследствии выросло много талантливых организаторов народного хозяйства, военачальников, ученых

С переходом к нэпу ЦК РКП(б) провозгласил курс на разграничение полномочий партии и государственных органов, искал такие формы руководства советскими структурами, которые не подменяли бы их деятельность и не выливались в командно-директивные методы взаимодействия партии с Советами. Считалось, что партия проводит «свою линию» в Советах и государственных учреждениях через коммунистов, работающих в сфере государственного управления.

Одной из главных функций партии становится подбор и расстановка руководящих кадров. Этими вопросами ведали Орготдел и Учраспредотдел ЦК РКП(б). Только с апреля 1920г. по

март 1921 г. они произвели 40 тыс. назначений на различные должности. После XI съезда партии Генеральным секретарем ЦК РКП(б) стал Сталин, а Молотов и Куйбышев секретарями ЦК. У Сталина появились широкие возможности по формированию состава руководящих партийных кадров. В 1922–1923 гг. было заменено большинство секретарей губкомов и укомов партии, причем из 191 нового руководителя местных парторганизаций только 97 избраны на партконференциях, остальные – назначены «сверху».

**Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) (1878–1953)** – родился в Гори Тифлиской губернии в семье кустика-сапожника. Окончил Горийское духовное училище, учился в Тифлиской духовной православной семинарии. Профессиональный революционер, член партии с 1898 г. Вел нелегальную деятельность в Закавказье, Петербурге, входил в состав различных комитетов РСДРП, в редакции ряда большевистских газет. Неоднократно арестовывался, ссылаясь. С 1917 г. – в редакции газета «Правда», член Петроградского ВРК, нарком по делам национальностей РСФСР (до 1923 г.). С 1919 г. – нарком Госконтроля, в 1920–1922 гг. – нарком Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Одновременно с 1918 г. – член РВС Республики и ряда фронтов, член Совета рабочей и крестьянской обороны. Член Политбюро ЦК партии с 1917 г., член ЦК с 1912 г. С апреля 1922 г. – генеральный секретарь ЦК партии. С 1941 г. – председатель Совнаркома (Совмина) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. – председатель Государственного Комитета Обороны (ГКО) и Верховный Главнокомандующий, в 1941–1947 гг. – нарком обороны, министр Вооруженных Сил СССР. Маршал (с 1943), генералиссимус Советского Союза (с 1945 г.).

В ходе становления и ускорения развития советского общества все победы и достижения связывались идеологией с именем Сталина, которое тем самым приобрело символический характер. Сам Сталин именовал себя так: «выдающийся ученик Ленина». Выступление на XX съезде партии Н.С. Хрущева с критикой культа личности Сталина положило начало развенчанию «вождя всех времен и народов». С этого момента все ошибки, просчеты и преступления советской эпохи стали возлагаться на Сталина. В современной литературе существуют различные (порой взаимоисключающие) оценки Сталина.

Порядок назначения «сверху» возмущал коммунистов. В 1922 г. активные деятели «рабочей оппозиции» обратились в

Коминтерн с заявлением, в котором с горечью писали, что «опека и давление бюрократии доходит до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а тех, кого хотят... верхушки. Такие методы работы приводят к карьеризму, интриганству и лакейству...» Тем не менее, несмотря на протесты коммунистов, практика назначения на партийные должности прочно внедрялась в партийную жизнь. В принятом XII партконференцией (1922 г.) новом Уставе партии было записано, что отныне секретари губернских и уездных партийных комитетов должны были утверждаться в должности вышестоящим органом. В июне 1926 г. на места было разослано утвержденное Секретариатом и Оргбюро «Положение об ответственных инструкторах ЦК РКП(б)». Инструкторы наделялись широкими полномочиями в отношении выборных партийных органов на местах и были обязаны обеспечить реализацию директив «центральных партийных органов». В 1926 г. специальное постановление ЦК ВКП(б) «упорядочило» назначение на ответственные партийные посты. Теперь все кандидаты на ключевые партийные должности отбирались и назначались ЦК ВКП (б). Обкомы и райкомы формировали нижестоящие кадровые звенья. Формально все должности в партии были выборными. Однако решающее слово принадлежало не коммунистам на партсобраниях, а работникам партаппарата, тщательно готовившим кадровые назначения.

Роль партаппарата в жизни партии, все более возрастала. Росло и влияние И. Сталина, руководившего в качестве Генерального секретаря ЦК ВКП (б) работой партийного аппарата и уделявшего особое внимание кадровым проблемам.

Менялись представления о руководящей роли партии в обществе. Если в 1918–1920 гг. в пропаганде упор был сделан на руководящую роль рабочего класса и его авангарда — партию большевиков, то в начале 20-х годов подчеркивалась ведущая роль ЦК ВКП(б), а затем «коллективного руководства» в лице Политбюро ЦК партии. Все это отражало не только эволюцию политических взглядов большевистских лидеров, но и практику сосредоточения полноты власти в руках узкого круга партийных руководителей. Борьба за власть, развернувшись в партийном руководстве после смер-



ти В. Ленина, привела к триумvirату Зиновьева–Каменева–Сталина, а затем к альянсу Сталина и Бухарина. Такого рода «союзы», с одной стороны, отражали «равновесие» сил в высшем партийном руководстве, когда еще не определился общепартийный лидер, а с другой стороны, свидетельствовали об упрочении олигархического управления и эволюции его в сторону установления личной диктатуры в партии и стране.

Острая борьба за власть в партийной элите, характерная для 20-х годов, была борьбой за партаппарат, контролировавший власть в стране снизу доверху. Сотни тысяч рядовых коммунистов выступали в роли статистов. Так, когда Зиновьев возглавлял парторганизацию Ленинграда, она «поддерживала» своего руководителя и считалась опорой «новой оппозиции» (1925). Но стоило Сталину заменить на посту руководителя ленинградской парторганизации Зиновьева на Кирова, как абсолютное большинство ленинградских коммунистов «осудили» оппозиционеров и «поддержали ЦК». Смещение с ответственных партийных постов «любимца всей партии» Бухарина (1929) не вызвало сколько-нибудь широкого протеста среди рядовых коммунистов. Партийные чистки стали носить репрессивный характер. В ходе чистки, развернувшейся в 1929 г. после разгрома «оппозиции» во главе с Бухариным, из партии было исключено более 170 тыс. коммунистов. Из них треть лишилась партбилета с формулировкой «за политическую оппозицию линии партии».

В этот период интенсивно шел процесс сращивания партии с государством. Партийное руководство всех уровней все больше занималось не собственно партийными, а хозяйственными и административными вопросами. Так, в работе Пленумов ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б) с 25 апреля 1926 г. по 1 мая 1927 г. удельный вес решений составил: по хозяйственным вопросам 26,8 %, государственного строительства – 13,5, международных отношений – 17,2, а по собственно партийно-политическим вопросам – 7 %. Партия, срачиваясь с государством, приобретала черты, роднившие ее с государственными организациями. В ВКП (б) сложилась строгая иерархия партийных органов с жесткой дисциплиной выполнения распоряжений и директив вышестоящих парторганизаций. Сформировался достаточно широкий слой профессиональных управленцев. В 1925 г. на оплачиваемой партийной работе

находилось 25 тыс. чел. — по одному на каждые сорок коммунистов. Партийный аппарат, занимаясь по преимуществу административно-хозяйственными делами, быстро бюрократизировался. «Понятное дело, — писал еще Ленин, — что возродившийся в советских учреждениях бюрократизм не мог не оказать тлетворного влияния и среди партийных организаций, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же».

**Формирование государственной бюрократии** Большевики искренне хотели привлечь к государственному управлению выходцев из народа. Для двадцатых годов характерно «выдвиженчество», когда партия широко распахнула двери для вступления в нее рабочих и крестьян.

Молодые партийцы вскоре направлялись на руководящую работу. Так, к концу 1924 г. от 60 до 90 % коммунистов, вступивших в партию в ходе «Ленинского призыва», впоследствии занимали разные должности в профсоюзах, комсомоле, кооперативах, в Советах, органах государственного управления. «Оживление» Советов вовлекало в активную политическую и общественную жизнь более широкие слои общества. Правящая партия расширяла свою социальную опору и принимала энергичные меры по притоку свежих сил в сферу государственного управления. Лозунг «рабочие должны учиться управлению государством» реализовывался как выдвижение из рабочей среды администраторов. ЦКК—РКИ, систематически проверявшие работу партийного и советского аппарата, действовали не как традиционное министерство, а привлекали к своей деятельности десятки тысяч рабочих и крестьян. Формой участия рабочих в управлении предприятиями стали широко практиковавшиеся производственные совещания.

Однако наряду со стремлением развить политическую и общественную активность трудящихся, привлечь их к сфере государственного управления, правящая партия основной акцент делала на управление через партийно-государственный аппарат. Большевики полагали, что именно советское государство выражает «общеклассовую волю пролетариата» и ставку делали на партийно-государственные методы управления обществом. Абсолютизация государства и партии в создании нового общества неизбежно вела к принижению роли масс, к ограничению самоуправления, возможности самим труженикам решать проблемы общественной жизни.

К концу 20-х годов численность государственных служащих превысила 3,5 млн. чел. Причем, в преобладающей части это были малоквалифицированные люди, так как в 1928 г. на всю страну приходилось всего 233 тыс. специалистов с высшим и 228 тыс. чел. с законченным средним образованием. В управлении государством брали не умением, а числом со всеми вытекающими отсюда последствиями – некомпетентностью, «бумажотворчеством», боязнью ответственности, волокитой и пр. Хронической болезнью советского государственного аппарата стал бюрократизм. Очередные кампании партии по борьбе с ним заканчивались неудачей.

Государственная бюрократия становилась прочной социальной опорой правящего режима, так как с ним было связано ее благополучие, продвижение по служебной лестнице, привилегии. Дефицит образования, культуры, опыта государственного управления, характерные для основной массы советской бюрократии, способствовали культивации директивно-приказных методов руководства. К этому побуждали и установки партийного руководства, стремившегося поставить на ответственные политические посты исполнителей директив партии. В 1923 г. на XII съезде партии Сталин, выступавший с организационным отчетом ЦК, говорил: «...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь». Слепая вера в директивы «сверху» и способность выполнять их любыми средствами были мерилом соответствия руководителей всех уровней своим должностям в госаппарате.

Со становлением широкого слоя партийно-государственной бюрократии формировались социальная среда и политическая сила, наиболее заинтересованные в режиме личной власти, ибо культ вождя укреплял и расширял власть тех, кто служит ему в государственных и партийных структурах.

**Общественные организации** В годы нэпа заметную роль в стране играли общественные организации. Активно работали профсоюзы, кооперативы, комсомол и др. В 1922 г. было восстановлено добровольное членство в профсоюзах. Профобъединения быстро росли численно: с 7 млн. членов профсоюзов в 1921 г. до 11 млн. в 1928 г. Они влияли на выбор направлений хозяйственной политики, активно

участвовали в регулировании трудовых отношений и заработной платы, в организации производства и в управлении предприятиями, энергично содействовали становлению системы социального обеспечения, развитию образования и др. Вместе с тем положение профсоюзов в советском обществе было неопределенным. Правящая партия, провозгласив профсоюзы «школой коммунизма», так и не смогла вложить в этот лозунг конкретное содержание и предпочитала рассматривать профобъединения как непартийный актив добровольных помощников партии. К концу 20-х годов профсоюзы утрачивают свои позиции в решении хозяйственных, социальных, трудовых проблем и в основном занимаются организацией субботников и воскресников, недель и месячников ударного труда, социалистического соревнования, культпросветработой и др. Самостоятельность профобъединений как общественных организаций носит формальный характер.

Массовой общественно-политической организацией советской молодежи был комсомол. В 1923 г. насчитывалось не многим более 300 тыс. комсомольцев, а в 1926 г. их численность уже достигала 1 млн. 750 тыс. чел. Комсомол рассматривался партией как ее молодежный резерв, как школа подготовки к вступлению в коммунистическую партию. В середине двадцатых годов комсомольцы активно участвовали в политических дискуссиях. В их среде политические лидеры, в частности Троцкий, искали поддержку. Из комсомольских активистов выросли многие партийные и государственные руководители 30–40-х годов. Комсомол сыграл важную роль в мобилизации молодежи на восстановление и развитие промышленности, на учебу в ФЗУ и рабфаках, на борьбу с неграмотностью. Вместе с тем партия, руководившая комсомолом, использовала энергию комсомольцев в насаждении атеизма и в разрушении церквей, в борьбе с кулачеством, с «буржуазными специалистами», «буржуазной культурой» и др.

В эти годы возникло немало добровольных обществ ~ рабочие общества шефства города над деревней, шефства над Красной Армией, «Долой неграмотность», «Друг детей» и многие другие, объединявшие не менее 10 млн. чел. Крупнейшие газеты вызвали к жизни рабселькоровское движение. Главный редактор «Правды» Н. Бухарин выступил за их подотчетность не местным парторганизациям, а редакциям газет, чтобы обеспечить большую самостоятельность их выступлений.

Палитра общественной жизни 20-х годов была очень разнообразной. В ней даже можно было увидеть зачатки своеобразного плюрализма. Однако в условиях ужесточения контроля и руководства со стороны партийных органов судьба общественных организаций не могла быть иной, как стать частью системы, направляющей деятельность миллионов людей в русло политики и идеологии, определенных правящей партией. Сталин призывал, чтобы «партия облагалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию партии». По мнению Сталина, главным в деятельности общественных организаций являлось осуществление «руководящих указаний партии». По этой схеме строились отношения партийных и общественных организаций. К общественным организациям, которые не укладывались в данную схему, партийное руководство относилось враждебно. Так, в середине 20-х годов настроениям крестьянства отвечала идея создания Крестьянского союза. Предложения организовать Крестьянский союз выдвигались в ходе выборов в Советы в 1925 г. крестьянами Воронежской и Смоленской губерний, в Шуге и др. Причем, основную задачу крестьяне видели в защите их интересов при установлении государственных цен на сельхозпродукцию с учетом затрат их труда, участия в избирательных кампаниях и др. Создание Крестьянского союза поддерживали ученые-аграрники. Однако официальные партийные круги организовали настоящую травлю тех, кто высказывал подобные предложения.

Судьба оппозиционных партий

Участь оппозиционных большевикам политических партий была предрешена. Большевики не собирались сотрудничать с «умеренными» социалистами, хотя многое в нэпе взяли из идей-

ного арсенала меньшевиков и правых эсеров. Меньшевики и эсеры, в свою очередь, были непримиримы к большевикам. Меньшевики, в частности Мартов и Абрамович, в 1918–1920-е годы яростно критиковали большевиков за «социалистический эксперимент» в отсталой России. В период нэпа они не менее жестко нападали на большевиков за «возвращение России в тихую гавань капитализма». В данном случае лидеры меньшевиков руководствовались не столько стремлением к объек-

тивной оценке происходивших событий, сколько задачами политической борьбы.

В 1923 г. Молотов подписал секретный циркуляр «О мерах борьбы с меньшевиками». ЦК ВКП(б) организовал движение за самороспуск меньшевистских партийных организаций. В 1923–1924 гг. проходили собрания и конференции меньшевистских организаций, на которых принимались решения о самороспуске. Уже в 1925 г. «Социалистический вестник» – центральный печатный орган меньшевиков, издававшийся в Берлине, писал, что в СССР меньшевистская партия имеет лишь «единицы и десятки» сторонников. Действовал только эмигрантский центр меньшевиков, просуществовавший до начала 1950-х годов, но не оказавший серьезного влияния на политическую жизнь российской эмиграции, а тем более Советского Союза.

Трагично складывалась судьба эсеров. Они критиковали не с левых социалистических позиций. По сравнению с меньшевиками эсеры имели гораздо большее влияние в массах, пользовались поддержкой населения во многих регионах России. Поэтому уже летом 1921 г. ВЧК намечает «провести массовые операции в государственном масштабе по правым и левым эсерам», чтобы «выкачать из деревни всех эсеров, засевших там в кооперативах, земотделах, наробразах, продорганах». Против эсеров разворачиваются репрессии. Летом 1922 г. в Москве прошел судебный процесс над членами ЦК и рядом активистов партии социалистов революционеров. Из 34 подсудимых 12 были приговорены к расстрелу, остальные – к тюремному заключению на срок от 2 до 10 лет. Президиум ЦИК помиловал десять приговоренных к смертной казни. Для двоих осужденных исполнение смертного приговора приостановили с оговоркой немедленного его приведения в действие, если эсеры будут использовать вооруженные методы борьбы с Советской властью.

В печати была организована широкомасштабная кампания по дискредитации партии эсеров. Тем не менее их деятельность продолжалась. Однако в условиях стабилизации обстановки в стране, достижения хозяйственных успехов, она не имела перспектив. С арестом в 1925 г. последнего состава Центрального бюро (руководящий орган эсеров) партия эсеров практически прекратила свое существование. Действовали лишь ее заграничные центры.

Социалистические партии сходят с политической арены – и в СССР окончательно утверждается однопартийная диктатура. Свою роль сыграла репрессивная по отношению к «непролетарским» партиям политика большевиков, пропагандистские кампании по дискредитации оппонентов, чистки советских и государственных учреждений, общественных организаций от членов небольшевистских партий и др. Вместе с тем были и объективные причины затухания деятельности социалистических партий в СССР поскольку большевики сумели добиться стабилизации внутривластного и экономического положения страны, преодолеть народнохозяйственную катастрофу и дать миллионам людей надежду на лучшую жизнь. В этих условиях население, уже умудренное недавним прошлым, в досталь вкусившее лозунговой пропаганды и обещаний различных политических сил и испытывавшее на себе все ужасы революционного лихолетья, предпочитало поддерживать тех, кто реально обеспечивал пусть скудную, но стабильную жизнь. Для большинства людей важны были не социалистические призывы большевистских, эсеровских или меньшевистских вождей и партийных активистов, а судьба семьи, близких, друзей. Перспективы новых политических схваток, грозящих кровавыми трагедиями, пугали и отталкивали. Из двух зол выбирали меньшее. Поражение социалистических партий свидетельствовало о безразличном отношении населения к политической борьбе и потере веры в партии и их вождей.

В конце двадцатых годов усилились репрессии, широко применявшиеся в отношении действительных и мнимых противников большевиков. Громкое «Шахтинское дело» (1928) о «саботаже буржуазных специалистов» на шахтах Донбасса положило начало череде политических судебных процессов, а также знаменовало собой наступление на старую интеллигенцию. С началом коллективизации развернулись массовые репрессии против крестьянства. Сотни тысяч крестьянских семей подвергались экспроприации и депортации.

**Краткие итоги** В 20-е годы правящая партия сумела сформировать мощный механизм государственной власти и управления, регулирующий практически все стороны жизни советского общества. Большевики активно стимулировали процессы огосударствления общества, добивались всеохватывающего партийного и государственного влияния на по-

литику, экономику, социальные отношения, культуру, науку, образование и даже частную жизнь граждан. Партия пыталась построить пирамиду власти, положив в ее основание разветвленную сеть Советов, что позволило бы правящему режиму обрести необходимую устойчивость на фундаменте массовых организаций трудящихся – Советов рабочих и крестьянских депутатов. Однако, хотя система представительной власти и сложилась к концу 20-х годов, не она стала главным фактором политического развития страны, поскольку находилась в подчиненном положении к исполнительным и, особенно, партийным органам. Власть осуществлялась не столько через Советы, сколько через партийно-государственный аппарат от имени Советов. Тому были и объективные причины. Сказывались усталость населения страны от войны и революционных потрясений, от обнищания и разорения послереволюционного периода, а также отсутствие опыта взаимодействия представительных и исполнительных ветвей власти, хозяйственная разруха и социально-психологические последствия гражданской войны, породившей у различных слоев населения взаимные обиды, недоверие и вражду.

На судьбе Советов самым негативным образом отразилась идеологическая зашоренность большевиков, делившая общество на «социально-близкие» и «классово-чуждые слои», разжигавших социально-классовые противоречия и др.

Узкоклассовый подход большевиков к государственному строительству был одной из основных причин их недоверия к Советам и упорного стремления превратить собственную партию в главное звено политической системы.

**Образование СССР** Несмотря на то, что в 1921 г. большевики контролировали основную часть территорий бывшей Российской империи, процесс интеграции советских республик в новое единое государство шел очень сложно. Помимо трудностей, возникавших с образованием новых национальных автономий в самой РСФСР, большевики сталкивались с проблемой советизации Средней Азии. Еще более сложным был поиск новой формы объединения между РСФСР и другими независимыми советскими республиками – Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией и Азербайджаном.

Политика образования национальных автономий была чрезвычайно запутанной. В одних случаях права одних националь-



ностей ущемлялись в пользу других. Так, в 1920 г. заведующий чувашским отделом Наркомата по делам национальностей жаловался своему начальству на то, что при организации Чувашской трудовой коммуны ЦК РКП(б) почему-то решил включить в ее состав только 3 уезда Казанской губернии, из-за чего «за пределами такой куцей коммуны остается две с лишком трети всего чувашского населения и 500 с лишним тысяч чувашского населения, населяющего компактной массой в 95% территорию, непосредственно прилегающую к тем 3-м уездам, которые ЦК решил выделить в особую чувашскую единицу». Наряду с этим большевики сталкивались с полным равнодушием коренных народов к экспериментам с раздачей автономий. В январе 1921 г. на съезде коммунистов-зырян (коми) отмечалось, что в ряде уездов отношение зырян к автономии либо просто безразлично, либо они вообще не представляют себе, что это такое.

Тяжело проходила советизация Средней Азии. Здесь большевики надолго столкнулись с сопротивлением басмачей, выливающимся порой в широкомасштабные боевые действия. Так, в феврале 1922 г. кадровый турецкий генерал Энвер-Паша организовал поход на Бухару и захватил Душанбе, который большевикам удалось отбить только в середине июля 1922 г. Лидеры басмаческого движения искусно манипулировали широкими слоями местного населения, используя промахи большевиков. Нередко эмиссары Москвы сами провоцировали недовольство. В сентябре 1921 г. председатель Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и Туркестанской комиссии ВЦИК Я. Рудзутак сообщал в центр о том, к каким тяжким последствиям в Киргизии привела политика ответственного работника ЦК Г. Сафарова: «Чтобы обеспечить себе опору в туземном населении, велась зачастую демагогически-националистическая агитация, в результате чего неоднократно звучали угрозы со стороны киргиз вырезать русское население. Землеустроительные тройки творили по поселкам невиданные бесчинства. Предписывали сельским и волостным ревкомам кормить их поросятами, «молодыми и жирными утками», требовали «молодых женщин или девиц для стирки белья». В результате этой земельной реформы мы имеем верненское и нарынское восстания, громадный недосев и уже начинающийся голод в некоторых раньше хлебобородных уездах». Немедленный отзыв Сафарова из Турке-

стана делу не помог – позиции большевиков в Средней Азии были настолько ослаблены, что даже такой последовательный централист как Сталин в своем плане «автономизации» предложил оставить открытым вопрос о вхождении в РСФСР Бухарской и Хорезмской республик.

Особые затруднения вызывал поиск новых форм объединения советских республик. В январе 1922 г. при решении вопроса об участии РСФСР и других советских республик в Международной экономической конференции в Генуе нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин выдвинул предложение «о включении братских республик в РСФСР к моменту конференции», поскольку считал, что, «если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших отношениях с Западом». Чичерина поддержал нарком финансов РСФСР Г. Сокольников, предложивший к тому же включить в состав РСФСР Бухарскую и Хорезмскую республики, но Чичерин, опасавшийся осложнений с Афганистаном и усиления местного национализма, выступил против. Тогда Ленин и Сталин избрали иной путь, решив не увязывать вопрос об объединении республик с конференцией в Генуе, а выдвинуть идею создания «единого дипломатического фронта», проводящего общую внешнюю политику.

Несогласованность, а затем и острые разногласия при разрешении широкого круга вопросов – от внешней политики до проблем образования – проявились в партийном и государственном аппарате из-за отсутствия четкого разграничения полномочий между центральной и республиканскими властями. Центр нередко дискредитировал себя, вмешиваясь до мелочей в жизнь народов, об особенностях которых он порой и не подозревал. В октябре 1922 г. между ВЦИК и Наркоматом по делам национальностей возник конфликт по вопросу изучения корана в школах Туркестана. Наркомнац протестовал против того, что ВЦИК отменил постановление Туркестанского ЦИК, разрешавшее изучение корана: «Этот весьма серьезный вопрос был разрешен без заслушания Наркомнаца, имеющего основания считать, что при настоящих политических условиях в Туркестане упомянутое решение может привести к нежелательным последствиям». Подобных просчетов центральная власть допускала предостаточно.

С другой стороны, имел место откровенный саботаж жизненно важных мероприятий центра со стороны республик. Азербайджан и Грузия срывали государственную монополию внешней торговли и введение единой денежной единицы. В Азербайджане на протяжении почти всего 1922 г. шел бойкот российского рубля. В декабре 1922 г. член ЦИК Азербайджана И. Варейкис в интервью «Известиям» говорил о том, что в середине 1922 г. был установлен официальный курс «с лажем в пользу азербайджанских денежных знаков сначала в 5 процентов, а затем лаж все увеличивался. Благодаря этому спекуляция деньгами приняла в Азербайджане необычайные размеры». Кроме того, азербайджанские власти фактически свернули таможенный контроль на границе с Ираном. В Грузии саботаж экономических мероприятий центра был еще сильнее. В сентябре 1922 г. Сталин с возмущением информировал Ленина о том, что «Грузинский ЦК, оказываясь, решил без ведома ЦК РКП разрешить оттоманскому банку (англо-французский капитал) открыть свое отделение в Тифлисе, что несомненно привело бы к финансовому подчинению Закавказья Константинополю (уже теперь в Батуме и Тифлисе турецкая лира является господствующей и вытесняет с рынка грузинские и русские деньги)».

Саботаж жизненно важных экономических мероприятий центра приводил к росту изоляционистских и сепаратистских настроений. Здесь больше всех отличились власти Грузии. Так, 14 июля 1921 г. Грузинский ревком постановил «разгрузить г. Тифлис от всех лиц, кои: а) не связаны с городом Тифлисом коренным жительство и б) не добывающие средств к существованию общественно-полезным трудом обязаны в течение двух недель со дня опубликования настоящего постановления выехать из пределов города». От этого декрета страдала многочисленная армянская диаспора Тифлиса и беженцы из голодных районов России. В марте 1922 г., когда приток голодных беженцев с Северного Кавказа и Поволжья значительно вырос, председатель ЦИК Грузии Ф. Махарадзе и заместитель председателя СНК Грузии М. Окуджава издали распоряжение, согласно которому границы республики объявлялись закрытыми, и дальнейший пропуск беженцев на ее территорию был прекращен. Председатель ЦИК Абхазии Е. Эшба приказывал всех беженцев арестовывать и высылать на пре-

жнее место жительства «за свой счет исключительно в этапном порядке, на арестантском положении».

В августе 1922 г. централистское крыло партии решило положить конец изоляционистским и сепаратистским тенденциям во взаимоотношениях РСФСР с другими советскими республиками. Решением Политбюро ЦК РКП(б) Оргбюро ЦК организовало комиссию по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик». По заданию этой комиссии Сталин подготовил так называемый проект «автономизации», сутью которого было предложение о вхождении в РСФСР на правах автономных республик Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении. Необходимость такого варианта Сталин объяснял тем, что «молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик». Генсек стремился убедить Ленина в том, что, если окраины не будут во всем безусловно подчиняться центру, «через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик». Чтобы парализовать сопротивление противников «автономизации», Сталин предложил не публиковать решение ЦК РКП(б) («если оно будет принято») по этому вопросу и обязать ЦК компартий республик считать это решение циркулярной директивой, которую без всяких обсуждений надо провести «в советском порядке».

Сталинский план автономизации стал закономерным итогом борьбы между теми, кто под коммунистическим флагом шел к изоляционизму и сепаратизму и теми, кто стремился добиться единства республик под эгидой центрального московского правительства. По мере того, как усиливались сепаратистские настроения среди национал-коммунистов, значительно окрепли позиции централистского крыла партии. Идея объединения республик на правах автономий в составе РСФСР, которую помимо Сталина отстаивали В. Молотов, Г. Орджоникидзе, Г. Сокольников, Г. Чичерин и др., созрела не только в высших эшелонах власти, но и выдвигалась на более низких ступенях государственного аппарата и имела немало сторонников среди коммунистов окраин. Более того, именно из среды чиновников и партийных работников средней руки исходили еще более жесткие проекты и высказывания в пользу скорейшего объединения советских республик в прочное единое государ-

ство. Так, в 1921 г. на X съезде РКП(б) В. Затонский (один из лидеров компартии Украины) усилил тезис Сталина о том, что существование отдельных республик невозможно из-за угрозы их завоевания: «Даже если бы и не было военной угрозы, все время, поскольку мы имели дело с советскими республиками, они должны были бы объединиться экономически... Совершенно естественно, если бы мы в ущерб окраинам укрепляли центр, то мы поступали бы правильно, и если бы нам нужно было для укрепления его даже ограбить окраину, — то мы пошли бы и на это, потому что этого требует принцип ударности». В мае 1922 г. заместитель наркома по делам национальностей Г. Бройдо предложил уладить трения между центром и окраинами путем реорганизации Наркомнаца «по типу Английского министерства колоний, в ведении которого сосредотачивается все политическое и экономическое руководство автономных и независимых республик и областей с одновременным изъятием этих функций из ведения соответствующих наркоматов РСФСР». Созданию такого наркомата воспротивился Сталин, предложивший реорганизовать Наркомнац при помощи создания специальных федеральных комитетов по отдельным отраслям народного хозяйства, в котором работали вместе и представители автономий и чиновники центрального аппарата. На ликвидации независимых республик настаивал и один из секретарей ЦК КП Украины Д. Мануильский. В начале сентября 1922 г. он обратился к Сталину с предложением о «ликвидации самостоятельных республик и замены их реальной автономией». Таким образом, идея автономизации была выдвинута Сталиным исходя из тех централистских настроений, которые имели место в партии в 1921–1922 гг.

В сентябре 1922 г., после ознакомления руководства республик с планом «автономизации», борьба сторонников и противников ее вступила в новую фазу. Сразу согласие на вхождение в РСФСР дали ЦК компартий Азербайджана, Армении и руководство Закавказского крайкома РКП(б); ЦК КП(б) Грузии, наоборот, высказался против; руководство Украины и Белоруссии откладывало обсуждение этого вопроса, выжидая, как развернутся события дальше. Такой расклад сил был явно не в пользу Сталина и других сторонников плана «автономизации», но положение вскоре изменилось для них в лучшую сторону, когда представителей республик вызвали на заседание комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу «О взаимоотношениях

РСФСР и независимых республик» 23 сентября 1922 г. Уже в первый день за проект Сталина проголосовали представители всех республик, за исключением представителя Грузии. Он воздержался. 24 сентября были улажены все спорные вопросы — центр пошел на некоторые уступки, разрешив республикам, во-первых, иметь своих представителей в Президиуме ВЦИК; во-вторых, согласился с тем, чтобы назначение в республики уполномоченных общесоюзных наркоматов (иностранных дел, внешней торговли, путей сообщения, военных и морских дел, почт, телеграфов) согласовывалось с местными ЦИК; в-третьих, в заграничные представительства наркоматов иностранных дел и внешней торговли допускались представители республик; в-четвертых, наркомат финансов из общесоюзного наркомата был переведен в разряд союзно-республиканских. Эти уступки нейтрализовали лидера грузинской компартии Б. Мдивани, который выступил с предложением о создании в республиках аппаратов для организации национальных армий и об обязательном обсуждении решений комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) в верхушках парторганизаций республик до начала пленума ЦК РКП(б). Эту инициативу, однако, никто не поддержал — представители республик вполне довольствовались достигнутым. Казалось, что Сталин и другие сторонники «автономизации» добились своей цели, но 26 сентября 1922 г. ситуация изменилась в совершенно неожиданном направлении. В этот день через Л. Каменева Ленин оповестил Политбюро о том, что он не согласен с планом Сталина и потребовал создания новой федерации — Союза Советских Республик Европы и Азии (вскоре это название было заменено на СССР) и общесоюзных органов власти. Сталин был вынужден принять этот план.

Несмотря на то, что 5–6 октября пленум ЦК РКП(б) принял все поправки Ленина и декларировал образование СССР, из которого каждая республика имела право на выход (чего не было в сталинском проекте), но Раковский, Мдивани и другие хотели еще больших уступок. Видя, что в руководстве партии твердого курса на ликвидацию независимых республик нет, они были полны решимости добиться не только по возможности больших политических уступок, но и посеять семена раздора между Лениным и Сталиным.

Грузия продолжала нарушать государственную монополию внешней торговли, укрепляя собственную валюту (в октябре 1922 г. грузинский бон в 25 раз превышал покупательную спо-

способность российского рубля). Практикуя разного рода сомнительные сделки, грузинские «товарищи» дошли до того, что в ноябре 1922 г. самовольно сдали в аренду англо-американской компании «Стандарт-Ойл» нефтяные резервуары Батуми (в то время это был важнейший порт, через который транспортировалась нефть из Баку – других таких портов у России тогда не было). Узнав об этой сделке, Сталин послал резкую телеграмму Закавказскому крайкому, в которой указал в частности на то, что «резервуары в Батуми являются собственностью всей федерации и никакие коммунхозы не имеют права сдавать их в аренду, да еще таким врагам нашей нефтяной промышленности как «Стандарт Ойл». Натолкнувшись на жесткость Сталина и Орджоникидзе в этом вопросе, национал-коммунисты спровоцировали так называемое грузинское дело. После того, как Москва достаточно прохладно отнеслась к коллективной отставке грузинского ЦК 21 октября 1922 г., группа Мдивани спровоцировала Орджоникидзе на рукоприкладство (что было сделано просто – его обозвали «сталинским ишаком») и сумела перетянуть на свою сторону Ленина. Встревоженный перспективой раскола партии из-за ошибок в национальной политике, Ленин потребовал «примерно» наказать Орджоникидзе и заявил в своей статье «К вопросу о национальностях или об автономизации» (30–31 декабря 1922 г.) о том, что необходимо реорганизовать СССР, оставив его «лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов». 6 марта 1923 г. Ленин проинформировал Мдивани и его сторонников о том, что готовит в их поддержку речь на очередном съезде партии. Только новый приступ болезни, от которого Ленин уже не оправился, помешал ему осуществить это намерение.

На фоне такой конфликтной ситуации, сложившейся в результате обострения борьбы за власть среди ленинских наследников, достаточно безболезненным было формальное провозглашение СССР на I общесоюзном съезде Советов 30 декабря 1922 г., но в весьма тяжелой атмосфере прошел XII съезд РКП(б) в апреле 1923 г. На нем Раковский, Мдивани и ряд других национал-коммунистов с сепаратистскими наклонностями попытались провести предложение о реорганизации СССР в пользу своих республик, а точнее, властных элит. Так, Раковский прямо призвал «отнять от союзных комиссариатов 9/10 их прав и передать их национальным республикам». Мдивани

конкретизировал этот призыв, назвав наркоматы, которые надо передать в исключительное ведение республик: продовольствия, народного хозяйства, труда и рабоче-крестьянской инспекции. Кроме того, он выдвинул предложение о необходимости создания национальных армий и воинских частей в республиках. Несколько неожиданную поддержку грузинским национал-коммунистам оказал Н. Бухарин, заявивший, что «если, например, т. Мдивани делает некоторые ошибки по отношению к армянам, то это почти не отражается на международной политике, но то обстоятельство, когда русские, которые выступают сейчас носителями русской государственной идеи в советской форме, когда они ущемляют другие национальности, тогда дело другое, это есть самое опасное». Столь типичный для Бухарина выпад против «великорусского шовинизма» не помог, однако, Мдивани, Раковскому и др. На XII съезде РКП(б) они потерпели фиаско, так и не сумев создать единый оппозиционный национальной политике Сталина блок, тем более, что Сталина активно поддерживали Зиновьев и Каменев, боявшиеся усиления роли Троцкого в случае ослабления Генсека и его аппарата.

Несмотря на поражение на XII съезде РКП(б) радикалы не теряли надежд. На IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) они снова перешли в наступление. Главную роль играл Раковский. Его предложения по устройству центральной системы государственного управления СССР вели к конфедерации (термин «конфедерация» был в ходу у украинских национал-коммунистов, управляющий делами Совнаркома Украины П. Солодуб в декабре 1922 г. прямо писал о том, что «будущий союз республик будет ничем иным, как конфедерацией стран»). Стремление превратить СССР в конфедерацию выразилось у Раковского в том, что он требовал, чтобы в каждой союзной республике были свои наркоматы иностранных дел и внешней торговли; чтобы в Договоре об образовании СССР было сказано, что республики такие-то «образуют СССР» вместо: республики такие-то «объединяются в одно союзное государство». Однако и эти попытки потерпели провал.

В 1923 г. новая российская государственность в облике СССР прошла испытание на прочность во внутривластной борьбе.



## Вопросы и задания

- Охарактеризуйте нэп – это:  
а) антикризисная платформа; б) универсальный метод советского строительства; в) реставрация режима капитализма.  
Аргументируйте свое мнение.
- Что оппозиция конца 1920-х – начала 1930-х годов понимала под термином «термидор»?
- Какие идеи дореволюционных буржуазных русских и зарубежных специалистов использовали большевики в 1917–1927 гг.?
- Можно ли говорить об отчуждении работника от средств производства, об эксплуатации трудящихся в условиях советского строя?
- Назовите регрессивные черты отечественной экономики 1920-х годов.
- Назовите прямые и косвенные формы регулирования хозяйства и общества в первое послереволюционное десятилетие.
- Охарактеризуйте особенности рынка в условиях нэпа и роль товарно-денежных отношений в плановой и регулирующей деятельности государства в 20-е годы.
- Почему в России 1920–1930-х гг. не было создано массовых оппозиционных организаций? Можно ли согласиться с утверждениями о том, что «народ молчал»?
- В чем заключается общеисторическое значение опыта нэпа?

**§ 1. Советская внешняя политика в годы революции и гражданской войны****Декрет о мире**

Первым программным внешнеполитическим документом советской власти стал декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 г. и написанный В. Лениным. В нем содержалось предложение всем правительствам и народам воюющих стран немедленно начать переговоры о «справедливом демократическом мире». Под таковым Советское правительство подразумевало «Немедленный мир без аннексий (без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций (без принудительных платежей, взимаемых с побежденных государств государствами-победителями)». 9 (22) ноября 1917 г. Ленин обратился по радио к солдатам и матросам с призывом выбирать уполномоченных и вступать в переговоры с солдатами неприятеля, в результате чего начались «солдатские миры» на фронтах.

Эта большевистская инициатива ставила перед противоборствующими сторонами (Антантой и Четверным союзом) самый главный вопрос: за чей счет будет заключен мир?

Каждой стороне хотелось выйти из войны с победой. Предложение Советского правительства о мире без аннексий и контрибуций, будь оно принято, лишало всех участников этих надежд. Одновременное обращение большевиков к правительствам и народам, подкрепленное призывом к «братанию», означало отказ от традиционных приемов дипломатии. Советская сторона знала, что заключение мира положит конец войне, но отнюдь не революционным потрясениям. «Армия русской революции, — писала «Правда» 6 ноября, — опирается на неисчислимы́е резервы. Угнетенные нации Азии так же стра-

тно ждут падения режима капиталистического насилия, как и угнетенные пролетарские массы Европы... И пламя октябрьской петроградской революции неизбежно разрастется в огненную бурю, которая повергнет на землю меч разбойной войны и испепелит господство капитала». Большевистские стратеги делали ставку на мировую революцию и с этой точки зрения Ленин и его сподвижники определяли свои задачи. Обращение к народам воюющих держав с призывом к справедливому демократическому миру явилось мощным пропагандистским средством: в Великобритании, Франции и США начались демонстрации и митинги с требованиями мира и поддержки Советской России.

После отклонения его предложений о мире правительствами стран Антанты, Советское правительство пошло на переговоры с Четверным союзом (Четверной союз включал Германию, Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию, которые противостояли в мировой войне державам Антанты).

<b>Брест-Литовские переговоры</b>	9 (22) декабря 1917 г. в Брест-Литовске начала работу мирная конференция с участием представителей Советской России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Советскую делегацию возглавлял А. Иоффе. Основой программы советской делегации стала декларация, предусматривавшая отказ обеих сторон от насильственного присоединения оккупированных во время войны территорий и вывод оттуда оккупационных войск; восстановление во всей полноте политической самостоятельности тех народов, которые лишились ее в ходе войны; отказ от взыскания с других государств контрибуций и «военных издержек». Германская сторона после многочисленных консультаций и обсуждений с руководством своих политических, финансово-промышленных и военных кругов выработала программу, которая основывалась на первоочередном удовлетворении собственных интересов и до определенного времени тщательно скрывалась. В основу этой программы легли намерения по присоединению к Германии Прибалтики и расчленению Польши, чтобы, как указывалось в одном из немецких документов, «управлять народами иного происхождения «длинной вожкой». Германия также намеревалась сохранить оккупационный режим в занятых ее войсками областях России и использовать российские экономические ресурсы для снабжения сво-
-----------------------------------	--

ей страны продовольствием и стратегическим сырьем, что, должно быть, и означало для нее победоносное завершение войны. Формально соглашаясь с советскими принципами ведения переговоров (мир без аннексий и контрибуций), державы Четверного союза сделали заявление, что «предложения русской делегации могли бы быть осуществимы лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы без исключения и без оговорок, в определенный срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия» и потому для успешного продолжения переговоров необходимы гарантии со стороны союзников России по отношению к Четверному союзу. Практически это сводило на нет согласие представителей германского блока на заключение всеобщего мира.

В поисках выхода из сложившейся ситуации в работе конференции был объявлен 10-дневный перерыв, а 17 (30) декабря 1917 г. советское правительство выступило с обращением к народам и правительствам союзных стран принять участие в работе конференции. Верное своей линии на разжигание мировой революции, большевистское руководство предлагало Франции, Италии, Великобритании, США и другим союзным странам не только согласиться с предоставлением права самоопределения народам, входившим в состав государств немецкого блока, но и предоставить аналогичное право народам их колоний (Ирландии, Египта, Индии, Мадагаскара, Индокитая и т.д.) по образцу того, как это сделала русская революция по отношению к народам Финляндии, Украины и Белоруссии. Для придания большей убедительности своей внешнеполитической акции, Совнарком на следующий день признал независимость Финляндской Республики. Понимая, что Антанта не пойдет на советские предложения, в обращении от 17 (30) декабря к союзникам подчеркивалось, что Россия «не связывает себя в этих переговорах (Брест-Литовских) соглашением союзных правительств», в случае отказа от предложенных условий «рабочий класс будет поставлен перед железной необходимостью вырвать власть из рук тех, которые не могут или не хотят дать народам мир».

Ввиду явного нежелания правительств союзных стран присоединиться к мирным переговорам 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) Советское правительство продолжало один на один начатые переговоры с германским блоком. Состав со-

ветской делегации был изменен, теперь ее возглавлял нарком по иностранным делам Л. Троцкий. Германская делегация предъявила свои территориальные претензии, выложив карту, на которой была обозначена линия границы, проходившая восточнее Моонзундского архипелага и Риги, западнее Двинска, у местечка Видзы, и далее к Брест-Литовску. Границу южнее Брест-Литовска, по заявлению германской делегации, надлежало определить путем переговоров между Германией и Украинской Центральной Радой (правда, к этому времени I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину советской республикой и объявил Раду низложенной, но Троцкий заявил, что «не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах»). В соответствии с намеченной Германией пограничной линией от России отходили Польша, Литва, Курляндия, часть Лифляндии, Эстляндии, а также часть Гродненской губернии – территория размером свыше 160 тыс. км<sup>2</sup>.

27 января (9 февраля) 1918 г. Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция подписали договор с Украинской Центральной Радой, которая обязалась за военную помощь против большевиков поставить странам Четверного союза большое количество продовольствия и сырья. В тот же день вечером советской делегации был предъявлен ультиматум немецким блоком о принятии германских условий мира с отказом от прибалтийских областей до линии Нарва, Псков, Двинск.

31 января (13 февраля) 1918 г. на совещании кайзера Вильгельма II с представителями имперского правительства и верховного командования были окончательно выработаны планы Германии в отношении России и дальнейшего ведения войны: «Мы нанесем большевикам смертельный удар и укрепим наше внутривосточное положение, освободим на Востоке крупные силы для большого удара, который настоятельно необходимо нанести на Западе». Тогда же немецкая сторона пришла к заключению, что «Троцкий прибыл в Брест, чтобы делать революцию, а не заключать мир».

Страны Четверного союза были крайне заинтересованы в немедленном подписании мирного договора. Во-первых, по причине усиления разногласий между ними в территориальном вопросе, так как резкое изменение международной обстановки, происшедшее в результате Октябрьской революции,

привело к пересмотру прежних секретных договоренностей между Германией и ее союзниками в отношении «исправления границ» и «обоюдного приобретения территорий» в Европе и на Балканах. В этом вопросе Германия все больше оттесняла Австро-Венгрию на второй план. Во-вторых, к скорейшему заключению мира вынуждало все ухудшающееся внутреннее положение держав германского блока: помимо продовольственного кризиса, в январе 1918 г. в Австрии и Германии вспыхивали рабочие забастовки. К тому же, по мнению немецкой стороны, после разгона Учредительного собрания позиции большевиков в России несколько укрепились. Не сбрасывалось со счетов и возможное сближение большевиков с Антантой, которой для победы в войне было крайне важным сохранение Восточного фронта.

28 января (10 февраля) 1918 г. Троцкий огласил ответ на германский ультиматум – Советская Россия договор о мире подписывать не будет, войну прекращает, а армию демобилизует. Глава германской делегации указал, что в случае отказа заключить мир договор о перемирии теряет свое значение и по истечении предусмотренного в нем срока война возобновляется.

18 февраля развернулось наступление военных сил Четвертого союза по всему Восточному фронту от Рижского залива до устья Дуная. Русские армии сдержать натиск не смогли, и 19 февраля советское правительство сообщило германскому правительству о готовности подписать мир на условиях, предъявленных германской делегацией в Брест-Литовске. Немцы продолжали наступление и только 22 февраля согласились на мир, предъявив ультиматум на более тяжелых условиях, чем выдвинутые ранее в Брест-Литовске. На размышление советской стороне давалось 48 час.

#### **Брестский мир и его последствия**

После обсуждения в ЦК партии и во ВЦИК ультиматум был принят, и советская делегация во главе с Г. Сокольниковым выехала в Брест-Литовск: 3 марта 1918 г. мирный договор был подписан.

Согласие России на позорные условия Брестского мира было во многом обусловлено политической недалекновидностью Троцкого, его трусостью взять на себя личную ответственность в решающий исторический момент за непопулярную позицию большевиков. 20 февраля 1918 г. уже после того как советс-

кое правительство заявило о своем согласии на мир на условиях, выдвинутых Германией, Троцкий изложил Ленину главную причину своей позиции на переговорах: «Когда я отстаивал *неподписание*, я доказывал, что нужно, чтобы всем было ясно, что мы не можем не подписать: нужно немецкое наступление». Однако еще до отъезда Троцкого в Брест-Литовск большевистское руководство хорошо знало, что немцы готовы к наступлению по всему фронту (в случае отказа советской стороны принять их условия) и что русская армия в условиях стихийной демобилизации и падения дисциплины не способна это наступление отразить. И даже когда немецкие войска развернули ширококомасштабное наступление, Троцкий продолжал настаивать на правильности проводимой им линии. Одновременно он заявлял Ленину: «Отстаивать дальше другую политику я не мог, имея против себя половину ЦК с Вами во главе. Я слагаю с себя звание комиссара по иностранным делам». Таким способом Троцкий пытался дистанцироваться от линии Ленина, целиком возложить на последнего ответственность за принятие «похабного» (ленинская формулировка) мира и связанную с этим реальную возможность утраты большевиками власти в стране. Такая политика не была случайной — она отражала внутривнутрипартийную борьбу за роль лидера. Решающее столкновение по вопросу о заключении Брестского мира произошло на VII экстренном съезде РКП(б), состоявшемся 6–8 марта 1918 г. Ленин выступал дважды; он стремился доказать, что «мир — это не капитуляция», а тактический маневр, необходимый для выигрыша времени и спасения власти. Бухарин утверждал, что «покупать двухдневную передышку, которая ничего не даст» ценой уничтожения «себя в качестве авангарда международной социалистической революции» нельзя. Его поддержала группа так называемых левых коммунистов (Урицкий, Бубнов, Рязанов, Осинский, Сапронов и др.), выступающих за войну против Германии, что, по их мнению, превращало ее в «гражданскую войну в мировом масштабе». Троцкий занял позицию нейтралитета, отстаивая свой прежний лозунг «ни войны, ни мира», так как был уверен, что возможность «подписать мир, хотя бы и в худших условиях», всегда будет.

За позицию Ленина и его проект резолюции проголосовало большинство. 15 марта IV Чрезвычайный съезд Советов ратифицировал Брестский мир, согласно которому от России оттор-

гались Прибалтика и часть Белоруссии; на Кавказе к Турции отходили Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами; части Красной Армии надлежало оттуда вывести. Советское правительство обязывалось заключить договор с Украинской Центральной Радой и одновременно признать мирный договор, который Рада заключила 27 января (8 февраля) 1918 г. с Четверным союзом. Оккупации подлежала территория бывшей Российской империи площадью около 1 млн. км<sup>2</sup>, на которой проживала примерно треть населения России и размещалось около половины объема всей промышленности. Советское правительство должно было демобилизовать армию, включая вновь сформированные части Красной Армии; корабли Военно-Морского флота – войти в русские порты или стоять там до заключения всеобщего мира, или немедленно разоружиться. Восстанавливались крайне невыгодные для России таможенные тарифы 1904 г. в пользу Германии.

Переброска на Запад части войск с Восточного фронта, а, главное, безудержный грабеж продовольственных, материальных и сырьевых ресурсов оккупированных российских территорий позволили Германии сделать с 21 марта по 17 июня 1918 г. пять крупных наступательных операций на Западном фронте. Однако частичные успехи, достигнутые германскими войсками, не имели стратегического значения и не достигли главной цели – разгрома вооруженных сил Антанты. В ответ союзные державы сами перешли в наступление, применяя систему бесперывных ударов.

Создавшаяся летом 1918 г. ситуация позволяла большевистскому руководству попытаться использовать Германию как против англо-французских интервентов на территории России, так и против белых генералов. «Помощи» никто не просил у немцев, – писал в августе 1918 г. Ленин, – а договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и на Алексея (правитель территории, на которую распространялась власть Добровольческой армии). Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами».

Ведение ожесточенных боев на Западном фронте способствовало усилению внутреннего напряжения в воюющих странах и неизбежно вело к революционизации народных масс Европы, что отвечало стратегическим целям большевиков. Продление мировой войны на Западе могло, по их мысли, вызвать серьезное ослабление мощи Антанты, поэтому следовало поддержать



Германию и тем оттянуть поражение немцев. 27 августа 1918 г. в Берлине в дополнение к Брестскому миру были подписаны русско-германский договор и финансовое соглашение. Россия обязывалась уплатить Германии контрибуцию в 6 млрд. марок (было уплачено золотом около 245,5 т). Согласно договору, стороны обязались прилагать усилия в борьбе внутри России с Добровольческой армией, интервенцией Антанты и чехословацким мятежом.

9 ноября 1918 г. в Германии произошла революция, свергнувшая монархию Гогенцоллернов, а 13 ноября ВЦИК принял постановление об аннулировании Брест-Литовского мирного договора (равно как и дополнительного соглашения, подписанного в Берлине 27 августа). Все прежние обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или территориальных уступок, объявлялись недействительными.

Выход России из мировой войны путем заключения сепаратного мира с державами Четверного союза позволил большевикам удержать власть в стране и подмять на время политическую оппозицию. В какой-то мере оправдалась и ставка на революцию в Европе, что позволило правительству Ленина заявить о себе как о реальной силе, открыто угрожающей могуществу крупнейших капиталистических стран. Но давалось все это дорогой ценой. В России свирепствовала гражданская война, вина за которую в основном падала на большевиков и проводимую ими политику. «Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото, — говорил в послании Совнаркому в октябре 1918 г. патриарх Тихон. — Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир».

<b>Завершение первой мировой войны. Версальский мирный договор</b>	11 ноября 1918 г. между Антантой и Германией были подписаны условия перемирия. Они предусматривали прекращение военных действий, вывод германских войск из оккупированных районов Франции, Бельгии, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии. Войска Антанты оккупировали левый берег Рейна. Германия обязывалась выдать Антанте большое количество пулеметов, самолетов, грузовых автомобилей, надводный флот. Это перемирие носило ярко выражен-
--	--

ный антирусский характер. Согласно статье 12-й, германские войска продолжали оставаться на занятых ими территориях Советской России до тех пор, пока этот вопрос не решат союзники, «учитывая внутреннее положение этих территорий». Предусматривался также свободный вход и выход в Балтийское море для военных и торговых судов Антанты, что способствовало интервенции в Россию.

18 января 1919 г. в Версальском дворце открылась конференция союзных стран по выработке условий послевоенного мирного урегулирования. На ней были представлены 27 стран, участвовавших в войне против Четверного союза или разорвавших дипломатические отношения с Германией. Но фактическими вершителями судеб мира были Англия, Франция и США. Германия и ее бывшие союзники по войне от участия в работе конференции были отстранены, как и Советская Россия.

Мирный договор с Германией был подписан 29 июня 1919 г. и вступил в силу 10 января 1920 г, после его ратификации Англией, Францией, Италией, Японией и Германией. От Германии отходила часть территории в пользу Франции, Бельгии, Польши, Дании, Чехословакии (ок. 70 тыс. км<sup>2</sup> с населением 6,5 млн. чел.), и она лишалась всех колониальных владений. Военные статьи Версальского договора предписывали Германии отмену всеобщей воинской повинности, ограничение вооруженных сил; запрет на современные виды вооружения. Ей предписывалось признать все договоры и соглашения союзных и объединившихся держав со всеми вновь образованными (или образующимися) государствами на территории бывшей Российской империи. Фактически это означало сотрудничество Антанты с Германией в борьбе против Советской России.

Откровенно антирусский характер носили и итоговые документы Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) – Сен-Жерменский, Трианонский, Севрский мирные договоры, Бессарабский протокол и другие, которыми, в частности, предусматривалось присоединение Буковины и Бессарабии к Румынии, присоединение Закарпатской Украины к Чехословакии, решение вопроса о Черноморских проливах, которое шло в разрез с интересами Советского государства и ряда других стран.

Вместе с принятыми на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. соглашениями подготовленные Парижской конференцией договоры составили так называемую версальско-вашиг-

тонскую систему послевоенного устройства мира. С одной стороны, эта система учитывала итоги первой мировой войны и факт признания независимости государств Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы (Польшы, Чехословакии, Венгрии, Югославии и др.), с другой – создавала массу новых противоречий и предпосылок для очередных конфликтов.

**14 пунктов Вильсона** После Октябрьской революции США заняли выжидательную тактику, отказываясь от официальных контактов с Советским правительством.

В свою очередь, большевистские лидеры тайно вели зондаж позиции Вашингтона на предмет сближения с ним (например, многочисленные контакты полковника Р. Робинса с Троцким накануне Брест-Литовских переговоров). Уже 2 января 1918 г. госсекретарь США Лансинг в письме президенту В. Вильсону отмечал, что «ниспровержение Советами института частной собственности создало совершенно не приемлемую для США ситуацию, все равно будет ли Россия продолжать войну с немцами или нет».

8 января 1918 г. Вильсон направил конгрессу США послание, вошедшее в историю под названием «14 пунктов президента Вильсона». Уже в его 1-м пункте содержался призыв ко всем странам установить открытую дипломатию, что имело чисто прагматическую цель – раскрыть тайные договоры стран Антанты. 2-й и 3-й пункты – свобода судоходства на морях и устранение таможенных барьеров – были направлены против Англии и ее преобладания на море и господства в мировой торговле. Другие пункты программы также имели целью поставить США на место мирового лидера в новой системе международных отношений, к чему Соединенные Штаты побуждало одно немаловажное обстоятельство – за время первой мировой войны они превратились из должника в кредитора влиятельных европейских держав. 6-й пункт касался России: «Образ действий в грядущие месяцы по отношению к России со стороны наций, ее собратьев, явится пробным камнем их доброй воли, их понимания нужд России, как отличных от их собственных интересов и их вдумчивой и бескорыстной симпатии». Декларируя «добрую волю» и «понимание нужд России» и высказываясь за предоставление ей самостоятельности в решении своего политического будущего, Вильсон стремился сорвать переговоры России и сепаратный мир с Германией, удержать Россию в

войне. Летом 1918 г. США приняли участие в интервенции Антанты в Россию, а в октябре того же года советником американского президента дипломатом Э. Хаузом были составлены комментарии к «14 пунктам». 6-й пункт подвергся существенной ревизии: в нем открыто выдвигалось требование территориального раздела России и создания «достаточно представительного» правительства.

<b>Военная интервенция Антанты и США</b>	Еще 10 (23) декабря 1917 г. Англия и Франция заключили в Париже соглашения о разделении «зон действия» в России, а также о всесторонней поддержке белогвардейских правительств и группировок. Зоной английских интересов были признаны Кавказ, Дон и Кубань, французских – Бессарабия, Украина и Крым. Однако затем Украина и Крым были оккупированы германскими и австро-венгерскими войсками. После поражения Четверного союза в первой мировой войне Антанта обязала капитулировавшую Германию задержать на оккупированной территории Юга России свои военные силы до прибытия союзнических войск. В ноябре-декабре 1918 г. Антанта начала оккупацию Крыма, частично Бессарабии и Украины (интервенты продвинулись на 100–150 км вглубь, вдоль железнодорожных магистралей).
--	---

2 марта 1918 г. представители Антанты заключили – с ведома Совнаркома и лично Троцкого – с меньшевистско-эсеровским исполкомом Мурманского совета «словесное соглашение» о совместных действиях против «германской опасности». 6 марта в Мурманский порт вошел английский крейсер с десантом морской пехоты. К началу августа на оккупированных районах Севера России сосредоточилось около 8 тыс. английских, 5 тыс. американских, 3 тыс. итальянских и французских войск. Начался грабеж сырьевых и материальных ресурсов страны, террор мирного населения.

В конце мая 1918 г. произошел мятеж чехословацкого корпуса в Сибири, который продвигался к Владивостоку, где должен был погрузиться на суда для отплытия во Францию. Используя слухи, будто советское правительство намерено разоружить корпус и выдать его бойцов, как бывших подданных Австрии, державам Четверного союза, руководители корпуса установили связь с французской военной миссией в Вологде и заявили о своей готовности к выступлению против советской власти. К концу мая чехословацкие войска при поддержке местных эсе-

ровских и белогвардейских отрядов захватили Челябинск, Новониколаевск (ныне Новосибирск), Пензу, Сызрань, Томск, в июне – Омск, Самару, Златоуст, Красноярск и Владивосток.

Гражданская война все дальше разводила противоборствующие стороны, которые в схватке за власть не гнушались ничем. Большевики, санкционируя высадку мурманского десанта, пытались использовать в собственных интересах противоречия между Антантой и Германией. Антибольшевистский лагерь – от умеренных социалистов до правого крыла – делал ставку на помощь Запада и тем самым, вольно или невольно, поощрял интервенцию Антанты и Америки в Россию. Представители этого лагеря рассматривали себя единственными истинными ревнителями «воссоздания национально-государственной жизни России». О делах тех, кто на словах стоял за «народную демократию» против «большевистской тирании», свидетельствует встреча в январе 1919 г. бывшего главы Временного правительства и колчаковского эmissара Г. Львова и премьер-министра Англии Ллойд-Джорджа. «Прежде всего нужно поддержать самым действенным и энергичным образом выросшие и крепнущие правительства, которые образуют как бы кольцо вокруг Центральной России, находящейся под властью большевиков, – убеждал своего собеседника Львов. – Я понимаю, что военную интервенцию в нужных размерах осуществить трудно. Если это невозможно, то необходимо оказать материальную, экономическую помощь правительствам, борющимся с большевистской тиранией». Ллойд-Джордж, подтвердив свое отрицательное отношение к большевизму, указал Львову на те трудности, которые мешали интервенции: «Общественное мнение Англии и Америки не только требует не посылать в Россию дальнейших войск, но настаивает об отзывании наличных». Далее английский премьер предлагал созвать конференцию с представителями всех противоборствующих сил России, на которой европейские страны выступили бы в роли третейского судьи. По признанию Антанты, «перерождение России путем свержения большевизма» нужно было ей только для сохранения результатов, достигнутых в первой мировой войне, а отнюдь не для сохранения сильной России. Это понимали и лидеры белого движения, например, Колчак.

В соответствии с решениями Антанты в качестве «зоны действия» в России США и Японии предназначались Сибирь и Дальний Восток.

Основной ударной силой против России на Дальнем Востоке выступала Япония – интервенция ее вооруженных сил началась 5 апреля 1918 г. С августа 1918 по октябрь 1919 г. сюда в целях оккупации было введено 120 тыс. чел. Для «освоения» Дальнего Востока страны Антанты и США открыли здесь свои филиалы банков, акционерные торгово-промышленные предприятия, организовали вывоз пушнины, рыбы, леса.

По завершении германо-турецкой интервенции в Закавказье, в ноябре 1918 г. Великобритания и Франция подтвердили прежнее свое соглашение о разделе «зон действия» в России, заключенное в декабре 1917 г., и к началу 1919 г. в Закавказье орудовали около 20 тыс. английских интервентов. Они взяли под контроль все стратегически важные пункты и административные центры Грузии, все железные дороги Закавказья, нефтепровод Баку–Батум, участвовали в подавлении в ряде мест крестьянских мятежей.

Планы, разрабатываемые главным командованием Антанты весной 1919 г., были направлены на полное «окружение большевизма» и его свержение. Разрабатывалось совместное наступление контрреволюционных сил в России под руководством Колчака, Деникина, Юденича, Миллера и сил государств, граничащих с Советской республикой (Закавказские республики, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия).

Тактика Антанты по отношению к Советской России изменилась в связи с тем, что в это время в Европе начался революционный подъем, в частности в Венгрии, Германии и ряде других стран. В войсках интервентов, посланных в Россию, солдаты массами отказывались сражаться; такие настроения передавались и тем частям армии и флота Антанты, которые не воевали. Войска интервентов оставались в зонах России, свободных от большевиков, т.е. не на фронте, а в тылу белогвардейских армий, выполняя там военно-полицейские функции. Только в Сибири весной 1919 г. их насчитывалось около 119 тыс. чел.

Антанта и США взяли на себя обеспечение белых армий оружием, боеприпасами, обмундированием, инструкторами, деньгами. Так, в первой половине 1919 г. США поставили Колчаку 250 тыс. винтовок, несколько тысяч пулеметов и сотен орудий; для деникинских армий в это же время из Великобритании было доставлено 100 тыс. винтовок, 2 тыс. пулеметов, 315 орудий, 200 самолетов, 12 танков, масса боеприпасов и снаряжения. Помощь была строго дозированной.

Успехи Красной Армии на фронтах гражданской войны вынудили интервентов покинуть Россию: в июле 1920 г. эвакуировались из Батума остатки англичан, в сентябре 1919 г. началась эвакуация интервентов с юга Украины и Крыма, но вплоть до октября 1920 г. они продолжали военную и экономическую блокаду, поддерживая с моря военные действия белогвардейцев, охраняя их тылы и коммуникации. После разгрома в начале 1920 г. деникинских войск на Северном Кавказе корабли Антанты переправили из района Новороссийска в Крым около 40 тыс. белогвардейских солдат и офицеров – ядро армии Врангеля.

Материальная и моральная поддержка со стороны капиталистических держав белому движению усиливала его сопротивляемость – этим в значительной мере объясняется жесткость борьбы и продолжительность гражданской войны в России.

При всех расхождениях тактического характера внутри большевиков, советское руководство проводило единую линию внешнеполитического курса. В коалиции стран Антанты и США, несмотря на координацию действий в плане интервенции и свержения большевизма, каждая из держав ставила на первое место узкие своекорыстные интересы, каждая стремилась расширить свою «зону действия», выкачивая из нее все материальные ресурсы. И потому расчленение России, создание вокруг нее «санитарного кордона» из мелких удельных государств на территории бывшей Российской империи полностью отвечало стратегическим планам Антанты и США, повышало их активность в разжигании гражданской войны в России.

<b>Продолжение интервенции Японии на Востоке и образование ДВР</b>	После эвакуации с Дальнего Востока корпуса американских, английских, итальянских, французских и чехословацких войск, в Приморье и Забайкалье оставались японские войска. 29 февраля 1920 г. амурские партизаны вошли в Николаевск, заключив с японским командованием соглашение, по которому японцы обязывались соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в жизнь города. Но в ночь на 12 марта японский гарнизон, нарушив соглашение, напал на штаб и казармы партизан, тем не менее уже к вечеру 14 марта японцы были разбиты. Под угрозой их нового наступления партизаны были вынуждены уйти из города, расстреляв пленных японских солдат и граждан. Этот «николаевский инцидент» был использован японской стороной для наращивания интервенции. 31 марта 1920 г. Япония заявила, что не считает
--	--

возможным отозвать в настоящее время свои военные силы и сделает это только тогда, когда «установится прочное спокойное положение и угроза для Маньчжурии и Кореи исчезнет, когда жизнь и имущество японских подданных в Сибири будут в безопасности и свобода передвижения и сообщения обеспечена». В 1920 г. Япония направила на Дальний Восток 11 пехотных дивизий (из 21 имевшейся в распоряжении японской армии) численностью около 175 тыс. чел., а также крупные военные корабли и морскую пехоту. К концу мая 1920 г. был оккупирован весь Северный Сахалин.

Части 5-й армии советских войск, добивавшие остатки колчаковских соединений, к концу февраля 1920 г. дошли до Иркутска. Возникла угроза прямого столкновения армии с Японией. Но, как указывал Ленин, для Советской России война с Японией была «непосильна». Он решительно выступал против сторонников активных действий, настаивающих на переброске крупных военных сил в район Забайкалья, указывая на угрозу с запада — со стороны Польши и с юга — со стороны денкинцев. Ленинские установки легли в основу циркулярного письма Дальбюро РКП(б), в котором отмечалось, что «единственно приемлемым исходом является установление на территории от Байкала до Тихого океана государственного образования под демократическим флагом». В японских кругах идею создания буферного государства, на тот момент фактического протектората Японии, надеялись использовать в собственных целях. 5 апреля 1920 г. съезд трудящихся Прибайкалья провозгласил образование Дальневосточной республики (ДВР). Подписав 15 июля соглашение о перемирии на Забайкальском фронте, Япония признавала ДВР в качестве самостоятельного демократического государства. Соглашаясь на создание буфера, японское правительство добилось от ДВР обязательства поддерживать «дружественное сотрудничество с Японией», «не вводить коммунистического строя, не допускать пребывания на территории ДВР войск Советской России и не пропускать их через свою территорию». Однако признать правительство ДВР «как главное правительство на территории русского Дальнего Востока» Япония отказывалась, надеясь создать такое правительство, которое выполняло бы ее волю (в качестве реального претендента на пост главы нового государства значился атаман Семенов).



В строго секретных «Кратких тезисах по Дальневосточной республике», принятых 13 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), определялось, что ДВР «обнимает все области бывшей Российской империи к востоку от Байкальского озера до Тихого океана. Она должна продолжать существовать в этом составе до полного удаления японцев с материка». В тезисах подчеркивалось, что буржуазно-демократический строй ДВР является «чисто формальным», что народно-революционная армия ДВР «на деле должна быть одной из армий Советской России», что «все существенные вопросы внутренней и все без исключения вопросы внешней политики решаются с согласия центра». Введение парламентского строя в ДВР не допускалось, указывалось на абсолютную недопустимость «формального отрицания института частной собственности». ЦК РКП(б) руководил политикой ДВР через Дальбюро. Сначала ему вменялось в обязанность согласование внешнеполитических вопросов с центром, но в январе 1921 г. это положение сменилось на более строгое: «Внешняя политика ДВР целиком подчиняется РСФСР». ЦК РКП(б) отзывал с руководящих постов не угодных ему лиц, направляя им на смену других. Первым председателем правительства ДВР был коммунист А. Краснощеков.

Первоначально власть ДВР распространялась лишь на несколько уездов Прибайкалья, но постепенно под ее контроль перешли все территории на восток от Байкала, включая побережье Тихого океана и северную часть Сахалина (Прибайкальская, Забайкальская, Амурская, Приамурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области). Временные правительства отдельных областей и городов становились органами местного самоуправления.

Население этого огромного края смотрело на японцев как на оккупантов и не прекращало партизанской борьбы.

Приняв данное обстоятельство во внимание, советское правительство сделало ставку на постепенное вытеснение японцев с Дальнего Востока и потому считало ДВР лишь кратковременным государственным образованием. Острые японо-американские противоречия на Дальнем Востоке тоже не сбрасывались со счетов. Так, ДВР по договору с РСФСР от 15 декабря 1920 г. передало ей Камчатку, что было выгодным маневром для большевиков в плане использования соперничества между Японией и США: американский финансист Вандерлип предложил про-

дать Камчатку США за 20 млн. долл., гарантируя тем самым признание советского правительства со стороны Америки. Рассматривались и другие варианты – сдача в концессию Приморья и Камчатки, что вызывало тревогу в Японии и побуждало советское правительство вступить на этой волне в переговоры с Японией.

Укрепление международных позиций Советской России и поражение белых в Приморье вынудило японское командование к эвакуации своих войск. 15 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР объявил Дальневосточную республику «в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону, нераздельной частью РСФСР» (хотя с Северного Сахалина японцы эвакуировались только в мае 1925 г.).

<b>Договоры РСФСР с Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией</b>	В 1920 г. РСФСР подписала мирный договор с Прибалтийскими государствами: 2 февраля в Тарту – с Эстонией, 12 июля в Москве – с Литвой и 11 августа в Риге – с Латвией. Войне был положен конец, устанавливались дипломатические отношения и государственные границы. По договору с Литвой город Вильнюс и Вильнюсская область вошли в состав литовского государства. Правительства обязывались не допускать образования и пребывания на своих территориях организаций, враждебных какой-либо из сторон. Договорами предусматривалось урегулирование имущественных, финансовых и экономических вопросов. Так, советское правительство передавало Эстонии часть золотого запаса царской России (15 млн. руб. золотом), принадлежавшее российской казне на эстонской территории движимое и недвижимое имущество, право на концессию леса на территории РСФСР площадью в 1 млн. дес. В целом около 4 млн. руб. золотом было выплачено Латвии и 3 млн. – Литве.
--	---

В условиях продолжающейся гражданской войны и военной угрозы со стороны Польши, мирные договоры с Прибалтийскими государствами и признание их независимости было значительным успехом ленинской дипломатии. В военном плане это позволило укрепить северный фланг Западного фронта – главного фронта Советской Республики в 1920 г., а в дипломатическом – установить новые отношения с мелкими пограничными (лимитрофными) государствами на основе признания права наций на самоопределение.

Этот аспект дипломатии совершенно не учитывался лидерами Белого дела, высказывавшимися резко отрицательно о национальном суверенитете Прибалтийских государств. Видимо, поэтому, в основном, эстонская армия не оказала должной помощи войскам Юденича во время его наступления на Петроград осенью 1919 г.; воздержалась от сходной акции и Финляндия.

14 октября 1920 г. РСФСР и Финляндия подписали Тартуский мирный договор. Советское правительство подтверждало объявленное им в декабре 1917 г. признание независимости Финляндии, передачу ей области Петсамо (Печенга), предусмотренную еще советско-финляндским договором в 1918 г. Финляндия обязывалась вернуть захваченные ею в 1918–1920 гг. две волости Карелии, ликвидировать свои военно-морские форты Ино и Пумала. Оговаривалось создание в составе РСФСР Восточно-Карельской автономной области.

**Советско-польские отношения и заключение Рижского мира**

После аннулирования Брестского мира регулярные части Красной Армии стали занимать оставляемые немцами литовские и белорусские земли. Армия поддерживала советские правительства, возобновляющие здесь свою деятельность. СНК РСФСР признавал советскую Литву независимым государством, а ВЦИК РСФСР – независимость БССР. Польское правительство нотой от 22 декабря 1918 г. заявило протест против «продвижения советских войск к польской границе», рассматривая это как «враждебный акт» по отношению к Польше. В ответной ноте правительство РСФСР указало, что советские войска отделены от польской границы Литвой и частью Украины и не представляют для нее никакой опасности. Польское правительство, считая часть территории Литвы и Белоруссии «неоспоримо польской», в контакты с большевиками не вступало, намереваясь с оружием в руках защищать «неприкосновенность территорий, заселенных польской нацией». К началу августа 1919 г. превосходящие по силам польские войска захватили почти всю Белоруссию и часть Украины. Продвижение польской армии на восток с самого начала сопровождалось массовым террором против мирного населения. Западные державы, верные своей тактике ослабления России путем поддержки всех антибольшевистских сил, стремились избежать конфликта между армией

Деникина и Польшей. Поэтому в декабре 1919 г. они приняли декларацию о временной восточной границе Польши. Это означало, что Верховный совет Антанты устанавливает границу (так называемую линию Керзона), которая охватывала Королевство Польское (без северной части Сувалкской губернии) и Белостокский округ.

С декабря 1919 г. по март 1920 г. советское правительство посылало польскому предложения о мире. В этой связи начальник штаба главнокомандующего союзными войсками Антанты генерал Вейган передал польской военной миссии в Париже следующую директиву: Польше следует вступить в мирные переговоры с Россией «лишь после того, как польская армия займет хорошие оборонительные рубежи на большевистском фронте». Уверенность польской стороне придавала огромная финансовая, военная и материально-техническая помощь, оказываемая США и Антантой (десятки миллионов долларов, сотни тысяч винтовок, несметное количество другого оружия и комплектов обмундирования).

7 марта 1920 г. правительство Польши заявило о своем согласии начать с РСФСР мирные переговоры, настаивая на возвращении Польше всех земель, входивших в состав Речи Посполитой до 1772 г. Советское правительство вести переговоры на таких условиях отказалось.

В результате новых мобилизаций и переброски военных частей и соединений из других районов страны на Западный фронт к началу июля 1920 г. Красная Армия полностью освободила Белоруссию, Украину и вступила в пределы Польши. В это время в советском руководстве обозначались две тенденции: урегулирование отношений с Польшей на основе этнографической границы (линия Керзона) и – переход «от оборонительной к наступательной войне, чтобы помочь советизации Польши, штыком пощупать – не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?». Так заявил Ленин о своей позиции на IX партийной конференции в сентябре 1920 г.

На волне военных успехов 31 июля советской стороной были выдвинуты новые условия мирных переговоров с Польшей: перемирие, установление границы по линии Керзона, сокращение польской армии до 50 тыс. чел, проведение аграрной реформы и др. Польским правительством это было воспринято как нарушение суверенитета Польши и вмешательство во внутренние дела. Условия перемирия были отвергнуты.

21 марта 1921 г. в Риге был, наконец, подписан мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, Польшей ~ с другой. К Польше отходила Западная Белоруссия (108 тыс. км<sup>2</sup>, территория, на которой проживало 4 млн. чел.) и Западная Украина (включая Восточную Галицию, вопреки воле ее населения). Советская Россия как проигравшая сторона обязалась в годичный срок уплатить Польше 30 млн. руб. золотом, вернуть военные трофеи, все научные и культурные ценности, вывезенные с территории Польши начиная с 1772 г. Признав, что в польской кампании была допущена политическая ошибка, Ленин так объяснял свои уступки полякам: «Зимней кампании мы хотим избежать. Поэтому мы предлагаем полякам заключить мир сейчас. Мы ставим линию восточнее Брест-Литовска (т.е. восточнее линии Керзона – *авт.*). Мы выиграем в военном отношении то, что обеспечим быструю победу над Врангелем. Это выигрыш достаточный».

<b>Советская внешняя политика и Коминтерн</b>	2–6 марта 1919 г. в Москве состоялся I (учредительный) конгресс Коминтерна. Принятая в качестве резолюции платформа Коминтерна декларировала, что «Родилась новая эпоха. Эпоха разложения капитализма, его внутреннего распада. Эпоха коммунистической революции пролетариата», которая должна завершиться «прямым столкновением в открытом бою с буржуазной государственной машиной». На конгрессе было избрано Бюро Исполкома Коминтерна (ИККИ), в который вошли Г. Зиновьев (в качестве председателя), Н. Бухарин, М. Литвинов и ряд других деятелей международного коммунистического движения. Для связи с зарубежными компартиями организовывались вспомогательные бюро в Скандинавии, Центральной Европе, на Балканах, в Голландии. В последующем компартии отдельных стран стали считаться секциями Коминтерна. I конгресс пришел к выводу, что обстановка в мире становится все более революционной и потому Коминтерн должен действовать как штаб мировой революции.
---	---

Некоторые отечественные историки (Д. Волкогонов и др.) полагают, что так называемое «мировое коммунистическое движение» было фикцией. Но такая точка зрения противоречит историческим фактам. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, рабочая революция в январе-мае того же года в Финляндии, образование советских республик в Баварии, Венгрии, Словакии, солдатские бунты в Болгарии, революционный

подъем в Италии свидетельствовали о небывалых потрясениях в мире, непосредственно связанных с Октябрьской революцией в России. Не случайно английский премьер Ллойд-Джордж писал в марте 1919 г. французскому премьеру Ж. Клемансо и президенту США В. Вильсону: «Вся Европа насыщена духом революции. Глубокое чувство не только недовольства, но и гнева и возмущения царит в рабочей среде против условий, существовавших до войны. От одного конца Европы до другого больше не удовлетворяет массы весь современный строй с его политическим, социальным и экономическим укладом». Большевики активно использовали все эти настроения в своих целях.

Мощный революционный подъем в Европе способствовал появлению в коммунистических партиях левацких настроений, в связи с чем Троцкий в письме в ЦК РКП(б) от 19 августа 1919 г. выдвинул следующий план: поскольку Красная Армия на европейских весах весит мало, нужно повернуть маршрут мировой революции на Восток, создать на Урале хорошо вооруженный корпус и бросить его на Индию и Афганистан. II конгресс Коминтерна (июль-август 1920 г.) поддержал общую наступательную линию, выдвинутую июньским (1920 г.) решением ЦК РКП(б) (открыто этот вопрос на заседании конгресса не обсуждался). Выступая по тактическим соображениям против левацких настроений («детской болезни “левизны” в коммунизме»), Ленин указывал, что революция невозможна без революционной ситуации, без общенационального кризиса и что первой задачей является подготовка масс, т.е. руководитель советского государства пока еще не отказывался от своей стратегии мировой революции, о чем свидетельствует и его выступление на IX партийной конференции. Учитывая поражение Красной Армии под Варшавой, Ленин предлагал ограничиться оборонительной политикой по отношению к Антанте, считая, что в будущем «мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца».

Вследствие этого главной задачей Коминтерна стало проведение политических диверсий за рубежом с целью установления господства большевиков во всем мире. Советское государство оказывало компартиям других стран огромную финансовую помощь; не оставались в стороне и спецслужбы советского государства. Деньги, литература, агенты и множе-

ство других возможностей позволяли большевикам вести полный контроль над Коминтерном, подталкивать, а нередко и вызывать социальные волнения в других странах. «Положение в Коминтерне превосходное, — телеграфировал в июле 1920 г. Ленин Сталину, — Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

Но на III конгрессе Коминтерна (июнь-июль 1921 г.) Ленин уже выступил с резкой критикой позиции «левых» и их «теории наступления», что было в значительной степени связано с переходом к новой экономической политике и восстановлению народного хозяйства страны: требовалась техническая помощь промышленно развитых стран.

И тем не менее осенью 1923 г, в связи с обострением классовой борьбы в ряде стран Европы, Президиум Коминтерна принимает решение о форсированной подготовке к вооруженному восстанию в Германии. С этой целью туда отправлялись военные советники, поставлялось оружие. Подготовка революции в Германии был посвящен специальный пленум ЦК РКП(б) (23 сентября 1923 г.). На нем была разработана программа восстания, определен примерный срок его начала — 9 ноября, но этим расчетам сбыться не удалось: восстание, начавшееся в Гамбурге, было подавлено. Уроки несостоявшегося «германского октября» обсуждались в Политбюро РКП(б) и Исполкоме Коминтерна в декабре 1923 — январе 1924 гг. Главным врагом пролетарской революции в Германии считалась социал-демократия, впоследствии — «социал-фашизм».

<b>Установление новых отноше- ний со страна- ми Востока</b>	В 1921 г. РСФСР подписала договоры — с Персией (26 февраля), Афганистаном (28 февраля), Турцией (16 марта), Монголией (5 ноября).
---	---

В советско-персидском договоре большевистское руководство объявляло «все трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа, отмененными и потерявшими всяческую силу», равно как «все конвенции и соглашения, заключенные бывшим правительством России с третьими державами во вред Персии и относительно ее». Советско-монгольское соглашение также объявляло недействительными все до-

говоры и соглашения между царской Россией и автономной Монголией. В советско-турецком договоре выражалось обоюдное согласие не признавать «никаких мирных договоров или иных международных актов», к принятию которых любая из сторон принуждалась бы силой. РСФСР, имея в виду навязанный Турции Антантой Севрский мирный договор 1920 г., особо оговорила, что она не признает никаких международных актов, касающихся Турции, не признанных турецким правительством. Устанавливалась новая северо-восточная граница Турции (районы Карса, Ардагана и Артвина отходили к Турции, район Батума — к Грузии).

Советско-персидский договор констатировал признание русско-персидской границы, установленной в 1881 г. Предусматривая возможность попыток третьих держав осуществлять в Персии захватническую политику или использовать ее территорию в качестве базы для агрессии против РСФСР или союзных ей государств, стороны согласились, что, «если персидское правительство после предупреждения со стороны российского советского правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, российское советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры» (после устранения такой опасности советские войска подлежали немедленному выводу из пределов Персии). Стороны согласились на равные права судоходства по Каспийскому морю.

Согласно советско-афганскому договору обе стороны признавали обоюдную независимость, вступали в нормальные дипломатические отношения, обменивались посольствами и консульствами, обязались «не вступать с третьей державой в военное или политическое соглашение, которое доставило бы ущерб одной из договаривающихся сторон». Правительство РСФСР соглашалось оказывать Афганистану денежную и другую материальную помощь, предоставляло право свободного и беспошлинного транзита через свою территорию всякого рода грузов, закупленных как в России, так и в других странах.

Договоры, заключенные РСФСР с Персией, Афганистаном, Турцией и Монголией, были первыми равноправными договорами в истории этих восточных государств.

Вместе с тем руководство РКП(б) и Коминтерна преследовало здесь и другие стратегические цели, стремясь объединить



усилия коммунистического движения в развитых странах Запада с национально-освободительным движением на Востоке. В этой связи Афганистан, находившийся в остром конфликте с Англией, намечалось использовать для дальнейшего продвижения и развертывания освободительного движения в Индии – важнейшей британской колонии. Советский полпред РСФСР в Афганистане в 1921–1923 гг. Ф. Раскольников подчеркивал: «Вопрос об освобождении Индии от британского владычества, как вопрос о крушении Британской империи, слишком многосторонний и важный для того, чтобы мы могли придавать индийской революции второстепенное значение».

## **§ 2. Внешняя политика советского государства в 1921–1937 гг.**

**Установление дипломатических отношений с государствами Европы и Азии**

Версальский мир не разрешил «русский вопрос». Советская Россия по-прежнему не имела ни дипломатических, ни торговых отношений с ведущими капиталистическими странами Запада. Поражение Германии в первой мировой войне и распад Австро-Венгрии выдвинули Англию и Францию в ранг ведущих. Большую роль в европейских делах стали играть США. Развернулась острая борьба за рынки сбыта, сферы влияния капитала, источники сырья, финансовую и морскую гегемонию. Победа большевиков над силами внешней и внутренней контрреволюции вынудила Запад считаться с существованием советского режима в России и строить внешнеполитические планы с учетом этого фактора. Взаимная заинтересованность всех стран и Советской России в налаживании нормальных экономических и торговых связей способствовала принципу сосуществования двух различных социальных систем – социалистической и капиталистической (при этом каждая имела перед собой свои стратегические цели). Верная многовековой политике установления мировой гегемонии своей страны с помощью торговли (там, где срывались попытки вооруженного диктата) Англия после завершения мировой войны продолжала прежний внешнеполитический курс. «Нам не удалось восстановить Россию силой, – заявил в феврале 1920 г. Ллойд-Джордж в палате общин. – Я верю, что мы сможем это

сделать и спасем ее торговлей. Простые цифры в виде доходов и прибылей, которые приносит торговля, быстро излечивают от диких теорий».

16 марта 1921 г. был заключен англо-советский торговый договор; стороны обязывались воздерживаться от враждебной пропаганды, отказывались от участия в экономической блокаде, направленной против одной из сторон и какой бы то ни было дискриминации торговли; обменивались официальными агентами, функции которых выходили за пределы торговых представительства и по существу носили дипломатический характер.

10 апреля 1922 г. в Генуе открылась экономическая конференция 34 стран (США отказались участвовать в ней). Требования капиталистических стран сформулированы следующим образом: полное признание Советской Россией довоенных долгов с процентами на них; готовность государств-кредиторов уменьшить общую сумму российских долгов, образовавшихся в период первой мировой войны; возвращение имущества иностранным подданным, национализированного большевиками в России; отказ советского правительства от контрпретензий, связанных с интервенцией. Советская сторона отвергла эти домогательства. Линию советской делегации на Генуэзской конференции определяла ленинская политическая установка, изложенная вождем в секретном письме руководителю делегации Г. Чичерину: «Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали, но не мы, конечно. Заем мы получим *лучше* без Генуи, если Геную сорвем не мы. Например, дура Гендерсон (английский политический деятель – *авт.*) и К° очень помогут нам, если мы их умненько подтолкнем». Возражения Чичерина о необходимости для России западной помощи (заем, концессии и пр.), которую, по мнению наркома иностранных дел, нельзя было получить без Генуи, Ленин не принял.

Понимая, что включение Германии в антисоветский фронт означало бы полную изоляцию, 16 апреля 1922 г. Советская Россия заключила с Германией договор в Рапалло. Он устанавливал дипломатические и торговые отношения между обеими странами, предусматривал отказ от взаимных претензий, связанных со старыми долгами и т.д. Союзные делегации обвинили немцев в «измене общему делу». Помимо сотрудничества в политической, экономической и культурной областях, складывалось и военное сотрудничество Советской России и Гер-

мании (первые контакты в этом плане состоялись еще в 1920 г. между главнокомандующим рейхсвером генералом фон Сектом и председателем РВС Республики Л. Троцким). Тогда в 1921–1923 гг. в Москве и Берлине была проведена серия секретных переговоров, в соответствии с которыми в 1924–1926 гг. на территории СССР были организованы военные центры рейхсвера – летная школа под Липецком, танковая – под Казанью, аэрохимическая станция под Саратовом. Другим важным направлением стало военно-промышленное сотрудничество. Наряду с совместными советско-германскими предприятиями и концессиями на территории СССР создавались замаскированные под них предприятия оборонной промышленности, выполнявшие немецкие военные заказы (авиационный завод в Филях, химзавод по производству отравляющих веществ близ Самары и др.). В условиях политической изоляции, в которую попали обе стороны после первой мировой войны, это сотрудничество было взаимовыгодным – оно позволило Германии, в обход Версальского договора, проводить научные исследования в перспективных областях военного строительства, разрабатывать военные новинки, несколько компенсируя тем самым разрыв с Англией и Францией. СССР, в свою очередь, при посредстве немецкой стороны знакомился с достижениями в военном деле за границей. Именно эти обстоятельства дают основание некоторым ученым от науки утверждать, что «фашистский меч ковался в СССР». Это целиком противоречит историческим фактам – после прихода Гитлера к власти в 1933 г. советско-германское военное сотрудничество прекратилось, и началась широкая финансовая, военно-техническая помощь Германии ведущих капиталистических стран, снабжение ее стратегическим сырьем – алюминием, никелем, медью, нефтью и пр.

Обсуждением вопросов о долгах, частной собственности и кредитах занялась конференция экспертов в Гааге (июнь-июль 1922 г.). Советское правительство вновь выразило готовность частично возместить довоенные долги и в какой-то мере компенсировать потери бывшим владельцам иностранных предприятий в царской России, но лишь при условии получения крупного займа. А чтобы вбить клин между союзными державами, был опубликован список концессий, которые советская сторона готова предоставить иностранным предпринимателям.

Однако и эта конференция закончилась безрезультатно: страны Запада подписали в Гааге соглашение о незаключении сепаратных сделок по концессиям в России.

1 февраля 1924 г. правительство Великобритании, а 24 октября правительство Франции официальной нотой признали правительство СССР «де-юре на территориях бывшей Российской империи, которые признают его власть». В том же году дипломатические отношения с Россией установили Италия, Австрия, Норвегия, Швеция, Дания и Греция.

В 1924 г. был подписан договор между СССР и Великобританией (но не вступил в силу из-за отказа английской стороной ратифицировать его).

В дальнейшем англо-советские контакты развивались сложно: в мае 1927 г. Англия разорвала дипломатические отношения с СССР, аннулировала торговое соглашение от 1921 г., обвинив его в «нарушениях». Но в годы мирового экономического кризиса торговля двух стран развивалась успешно, так как Англия испытывала потребность в сырье и рынках сбыта.

20 января 1925 г. была подписана конвенция об установлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Японией. В специальной декларации советского правительства при этом указывалось, что «признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Советского Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора». Таким образом, советское правительство считало себя политически не связанным положениями Портсмутского договора в той его части, где говорилось об уступке Японии Южного Сахалина. Вопрос о территориальном размежевании СССР и Японии конвенцией не затрагивался. Общественное мнение Японии расценивало это заключение как начало сотрудничества трех самых больших государств на Дальнем Востоке — Японии, России и Китая. В американских кругах, имеющих стратегические интересы в этом регионе мира, констатировалось, что «СССР в конце концов выработал действенное оружие, чтобы разорвать железное кольцо на Тихом океане, созданное «вашингтонской системой» (Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. закрепила соотношение сил в районе Тихого океана в пользу держав-победительниц в первой мировой войне).

31 мая 1924 г. было подписано соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китаем, восстановлении нормальных дипломатических отношений. СССР

объявлял утратившим силу все договоры и соглашения между царской Россией и какой-либо третьей стороной или сторонами, затрагивающими суверенные права или интересы Китая. Советский Союз отказался от специальных прав и привилегий, приобретенных царским правительством в Китае (от права экстерриториальности и консульской юрисдикции, привилегий, касающихся всех концессий в какой бы то ни было части Китая и пр.). СССР обязывался отозвать советские войска с территории Внешней Монголии (10-тысячный советский экспедиционный корпус вступил на территорию Северной Монголии в июне 1921 г. для ликвидации белогвардейских отрядов генерала Унгерна).

Советско-китайское соглашение было первым равноправным договором, заключенным этой страной в XX в. с иностранным государством. Для сравнения заметим, что несмотря на формально провозглашенный на Вашингтонской конференции принцип уважения суверенитета, территорий и административной неприкосновенности Китая, это восточное государство так и не добилось возвращения арендованных у него территорий (Япония сочла для себя «стратегически важными территориями» Порт-Артур и Дайрен, Англия отказалась вернуть Гонконг и Коулун). Остались также не выведенными японские войска из Южной Маньчжурии.

Советско-китайское соглашение определяло Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) как чисто коммерческое предприятие. СССР соглашался на выкуп дороги Китаем; для руководства дорогой создавалось правление на равных началах. Возглавляемое Чжан Цзолином провинциальное маньчжурское правительство требовало заключения отдельного договора СССР с маньчжурскими властями (основанием для такого требования являлся факт прохождения КВЖД по территории Маньчжурии). 20 сентября 1924 г. такое соглашение было подписано в Мукдене.

В планах Коминтерна Китаю отводилось одно из первых мест. Примерно с середины 20-х годов капиталистический мир вступил в полосу стабилизации и ИККИ направил свои

взоры на развязывание национально-освободительных революций в колониях и полуколониях. Коминтерновские советники и военные инструкторы служили в советском посольстве в Пекине и в кантонской, калганской, тяньцзинской и кайфынской провинциях. При активном содействии советских инструкторов при гоминьдановской армии были созданы военный совет и генштаб; в армейских частях китайской армии насаждались коммунистические ячейки; из Владивостока регулярно прибывало оружие. Поощряя вступление малочисленной компартии Китая в Гоминьдан – народную партию, руководство Коминтерна стремилось превратить последнюю из реформистской мелкобуржуазной, каковой ее считали тогда в ИККИ, в радикальную партию рабочих и крестьян.

В 1925 г. представители СССР устанавливают контакт и начинают оказывать большую материальную и военную помощь лидеру одной из армий в Северном Китае Фэн Юйсяну. Поощряя сепаратистские силы, советская сторона пыталась таким способом еще сильнее разжечь классовую гражданскую войну в Китае с целью скорейшего наступления мировой революции. Большое участие в китайских событиях 20-х годов принимали глава военных советников В. Блюхер, постоянный представитель Коминтерна в Китае Г. Войтинский, главный политический советник ЦИК Гоминьдана М. Бородин. В октябре 1925 г. М. Фрунзе – председатель китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам СССР – разработал детальный план смены политического режима в Пекине, который был принят «в основном» Политбюро и одобрен в качестве политической директивы полпреду СССР в Китае Л. Карахану. «Главный враг национально-освободительного движения в Китае, – указывалось в ней, – по-прежнему Чжан Цзолин. Задача нынешнего этапа гражданской войны должна заключаться в его военном и политическом разгроме». Огромная ставка делалась советской стороной на Фэн Юйсяна, на вооружение рабочих Шанхая и превращение этого города в «действительный центр революционного движения в Китае».

Стремясь ограничить растущее влияние коммунистов и укрепить свои собственные позиции, лидер Гоминьдана Чан Кайши в апреле 1927 г. прекратил сотрудничество между Гоминьданом и компартией. Тогда же Чжан Цзолин, опираясь на

поддержку японских войск, одержал верх над советским ставленником Го Сунлином. 6 апреля 1927 г, полиция Чжан Цзолина, с ведома послов США, Англии, Японии, Франции и ряда других стран, устроила налет на советское посольство. Было захвачено более 3 тыс. секретных документов, показывающих роль советского государства и Коминтерна в «советизации Китая», роль в ней Фэн Юйсяна, использование средств КВЖД на ведение пропагандистской работы (не случайно один из коминтерновских лидеров Н. Бухарин считал эту дорогу «главной стратегической жилой, которая является нашим революционным пальцем, запущенным в Китай»).

11 декабря в Кантоне произошло восстание рабочих, крестьян и солдат, подавленное гоминьдановскими войсками. Во время этих событий китайские власти арестовали советского вице-консула и его помощника, обвиненных в подстрекательстве. Вновь захваченные секретные документы подтверждали руку Коминтерна. 14 декабря правительство Китая закрыло советское посольство, все консульства, торговые представительства и агентства, выслав из страны весь их обслуживающий персонал. В начале 1928 г. IX пленум ИККИ осудил «левацко-путчистские» установки, под которыми осенью-зимой 1927 г. прошла волна народных выступлений.

Политика, направленная на разжигание гражданской войны, привела к падению авторитета СССР. Такая политика ослабляла Китай, играла на руку Японии. В Маньчжурии летом 1928 г. Чжан Цзолина (погибшего от рук японцев, которые заподозрили его в слишком тесных связях с американцами) сменил Чжан Сюэлян, продолживший линию своего предшественника. 22 декабря 1928 г. его сторонники захватили телефонную станцию КВЖД, а 27 мая 1929 г. совершили налет на генеральное консульство СССР в Харбине. Китайские войска были приведены в боевую готовность и стянуты к советско-китайской границе. Мобилизовали свои силы и белогвардейские отряды, численность которых в Северо-Восточном Китае составляла примерно 75 тыс. человек. Все делалось при поддержке правительства Чан Кайши, который в июле 1929 г. выступил с резкими заявлениями в адрес «красного империализма», который опаснее, чем империализм «белый». Тогда же китайцы захватили КВЖД, что вынудило СССР отозвать из гоминьдановского Китая всех советских работников, официально объявить о разрыве дипломатических отношений. Была

подготовлена и осуществлена также военная акция. 6 августа того же года приказом Реввоенсовета СССР все вооруженные силы на Дальнем Востоке были слиты в Особую дальневосточную армию в составе двух стрелковых корпусов под командованием В. Блюхера. Потерпев поражение в военном конфликте, китайская сторона подписала 22 декабря 1929 г. с СССР в Хабаровске протокол, по которому на КВЖД восстанавливалось положение, существовавшее до конфликта. Советский Союз не выставил ни одного условия, затрагивающего суверенитет Китая. Несмотря на полный разгром белокитайских войск в Маньчжурии, переговоры велись на полном паритете сторон.

В 1931 г. Япония захватила Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). США, Англия и Франция заняли в отношении этих агрессивных действий двойственную позицию. Почувствовав себя в изоляции, Китай пошел на восстановление дипломатических отношений с СССР (декабрь 1932). Летом 1934 г. Чан Кайши начал зондировать возможности установления китайско-советского сотрудничества. На отношениях двух стран сказывалась вражда между Гоминьданом и КПК. В Китае многие полагали, что вооруженную оппозицию в лице КПК направляет и поддерживает «рука Москвы». В 1935–1936 гг. во время переговоров Чан Кайши с послом в Нанкине Д. Богомоловым советская сторона отказалась обсуждать внутривосточные разногласия в Китае, порекомендовав представителям Гоминьдана установить прямой контакт с КПК.

СССР выдвинул идею Тихоокеанского пакта коллективной безопасности с участием СССР, Китая, США, Англии и других стран. Но США и их западные партнеры эту идею отвергли. Стремясь устранить один из источников конфликта на Дальнем Востоке, советское правительство еще в 1933 г. предложило продать КВЖД маньчжурским властям (в 1935 г. было подписано соглашение о продаже ее за 140 млн. иен). Это была серьезная потеря. Чтобы обезопасить свои дальневосточные рубежи Советский Союз согласился на двусторонний договор с Китаем о взаимном ненападении. Китай стремился связать СССР обязательством вступить при случае в войну с Японией. Из-за этого начавшиеся в апреле 1937 г. переговоры затянулись, а 7 июля Япония начала войну с Китаем.

21 августа 1937 г. Советский Союз и Китай подписали договор о ненападении, 1 марта 1938 г. — соглашение о реализации предоставляемого СССР кредита в объеме 50 млн. амери-



канских долл. (в течение полутора лет было подписано еще два кредитных соглашения на сумму в 200 млн. долл.). Китаю было поставлено 1235 самолетов, 1600 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, большое количество грузовиков, бензина, боеприпасов. К началу 1939 г. в Китае находилось 3665 советских военных специалистов. Оценивая помощь северного соседа, Чан Кайши писал Сталину: «В будущей победе за национальное освобождение народы всего Китая никогда не забудут искренней помощи Вашей страны и Ваше высокое руководство в борьбе за справедливость».

**Советская  
дипломатия во  
второй полови-  
не 20-х —  
первой полови-  
не 30-х годов**

В 1925 г. между Бельгией, Великобританией, Германией, Италией, Польшей, Францией и Чехословакией был заключен так называемый Рейнский гарантийный пакт, гарантирующий неприкосновенность западных границ Германии, тогда как восточные границы ее не подпадали под гарантию. В результате, по мнению советского руководства, сложилась новая международная обстановка, свидетельствующая, что «господствующая комбинация мировой политики — единый фронт против СССР». Об этом же говорилось и в резолюции XIV съезда партии (декабрь 1925 г.).

В этих обстоятельствах СССР решил пойти на соглашение с соседними государствами, предусматривающие обязательства с их стороны воздерживаться от нападения на Советский Союз, а в случае нападения какой-либо третьей стороны, сохранять нейтралитет. Первым из таких документов стало соглашение между СССР и Турцией (17 декабря 1925 г.). В течение 1925—1932 гг. договоры о ненападении были подписаны с Афганистаном, Литвой, Ираном, Латвией, Эстонией, Польшей, Финляндией и Францией. Все стороны констатировали, что отказываются от войны как орудия национальной политики, брали на себя обязательства воздерживаться от агрессивных действий или нападения как отдельно, так и вкупе с другими державами. В договоре с Польшей специальной статьей оговаривалось обязательство не участвовать в союзах и блоках, направленных против любой из договаривающихся сторон.

24 апреля 1926 г. между Советским Союзом и Германией был подписан договор, подтверждающий обязательства Рапальского договора от 1922 г. как основу двусторонних соглашений. 6 сентября 1928 г. СССР присоединился к Парижскому пакту отказа от войны (пакт Келлога-Бриана, названный по имени его

инициаторов: французского министра иностранных дел А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога).

В марте того же года советская делегация внесла на рассмотрение конференции по разоружению, действующей в рамках Лиги Наций, проект конвенции о немедленном полном и всеобщем разоружении. После его отклонения Советский Союз представил конкретный проект частичного разоружения. В феврале 1933 г. СССР стал инициатором выдвижения «Проекта декларации относительно определения агрессии». В нем подчеркивалось, что никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка «не может служить извинением или оправданием агрессии». Летом 1933 г. Советский Союз заключил конвенцию с Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном, в которой каждая из сторон обязалась руководствоваться точными правилами, определяющими агрессию согласно этой конвенции.

18 сентября 1934 г. СССР был принят в Лигу Наций по предложению 30 государств-членов этой организации. В связи с нападением Италии на Эфиопию (май 1935 г.) СССР выступил в Лиге Наций в защиту жертвы агрессии, призвал к коллективным действиям, применению санкций, но эта инициатива не нашла отклика.

Важным достижением советской дипломатии можно считать советско-французский договор о взаимной помощи, заключенный 2 мая 1935 г. Однако конвенция о размерах и условиях военной помощи не была подписана, что делало этот договор малоэффективным. 16 мая 1935 г. был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией. Принципиальное значение этих договоров заключалось в том, что они были первыми в истории государств, принадлежащих к различным социально-политическим системам.

Международное положение, сложившееся в Европе к середине 30-х годов, было довольно непростым. По инициативе Б. Муссолини, западные страны вели с весны 1933 г. переговоры о заключении «пакта четырех» — соглашения Англии и Франции с Германией и Италией, подписанное 15 июля 1933 г. в Риме, но не ратифицированное из-за резкой критики его в английском и особенно — французском парламентах. Выйдя в октябре 1933 г. из Лиги Наций, Германия давала понять, что она не намерена считаться с международными соглашениями и продолжает вести неограниченную гонку вооружения и подго-

товку войны. В январе 1934 г. подписан польско-германский договор о ненападении, необходимость которого польская сторона объясняла стремлением «отгородиться моральной стеной от тех опасных идей, которые непрерывно идут с Востока». Но дальнейшие события показали, что это не уберегло Польшу от германской агрессии. По-разному был встречен сей документ в Европе – с тревогой во Франции, с удовлетворением в Лондоне. Обозреватель «Известий» отмечал, что договор подорвет союз Польши с другими странами и поставит ее лицом к лицу с фашистской Германией.

В 1935 г. между Берлином и Лондоном начали вестись переговоры о заключении англо-германского союза, цель которого изложена Гитлером 21 мая 1935 г. в его речи в рейхстаге: «Свобода действий для Англии на морях и в заокеанских странах, свобода действий для Германии на континенте и в экспансии на Восток». 18 июня 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение, санкционирующее увеличение мощи военно-морского флота Германии.

Все эти дипломатические маневры ведущих держав рассматривались Советским правительством как сугубо враждебные, толкающие мир к новой войне. Не случайно 31 марта 1935 г. в газете «Правда» опубликована статья М. Тухачевского под названием «Военные планы нынешней Германии» (рукопись статьи содержит существенную правку Сталина и отражает официальную позицию СССР). В ней указывалось, что «империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на Западе (Бельгия, Франция) и на Юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)».

7 марта 1936 г. германские войска вступили в Рейнскую зону, демилитаризованную в соответствии с Версальским и Рейнским (Локарнским) договорами. 13 марта 1938 г. правительство Гитлера опубликовало закон о включении Австрии в состав германского рейха. Этот аншлюс признали правительства Англии и Франции.

<b>Стратегия Коминтерна в конце 20-х – 30-е годы</b>	На XV съезде партии (декабрь 1927 г.) были подтверждены приоритеты внешней политики СССР, диктовавшие укрепление страны «как очага всемирного революционного движения».
--	---

VI конгресс Коминтерна (июль-сентябрь 1928 г.) в качестве основной тенденции в политике мировой буржуазии назвал под-

готовку войны против СССР контрреволюционным блоком империалистов. По мнению современных историков, нагнетание сталинским руководством «военной тревоги» преследовало важную практическую цель – обосновать неизбежность чрезвычайных мер внутри страны для расправы с троцкистской оппозицией. Троцкий выступил против положения о возможности победы социализма в отдельно взятой стране и назвал проект программы Коминтерна, обсуждавшейся на VI конгрессе, «ревизионистским документом». Он предлагал включить пункт «о невозможности победы пролетарской революции в одной стране без поддержки мировой революции» (что было отвергнуто). Конгресс принял тезисы о мерах борьбы с опасностью империалистических войн, в которых отмечалось, что «капитализм – причина войн новейшей истории».

После VI конгресса Сталин усилил линию на разгром «правого уклона» в ВКП(б) и в Коминтерне. 19 октября 1928 г. он заявил: «Когда известные круги коммунистов отрицают целесообразность лозунга “класс против класса” в избирательной борьбе (Франция), или выступают против самостоятельных кандидатур от компартии (Англия), или не хотят заострять вопроса о борьбе с “левой” социал-демократией (Германия) и т.д., и т.п., – то это значит, что внутри компартий имеются люди, старающиеся приспособить коммунизм к социал-демократизму». В июле 1929 г. пленум ИККИ подтвердил решение объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о снятии Бухарина с работы в Коминтерне.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., пробудил в Коминтерне надежды на приближение революционных бурь. XI пленум ИККИ положил в основу анализа обстановки в мире сталинскую формулу о назревании нового тура революций и войн. Отсюда вытекала и стратегия Коминтерна: подготовка и осуществление революций, свергающих власть буржуазии как в форме фашистской диктатуры, так и в форме буржуазно-парламентского режима. В борьбе за социалистическую революцию компартии должны сокрушить и фашизм, и социал-демократию, подчеркнув, что все развитие социал-демократии «есть непрерывный процесс эволюции к фашизму». Такая установка мешала сплочению антифашистских сил.

В первой половине 30-х годов в связи с мировым экономическим кризисом и наступлением фашизма произошел серьез-

ный сдвиг в расстановке классовых сил на международной арене. В Германии, в январе 1933 г., к власти пришел Гитлер. События, развивающиеся здесь показали полную оторванность Коминтерна и его германской секции от реальной действительности. Успехи КПП на выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г. вызвали у руководства германской компартии сильную эйфорию. В июле 1934 г. за несколько дней до расправы Гитлера со своей прежней опорой – штурмовиками, ИККИ по докладу одного из членов политбюро ЦК КПП Г. Шуберта принял резолюцию, в которой констатировалось «быстрое ослабление фашистского режима, ускоренное обострение противоречий в лагере буржуазии, сужения массовой базы фашистской диктатуры». Все это оценивалось Коминтерном «как признак созревания предпосылок революционного кризиса в Германии». Последующие события показали, что вывод этот не имел под собой серьезных оснований.

Фашизм усиливался во Франции, Австрии, Греции, Испании, Прибалтийских государствах. В этих условиях VII конгресс Коминтерна (июль-август 1935 г.) по докладу Г. Димитрова принял решение о создании народного антифашистского фронта. Подчеркивалась необходимость тесного союза пролетариата с крестьянством, городской мелкой буржуазией, ремесленниками и трудовой интеллигенцией, составляющими костяк населения в промышленно развитых странах. Решения конгресса кардинально меняли прежнюю линию Коминтерна, однако в печатной и устной пропаганде тех лет подчеркивалась неизменность прежних установок (стенограмма VII конгресса не была издана; никакого упоминания о нем не содержалось и в «Кратком курсе истории ВКП(б)», увидевшем свет в 1938 г.).

В конце 30-х годов Сталин уже не скрывал своего негативного отношения к Коминтерну. В феврале 1937 г. он заявил Димитрову: «Все вы там, в Коминтерне, работаете на руку противнику». Репрессии обрушились не только на аппарат и актив Коминтерна, но и на руководимые им организации (Коммунистический Интернационал молодежи, Профинтерн и др.). Были арестованы и казнены Г. Зиновьев, Н. Бухарин. И. Уншлихт, В. Осинский, Х. Раковский, Г. Клиnger, Г. Эберлейн. Ф. Платтен, К. Радек, М. Бородин, Б. Кун и др. Подобные чистки проводились среди венгерских, польских, испанских, германских,

болгарских, китайских, югославских коммунистов-коминтерновцев. Исполком Коминтерна во многом разделял сталинскую политику беспощадного искоренения троцкистско-зиновьевско-бухаринских кадров.

В августе 1940 г. в Мексике испанским коммунистом Р. Меркадером был убит Троцкий. «Акция против Троцкого, – говорил Сталин, санкционируя это политическое убийство, – будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом». По свидетельству П. Судоплатова, заместителя начальника закордонной разведки НКВД, на которого возлагалась задача ликвидации Троцкого, деятельность троцкистов за границей в 30-е годы не сводилась лишь к одной пропагандистской работе. Во время гражданской войны в Испании они организовали мятеж против республиканского правительства в Барселоне в 1937 г.; из троцкистских кругов в спецслужбы Франции и Германии шли «наводящие» материалы о действиях компартий в поддержку Советского Союза.

<b>Советско-американские отношения</b>	16 ноября 1933 г. состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между США и СССР. Оба правительства обязались не субсидировать и не поддерживать военные и другие организации, стремящиеся к насильственному изменению политического или социального строя в одной из стран-участниц соглашения. Таким образом, правительство Ф. Рузвельта отказалось от прежнего тезиса, объявленного весной 1921 г. и соблюдаемого администрацией трех предыдущих президентов о том, что до «фундаментальных изменений во внутренней политике советской власти позиция Вашингтона по отношению к Москве останется неизменной». Объясняя позицию США в вопросе признания СССР, «Нью-Йорк Таймс» отмечала: «Советский Союз представляет барьер против агрессии милитаристской Японии на одном континенте и гитлеровской Германии – на другом». Принимались во внимание и торговые интересы – по данным национальной ассоциации промышленников США, после первой мировой войны объем торговли даже с непризнанным СССР был значительно выше, чем с довоенной Россией. Советские закупки в Америке фабричного оборудования, разного рода машин и автомобилей составляли по сто-
--	--

имости в 1930 г. 114 млн. долл. по сравнению с 25 млн., составлявшими экспорт в Россию в 1913 г.

Дальнейшее сближение обеих стран задерживалось из-за проблемы прежних долгов, с решением которой США связывали весь комплекс американо-советских отношений. Во время переговоров в 1933 г. наркома иностранных дел СССР М. Литвинова и президента США Ф. Рузвельта вопрос о претензиях и контрпретензиях по долгам так и остался неразрешенным. Сторонам не удалось договориться о выплате долгов Временного правительства, о национализированном большевиками после революции имуществе американских граждан, о возмещении убытков, причиненных интервенцией США на севере России. В совместном коммюнике по финансовым вопросам (ноябрь 1933 г.) констатировалось, что советское правительство согласно возместить долги правительства Керенского в сумме не менее 75 млн. долл., но отказывалось от претензий, связанных с пребыванием американских вооруженных сил в Сибири в 1918 г. Со своей стороны, США выразили согласие предоставить СССР крупный заем на 20 лет. Дальнейшие попытки советской стороны разрешить вопрос на основе взаимных уступок окончились безрезультатно. США пытались навязать свои предложения с учетом неблагоприятной для СССР международной обстановки (агрессивная политика Германии в Европе и Японии в Азии), по отношению к которой они занимали позицию нейтралитета, ограничиваясь лишь моральным осуждением агрессоров. Политическое сотрудничество стояло на нуле, торговля не расширялась, советские заказы на строительство военных кораблей и в области авиации выполнялись американскими компаниями медленно. Последняя попытка решить вопрос о долгах и кредитах была предпринята советской стороной в июне 1938 г. во время встречи американского посла Дж. Дэвиса и председателя Совнаркома СССР В. Молотова, на которой присутствовал и Сталин. Она также закончилась безрезультатно. 16 ноября 1938 г. в связи с 5-летней годовщиной восстановления дипломатических отношений с США в «Известиях» была опубликована статья «Два гиганта», в которой выражалось сожаление о том, что два таких крупных государства не выступают единым фронтом на международной арене.

После победы Народного фронта на выборах в феврале 1936 г. в Испании, правые силы во главе с генералом Франко подняли мятеж. С августа 1936 г. начались регулярные поставки германского и итальянского оружия испанским мятежникам.

Осенью 1936 г. численность немецких военных в Испании составляла около 10 тыс. чел. (в основном летчики и обслуживающий персонал, а также танковые, противотанковые и зенитные части). На стороне Франко воевало около 50 тыс. итальянцев. Победа фашистского режима в Испании серьезно ухудшила бы стратегическое положение Франции – союзницы СССР по договору о взаимной помощи от 1935 г. Помимо этого, в предстоящей войне за мировое господство контроль какой-либо из держав над Гибралтаром лишал Францию и Англию коммуникаций, связывавших их с африканскими и азиатскими колониями. Борьба держав в Средиземноморье была на руку Гитлеру, она позволяла Германии спокойно заниматься перевооружением и подготовкой к войне.

Для Советского Союза участие в испанских событиях стало одним из важнейших приоритетов его внешнеполитической деятельности во второй половине 30-х годов. В докладе В. Молотова на сессии ЦИК 10 января 1936 г. подчеркивалось, что вторая мировая война за передел мира практически уже началась и что ее главными зачинателями выступают Япония, Германия и Италия. СССР осудил ремилитаризацию Рейнской области, итальянскую агрессию в Эфиопии и итало-германскую интервенцию в Испании.

5 августа 1936 г. французское правительство направило проект соглашения о невмешательстве в события в Испании Англии, Германии, Италии и СССР. Все дали положительный ответ, выдвигая при этом ряд особых условий. Советское руководство высказало два пожелания: привлечь к данному соглашению Португалию и немедленно прекратить помощь, оказываемую некоторыми государствами испанским мятежникам. Германия и Италия, одоблив проект соглашения о невмешательстве, на практике делали все возможное, чтобы затянуть его официальное подписание. Ставка делалась на выигрыш времени, усиление военной помощи для быстрой победы Франко.

В августе 1936 г. соглашение о невмешательстве в испанские события подписали большинство европейских стран. Пос-



ле того как Советский Союз убедился, что Германия, Италия и Португалия при молчаливом попустительстве Англии и Франции нарушили данное соглашение и создавалась прямая угроза республиканцам, он предпринял ряд шагов.

29 сентября 1936 г. Политбюро одобрило план мероприятий помощи Испании: наряду с созданием за границей специальных фирм для закупки и отправки в Испанию вооружения, боеприпасов и др., предусматривались поставки военной техники на коммерческой основе, в счет доставленного в СССР испанского золотого запаса (из 635 т золота из Испании в Госбанке СССР было депонировано 510 т.). В целом военные поставки СССР в финансовом выражении составляли 202, 4 млн. долл.

Советской помощью Испанской республике руководило разведуправление наркомата обороны СССР в условиях строжайшей секретности. Специальная группа занималась отправкой в Испанию личного состава, боевой техники и снаряжения, сбором и анализом информации о событиях в Испании. Поддержка шла не только по линии военно-технической; военспецы участвовали в создании регулярной армии, в разработке операций и непосредственно в боевых действиях; в подготовке испанских военных кадров. За 1936–1938 гг. из СССР было доставлено в Испанию 648 самолетов, 347 танков, 120 броневых автомобилей, 1186 орудий, 20,5 тыс. пулеметов, около 500 тыс. винтовок и множество боеприпасов. Всего за годы войны в Испанию прибыло 584 советника, в том числе Я. Берзин, Г. Штерн, К. Качанов, К. Мерецков, Я. Смушкевич, Н. Воронов, Р. Малиновский и другие. Кроме советников и инструкторов, в боевых действиях участвовали: 772 летчика, 354 танкиста, около 100 артиллеристов, 77 моряков, 166 связистов, 140 военных инженеров и техников, 204 переводчика, а также небольшие группы саперов и, конечно же, политработников.

Коминтерн помогал Испанской республике и делом, организуя интернациональные бригады, через которые прошло около 50 тыс. добровольцев из 54 стран (в том числе около 9 тыс. французов, 5 – поляков, 5 – немцев, 5 – итальянцев, 3 – добровольцев из США, 2 тыс. англичан и др.).

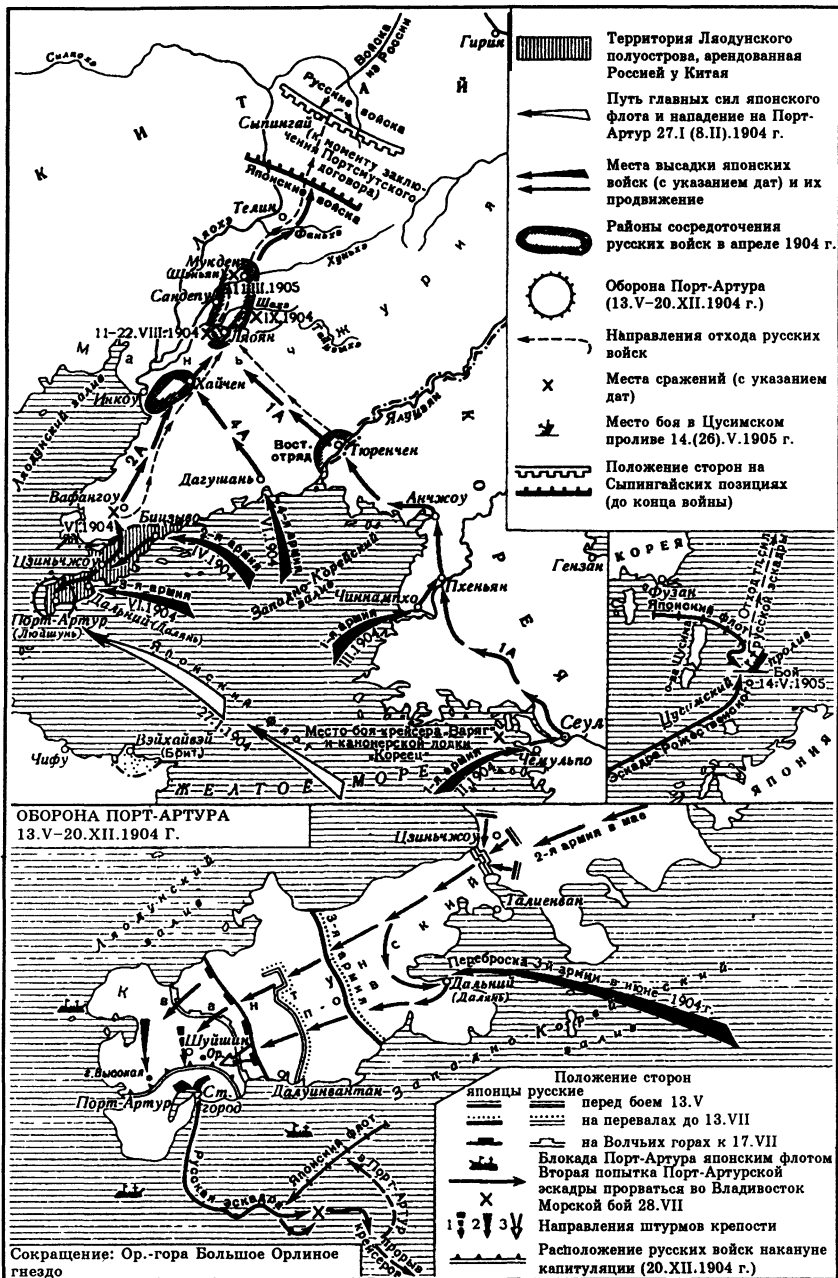
В 1936 г. ИККИ принял резолюцию о том, что компартия Испании должна приложить все усилия для достижения «полной победы демократических и революционных сил над фашиз-

мом и контрреволюцией, укрепления Народного фронта и ни в коем случае не выдвигать социалистических целей».

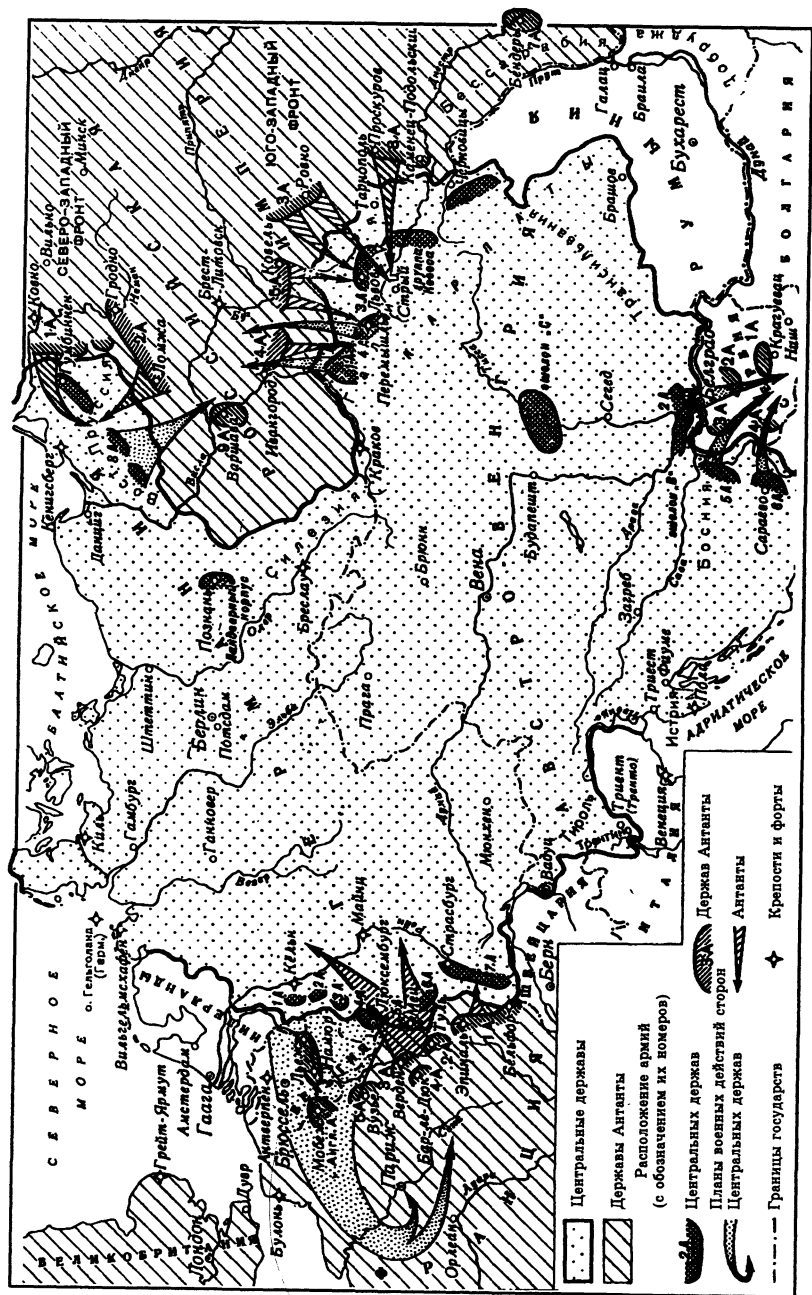
В годы гражданской войны в Испании советская дипломатия предпринимала попытки с помощью мирового сообщества прекратить вмешательство Италии и Германии в этот конфликт, сорвать военно-экономическую блокаду республики. Но политика умиротворения, стойкий антикоммунизм и страх большевизации Испании удержали Англию и Францию от совместных действий против Франко.

### Вопросы и задания

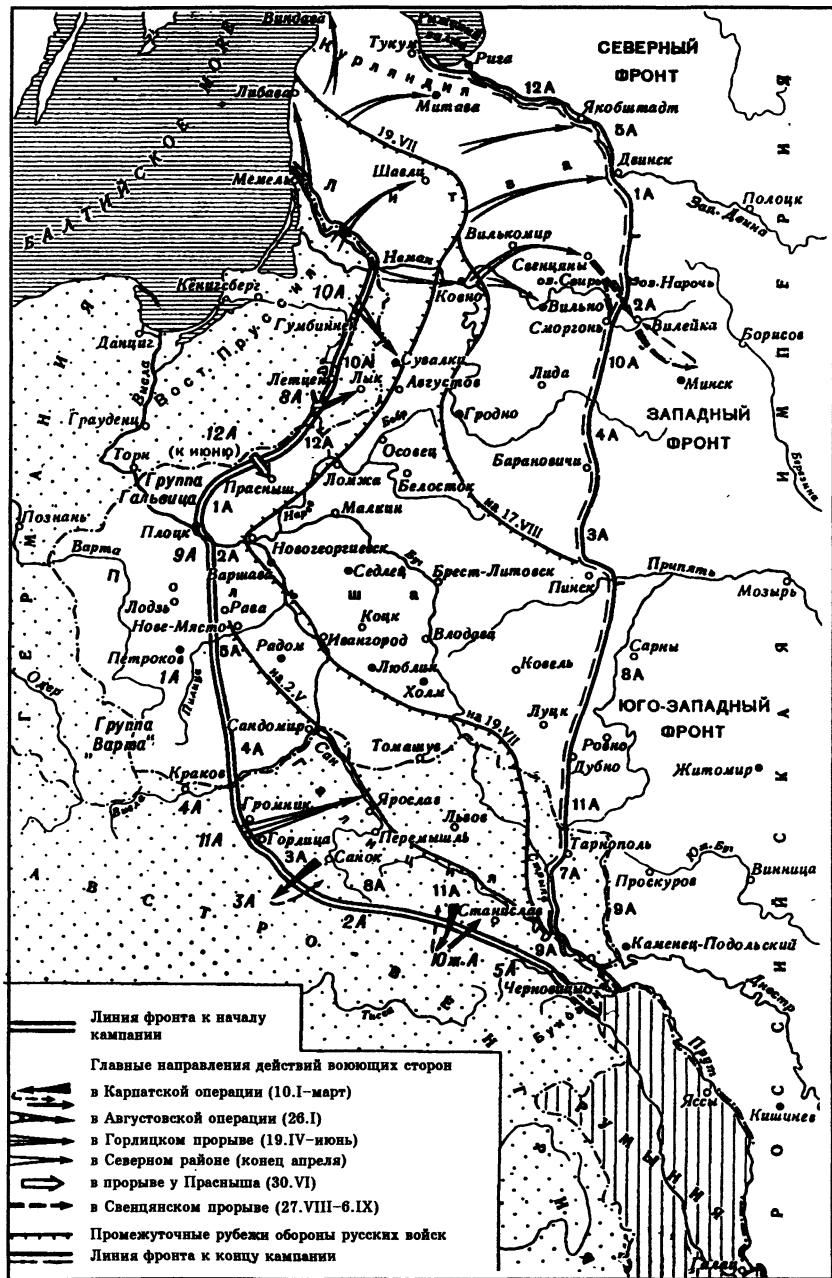
- Какие изменения произошли на международной арене между странами Четверного союза и Антантой после победы большевистской революции в России, проанализируйте первые международные инициативы советского правительства и дайте их оценку.
- Какие задачи ставили перед собой на Врест-Литовских переговорах страны Четверного союза и Советская Россия; изложите основные статьи Брестского мирного договора. Укажите, к каким последствиям во внутри- и внешнеполитическом положении советской республики привело заключение этого договора.
- Назовите главные причины, которые способствовали военной интервенции Антанты и США в Россию; укажите какие цели преследовали интервенты.
- Какие обстоятельства способствовали созданию Дальневосточной республики? Чем определялись взаимоотношения между ДВР и Советской Россией? Раскройте характер этих взаимоотношений.
- Объясните основные статьи мирных договоров РСФСР с Прибалтийскими государствами и странами Востока.
- Охарактеризуйте внешнеполитические акции советского государства, проводимые по линии Коминтерна в 20–30-е годы; укажите цели этой политики, способы и методы ее реализации.
- Назовите основные статьи Рижского мирного договора и причины, заставившие советское правительство пойти на территориальные уступки Польше.
- Какие исторические обстоятельства и события заставили капиталистические страны признать правительство СССР?
- Охарактеризуйте взаимоотношения СССР и Германии в 20-е годы; цели, формы и масштабы их сотрудничества в экономической и военной областях, раскройте основные противоречия между СССР и западными державами, которые не позволили создать в Европе во второй половине 30-х годов действенную систему коллективной безопасности.
- Какие политические факторы определили участие СССР в гражданской войне в Испании, укажите конкретные формы и масштабы советской помощи Испанской республике?
- Перечислите основные вехи советско-китайских отношений в 20–30-е годы.



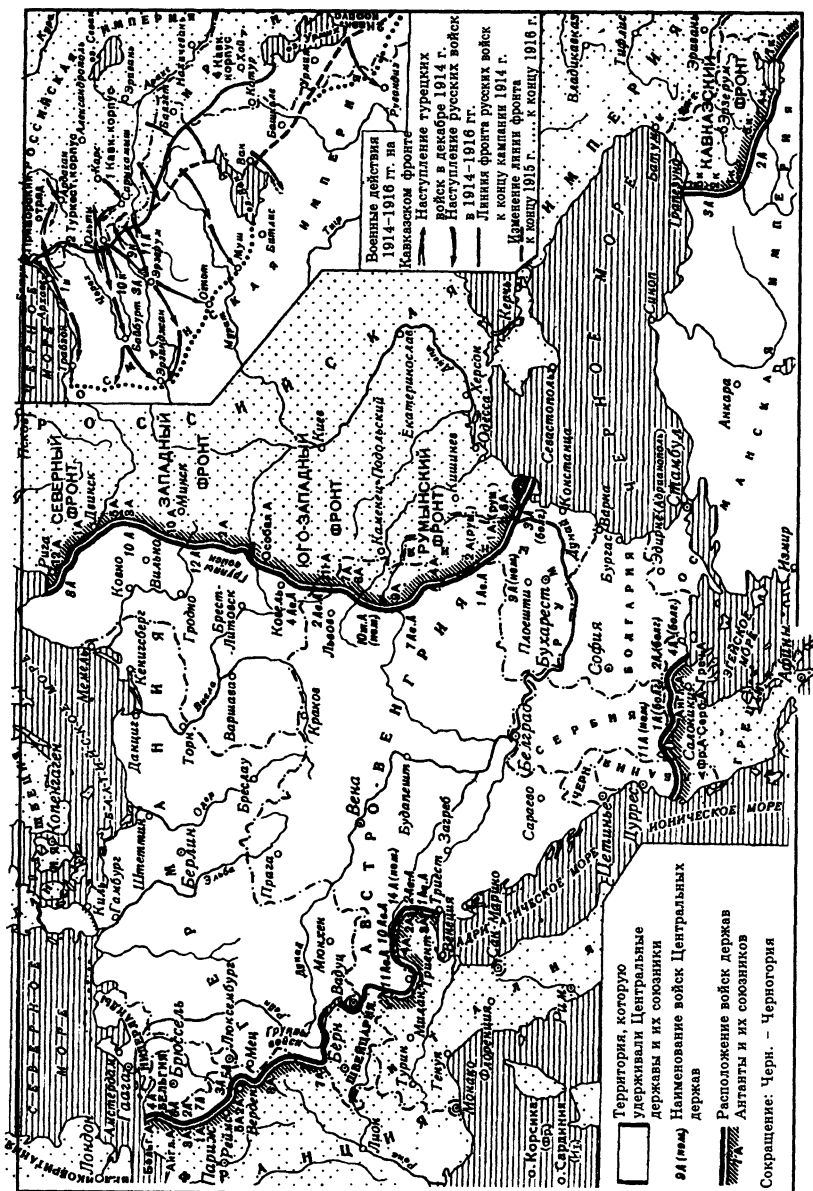
## Русско-японская война



## Планы военных действий и развертывание армий центральных держав и Антанты в августе 1914 года



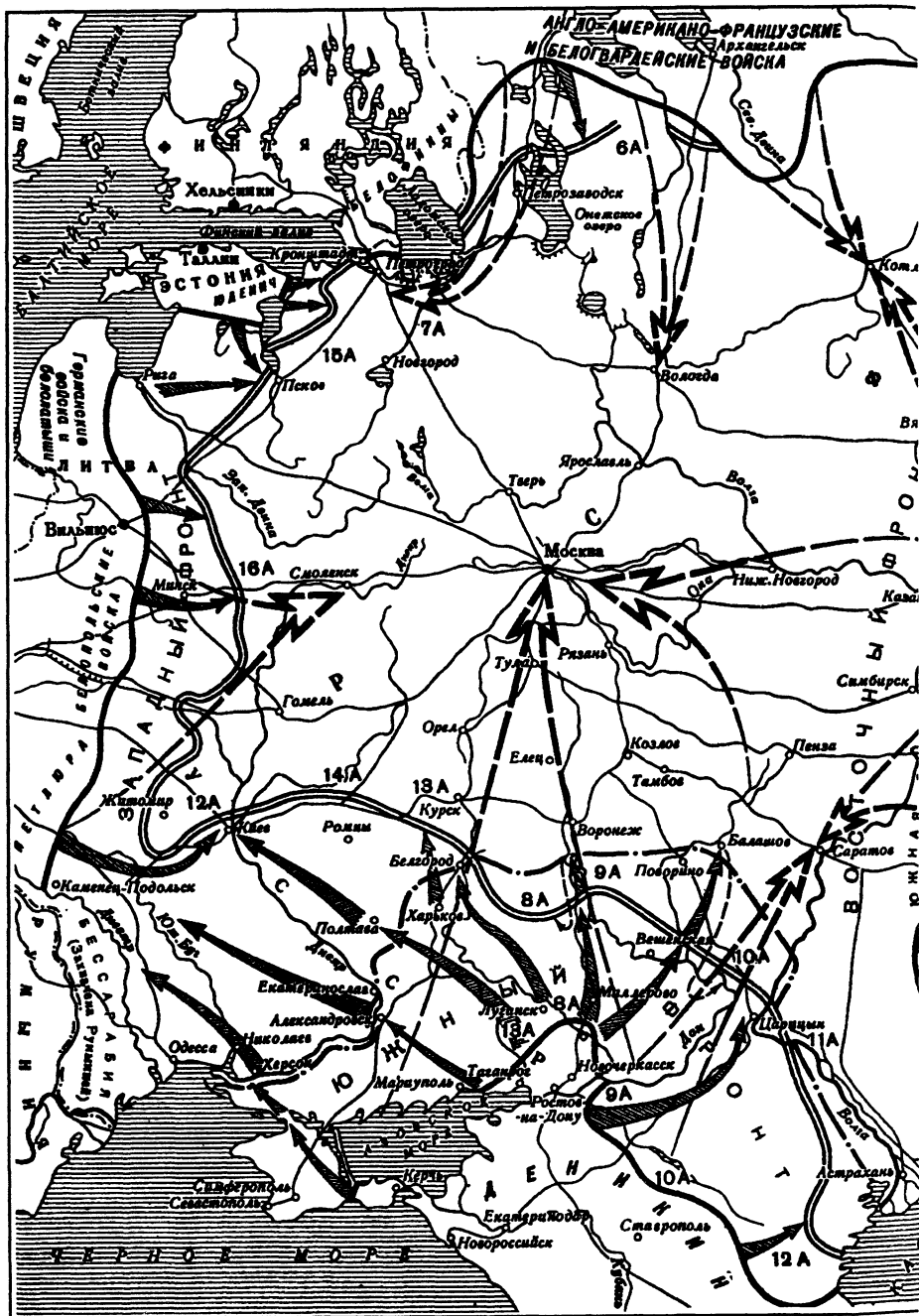
Кампания 1915 г. на русском фронте



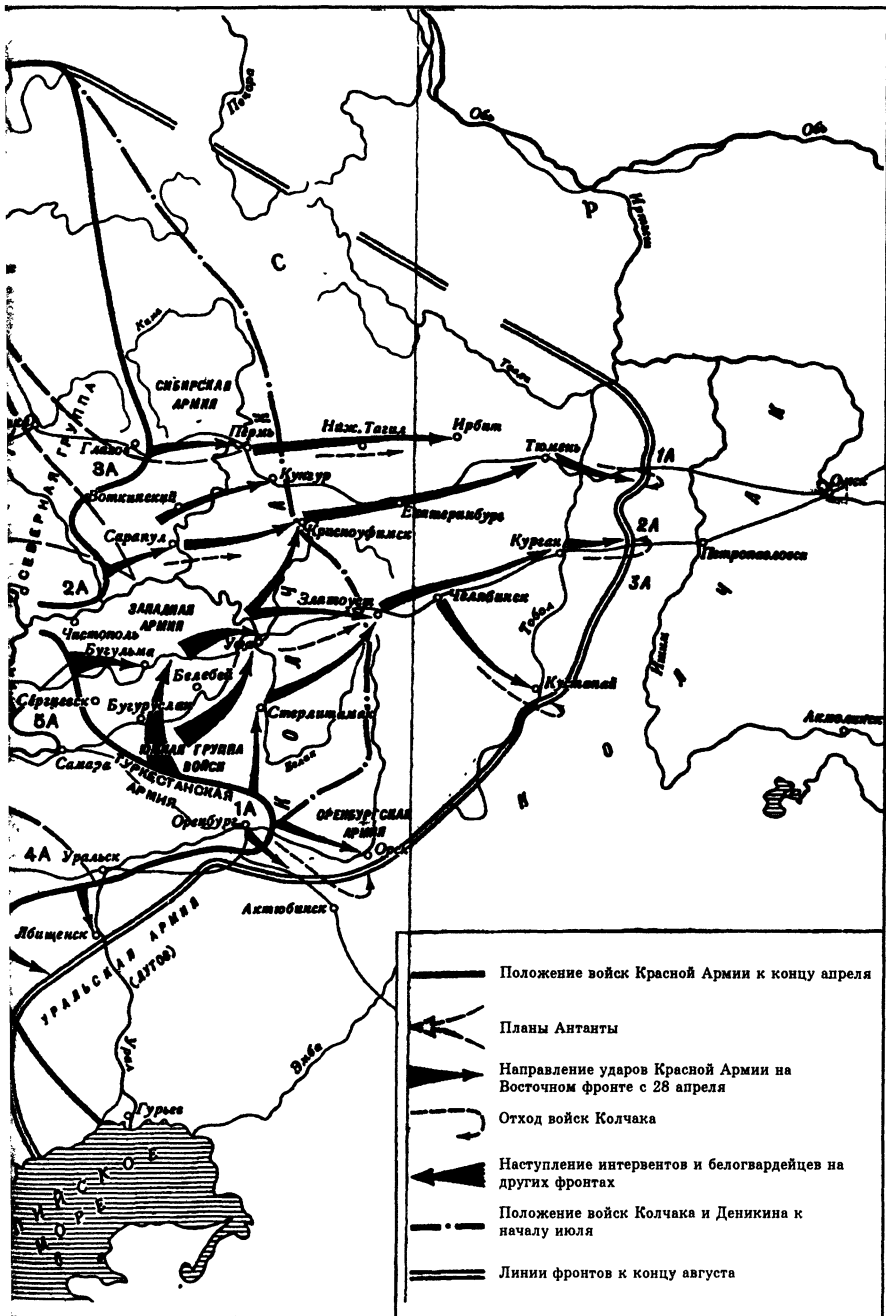
Военная обстановка в Европе в начале 1917 г.  
Военные действия на Кавказском фронте в 1914-1916 гг.



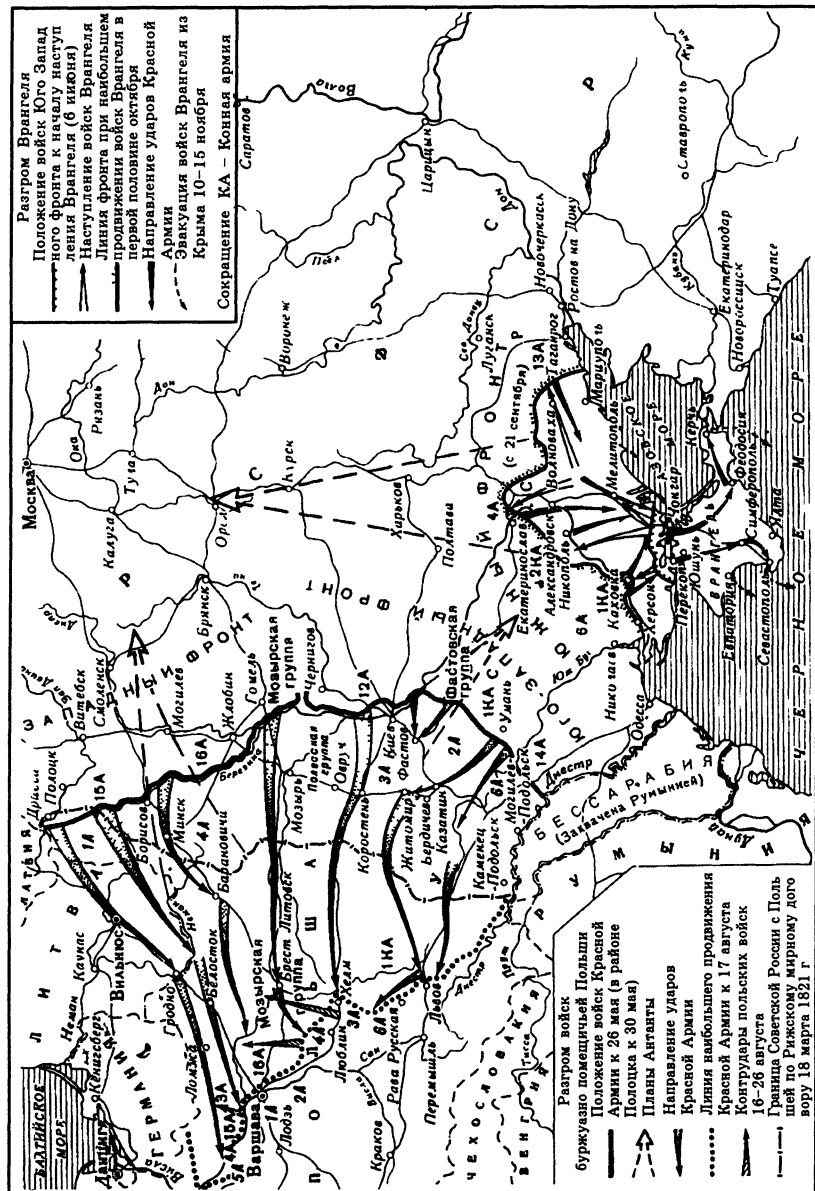
Положение советской республики к сентябрю 1918 г.







Колчака. Апрель-август 1919 г.



Война с буржуазно-помещичьей Польшей и разгром Врангеля в 1920 г.

Предисловие .....	3
-------------------	---

## РАЗДЕЛ I. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

<b>Глава 1.</b>	<b>Население страны</b>	
§ 1.	Демографический очерк .....	7
	Рост населения (7). Переселения и эмиграция (8).	
§ 2.	Национальный состав .....	10
	Численность народов и религиозный состав (10). Националистическое движение на Украине (15). О тезисе: Россия – тюрьма народов (16).	
§ 3.	Социальная структура .....	17
	Дворянство (18). Крупная буржуазия (22). Крестьянство России (23). Рабочий класс (26). Интеллигенция (29).	
§ 4.	Материальное положение разных социальных групп .....	30
	Положение служащих и интеллигенции (33)	
	Вопросы и задания .....	36

<b>Глава 2.</b>	<b>Экономика России</b>	
	<b>§ 1. Развитие промышленности .....</b>	<b>37</b>
	Промышленный подъем 1893–1900 гг. (37). Период промышленного кризиса и депрессии (1901–1908) (39). Промышленный подъем 1909–1913 гг. (42). Монополизация промышленности. Формирование финансового капитала (1910–1913) (45).	
	<b>§ 2. Сельское хозяйство .....</b>	<b>51</b>
	Рост сельскохозяйственного производства (51). Столыпинская аграрная реформа (52). Выделы из общины и землеустройство (56). Переселение крестьян на окраины (59). Итоги столыпинской реформы (60).	
	<b>Вопросы и задания .....</b>	<b>63</b>

<b>Глава 3. Российское государство: от самодержавия к думской монархии</b>	
§ 1. Внутренняя политика в начале XX века .....	65
Николай II как глава государства (65). Ближайшее окружение Николая II (69). Разработка программы внутриполитического курса (73). Крестьянский вопрос (75). Зубатовщина и ее значение (76). Рабочее движение (78). Крестьянское движение (79). Власть и общество в 1904 г. Радикализация либерального движения (80).	

§ 2. Основные этапы первой российской революции .....	85
«Кровавое воскресенье». Начало революции (85). Второй этап революции (май-август 1905 г.) (87). Высший подъем революции (октябрь-декабрь 1905 г.) (88). Вооруженное восстание в декабре 1905 г. (89). Власть и «общество» в 1905 г. (90).	
§ 3. Думская монархия .....	98
Изменение государственного строя (98). Высшие органы исполнительной власти (100). Создание политических партий (102). Начало российского парламентаризма (105).	
Вопросы и задания .....	109

#### Глава 4. Внешняя политика России

§ 1. Международное положение. Дальневосточная политика .....	110
Дальневосточная политика царизма (112).	
§ 2. Русско-японская война .....	116
Начало войны (119). Героическая оборона Порт-Артура (121). Поражение России (123).	
§ 3. Внешняя политика в 1906–1914 гг. ....	126
Россия в системе международных отношений после 1906 г. (126). Политика соглашений в действии. Присоединение России к Антанте (130). Обострение отношений с австро-германским блоком (133).	
Вопросы и задания .....	142

### РАЗДЕЛ II. РОССИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКИХ ПОТЯСЕНИЙ

#### Глава 5. Россия в первой мировой войне (лето 1914 – февраль 1917 гг.)

§ 1. Начальный период войны .....	145
Вступление в войну Российской империи (145). Планы сторон (148). Военный потенциал России (151). Кампания 1914 года (154). Война и русское общество (158).	
§ 2. Фронт и тыл в 1915 г. ....	162
Великое отступление (162). Мобилизация хозяйства (163). Кризис власти летом-осенью 1915 г. (166).	
§ 3. Перед катастрофой .....	170
Военные операции 1916 г. (170). Внутриполитическая обстановка в стране (173). Накануне революции (конец 1916 – начало 1917 гг.) (177).	
Вопросы и задания .....	182

#### Глава 6. Российская революция 1917 г.

§ 1. Февральский переворот .....	184
Народные выступления в Петрограде (23–26 февраля) (184). Свержение самодержавия (27 февраля – 3 марта) (187). Историческая оценка Февраля (194).	

§ 2. Общественно-политическая обстановка в стране весной 1917 г. ....	195
Организация власти в центре и на местах (195). Многопартийность и политическая борьба (199). Внутренняя и внешняя политика Временного правительства (203).	
§ 3. Нарастание кризиса летом 1917 г. ....	208
Социальная напряженность и раскол революционной демократии (208). Июльские события (213). Выступление Корнилова и его последствия (216).	
§ 4. Углубление дестабилизации российского общества в сентябре-октябре 1917 г. ....	223
Кризисные явления в народном хозяйстве (223). Социальные конфликты в городе, армии и деревне (226). Последний виток кризиса власти: Директория, Всероссийское демократическое совещание, Предпарламент (234).	
§ 5. Октябрьско-ноябрьские события в Петрограде и Москве: большевики берут власть ...	241
Большевики меняют тактику борьбы за власть (241). Деятельность правительства, военных властей и подготовка большевиками восстания (247). Вооруженное выступление большевиков в Петрограде. II Всероссийский съезд Советов (252). Поход на Петроград Керенского—Краснова и его неудача. Юнкерский мятеж в столице (266). «Кровавая неделя» в Москве (269).	
§ 6. Установление новой власти в российской провинции .....	276
Историографический экскурс (276). Советско-земские, советско-думские, советско-профсоюзные и иные коалиционные органы власти в провинции (278). Почему большевики взяли верх? (282).	
Вопросы и задания .....	286

## Глава 7. Гражданская война

§ 1. Внутренняя политика большевистского правительства на начальном этапе гражданской войны (ноябрь 1917 – лето 1918 гг.) ...	288
От конфронтации с ВИКЖелем к союзу с левыми эсерами (288). Распуск Учредительного собрания (290). Создание новой государственности (293). Организация управления промышленностью (294). Первые аграрные преобразования (299). Продовольственная диктатура (301). Мятеж левых эсеров (303). Первая Советская Конституция (305).	
§ 2. На фронтах гражданской войны (1918–1920 гг.) .....	306
Создание Красной Армии (306). Борьба с «демократической контрреволюцией» (308). На Восточном и Южном фронтах (311). Война с Польшей (316). Разгром Врангеля (318). Третья сила (321). Кронштадтский мятеж (322). Причины победы большевиков в гражданской войне (324).	

§ 3. В годы военного коммунизма .....	327
Власть и крестьянство (328). Милитаризация промышленности (333). Рабочие в годы военного коммунизма (336). Политическая система (341). Кризис военно-коммунистической системы и необходимость перехода к нэповскому курсу (345).	
§ 4. Белое дело .....	348
Рождение Добровольческой армии. I-й Кубанский («ледяной») поход (348). Реформаторская деятельность П. Врангеля. Значение Белого дела (360).	
§ 5. На руинах империи .....	363
Вопросы и задания .....	374

### РАЗДЕЛ III. ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКО-АВТОРИТАРНОГО ОБЩЕСТВА (часть 1)

#### Глава 8. Советское государство в 20-е годы

§ 1. Социально-экономическое развитие страны в 1921–1927 гг. ....	377
Условия и особенности перехода к нэпу (377). Допущение частно-посреднической торговой деятельности (381). Состояние финансово-денежной системы в 1921–1922 гг. (383). Денежная реформа 1922–1924 гг. (385). Частное предпринимательство в промышленности (388). Трестирование государственной индустрии (389). Синдицирование трестов и предприятий (390). Особенности восстановления промышленности (392). Концессионная политика (393). Проблемы сельскохозяйственной эволюции и переход к нэпу (395). Начало нового этапа аграрной политики. Земельный кодекс 1922 г. (396). Аграрное перенаселение (397). Основные направления землеустроительной политики (398). Особенности развития крестьянского хозяйства в 20-е годы (399). Налоговый режим в деревне 20-х годов (401). Построение промежуточных организационно-хозяйственных звеньев (405). Кооперативная политика в деревне (406). Социально-экономические функции сельской общины (407). Крестьянство о социально-экономической политике Советской власти (409).	
§ 2. Политическая жизнь .....	412
Потребность в реформах (412). «Оживление» Советов (414). Конституция СССР (417). Военная реформа (418). Упорядочение законодательства (420). Изменения в партии (421). Формирование государственной бюрократии (426). Общественные организации (427). Судьба оппозиционных партий (429). Краткие итоги (431). Образование СССР (432). Вопросы и задания .....	
	441

## Глава 9. Советская внешняя политика (октябрь 1917–1937 гг.)

§ 1. Советская внешняя политика в годы революции и гражданской войны .....	442
Декрет о мире (442). Брест-Литовские переговоры (443). Брестский мир и его последствия (446). Завершение пер- вой мировой войны. Версальский мирный договор (449). 14 пунктов Вильсона (451). Военная интервенция Антанты и США (452). Продолжение интервенции Японии на Востоке и образование ДВР (455). Договоры РСФСР с Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией (458). Советско-польские отношения и заключение Рижского мира (459). Советская внешняя политика и Коминтерн (461). Установление но- вых отношений со странами Востока (463).	
§ 2. Внешняя политика советского государства в 1921–1937 гг. ....	465
Установление дипломатических отношений с государства- ми Европы и Азии (465). Советско-китайские отношения (469). Советская дипломатия во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов (473). Стратегия Коминтерна в конце 20-х — 30-е годы (475). Советско-американские от- ношения (478). Участие СССР в гражданской войне в Ис- пании (480).	
Вопросы и задания .....	482